9/31

МОНОГРАФІИ

ПО ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ

И

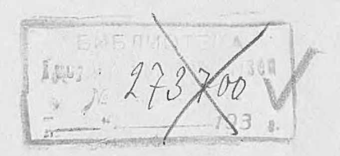
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

В. Б. АНТОНОВИЧА.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.
Типографія Е. Я. Федорова Крещатицкая площ. собствен. домъ.
1885.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 Марта 1885 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

ДО СМЕРТИ В. К. ОЛЬГЕРДА.

Въ половинѣ тринадцатаго столѣтія на западной окраинѣ восточной европейской равнины стало слагаться новое государство; изъ невѣдомой почти до того времени, лѣсной страны, залегавшей бассейнъ Нѣмана, выдвигается воинственное молодое племя, сохранившее долѣе другихъ индоевропейскихъ народовъ черты самобытной дохристіанской культуры Арійцевъ. Съ удивительною быстротою племя это стремится создать обширный политическій организмъ и проявить въ немъ богатый запасъ энергіи и дѣятельности; историческія обстоятельства облегчаютъ ему въ значительной степени достиженіе этой цѣли и отдаютъ въ его распоряженіе обширную территорію, населенную родственнымъ ему и гораздо болѣе развитымъ и цивилизованнымъ племенемъ. Менѣе чѣмъ за столѣтіе слагается обширное государство— великое княжество Литовское—по видимому грозное для сосѣдей и располагавшее значительными силами и средствами. Не смотря однако на видимое внѣшнее могущество, на обширную и многолюдную территорію, вошедшую

Прим. „Очеркъ" этотъ былъ помѣщенъ въ Кіевскихъ Университетскихъ извѣстіяхъ за 1878 годъ. Въ томъ же изданіи за 1882 г. напечатанъ весьма подробный и обстоятельный разборъ этого труда, составленный Н. П. Дашкевичемъ. Считаю долгомъ выразить искреннюю и глубокую признательность почтенному рецензенту за то серьезное вниманіе, которымъ онъ удостоилъ мою работу, равно какъ и за тщательную научную провѣрку моихъ положеній. Нѣкоторыми фактическими указаніями г. Дашкевича я воспользовался при настоящемъ изданіи. Въ объясненіи и характеристикѣ отдѣльныхъ эпизодовъ мы не всегда согласны съ почтеннымъ рецензентомъ; представляя компетентнымъ судьямъ рѣшить спорные вопросы въ пользу моихъ положеній или въ пользу весьма тщательно обставленныхъ въ научномъ отношеніи доводовъ Н. П. Дашкевича, я полагаю, что наше разногласіе можетъ лишь послужить къ болѣе всестороннему обсужденію данныхъ историческихъ вопросовъ, и слѣдовательно, къ вящшей научной пользѣ.

въ его составъ, на энергію господствовавшаго племени и на старую культуру племени подчиненнаго, на блестящія дарованія большинства своихъ представителей, великое княжество Литовское также быстро ослабѣваетъ и разрушается, какъ быстро возникло. Внутреннее безсиліе поражаетъ этотъ, по видимому, могучій политическій организмъ; едва онъ успѣлъ сложиться, онъ ищетъ уже посторонней точки опоры, подчиняется вліянію сосѣдняго государства, гораздо болѣе слабаго матеріально и совершенно ему чуждаго по культурѣ; подъ давленіемъ его, медленно, почти безъ борьбы, Литовское княжество замираетъ, укладываясь въ бытовыя и общественныя формы, выработанныя на совершенно чуждыхъ ему началахъ и при такихъ историческихъ условіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго съ ходомъ его собственной исторіи.

Причины этого внутренняго разлада лежали въ тѣхъ же условіяхъ, которыя вызвали и сопровождали ростъ внѣшняго могущества великаго княжества Литовскаго:—въ быстротѣ этого роста и въ племенной разновидности двухъ этнографическихъ типовъ, вошедшихъ въ составъ одного политическаго тѣла: эти два національныя начала, сливаясь внѣшнимъ образомъ, не имѣли времени для того, чтобы взаимно уразумѣть въ достаточной степени бытовыя, сложившіяся у каждаго изъ нихъ, формы, чтобы взаимно пополнить положительными качествами каждаго изъ нихъ слабыя стороны своего развитія и чтобы слиться, такимъ образомъ, въ одно органическое тѣло. Связь между ними остается внѣшнею, вызванною, почти исключительно, политическими обстоятельствами и отношеніями. Заимствованіе бытовыхъ началъ происходитъ безъ выбора, случайно и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ неудачно; рознь племенная, опирающаяся на отличительныя бытовыя различія двухъ племенъ, не сглаживается. Притомъ необходимость интензивной внѣшней борьбы съ крестоносцами отвлекаетъ ежеминутно вниманіе лучшихъ и самыхъ даровитыхъ правителей отъ занятій внутреннею плодотворною организаціею государства, и, нерѣдко, принуждаетъ ихъ къ поступкамъ и мѣропріятіямъ, не согласнымъ съ интересами ихъ внутренней политики. Среди безконечныхъ битвъ, походовъ и политическихъ сдѣлокъ съ могущественнымъ и опытнымъ противникомъ, внутреннія дѣла государства предоставляются на волю судьбы и установившихся обычаевъ. Первое время существованія этого государства, до половины XV столѣтія—время полной самостоятельности, быстраго роста и самаго большого проявленія внѣшней силы и могущества великаго княжества Литовскаго, представляетъ въ отношеніи исторіи внутренней его организаціи: при болѣе даровитыхъ правителяхъ—рядъ попытокъ не доконченныхъ, и потому не удачныхъ, къ сплоченію посредсвомъ государственной власти разнородныхъ элементовъ, связанныхъ внѣшними условіями; при правителяхъ-же менѣе даровитыхъ, болѣе субъективныхъ, или болѣе слабыхъ,—рядъ вспышекъ интензивной внутренней борьбы, которая наконецъ разрѣшается совершеннымъ ослабленіемъ обѣихъ боровшихся сторонъ, сознаніемъ взаимнаго безсилія, апатіею и обращеніемъ къ

постороннему вмѣшательству, навязавшему обѣимъ сторонамъ чуждыя для нихъ бытовыя формы.

Отношенія двухъ началъ, этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, попытки къ ихъ взаимному сближенію и взаимное ихъ воздѣйствіе другъ на друга, составляютъ главный интересъ, преисполненный по временамъ высокаго драматизма, исторіи великаго княжества Литовскаго въ указанный періодъ времени. Воспроизведеніе условій, при которыхъ слагалась въ это время общественная жизнь великаго княжества Литовскаго, на сколько это возможно при неполнотѣ и разрозненности дошедшихъ до насъ источниковъ, и составитъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

I

Литва и Русь до начала XIV столѣтія.

Первая попытка къ образованію Литовскаго государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое появленіе Литовцевъ на русской территоріи случились въ половинѣ XIII столѣтія; попытка эта увѣнчалась окончательнымъ успѣхомъ только въ началѣ XIV, обобщивъ подъ властью князей изъ литовскаго рода почти всю западную половину русской земли. Для болѣе яснаго представленія послѣдующихъ событій, необходимо собрать въ краткомъ очеркѣ какъ ходъ этого движенія, такъ и дошедшія до насъ свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи находились оба племени до того времени, пока вошли въ составъ одного государства.

Исторія застаетъ Литовское племя разселеннымъ на Балтійскомъ поморіи, между устьями Вислы и Западной Двины. Въ глубь материка Литовцы врѣзываются клиномъ между Славянъ, занимая нижнюю половину бассейна Западной Двины, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, почти весь бассейнъ Нѣмана и, достигая крайними западными поселеніями до низовьевъ Вислы и южными—до средняго теченія Западнаго Буга. За исключеніемъ небольшаго пространства у устьевъ Западной Двины, гдѣ Литовцы соприкасались съ финскимъ пленемъ—Ливами, на всемъ остальномъ протяженіи своихъ границъ Литовское племя было сопредѣльно съ Славянами: на юго-восточной границѣ—съ русскими племенами: Кривичами и Дреговичами, на югозападной—съ польскими: Мазовшанами и Поморянами. Такое географическое положеніе, при относительной малочисленности Литовскаго племени и при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ границъ, должно было поставить судьбу Литовцевъ въ зависимость отъ исторической судьбы Славянъ и ввести ихъ раньше или позже въ Славянскій міръ, въ роли страдательной или активной, смотря по теченію историческихъ событій. Дѣйствительно въ

продолженіи долгаго времени Литовцамъ принадлежитъ роль исключительно пассивная, и только, подъ давленіемъ рѣшительной политической необходимости, они очень поздно переходятъ къ роли дѣятельной по отношенію къ Славянамъ.

Древнѣйшія извѣстія о Литовцахъ свидѣтельствуютъ о давнемъ занятіи ими указанной территоріи: послѣ ея занятія Литовское племя успѣло уже развить нѣсколько этнографическихъ типовъ и подраздѣлиться на нѣсколько народовъ, извѣстныхъ сосѣдямъ подъ особенными названіями.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, мы можемъ указать въ X—XI столѣтіяхъ слѣдующія народы, на которые распадалось тогда Литовское племя: на сѣверной оконечности Литовской территоріи, на правой сторонѣ Западной Двины, между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и предѣлами чудскихъ народцевъ: Эстовъ и Ливовъ, жило племя, называемое въ Русскихъ лѣтописяхъ Летыголою (нынѣшніе Латыши). Вдоль лѣваго Берега Двины, отъ средняго ея теченія и до моря, простирался другой Литовскій народъ—Жемгала, упоминаемый въ этнографическомъ перечнѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, впослѣдствіи извѣстный, вслѣдствіе латинской транскрипціи ихъ имени, подъ названіемъ Семигалловъ (Semigallia). Выдающійся къ сѣверу, между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ, полуостровъ занятъ былъ третьимъ литовскимъ народомъ, носящимъ названіе Корси—въ русскихъ лѣтописяхъ и Куроновъ—въ сказаніяхъ западныхъ писателей. Въ центрѣ поселеній Литовскаго племени, по бассейну Нѣмана, размѣстились два народа: Жмудь—на нижнемъ теченіи этой рѣки, на ея притокахъ: Дубисѣ и Невяжѣ и на поморьи у ея устья и Литва (имя которой впослѣдствіи сдѣлалось генетическимъ названіемъ всего племени)—на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Виліи. Эти два народа, болѣе многочисленные и занимавшіе центръ поселеній всего племени, призваны были теченіемъ историческихъ событій стать во главѣ борьбы за племенную самостоятельность и имъ собственно принадлежала иниціатива въ составленіи Литовскаго государства. Къ западу отъ Жмуди, вдоль морскаго берега, между устьями Нѣмана и Вислы, простирались поселенія десяти колѣнъ Прусскаго народа; Пруссы, выдаваясь длинною тесьмою на западъ, раньше другихъ стали извѣстны западнымъ сосѣдямъ Литовцевъ: Славянамъ и Нѣмцамъ [1]). Вслѣдствіе географическаго

---

[1]) Къ Пруссамъ относится древнѣйшее, дошедшее до насъ свидѣтельство о пребываніи Литовскаго племени на европейскомъ континентѣ; если мы сблизимъ названія двухъ прусскихъ колѣнъ: Судиновъ и Галиндовъ, съ двумя именами, помѣщенными Птоломеемъ въ его перечнѣ народовъ, населявшихъ европейскую Сарматію, то, можетъ быть съ нѣкоторою достовѣрностью, можемъ видѣть въ его указаніи первое по времени (II ст. п. Р. X.) свидѣтельство о Литовцахъ; вотъ отрывокъ изъ перечня Птоломея: (Lib. III, cap. 5): Minores autem gentes tenent Sarmatiam penes Vistulam quidem flu-

положенія своей страны, Пруссы весьма рано должны были вступить въ борьбу съ иноплеменными сосѣдями для защиты своей самобытности, и потому они раньше и полнѣе другихъ народовъ Литовскаго племени развили своеобразные признаки первобытной народной культуры; у Пруссовъ собственно получили значительное развитіе народные миѳы Литовскихъ вѣрованій; у нихъ выработалось и установилось жреческое сословіе, составлявшее въ продолженіи долгаго времени единственную объединительную связь между всѣми колѣнами и народами Литовскаго племени; наконецъ у Пруссовъ сложились эпическія народныя сказанія (о Вайдевутѣ и Прутенѣ), воспѣвавшія древнюю борьбу Пруссовъ съ Мазовшанами, ихъ порабощеніе послѣдними, освобожденіе отъ рабства вслѣдствіе развитія у Пруссовъ культурныхъ общественныхъ началъ: правильнаго культа боговъ, жреческаго сословія, правильнаго семейнаго союза и т. д., а также преданія о древнѣйшемъ разселеніи всего Литовскаго племени. Наконецъ, примыкая къ южнымъ закраинамъ собственной Литвы, узкимъ и длиннымъ клиномъ между Славянскими племенами: Мазовшанами и Дреговичами—простирались поселенія послѣдняго Литовскаго народа—Ятвяговъ, достигавшія до западнаго Буга и, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княженія.

Всѣ перечисленныя вѣтви Литовскаго племени составляли отдѣльные народы только въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Объединяющей политической власти не существовало до XIII ст. не только у отдѣльныхъ народовъ, но и у отдѣльныхъ колѣнъ, на которыя распадались эти народы. Характерическая черта быта Литовцевъ состояла въ отсутствіи первыхъ началъ государственности, выразившейся у Славянъ возникновеніемъ городовъ, т. е. центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждаго племени, гдѣ обсуждались общественныя дѣла и откуда истекали рѣшенія, которымъ подчинялись тянувшія къ городамъ племена. Русскія лѣтописи, передавая уже съ X вѣка свѣдѣнія о походахъ русскихъ князей на Литву, не упоминаютъ о городахъ на Литовской территоріи [1]). Это отсутствіе горо-

---

vium: sub Venedis—Gythones sunt. Post Phinni, post Bulanes, sub quibus Phrungundiones. Post Avarini, juxta caput Vistulae amnis, sub quibus Ombrones. Post Anartophracti, post Burgiones, post Arsietae, post Saboci, post Piengitae et Biessi penes Carpatum montem Jis omnibus orientales sunt, sub Venedis quidem iterum—G a l i n d a e e t S u d e n i.

[1]) Вотъ извѣстія записанныя Русскими лѣтописями о походахъ русскихъ князей на Литву до половины XII ст.:—983 иде Володиміръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и всю землю ихъ.

—1106. Побѣдиша Зѣмгола Всеславича и всю братію и дружину; убиша ихъ 9 тысячъ.

—1112. Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я.

—1038. Иде Ярославъ на Ятвяги.

—1040. Ярославъ иде на Литву.

довъ гораздо болѣе наглядно указано польскими лѣтописцами, при описаніи походовъ польскихъ князей на Пруссовъ и Ятвяговъ; такъ въ хроникѣ Мартына Галла, подъ 1110 годомъ, описанъ походъ Болеслава III на Пруссовъ слѣдующими словами: „Болеславъ вошелъ въ ихъ землю зимою, по льду замерзшихъ озеръ и болотъ, представлявшихъ единственный путь въ ихъ страну; но, переправившись черезъ озера и болота и достигнувъ населенной страны, онъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ; онъ не могъ занять *ни замковъ, ни городовъ, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ*, ибо страна защищена только естественнымъ мѣстоположеніемъ своимъ, составляя острова среди озеръ и болотъ: вся земля распредѣлена тамъ по жребію въ потомственное пользованіе жителямъ земледѣльцамъ. И такъ, воинственный Болеславъ, пройдя въ разныхъ направленіяхъ по странѣ этого варварскаго народа, собралъ огромную добычу, увелъ въ рабство безчисленныхъ мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, рабовъ и рабынь, сжегъ многія села и постройки (aedificia villasque multas) и безъ бою, съ добычею возвратился въ Польшу“ [1]). Точно такуюже характеристику литовскихъ областей даетъ другой польскій лѣтописецъ, Викентій Кадлубекъ, при описаніи походовъ польскихъ князей на Пруссовъ и Ятвяговъ; такъ, описывая вторженіе польскаго герцога Болеслава Кудряваго въ Пруссію (1167) онъ говоритъ: „Болеславъ, собравъ многочисленный отрядъ войска, рѣшился предпринять походъ въ землю Гетовъ (Пруссовъ), недоступную по своему мѣстоположенію, хотя вовсе не укрѣпленную искусствомъ“ [2]). Длугошъ, описывающій болѣе подробно этотъ походъ, прибавляетъ: „уже вожди и войско польское проникли внутрь страны, жестоко истребляя народонаселеніе: взрослыхъ и отроковъ, и предавая пламени многочисленные хутора и села“ (villas et vicos) [3]). Въ описаніи похода польскаго герцога Казимира Справедливаго на Ятвяговъ (1192) Кадлубекъ говоритъ слѣдующее объ области, занятой этимъ Литовскимъ племенемъ: „Поллексіяне (Ятваги)— одно изъ племенъ Гетовъ или Пруссовъ, народъ жестокій и болѣе свирѣпый чѣмъ дикіе звѣри; страна ихъ не доступна по причинѣ обширныхъ пущъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и вязкихъ болотъ“. Поляки, ворвавшись въ страну эту, „предавали пламени: храмы, мызы, села, возвышавшія-

—1044. Ходи Ярославъ на Литву и на весну заложи Новгородъ.

—1059. Побѣди Изяславъ Голяди.

—1132. Ходи Мстиславъ на Литву съ сыни своими, и съ Ольговочи, и съ Всеволодомъ Городенскимъ, и пожегоша я, и сами ся росхорониша.

[1]) См. Galli Chronicon въ изданіи А. Белевскаго Monumenta Poloniae historica, т. I страница 478.

[2]) Magistri Vincentii, episcopi Cracoviensis, Chronica Polonorum. Изданіе Пржездецкаго. Краковъ 1862. стр. 151.

[3]) Joannis Dlugossi, Historia Polonica, Lipsiae 1711, I т., стр. 510.

ся зданія и житницы, наполненныя хлѣбомъ [1]). *Городовъ-же у нихъ нѣтъ; они, подобно дикимъ звѣрямъ, незнакомы съ городскими стѣнами*".

На туже черту въ быту Литовцевъ указываютъ и западные источники. Составитель житія св. Войтеха, передавая исторію его миссіонерскаго странствованія въ Пруссію, упоминаетъ только сельскія поселенія (villa, pagus, vicus) [2]). Петръ Дюсбургъ, составившій весьма подробное описаніе покоренія Пруссіи крестоносцами, ни разу не упоминаетъ о городахъ въ этой странѣ и говоритъ только по временамъ о существованіи засѣкъ или укрѣпленныхъ лагерей (castra et firma) [3]); конечно на такія-же боевыя временныя укрѣпленія у Ятвяговъ указываетъ и Ипатская лѣтопись подъ 1194 годомъ, обозначая ихъ именемъ „*тверди*" [4]).

Если обратимся къ исторіи основанія литовскихъ городовъ, существовавшихъ въ послѣдствіи, то замѣтимъ, что не только точныя свѣдѣнія, но и народныя преданія о ихъ основаніи, относятъ время ихъ возниковенія не раньше половины XIII столѣтія. Такъ, первыя города въ Пруссіи построены были крестоносцами, послѣ завоеванія ими этой страны. Въ землѣ Жемгалы упоминается городъ Тервета, укрѣпленный туземцами, уже въ исходѣ ихъ борьбы съ Ливонскимъ орденомъ, въ концѣ XIII столѣтія. Въ землѣ Ятвяговъ, единственные существовавшіе города были основаны волынскими князьями, по мѣрѣ покоренія ими этой страны. На границѣ собственной Литвы города также возводились русскими князьями, какъ Гродно, упоминаемое въ лѣтописи уже подъ 1128 годовъ и Новгродокъ Литовскій, основаніе котораго приписывалось В. К. Ярославу. Что-же касается собственно литовскихъ городовъ, то, если устранимъ совершенно произвольную хронологію, придуманную для баснословной литовской исторіи Стрыйковскимъ, мы найдемъ сколько нибудь точныя указанія и преданія объ основаніи литовскихъ городовъ не раньше половины XIII столѣтія. Такъ подъ 1252 г. лѣтопись упоминаетъ въ Литвѣ городъ Воруту и въ Жмуди—Твиреметъ; [5]) упоминаніе о Керновѣ встрѣчаемъ около 1250 г., объ Эйраголѣ въ 1262, о Гольшанахъ въ 1280, Ковнѣ около 1280, о Тельшахъ, Вильнѣ, Трокахъ, Лидѣ только около 1320 и т. д. [6]).

На ряду съ отсутствіемъ въ Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ земскхъ центровъ, мы находимъ полное отсутствіе и монархической власти,

---

[1]) Fana, burgos, rogos, celsas aedium fabricas, cum spicariis horrea flammis involvunt. Quia municipiorum nullus apud eos usus, eósdem enim urbium habent muros, quos et ferae. Chron. Pol. ut sup. стр. 201—202.

[2]) Canaparius—Vita et passio sancti Adalberti.

[3]) Petri de Düsburg Chronicon Prussiae. Pars tertia, Cap. III.

[4]) Ипатская лѣтопись, стр. 471.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 543.

[6]) Baliński i Lipiński Starożytna Polska III, стр. 125, 202, 222, 252, 299, 397, 525, 562 etc.

которая бы успѣла подчинить своему авторитету сколько нибудь значительныя части Литовскаго племени. Относительно этого факта мы встрѣчаемъ такое-же согласіе въ указаніяхъ всѣхъ источниковъ, какъ и относительно отсутствія городовъ на Литовской территоріи. Русскія, польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая военныя столкновенія Литовскихъ племенъ съ сосѣдями до половины XIII столѣтія, всегда указываютъ только имя народа или племени Литовскаго, съ которымъ происходило данное столкновеніе, но при этомъ не только не называютъ именъ литовскихъ вождей, но даже не упоминаютъ о существованіи какихъ-бы то ни было правителей.

Только съ половины XIII столѣтія, когда свѣдѣнія о Литовскомъ племени становятся болѣе подробными и обстоятельными въ лѣтописныхъ источникахъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ упоминаніе о литовскихъ вождяхъ, но по самому характеру этихъ свѣдѣній, мы убѣждаемся въ отсутствіи государственной власти на сколько нибудь обширной территоріи у Литовскихъ племенъ. Эти первыя свѣдѣнія о вождяхъ литовскихъ указываютъ на то обстоятельство, что, до второй половины XIII столѣтія, власть, извѣстныхъ лѣтописцамъ, начальниковъ простиралась только на незначительные сельскіе округи, на отдѣльныя волости; вожди эти были скорѣе волостные старшины, правдоподобно представители отдѣльныхъ родовъ или клановъ [1]), чѣмъ монархическіе правители въ государственномъ смыслѣ слова. Отличительныя признаки этихъ первыхъ извѣстій о литовскихъ вождяхъ состоятъ въ слѣдующемъ: упоминанія объ нихъ всегда указываютъ за разъ цѣлую группу этихъ начальниковъ на незначительномъ пространствѣ территоріи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ районъ ихъ власти можетъ быть опредѣленъ по свидѣтельству источника, оказывается, что онъ обнималъ предѣлы небольшой волости или, можетъ быть, рода, носившей, какъ кажется, свое отдѣльное, спеціальное названіе. Волости эти не только не были связаны между собою никакою общею государственною властью, но и, весьма часто, не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ иноплеменникамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку, независимо, иногда въ союзѣ другъ съ другомъ, иногда врозь и даже во вредъ другъ другу.

Черты эти яснѣе всего выступаютъ въ сказаніяхъ Ипатской лѣтописи о борьбѣ галицко-волынскихъ князей съ Ятвягами. Такъ, подъ 1248 годомъ, разсказывая о побѣдѣ, одержанной Василькомъ Романовичемъ надъ Ятвягами у Дрогичина, лѣтописецъ говоритъ, что въ битвѣ „убито бысть князій

---

[1]) Мы не имѣемъ ясныхъ указаній на то, что упоминаемые въ источникахъ вожди были представителями родоваго начала; нѣкоторые намеки только въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ въ Ипатской лѣтописи: здѣсь, въ перечнѣ литовскихъ князей подъ 1215 г. упоминаются 2 рода: Рушковичи и Булевичи; въ описаніи-же похода на Ятвяговъ 1256 года—три рода: Злинцы, Покинцы и Крисменцы (стр. 492 и 552).

Ятвяжскихъ сорокъ" [1]). Далѣе, описывая подъ 1256 годомъ большой походъ на Ятвяговъ Данила Романовича въ союзѣ со многими русскими и польскими князьями, лѣтописецъ передаетъ слѣдующія интересныя подробности. проводникомъ Даниловой рати служилъ ятвягъ Анкадъ, принявшій на себя эту обязанность подъ условіемъ, что его село будетъ пощажено. Русскіе полки напали на три волости или клана, носившіе отдѣльныя названія: Злинцы, Крисменцы и Покинцы и разорили ихъ поселенія, они брали порознь ятвяжскія села: Олдыкище, Привище, Корковичи и друг., причемъ сосѣднія ятвяжскія волости не являлись для подмоги пострадавшимъ. Въ Привищахъ былъ свой князь, который погибъ въ защитѣ роднаго села, на другой день Русскіе сожгли домъ другого князя Стекинта, и, за тѣмъ, явился въ русскій станъ для переговоровъ третій ятвяжскій князь Юндилъ. [2]).

Подобное-же общественное устройство существовало въ Пруссіи. Еще въ началѣ XII в., въ сказаніи Виперта о смерти св. Брунона мы встрѣчаемъ свидѣтельство о томъ, что Пруссы жили подъ властію мелкихъ волостныхъ родоначальниковъ; такъ, по словамъ сказанія, св. Брунонъ успѣлъ убѣдить одного прусскаго царя, Нетимера, принять крещеніе вмѣстѣ съ его народомъ, состоявшимъ изъ 300 мужей, но, вслѣдъ за тѣмъ, владѣтель сосѣдняго округа напалъ на владѣнія Нетимера и предалъ казни миссіонеровъ [3]). Въ подробномъ разсказѣ Петра Дюсбурга о завоеваніи Пруссіи крестносцами, весьма часто упоминаются имена туземныхъ вождей, но изъ самаго-же разсказа видно, что власть ихъ простиралась на весьма незначительные округи; нѣсколько такихъ вождей упоминается обыкновенно въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстностяхъ и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно, не подчиняясь другому [4]). Желая упрочить свое завоеваніе и подчинить своему господству прусское населеніе посредствомъ гражданскихъ связей, крестоносцы признали дворянскія права и оставили нѣкоторую долю поземельныхъ владѣній тѣмъ туземнымъ владѣльцамъ, которые добровольно признали надъ собою власть ордена и приняли крещеніе [5]). Что льготы эти относились не къ болѣе знатнымъ и благороднымъ лицамъ прусскаго происхожденія, но къ самостоятельнымъ владѣльцамъ мелкихъ независимыхъ клановъ, на то мы имѣемъ указаніе въ привилегіи, данной магистромъ ордена крестоносцевъ городу Бартенштейну въ 1332 году. Привилегія эта, опредѣляя границы су-

---

1) Ипатская лѣтопись стр. 531

2) Ипаткая лѣтопись стр. 551—553.

3) Historia de praedicatione episcopi Brunonis.

4) Такъ подъ 1273 г. у Дюсбурга упоминаются современные, независимые прусскіе вожди: Glappe capitaneus Warmiensium, Glekine capitaneus Bartorum, Skumand capitaneus Sudovitarum, Linko Pogesanus, Steinow, Pobraw, Tirsko castelanus de Villow. Chronicon Prussiae pars III, cap. 125, 131, 134, 138, 161, 170.

5) Тамъ-же часть III, cap. 215.

дебной власти магистрата, предоставляетъ ему право суда въ стѣнахъ города и надъ Пруссаками, которые различаются такъ: „Pruteni, sub regibus Prutenicalibus residentes et alii Pruteni advenae". Нѣмецкіе источники, упоминая о мелкихъ литовскихъ начальникахъ, не знаютъ какой титулъ западной феодальной гіерархіи слѣдуетъ примѣнить къ нимъ, и потому называютъ ихъ безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus и т. д.

Такое же раздробленіе народа на многочисленныя мелкія владѣнія мы встрѣчаемъ и во внутреннемъ быту собственной Литвы и Жмуди, хотя въ этомъ отношеніи мы можемъ указать менѣе ясные источники. Единственнымъ положительнымъ свидѣтельствомъ о существованіи въ Литвѣ одновременно многихъ мелкихъ князей мы обязаны Ипатской лѣтописи. Здѣсь подъ 1215 годомъ, передается извѣстіе о посольствѣ литовскихъ князей къ князьямъ галицкимъ съ цѣлью заключить съ ними договоръ; посольство это явилось отъ имени двадцати литовскихъ и жмудскихъ князей, имена которыхъ приводятся лѣтописцемъ [1]). Подобный же фактъ является какъ единственный выводъ, который мы можемъ добыть изъ темнаго, исполненнаго анахронизмовъ и искуственныхъ сближеній, текста Литовской лѣтописи, изданной по списку Быховца [2]).

Эта Литовско-русская лѣтопись, единственная передающая свѣдѣнія и преданія о древнѣйшей Литовской исторіи, представляетъ сводъ, составленный очень поздно—во второй половинѣ XVI столѣтія. Составитель этой лѣтописи собралъ множество легендъ, сложившихся въ качествѣ мѣстныхъ и родовыхъ преданій многихъ областей и фамилій литовскихъ, но, вмѣсто того, чтобы передать матеріалъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его собралъ, составитель подвергнулъ его насильственной, искуственной группировкѣ. Перенося современныя себѣ понятія объ обширности территоріи Литовскаго государства и о значеніи и преемственности великокняжеской власти, на то отдаленное время, преданія о которомъ дошли до него, составитель лѣтописи т. н. Быховца, размѣстилъ дошедшія до него свѣдѣнія въ послѣдовательной связи и помѣстилъ имена князей въ мнимомъ преемственномъ порядкѣ, предполагая въ каждомъ изъ нихъ великаго князя литовскаго въ позднѣйшемъ значеніи этого титула.

Конечно, попытка эта оказалась вполнѣ неудачною, и авторъ долженъ былъ наткнуться на цѣлый рядъ хронологическихъ несообразностей и противурѣчій; желая размѣстить свой матеріалъ по предвзятому плану, онъ долженъ былъ устанавливать предполагаемыя степени родства между различны-

---

[1]) Ипатская лѣтопись стр. 491—492.

[2]) Изданіе Нарбута. Pomniki do dziejow Litewskich стр. 2—14. Вильно 1846. Рукописный списокъ той же лѣтописи, хранящійся въ Познанской библіотекѣ.

ми князьями, долженъ былъ объяснять посредствомъ наивныхъ догадокъ постоянную перемѣну мѣста пребыванія мнимыхъ великихъ князей литовскихъ, долженъ былъ иногда разсказывать одну и туже біографію подъ различными именами (Лаврашъ и Войшелкъ) или одному и тому-же лицу приписывать двѣ различныя біографіи (Скирмунтъ, Эрдивилъ, Викинтъ) и т. д.

Отбросивъ въ сторону всѣ тѣ извѣстія лѣтописи Быховца, которыя произошли отъ неудачныхъ компиляторскихъ пріемовъ ея составителя, мы должны однако признать, что матеріалъ, которымъ онъ пользовался, составляетъ единственный дошедшій до насъ отголосокъ преданій объ исторіи Литвы за время, предшествовавшее возникновенію Литовскаго государства.

Возстановляя этотъ матеріалъ по возможности, съ крайнею осторожностію, мы будемъ въ состояніи сдѣлать изъ него только слѣдующіе выводы: 1) преданія, дошедшія до составителя лѣтописи Быховца, были заимствованы имъ или изъ существовавшихъ еще въ половинѣ XVI столѣтія, хотя значительно искаженныхъ вымыслами и неясныхъ мѣстныхъ топографическихъ преданій (преданія объ основаніи городовъ: Юрборка, Ковно, Вилькомира, Кернова и т. д., преданія о мѣстностяхъ, гдѣ происходили болѣе замѣчательныя битвы: Кайдановъ, Могильная; преданія о мѣстахъ, посвященныхъ древнему языческому культу: гора Швентирога, святилище надъ рѣкою Святою въ Девалтовѣ и т. п.), или изъ фамильныхъ преданій знатныхъ литовскихъ родовъ. 2) Фамильныя преданія, записанныя составителемъ лѣтописи изъ родовыхъ воспоминаній литовскихъ сановниковъ XVI вѣка, можетъ быть изъ ихъ фамильныхъ записокъ и документовъ, свидѣтельствуютъ, что каждый знатный коренной Литовскій родъ сохранялъ еще въ XVI столѣтіи воспоминаніе о томъ, что его предки были нѣкогда самостоятельными владѣтелями извѣстнаго участка литовской территоріи: такъ, родоначальники Гаштолдовъ были нѣкогда князьями въ Ошмянѣ, Довойны происходили отъ рода княжившаго въ Эйкишкахъ, Монвиды княжили въ Гравжишкахъ, Гедройти—въ Гедройшишкахъ; кромѣ того въ лѣтописи указаны самостоятельные князья: въ Утянѣ, Эйраголѣ, Керновѣ, Юрборкѣ, Кунасовѣ, Вилькомирѣ, въ земляхъ: Завельской, Давалтовской, Заналешанской и т. д. 3). Не смотря на попытку составителя расположить всѣхъ этихъ мѣстныхъ князей въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ генеалогической связи другъ съ другомъ, мы, изъ его же разсказа, видимъ, что они были современники. Такъ изъ 39 именъ князей, упомянутыхъ въ лѣтописи Быховца до времени вокняженія Витеня, предшественника Гедимина, болѣе 20 именъ, расположенныхъ по девяти степенямъ родства по нисходящей линіи, приходится на время отъ прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію (1186 по лѣтописи Генриха Латыша) до вокняженія Мендовга (1235 по извѣстіямъ Ипатской лѣтописи). Между тѣмъ о большинствѣ этихъ князей лѣтопись расказываетъ, что они княжили очень долго („пануючи князю Троняте не мало лѣтъ, потомъ умеръ". „Рынгольтъ жилъ много лѣтъ и умре" и т. д.). Точно также на время отъ

нашествія Батыя (1240) до вокняженія Витеня (1293 по Дюсбургу) приходится 33 имени князей, упомянутыхъ въ лѣтописи Быховца, расположенныхъ въ девяти степеняхъ генеалогической таблицы. На основаніи этихъ выводовъ, мы полагаемъ, что тѣ немногія данныя, которыя мы можемъ извлечь изъ лѣтописи Быховца, указываютъ на туже черту быта въ Жмуди и собственной Литвѣ, о которой относительно Пруссіи и земли Ятвяжской мы имѣемъ болѣе прямыя и ясныя свидѣтельства.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, мы полагаемъ, что до половины XIII столѣтія, Литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы Литовскаго племени объединялись только общностью этнографическою и культурною: тождество происхожденія, языка, быта составляли между различными народами Литовскаго племени связь этнографическую; тождество преданій и религіознаго культа служило связью нравственною, культурною; послѣдняя проявлялась и единственными наглядными признаками народнаго единства: общими, центральными для всего племени, святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшимъ подъ управленіемъ центральной жреческой коллегіи, Кривитовъ и ея начальника Криве—Кривейта [1]).

Вѣроятно, развиваясь постепенно. безъ сильнаго давленія извнѣ, Литовское племя образовало бы теократическое государство, которое представляло бы союзъ болѣе или менѣе крупныхъ племенъ и округовъ, подъ верховною властью первосвященника; но историческія внѣшнія условія заставили Литовцевъ ускорить политическую организацію всего племени и замѣнить мирную, опиравшуюся исключительно на нравственномъ вліяніи, власть жрецовъ, властію князей, вооруженныхъ мечемъ, необходимымъ для спасенія самобытности племени. Пока единственными сосѣдями Литовцевъ были Славяне—Русскіе и Поляки, взаимныя отношенія обоихъ племенъ не принимали характера истребительной вражды: рѣдкіе походы русскихъ и польскихъ князей на Литовскія земли ограничивались временнымъ разореніемъ пограничныхъ волостей и требованіемъ дани; вторженія Литовцевъ въ земли Новгородскія, Полоцкія и Мазовецкія, носили характеръ пограничныхъ набѣговъ съ цѣлью добычи и грабежа, но мы невидимъ въ этихъ столкновеніяхъ, ни посягательства на самобытность Литовскаго племени съ одной стороны, ни стремленія къ захвату Литовцами Славянской территоріи съ другой. Обстоятельства эти перемѣнились съ концемъ XII и началомъ XIII столѣтія, когда

---

[1]) Fuit autem in Nadrovia locus quidam, dictus Romow, in quo habitabat quidam, dictus Criwe, quem colebant pro Papa. Quia, sicut dominus Papa regit universalem ecclesiam fidelium, ita ad istius nutum seu mandatum, non solum gentes praedictae (Prutenicae), sed et Letthowini et aliae nationes Livoniae terrae, regebantur. Dusburg. ч. III, гл. 5.

на границахъ литовской территоріи появился новый грозный сосѣдъ; почти въ одно время на двухъ противуположныхъ окраинахъ земли литовской поселились Нѣмцы, немедленно заявившіе завоевательную тенденцію и устремившіеся на разрозненныя литовскія племена съ неудержимою энергіею. Выставляя религіозную ревность къ обращенію язычниковъ главною побудительною причиною своего натиска на Литву, германскіе рыцарскіе ордена пользовались сочувствіемъ и матеріальною поддержкою всего католическаго міра; предлагая широкое поле для рыцарскихъ подвиговъ, они указывали легкій и удобный способъ удовлетворенія отживавшимъ уже рыцарскимъ увлеченіямъ западно-европейскихъ паладиновъ; вмѣсто отдаленнаго, дорогаго и труднаго похода въ Палестину, для рыцарей открывалось новое поле дѣйствія, столько-же освященное религіозными мотивами, но болѣе близкое и безопасное; вмѣсто тяжелыхъ переходовъ по знойнымъ пустынямъ Сиріи, вмѣсто серьезной и опасной борьбы съ воинственными и многочисленными полчищами Турокъ и Монголовъ, рыцари получали возможность съ равною славою, побывать въ странѣ болѣе близкой, порубежной съ отечествомъ многихъ изъ нихъ; имъ предстояли переходы по тѣнистымъ лѣсамъ береговъ Нѣмана; вмѣсто опасныхъ битвъ, имъ приходилось истреблять огнемъ литовскія села и мечемъ—почти безоружныя, разрозненныя и не представлявшія, для закованныхъ въ желѣзо рыцарей, опаснаго сопротивленія скопища литовской деревенщины; и тѣмъ не менѣе они пользовались въ западномъ обществѣ славою военныхъ подвиговъ, посвященныхъ на служеніе церкви. Съ цѣлью пріобрѣсти эту громкую и дешевую славу, показать рыцарскую удаль, не подвергаясь очевидной опасности, толпы рыцарей являлись въ началѣ каждой весны на подмогу нѣмецкимъ крестоносцамъ и раздвигали шагъ за шагомъ границы ихъ владѣній. Крестовые рыцари и ихъ гости съ каждымъ годомъ подвигались дальше вглубь литовскихъ земель, опустошали новыя волости; насильно крестили жителей, наказывали ихъ сопротивленіе или отпаденіе отъ христіанства рабствомъ, покорныхъ-же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земель въ пользу нѣмецкихъ колонистовъ и подвергали желѣзнымъ тискамъ орденской администраціи. Литовцы пытаются отстоять свою независимость со всею силою твердой, стойкой энергіи, свойственной ихъ племени, но разрозненные, безъ взаимной связи между собою, они не могутъ представить серьезнаго препятствія нѣмецкому завоеванію; одна волость за другою, одно колѣно за другимъ борется съ отчаяніемъ за свою свободу и падаетъ въ неравной борьбѣ. Только послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій несчастной борьбы, литовскія племена убѣждаются, что безъ прочной государственной связи, они исчезнутъ постепенно одно за другимъ въ упорной безплодной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ; создать-же эту связь изъ собственныхъ элементовъ они безсильны; потому они стараются примкнуть къ государствамъ ближайшихъ сосѣдей. Два литовскіе народа, прежде всего подвергшіеся опасности, первые ищутъ спасенія въ попыткахъ подобнаго рода: Латыши пытаются признать надъ собою власть полоцкаго князя и съ его по-

мощью отбиваются отъ Ливонскаго ордена [1]); Пруссаки подчиняются своимъ сосѣдямъ, князьямъ славянскаго Поморья: Святополку и Мстивою (Мествину) (1242—1266) [2]) и предоставляютъ имъ руководство своими силами. Но эти первые опыты государственнаго устройства не приводятъ къ желанной цѣли; ни полоцкіе, ни поморскіе князья не имѣютъ ни достаточныхъ силъ и авторитета, ни достаточнаго времени для того, чтобы сломить вѣковыя привычки Литовцевъ и изъ разсыпанной группы клановъ создать быстро, среди борьбы, стройное и прочное государство. Попытки эти только замедляли на время наступательное движеніе Нѣмецкаго ордена, но не могли ему помѣшать, къ концу XIII столѣтія, подчинить себѣ окончательно съ одной стороны Пруссію, съ другой—земли Латышей и Жемгалы.

Границы владѣній ордена приблизились, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ къ поселеніямъ собственной Литвы и Жмуди и для этихъ народовъ пришла очередь бороться съ иноземнымъ завоеваніемъ. Но пока ихъ соплеменники отражали натискъ нѣмцевъ, народы эти, пользуясь своимъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ, успѣли создать болѣе прочный государственный строй, и потому встрѣтили борьбу съ болѣе стройными силами.

Силы эти Литовцы пріобрѣтаютъ вслѣдствіе новыхъ отношеній, въ какія они стали къ Руси въ теченіи XIII столѣтія.

Еще съ конца XII вѣка мы видимъ новый поворотъ въ теченіи Русской исторіи. Обширное государство, составившееся въ X и XI столѣтіяхъ усиліями кіевскихъ князей, стремится къ децентрализаціи. Отдѣльныя области обширной Русской территоріи, опираясь на тяготѣніе врозь населявшихъ ее племенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на родовые счеты многочисленной княжеской семьи, стремятся къ самостоятельности. Власть кіевскихъ князей постепенно падаетъ, вліяніе ихъ на области ослабѣваетъ. Вмѣсто бывшаго общаго центра государственной власти въ Кіевѣ, возникаетъ нѣсколько новыхъ центровъ государственной жизни Руси. Эта политическая перемѣна опирается притомъ на внутренній переломъ, случившійся въ распорядкѣ составныхъ элементовъ русскаго общества. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ три составныя общественныя силы русскаго общества: князь, вѣче и дружина, находились въ постоянной борьбѣ между собою и уравновѣшивали другъ друга, въ каждомъ изъ новыхъ центровъ одно изъ этихъ составныхъ началъ беретъ перевѣсъ надъ двумя другими и доставляетъ сильную точку опоры для новой государственной жизни: въ Ростовской землѣ княжеская власть, усиливаясь быстро съ половины XII столѣтія, подчиняетъ себѣ и немногочисленныя городскія общины Ростово-Суздальской земли и дружину. Въ Новгородѣ и его пригородахъ вѣче составляетъ основное начало государственнаго устройства; оно низводитъ князя на степень зависимаго, смѣняемаго по

---

[1]) Генрихъ Латышъ. Origines Livoniae sacrae et civilis an. 1212—1214.
[2]) Dusburg ч. III, гл. 32—124.

волѣ вѣча, кормленника, оно поглощаетъ и ассимилируетъ съ собою боярское сословіе. Въ Галицкой землѣ и, подъ ея вліяніемъ, въ Волынской—дружинный элементъ беретъ перевѣсъ надъ двумя другими; слѣды общины исчезаютъ еще при Ростиславичахъ, а при Романовичахъ, не смотря на упорное сопротивленіе и репрессивныя мѣры Романа и Даніила, власть князей все болѣе и болѣе ограничивается дружинниками, которые подчиняютъ наконецъ князя совѣту бояръ, составившихъ какъ-бы постоянный сенатъ, руководившій его политическими дѣйствіями [1]).

Пока въ земляхъ: Ростовской, Новгородской и Галицкой устанавливались на новыхъ началахъ новые государственные центры Русской жизни, въ обширной полосѣ русскихъ земель, находившихся между указанными центрами, ни одно общественное начало не осилило двухъ другихъ, и борьба между ними, усложняясь личною борьбою вѣтвей и лицъ княжескаго рода, вела постепенно все къ большему и большему дробленію территоріи и ослабленію въ ней государственной власти. Территоріи княжествъ: Смоленскаго, Черниговскаго, Сѣверскаго, Полоцкаго, Туровскаго, равно какъ и области, составлявшія непосредственное владѣніе Кіевскаго стола, подвергаются этой участи. Между тѣмъ какъ въ началѣ XIII в. весь интересъ исторической жизни, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе лѣтописцевъ, сосредоточиваются во Владимірѣ на Клязьмѣ, Новгородѣ, Галичѣ, о промежуточной между этими центрами полосѣ до насъ доходятъ лишь свѣдѣнія отрывочныя, неполныя, однако изъ свѣдѣній этихъ мы узнаемъ, что области эти отошли на второй планъ, ослабѣли и находятся въ состояніи постоянной внутренней борьбы, которой задачи и размѣры постепенно все болѣе и болѣе мельчаютъ.

Раньше другихъ Русскихъ земель обособилась, въ родѣ Изяслава Владиміровича, Полоцкая область. Послѣ неудачной попытки Мстислава Владиміровича (1129) присоединить вновь ее къ Кіевскому княженію, Полоцкая земля достигаетъ значенія независимаго княжества, по вслѣдъ за тѣмъ, въ Полоцкой землѣ съ страшною силою разгорается внутренняя борьба за преобладаніе: вѣче Полоцкое споритъ съ княземъ и, пользуясь многочисленностью княжеской Полоцкой семьи, старается, частою перемѣною князей изъ разныхъ вѣтвей этой семьи, установить свое право на выборъ и низложеніе князя [2]); къ этой

---

[1]) Дошедшія до насъ грамоты послѣднихъ Галицкихъ князей писались отъ имени и за печатью не одного князя, но «una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque». См. грамоты Юрія II у Зубрицкаго—Ист. древн. Галицкаго-Русскаго княжества т. III, ст. 252.

[2]) Въ 1132 вѣче Полоцкое изгоняетъ Святополка Мстиславича и призываетъ Василька Рогволодовича; въ 1151 Полочане высылаютъ въ Минскъ князя Рогволода Борисовича и берутъ княземъ Ростислава Глѣбовича; но въ 1159 опять приглашаютъ Рогволода; въ 1162 они, вслѣдствіе военной неудачи Рогволода, удаляютъ его и берутъ княземъ Всеслава Васильковича. Въ 1210 г. вѣче изгоняетъ князя Владиміра, заподозривъ его въ излишней преданности нѣмцамъ, а въ 1213 зоветъ его обратно и т. д. (см. Лаврент. лѣт. стр. 286, Ипат. лѣт. стр. 307, 339, 355 Генрихъ Латышъ стр. 84—94).

борьбѣ двухъ общественныхъ началъ за верховную власть, присоединяется борьба между самыми городскими общинами за первенство и преобладаніе. Минскъ оспариваетъ первенство у Полоцка и считаетъ себя главою южной половины Кривицкой территоріи; пригороды, въ свою очередь, стараются противодѣйствовать вліянію главнаго вѣча, и, нерѣдко, съ умысломъ поддерживаютъ притязанія князей, не помирившихъ съ вѣчемъ главнаго города. Такъ Дручане поддерживаютъ постоянно князей, изгнанныхъ полоцкимъ вѣчемъ; князья, изгнанные изъ Полоцка или Минска, находятъ убѣжище въ Слуцкѣ и т. п. Несогласія и антагонизмъ городовъ находятъ постоянную точку опоры въ честолюбіи и соревнованіи многочисленныхъ потомковъ князя Всеслава Брячиславича; земля дробится на многочисленные удѣлы; въ разрозненныхъ и неполныхъ лѣтописныхъ свѣдѣніяхъ о Полоцкой землѣ, мы находимъ, кромѣ Полоцка и Минска, удѣльныхъ князей: въ Витебскѣ, Изяславлѣ, Логойскѣ, Друцкѣ, Слуцкѣ, Стрѣжевѣ, Новгродкѣ, Городнѣ, Клецкѣ, Оршѣ, Свислочѣ, Лукомѣ. Но этими лѣтописными извѣстіями далеко не исчерпывается весь перечень мелкихъ полоцкихъ удѣловъ: у Генриха Латыша, упоминающаго о русскихъ князьяхъ только по мѣрѣ отношенія ихъ къ Лифляндіи, названы два мелькіе удѣла—по Двинѣ и въ южной Ливоніи, признававшей надъ собою до 1211 года верховную власть Полоцка; въ 1204—1224 годахъ, по словамъ Генриха Латыша, нѣмцы имѣли цѣлый рядъ столкновеній съ русскими князьями: Василькомъ изъ Кокенгаузена (Wesceke de Kokonois), и Всеволодомъ изъ Герсики (Wissewalde de Gersica), о существованіи которыхъ, равно какъ и объ удѣлахъ ихъ русскія лѣтописи ничего не говорятъ [1]). При крайнемъ раздробленіи Полоцкаго княженія и среди внутренней борьбы князей и удѣловъ между собою, князей съ вѣчами, пригородовъ съ городами, истрачивается по мелочамъ вся сила Кривичской земли, отношенія запутываются, сознаніе общихъ, болѣе обширныхъ цѣлей общественной жизни теряется. Для пріобрѣтенія силъ въ междуусобной борьбѣ, князья и вѣча прибѣгаютъ къ помощи и покровительству болѣе сильныхъ сосѣдей: иногда соплеменныхъ Русскихъ князей—Кіевскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ, иногда иноплеменниковъ—Нѣмцевъ и Литовцевъ [2]).

---

[1]) О русскихъ удѣлахъ въ Кокенгаузенѣ и Герсикѣ, „in quibus schismatici habitabant„, упоминаетъ также Ливонская хроника Германа изъ Вартберга подъ 1201 г. Scriptores rerum Prussicarum т. II. стр. 27.

[2]) Въ 1151 г. Полоцкое вѣче, желая удержать вновь призваннаго имъ князя, признаетъ надъ собою верховную власть Святослава Ольговича Черниговскаго. 1159 г. Рогволодъ Борисовичъ добывалъ Друцкъ и Полоцкъ съ помощью тоже Святослава Ольговича; а потомъ, утвердившись въ Полоцкѣ, онъ покоряетъ съ помощью Ростислава Мстиславича Смоленскаго, Изяславль и осаждаетъ Минскъ. Въ 1160 Рогволодъ ходилъ на Ростислава Глѣбовича Минскаго съ помощью отъ Кіевскаго князя Ростислава Мстиславича, доставившаго ему вспомогательный отрядъ Торковъ. Въ 1162 Полоцкіе князья призываютъ князей Черниговскихъ и Смоленскихъ для изгнанія Владиміра

Послѣдніе, призываемые безпрестанно русскими князьями на помощь среди ихъ взаимныхъ междуусобій, начинаютъ все чаще и чаще появляться въ Полоцкой Руси, то какъ союзники, то какъ враги отдѣльныхъ князей. Уже съ половины XII столѣтія мы встрѣчаемъ лѣтописныя извѣстія о князѣ Городенскомъ Володарѣ Глѣбовичѣ, который, опираясь на тѣсный союзъ съ пограничными Литовскими волостями, наводитъ грозу на своихъ родственниковъ. Въ 1159 году, когда всѣ Полоцкіе князья заключили временный миръ и цѣловали другъ другу крестъ, Володарь Глѣбовичъ уклонился отъ общаго замиренія „не цѣлова креста, тѣмъ, оже ходяше подъ Литовою въ лѣсѣхъ“ Въ 1162 году онъ съ Литвою разбилъ рать Полоцкаго князя Рогволода Борисовича и принудилъ его отказаться отъ Полоцкаго княженія. Въ 1167 году онъ даже успѣлъ овладѣть Полоцкомъ, изгнавъ оттуда князя Всеволода Васильковича [1]). Не одинъ этотъ князь прибѣгалъ къ помощи Литовцевъ для усиленія своего вліянія на Руси. Въ 1180 году мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ ополченіи собранномъ его противникомъ, Всеславомъ Васильковичемъ, „бяхуть и Либь и Литва“ [2]). Неизвѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ князь Всеволодъ изъ Герсики не только состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ литовцами и постоянно облегчалъ имъ у своего города переправу черезъ Двину для нападеній на нѣмецкія владѣнія въ Ливоніи, но женился на дочери литовскаго вождя Дангеруте и признавалъ себя въ извѣстной отъ него зависимости [3]).

Такимъ образомъ Литовцы постепенно втягиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ, свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ неустройствѣ; съ конца XII вѣка они уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междуусобіяхъ, но предпринимаютъ походы на Русь съ цѣлью пріобрѣтенія военной добычи, а за тѣмъ и съ цѣлью территоріальнаго захвата. Уже въ концѣ XII столѣтія, составитель слова о полку Игоревѣ сообщаетъ извѣстіе о неизвѣстномъ намъ по лѣтописи Горо-

---

Мстиславича изъ Слуцка. Въ 1165 г. Давидъ Ростиславичъ Смоленскій успѣлъ утвердиться въ Витебскѣ, и въ 1167 г., вмѣстѣ съ изгнаннымъ изъ Полоцка Всеволодомъ Васильковичемъ, онъ призвалъ на помощь противъ Полоцка смоленскаго князя Романа Ростиславича. 1178 Всеславъ Васильковичъ Полоцкій спасъ свой удѣлъ отъ нападенія Новгородцевъ, прибѣгнувъ къ покровительству того-же Романа Ростиславича Смоленскаго. Въ 1180, Полоцкіе князья пытались отражать нападеніе Черниговцевъ на Друцкъ съ помощью Смоленскаго князя Давида; въ 1185 г. Василько Володаревичъ Логойскій и Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій зовутъ на помощь противъ полоцкаго вѣча того-же Давида Смоленскаго. Въ 1210 г. Полоцкій князь Владиміръ ищетъ помощи противъ изгнавшаго его вѣча въ Псковѣ и, затѣмъ, у Рижскаго епископа. Ипат лѣт. стр. 308, 339, 340, 346, 356, 359, 360, 412, 419. Новгородская лѣт. по харат. сп. 1185 г. Генрихъ Латышъ, ст. 94.

[1]) Ипатская лѣтопись стр. 340, 355, 360.
[2]) Тамъ же страница 419.
[3]) Генрихъ Латышъ Orig Liv. стр. 61, 64, 92, 95, 98.

денскомъ князѣ, Изяславѣ Васильковичѣ, погибшемъ въ борьбѣ съ Литвою, при чемъ передаетъ въ мрачныхъ краскахъ современное ему положеніе Полоцкой земли: „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ“ князья не помагаютъ брату, погибающему отъ „литовскихъ мечей“; внуки Всеслава „выскочили изъ лѣдней славы“ и “крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую“. Характеристика эта подтверждается и дошедшими до насъ отрывочными лѣтописными свѣдѣніями; съ начала XIII столѣтія нападенія Литовцевъ на Русь дѣлаются все чаще и чаще, они не ограничиваются Полоцкою территоріею, но по временамъ достигаютъ и другихъ Русскихъ земель, лежавшихъ за ся предѣлами; литовскіе набѣги опустошаютъ земли Туровскія, Волынскія, Новгородскія и Смоленскія и, въ половинѣ XIII столѣтія, Литовцы появляются въ предѣлахъ Кіевскаго княженія. Въ 1205 году лѣтописецъ замѣчаетъ, что „бѣда бѣ въ землѣ Володимерстѣй отъ воеванія Литовскаго и Ятвяжскаго“; въ этомъ году толпа Литовцевъ и Ятвяговъ опустошила сѣверную часть Волыни и ворвалась въ Холмскую область [1]). Въ 1225 году большое Литовское ополченіе, подъ начальствомъ многихъ соединившихся вождей, „рать велика зѣло, якаже не была отъ начала міру“, опустошила области: Новгородскую, Смоленскую и Полоцкую [2]). Встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны Волыни и Новгорода, литовскіе набѣги могли тѣмъ не менѣе безпрепятственно распространятся въ другихъ областяхъ Руси, не успѣвшихъ создать крѣпкой внутренней власти. Между тѣмъ какъ Романъ Мстиславичъ и его наслѣдники отражаютъ Литовцевъ и ограждаютъ отъ ихъ нападеній свои предѣлы завоеваніемъ Ятвяжской земли, постройкою въ ней городовъ и устройствомъ вокругъ нихъ русскихъ поселеній, между тѣмъ какъ въ тоже время Новгородцы, съ помощью князей Суздальскихъ, побѣдоносно отражаютъ нападенія Литвы на владѣнія Великаго Новгорода [3]), мы невстрѣчаемъ извѣстій о сколько нибудь энергическомъ отпорѣ со стороны князей Полоцкихъ, Смоленскихъ или Кіевскихъ. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ собирается на Литву въ продолженіи двухъ лѣтъ, но довести свое предпріятіе до конца не можетъ. Выступивъ въ походъ изъ Овруча въ 1190 году, онъ остался въ Пинскѣ у своей тещи праздновать свадьбу и отъ дальнѣйшаго похода отказался подъ предлогомъ ранней оттепели [4]). Относительно Полоцкихъ князей мы не встрѣчаемъ извѣстій и о такихъ попыткахъ; напротивъ, по мѣрѣ того какъ учащаются свѣдѣнія о нападеніяхъ Литовцевъ, оскудѣваютъ въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстія о самомъ существованіи Полоцкихъ князей. Послѣдній Полоцкій князь упоминается вскользь по поводу брака Александра Невскаго: „1238 женися

---

[1]) Ипатев. лѣт. стр. 483.
[2]) Лаврент. лѣт. стр. 425—426.
[3]) Лаврент. лѣт. стр. 426 и 448. Никонов. лѣт. III стр. 17, 19, Воскресенск. лѣт. стр. 151, 152.
[4]) Ипат. лѣт. стр. 452, 455 и 456.

князь Александръ Ярославичъ, поя у Полоцкаго князя, у Брячислава, дщерь и вѣнчася въ Торопчѣ“ [1]) и затѣмъ прекращаются совершенно лѣтописныя извѣстія о русскихъ князьяхъ полоцкой вѣтви, и русскіе источники не даютъ намъ возможности прослѣдить интересный историческій моментъ основанія первыхъ литовскихъ владѣній въ Кривичской землѣ.

Событіе это случилось именно около половины XIII столѣтія, но подробности его дошли до насъ только въ легендарной формѣ очень поздно записанныхъ литовскихъ преданій. По словамъ компилятора, составившаго сводъ этихъ преданій, въ половинѣ XVI столѣтія, во время, близко предшествовавшее нашествію Батыя, многіе литовскіе вожди успѣли захватить разныя области Полоцкихъ, Туровскихъ и Смоленскихъ княженій и утвердились въ нихъ въ качествѣ самостоятельныхъ князей: за неимѣніемъ болѣе точныхъ свѣдѣній, если попытаемся извлечь возможный историческій матеріялъ изъ темнаго разсказа лѣтописи т. н, Быховца, то найдемъ, что въ XVI ст. у Литовцевъ сохранились слѣдующія преданія объ образованіи первыхъ Литовскихъ княжествъ на Русской территоріи.

Современникъ Батыя, Эрдивилъ сынъ Монтвила, имѣвшій владѣнія въ Жмуди, предпринялъ походъ на пограничныя Русскія земли, завладѣлъ такъ называемою черною Русью, городами: Городномъ, Берестьемъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ и подчинилъ себѣ пограничныхъ съ этою Русью другихъ литовскихъ вождей [2]).

Въ тоже время другой литовскій вождь, Мингайло, предпринялъ походъ на Полоцкъ, въ которомъ тогда не было князя „и мужи Полочане вѣчемъ ся справляли, какъ великій Новгородъ и Псковъ“. Вѣроятно вѣчевой порядокъ не успѣлъ еще окрѣпнуть въ Полоцкѣ, потому что Мингайло успѣлъ, по словамъ преданія, весьма легко одолѣть Полочанъ и основалъ въ ихъ городѣ другое Литовское княжество [3]).

Наконецъ, третій Литовскій вождь, Скирмунтъ, одержавъ побѣду надъ Мстиславомъ, княземъ Туровскимъ, овладѣлъ Туровомъ, Пинскомъ и Мозыремъ и основалъ Литовское княжество въ бассейнѣ Припяти; ему преданіе приписываетъ первую побѣду, одержанную на Руси надъ Монголами: во главѣ литовскихъ и русскихъ ополченій, онъ поразилъ у Койданова ханскаго темника и не допустилъ Монголовъ брать дань въ своемъ княжествѣ [4]).

Конечно, извѣстія эти, даже въ такомъ упрощенномъ видѣ, не могутъ быть сочтены достовѣрными въ подробностяхъ и заслуживаютъ только вниманіе, какъ свидѣтельство позднаго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII столѣтія случилось общее движеніе многихъ литовскихъ вождей

[1]) Воскресен. лѣт. стр. 144.
[2]) Лѣтоп Быховца, стр. 4.
[3]) Тамже стр. 5.
[4]) Тамже стр. 6.

на Русь съ цѣлью территоріальнаго захвата. Этотъ общій выводъ подтверждается нѣкоторыми, болѣе достовѣрными, хотя отрывочными свидѣтельствами русскихъ лѣтописей. Такъ, по словамъ Ипатской лѣтописи, Пинскъ былъ защищенъ въ 1246 году отъ нападенія литовскаго вождя, Айшвна Рушковича, только благодаря помощи Даніила и Василька Романовичей; въ слѣдующемъ-же году, другой литвинъ—Лугвеній, появился опять въ Пинской области; изъ разсказа лѣтописи о его нападеніи можно догадываться, что ему помогалъ Пинскій князь Михаилъ и съ недоброжелательствомъ встрѣтилъ рать Галицкаго князя [1]). По свѣдѣніямъ двухъ другихъ лѣтописей, въ 1239 году неизвѣстный по имени литвинъ княжилъ въ Смоленскѣ, откуда изгнанъ былъ Ярославомъ Всеволодовичемъ [2]). Проѣзжавшій въ то время (1245) изъ Волыни въ Кіевъ Плано-Карпини, утверждаетъ, что на пути онъ находился въ постояной опасности отъ литовцевъ „которые часто нападаютъ на Русскую землю, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя мы должны были проѣзжать“ [3]).

Фактъ окончательнаго образованія Литовскаго княжества на русской территоріи мы можемъ константировать по достовѣрнымъ источникамъ только со времени основанія въ Новгородѣ Литовскомъ, въ такъ называемой Черной Руси, княженія, представителемъ котораго является литовскій князь Мендовгъ сынъ Рынгольта. Литовскія преданія приписываютъ основаніе этого владѣнія еще отцу Мендовга—Рынгольту сыну Альгимунта, владѣтелю Керновской волости въ собственной Литвѣ; по ихъ словамъ, Рынгольтъ овладѣлъ Новогородомъ вслѣдствіе побѣды, одержанной имъ надъ Друцкимъ княземъ Дмитріемъ и его союзниками [4]). Не находя возможности провѣрить это сказаніе болѣе достовѣрными свидѣтельствами, мы можемъ только указать, какъ на положительный фактъ, на то, что Мендовгъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы въ 1235 году: въ это время Даніилъ Романовичъ Галицкій искалъ съ нимъ союза противъ Конрада Мазовецкаго [5]). Изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій, мы узнаемъ, что Мендовгъ, не ограничиваясь владѣніемъ Новогородскимъ, стремился соединить подъ своею властью многочисленные удѣлы всей Кривичской земли и создать

---

[1]) „Данило-же и Василько гнаста по нихъ (по Литвѣ) до Пинска; во Пински бо Михаилъ далъ бѣ имъ вѣсть; онѣмъ-же ставшимъ, осѣкшимся въ лѣсѣ, далъ бо бѣ имъ Михаилъ вѣсть, буда въ Пинскѣ“. Ипат. лѣт. стр. 530.

[2]) „Иде Ярославъ Смоленску на Литву, и Литву побѣди, а князя ихъ изыма; Смоляны-же урядивъ, и посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столѣ“. Воскресенск. лѣт. стр. 144. Никон. лѣт. III, стр. 5.

[3]) Libellus historicus Joannis de Plano Carpini—въ собраніи путешествій къ татарамъ. С.-Петербургъ 1825 стр. 8—10

[4]) Лѣтопись Быховца, стр. 7.

[5]) Ипат. лѣтоп. стр. 517.

изъ нихъ обширное Литовско-Русское государство. Изъ разсказа Ипатской лѣтописи о походѣ Данiила на Мендовга въ 1252—1253 годахъ, видно, что къ Новогродскому княженiю принадлежали тогда города: Волковыскъ, Слонимъ, Здитовъ и Гродно и что Пинскiе князья признавали надъ собою верховную власть Мендовга. Еще раньше, племянники Мендовга, подъ его руководствомъ, утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ и въ землѣ Смоленской [1]).

Расширяя границы своихъ владѣнiй на Руси съ помощью Литовскаго ополченiя изъ своего Керновскаго удѣла, Мендовгъ прiобрѣталъ въ покоренныхъ ихъ русскихъ земляхъ новыя силы, которыя давали ему возможность и продолжать дальнѣйшiя завоеванiя на Руси, и поставить въ зависимое отъ себя положенiе другихъ, сосѣднихъ съ его владѣнiями, мелкихъ литовскихъ родоначальниковъ; группируя такимъ образомъ силы, князь Кернова и Новогродка Литовскаго посредствомъ Литвы удерживалъ и прiобрѣталъ русскiя земли и, опираясь на ополченiя своихъ Русскихъ областей—подчинялъ себѣ разрозненныя мелкiя литовскiя владѣнiя [2]).

Слагавшiяся такимъ образомъ отношенiя въ возникавшемъ государствѣ сразу протувупоставляли въ его внутреннемъ быту два народныя начала, послужившiя для его образованiя. Отношенiя эти, естественно, были таковы, что, по меньшей мѣрѣ въ началѣ возникновенiя Литовско-Русскаго государства, не возможно было ожидать быстраго ихъ сближенiя и вполнѣ солидарнаго отношенiя другъ къ другу.

Дѣйствительно, уже въ княженiе Мендовга, собранныя имъ земли проявляютъ значительную силу сопротивленiя объединительнымъ государственнымъ стремленiямъ; реакцiя вспыхиваетъ на всемъ пространствѣ подчинившихся ему земель и поддерживается въ равной мѣрѣ недовольствомъ какъ Литвы, такъ и Руси. Русскiя области стремятся къ обособленiю и стремленiе это находитъ поддержку въ личныхъ, честолюбивыхъ побужденiяхъ литовскихъ князей, управлявшихъ подъ рукою Мендовга русскими областями; съ другой стороны мелкiе вожди въ Литвѣ, въ Жмуди, въ землѣ Ятвяговъ смотрятъ недоброжелательно на усиленiе Керново-Новогродскаго князя, на угрожающую имъ потерю власти и самостоятельности вслѣдствiе развитiя его могущества, и поддерживаютъ стремленiе врозь русскихъ земель. Внутреняя реакцiя находитъ притомъ сильную поддержку въ представителяхъ

---

[1]) Ипат. лѣтоп. стр. 541—544. Stryikowski. Kronika, Polska Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa 1846. т. I, стр. 286. Лѣтопись Быховца, стр. 7.

[2]) Подъ 1258 годомъ Ипатская лѣтопись называетъ уже литовскихъ вождей, находившихся въ зависимости отъ Мендовга, и ходившихъ на войну по его приказанiю: Хвала и Сирвида Рушковича. Между тѣмъ въ той-же лѣтописи, нѣсколько раньше, Рушковичи упоминаются какъ самостоятельные литовскiе князья. Стр. 492, 530 и 557.

сосѣднихъ государствъ, желавшихъ предупредить образованіе новаго государства въ той территоріи, на завладѣніе которой по частямъ они питали надежду.

Магистры Ливонскаго ордена, Галицко-Владимірскіе, Польскіе и Мазовецкіе князья спѣшатъ воспротивиться образованію Литовско-Русскаго государства. Въ борьбѣ съ этими препятствіями, внутренними и внѣшними, исчерпалъ свою неутомимую энергію и погибъ Мендовгъ; но онъ первый проложилъ историческій путь къ образованію Литовскаго государства,—слѣдуя по которому, Гедиминъ и его наслѣдники спасли самобытность Литовскаго племени и доставили государственный центръ для разрозненныхъ западнорусскихъ областей.

Починъ реакціи противъ государственнаго строя, водворяемаго Мендовгомъ, принадлежалъ родственнымъ ему литовскимъ князьямъ, опиравшимся на децентрализаціонныя стремленія русскихъ областей. Племянники Мендовга, вокняжившіеся подъ его рукою въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленской области, попытались отложиться отъ него, и были наказаны изгнаніемъ изъ русскихъ удѣловъ и лишеніемъ принадлежавшихъ имъ литовскихъ волостей [1]). Изгнанные князья искали защиты противъ Мендовга и внутри, и внѣ его государства: Товтивилъ Полоцкій, шуринъ Данила и Василька Романовичей, призвалъ на помощь этихъ могущественныхъ князей, давно уже стремившихся къ расширенію своихъ предѣловъ на счетъ Литвы и Кривицкой земли; по общему соглашенію съ Романовичами, Товтивилъ переѣхалъ въ Ригу, и, принявъ тамъ крещеніе, поднялъ на Мендовга Ливонскій орденъ; въ тоже время Даніилъ Романовичъ призвалъ къ общему союзу противъ Литвы польскихъ князей. Между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ подымались на Мендовга внѣшніе враги, не менѣе грозная опасность угрожала ему внутри литовскихъ земель: Ятвяги и Жмудь стали за старину и поднялись на него подъ руководствомъ двухъ другихъ противниковъ его: Эрдвида и Виконта. Ливонскій орденъ вступилъ въ союзъ съ этими вождями литовцевъ, не смотря на то, что они до того времени упорно боролись съ нѣмецкими рыцарями: „тебѣ дѣля, говорилъ магистръ послу Данила, миръ створимъ со Виконтомъ—зане братію нашу многу погуби“ [2]). Силы, которыя могъ противупоставить Мендовгъ наступавшимъ отовсюду на него врагамъ, оказались далеко недостаточными для защиты. Съ удивительною находчивостью литовскій князь успѣлъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія и спасти начатое имъ дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Послѣ долгихъ усилій, ему удалось замирить сильнѣйшаго изъ противниковъ—галицкаго князя, услов-

---

[1]) „За ворожство съ ними Литву заня; поимана бѣ вся земля Литовская и безчисленное имѣніе ихъ, притрано бѣ богатство ихъ.“ Ипат. лѣт. стр. 541.

[2]) Ипат. лѣтоп. стр. 542.

ною уступкою всѣхъ, принадлежавшихъ ему русскихъ земель. По договору, заключенному въ 1255 году между Войшелкомъ, сыномъ Мендовга, и Даніиломъ [1]), вся Черная Русь: Новгородокъ Литовскій, Слонимъ, Волковыскъ, „и вси городы“ переданы были Роману Даниловичу, признавшему надъ собою власть Мендовга по отношенію къ этимъ землямъ. Договоръ этотъ, скрѣпленный бракомъ Шварна Даниловича съ дочерью Мендовга, не смотря на кажущуюся уступку земель, былъ, по послѣдствіямъ своимъ, выгоднѣе для литовскаго князя, чѣмъ для великаго князя галицкаго: семья, вокняжившаяся въ Литвѣ, становилась въ родственныя связи съ представителемъ сильнѣйшаго русскаго стола; наслѣдники Мендовга пріобрѣтали въ Галичѣ точку опоры для внутренней борьбы съ литовскимъ элементомъ внутри своего слагавшагося государства и могли, такимъ образомъ, съ помощью русскаго элемента усилить свое вліяніе на Литовскія племена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, серьозной опасности отчужденія Черной Руси къ Галичу не предстояло. Владѣнія Даніила были отдѣлены отъ этой области: на югѣ—владѣніями Пинскихъ князей, давно уже взиравшихъ съ безпокойствомъ на усиленіе Галицко-Владимірскаго стола, подчинившаго себѣ ихъ удѣлы въ сѣверной Волыни; князья эти, поставленные между двухъ сильныхъ сосѣдей, старались поочередно искать помощи въ Литвѣ противъ Галича и въ Галичѣ противъ Литвы, признавали себя въ зависимости отъ того или другого государства, но дѣлали это „съ лестью“, напрягая всѣ силы для сохраненія своихъ владѣній и своей самостоятельности. Во всякомъ случаѣ они, по видимому, болѣе опасались галицкаго князя и потому болѣе склонны были поддерживать въ борьбѣ съ нимъ Мендовга [2]). Съ запада Черная Русь отдѣлена была отъ галицкихъ владѣній Ятважскою землею; только покоривъ окончательно послѣднюю, Даніилъ Романовичъ могъ разсчитывать на сколько нибудь прочное присоединеніе Черной Руси къ своимъ владѣніямъ. Съ этою цѣлью Даніилъ и предпринялъ рядъ походовъ на Ятвяговъ, но встрѣтилъ со стороны этого племени упорное сопротивленіе, которое заставило его отклонить на второй планъ мысль о присоединеніи Черной Руси; между тѣмъ Литовское княженіе успѣло окрѣпнуть и наслѣдникамъ Даніила оставалось только путемъ договоровъ и родственныхъ связей стремиться къ объединенію владѣній галицкихъ и русско-литовскихъ. Между тѣмъ борьба съ Ятвягами,

[1]) Ипатск. лѣтоп. стр. 551.

[2]) Выше было указано положеніе, которое занималъ въ этой борьбѣ въ 1246 году Пинскій князь Михаилъ. Подъ 1252 годомъ лѣтопись, разсказывая походъ Даніила на Литву черезъ Пинскъ, говоритъ: „князи-же Пинсціи имѣяху лесть и (Даніилъ) поя ѣ съ собою неволею на войну“. Въ 1262 году пинскіе князья: Федоръ, Демидъ и Юрій явились въ станъ Василька Романовича поздравить его съ побѣдою, одержанной имъ надъ Литвою подъ Невлемъ, но въ самомъ походѣ участія не принимали. Ипат. лѣт. стр. 530, 543, 566.

въ которую вовлеченъ былъ Даніилъ Романовичъ, вслѣдствіе уступки его сыну городовъ русско-литовскихъ, была выгодна для Мендовга въ томъ отношеніи, что она избавляла его отъ одного изъ самыхъ упорныхъ внутреннихъ противниковъ его государственной дѣятельности, такъ какъ Ятвяги вмѣстѣ со Жмудью стояли во главѣ литовской реакціи противъ этой дѣятельности.

Таже политика: пораженіе внутреннихъ противниковъ посредствомъ сдѣлки съ внѣшними врагами, также удачно проведена была Мендовгомъ и на другомъ рубежѣ его государства. Еще прежде чѣмъ удалось Мендовгу замирить Галицкаго князя, онъ успѣлъ заключить договоръ съ Ливонскимъ орденомъ. Подарками, обѣщаніями, изъявленіемъ полной готовности на всевозможныя уступки онъ успѣлъ склонить на свою сторону магистра ордена. Оставленный въ трудную минуту безъ поддержки со стороны литовскихъ племенъ, чуждавшихся его централизаціонныхъ стремленій, Мендовгъ отвѣчаетъ своимъ единоплеменникамъ угрозою подавить самую существенную черту ихъ національнаго быта—народную религію. Онъ заявляетъ готовность принять крещеніе, и Ливонскій магистръ, желая въ глазахъ западнаго христіанства пріобрѣсти для своего ордена славу апостольской дѣятельности, беретъ Мендовга подъ свое покровительство. Въ 1250 году произошло въ Новогродкѣ Литовскомъ торжественное крещеніе Мендовга и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчаніе его на царство королевскою короною, присланною ему папою Иннокентіемъ IV [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о тѣсномъ союзѣ и наружной преданности Мендовга Ливонскому ордену; въ теченіе одинадцати лѣтъ (1250—1261) Мендовгъ выдаетъ ордену 8 грамотъ, въ силу которыхъ отчуждаетъ въ пользу ордена разные округи Литовской земли; вѣроятно отчужденія эти относились къ такимъ областямъ, которыя на дѣлѣ не принадлежали Мендовгу и, напротивъ того, служили опорою внутренней противъ него реакціи; не имѣя данныхъ о другихъ, менѣе значительныхъ, уступкахъ, мы полагаемъ, что такое значеніе должна была имѣть грамота, данная Мендовгомъ 7 августа 1259 года, которою онъ дарилъ ордену всю Жмудь. Магистръ ордена, не ограничиваясь этими частными уступками, склонилъ Мендовга въ 1260 году выдать ему грамоту, которою король литовскій отписывалъ ордену все свое княжество, въ случаѣ прекращенія своего рода [2]). Со стороны Мендовга всѣ эти уступки ордену, равно какъ и принятіе христіанства, были только вѣрно расчитанными политическими мѣрами для того, чтобы сокрушить сопротивленіе, встрѣченное имъ внутри литовскихъ земель. Литва и Жмудь дол-

---

[1]) Hermanni de Wartberg. Chronicon Livoniae. Script. rer. Prussic. II, стр 38.

[2]) Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów etc. т. I, стр. 81, 83, 91, 92, 94, 99, 101, 105. Scriptores rer. Prussic. т. II, стр. 136—138.

жны были наглядно убѣдится въ томъ, что упорствуя въ своей разрозненности, онѣ раньше или позже сдѣлаются добычею нѣмецкаго ордена и испытаютъ всю тягость этаго господства. Одинатцать лѣтъ уступчивости и терпѣнія со стороны Мендовга привели, наконецъ, къ желанному результату: управленіе ордена въ уступленныхъ ему округахъ, насильственное обращеніе ихъ жителей въ христіанство, раздача отнятыхъ у туземцевъ земель католическому духовенству, нѣмецкимъ рыцарямъ и колонистамъ, сборъ десятины и податей, непризнаніе правъ мелкихъ литовскихъ владѣтелей и конфискація ихъ имущества, наконецъ угроза окончательнаго подчиненія въ скоромъ времени всѣхъ литовскихъ земель власти ордена, всѣ эти обстоятельства вызвали сильное волненіе среди Литовцевъ [1]); племена Литвы и Жмуди готовы были теперь предпочесть власть своего природнаго великаго князя, принести ей въ жертву значительную долю своихъ автономическихъ привычекъ, чѣмъ подчинится ненавистной власти иноплеменнаго ордена; желая начать борьбу съ Нѣмецкими рыцарями, они обратились къ Мендовгу въ надеждѣ найти въ немъ руководителя въ этой борьбѣ. Между тѣмъ Мендовгъ зорко слѣдилъ за настроеніемъ своихъ единоплеменниковъ и ожидалъ только минуты, когда раздраженіе достигнетъ нужной для борьбы степени интензивности. Наконецъ въ 1260 году, подъ руководствомъ Мендовга вспыхнуло повсемѣстное везстаніе противъ ордена: въ Жмуди, Литвѣ и Корси. Ливонскій орденъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе на берегахъ рѣки Дурбе въ Курляндіи, и потерялъ вслѣдствіе него плоды многолѣтнихъ усилій и всѣ территоріальныя прібрѣтенія полученныя имъ отъ Мендовга. При появленіи первыхъ признаковъ движенія, король Литовскій вдругъ разорвалъ всѣ связи съ орденомъ, отрекся отъ христіанства, которое, по свидѣтельству современниковъ, онъ принялъ было только наружно, и, ставъ вновь во главѣ Литовскаго государства, вышедшаго изъ борьбы болѣе сплотившимся и окрѣпшимъ, устремился къ освожденію другихъ вѣтвей Литовскаго племени, потерявшихъ раньше свою самостоятельность въ борьбѣ съ орденомъ. Вслѣдствіе побужденій Мендовга и при его помощи вспыхнули возстанія въ Пруссіи, въ Корси и въ Жемгалѣ, задержавшія на долго натискъ крестоносцевъ на центарльное Литовско-Русское княжество.

Впрочемъ дѣятельность Мендовга остановлена было въ самомъ началѣ этого предпріятія тѣми-же внутренними препятствіями, которыя были причиною первой его неудачи. Лишь только миновала опасность порабощенія крестоносцами, немедленно антагонизмъ областныхъ вождей вступилъ въ борьбу съ великокняжеской властью. Ипатская лѣтопись отчетливо указываетъ на то, что причина этой внутренней борьбы заключалась въ протестѣ подручныхъ князей противъ самовластія Мендовга [2]). Многочисленные князья

---

[1]) Lucas David. Preussische Chronik, т. IV, стр. 139.

[2]) Миндовгъ самодержецъ бысть во всей земли Литовской Убiство-же

Литовскіе и Русскіе составили противъ него заговоръ, руководителями котораго лѣтописи называютъ: Довмонта, князя Нальщанскаго, Тройната —одного изъ владѣтелей въ Жмуди, Товтивила, успѣвшаго вновь вокняжиться въ Полоцкѣ и Эрденя сына Давилова, двоюроднаго брата Мендовга [1]. Въ 1263 году заговорщики, воспользовавшись походомъ Мендовга на Брянскаго князя Романа, убили его въ лагерѣ, на пути, вмѣстѣ съ двумя младшими его сыновьями.

Не смотря однако на погибель Мендовга, основанное имъ государство успѣло уже достаточно окрѣпнуть для того, чтобы не разложиться среди междоусобій, возникшихъ послѣ его смерти. Заговорщики, тяготившіеся самовластіемъ Мендовга и убившіе его за стремленіе къ самодержавію, спѣшатъ, немедленно послѣ его смерти, занять созданное имъ положеніе главы обширнаго Литовско-русскаго государства [2]). Между убійцами Мендовга возникаетъ упорная борьба, въ которой интересъ охраненія самостоятельности областей, отдѣльныхъ округовъ и земель отступаетъ все болѣе и болѣе на второй планъ, главное-же мѣсто занимаетъ борьба областныхъ представителей за великокняжескій столъ. Среди этой личной борьбы ясно выдѣляется борьба двухъ народныхъ началъ, за преобладеніе въ государствѣ, и на этотъ антагонизмъ національный опираются поочередно соискатели великокняжескаго стола.

Послѣ убіенія Мендовга, въ средѣ заговорщиковъ образовались двѣ партіи съ характеромъ такой народной противоположности. Во главѣ одной стоялъ Стройнатъ, представитель Жмуди, области, составлявшей до половины XV столѣтія главный оплотъ Литовскаго народнаго начала; во главѣ другой—Полоцкій князь Товтивилъ, давно уже принявшій крещеніе, обрусѣвшій

его сице скажемъ: бысть княжещю ему въ земли Литовской и нача избивати братью свою, и сыновцѣ свої, и другіе выгна изъ земли и нача княжити одинъ во всей землѣ Литовской и нача гордѣти велми и вознесеся славою и гордостью великою и не творяше противу себѣ никого-же. Ипат. лѣт. стр. 567. Тоже говоритъ и Длугошъ: Molesta enim et gravis fuit ceteris Lituaniae principibus Mendog, Lithuanorum regis, qua sibi rerum summam usurpare conabatur, potentia. Длуг. т. I, стр. 770.

[1]) Ипатская лѣтоп. стр. 568; Воскресенская лѣтоп. стр. 165. Лѣтопись Литвы и хроника Русская, изд. Даниловича, стр. 147 Густынская лѣтоп. стр 343. Длугошъ, т. I. стр. 769.

[2]) Такое значеніе переворота, случившагося въ Литвѣ въ 1263 году, указано въ иноземныхъ хроникахъ. Такъ Hermann de Wartberge говоритъ: Hoc etiam tempore rex Letwinorum Mindowe fuit a quodam generoso Litwino, proponente usurpare regnum, itnerfectus. (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 45). Густынская лѣтопись передаетъ извѣстіе о смерти Мендовга слѣдующими словами: „Стройнатъ бо.... съ Довмонтомъ ... убиша Мендовга.... княжства ради, а самъ Стройнатъ сяде на великомъ княствѣ Литовскомъ. (Густ. Л., стр., 343).

и опиравшійся на связи съ Новгородомъ и Псковомъ. Партіи эти становятся въ враждебное другъ къ другу отношеніе изъ за дѣлежа Мендовговаго наслѣдства [1]). Преданный однимъ изъ полоцкихъ бояръ, Товтивилъ былъ убитъ Стройнатомъ и сынъ его долженъ былъ бѣжать изъ Полоцка въ Новгородъ; Стройнатъ вокняжился въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и „Литва посадиша въ Полоцку своего князя".

Но подавленіемъ Полоцка литовская партія не достигла окончательной побѣды надъ русскою; вмѣсто Товтивила, во главѣ ея становится новый поборникъ ея интересовъ, болѣе сильный и предпріимчивый—это былъ старшій изъ сыновей Мендовга—Войшелкъ. Князь этотъ, одаренный порывистымъ, неукротимымъ характеромъ, преданъ былъ всецѣло интересамъ Русской народности, культурному вліянію которой онъ подчинился со всею страстностію убѣжденнаго неофита, съ пылкостью дикаря, впервые уразумѣвшаго начала цивилизаціи. Еще въ началѣ княженія отца, Войшелкъ управлялъ отъ его имени Новогродкомъ-Литовскимъ и тянувшею къ этому городу Чорною Русью; въ то время онъ сталъ извѣстенъ современикамъ страшною жестокостью, съ которою преслѣдовалъ противниковъ политическихъ плановъ Мендовга [2]). Во время погрома, постигшаго Мендовга въ 1255 году, Войшелкъ вошелъ въ сношенія съ Даніиломъ Романовичемъ и, находясь въ необходимости снискать миръ какою-бы то ни было цѣною, онъ долженъ былъ уступить свой Новогродскій удѣлъ Роману Даниловичу и самъ переѣхалъ въ Холмъ, вѣроятно въ качествѣ заложника. Здѣсь онъ познакомился съ лучшимъ развитіемъ тогдашней русской жизни и сблизился съ лучшими ея представителями. Обращенный въ христіанство поученіями Григорія игумена Полонинскаго, „иже бысть человѣкъ святъ, якого-же не бысть передъ нимъ, и ни по немъ не будеть", Войшелкъ принялъ новую вѣру не какъ политическую необходимую мѣру, но съ глубокимъ убѣжденіемъ и со всею пылкостью и страстностью свей натуры; не удовлетворившись крещеніемъ, онъ постригся въ монахи и мечталъ о томъ, чтобы посвятить себя вполнѣ аскетической жизни на Аѳонѣ. Возвратившись въ отечество, онъ основалъ монастырь на берегахъ Нѣмана и, не смотря на укоры отца, казалось предался исключительно исполненію религіозныхъ обязанностей [3]). Послѣ смерти Мендовга

---

[1]) По словамъ лѣтописи, Стройнатъ предложилъ Товтивилу „раздѣлити землю и достатокъ Мендовга", но во время переговоровъ „поча думати Товтивилъ, хотя убити Троняту, а Тронятэ собѣ думаеть на Товтивила пакъ". (Ипат. Лѣт. стр. 569. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 147—148),

[2]) Войшелкъ-же нача княжити въ Новѣгородцѣ, въ поганьствѣ буда, и нача проливати крови много; убивашеть бо на всякъ день по три, по чотыри; которого-же дни не убьяшеть кого, печаловашеть тогда, коли-же убьяшеть кого, тогда веселъ бяшеть. Ипат. лѣт. стр. 567.

[3]) Ипат. лѣтоп. стр. 551, 567—568. Лѣтоп. изд. Даниилов. стр. 148—149.

Войшелкъ бѣжалъ въ Пинскъ и здѣсь оставался безучастнымъ зрителемъ событій, происходившихъ въ Литвѣ до смерти Товтивила Но, когда литовско-языческая партія въ лицѣ Стройната востржествовала, Войшелкъ поднялся на защиту Русской народности, съ которою связанъ былъ неразрывно христіанствомъ. Въ 1265 г., оставивъ „ризу" монашескую, Войшелкъ, съ помощью Пинскихъ князей, пошелъ на Новогродокъ и овладѣлъ имъ безъ сопротивленія [1], затѣмъ, призвавъ на помощь Шварна Даниловича, онъ началъ кровавую расправу съ представителями литовской партіи. Стройнатъ погибъ отъ руки подосланныхъ убійцъ, разныя литовскія области заняты были русскими дружинами и враги великокняжеской власти и русско-христіанскаго государственнаго начала подверглись казнямъ. Многіе должны были бѣжать навсегда изъ отечества, въ томъ числѣ одинъ изъ убійцъ Мендовга—Довмонтъ князь Нальщанскій, прославившійся впослѣдствіи во Псковѣ [2]. Желая упрочить господство русскаго культурнаго начала въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, Войшелкъ рѣшился ввести это княжество въ составъ галицко-русскихъ владѣній: онъ назвалъ себя сыномъ Василька Романовича Волынскаго и, въ свою очередь, усыновилъ Шварна Даниловича; послѣднему онъ передалъ княженіе и возвратился въ монастырь, „плачася грѣховъ своихъ" [3].

Установленное такимъ образомъ преобладаніе въ Литвѣ русскаго элемента было еще не окончательно. Литовская народность, временно подавленная, не располагала отказаться отъ своихъ притязаній на господство и должна была заявить эти притязанія при первой возможности. Возможность такая представилась въ 1267—1268 годахъ вслѣдствіе, почти одновременно случившейся, смерти и Войшелка, убитаго Львомъ Даниловичемъ, и Шварна Даниловича. Несогласія, возникшія въ галицкой княжеской семьѣ, не дозволили представителямъ ея съ достаточною силою поддержать права свои на Литовское княженіе, и великокняжескій столъ заняли представители враждебнаго имъ начала. Послѣ смерти Шварна Даниловича въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ преобладаетъ литовское начало. Вслѣдствіе устраненія Литвы отъ русской жизни, лѣтописи сообщаютъ намъ мало подробностей объ этомъ періодѣ времени. Изъ разрозненныхъ лѣтописныхъ

---

1) Ипат. лѣт. стр. 569.

2) И нача (Войшелкъ) пристраиватися, и поиде въ силѣ тяжьцѣ и нача городы имати во Дявельтвѣ, въ Литвѣ, и въ Нальщанехъ; городы-же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша во свояси. (Ипат. стр. 570). Шедъ на поганую Литву, побѣди я и стоя на земли ихъ все лѣто. Тогда-же окаяннымъ вдасть Господь по дѣломъ ихъ; всю бо землю оружіемъ плѣни, а по христіанской земли по всей веселіе бысть на многа лѣта. Того-же лѣта вбѣгоша въ Псковъ Литва съ 300 мужъ, съ женами и съ дѣтьми и крести ихъ князь Святославъ.... Въ лѣто-же 1266 блаженный князь Домонтъ съ дружиною своею и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое землю Литовскую и приѣха во Псковъ и крестися. (Лѣтоп. изд. Данилов. стр. 149).

3) Ипат. лѣтоп. стр. 570; Густын. лѣт., стр 344.

сказаній, мы можемъ однако заключить, что великое княжество Литовское потеряло въ это время въ значительной степени ту внѣшнюю силу и внутреннюю связь, которыя оно успѣло пріобрѣсти при Мендовгѣ и его ближайшихъ наслѣдникахъ. Представители литовскаго народа пытались опереться исключительно на свои національныя начала: язычество и обособленность отдѣльныхъ земель; они упорно отбивались отъ единенія съ христіанскою Русью и, такимъ образомъ, лишились поддержки того элемента, который могъ имъ оказать единственную возможную помощь для спасенія самостоятельности ихъ собственнаго племени.

Во внутреннемъ быту великаго княжества Литовскаго мы замѣчаемъ въ это время стремленіе областей къ обособленію и пріобрѣтеніе многими изъ нихъ независимости по отношенію къ власти великаго князя. Такъ въ Полоцкѣ и Витебскѣ утвердился Литовскій князь Эрдень [1]), не признававшій надъ собою власти великаго князя; въ 1264 онъ заключилъ съ Ливонскимъ орденомъ и городомъ Ригою трактатъ отъ имени своего и своихъ княжествъ: Полоцка и Витебска, не упомянувъ въ немъ вовсе о великомъ князѣ Литовскомъ. Изъ разсказа лѣтописи о столкновеніи Эрденя со Псковомъ, въ 1266 г., явствуетъ, что земли Полоцкая и Витебская распадались тогда на многіе мелькіе удѣлы, въ которыхъ вокняжились Литовскіе вожди, признавшіе надъ собою верховную власть Полоцкаго князя Эрденя, а не Новгородъ-Литовскаго великого князя [2]). Признаки такого же обособленія и независимости мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ коренныхъ литовскихъ земляхъ; такъ, находимъ подъ 1289 годомъ, извѣстіе о самостоятельномъ князѣ въ части собственной Литвы.—Буркиwидѣ, заключившемъ договоръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ, которому онъ въ залогъ мира уступилъ свой городъ Волковыскъ [3]). Участвовавшій въ заключеніи этого договора, Жмудскій князь Бутегайде, велъ въ то время войну съ Ливонскимъ орденомъ и магистръ считалъ его самостоятельнымъ царемъ (rex) Жмуди [4])

Такимъ образомъ количество земель, подчинявшихся великому князю жившему въ Новгродкѣ Литовскомъ, значительно уменьшилось. Княжествомъ этимъ владѣлъ, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, князь Тройденъ

[1]) Послѣ Товтивила Полоцкомъ владѣлъ какой то князь Изяславъ; и Витебскомъ другой Изяславъ; оба они признавали надъ собою власть Войшелка. Намъ неизвѣстно какимъ образомъ мѣсто ихъ занялъ Эрдень. Наперскій. Русско-Ливонскіе акты; стр, 12, 26.

[2]) Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 13, № XXV-а. Лѣтопись изданная Даниловичемъ стр. 150—153: „князю-же Герденю *съ своими князи* не бывшю дома, приехавша въ домы своя, аже домы ихъ и земля плѣнена вся; ополчижеся князь Гердень, и Готортъ, и Люмбей и Люгайло и прочія князи Литовскія“.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 613—614.

[4]) Тамъ же. Skarbiec dyplomatów etc. Daniłowicza т. I стр. 125.

(1270—1282), ревностно преданный язычеству и народнымъ литовскимъ началамъ; все время его княженія прошло въ безпрестанной, упорной, но неудачной борьбѣ съ иноплеменниками изъ за этихъ интересовъ. Съ одной стороны Тройденъ стремился отклонить притязанія галицко-волынскихъ князей на великое княжество Литовское, отражалъ успѣшно ихъ походы и ограждалъ границы своихъ земель со стороны Волыни поселеніемъ въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ Прусско-литовскаго племени [1]). Съ другой стороны, онъ поставленъ былъ въ необходимость защищать сопредѣльные съ Литвою народы Литовскаго племени отъ натиска иноплеменниковъ и, не смотря на крайнія усилія, на удачныя походы и побѣдоносныя битвы, не въ состояніи былъ защитить ни одного изъ нихъ. То литовское начало, во имя котораго дѣйствовалъ Тройденъ, внесло съ собою въ строй великаго княжества преданія о такой разрозненности областной, которая и не дозволяла великому князю располагать достаточными для борьбы силами. Дѣйствительно въ разсматриваемый промежутокъ времени, послѣдовавшій за смертію Шварна Даниловича, одинъ Литовскій народъ за другимъ окончательно падаетъ въ борьбѣ съ иноплеменниками, которые вновь приближаются со всѣхъ сторонъ къ предѣламъ Жмуди и Литвы. Такъ, Ливонскій орденъ, не смотря на нѣсколько чувствительныхъ пораженій, нанесенныхъ ему Литовцами, успѣлъ подчинить себѣ Жемгалу [2]). Прусскіе крестоносцы подавили окончательно возстанія Пруссовъ, и принудили ихъ или подчиниться безусловно власти ордена или бѣжать изъ отечества въ Литву [3]). Наконецъ польскіе князья, не смотря на опустошительные набѣги Литовцевъ на Польшу и Мазовію, овладѣли тою частью Ятвяжской земли, которая не была раньше покорена Волынскими князьями и „Ятвягомъ здѣ бысть остатняя погибель“ (1281) [4]).

Такимъ образомъ опасность, отвращенная на время Мендовгомъ, опять стала угрожать великому княжеству Литовскому. Представители его должны были сознать, что для спасенія своей родины, имъ необходимо отказаться отъ

---

[1]) Ипатск. лѣт. стр. 577—579.

[2]) 1270. Fuit autem Otto magister occisus a Letwinis in maritima, circa Karuszen, in glacie cum 52 fratribus ac 600 fidelibus. Andreas vice-magister Livoniae eodem anno fuit in conflictu contra Letwinos occisus cum 20 fratribus—Hujus tempore Semigallienses subjugati dederunt censum et tributum. Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae. Scrip. rer. Prussic II, стр. 47—48.

[3]) Eo tempore (1283), quo ab incepto bello contra gentem Pruthenorum fluxerant jam 53 anni, omnes nationes in dicta terra expugnatae essent et exterminatae, ita, quod unus non superesset, qui sacrosanctae Romanae ecclesiae non subjiceret collum suum; fratres domus Teutonicae contra gentem illam potentem et durissimae cervicis, exercitatamque in bello, qnae fuit vicinorum terrae Prussiae, ultra flumen Memele, in terra Litoviae habitans, inceperunt bellum. Dusburg. pars III. cap. 216.

[4]) Густынская лѣтоп. стр. 346.

исключительнаго преобладанія національныхъ литовскихъ началъ и что они могутъ извлечь новыя силы для борьбы, только обратившись за помощью къ Руси, какъ вошедшей уже въ составъ великаго княжества Литовскаго, такъ и сопредѣльной съ нимъ. Это историческое призваніе выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ исходѣ XIII столѣтія, въ лицѣ Витеня и наслѣдника его Гедымина.

II

Витень и Гедыминъ.

1293—1341.

Новая династія, окончательно установившая и упрочившая Литовско-русское государство и расширившая его предѣлы до значительныхъ размѣровъ, вокняжилась въ немъ въ концѣ XIII столѣтія. Свѣдѣнія о происхожденіи этой династіи весьма скудны и разнорѣчивы въ дошедшихъ до насъ источникахъ, которые не даютъ намъ даже возможности указать точно время ея вокняженія. Оно послѣдовало, вѣроятно, въ промежутокъ времени между 1282 годомъ, по который княжилъ, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, великій князь Тройденъ и 1291—въ которомъ Дюсбургъ упоминаетъ уже о первомъ князѣ новаго рода. Описывая подъ этимъ годомъ набѣгъ Литовцевъ на Польшу, Дюсбургъ говоритъ: „Лютуверъ князь (rex) Литовскій отправилъ въ этомъ году своего сына Витеня съ большимъ войскомъ въ Польшу, въ землю Брестскую“ [1]). За исключеніемъ этого свидѣтельства Дюсбурга, заимствованнаго у него двумя другими нѣмецкими анналистами и Стрыйковскимъ [2]), мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній о началѣ новаго литовскаго княжескаго рода. По словамъ преданія, сохранившагося въ лѣтописи т. н. Быховца, родъ этотъ происходилъ отъ владѣтельныхъ князей Эйраголы въ Жмуди и представитель его, служившій долгое время въ разныхъ должностяхъ (комор-

---

[1]) Dusburg pars III, cap. 241.

[2]) Nicolaus von Jeroschin. Chronike von Pruziland (Script. rer. Prussic. I. 532). Die ältere Hochmeister chronik (ibid III, 582). Stryjkowski (изд. 1846 г., I, 267. Всѣ три источника, заимствовавъ свѣдѣніе у Дюсбурга, передаютъ

ника, маршалка) у великаго князя Тройдена, наслѣдовалъ послѣ его смерти великокняжескій престолъ [1]. О первомъ князѣ этого рода, Лютуверѣ, кромѣ вышеприведенныхъ словъ Дюсбурга, въ источникахъ нѣтъ другихъ указаній; онъ уступилъ мѣсто своему сыну Витеню уже въ 1293 году [2]. Витень (1293—1316) и наслѣдовавшій ему другой сынъ Лютувера—Гедыминъ (1316—1341), были дѣйствительными основателями могущества великаго княжества Литовскаго [3]; князья эти умѣли соединить подъ своею властью силы, достаточныя для борьбы съ наступавшими на Литву сосѣдями; они успѣли остановить завоевательное движеніе крестоносцевъ, расширили предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовали сильное государство, вошедшее какъ новая политическая сила въ число установившихся уже государственныхъ единицъ европейскаго материка.

имя Литовскаго князя съ опискою: первые два, вмѣсто Lutuwerus, пишутъ Putuwerus, а послѣдній—Utinuerus.

[1] Лѣтоп. Быховца 13—14, „Витень, который-же былъ зъ рожаю и зъ поколѣнія Колюмновъ, зъ имѣнія держачого въ Жомонти, реченного *Айрагола*.... князь великій Тройденъ.... взялъ его къ собѣ, и былъ въ него коморникомъ.... и вчинилъ его въ себе маршалкомъ, и былъ въ него милосникомъ.... а затымъ, по смерти его, взятъ есть на великое князство". Преданіе это, относившееся, вѣроятно, къ Лютуверу, послужило въ послѣдствіи мотивомъ для разсказа о вокняженіи Гедымина, служившаго будто конюхомъ у Витеня и похитившаго его престолъ.

[2] Въ 1292 году Дюсбургъ (p. III, cap. 243, 260) упоминаетъ о набѣгѣ Литовцевъ на Польшу подъ предводительствомъ „Витеня, сына короля Литовскаго", а въ 1296 г. разсказываетъ уже о походѣ на Ливонію „Литовскаго короля Витеня". Длугошъ (Hist. Pol. I, 869—870), разсказывая о набѣгахъ Литовцевъ на Польшу въ 1293 и 1294 годахъ, утверждаетъ, что они происходили подъ начальствомъ „Vitenis ducis Lituaniae".

[3] Относительно преемственности власти и родственной связи между Гедыминомъ и Витенемъ, въ источникахъ существуетъ большое разногласіе: Лѣтопись Быховца (стр. 14) и за нею Стрыйковскій (I, 354), Кояловичъ (Historia Lituaniae I, 244), Ярошевичъ (Obraz Litwy I, 42) Лелевель (Histoire de la Lithuanie et de la Ruthenie, 121), и Нарбутъ (Dzieje narodu Litewskiego IV, 456) считали Гедымина сыномъ Витеня. Это, хотя позднее, но правдоподобное и близкое къ истинѣ извѣстіе было въ послѣдствіи затемнѣно легендами, возникшими подъ вліяніемъ политическихъ страстей болѣе поздняго времени. Одинъ легендарный варіантъ о происхожденіи Гедымина явился у Нѣмецко-Прусскихъ хронистовъ, другой—въ Русскихъ хронографахъ. Въ той части анналовъ Оливскаго монастыря, которая была составлена уже въ XV столѣтіи, среди тяжелой для ордена борьбы съ Ягайломъ и Витовтомъ, лѣтописецъ ордена, желавшій унизить происхожденіе враждебныхъ ордену государей, вставилъ разсказъ о томъ, что Гедыминъ служилъ будто конюхомъ у Литовскаго князя Витеня, и, затѣмъ, въ заговорѣ съ его женою, убилъ Витеня и овладѣлъ его престоломъ. Эта легенда заимствована была изъ Оливскихъ анналовъ Длугошемъ (I Lib. X, 60) и отъ послѣдняго перешла къ Кромеру, (De origine et rebus gestis Polonorum., 238) Бѣльскому

Въ разсказахъ лѣтописцевъ о княженіи Витеня, мы встрѣчаемъ исключительно рядъ извѣстій о безпрерывныхъ войнахъ съ крестоносцами и о набѣгахъ на Польшу: только въ княженіе Гедымина прибавляются къ этимъ извѣстіямъ свѣдѣнія о другихъ сферахъ дѣятельности этого князя.

Впрочемъ, характеръ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ указываетъ уже на новый поворотъ, случившійся во внутреннемъ строѣ великаго княжества Литовскаго и на усвоеніе имъ болѣе культурныхъ формъ быта. Вмѣсто нестройныхъ деревенскихъ ополченій, литовскіе князья предводительствуютъ благоустроенными арміями; они даютъ крестоносцамъ и Полякамъ сраженія и нерѣдко побѣждаютъ ихъ въ регулярныхъ битвахъ [1]); арміи литовскія

—

(Kronika Polska, 208), Гвагнини и Нарушевичу (Historja narodu Polskiego, изд. 1836, VIII, 138), тоже мнѣніе повторилъ Voigt (Geschichte Preussens IV, 314). Еще позже, въ XVI столѣтіи, у составителей русскихъ хронографовъ и лѣтописныхъ сводовъ, легенда эта, заимствованная у польскихъ лѣтописцевъ, подверглась нѣкоторой передѣлкѣ, согласно политическимъ интересамъ того времени; желая доказать генеалогическимъ путемъ право великихъ князей Московскихъ на владѣніе великимъ княжествомъ Литовскимъ и представить литовскихъ князей незаконными похитителями власти, русскіе хронисты составили слѣдующее сказаніе: „Въ лѣто 6801 (1293), по плѣненіи безбожнаго Батыя, избѣжа отъ плѣна сего нѣкій князь, именемъ Вытенецъ, рода Смоленскихъ (по другимъ спискамъ Полоцкихъ) князей, Ростислава Мстиславича, и вселись у Жомойты у нѣкоего бортника, и поять у него дщерь въ жену себѣ, и пребы съ нею 30 лѣтъ бездѣтенъ, и убьенъ бысть громомъ. И послѣдки забитенца поятъ жену его рабъ его, конюшецъ, именемъ Гедыманикъ, и роди отъ нея 7 сыновъ". (Рукописи Румянцевскаго музея: собраніе Ундольскаго № 576, листъ 27 на обор. и № 762, стр. 64—66; собраніе Пискарева № 176, л. 715). На основаніи одного варіанта этого сказанія и свидѣтельства Длугоша, Карамзинъ повторилъ тоже мнѣніе (Ист. Гос. Рос. изд. 1833 г. IV, стр. 233 и примѣч. 244); наконецъ, Соловьевъ (Ист. Россіи III, стр. 306 и примѣч. 422) также склоняется отдать преимущество этому разсказу. Только въ послѣднее время, благодаря вновь открытымъ документамъ, представилась возможность уяснить темный вопросъ о происхожденіи Гедымина. Въ грамотѣ, писанной этому князю магистратомъ города Риги 1323 года, сказано: „Noveritis, nos litteram vestram recipisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut V i t h e n e, b o n a e m e m o r i a e f r a t e r v e s t e r e t a n t e c e s s o r nobiscum habuit". (Наперскій Русско-Ливонскіе акты, стр. 31). На значеніе этого документа для установленія генеалогіи Гедымина обратилъ вниманіе Никитскій (Русская старина 1871 г. т. IV, статья: кто такой былъ Гедыминъ?).

[1]) Литовскіе источники сохранили преданіе о битвѣ надъ р. Жеймиле, въ которой Гедыминъ нанесъ рѣшительное пораженіе крестоносцамъ (лѣт. Быховца 14—15; Стрыйковскій I 361—362; Кояловичъ I 246—249). Подъ 1320 г. Дюсбургъ сообщаетъ извѣстіе о пораженіи крестоносцевъ въ битвѣ при Мѣдникахъ, въ которой погибъ великій маршалъ ордена со всѣмъ войскомъ (р. III, cap. 331). Въ 1292 году Куявскій князь Казиміръ, защищая

многочислены и дисциплинированы [1]), онѣ предпринимаютъ продолжительные и отдаленные походы [2]), не удовлетворяются, какъ до того времени, грабежемъ непріятельской территоріи, но осаждаютъ города, берутъ приступомъ укрѣпленія, воздвигаютъ стѣнобитныя машины и располагаютъ правильные лагери [3]). Границы земли Литовской защищены теперь отъ враговъ не одними пущами, болотами и озерами, какъ въ былое время, но цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ замковъ и городовъ [4]); жители всего края обязаны, въ силу распредѣленія между ними государственной повинности, состоять, въ качествѣ гарнизона, по очереди на стражѣ этихъ крѣпостей [5]) и умѣютъ

свой удѣлъ отъ нападенія Витеня, погибъ въ сраженіи съ Литовцами у Троянова, вмѣстѣ съ 1,800 своихъ рыцарей (Длугошъ I, 870; Дюсбургъ p. III, cap. 325) и т. п.

[1]) На эти качества литовской арміи указываютъ постоянно современныя свидѣтельства. Такъ у Дюсбурга, при описаніи нападеній Витеня и Гедымина на земли ордена; сказано: „Rex Littowiae cum maximo exercitu Sambiam et Natangiam vexavit“. „Vitenes cum 4000 virorum praelectorum intravit terram Prussiae“. „Lettovini cum omni potentia exercitus sui venerunt occulte et improvise ad castrum Raguitam“. „Lettowini, congregato iterum exercitu valido, venerunt ad ducatum Dobrzyn“. „Rex (Gedyminus) misit alium exercitum praegrandem versus Livoniam и т. д. (Dusburg III, cap 299, 303, 316, 339, 351).

[2]) Не ограничиваясь нападеніями на пограничные округи Пруссіи, Ливоніи и Мазовіи, Литовцы при Витенѣ и Гедыминѣ предпринимаютъ продолжительные военные походы въ глубь непріятельскихъ земель; такъ, въ 1292 г. Витень опустошилъ землю Ленчицкую, а въ 1306—1307 г. Калишскую и Сѣрадскую, лежавшія въ глубинѣ и на западной окраинѣ Польши (Длугошъ I, 870, 916 и 923) Въ 1323 г Гедыминъ предпринималъ удачный походъ въ область города Ревеля, а въ 1326 онъ вторгнулся въ Брандебургскую мархію, расположился станомъ у Франкфурта на Одерѣ и опустошилъ обширную область вокругъ этого города (Dusbug III, cap. 336 и 354. Длугошъ I 993).

[3]) Въ источникахъ мы встрѣчаемъ извѣстія о взятіи Литовцами укрѣпленныхъ городовъ: Ленчицы, Калиша, Ставишина, Добрина, Мемеля и т. д. (Dusburg III, cap. 337, 339; Длугошь I 870, 916, 980). Въ 1315 г. Витень осаждалъ замокъ крестоносцевъ—Христмемель въ теченіи 17 дней „duabus machinis et multis sagittariis“. а въ 1311 г., защищая Гродно, „cum magna potentia exercitus sui, castra metatus est circa Gartham“. (Dusburg III, cap. 305, 317).

[4]) Въ описаніи походовъ крестоносцевъ на Литву при Витенѣ и Гедыминѣ, кромѣ старыхъ русскихъ городовъ: Гродна и Новгородка-Литовскаго, мы встрѣчаемъ упоминанія о слѣдующихъ замкахъ, и крѣпостяхъ, охранявшихъ западную границу собственной Литвы и Жмуди: Юнигеда, Писта, Кимель, Онкаимъ, замокъ Гедыминъ, Путеба, Бисена, Шройнете, Буерварте, Систиденъ, Медераге, Путенике. Крѣпости эти выдерживали осады и приступы крестоносцевъ, повторявшіеся иногда ежегодно въ продолженіи многихъ лѣтъ (какъ Гродно, Юнигеда, Бисена и друг.) и успѣвали побѣдоносно отражать ихъ. (Dusburg III, cap. 247—344).

[5]) „У Литовцевъ обыкновенно соблюдается слѣдующій обычай отно-

ихъ защищать съ храбростью и знаніемъ военнаго дѣла; крестоносцы успѣваютъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и то по большей части лишь съ помощью хитрости или измѣны, овладѣвать литовскими городами [1]).

Это замѣтное усиленіе и усовершенствованіе строя литовскихъ военныхъ силъ зависѣло отъ перемѣны, происшедшей въ внутренней группировкѣ составныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, именно, отъ призыва князьями новой династіи русскихъ силъ къ участію въ защитѣ интересовъ Литовскорусскаго государства Къ несчастію, среди многочисленыхъ и подробныхъ историческихъ извѣстій о военныхъ походахъ того времени, мы не находимъ указаній на тѣ пріемы внутренней огранизаціи, посредствомъ которыхъ Витень успѣлъ вызвать изъ Руси силы, доставившія сильную точку опоры Литовскому государству. Несомнѣнно однако, что перемѣна, происшедшая въ организаціи военнаго дѣла въ Литвѣ, зависѣла отъ новаго прилива русскихъ силъ, выступившихъ теперь на защиту общаго государства. Одновременно съ вышеприведенными свидѣтельствами объ новомъ строѣ военнаго дѣла въ Литвѣ, всѣ источники указываютъ на присутствіе въ литовскихъ войскахъ военныхъ контингентовъ и военачальниковъ русскихъ. Съ самаго начала княженія Витеня, польскіе и нѣмецкіе лѣтописцы, разсказывая его походы, называютъ постоянно сопровождавшія его ополченія не „Литовцами“ какъ прежде, а „Литовцами и Русскими“. Такъ, уже подъ 1293 годомъ, Длугошъ упоминаетъ о походѣ Витеня въ Пруссію „cum multitudine Lituanorum Rutenorumque“ [2]) Тоже говоритъ онъ и при разсказѣ о другомъ походѣ Литовскаго Князя въ 1308 г. [3]). Въ лѣтописи Виганда Марбургскаго находятся такія-же извѣстія объ участіи Руси въ походахъ великихъ князей литовскихъ [4]). По свидѣтельству Дюсбурга, русскіе не только находились въ составѣ литовскаго войска, но отличались вооруженіемъ и военными пріемами общими западнымъ рыцарямъ. Дюсбургъ два раза (1296 и 1305 г.) раз-

---

сительно содержанія гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ: князь назначаетъ воиновъ въ гарнизонъ каждаго замка срокомъ на мѣсяцъ или долѣе; по истеченіи-же срока, другіе являются имъ на смѣну“. (Dusburg III, cap. 293 и 321).

1) Такъ въ 1301 и 1307 годахъ замки Онкаимъ и Путенике взяты были крестоносцами вслѣдствіе измѣны ихъ комендантовъ, Литовцевъ: Драйко и Спудо (Dusburg III, cap. 273 и 294).

2) Длугошъ I, 869.

3) „Forti exercitu ex Lituanis et Rutenis congregato Длуг. I, 925.

4) „1311. Wytan rex Lituanorum, cum suis et Rutenis venit in Prussiam“. Chronica nova Pruthenica. Wigandi de Marburg. (Script rer. Prussic. II, 454). 1341 „Magister.... proposuit mittere legatos—in Allmaniam et vocare soldatos.... contra Litwanos et Rutenos in eorum devastationem“. (ibid. 497.).

сказываетъ объ единоборствѣ нѣмецкихъ рыцарей съ литовскими и оба раза обозначаетъ, что послѣдніе были „Ruteni“ [1]).

Участіе русскихъ въ государственной жизни великаго княжества Литовскаго не ограничивалось ихъ участіемъ въ военныхъ походахъ литовскихъ князей; не смотря на скудность источниковъ, мы имѣемъ одно свидѣтельство доказывающее, что русскимъ поручались по преимуществу посольства въ сношеніяхъ литовскихъ князей съ сосѣдними государствами. Въ 1326 году посланникъ Гедымина, по имени Лессе (вѣроятно Лесько т е Александръ) принесъ жалобу Рижскому архіепископу о томъ, что крестоносцы, не смотря на заключенное перемиріе, задержали, ограбили и посадили въ тюрьму какъ его, такъ и другихъ его сотоварищей, русскихъ, снаряженныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ посольство отъ лица великаго князя [2])

Новый признакъ усиленія значенія русской народности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что среди сподвижниковъ Витеня и Гедымина единственная выдающаяся личность, занимающая видное мѣсто на ряду съ самими князьями, это представитель Руси—Давидъ староста Гродненскій [3]). По словамъ литовскихъ источниковъ, Давидъ отличаясь необыкновенною энергіею, предпріимчивостію и знаніемъ военнаго дѣла, пользовался въ Литвѣ высокими почестями и занималъ при Гедыминѣ первое мѣсто въ государствѣ послѣ великаго князя; послѣдній окружилъ его возможнымъ почетомъ и породнился съ нимъ, отдавъ ему въ замужество одну изъ своихъ дочерей [4]), Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ современнымъ свидѣтельствамъ, таково дѣйствительно должно было быть положеніе Гродненскаго старосты въ Литовскомъ государствѣ; между тѣмъ какъ имена другихъ, сподручныхъ великому князю, вождей литовскихъ или вовсе не упоминаются, или называются только вскользь и изрѣдка, имя Давида Гродненскаго встрѣчается довольно часто во всѣхъ источникахъ. Управленію его поручена важнѣйшая изъ литовскихъ крѣпостей—Гродно, составлявшая ключь къ Литовскимъ владѣніямъ со стороны Мазовіи и владѣній Тевтонскаго ордена, овладѣть которою крестоносцы покушались безпрестанно; въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ великій князь не принималъ лично уча-

---

[1]) Dusbyrg III, cap. 259 и 284.

[2]) Наперскій. Русско-Ливонскіе акты № 81, стр. 51. „socios meos, videlicet Ruthenos, una mecum missos... iidem (cruciferi) in castro Duneborch denuo spoliarunt“.

[3]) У Дюсбурга и Іерошина онъ называется—Dawid, castellanus de Gartha; въ Hochmeister chronik—Burgraf или Hauptmann von Garthen; въ русскихъ лѣтописяхъ—„Давидъ, князь Литовскій“; у Длугоша—capitaneus de Garthin; у Стрыйковскаго—Давидъ староста Гродненскій. Послѣднее наименованіе точнѣе другихъ согласуется съ установившимся въ Литвѣ титуломъ, обозначавшимъ управителей областей.

[4]) Stryjkowski I, 380. Кояловичъ I, 275.

стія, онъ вручалъ Давиду начальство надъ литовскими арміями, оказывая ему предпочтеніе передъ своими братьями и сыновьями; Давидъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ великаго князя съ сосѣдними русскими землями; наконецъ, мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что онъ владѣлъ извѣстнымъ удѣломъ, даннымъ ему въ качествѣ лена, зависѣвшаго отъ великаго князя Литовскаго [1]). Первый разъ имя этого русскаго сановника мы встрѣчаемъ въ источникахъ подъ 1314 годомъ, въ разсказѣ о нападеніи крестоносцевъ на Новгородокъ Литовскій: нѣмецкіе рыцари, неожиданно явившись у этого города, взяли его и сожгли и, затѣмъ, стали штурмовать замокъ; на выручку крѣпости явился Давидъ Гродненскій; онъ овладѣлъ лагеремъ крестоносцевъ, перебилъ въ немъ стражу и увелъ лошадей и съѣстные припасы. Крестоносцы принуждены были къ отступленію, но, на обратномъ пути они не нашли устроенныхъ ими по обыкновенію въ опредѣленныхъ стоянкахъ складовъ провіанта; стоянки эти были разрушены Давидомъ; армія крестоносцевъ, томимая голодомъ, разсѣялась и почти вся погибла въ литовскихъ лѣсахъ отъ голода и недостатка [2]). Подъ 1318 годомъ мы встрѣчаемъ разсказъ о смѣломъ вторженіи въ Пруссію небольшаго литовско-русскаго отряда, вышедшаго изъ Гродна подъ предводительствомъ Давида [3]). Подъ 1322—1323 годами русскія лѣтописи передаютъ обстоятельный разсказъ о помощи, оказанной Давидомъ Псковитянамъ. Въ это время у Пскова возникло несогласіе съ Ливонскимъ орденомъ. Рыцари, не смотря на перемиріе, заключенное со Псковомъ, тѣснили Псковитянъ со стороны Эстоніи: они перебили на Чудскомъ озерѣ псковскихъ гостей и прогнали псковскихъ ловцевъ, промышлявшихъ звѣринымъ промысломъ на Наровѣ; Псковичи обратились за помощью къ Давиду Гродненскому, который и явился къ нимъ на выручку; во главѣ своей рати и псковскаго ополченія, онъ вторгнулся въ Эстонію, опустошилъ эту область до самаго Ревеля и увелъ огромную добычу и болѣе 5,000 плѣнниковъ; въ началѣ слѣдующаго года, когда сильное войско крестоносцевъ осадило Псковъ, на помощь городу опять явился Давидъ Гродненскій, онъ разбилъ нѣмецкую армію, сжегъ построенные рыцарями пороки и осадныя машины и прогналъ ихъ за рѣку Великую; вслѣдствіе этого пораженія, крестоносцы должны были просить мира у Псковитянъ [4]). Наконецъ въ 1324 и 1326 годахъ мы встрѣчаемъ Давида въ качес-

---

[1]) Dusburg, III, cap. 342. „1324 Tres fratres et 600 viri de Natangia allodium seu praedium David castellani de Gartha, hostiliter sunt ingressi, et funditus comburentes, praeter occisos homi es, 100 equos cum multo pecore alio deduxerunt".

[2]) Dusburg, III, cap. 315.

[3]) Jeroschin, Kronik von Pruzinland (Script. rer. Prussic. I, 592). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, 589).

[4]) Dusburg III, cap. 336. Die ältere Hochmeisterchronik (Script. rer.

твѣ предводителя многочисленныхъ литовско-русскихъ армій, которыя предпринимаютъ походы въ Мазовію и Брандбургскую мархію; во время послѣдняго изъ этихъ походовъ, Гродненскій староста былъ измѣннически убитъ мазовецкимъ рыцаремъ, Андреемъ, находившимся въ отрядѣ, сопровождавшемъ Давида [1].

Наконецъ, значеніе, пріобрѣтенное русскою народностью въ великомъ княжествѣ Литовскомъ при Витенѣ и Гедыминѣ, обозначилось и въ самомъ титулѣ, принятомъ этими князьями. Въ сношеніяхъ съ иноземными государствами, Гедыминъ принималъ въ грамотахъ титулъ короля Литвы и Руси (rex Litwinorum Ruthenorumque или rex Lethowinorum et multorum Ruthenorum [2]. Литовскія позднѣйшія лѣтописи отмѣчаютъ также усилившееся вліяніе русскаго народнаго начала; со времени вокняженія Витеня онп называютъ управляемое имъ государство не княжествомъ Литовскимъ и Жмудскимъ какъ прежде, а даютъ ему титулъ „великаго княжества Литовскаго, Жмудскаго и Русскаго“ [3].

Значеніе, которое пріобрѣла Русская народность съ вокняженіемъ новой династіи, установилось не безъ борьбы съ литовскимъ народнымъ началомъ, не желавшимъ уступать того преобладающаго значенія, которое оно получило въ княженіе Тройдена. На сколько можемъ судить по немногимъ намекамъ, уцѣлѣвшимъ въ источникахъ, составители которыхъ вообще мало или вовсе не интересовались свѣдѣніями, относящимися къ внутреннему развитію и утройству великаго княжества Литовскаго, протестъ противъ новой княжеской династіи проявлялся довольно сильно въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Представителемъ этого протеста былъ Пелюза сынъ Тройдена, лишенный наслѣдственнаго стола Лютуверомъ. Еще въ 1286 году князь этотъ бѣжилъ къ крестоносцамъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ пытался съ помощью ордена возстановить свои права на великокняжескій столъ. Не признавая власти Витеня, онъ принялъ титулъ великаго князя литовскаго и безпрестанными набѣгами тревожилъ пограничныя области своего отечества; во время одного изъ такихъ нападеній, онъ успѣлъ захватить и предать смерти до семидесяти князей (regulos) литовскихъ, собравшихся праздновать свадьбу. Имѣя связи съ членами благопріятствовавшей ему партіи, онъ вызывалъ неоднократно предательство литовскихъ военачальниковъ и комендантовъ крѣпостей, сдававшихъ безъ бою крестоносцамъ порученные ихъ стражѣ

Prussic. III, 589). Длугошъ I 985. Псковская вторая и Софійская первая лѣтописи (Полн. собр. Русск. лѣтоп. V стр. 11 и 216).

[1]) Dusburg III, cap. 350 и 354. Длугошъ I 988. Annalista Thoruniensis (Script. rer. Prussic III, 66).

[2]) Наперскій, акты Русско-Ливонскіе стр. 31 и 50. Daniłowicz. Skarbiec etc. т. I, стр. 153, 154, 155 и т. д.

[3]) Лѣпопись Быховца 14. Stryjkowski I, 331.

замки[1]). Только въ 1314 году Пелюза, вмѣстѣ съ главными своими сторонниками, попалъ въ руки Гедымина и былъ казненъ по его приказанію. Сверхъ этихъ данныхъ, мы имѣемъ указанія на то, что протестъ литовской народности противъ новой княжеской династіи находилъ сильную поддержку въ народонаселеніи всей Жмудской земли. Такъ, въ 1294 году, во время нападенія на Жмудь одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ вождей крестоносцевъ, Рагнитскаго комтура, Людвига фонъ Либенцель, начальные люди Жмудской земли склонили народъ къ союзу съ крестоносцами и подняли открытое возстаніе противъ Витеня: хотя движеніе это и было усмирено, но, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Витень до конца своего княженія не былъ въ состояніи склонить Жмудиновъ ни просьбами, ни угрозами, къ согласію и къ общей съ нимъ борьбѣ съ крестоносцами[2]).

Недоброжелательство литовской народности къ свимъ великимъ князьямъ подавало поводъ послѣднимъ относиться съ тѣмъ большимъ довѣріемъ къ представителямъ русской народности и искать въ ней надежной точки опоры для утвержденія свой власти; преобладаніе Руси усиливалось постоянно, и при Гедыминѣ возрасло еще болѣе вслѣдствіе присоединенія къ великому княжеству Литовскому новыхъ русскихъ земель. Поздніе собиратели литовскихъ историческыхъ преданій, находя въ народной памяти сохранившееся общее воспоминаніе о значительныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ Гедымина на Руси, склонны были относить къ его времени всякое объединеніе съ Литвою русскихъ областей, о времени присоединенія которыхъ къ великому княжеству Литовскому они не находили точныхъ указаній; результатомъ такого пріема составителей литовскихъ хроникъ, было то, что они внесли въ лѣтописаніе весьма сомнительныя, иногда совершенно вымышленныя или извращенныя сказанія о судьбѣ нѣкоторыхъ русскихъ областей въ началѣ XIV столѣтія. Попытаемся, на сколько это возможно, провѣрить эти сказанія и опредѣлить районъ дѣйствительныхъ владѣній Гедымина на Руси.

Древнѣйшее владѣніе, пріобрѣтенное Литовцами на Руси, еще въ первой половинѣ XIII столѣтія, и служившее основнымъ ядромъ, около котораго сла-

---

[1]) Имена трехъ литовскихъ начальниковъ, измѣнившихъ в. к. литовскимъ вслѣдствіе сношеній съ Пелюзою сохранились въ источникахъ; тамъ названы: Драйко, Спудо и Свитрилъ. Dusburg III, cap. 273, 294. Stryjkowski I, 354,

[2]) Nec unquam temporibus suis rex Lithoviae cum Samechis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres. Dusbrg III, cap. 252). Der Kunig kunde ouch bey seinen czeiten dy Samayten, mit bete, noch mit drewen nyhe dorczu brengen, das sie em beygestunden wedir dy bruder. Die ältere Hochmeister Chronik—Script. rer prussic. III, 584). Тоже у Іерошина Kronike von Pruzinland ibid. I, 540)

галось Литовско-Русское государство--составляла Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Здитовымъ, Гродномъ, Слонимомъ и Волковыскомъ; область эта удержала за собою до половины XIV столѣтія, по преимуществу, названіе *Кривичской земли* [1]); вошедши въ составъ великаго княжества Литовскаго еще въ первой половинѣ XIII столѣтія, не смотря на колебанія, которымъ подвергалось Литовское государство при Мендовгѣ и его преемникахъ, земля эта оставалась постоянно достояніемъ великихъ князей Литовскихъ; при Витенѣ и Гедыминѣ, она находилась въ управленіи Давида Гродненскаго, а при распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Гедымина, она выпала на долю двухъ изъ нихъ: Монвида и Коріята [2]).

Другая русская область, присоединенная къ великому княжеству Литовскому еще при Мендовгѣ,—была Полоцкая земля; въ ней княжилъ родственникъ Мендовга—Товтивилъ, а послѣ его убіенія Стройнатомъ, вокняжился литовскій князь Эрдень, управлявшій этою областію въ качествѣ самостоятельнаго владѣльца; Эрдень или одинъ изъ его преемниковъ, принявъ крещеніе, подчинилъ Полоцкъ верховной власти Рижскаго архіепископа; но, впослѣдствіи, рыцари Ливонскаго ордена, враждовавшіе съ архіепископомъ, уступили, за денежное вознагражденіе, верховное право на Полоцкъ великому князю литовскому; воспользовавшись пріобрѣтеніемъ этого права, Витень подчинилъ себѣ Полоцкъ въ 1307 году [3]) Съ того времени Полоцкъ находился въ управленіи третьяго брата Витеня и Гедымина-Воина [4]). „Любко князь, сынъ Войновъ Полоцкаго князя“ погибъ въ 1341 году въ стычкѣ съ ливонскими рыцарями и затѣмъ Полоцкъ перешелъ, вѣроятно послѣ смерти самаго Воина, во владѣніе Андрея, старшаго изъ сыновей Ольгерда (около 1343 г.) [5]).

Въ той части Полоцкой земли, которая тянула къ Минску, княжилъ при Гедыминѣ какой-то князь Василій, вѣроятно изъ рода Всеславичей, но онъ признавалъ себя сподручникомъ великаго князя литовскаго и имя его мы встрѣчаемъ въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ Гедыминомъ въ Новго-

---

[1]) 1314. Frater Henricus Marschalcus..... venit ad terram Crivitiae, et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, cepit. Dusburg III, cap 315).

[2]) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 27. Длугошъ, lib. X, стр 60.

[3]) Naruszewicz, VIII, 137, примѣч. 1. Стрыйковскій передаетъ свѣдѣніе объ этомъ событіи въ слѣдующихъ словахъ: „я нашелъ извѣстіе въ старыхъ русскихъ лѣтописяхъ, нѣсколькими экземплярами которыхъ пользуюсь, что Литва въ 1307 году овладѣла Полоцкомъ, но нѣтъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ это случилось и кто тогда владѣлъ Полоцкомъ“. (I, 349).

[4]) „1326. Приходиша изъ Литвы въ Новгородъ послы: братъ великаго князя Гедымина, Воиній, Полоцкій князь, и князь Василій Минскій и Ѳедоръ Святославичъ“. Воскресен. лѣтоп. стр. 199. Софійская первая лѣтоп. стр. 217.

[5]) Первая Псковская лѣтоп. стр. 188.

родъ въ 1326 году. О времени подчиненія минскихъ князей Литвѣ источники не упоминаютъ.

Равнымъ образомъ мы не находимъ точныхъ указаній на время и обстоятельства присоединенія къ великому княжеству Литовскому княжествъ Туровскаго и Пинскаго, хотя несомнѣнно при Гедыминѣ они уже входили въ составъ его владѣній; распредѣляя удѣлы между сыновьями, Гедыминъ назначилъ Пинскъ въ удѣлъ Наримунту [1]). Послѣдній Пинскій князь изъ рода Святополка Изяславича, упоминаемый въ лѣтописи—былъ Юрій Владиміровичъ, скончавшійся въ 1292 году [2]). Вѣроятно въ княженіе сына его, Дмитрія, Пинское и Туровское княжества перешли подъ власть Литвы; уже внукъ Юрія—Данило Дмитріевичъ, записанный въ Кіево-печерскій помянникъ въ родѣ князей Туровскихъ, въ дѣйствительности не владѣлъ ни Туровомъ, ни Пинскомъ, но имѣлъ (около 1340) новую отчину—городъ Острогъ на Волыни [3]).

Еще одинъ русскій удѣлъ—княжество Витебское—былъ пріобрѣтенъ Гедыминомъ мирнымъ путемъ; сынъ его, Ольгердъ, женился въ 1318 году на единственной наслѣдницѣ послѣдняго Витебскаго князя—Ярослава Васильевича и, послѣ смерти тестя, получилъ въ наслѣдство его княжество [4]).

Наконецъ, такимъ-же путемъ, вслѣдствіе брака Любарта Гедыминовича на наслѣдницѣ одного изъ Волынскихъ князей, пріобрѣтено имъ было право на Волынь, [5]) которое впрочемъ онъ могъ заявить только около 1340 года, послѣ прекращенія рода Галицко-Володимірскихъ князей.

Перечисленныя земли составляли тѣ русскія владѣнія, которыя дѣйствительно находились подъ властью Гедымина; болѣе позднія литовскія преданія приписывали сверхъ того Гедымину завоеваніе такихъ русскихъ земель, которыя присоединены были гораздо позже къ великому княжеству Литовскому. Таковъ разсказъ о мнимомъ завоеваніи Гедыминомъ Волыни и Кіевской земли, обыкновенно полагаемый подъ 1320—1321 годами.

---

[1]) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 27. Длугошъ, lib. X, стр. 60.

[2]) Ипатск. лѣтоп. стр. 616.

[3]) Максимовичъ—письма о князьяхъ Острожскихъ (Собраніе сочиненій I, 166—167).

[4]) „Князь Витебскій сыновъ не держалъ; принялъ Ольгерда къ дочцѣ". Лѣтоп. изд. Данилов. стр. 27. Тоже у Длугоша—lib, X, стр. 60. Въ генеалогіи Витебскихъ князей, приложенной къ лѣтописи Быховца (стр. 81), сказано „Ярославъ Васильевичъ, послѣдній князь Витебскій, умре 1320 року. Марія Ярославна выйде замужъ за Ольгерда князя Кревскаго, Гедыминича, 1318 року; умре въ Вильни 1346 року".

[5]) „А Люборта принялъ Володимерскій князь къ дочцѣ, въ Володимеръ, и въ Луческъ, и во всю землю Волынскую. (Лѣтоп. изд. Данилов стр. 27).

Такъ какъ разсказъ объ этомъ событіи пріобрѣлъ незаслуженную извѣстность и повторялся во многихъ ученыхъ сочиненіяхъ, монографіяхъ и даже учебникахъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, въ качествѣ дѣйствительнаго достовѣрнаго факта, то мы остановимъ на немъ вниманіе и постараемся указать какъ происхожденіе этого разсказа, такъ и свидѣтельства, опровергающія его вѣроятность.

Разсказъ о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ въ 1320—1321 годахъ первый разъ появился въ хроникѣ Матөея Стрыйковскаго (изд. 1582 г.). До того времени о немъ не упоминаютъ вовсе ни современные источники, ни лѣтописные своды, ни составители позднѣйшихъ прагматическихъ историческихъ сочиненій. Такъ, древнѣйшая литовско-русская лѣтопись (изд. Даниловичемъ), составленная въ первой половинѣ XV столѣтія, перечисляя области, распредѣленныя Гедыминомъ въ удѣлъ сыновьямъ, не упоминаетъ вовсе о Кіевѣ и говоритъ, что Волынская земля досталась Любарту вслѣдствіе его брака, слѣдоватольно она не была завоевана Гедыминомъ. Русскія лѣтописи XIV и XV столѣтій, равно какъ составители нѣмецкихъ: прусскихъ и ливонскихъ хроникъ, ничего не знаютъ о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ. Длугошъ (1480) приводитъ свѣдѣнія объ удѣлахъ сыновей Гедымина изъ упомянутой русско-литовской лѣтописи, но о походѣ также умалчиваетъ. Наконецъ, писатели второй половины XVI столѣтія, современники Стрыйковскаго, составлявшіе свои труды почти одновременно съ нимъ, но не пользовавшіяся его книгою: Мартинъ Бѣльскій (+1575) и Кромеръ (изд. 1568) не упоминаютъ вовсе о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ. Единственный источникъ, повторившій данный разсказъ, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, это Густинская лѣтопись. Составитель этой лѣтописной компиляціи (доведенной до 1597 г.) помѣстилъ разсказъ о завоеваніи Гедыминомъ Кіева и Волыни, самостоятельно, не заимствуя его изъ Стрыйковскаго. Оба хрониста черпали извѣстія изъ одного общаго источника; источникомъ-же этимъ была лѣтопись, такъ называемая, Быховца, составленная въ половинѣ XVI столѣтія (оканчивается 1548 годомъ) Для того, чтобы оцѣнить достовѣрность самаго факта, приведемъ разсказъ о немъ въ текстѣ первоначальнаго извѣстія, укажемъ прибавленія и сокращенія, которымъ подвергся этотъ текстъ у Стрыйковскаго и въ Густинской лѣтописи и, затѣмъ разсмотримъ подробно достовѣрность самаго разсказа.

Лѣтопись Быховца передаетъ фактъ завоеванія Волыни и Кіева Гедыминомъ слѣдующими словами: „Вспокоивши (Гедыминъ) землю Жомоитскую отъ нѣмцевъ, и пошелъ на князи Русскія, и приде напередъ къ городу Володиміру; и князь Володиміръ Володимірскій, собравшися съ людьми своими, и вчини бой лютъ съ княземъ великимъ Гедыминомъ. И поможе Богъ великому князю Гедымину, ижъ князя Володимера Володимерскаго самого вбилъ, и рать его всю побилъ, и городъ Володимеръ возметъ“.

„И потомъ пойде на князя Льва Луцкого, и князь Левъ услышалъ што князя Володиміра Литва вбила и городъ Володиміръ взяли, и онъ не

смѣлъ противу стати ему, и побѣжитъ до князя Романа, до зятя своего, ку Брянску; а князи (и) бояре Волынские били чоломъ великому князю Гедымину, абы въ нихъ пановалъ и господаремъ былъ, а земли ихъ не казилъ; и князь великій Гедыминъ, укрѣпивши ихъ присягою, и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнетъ княжити, а потомъ на зиму шелъ до Берестя, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Берести зимовалъ; и скоро великъ-день минулъ, и онъ, собравши вси свои силы: литовскіи, жомонтскіи и русскіи, и на другой недѣли по велицѣ-дни, поиде на князя Станиславля Кіевскаго; и, пришодъ, возметъ городъ Вручей и городъ Житомиръ; и князь Станиславль Кіевскій, обославшися съ княземъ Ольгомъ Переславскимъ, и съ княземъ Романомъ Бранскимъ, и съ княземъ Львомъ Волынскимъ котораго князь велики Гедыминъ выгналъ зъ Луцка, и собралися вси у великомъ множестви людей своихъ русскихъ, и сподкалися съ княземъ великимъ Гедыминомъ на рѣцѣ на Рпени, подъ Бѣлымъ-городомъ, въ шести миляхъ отъ Кіева; и вчинили бой и сѣчу великую; и поможе Богъ великому князю Гедымину, побьеть всихъ князей Русскихъ на голову, и войско ихъ все побитое на мейсцу зостало, и князя Льва Луцкаго и князя Ольга Переяславскаго вбилъ, и въ малѣ дружинѣ Станиславль Кіевскій изъ Романомъ Бранскимъ втекуть до Брянска. А князь великій Гедыминъ оступилъ городъ Бѣлгородъ и горожане, видячи, ижъ господарь ихъ зъ войска побѣгъ, а войско все на голову поражено, и оныи, не хотячи противится войску такъ великому литовскому, передалился съ городомъ князю Гедымину, и присягу учинили служити къ великому князству Литовскому; и затымъ князь Гедыминъ пошолъ со всѣми силами своими до Кіева. Обляже городъ Кіевъ, и Кіяне почалися ему боронити, и лежалъ князь великій Гедыминъ подъ Кіевомъ мѣсяцъ. А затымъ здумали съ собою горожане Кіевскіе, ижъ моцы великаго князя большъ терпиты не могли безъ господара своего, великого князя Станислава Кіевского, и услышали то, ижъ господарь ихъ, князь Станиславль, утекъ отъ Гедымина, и войско все ихъ господаря побито, и въ нихъ заставы никоторое князь ихъ не зоставилъ, и оны, змовившися одномыслне, подалися великому князю Гедымину; и шедши зъ города со кресты: игумены, попы и діяконы, и ворота городовыя отворили, и стретили великого князя Гедымина честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою великому князю на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ; и князь Гедыминъ при томъ ихъ зоставилъ, и самъ честно въ городъ Кіевъ въѣхалъ“.

„И услышали то пригородки Кіевскіе: Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слѣповродъ, што Кіяне передалися съ городомъ, а господара своего слышели, ижъ утекъ до Бранска, а силу его всю побито, и вси пришли до великого князя Гедымина изъ тыми вышереченными пригородки Кіевскими, и подалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Гедымину: и Переяславляне слышали, ижъ Кіевъ и пригородки Кіевскіе подалися великому князю Гедымину, а господарь ихъ, князь Ольгъ, отъ великого кня-

зя Гедымина вбитъ, а оны, пріѣхавши, и подалися съ городомъ служ ити великому князю Гедымину, и присягу свою на томъ дали".

„И князь великій Гедыминъ, взявши Кіевъ и Переяславль и вси тые вышереченные пригородки, и посадилъ на нихъ князя Миндога, сына Ольгимонта, великого князя Гольшанскаго, а самъ зъ великимъ веселіемъ въ Литву возвратися. И въ тотъ часъ, будучи великому князю Станиславлю Кіевскому у Браньску, выгнанному одъ великого князя Гедымина, и присла къ нему князь Иванъ Резаньскій, будучи у старости своей, просячи его, абы до него пріѣхалъ, и дочку у него понялъ, именемъ Ольгу, бо сына не мелъ, только одную тую дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резаньскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку въ него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резаньскимъ" [1]).

Стрыйковскій, постоянно пользовавшійся лѣтописью Быховца, заимствовалъ изъ нея вышеприведенный разсказъ и, по своему обыкновенію, не подвергая его критикѣ, не только внесъ его цѣликомъ въ свою хронику, но постарался развить въ подробностяхъ: онъ изобразилъ въ пространномъ фантастическомъ разсказѣ ходъ битвъ у г. Владиміра и на р. Ирпенѣ (имя которой передѣлалъ въ Перну), равно какъ и подробности осады Владиміра и Кіева; затѣмъ онъ къ разсказу лѣтописи прибавилъ, безъ ссылки на источникъ, одну важную фактическую подробность: по его свѣдѣніямъ походъ Гедымина вызванъ былъ самыми Волынскими князьями, напавшими на его владѣнія въ то время, когда онъ занятъ былъ войною съ крестоносцами, и отнявшими у Литвы города: Дрогичинъ и Берестіе [2]). Сверхъ того Стрыйковскій пріурочилъ, разсказанныя лѣтописью Быховца безъ хронологической помѣтки, событія къ опредѣленному году, именно къ 1320 [3]). При этомъ онъ очевидно имѣлъ въ виду начальныя слова лѣтописнаго разсказа: „вспокоивши землю Жомоитскую отъ Нѣмцовъ"; а такъ какъ подъ 1320 годомъ онъ нашелъ у Дюсбурга и Длугоша извѣстіе о пораженіи крестоносцевъ въ Жмуди, то и счелъ удобнымъ вслѣдъ за этимъ разсказомъ помѣстить походъ на Волынь [4]).

---

[1]) Лѣтоп. Быховца, стр. 15—16.

[2]) Кромѣ того Стрыйковскій прибавилъ еще къ разсказу лѣтописи Быховца нѣсколько подробностей очевидно вымышленныхъ; такъ онъ утверждаетъ, что при сдачѣ Кіева Гедымину, во главѣ городской депутаціи находился митрополитъ, живиій тогда во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ числѣ пригородовъ Кіевскихъ, подчинившихся Гедымину, называетъ Брянскъ, никогда не бывшій Кіевскимъ пригородомъ, и удержавшій свою самостоятельность и своихъ князей до 1356 года и т. п.

[3]) Вслѣдствіе-ли собственной неувѣренности или просто по опискѣ, Стрыйковскій, разсказывая событія, происходившія осенью одного и весною слѣдующаго года, проставилъ въ обоихъ случаяхъ 1320 годъ; эта ошибка подала поводъ писателямъ, заимствовавшимъ у него разсказъ, колебаться между 1319—1320 и 1320—1321 годами.

[4]) Stryjkowski I, 363—366.

Съ извѣстіями, заимствованными изъ лѣтописи Быховца, совершенно иначе поступилъ составитель Густинской лѣтописи; сжавъ самый разсказъ до нѣсколькихъ строкъ, онъ попытался прежде всего согласить имена упоминаемыхъ въ немъ Волынскихъ князей съ хорошо извѣстною ему родословною Галицко-Володимірскаго княжескаго рода; но попытка эта встрѣтила непреодолимыя препятствія: князья, носившіе имена Владиміра и Льва, встрѣчались лѣтописцу только въ концѣ XIII столѣтія и потому онъ долженъ былъ придвинуть мнимый походъ Гедимина къ этому столѣтію; онъ отнесъ его къ 1304—1305 годамъ. Но и этотъ хронологическій пріемъ не избавилъ лѣтописца отъ явнаго противурѣчія; приурочивъ событіе къ 1304 году, онъ счелъ себя въ правѣ назвать Волынскихъ князей по отчеству и именуетъ ихъ: Львомъ Даниловичемъ Луцкимъ и Владиміромъ Васильковичемъ Волынскимъ. Но Левъ Даниловичъ (+ 1301) никогда не княжилъ въ Луцкѣ, а владѣлъ удѣлами Галицкимъ и Перемышльскимъ; Владиміръ-же Васильковичъ Волынскій, по свѣдѣніямъ самой Густинской лѣтописи, скончался еще въ 1289 году [1]). Сверхъ того походъ отнесенъ къ тому времени, когда въ Литвѣ княжилъ еще Витень (+ 1316) а не Гедиминъ.

Эти явныя противурѣчія и неувѣренность въ передаваемомъ фактѣ со стороны составителя Густинской лѣтописи должны были навести сомнѣніе и на разсказъ Стрыйковскаго: тѣмъ не менѣе послѣдній принятъ былъ съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ многими историками, благодаря изобилію подробностей, увѣренности, господствующей въ тонѣ разсказа и, особенно, вслѣдствіе того, что онъ въ продолженіи весьма долгаго времени повторялся многими писателями, черпавшими свои извѣстія изъ хроники Стрыйковскаго.

Обратимся къ самому разсказу и къ его подробностямъ и сличимъ ихъ съ болѣе достовѣрными источниками:

Главный сюжетъ всего разсказа—завоеваніе Волыни и Кіева Гедиминомъ около 1320 г., самъ по себѣ не выдерживаетъ критики: относительно Волыни мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что область эта сохранила свою самостоятельность подъ управленіемъ потомковъ Данила Романовича до 1335—1340 годовъ, и затѣмъ перешла во власть Любарта Гедиминовича по наслѣдству, безъ завоеванія. Фактъ этотъ подтверждается какъ свидѣтельствомъ древнѣйшей литовско-русской лѣтописи, такъ и указаніями семи современныхъ грамотъ, писанныхъ отъ имени Волынскихъ князей въ періодъ времени съ 1316 по 1335 годъ. Съ 1316 по 1324 г. въ Галичѣ и Волыни княжили Андрей и Левъ Юрьевичи [2]), заключившіе въ 1316 г. союзъ съ Тевтонскимъ орденомъ и въ 1320 торговый договоръ съ городомъ Торномъ.

---

[1]) Густинская лѣтопись стр. 347—348.

[2]) Мы можемъ составить генеалогическую таблицу потомковъ Даніила Романовича, княжившихъ на Волыни, основываясь по преимуществу на писанныхъ ими грамотахъ; въ двухъ изъ нихъ (Юріа II: 1327 1334) мы нахо-

Изъ письма польскаго короля Владислава къ папѣ Іоанну XXII, мы знаемъ, что князья эти скончались въ 1324 году [1]. Съ 1325 по 1335 годъ до насъ дошли четыре грамоты ихъ наслѣдника, Юрія II [2], подтверждающія союзный договоръ Галича и Волыни съ Тевтонскимъ орденомъ. Во всѣхъ перечисленныхъ грамотахъ писавшіе ихъ князья именуются князьями Владимірскими или датируютъ грамоты изъ столицы своей—Владиміра [3]. Такимъ образомъ указанныя грамоты доказываютъ независимость Волыни до 1335 года. Въ подтвержденіе этого факта существуетъ притомъ свидѣтельство русскихъ лѣтописей. Подъ 1331 годомъ въ нихъ помѣщенъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ исторіи русской церкви: митрополитъ Ѳеогностъ уѣхалъ изъ Владиміра на Клязьмѣ въ южную Русь въ 1328 году; онъ посѣщалъ разные города своей митрополіи, былъ въ Кіевѣ, Галичѣ и, наконецъ, въ 1331 году поселился въ Владимірѣ Волынскомъ; отсюда онъ извѣстилъ Новгородцевъ, что онъ намѣренъ рукоположить избраннаго ими въ архіепископы—Василія и вызвалъ послѣдняго на Волынь. Въ концѣ іюня нареченный новгородскій владыка въ сопровожденіи знатныхъ бояръ отправился въ путь; полагаясь на миръ съ Литвою, депутація ѣхала на Волынь ближайшей до-

---

димъ слѣдующія генеалогическія данныя: „Quod, quem ad modum nostri progenitores, felicis recordationis rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus carissimus pacem et omnimodam caritatem cum ordine praenominato tenere consueverunt, ita et nos.... cupimus permanere“. Вотъ родословная таблица Волынскихъ князей:

Даніилъ + 1264

Левъ + 1301

Юрій + 1316

Андрей + 1324 — Левъ + 1324

Юрій II + 1335 (?) Марія ж. Тройдена кн. Мазовецк. Буша (?) ж. Любарта.

Болеславъ + 1340.

Впрочемъ есть мнѣніе, не лишенное правдоподобныхъ основаній, по которому Юрій II отождествляется съ Болеславомъ Тройденовичемъ.

[1] Грамоты князей Юрія и Андрея помѣщены: 1316 года—у Карамзина, т. IV, примѣч. 246; 1320 г.—въ Supplementum ad historica Russiae monumenta, стр. 126, № 58. Письмо короля Владислава къ папѣ—у Нарушевича, т. VIII, стр. 165. См. также Зубрицкій—Исторія Галицкаго княжества, III, стр. 250—251 и Daniłowicz—Skarbiec I, 145, 162.

[2] Voigt. Codex diplomaticus Pruss, т. II. Зубрицкій III, 252—254. Daniłowicz, Skarbiec I, 163, 168, 173, 174. Карамзинъ, IV, примѣч. 252.

[3] 1316.—Andreas et Leo, Dei gratia duces totius Russiae, Galiziae et Lodomeriae. Actum et datum Ladimiria. 1320.—Andreas dux Ladimiriae et dominus Russiae. Datum in Lodomiria. 1327—Datum in Lodomiria, nostra civitate capitali. 1335 -Datum in Vladimiria

рогою, через Литовскія владѣнія; но Гедыминъ нарушилъ миръ, задержалъ на пути владыку и бояръ и отпустилъ ихъ лишь тогда, когда Новгородцы выдали ему обязательство предоставить въ своей области удѣлъ въ пользу его сына—Наримунта. Достигнувъ Волыни, Василій былъ рукоположенъ митрополитомъ въ новгородскіе владыки, но, вслѣдъ за тѣмъ, явилось новое затруднительное для него обстоятельство: въ одно почти время съ Василіемъ явились въ Владиміръ Волынскій къ митрополиту посольства: отъ Псковичей, отъ Гедымина и отъ другихъ князей литовскихъ съ просьбою о рукоположеніи въ псковскіе епископы избраннаго Псковичами Арсенія; Новгородцы воспротивились этому предложенію, такъ какъ Псковъ входилъ до того времени въ составъ Новгородской епархіи и выборъ отдѣльнаго епископа имѣлъ значеніе окончательнаго разрыва зависимости Пскова отъ Новгорода, считавшаго Псковъ своимъ пригородомъ. Митрополитъ склонился къ представленіямъ Новгородцевъ и отказалъ въ удовлетвореніи просьбы посольствъ псковскаго и литовскаго; „Арсеній уѣхалъ со Псковичи посрамленъ отъ митрополита". Но это посрамленіе раздражило противъ Новгородцевъ Гедымина, поддерживавшаго стремленія Псковичей; и потому, когда новопоставленному Новгородскому владыкѣ пришлось возвращаться на родину, то онъ „поѣха на Кіевъ, бояся Литвы". Между тѣмъ какъ онъ объѣзжалъ Литовскую границу „меже Литвы и Кіева", онъ получилъ предостереженіе отъ митрополита, что литовскій отрядъ направленъ съ цѣлью перехватить его на дорогѣ; Василій ускорилъ свое шествіе, достигъ благополучно Кіева и оттуда направился въ Черниговъ; но у этого города его встрѣтила новая опасность; поѣздъ его нагналъ „Кіевскій князь Федоръ съ баскакомъ татарскимъ, а съ ними человѣкъ 50, разбоемъ". Дѣло впрочемъ, кончилось безъ кровопролитія; Кіевскій князь взялъ съ Новгородцевъ выкупъ и возвратился въ Кіевъ, владыка-же поѣхалъ черезъ Брянскъ въ Новгородъ [1]).

Разсказъ этотъ не только подтверждаетъ фактъ независимости Волыни отъ Литвы, но ясно указываетъ на то, что Кіевъ также лежалъ внѣ предѣловъ великаго княжества Литовскаго. Въ Кіевской землѣ княжилъ въ 1331 году сподручникъ татарскій—князь Ѳеодоръ; обстоятельство это особенно важно потому, что оно даетъ возможность указать точно время завоеванія Кіева Литвою: послѣднее случилось дѣйствительно въ 1362 году. Въ 1361 г. въ Кіевѣ княжилъ еще тотъ-же князь Ѳеодоръ, а въ 1362 Ольгердъ Гедыминовичъ, поразивъ на берегахъ Синей воды трехъ темниковъ татарскихъ, освободилъ отъ татаръ и Подоліе, и Кіевщину; тогда „Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взятъ, и посади въ немъ Володиміра, сына своего; и нача надъ сими владѣти, имъ-же отци его дань даяху" [2]).

---

[1]) Воскресенская лѣтоп. 202—203; Софійская первая лѣт. 219; Никоновская лѣт. Ш, 154—155, 157—158; Супрасльская лѣтоп. 55.

[2]) Густинская лѣтопись, стр. 350.

Такимъ образомъ главный сюжетъ разсказа Стрыйковскаго и лѣтописи Быховца—завоеваніе Гедыминомъ Волыни и Кіева въ 1320—1321 годахъ, оказывается не вѣрнымъ; если же разсмотримъ подробности, которыми изобилуетъ этотъ разсказъ и которыя, по видимому, сообщаютъ ему характеръ большой обстоятельности и вѣроятности, то убѣдимся, что всѣ онѣ частью вымышлены, частью-же состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Въ разсказѣ лѣтописи Быховца упоминаются, въ качествѣ дѣйствовавшихъ лицъ, князья: Владиміръ Волынскій, Левъ Луцкій, Романъ Брянскій, Станиславъ Кіевскій, Олегъ Переяславскій, Иванъ Рязанскій и Мендовгъ Альгимунтовичъ Гольшанскій; изъ числа этихъ семи именъ, только два: Левъ и Иванъ, принадлежатъ дѣйствительно современникамъ Гедымина; три другія: —Владиміръ, Романъ и Мендовгъ относятся къ князьямъ, жившимъ въ другое время, и наконецъ два остальныя имена совершенно вымышлены. Послѣдній князь Волынскій, носившій имя Владиміра, былъ племянникъ Даніила Романовича—Владиміръ Васильковичъ; болѣзнь и смерть его описаны весьма подробно въ Ипатской лѣтописи подъ 1289 годомъ [1]), слѣдовательно онъ не могъ принимать участія въ войнѣ противъ Гедымина. Современникъ и тесть Владиміра Васильковича былъ Брянскій князь—Романъ Михайловичъ, съ которымъ воевалъ великій князь Литовскій Мендовгъ еще въ 1264 году. Онъ упоминается въ лѣтописяхъ послѣдній разъ, по поводу набѣга на Смоленскъ, въ 1285 году. Въ Брянскѣ-же въ началѣ XIV столѣтія шелъ споръ за княжескій столъ (1309—1310) между Святославомъ Глѣбовичемъ и его племянникомъ—Василіемъ Александровичемъ; послѣдній, при помощи Татаръ, побѣдилъ дядю и скончался на Брянскомъ княженіи въ 1314 году. Преемникомъ его былъ Глѣбъ Святославичъ, убитый во время мятежа въ Брянскѣ въ 1339 году [2]). Такимъ образомъ имя Романа Брянскаго является совершеннымъ анахронизмомъ во время Гедымина. Этотъ князь Романъ названъ притомъ въ лѣтописи Быховца зятемъ князя Льва Луцкаго; если подъ именемъ Льва разумѣется Левъ Юріевичъ, княжившій въ 1316—1324 годахъ, то конечно родство его съ Романомъ Брянскимъ составляетъ совершенный

---

[1]) Ипатская лѣт., стр. 604, Въ весьма ученой и добросовѣстной монографіи К. Стадницкаго „Synowie Giedymina" (II, 20), авторъ, желая отстоять разсказъ Стрыйковскаго, хотя до извѣстной степени, предполагаетъ, что князь Владиміръ (по лѣтописи Быховца) вѣроятно тоже лице, что и Андрей Юріевичъ, который могъ носить, по обычаю того времени, два имени: мірское и церковное. Конечно гипотеза эта возможна, но пока она не опирается на фактическія основанія, она остается лишь остроумнымъ но недоказаннымъ предположеніемъ.

[2]) Ипатская лѣтоп. 569, 577. Лаврентіев. л. 459. Никоновская л III, 106, 108, 172. Воскресенская л. 185. Софійская первая 222. Тверская 407, 422.

вымыселъ, равно какъ и смерть князя Льва въ мнимой битвѣ на р. Ирпени; изъ упомянутаго выше письма польскаго короля Владислава къ папѣ, мы знаемъ, что Левъ и Андрей Юріевичи скончались (decesserunt ex hac luce) въ 1324 году. Князь Олегъ Переяславскій—личность совершенно фиктивная; послѣ разоренія Переяславскаго княжества Батыемъ, оно перестало существовать и русскія лѣтописи не упоминаютъ вовсе о Переяславскихъ князьяхъ. Составитель лѣтописи Быховца, предположивъ Переяславскаго князя, заимствовалъ для него, вѣроятно, имя сына Романа Брянскаго—Олега, упоминаемаго Ипатскою лѣтописью подъ 1274 годомъ, по поводу посѣщенія имъ въ Владимірѣ Волынскомъ его шурина Владиміра Васильковича. Плодомъ такого-же вымысла является князь Станиславъ Кіевскій; выше было указано, что послѣдній Кіевскій князь (1331—1362) носилъ имя Ѳедора. Назвавъ вмѣсто него—Станислава, лѣтопись Быховца утверждаетъ, будто, послѣ завоеванія Кіева Гедыминомъ, князь этотъ нашелъ пріютъ у Рязанскаго князя Ивана, на дочери котораго женился, и, послѣ его смерти, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдовалъ Рязанское княжество. Дѣйствительно, съ 1308 по 1327 годъ въ Рязани княжилъ Иванъ Александровичъ, но, послѣ убіенія его въ ордѣ, ему наслѣдовалъ его сынъ—Иванъ, по прозванію Коротополъ (1327—1343) [1]); о предполагаемомъ-же зятѣ Рязанскаго князя Ивана—Станиславѣ Кіевскомъ, русскія лѣтописи ничего не знаютъ. Относительно Мендовга Альгимунтовича Гольшанскаго, которому Гедыминъ поручилъ будто управленіе Кіевскою областью, не трудно указать хронологическую ошибку лѣтописи Быховца. Дѣйствительно, первый правитель Кіева послѣ литовскаго завоеванія, не принадлежавшій къ роду Гедымина—былъ Іоаннъ (можетъ быть въ язычествѣ и носившій имя Мендовга) Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Князь этотъ занималъ видное мѣсто среди Литовскихъ сановниковъ конца XIV столѣтія: ему поручено было провожать въ Москву Софію Витовтовну, невѣсту великаго князя Василія Дмитріевича, и затѣмъ, послѣ смерти Скиргайла въ 1396 году, Витовтъ далъ ему въ управленіе Кіевскую область; онъ принималъ участіе въ битвѣ съ татарами у р. Ворсклы (1399) и потомъ, извѣстенъ намъ по записи на вѣрность, выданной имъ Ягайлу въ 1402 году [2]). Такимъ образомъ въ разсказѣ о завоеваніи Кіева, князь Гольшанскій передвинутъ изъ начала XV вѣка почти на цѣлое столѣтіе назадъ, и является здѣсь современникомъ лицъ, жившихъ еще во второй половинѣ XIII вѣка.

Не меньшее смѣшеніе господствуетъ въ лѣтописи Быховца и относительно данныхъ топографическихъ: города Кіевской области названы въ раз-

---

[1]) Иловайскій. Исторія Рязанскаго княжества, 139.

[2]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ стр. 46—48. Густинская лѣтоп. стр. 352. Daniłowicz. Skarbiec I, 334.

сказѣ этой лѣтописи сообразно съ ихъ позднѣйшимъ значеніемъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; за исключеніемъ Бѣлгорода и Вышгорода, заимствованныхъ изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, названы тѣ города, въ которыхъ существовали „господарскіе замки“ и которые служили центрами управленія „повѣтовъ“ только со времени Витовта: Житомиръ, Овручъ, Черкассы, Каневъ, Переяславль; сверхъ того прибавлены еще: въ лѣтописи Быховца—Путивль, и у Стрыйковскаго—Брянскъ—очевидно по незнанію составителями разсказа территоріальныхъ отношеній южно-русскихъ земель; города эти никогда не были кіевскими пригородами, находились въ землѣ Сѣверской и заняты были Литвою только при Ольгердѣ въ 1356 году. Значеніе Вышгорода и Бѣлгорода [1]) какъ Кіевскихъ пригородовъ въ XIV столѣтіи также подлежитъ большому сомнѣнію; города эти имѣли большое значеніе въ прошедшемъ Руси: въ началѣ, какъ самостоятельные земскіе центры, подобно Кіеву сосредоточивавшіе въ себѣ общинную жизнь окружавшей ихъ территоріи; потомъ, со времени Владиміра св.—какъ важнѣйшіе Кіевскіе пригороды и сильныя крѣпости, оберегавшія, въ ряду другихъ, центральный городъ; наконецъ, въ XII столѣтіи, какъ удѣльные второстепенные столы, обыкновенно предоставляемые Кіевскими князьями тѣмъ родственникамъ, на помощь которыхъ они болѣе всего могли опираться. Но въ половинѣ XIII столѣтія послѣ упадка самаго Кіева, упало и значеніе его пригородовъ; русскія лѣтописи послѣдній разъ упоминаютъ о Вышгородѣ въ 1214 и о Бѣлгородѣ въ 1231 году. [2]) Въ послѣдствіи при литовскомъ господствѣ, мы встрѣчаемъ названія этихъ поселеній, только въ качествѣ сельскихъ общинъ. Изъ числа остальныхъ городовъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ, одинъ — Слѣповротъ—никогда не существовалъ, другой—Черкассы—еще не существовалъ въ описываемое время; помѣщеніе этихъ городовъ въ числѣ Кіевскихъ пригородовъ начала XIV столѣтія является въ лѣтописи Быховца какъ результатъ неточной передачи и безъ того неяснаго и сбивчиваго преданія объ основаніи города Черкассъ, существовавшаго у приднѣпровскаго населенія въ половинѣ XV столѣтія, т. е. въ то именно время, когда редажировалась лѣтопись Быховца. Въ 1545 году, жители Канева заявили чиновникамъ, опи-

[1]) Бѣлгородъ въ лѣтописи Быховца помѣщенъ „въ шести миляхъ отъ Кіева“; эта подробность доказываетъ, что составитель разсказа не только не былъ жителемъ Кіевской земли, но и не зналъ ея топографіи.

[2]) Русская лѣтопись по Никоновскому списку II, 317; Лаврентьевская лѣт. 434. Упоминаніе Вышгорода и Бѣлгорода въ спискѣ городовъ, помѣщенномъ въ Воскресенской лѣтописи, не свидѣтельствуетъ по нашему мнѣнію о существованіи этихъ городовъ въ XIV ст.; нѣтъ возможности пріурочить этого списка къ данному времени—въ немъ въ ряду съ другими Кіевскими городами упоминаются: Тмутаракань, Пересѣчень, Юрьевъ, и т. д. Полагаемъ, что списокъ этотъ приложенъ къ лѣтописи въ качествѣ общаго перечня всѣхъ городовъ, упомянутыхъ въ лѣтописи разновременно.

сывавшимъ Украинные замки, слѣдующее преданіе: „отъ початку Черкасовъ и Канева, уходы по всимъ тымъ рѣкамъ вольны были Каневцомъ, бо яко князь великій литовскій Гедыминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу, и весь Перекопъ, и Черкасы Пятигорскіе, и приведши Черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ [1]), а иншихъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ; а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрѣ-жъ, у Каневѣ; и сидячи Снепородцѣ на Днѣпрѣ у Каневѣ, предся отчизны свои по рѣчкамъ инымъ Сивирскимъ уходити не перестали“ [2]). Въ этомъ преданіи народная память, на разстояніи двухъ столѣтій, замѣстила имя Витовта именемъ Гедымина, никогда не предпринимавшаго походовъ въ Крымъ и къ подножью Кавказа; но если-бы даже принять это преданіе буквально, то, во всякомъ случаѣ, оно приписываетъ самому Гедымину основаніе города Черкасъ и колоній на р. Снѣпородѣ, и, слѣдовательно, исключаетъ возможность ихъ существованія во время мнимаго завоеванія Гедыминомъ Кіевской области. Очевидно, составитель лѣтописи Быховца слышалъ поднѣпровское преданіе, но воспользовался имъ для своего разсказа въ извращенномъ видѣ.

Наконецъ, самыя событія въ повѣтствованіи лѣтописи Быховца, насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину; мы имѣемъ основаніе полагать, что весь разсказъ составленъ изъ двухъ преданій, относившихся къ двумъ отдѣльнымъ событіямъ, случившимся разновременно; о второй половинѣ разсказа, т. е. о весеннемъ походѣ на Кіевъ, мы имѣемъ довольно точныя указанія. Въ древнѣйшей литовской лѣтописи подъ 1392 годомъ мы находимъ слѣдующій разсказъ о походѣ Витовта на Кіевъ съ цѣлью смѣстить князя Владиміра Ольгердовича и предоставить Кіевское княженіе его брату Скиргайлу: „на весну князь великій Витовтъ иде и взя землю Подольскую, а князю Володиміру Ольгердовичю, тогда бывши въ Кіевѣ, и не всхотѣ покоры учинити и чоломъ ударити великому князю Витовту. Тойже весны князь виликій Витовтъ пойде и взя градъ Житомиръ и Вручій и пріѣха къ нему князь Володимеръ. Тогожъ лѣта на осень князь великій Витовтъ выведе его изъ Кіева и дасть ему Копылъ, а на Кіевѣ посади князя Скиргайла, самъ-же князь великій Витовтъ пойде на Подольскую землю. А князю Скиргайлу повеле идти изъ Кіева ку Черкасомъ и ку Звенигороду. Князь-же Скиргайло, Божіею помощью, великого князя Витовта повелѣніемъ, взя Черкасы и Звенигородъ и возвратися паки ко Кіеву“ [3]). Составитель лѣтописи Быховца, пользовавшійся древнѣйшею литовскою лѣтописью, внесъ вышеприведенный разсказъ въ свою хронику подъ 1392 годомъ [4]), но, не

[1]) Снѣпородъ не городъ, а рѣка въ бассейнѣ Сулы.

[2]) Литовская метрика, книга переписей № 6. Описаніе Каневскаго замка (1545). Также Архивъ Югозападной Россіи ч. V, т. I стр. 65—66.

[3]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ, стр. 46.

[4]) Лѣтопись Быховца, стр. 34.

ограничившись этимъ, онъ, по свойственному себѣ пріему, перемѣнивъ имена дѣйствующихъ лицъ и прибавивъ нѣсколько вымышленныхъ подробностей, помѣстилъ его вторично въ дополненіе къ походу Гедымина на Волынь [1]).

Относительно похода на Волынь, составляющаго первую половину разсказа лѣтописи Быховца, въ дошедшихъ до насъ источникахъ не сохранилось подлиннаго свѣдѣнія, съ которымъ мы-бы могли сличить повѣствованіе этой лѣтописи. Несомнѣнно въ началѣ своего княженія Гедыминъ велъ войну съ Галицко-Володимірскими князьями и на причины этой войны указываетъ, не цитируя къ несчастью своихъ источниковъ, Стрыйковскій: „Волынскіе князья, говоритъ онъ, зная, что Гедыминъ занятъ войною съ крестоносцами, вмѣсто того, чтобы оказать ему помощь, дѣлали набѣги на литовскія земли надъ Виліею и около Новгородка... князь Левъ Луцкій занялъ было Берестіе и Дрогичинъ во время войны съ крестоносцами“ [2]). Фактъ союза Галицко-Волынскихъ князей съ крестоносцами подтверждается дѣйствительно договорными ихъ грамотами, въ которыхъ они берутъ на себя обязательство защищать земли ордена отъ нападеній всякихъ враговъ [3]); ближайшій же интересъ Волынскихъ князей въ этой борьбѣ состоялъ въ спорѣ съ Литвою за такъ называемую Подляхію, т. е. за южную часть бывшей Ятвяжской земли (съ городами: Берестіемъ, Дрогичиномъ, Мѣльникомъ, Бѣльскомъ и т. д.), за обладаніе которою распря вспыхнула еще между Львомъ Даниловичомъ и Тройденомъ, непосредственно послѣ смерти Шварна Даниловича. Принявъ во вниманіе уцѣлѣвшее въ разсказѣ извѣстіе, что послѣ похода на Волынь, Гедыминъ остановился на зиму въ Берестіи и распустилъ войско по домамъ, можно полагать, что война окончилась побѣдою Гедымина и присоединеніемъ къ Литвѣ спорной области. Подляхія дѣйствительно въ княженіе Гедымина вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго и, при распредѣленіи удѣловъ между его сыновьями, присоединена была къ владѣніямъ Кейстута [4]). Если во время войны за Подляхію, литовскій князь дѣйствительно проникъ на Волынь до г. Владиміра, и если въ битвѣ у этого города дѣйствительно палъ одинъ изъ Во-

[1]) Пріемъ этотъ: дважды разсказывать одно и тоже событіе подъ разными именами и въ различное время, нѣсколько разъ употребленъ въ лѣтописи Быховца: такъ, напримѣръ, біографія Войшелка Мендовговича разсказана вторично съ именемъ Рымонта-Лавраша Тройденовича и т. п.

[2]) Stryjkowski I, стр. 363—364.

[3]) „Terras vestras fideliter premunire curabimus.... ab hostili quolibet invasore“. Грамота 1316 г. Зубрицкій, Ист. древн. Галицко-русскаго княжества, III, 250.

[4]) „Rex nihil juris habiturus unquam in Kiejstuti arces: in Brest, Kamienica, Dorohiczyn, Mielnik, Bielsk“. Грамота, списанная Нарушевичемъ, изъ коронного архива (т. IX, стр. 247).

лынскихъ князей, то, въ такомъ случаѣ, мы можемъ скорѣе всего согласиться съ предположеніемъ г. Шараневича [2]), что походъ на Волынь долженъ быть отнесенъ къ 1316 году и что князь, погибшій въ битвѣ съ Литвою, могъ быть только Юрій Львовичъ [3]). Но, не имѣя въ подтвержденіе этихъ данныхъ вполнѣ достовѣрныхъ указаній, мы должны ограничиться въ этомъ отношеніи только правдоподобнымъ предположеніемъ.

Если, за исключеніемъ Кіева и Волыни, попытаться возстановить границы великаго княжества Литовскаго при Гедыминѣ, то можно предполагать слѣдующее ихъ очертаніе: на сѣверѣ онѣ соприкасались съ владѣніями Ливонскаго ордена по границамъ Корси и Ливоніи; затѣмъ, перейдя Западную Двину выше Динабурга, граница шла вдоль южныхъ предѣловъ Псковской земли до рубежа Смоленскаго княженія; восточную границу составляли владѣнія Смоленскія и, затѣмъ, по Днѣпру, до устья Припяти—земли Сѣверскія и Черниговскія; на югѣ граница проходила южнѣе Припяти, соприкасаясь съ сѣверными предѣлами земель Кіевской и Волынской до Западнаго Буга; на западѣ—вдоль Буга и по водораздѣлу до Гродна на Нѣманѣ, великое княжество Литовское граничило съ Польшею и Мазовіею; наконецъ, отъ Гродна, по Нѣману, до устья этой рѣки, простиралась граница съ прусскими крестоносцами.

Болѣе двухъ третей территоріи, заключавшейся въ этихъ границахъ, заняты были русскимъ народонаселеніемъ; такимъ образомъ великое княжество Литовское пріобрѣло, уже въ первой четверти XIV столѣтія, значеніе сильнаго центра, около котораго должны были группироваться разрозненныя, болѣе слабыя русскія владѣнія; необходимымъ послѣдствіемъ такого значенія было въ будущемъ соперничество этого государста съ великимъ княжествомъ Московскимъ, образовавшимъ еще раньше другой центръ, стремившійся точно также къ притяженію болѣе слабыхъ русскихъ политическихъ единицъ. Но въ предстоящемъ соперничествѣ оба государства имѣли не равномѣрныя шансы успѣха: великое княжество Московское преслѣдовало болѣе однородныя политическія цѣли и не было принуждено развлекать свои силы по двумъ различнымъ направленіямъ: многочисленные инородцы финскаго племени, населявшіе территорію великаго княжества Московскаго, представляли пассивную массу, не вліявшую на политическія стремленія государства, и не принимав-

---

[2]) Шараневичъ—Исторія Галицко-Володимірской Руси 127—128.

[3]) Первое свѣдѣніе о наслѣдникахъ Юрія: князьяхъ Львѣ и Андреѣ, относится къ 1316 г. Они въ то время, вѣроятно, только что вступили на престолъ—при заключеніи договора съ крестоносцами, они употребили еще печать отца—Юрія Львовича. (Зубрицкій III, 249).

щуюся во вниманіе въ развитіи государственной жизни страны. Политическія усилія правительства преслѣдовали исключительно русскія цѣли, какъ на западной границѣ—по отношенію къ мелкимъ русскимъ областямъ, такъ и на восточной—въ борьбѣ съ золотоордынскими ханами—единственнымъ своимъ грознымъ сосѣдомъ. Между тѣмъ не таково было положеніе великаго княжества Литовскаго: кромѣ значительнаго числа русскихъ областей, въ составъ этого государства входили области чисто литовскія, населеніе которыхъ, положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжившую въ немъ династію, отличалось значительною энергіею; оно не могло подчиниться безусловно русской народности, и имѣло свои племенные интересы, между которыми на первомъ планѣ стояла борьба съ нѣмецкими орденами; отстаивать эти интересы принуждены были великіе князья Литовскіе; потому вниманіе послѣднихъ безпрестанно раздваивается между политикою объединенія русскихъ земель на восточной границѣ своего государства и усиленною борьбою съ крестоносцами на западной; они могутъ только по временамъ, эпизодически преслѣдовать свои цѣли на востокѣ, по отношенію къ русскимъ областямъ и, конечно, они не въ состояніи здѣсь бороться съ великими князьями Московскими, устремившими все свое вниманіе на собираніе русскихъ земель, и подвигавшимися къ этой цѣли медленно и терпѣливо, но безостановочно.

Хотя при Гедыминѣ широкая полоса земель: Псковскихъ, Смоленскихъ и Сѣверскихъ, отдѣляла еще Литву отъ великаго княжества Московскаго; хотя между обоими государствами существовали, по видимому, миръ и согласіе, скрѣпленное (1333) брачнымъ союзомъ Симеона Ивановича съ одною изъ дочерей Гедымина, Айгустою (въ крещеніи Анастасіею) [1], тѣмъ не менѣе соперничество начало уже проявляться въ желаніи обоихъ правительствъ пріобрѣсти преобладающее вліяніе на дѣла новгородскія и псковскія. Раньше всего обнаружилось у Гедымина это стремленіе по отношенію ко Пскову. Среди несогласій, возникшихъ по поводу желанія Пскова пріобрѣсти полную самостоятельность отъ Новгорода, послѣднему помогали великіе князья Московскіе, между тѣмъ какъ Гедыминъ поддерживалъ Псковитянъ. Мы уже указали на участіе, какое онъ принималъ (1331) въ вопросѣ объ отдѣленіи Псковской эпархіи отъ Новгородской; еще раньше (1322—1323) литовская помощь спасла Псковитянъ, оставленныхъ въ трудную минуту Новгородцами безъ защиты, отъ нападенія Ливонскихъ рыцарей. Въ 1328—1338 годахъ Гедыминъ поддерживалъ во Псковѣ принятаго Псковичами на княженіе бывшаго Тверскаго князя Александра Михайловича, изгнаннаго изъ Твери и гонимаго во Псковѣ, по ханскому приказу, Іоанномъ Калитою; когда, вслѣдствіе настоянія послѣдняго, Псковъ, не хотѣвшій выдать Александра, былъ отлученъ отъ

[1]) Карамзинъ. Ист. Рос. IV, стр. 219. прим. 265. Древняя русская Вивліоѳика XVI, стр. 168 № XIII.

церкви митрополитомъ, то князь этотъ нашелъ въ Литвѣ пріютъ, и полтора года спустя возвратился обратно во Псковъ при помощи Гедымина [1].

Подобное-же столкновеніе случилось между Гедыминомъ и Іоанномъ Калитою и въ Новгородѣ, гдѣ оба они стремились утвердить свое вліяніе Въ 1331 году Гедыминъ получилъ отъ Новгородцевъ обѣщаніе дать удѣлъ его сыну Наримунту; обѣщаніе это было исполнено только въ 1333 году по слѣдующему поводу: Іоаннъ Калита потребовалъ у Новгородцевъ уступки „закамскаго серебра" и, встрѣтивъ отказъ, занялъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ; Новгородцы, пытавшіеся напрасно смягчить его просьбами, вспомнили о Наримунтѣ; они обмѣнялись съ нимъ посольствами и пригласили его на кормленіе, назначивъ ему въ отчину: Ладогу, Орѣховецъ, Корельскую землю и половину Копорья [2]). Появленіе Наримунта заставило Іоанна Калиту умѣрить требованія и помириться съ Новгородцами. Но это первое вмѣшательство Литвы въ Новгородскія дѣла было также непрочно и отрывочно, какъ и всѣ позднѣйшія попытки, предпринимавшіяся съ подобною цѣлью Литовскими князьями. Наримунтъ проживалъ болѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ новой отчинѣ и столь мало дорожилъ новгородскими интересами, что, въ 1338 году, когда Шведы напали на земли Великаго Новгорода, онъ не только не явился защищать ихъ, не смотря на многократный призывъ Новгородцевъ, но и отозвалъ въ Литву своего сына Александра, остававшагося до того времени въ Орѣховѣ [3]).

Кромѣ указанныхъ отношеній къ Руси, при Гедыминѣ великое княжество Литовское вошло въ болѣе обширныя дипломатическія сношенія съ западными и сѣверозападными своими сосѣдями и расширило свои государственныя связи далеко за предѣлы тѣхъ сношеній, въ кругу которыхъ вращались до того времени великіе князья Литовскіе.

Самый прочный и выгодный союзъ на западѣ заключенъ былъ Гедыминомъ съ Польшею; союзъ этотъ былъ послѣдствіемъ общности политическихъ интересовъ обоихъ государствъ, давно уже ведшихъ упорную и для обоихъ тягостную борьбу съ германскимъ орденомъ, и, не смотря на это обстоятельство, ослаблявшихъ и развлекавшихъ свои силы взаимными набѣгами другъ на друга. Въ 1325 году польскій король, Владиславъ Локотокъ, отправилъ посольство въ Литву, предлагая Гедымину заключить мирный договоръ и скрѣпить его семейнымъ союзомъ. Гедыминъ принялъ охотно это предложеніе; между обоими государствами заключенъ былъ трактатъ, обусловливавшій обязательство взаимной помощи противъ крестоносцевъ; затѣмъ, дочь Гедымина—Альдона отправилась въ Краковъ, въ сопровожденіи торжественнаго посольства, и, принявъ крещеніе подъ именемъ Анны, вступила въ

[1]) Вторая Псковская лѣтопись, стр. 12. Софійская первая, стр. 218.
[2]) Новгородская лѣтопись, стр. 77. (Полное собр. русск. лѣтоп. т. III).
[3]) Софійская первая лѣт. стр. 221.

бракъ съ наслѣдникомъ польскаго престола—Казиміромъ; въ качествѣ приданаго Альдону сопровождали Польскіе плѣнники, уведенные литовцами во время ихъ набѣговъ на польскія области и получившіе теперь свободу.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого союза былъ рядъ совмѣстныхъ походовъ противъ крестоносцевъ. Литовцы и Поляки переходятъ къ наступательному образу военныхъ дѣйствій и лѣтописцы ордена помѣчаютъ цѣлый рядъ неудачъ, постигшихъ крестоносцевъ вслѣдъ за заключеніемъ союза между Литвою и Польшею. Неудачи эти завершены были битвою подъ Пловцами (1331) которая нанесла первый чувствительный ударъ могуществу крестоносцевъ [1]).

На сѣверовосточной границѣ своего государства Гедыминъ пріобрѣлъ союзниковъ среди нѣмецкаго населенія прибалтійскаго края и, при посредствѣ этихъ союзниковъ, вступилъ въ сношенія съ германскими городскими общинами и съ папою.

Еще въ концѣ XIII столѣтія, въ прибалтійскихъ областяхъ, занятыхъ нѣмцами, между послѣдними возникли недоразумѣнія, разгорѣвшіяся въ продолжительную междуусобную борьбу, участіе въ которой приняли великіе князья Литовскіе. Нѣмецкія поселенія въ прибалтійскихъ областяхъ не принадлежали исключительно Ливонскому ордену: богатый городъ Рига, основанный ганзейскими купцами, считалъ себя независимымъ отъ ордена и признавалъ только верховный патронатъ Рижскихъ архіепископовъ; орденъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на независимость этого города, какъ на обстоятельство невыгодное для развитія своихъ государственныхъ стремленій; потому магистры приняли заблаговременно мѣры для того, чтобы подчинить себѣ Ригу: выхлопотавъ привилегію въ этомъ смыслѣ отъ императора Рудольфа (въ 1274 г.), они стали мало по малу предъявлять свои притязанія на господство надъ Ригою; они укрѣпили свою резиденцію въ городѣ, выстроили въ разныхъ мѣстахъ крѣпостныя башни, содержали въ нихъ сильный гарнизонъ и, затѣмъ, стали стѣснять городскія права и захватывать городскія угодія: мельницы, рыболовные затоны и т. д. Архіепископы и магистратъ Риги протестовали противъ дѣйствій ордена и несогласіе возрастало съ постоянно усиливавшимся раздраженіемъ, наконецъ, въ 1297 году оно разразилось междуусобною войною. Горожане, вслѣдствіе столкновенія съ орденомъ по поводу права постройки моста на Двинѣ, бросились на орденскій замокъ въ Ригѣ, взяли его приступомъ и разрушили до основанія, равно какъ и три другія укрѣпленныя башни, построенныя крестоносцами, затѣмъ они разрушили ор-

---

[1]) Длугошъ, стр. 988; Анналы: Траскій и Мѣховскій (въ изданіи Бѣльовскаго „Monumenta Poloniae historica" т. II, стр 854 и 884); Dusburg III, стр. 354; Wigand (Script. rerum. Prussicarum. II, стр. 456, 467); Detmar (ibid. III стр. 66). Hermann de Wartberge (ibid. II, 65). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, 590, 592).

денскіе мельницы и рыболовные заводы и перебили или бросили въ тюрьму всѣхъ захваченныхъ въ городѣ рыцарей. Когда магистръ Ливонскій Бруно сталъ собирать войско для усмиренія города, то граждане обратились за помощью къ Литовцамъ. Великій князь Витень явился въ началѣ 1298 года въ качествѣ союзника Риги; соединившись съ городскимъ ополченіемъ, онъ взялъ замокъ ордена Каркусъ и разорилъ его, затѣмъ нанесъ крестоносцамъ чувствительное пораженіе на устьѣ рѣки Трейдеры и, страшно опустошивъ владѣнія ордена, ушелъ въ Литву обремененный богатою добычею. Въ слѣдующемъ году, впрочемъ, дѣла ордена приняли болѣе для него благопріятный оборотъ: получивъ подкрѣпленіе отъ прусскихъ крестоносцевъ, ливонскіе рыцари разбили въ свою очередь у Неймюля соединенныя силы Риги и литовцевъ, захватили въ плѣнъ архіепископа и, овладѣвъ его замкомъ въ Ригѣ, ограбили всю его казну и имущество и наложили тяжелую контрибуцію на владѣнія архіепископа и города [1]). Въ 1300 году между архіепископомъ и орденомъ заключено было перемиріе, въ силу котораго рыцари уступили городу свой замокъ въ Ригѣ, горожане-же обязались разорвать союзъ съ Литовцами и никогда его не возобновлять [2]). Впрочемъ, перемиріе это было не продолжительно; цѣлая четверть столѣтія, слѣдовавшая за тѣмъ, прошла то въ открытой враждѣ ордена съ городомъ, то въ юридической борьбѣ между ними: архіепископъ и магистратъ Риги приносили постоянно жалобы папѣ на поступки ордена: на ряду съ перечнемъ обидъ, наносимыхъ имъ рыцарями, они поставляли на видъ, что поведеніе ордена, его алчность и стремленіе къ захватамъ, составляютъ главную причину, препятствующую обращенію Литовцевъ въ христіанство; они указывали на то, что, вслѣдствіе насилій и вымогательствъ ордена, бывшій Литовскій король Мендовгъ отступилъ отъ христіанства и что поведеніе ордена постоянно поддерживаетъ среди Литовцевъ нерасположеніе и ненависть къ христіанамъ и роняетъ въ ихъ мнѣніи нравственныя основы христіанства. Рыцари, въ отвѣтъ на эти обвиненія, утверждали, что, напротивъ того, Литовцы пребываютъ въ язычествѣ только потому, что миссіонерская дѣятельность ордена встрѣчаетъ постоянное противудѣйствіе вслѣдствіе интригъ Рижскаго магистрата, что городъ и архіепископъ, руководимые личными побужденіями, поддерживаютъ упорство Литовцевъ и не стыдятся заключать съ язычниками союзы, направленные во вредъ христіанскому ордену. Папская курія, среди этихъ противурѣчивыхъ жалобъ, руководясь различными вліяніями и побужденіями, колебалась въ рѣшеніи спорнаго дѣла; папы иногда находили крестоносцевъ совершенно правыми и строго порицали Рижскихъ архіепископовъ, то склонялись къ ихъ доводамъ, высказывали неодобреніе поступкамъ ордена и предписывали по-

---

1) Dusburg III, cap CCLXII. Hermann de Wartberge—Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic. II, 54—56) Daniłowicz—Skarbiec I, стр. 130—132.
2) Voigt—Geschichte Preussens IV, стр. 165.

слѣднему перемѣнить образъ дѣйствій: въ 1309 году папа наложилъ даже интердиктъ на орденъ и снялъ его только по истеченіи трехъ лѣтъ, смягчившись богатыми подарками, которыми сановники ордена щедро осыпали Авиньонскій дворъ [1]). Со времени перваго вмѣшательства Витена во внутреннія междуусобія нѣмецкаго населенія въ Ливоніи, въ теченіе двадцати лѣтъ Литовскіе великіе князья не принимаютъ въ нихъ участія; обстоятельство это объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ 1307 году Витень былъ задобренъ ливонскими рыцарями уступкою въ его пользу верховнаго права на Полоцкъ и его территорію; затѣмъ Витень и Гедыминъ должны были обратить всѣ силы для борьбы съ Прусскими крестоносцами. Вліяніе Гедымина на ливонскія дѣла возобновилось въ 1322 году по инпціативѣ Рижскаго магистрата, возстановившаго связи съ Литвою. До насъ дошло посланіе, отправленное въ этомъ году Ригою къ Гедымину, въ которомъ магистратъ, жалуясь на притѣсненія ордена, проситъ великаго князя Литовскаго не заключать перемирія съ крестоносцами, безъ участія въ договорѣ архіепископа и магистрата, и извѣщаетъ его, что папа будто призналъ уже архіепископа и городъ независимыми отъ ордена владѣльцами [2]). Между тѣмъ въ дѣйствительности дѣло приняло въ то время совершенно другой оборотъ: въ Авиньонѣ разбиралась въ присутствіи Іоанна XXII многолѣтняя тяжба ордена съ Рижскимъ архіепископомъ и папа, поддавшись вліянію краснорѣчиваго Ливонскаго магистра, Карла фонъ Трпръ, призналъ несправедливыми всѣ обвиненія, взводимыя на орденъ его противниками [3]). Архіепископу и гражданамъ Риги необходимо было добыть новыя, болѣе вѣскія доказательства въ свою пользу и убѣдить документально все христіанство въ томъ, что поведеніе ордена составляетъ единственное препятствіе къ распространенію евангелія среди Литовцевъ; возобновивъ сношенія съ Гедыминомъ, магистратъ надѣялся получить отъ него нужныя доказательства. Гедыминъ съ своей стороны желалъ поддержать сношенія съ Ригою, разсчитывая пріобрѣсти союзниковъ среди враждебныхъ ордену духовныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ Ливоніи и всего Балтійскаго поморья и, при ихъ посредствѣ, принудить орденъ къ заключенію мира съ Литвою,—вмѣстѣ съ тѣмъ союзъ этотъ нуженъ былъ Гедымину и для другой цѣли: онъ имѣлъ въ виду вызвать въ Литву съ запада колонистовъ и такимъ образомъ содѣйствовать насажденію въ Литвѣ зачатковъ западной культуры. Вслѣдствіе такихъ обоюдныхъ побужденій, между великимъ княземъ литовскимъ и магистратомъ города Риги установилась дружелюбная дипломатическая переписка. Результатомъ ея были четыре грамоты, опубликованныя гражданами города Риги въ западной Европѣ въ те.

---

1) Hermann de Wartberge Chron. Liv. (Script. rer. Pryssic. II. стр. 57—59): Daniłowicz—Skarbiec I, стр. 139—140 и 147.

2) Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 30—31.

3) Daniłowicz, Skarbiec etc. 1, стр. 153.

ченіи лѣта 1323 года. Грамоты эти, написанныя отъ имени Гедымина, адресованы были: къ папѣ, къ ордену Доминиканцевъ, къ ордену Миноритовъ и, четвертая, къ городамъ: Любеку, Ростоку, Штральзунду, Грейсвальду, Штетину, а также къ жителямъ Острова Готланда. Въ посланіи къ папѣ Гедыминъ изъявлялъ полную готовность принять св. крещеніе, утверждая, что онъ воздерживался отъ этого заявленія понынѣ исключительно потому, что орденъ крестоносцевъ препятствовалъ ему войти въ сношенія съ папою, перехватывая на дорогѣ его пословъ и раздражая его подданныхъ противъ христіанъ несправедливыми и жестокими поступками. Въ грамотахъ, адресованныхъ къ орденамъ: Доминиканскому и Францисканскому, Гедыминъ просилъ прислать въ Литву проповѣдниковъ и священниковъ, знающихъ литовскій языкъ для распространенія христіанскаго ученія въ его земляхъ; онъ изъявлялъ готовность строить для проповѣдниковъ христіанскіе храмы, по образцу уже существующихъ въ Вильнѣ и Новогродкѣ трехъ церквей, при которыхъ были общины Доминиканцевъ и Францисканцевъ. Затѣмъ Гедыминъ пояснилъ въ этихъ посланіяхъ, что онъ обращается съ просьбою о присылкѣ миссіонеровъ къ названнымъ орденамъ потому, что не желаетъ допускать въ свои владѣнія алчныхъ и жестокихъ священниковъ, посылаемыхъ въ литовскія земли крестоносцами. Наконецъ въ посланіи къ прибалтійскимъ городамъ и землямъ великій князь предлагалъ ихъ жителямъ право свободной торговли въ областяхъ великаго княжества Литовскаго и, извѣщая ихъ о своемъ желаніи обратиться въ христіанство, вызывалъ въ Литву колонистовъ всѣхъ сословій: рыцарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, обѣщая обезпечить вполнѣ ихъ права и надѣлить ихъ обширными льготами и поземельною собственностью.

Эти грамоты Гедымина разосланы были по назначенію Рижскимъ магистратомъ, представители котораго давали ручательство, отъ имени своего города, въ ихъ подлинности; посланіе къ папѣ привезъ въ Авиньонъ какой-то рижскій монахъ; онъ заявилъ, что литовскій посолъ, везшій грамоту, былъ задержанъ на пути крестоносцами и брошенъ въ тюрьму [1]), но, тѣмъ не менѣе, бывшая при немъ грамота доставлена была въ Ригу и магистратъ распорядился на счетъ отправки ея по адресу. Рижскій архіепископъ подтвердилъ это показаніе монаха. Опубликованныя такимъ образомъ грамоты Гедымина произвели сильное впечатлѣніе на западѣ. Папа увѣдомилъ французскаго короля особымъ посольствомъ о радостной вѣсти для всего христіанства,—о предстоящемъ крещеніи литовскаго народа; затѣмъ онъ отправилъ грамоту къ магистру крестоносцевъ, въ которой, извѣщая его объ обращеніи великаго князя литовскаго, предписывалъ прекратить военныя дѣйствія противъ Литвы. Гедымина папа извѣстилъ о благосклонномъ пріемѣ его посланія и заявилъ ему, что вскорѣ отправлены будутъ легаты, которымъ спеціально поручено будетъ

---

[1]) Nuntius Gedymini captus fuit in via, fame affictus et male cruciatus. (Наперскій, Руссво-Ливонскіе акты, стр. 45).

принять всѣ мѣры, необходимыя для споспѣшествованія обращенію Литвы въ христіанство. Не ожидая прибытія папскихъ легатовъ и повинуясь предписанію папы, духовные владѣтели Ливоніи поспѣшили заключить миръ съ Гедыминомъ. Въ договорѣ этомъ, состоявшемся въ октябрѣ 1323 года, приняли участіе: Рижскій архіепископъ, епископы: Эзельскій, Дерптскій и Ревельскій, магистратъ города Риги и датскій начальникъ города Ревеля. Поневолѣ къ договору присоединились и Ливонскіе рыцари, не посмѣвшіе сопротивляться папскому повелѣнію и общественному мнѣнію ливонскаго населенія. Вообще, послѣ обнародованія грамотъ Гедымина, когда вѣсть о предстоявшемъ его обращеніи стала общеизвѣстною на западѣ, орденъ крестоносцевъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное и ложное положеніе: всѣ жалобы и обвиненія Рижскаго архіепископа и магистрата подтверждались теперь съ новыми, подавляющими подробностями въ грамотахъ великаго князя литовскаго. Представители ордена, въ виду всеобщаго, весьма невыгоднаго для нихъ, настроенія общественнаго мнѣнія, потеряли голову и въ первое время не знали, какой слѣдуетъ имъ принять образъ дѣйствія: они, то пытались заподозрить подлинность опубликованныхъ грамотъ, то увѣряли папу въ томъ, что они нисколько не препятствовали Гедымину сноситься съ нимъ, то старались, при посредствѣ прусскихъ епископовъ, помѣшать заключенію мира съ Литвою, то, потомъ, выслали своихъ уполномоченныхъ для подписи мирнаго трактата, то, наконецъ, пытались засвидѣтельствовать свою невинность, посредствомъ удостовѣренія, полученнаго ими отъ провинціала Прусскихъ миноритовъ: но ни въ Авиньонѣ, ни вообще на западѣ, эти попытки ордена не пользовались довѣріемъ; своекорыстіе ордена, его наклонность къ интригамъ, его жестокость и алчность считались теперь вполнѣ обличенными и доказанными; повсемѣстно указывали на грамоты Гедымина, какъ на несомнѣнное доказательство коварства рыцарей; вскорѣ, въ дополненіе къ четыремъ первымъ, появились двѣ новыя: въ одной изъ нихъ великій князь излагалъ подробно всѣ обиды и несправедливости, которымъ онъ подвергался со стороны рыцарей; въ другой онъ увѣрялъ папу въ томъ, что онъ увѣровалъ давно уже въ догматъ Св. Тройцы и убѣжденъ въ верховномъ значеніи папы, какъ единственнаго намѣстника Христова на землѣ. Понуждаемый этими грамотами, папа, наконецъ, отправилъ легатовъ въ Литву въ іюнѣ 1324 года. Начальниками миссіи назначены были: Варѳоломей, епископъ Алетскій, и Бернардъ, аббатъ бенедиктинскаго монастыря св. Теофрида въ Пюи. Снабженные папскою напутственною инструкціею и вѣрительными письмами ко всѣмъ христіанскимъ владѣтелямъ, легаты прибыли въ Ригу 22 сентября 1324 года; они утвердили папскою властью договоръ, заключенный съ Гедыминомъ духовными и свѣтскими владѣтелями Ливоніи и копію этого договора сообщили магистру прусскихъ крестоносцевъ, присовокупивъ къ ней угрозу наложить вѣчный интердиктъ на всякаго, кто не исполнитъ въ точности всѣхъ обязательствъ трактата; затѣмъ, они приступили къ исполненію главной задачи своей миссіи и съ этою цѣлью отправили посольство къ Гедымину, желая установить съ нимъ прямыя сноше-

нія и условиться о мѣрахъ относительно введенія христіанства въ Литву [1]).

Посольство, отправленное легатами, прибыло въ Вильно 3-го и выѣхало оттуда обратно въ Ригу 25 ноября 1324 года. Интересный отчетъ о сношеніяхъ этого посольства съ Гедыминомъ, составленный тѣмъ-же монахомъ, который доставилъ было грамоту великаго князя въ Авиньонъ и теперь состоялъ важнѣйшимъ членомъ посольства, дошелъ до насъ вполнѣ; онъ разъясняетъ весьма подробно истинный смыслъ гедыминовыхъ грамотъ и указываетъ довольно ясно ту долю посторонпихъ къ нимъ наростовъ, которые придали всему дѣлу характеръ сношеній, предпринятыхъ будто съ цѣлью обращенія литовцевъ въ христіанство.

Изъ отчета посольства оказывается, что всѣ грамоты дѣйствительно были писаны отъ имени Гедымина, но изъявленіе желанія принять крещеніе было въ нихъ помѣщено безъ вѣдома великаго князя. Въ Вильнѣ находились тогда два католическіе монастыря: Доминиканскій и Францисканскій и между обоими орденами существовало сильное соревнованіе и зависть относительно вліянія при дворѣ великаго князя, который, въ случаѣ сношеній съ западными сосѣдями, прибѣгалъ къ помощи монаховъ этихъ монастырей, пользовался ихъ совѣтами и услугами, въ качествѣ секретарей, для составленія грамотъ на латинскомъ языкѣ; содержаніе грамотъ онъ диктовалъ по литовски, переводчикъ-же его, монахъ Гинникинъ, передавалъ ихъ содержаніе по нѣмецки секретарямъ, тѣ-же съ его словъ составляли грамоты на латинскомъ языкѣ.

Когда получено было первое дружелюбное письмо отъ Рижскаго магистрата, Гедыминъ поручилъ составленіе отвѣтныхъ грамотъ Францисканцамъ: Бертольду и Генриху, услугами которыхъ онъ пользовался въ то время. Вѣроятно по ихъ совѣту написаны были грамоты не только въ Ригу, но также къ папѣ, къ монашествующимъ орденамъ и къ прибалтійскимъ городскимъ общинамъ; при составленіи этихъ грамотъ, секретари, вѣроятно подчинившись внушеніямъ Рижскаго посольства, перемѣнили смыслъ посланій: пользуясь нѣкоторыми почтительными выраженіями, употребленными великимъ княземъ по отношенію къ папѣ, а также заявленіемъ обѣщанія полной вѣротерпимости по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, покровительства для миссіонеровъ и значительныхъ льготъ для призываемыхъ въ Литву колонистовъ, секретари придали этимъ выраженіямъ такой смыслъ, будто Гедыминъ поручилъ имъ просить папу о принятіи его въ лоно христіанской церкви; мистификація эта не могла въ первое время быть раскрытою даже въ Ригѣ при передачѣ грамотъ магистрату, такъ какъ посолъ Гедымина, можетъ быть вслѣдствіе заблаговременно подготовленной интриги, былъ задержанъ на пути и остался въ плѣну у крестоносцевъ, между тѣмъ какъ довѣренныя ему грамоты невѣдомымъ путемъ достав-

---

[1]) Daniłowicz. Skarbiec. I, стр. 153—163. Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 32—43. Düsburg, III, cap. 349.

лены были по назначенію. Впрочемъ не ясный слухъ о какой-то продѣлкѣ случившейся съ текстомъ грамотъ, достигъ, какъ кажется, вскорѣ до Гедымина; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ концѣ 1323 года онъ удалилъ отъ своего двора Францисканцевъ и сталъ обращаться за совѣтами и помощью къ Доминиканскому монаху Николаю [1]).

Но когда въ ноябрѣ 1324 года послы легатовъ явились въ Вильно, то мистификація обнаружилась. Въ торжественной аудіенціи послы изложили великому князю весь ходъ переговоровъ его съ папою и, указавъ на цѣль пріѣзда легатовъ въ Ригу, спросили, пребываетъ-ли онъ въ намѣреніи принять святое крещеніе? Тогда Гедыминъ, въ свою очередь предложилъ вопросъ, извѣстно ли посламъ содержаніе его посланія къ папѣ? и просилъ ихъ повторить это содержаніе. Услышавъ о томъ, будто имъ дано было обѣщаніе креститься, Гедыминъ возразилъ: „Я этого не приказывалъ писать; если-же братъ Бертольдъ написалъ, то пусть отвѣтственность падаетъ на его голову. Если когда-либо имѣлъ я намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу, и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцевъ; сверстниковъ своихъ я люблю какъ братьевъ, тѣхъ-же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами-же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога“! Затѣмъ великій князь, по словамъ посольскаго отчета, сталъ упрекать христіанъ, поставляя на видъ дурные поступки ордена. Въ слѣдующее утро княжескій тіунъ, въ присутствіи

[1]) «Frater Hinricus et frater Bertoldus responderunt: quod rex habuerat bonum propositum, sed, proh dolor, supervenientibus aliis, totaliter esset mutatus et aversus, qui quidem per integrum annum in concilio suo non fuerunt, sed solum frater Nicolaus, de quo habebant suspicionem ejus mali et aversionem propositi boni.... Jnterim.... rex misit post fratrem Nicolaum et post missam.... venit nuntius regis et vocavit fratres Bertoldum et Hinricum ad praesentiam regis». (Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 45). Вѣроятно вслѣдствіе потери кредита Миноритами въ Вильнѣ, случившейся въ концѣ 1323 года, представители ихъ ордена въ Пруссіи и выдали упомянутое выше свидѣтельство въ пользу крестоносцевъ. Отчетъ посольства сообщаетъ слѣдующимъ образомъ дальнѣйшія подробности о розыскѣ, производившемся въ Вильнѣ по поводу подлога въ грамотахъ, писанныхъ къ папѣ: «Postea, die subsequente,.... invenimus advocatum regis cum consiliariis ipsius, praesentibus Majoribus fratribus et Minoribus, et idem advocatus regis quaesivit a Minoribus, a quo illae litterae, domino apostolico directae, primum habuerunt processum? Respondit frater Hinricus, quod ipse scripsisset litteras, cum quibus rex nuntium suum proprium misit ad civitatem..... Tunc quaesivit a fratre Bertoldo, si ipse scripsisset litteras, quod rex vellet baptizari. Respondit, quod scripsisset ultimas litteras

пословъ, производилъ розыскъ о томъ, кто изъ Францисканцевъ совершилъ подлогъ въ грамотѣ и предложилъ посламъ вопросъ относительно того, желаютъ-ли они подтвердить договоръ, заключенный Гедымпномъ съ городами и духовными владѣтелями прибалтійскаго края? Послы отвѣтили, что они не имѣютъ достаточныхъ полномочій для того, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и предложили Гедымину отправить своихъ пословъ въ Ригу къ легатамъ [1]. Предложеніе это было принято и послы легатовъ возвратились въ Ригу въ сопровожденіи знатнаго литовскаго боярина, который заявилъ, публично, въ присутствіи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ: „Что въ грамотахъ писанныхъ отъ имени Гедымина, никогда съ его вѣдома не было заявлено о желаніи принять крещеніе; что такого рода заявленій онъ никогда не посылалъ ни къ папѣ, ни къ поморскимъ городамъ; что, напротивъ того, великій князь всегда желалъ, и желаетъ въ настоящее время остаться вѣрнымъ той религіи, которую исповѣдывали и въ которой скончались его предки". Заявленіе это подтвердили послы легатовъ, ѣздившіе въ Вильно для переговоровъ съ Гедыминомъ. Такимъ образомъ папскіе легаты убѣдились, что они были невольною жертвою обнаружившейся теперь мистификаціи; положеніе, въ которомъ они находились, показалось имъ весьма неловкимъ, и потому они поспѣшно оставили Ригу, не сдѣлавъ никакихъ новыхъ распоряженій, касающихся отношеній къ Литвѣ. Уже 7 декабря 1324 года они отправились въ обратный путь [2].

Такимъ образомъ главная цѣль сношеній папы съ Гедыманомъ не была достигнута, тѣмъ не менѣе результаты этихъ сношеній были весьма выгодны какъ для Гедымина, такъ и для гражданъ города Риги: договоръ, заключенный между ними въ 1323 году, былъ утвержденъ отъ имени папы его легентами и крестоносцамъ было предписано соблюдать въ точности его статьи. Послѣ отъѣзда легатовъ и Гедыминъ, и другіе участники договора считали его вполнѣ дѣйствительнымъ; одни только крестоносцы признавали его для себя необязательнымъ, утверждая, что обязательства договора недѣйствительны

---

quae fuerunt missae per consules Rigenses, et in nihil scripsit, nisi ex ore regis: quod vellet esse filius obedientiae, et venire ad gremium sanctae matris ecclesiae et recipere Christianos, et fidem Christi.. ampliare.... Et sic respondit advocatus: ergo recognoscis, quod non jussit te scribere de baptizmo? Tunc ipse Bertoldus et frater Nicolaus de ordine Majorum responderunt et nos omnes: quod esse filius obedientiae et venire ad gremium sanctae matris ecclesiae, aliud non esset, nisi baptismus. Tunc respondit advocatus et frater Nicolaus, quod ipse frater Bertoldus esset, qui regi fecerat talem confusionem. (Наперскій, ibid. стр. 47).

[1] Наперскій – ibidem. стр. 42--48.

[2] Düspurg III, cap. 352; Hermann de Wartberge (Scr. rer. Prus. II, стр. 61). Annales expeditialis Prussici (ibid, III, стр. 6—7). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, стр. 590).

вслѣдсвіе отказа великаго князя принять крещеніе; они немедленно возобновили военныя дѣйствія: стали грабить, убивать и захватывать въ плѣнъ жителей пограничныхъ округовъ Литвы; въ началѣ 1325 года опустошили пограничную часть Полоцкой земли, перехватывали и заключали въ тюрьму пословъ, отправляемыхъ Гедыминомъ въ Ригу, и одного изъ нихъ повѣсили. Всѣ перечисленные поступки ордена Гедыминъ поставлялъ на видъ своимъ Ливонскимъ союзникамъ, и угрожалъ съ своей стороны также расторгнуть договоръ и предпринять рядъ опустошительныхъ набѣговъ на Ливонію [1]). Побуждаемый этими упреками и пользуясь ими противъ крестоносцевъ, Рижскій архіепископъ, въ началѣ апрѣля 1325 года, торжественно отлучилъ Ливонскій орденъ отъ церкви и обнародовалъ окружное посланіе, въ которомъ излагались причины этой мѣры: перечисливъ всѣ неблаговидные поступки, совершенные ливонскими рыцарями въ прежнее время, архіепископъ указывалъ на то обстоятельство, что орденъ, нарушивъ миръ, заключенный собща съ великимъ княжествомъ Литовскимъ и утвержденный папою, поколебалъ въ глазахъ Гедымина значеніе папскаго авторитета, раздражилъ его вообще противъ христіанъ и, такимъ образомъ, заставилъ отказаться отъ заявленнаго имъ намѣренія принять св. крещеніе; сверхъ того крестоносцы притѣсняютъ и обижаютъ епископовъ, хлопотавшихъ объ обращеніи Литовцевъ въ христіанство и свято сохраняющихъ договоръ, санкціонированный папскими легатами [2]).

Такимъ образомъ въ Ливоніи съ новою силою вспыхнула междуусобная война между орденомъ съ одной стороны, епископами и городскими общинами, опиравшимися на союзъ съ Гедыминомъ,—съ другой; война эта была несчастна для ордена: въ 1328 году Рижскіе граждане взяли приступомъ и разорили построенную крестоносцами крѣпость Дюнамюнде, а когда, въ слѣдующемъ году, сильное войско крестоносцевъ стало угрожать Ригѣ, то магистратъ отправилъ пословъ къ Гедымину, предлагая ему уступить четыре крѣпости, принадлежавшія городу на берегахъ Двины, въ замѣнъ за дѣятельную помощь для окончательнаго истребленія ордена. Гедыминъ съ большимъ войскомъ переправился черезъ Двину и страшно опустошилъ владѣнія ордена: Рижскіе граждане во все время этого похода снабжали его войско продовольствіемъ и проводниками. Походъ этотъ дѣйствительно принудилъ орденъ къ рѣшительнымъ уступкамъ: въ мартѣ 1330 года Ливонскій магистръ Эбергардъ фонъ Мунгеймъ заключилъ договоръ съ архіепископомъ и городомъ Ригою [3]). Орденъ призналъ полную ихъ независимость, отказался отъ постройки укрѣпленій въ чертѣ города Риги и обязался на свой счетъ возстановить всѣ городскіе заводы и постройки, разрушенные крестоносцами во вре-

---

[1]) Наперскій, Русско-Ливонскіе акты. стр 48—52.
[2]) Daniłowicz—Skarbiec etc. I, стр. 163—165.
[3]) Hermann de Wartberge—Chron. (Scrip rer. Prus. II, стр. 65).

мя многолѣтней войны съ городомъ. Очевидно, силы Ливонскаго ордена были исчерпаны въ борьбѣ, могущество его было ослаблено и противувѣсь его власти, поддержанный Гедыминомъ въ лицѣ духовныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ Ливоніи, отнималъ у него возможность на будущее время причинять существенный вредъ великому княжеству Литовскому. Дѣйствительно, въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія княженія Гедымина, мы не встрѣчаемъ упоминанія о сколько нибудь серьезномъ предпріятіи Ливонскихъ рыцарей противъ Литовскихъ земель.

Относительно другихъ иноземныхъ сношеній Гедымина, мы находимъ въ источникахъ только немногочисленныя извѣстія объ отношеніяхъ великаго княжества Литовскаго къ Золотой Ордѣ. Не придавая никакого значенія весьма позднимъ и неяснымъ преданіямъ о мнимыхъ походахъ Гедымина къ подножію кавказскихъ горъ, мы находимъ свѣдѣніе правдоподобное, хотя не вполнѣ достовѣрное, о томъ, что въ борьбѣ съ крестоносцами Гедыминъ пользовался по временамъ помощью вспомогательныхъ татарскихъ отрядовъ [1]. Въ русскихъ лѣтописяхъ записаны кромѣ того извѣстія о двухъ набѣгахъ татаръ на Литву, хотя не указаны ни причины, ни размѣры этихъ столкновеній [2]; наконецъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ выше ливонскихъ актовъ есть намекъ на то, что въ ноябрѣ 1324 года въ Вильнѣ находилось татарское посольство, о цѣли присылки котораго данный источникъ не упоминаетъ [3]. Скудость этихъ извѣстій вытекаетъ изъ естественнаго положенія отношеній великаго княжества Литовскаго къ Ордѣ въ данное время. Въ княженіе Гедымина отношенія эти могли быть только отрывочны и случайны, потому что еще широкая полоса русскихъ земель отдѣляла великое княжество Литовское отъ ордынскихъ кочевій.

О внутренней дѣятельности Гедымина и о вліяніи его на устройство и распорядокъ великаго княжества Литовскаго до насъ дошли весьма скудныя свѣдѣнія. Кромѣ чертъ, упомянутыхъ выше: усовершенствованія военнаго дѣла, постройки крѣпостей, старанія привлечь западныхъ колонистовъ въ Литву, мы можемъ отмѣтить еще два выдающихся, по указаніямъ источниковъ, факта, свидѣтельствующихъ о прогрессивномъ развитіи въ данное время формъ внутренняго быта великаго княжества Литовскаго: это — возникновеніе первыхъ значительныхъ городовъ и мирное распространеніе христіанства, пользовавшагося полною вѣротерпимостію со стороны великаго князя.

---

1) Stryjkowski—Kronika etc. стр. 360—361.

2) 1324. „Царь Азбякъ посылалъ князей Литвы воевати; и много зла створиша Литвѣ, и со многимъ полономъ пріидоша въ Орду". 1336. „Тогоже лѣта татарове воеваше Литву". Никоновская лѣтоп. т. III, стр. 128 и 164.

3) „Rex non poterat loqui nobiscum, quia cum Tataris erat impeditus. Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 47.

Объ основаніи городовъ до насъ дошли преданія въ видѣ позднихъ легендарныхъ разсказовъ; по словамъ этихъ преданій, Гедыминъ основалъ городъ въ Трокахъ, неприступное мѣстоположеніе которыхъ на островѣ, среди озера обратило на себя его вниманіе, и вслѣдъ затѣмъ построилъ другой городъ—Вильно, будущую столицу великаго княжества Литовскаго [1]). Гедыминъ поочередно основывалъ свою резиденцію въ обоихъ городахъ, обвелъ ихъ укрѣпленіями, построилъ замки, покровительствовалъ росту ихъ населенія и, сдѣлавъ ихъ центромъ управленія обширнымъ уже тогда Литовскимъ государствомъ, придалъ имъ значеніе первенствующихъ городовъ.

Въ концѣ его княженія столица окончательно утвердилась въ Вильнѣ, благодаря важному для Литовцевъ значенію, которымъ пользовался этотъ городъ, ставшій въ началѣ XIV столѣтія религіознымъ центромъ всего Литовскаго племени. Центральное святилище литовскихъ боговъ, называемое Ромове, мѣсто жительства верховнаго жреца криве-кривейте находилось первоначально въ Прусской области Надравіи; послѣ покоренія этой области крестоносцами, криве-кривейте переселился на правый берегъ Нѣмана и Ромове перенесено было на устье р. Дубиссы въ Нѣманъ; но и это новое святилище подверглось вскорѣ нападеніямъ крестоносцевъ и въ 1294 году было разрушено Рагнитскимъ комтуромъ Людвикомъ фонъ Либенцель [2]). Тогда Ромове было перенесено въ болѣе безопасное и удаленное отъ крестоносцевъ мѣсто, лежавшее почти на границѣ Литовскихъ и Русскихъ земель, входившихъ въ составъ великаго княжества. При устьѣ рѣчки Вильны (Волна) въ рѣку Нерію или Нергисъ (впослѣдствіи Вилія) на холмѣ Свентирога находилось издревле уважаемое Литовцами святилище, на которомъ горѣлъ неугасаемый огонь изъ дубовыхъ вѣтвей и гдѣ сожигали знатныхъ покойниковъ. Святилище это было основано, по словамъ народнаго преданія, древнимъ мѣстнымъ благочестивымъ княземъ—Свентирогомъ [3]). Сюда бѣжалъ криве-кривейте съ коллегіею окружавшихъ его жрецовъ послѣ разрушенія

---

[1]) Легенда объ основаніи Трокъ и Вильна—въ лѣтописи Быховца, стр. 16—17; у Стрыйковскаго I, стр. 369—373 и у Кояловича I, стр. 262—265.

[2]) Düsburg III, cap. 5 и 252. Stryjkowski I, стр. 79. Kojałowicz I, стр. 32.

[3]) Лѣтоп. Быховца, стр. 10—11. Болѣе подробный пересказъ о Свентирогѣ находится въ рукописномъ спискѣ той-же лѣтописи, хранящемся въ Познанской библіотекѣ. Вотъ этотъ разсказъ, пропущенный въ спискѣ, изданномъ Нарбутомъ: „Обереть собе великій князь Швинторогъ местцо на пущи, велми хорошо, подле реки Вельи, где река Вильня упадаетъ у Велью, и просилъ сына своего Скиримонта, абы на томъ местцу было жеглищо вчинено, гдежбы его мертвого сожгли; и приказалъ сыну своему, жебы по смерти его на томъ местцу, гдѣбы его сжегъ, всихъ князей Литовскихъ и знаменитыхъ бояръ сожжено было и штобы вже нигде инде тела мертвыхъ не были съжены, только тамъ“.

принѣманскаго Ромове и съ его поселеніемъ Свентирогово святилище пріобрѣло значеніе религіознаго племеннаго центра. Это обстоятельство и побудило вѣроятно Гедымина, основать городъ около святилища и перенести туда столицу изъ новоослованныхъ имъ Трокъ. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ легенды видно, что основаніе Вильны и переходъ великаго князя на жительство въ этотъ городъ случились послѣ переговоровъ Гедымина съ первосвященникомъ Лиздейкомъ и вслѣдствіе предсказаній, будто-бы превозвѣщенныхъ послѣднимъ.

Придавая такимъ образомъ народному литовскому культу значеніе государственной религіи, Гедыминъ тѣмъ не менѣе относился съ полною вѣротерпимостью къ христіанамъ всѣхъ исповѣданій, жившимъ въ предѣлахъ его княжества; мы не только не встрѣчаемъ, даже въ лѣтописяхъ составленныхъ крестоносцами, намековъ о какомъ-бы то ни было стѣсненіи христіанъ, но, напротивъ того, въ грамотахъ Гедымина и въ переговорахъ съ бывшими у него послами, онъ ясно высказываетъ свое стремленіе не только не стѣснять христіанъ, но даже оказывать имъ возможное покровительство. Изъ отчета посольства, ѣздившаго въ Вильно въ 1324 году, мы знаемъ, что въ этомъ городѣ существовали двѣ католическія церкви и при нихъ монастыри: доминиканскій и миноритскій; третій монастырь, также миноритскій, находился въ прежней столицѣ великихъ князей—въ Новгородкѣ Литовскомъ. Католическіе монахи пользовались почетомъ при дворѣ великаго князя и призывались для участія въ его совѣтѣ. Отношенія Гедымина къ православной церкви носили также характеръ терпимости: во всѣхъ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ княжеству Литовскому, православіе пользовалось совершенною свободою и церковь управлялась Полоцкимъ владыкою, который свободно сносился съ митрополитомъ и принималъ участіе въ помѣстныхъ соборахъ русскаго духовенства [1]). Поселившееся въ Вильнѣ русское населеніе имѣло свою церковь, во имя св. Николая, построенную, по преданію, еще при жизни Гедымина [2]). Наконецъ, дружелюбное отношеніе великаго князя къ православію выразилось въ быту его собственнаго семейства: почти всѣ сыновья Гедымина женаты были на русскихъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ—Глѣбъ-Наримундъ принялъ св. крещеніе по православному обряду еще при жизни отца.

Въ 1341 году, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, Гедыминъ погибъ при осадѣ одной изъ крѣпостей, воздвигнутыхъ крестоносцами, сраженный выстрѣломъ изъ огнестрѣльнаго оружія, въ первый разъ примѣненнаго кре-

---

[1]) 1331. „И постави Василія владыку митрополитъ Феогностъ, а съ нимъ владыкъ 5: Грѣгорій Полоцкій, Афанасій Володимірскій, Федоръ Галицкій, Марко Перемыслицкій, (Іоанъ Холмскій)“. Супрасльская лѣтопись, стр. 55.

[2]) Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны—въ Памятникахъ Русской старины западнаго края, изд. Батюшковымъ. Вып. V, стр. 11 и 85.

стоносцами къ военному дѣлу [3]. Семь сыновей Гедымина распредѣлили между собою, въ качествѣ удѣловъ, земли великаго княжества Литовскаго.

[3]) Длугошъ, вслѣдствіе очевидной описки, относитъ смерть Гедымина къ 1307 г. Стрыйковскій и Кояловичъ полагаютъ ее въ 1328 при осадѣ замка Вельоны. Вигандъ изъ Марбурга—въ 1337 при осадѣ Бейербурга. Всѣ эти годы означены очевидно ошибочно: въ сборникѣ Наперскаго помѣщенъ договоръ, заключенный Гедыминомъ съ Ригою и Ливонскимъ орденомъ, состоявшійся 1 ноября 1338 года. Такимъ образомъ, съ гораздо большею вѣроятностью можно принять годъ смерти Гедымина, обозначенный въ Русскихъ лѣтописяхъ: 1341 или 1340. Długosz. I стр. 923. Stryjkowski, Kronika etc. I, стр. 385. Kojałow. Hist. Lit. I, 280. Wigand (script. rer. Prus. II, стр. 493—494). Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 68 Никоновская лѣтоп. III, стр. 174. Воскресенская лѣтоп. стр. 207. Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 164.

III.

Ольгердъ и Кейстутъ.

1341—1377.

Гедыминъ оставилъ многочисленное семейство: лѣтописи сохранили имена семи его сыновей и свѣдѣнія о пяти его дочеряхъ. Преслѣдуя постоянно политическія цѣли, направленныя къ укрѣпленію и расширенію своего государства, Гедыминъ подчинилъ этимъ цѣлямъ свои семейныя отношенія: изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о брачныхъ связяхъ его дѣтей видно, что всѣ эти связи были заключены по указаніямъ политическаго, по большей части вѣрнаго, расчета. Выдавая за мужъ дочерей и женя сыновей, Гедыминъ имѣлъ постоянно въ виду или укрѣпленіе посредствомъ брака необходимаго для Литвы союза, или надежду на пріобрѣтеніе правъ по наслѣдству на ту или другую область, порубежную съ его государствомъ.

Изъ пяти дочерей Гедымина, одна, какъ уже было указано, была за мужемъ за Давидомъ, Гродненскимъ старостою; бракъ этотъ вводилъ въ кругъ великокняжеской семьи самаго выдающагося представителя русской народности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и, такимъ образомъ, скрѣплялъ необходимое единеніе двухъ національныхъ началъ, входившихъ въ составъ этого государства. Бракъ другой дочери Гедымина, Альдоны (въ крещеніи Анны), упрочилъ весьма важный для Литвы союзъ съ Польшею, посредствомъ котораго великое княжество пріобрѣло прочную опору въ борьбѣ съ крестоносцами. Третья дочь Гедымина, имя которой не сохранилось въ источникахъ, выдана была въ замужество, въ 1331 году, за Болеслава Трой-

деновича, Мазовецкаго князя изъ Черской линіи [1]). Кромѣ союза съ сосѣднею Мазовіею, весьма важнаго для Литвы, такъ какъ страна эта лежала въ углу между владѣніями литовскими и землями Тевтонскаго ордена, бракъ этотъ имѣлъ еще другое, болѣе важное, хотя и отдаленное значеніе; въ то время въ Галичѣ княжилъ послѣдній представитель старшей линіи рода Даніила Романовича, князь Юрій II Андреевичъ. Князь этотъ не имѣлъ потомства и, послѣ его смерти, право на Галицкое и Владимірское княженія могли заявить потомки Даніила по женской линіи; это право могли предъявить двѣ княжны Даніилова рода: двоюродная сестра Юрія II, дочь князя Льва Юріевича Луцкаго, и родная сестра Юрія II—Марія Андреевна; первая изъ нихъ была замужемъ за Любартомъ Гедыминовичемъ и, такимъ образомъ, передавала свои права Литовскому княжескому роду, вторая была жена князя Черскаго—Тройдена Болеславовича [2]); единственный ея наслѣдникъ и былъ Болеславъ Тройденовичъ, родство съ которымъ, въ случаѣ его безпотомной смерти, скрѣпляло права на Галицкое наслѣдство, пріобрѣтенныя уже отчасти бракомъ Любарта.

Браки двухъ другихъ дочерей Гедымина устанавливали связи его дома съ княжескимъ родомъ, владѣвшимъ въ сѣверовосточной Руси; между тѣмъ, какъ одна изъ нихъ, Айгуста (въ крещеніи Анастасія), была супругою великаго князя Московскаго, Симеона Ивановича [3]), другая, Марія, отдана была въ замужество за представителя той вѣтви русскаго княжескаго рода, которая оспаривала у в. к. Московскихъ господство надъ Сѣверовосточной Русью—она была женою Тверскаго князя, Дмитрія Михайловича [4]).

Такое же политическое значеніе имѣли браки двухъ сыновей Гедымина, свѣдѣнія о которыхъ сохранились въ источникахъ: Ольгердъ Гедыминовичъ, еще въ 1318 году, женился на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ Витебской, и уже въ 1320 г. наслѣдовалъ Витебское княженіе послѣ смерти тестя [5]). Въ 1325 году, послѣ смерти Луцкаго князя Льва Андреевича, восточная Волынь досталась его зятю Любарту Гедыминовичу.

---

[1]) „1331. Boleslaus dux Masoviae et Russiae uxoratur, et accipit in uxorem filiam Gedymini, ducis Lthuaniae, gentilem et barbaram.“ Длугошъ I, стр. 1022.

[2]) „1341 Ducissa Czirnensis Maria moritur, uxor Trojdeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione Rutena.“ Длугошъ, I, стр. 1062.

[3]) „1344 Преставися великая княгиня Семенова Ивановича Анастасія въ черницахъ и схимѣ, родомъ Литовка, а прозвище ей бысть Литовское Августа.“ (Никоновск. лѣт. III, стр. 181).

[4]) Той-же зимы (1319) за князя Дмитрія Михайловича приведоша княжну Марію изъ Литвы, Едименову дщерь“. (Тверская лѣтоп., стр. 414).

[5]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ стр. 27. Генеалогія Витебскихъ князей при лѣтоп. Быховца, стр. 81.

Такимъ образомъ брачныя связи лѣтей Гедымина ввели Литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское.

Къ несчастію однако для Литвы, важнѣйшій изъ предположенныхъ политическихъ интересовъ — дѣло о Галицкомъ наслѣдіи, возникло почти одновременно со смертью Гедымина и, вслѣдствіе колебаній, которымъ подверглась верховная власть въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, не могло быть поддержано сыновьями Гедымина съ достаточною энергіею.

Порядокъ престолонаслѣдія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ не былъ установленъ ни закономъ, ни обычаемъ; вслѣдствіе этого, въ теченіи пяти лѣтъ послѣ смерти Гедымина (1341 — 1345) государственное начало, объ укрѣпленіи котораго онъ постоянно заботился, подвергается значительной опасности; литовское государство находится на пути къ разложенію на мелкіе самостоятельные удѣлы, подобно тому какъ разложилось нѣкогда государство Владиміра святого. По мѣрѣ увеличенія своихъ владѣній, Гедыминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, независимыхъ отъ главы рода[1]). Такимъ образомъ, послѣ смерти Гедымина великое княжество Литовское оказалось распредѣленнымъ на 8 удѣловъ между его семью сыновьями и братомъ. Удѣлы эти заключали въ себѣ слѣдующія земли: братъ Гедымина, Воинъ, владѣлъ Полоцкимъ княженіемъ[2]). Удѣлъ старшаго изъ Гедыминовичей, Монвида, состоялъ изъ Кернова (по преданію древней Литовской столицы, еще во время княженія Рынгольта), лежавшаго въ собственной Литвѣ, на рѣкѣ Виліи, къ сѣверу отъ Вильна и изъ Слонима въ Черной Руси, тянувшаго нѣкогда къ Новградъ-Литовскому княженію. Другой сынъ Гедымина, бывшій кормленникъ великаго Новгорода, Наримунтъ, владѣлъ въ долинѣ Припяти княженіемъ Пинскимъ и Туровскимъ. Третій Гедыминовичъ — Коріатъ княжилъ во всей Черной Руси, за исключеніемъ Слонима, до береговъ рѣки сѣверной Случи; Новгородокъ Литовскій и Волковыскъ были главными городами этого удѣла. Затѣмъ Ольгерду Гедыминовичу достался въ собственной Литвѣ городъ Крево, тянувшія къ которому земли простирались до р. Березины; по ту сторону Березины, далеко на во-

---

[1]) Мы встрѣчаемъ въ источникахъ указаніе на то, что при раздачѣ удѣловъ, надъ удѣльнымъ княземъ совершался обрядъ коронаціи. О Коріатѣ Гедыминовичѣ, получившемъ Новгородокъ Литовскій сохранилась слѣдующая приписка на древнемъ требникѣ, хранившемся въ Лаврашевскомъ монастырѣ: „1329 - коронація князя Новогрудскаго.“ (Narbutt. Dzieje Narodu Litewskiego. IV, стр. 267).

[2]) Воскресенская лѣтоп., стр. 199. Первая Псковская лѣт., стр. 188.

стокъ, до береговъ Угры простиралось княжество Витебское, принадлежавшее также Ольгерду, въ качествѣ вѣна его жены. Вся западная полоса великаго княжества Литовскаго, отъ Жмудзкаго поморья и до границъ Волыни: Жмудь, Троки, Гродно и Берестіе, составляли удѣлъ Кейстута Гедыминовича; область этого удѣла тянулась узкою и длинною полосою съ сѣвера къ югу, окаймляя весь западный рубежъ великаго княжества, и составляя его военную границу со стороны владѣній Тевтонскаго ордена и Мазовіи. Любартъ Гедыминовичъ, еще при жизни отца переселился въ землю Волынскую, гдѣ съ 1325 года онъ владѣлъ Луцкимъ княжествомъ. Наконецъ, младшій изъ сыновей Гедымина, Явнутій, какъ кажется не надѣленный при жизни Гедымина удѣломъ, получилъ послѣ его смерти тѣ земли, которыя находились въ непосредственной зависимости отъ великаго князя: стольный городъ Вильно, съ пригородами: Ошмяною, Вилькомиромъ и Браславомъ-Литовскимъ [1]).

Руководясь принадлежностью къ этому удѣлу основанной Гедыминомъ столицы и значеніемъ земель, входившихъ въ его составъ при Гедыминѣ, какъ территоріи непосредственно подвѣдомственной великому князю, всѣ Литовскіе историки, начиная съ Быховца и Стрыйковскаго и до Нарбута и Стадницкаго включительно, считаютъ Явнутія преемникомъ Гедымина въ качествѣ великаго князя, пользовавшагося будто верховною властью надъ остальными братьями и ихъ удѣлами [2]). Предположеніе это не вѣроятно само по себѣ, такъ какъ

---

[1]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ, стр 27. Длугошъ, кн. X, стр. 60. Лѣтоп. Быховца, стр. 17. Stryjkowski, т. I, стр. 381 -382.—Сверхъ перечисленныхъ удѣловъ, въ южной части бывшаго Полоцкаго княжества, въ территоріи Минска, оставались еще мелкіе удѣлы русскихъ князей, признававшіе надъ собою власть в. кн. Литовскихъ.

[2]) Въ подтвержденіе этого положенія обыкновенно ссылаются, какъ на единственное фактическое доказательство, на договоръ, заключенный между (1340—1349 г.) Литовскими князьями съ Казимиромъ польскимъ; договоръ этотъ начинается такъ: „Я, князь Евнутій, и Кистутій, и Любартъ, и Юрій Наримонтовичъ и Юрій Коріатовичъ чинимы миръ твердый изъ королемъ Казимиромъ польскимъ..... и за *великаго князя Ольгерда*, и за Коріата, и за Патрикія, и за ихъ сыны мы цслюбуемъ тотъ миръ держати велми твердо.“ (Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, стр. 1) Такъ какъ имя Явнутія поставлено въ этомъ документѣ на первомъ мѣстѣ, то въ этомъ обстоятельствѣ и видятъ доказательство его великокняжескаго достоинства. Аргументъ этотъ, весьма шаткій по своему существу, встрѣчаетъ рѣшительное противурѣчіе въ текстѣ самаго документа, въ которомъ великимъ княземъ ясно названъ Ольгердъ. Притомъ, хотя въ документѣ не обозначенъ годъ его составленія, но въ дальнѣйшемъ текстѣ сказано, что миръ заключается „отъ Ивана дне (купалъ) за 2 лѣтъ“ намъ, между тѣмъ, извѣстно, что война съ Польшею вспыхнула въ 1349 году, потому время заключенія договора съ самымъ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено къ 1347 году, т. е. къ тому времени, когда Евнутій былъ уже смѣщенъ съ Виленскаго княженія. Въ договорѣ онъ очевидно принималъ участіе, на равнѣ съ другими братьями и племянниками, въ

трудно допустить, чтобы князья довольно уже пожилые, опытные въ управленіи областями и въ военномъ дѣлѣ, владѣвшіе притомъ удѣлами гораздо болѣе обширными, чѣмъ удѣлъ Виленскій, согласились признать главою рода юношу едва достигшаго совершеннолѣтія и младшаго по рожденію. Но, кромѣ того, если обратимъ вниманіе на событія, случившіяся въ промежутокъ времени съ 1341 по 1345 годъ, то убѣдимся, что ни имени, ни вліянія Явнутія на эти событія источники вовсе не упоминаютъ. Каждый изъ удѣльныхъ князей дѣйствуетъ самостоятельно, по личному усмотрѣнію, иногда въ союзѣ съ другими родственниками, иногда отдѣльно; онъ заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, предпринимаетъ военные походы и т. д., ссылки на зависимость ихъ отъ великаго князя или на руководство послѣдняго, (какъ это случалось постоянно раньше при Гедыминѣ, и позже при Ольгердѣ) мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Потому гораздо правдоподобнѣе кажется намъ положеніе, что въ данный промежутокъ времени никто изъ наслѣдниковъ Гедымина не пользовался старшинствомъ и достоинствомъ великаго князя, пока два самые сильные и даровитые изъ сыновей Гедымина—Ольгердъ и Кейстутъ, не вступили въ соглашеніе съ цѣлью прекратить неопредѣленный, возникшій за смертью отца, порядокъ, грозившій разложеніемъ образовавшемуся при немъ государству и ослаблявшій силы послѣдняго въ виду угрожавшей со стороны крестоносцевъ рѣшительной опасности.

Въ подтвержденіе высказаннаго положенія, разсмотримъ всѣ событія указаннаго времени, насколько свѣдѣнія о нихъ сохранились въ источникахъ.

Непосредственно послѣ смерти Гедымина, старшій изъ его сыновей, Монвидъ, предпринялъ походъ противъ Прусскихъ рыцарей, вытѣснилъ ихъ изъ Жмуди, и, ворвавшись двумя отрядами въ Пруссію, разбилъ крестоносцевъ въ нѣсколькихъ стычкахъ и опустошилъ значительную полосу ихъ владѣній. Магистръ Людольфъ Кенигъ заключилъ съ нимъ перемиріе, котораго условія не дошли до насъ; извѣстно только, что въ переговорахъ Монвида съ крестоносцами принимали участіе Ольгердъ и Кейстутъ. Нѣмецкій хро-

---

качествѣ лица, уполномоченнаго отъ великаго князя Ольгерда. Г. Дашкевичъ указываетъ на разсказъ, составленный Витовтомъ около 1390 года, въ которомъ этотъ великій князь передаетъ, что Гедыминъ далъ Евнутію „die grosse Herrschafft zu der Wille“; но тутъ-же г. Дашкевичъ замѣчаетъ что въ XIV столѣтіи титулъ великаго князя принимали и князья удѣльные; потому и выраженіе Витовта мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что Евнутій имѣлъ „великое княженіе въ Вильнѣ“. Принадлежность къ его удѣлу отцовскаго стольнаго города послужила поводомъ какъ къ удержанію за нимъ громкаго титула, такъ въ послѣдствіи и къ изгнанію его братьями, желавшими возстановить единство государства и сосредоточить его управленіе въ основанной отцемъ столицѣ.

нистъ, передавшій это извѣстіе, не упоминаетъ имени Явнутія и считаетъ Монвида великимъ княземъ Литовскимъ [1]).

Въ тоже время Любартъ Гедыминовичъ началъ многолѣтній споръ съ Казиміромъ польскимъ за наслѣдіе Галицкихъ князей. Въ 1340 году скончался во Львовѣ послѣ непродолжительнаго княженія Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій. Немедленно послѣ его смерти, Казиміръ занялъ Перемышльскую землю, полонивъ измѣннически важнѣйшихъ представителей этой области [2]) и, затѣмъ, быстро двинувшись ко Львову, овладѣлъ этимъ городомъ. Источники не сохранили подробностей первоначальной борьбы Любарта съ поляками; знаемъ только изъ позднѣйшихъ указаній, что онъ успѣлъ завладѣть Владиміромъ Волынскимъ, Кремецемъ и Белзомъ; затѣмъ захваченъ былъ Казиміромъ измѣною въ плѣнъ и освободился изъ него, благодаря посредничеству Кейстута. Занятые имъ города онъ удержалъ однако въ своемъ владѣніи, хотя не имѣлъ достаточныхъ силъ для того, чтобы отнять у Поляковъ Львовскую и Перемышльскую земли [3]). Вѣроятно въ связи съ борьбою Любарта съ Казиміромъ за Волынь стояли набѣги Литовцевъ на Мазовію, предпринимавшіеся, по видимому, съ общаго согласія Кейстута, Ольгерда, Любарта и Корибута въ 1340 и послѣдующихъ годахъ [4]). Въ разсказѣ лѣтописцевъ объ этихъ набѣгахъ имя Явнутія также не упоминается.

Въ 1341 году Ольгердъ предпринялъ, совершенно независимо отъ остальныхъ братьевъ, походъ на Можайскъ, желая возвратить этотъ городъ своему союзнику, Смоленскому князю. Попытка Литовцевъ взять этотъ городъ не увѣнчалась успѣхомъ; они овладѣли только пригородомъ Тешиновымъ, и, поплѣнивъ Можайскую волость, возвратились въ Витебскъ [5]).

Въ слѣдующемъ году Ольгердъ принялъ еще болѣе дѣятельное участіе

---

[1]) Lucas David—Preussische Chronik, т. VI, стр. 145—146. Хроника эта называетъ Монвида искаженнымъ именемъ Ортманновичъ: „Ortmanowitz, der Littauische König, Gedymins Sohn.“ Нарбутъ указалъ, что этотъ сынъ Гедымина, могъ быть только Монвидъ. (Narbutt, т. V, стр. 2—4.

[2]) „Вмыслили панове вси Лядзкіе.... вчинити, какъ вчинили надъ панами Русскими Перемышльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порѣзали, и Перемысль засели.“ Лѣтоп. Быховца, стр. 57.

[3]) „А про Любартово ятсьтво, хочемъ его поставити на судѣ передъ паны Угорьскими.... будетъ-ли ялъ его король по кривдѣ,—Любартъ будетъ правъ, и я, князь Кестутій, буду правъ передъ Вгорьскимъ королемъ.“ (Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, стр. 1—2). „Lubardus, qui superioribus bellis captus, et ad cautionem fratrum suorum, verbo et litteris praestitam, dimissus.“ Длугошъ, т. I, стр. 1150). Также Cromeri—De origine et rebus gestis Polonorum, стр. 204.

[4]) Длугошъ, т. I, стр. 1037 и 1039. Stryjkowski, т. II, стр., 16, 17, 21, Cromer, стр, 204.

[5]) Никоновская лѣт., т. III, стр. 174; 1-я Софійская лѣтопись, стр. 222. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 164. Карамзинъ (изд. 1833 г.), т. IV, стр. 251 и примѣчаніе 301.

въ русскихъ дѣлахъ. Въ концѣ 1341 года вспыхнула было война между Псковомъ и Ливонскими рыцарями; послѣдніе захватили въ Летыгольской землѣ „на миру“ пять Псковскихъ пословъ и убили ихъ; княжившій тогда во Псковѣ, Александръ Всеволодовичъ отправился было въ походъ на нѣмцевъ, но у него возникли какія то несогласія съ Псковичами; онъ поспѣшилъ заключить съ рыцарями перемиріе и, бросивъ Псковъ, уѣхалъ въ Новгородъ. Въ теченіе всей зимы 1341—1342 года происходили мелкіе набѣги и стычки вдоль Ливонско-Псковской границы. Между тѣмъ рыцари стали готовиться къ рѣшительному походу на Псковъ и, желая обезпечить себя во время этого похода, выстроили на границѣ, на Псковской землѣ, крѣпость Новый городокъ (Нейгаузенъ). Псковичи, предвидя опасность, просили помощи у Великаго Новгорода, но между обѣими общинами существовалъ разладъ вслѣдствіе стремленія Пскова къ полной самостоятельности по отношенію къ бывшей своей метрополіи; потому Новгородцы медлили отвѣтомъ, по свидѣтельству-же Псковскихъ лѣтописей, вовсе отказали въ помощи; тогда Псковичи, „отвергшеся Новгорода,“ обратились за помощью въ Витебскъ къ Ольгерду; Витебскій князь дѣйствительно явился во Псковъ въ сопровожденіи брата Кейстута и съ вспомогательнымъ отрядомъ Полочанъ. Передовой его полкъ, отправленный къ Ливонской границѣ подъ начальствомъ Литовскаго воеводы Юрія Витовтовича, наткнулся внезапно на сильную нѣмецкую рать, вошедшую уже въ Псковскіе предѣлы; послѣ неудачной стычки, князь Юрій отступилъ къ Изборску и затворился въ этомъ городѣ, гдѣ былъ осажденъ рыцарями. Между тѣмъ Ольгердъ, слѣдовавшій за передовымъ полкомъ съ главными силами Псковско-Литовскими, узнавъ о случившемся, приказалъ своему войску переправиться назадъ черезъ рѣку Великую и выжидать дальнѣйшихъ событій во Псковѣ; Литовскіе князья остались съ небольшимъ отрядомъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой, наблюдая за движеніями Нѣмцевъ. Здѣсь, во время ночной рекогносцировки, убитъ былъ сынъ полоцкаго князя, Любко Воиновичъ, въѣхавшій неосторожно „самдругъ“ въ ряды Нѣмецкаго отряда. Изборяне между тѣмъ просили настоятельно помощи, но Ольгердъ отказался идти на выручку городу, угаваривая осажденныхъ избѣгать „крамолы“ и дружно отстаивать городъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, утверждая, что нѣмцы сами оставятъ осаду. Во Псковѣ сильно негодовали на бездѣйствіе Литовскаго князя, но, тѣмъ не менѣе, высказанныя имъ соображенія вполнѣ оправдались: послѣ девятидневной осады Ливонскій магистръ, Бурхардъ фонъ Дрейлевенъ, сжегъ пороки и запасы провіанта и, поспѣшно снявъ осаду, удалился въ Ливонію. Объясненіе поведенія Ольгерда и бѣгства Ливонцевъ изъ подъ Изборска мы находимъ въ лѣтописи Виганда изъ Марбурга; по его свидѣтельству, вслѣдствіе распоряженій Ольгерда три сильные отряда Литовцевъ переправились въ различныхъ мѣстахъ черезъ Двину и принялись страшно опустошать Ливонію; они отступили съ большею добычею и многочисленными плѣнниками лишь тогда, когда получили извѣстіе о возвращеніи магистра въ Ливонію. Избавившись отъ нѣмецкаго нашествія, Псковичи упра-

шивали Ольгерда принять крещеніе и остаться княжить во Псковѣ; но Ольгердъ отклонилъ отъ себя это предложеніе и указалъ Псковичамъ на сопровождавшаго его старшаго сына—Вингольта, носившаго уже тогда молитвенное христіанское имя Андрея. Молодой княжичъ крестился и „Псковичи посадиша его на княженіе у святыя Тройцы во Псковѣ;" Ольгердъ затѣмъ удалился, обѣщая, въ случаѣ нужды, оказывать поддержку Псковитянамъ. Но и на этотъ разъ вліяніе литовскихъ князей на Псковъ не могло прочно установиться въ виду болѣе для нихъ важныхъ интересовъ, привлекавшихъ постоянно ихъ вниманіе къ внутреннимъ дѣламъ великаго княжества Литовскаго: вскорѣ послѣ удаленія Ольгерда уѣхалъ изъ Пскова въ Литву и князь Андрей; по мнѣнію русскихъ лѣтописей онъ бѣжалъ отъ моровой язвы, посѣтившей Псковскую область въ концѣ 1342 года; гораздо вѣроятнѣе, отъѣздъ его находился въ связи съ событіемъ, случившимся въ то время въ другой русской области, интересы которой были ближе и важнѣе для литовскихъ князей: въ Полоцкѣ умеръ братъ Гедымина, князь Воинъ; сынъ его, Любко, какъ было указано выше, погибъ во время Псковскаго похода, о другихъ-же сыновьяхъ Воина источники вовсе не упоминаютъ; такимъ образомъ Ольгерду представилась возможность овладѣть упраздненнымъ княжескимъ столомъ сильнѣйшаго литовско-русскаго удѣла; потому онъ вызвалъ сына изъ Пскова и посадилъ его въ Полоцкѣ, откуда Андрей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ посылалъ намѣстниковъ во Псковъ. Но въ 1348 году Андреевъ намѣстникъ, князь Юрій Витовтовичъ, погибъ у Изборска въ стычкѣ съ нѣмцами; тогда Псковичи, недовольные отсутствіемъ князя, сказали ему: „тобѣ было княже сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстники тобѣ Пскова не держати; а нынѣ, оже тобѣ не угодно сѣсти у насъ, индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова; а намѣстникъ твоихъ не хотимъ" затѣмъ они „смиришася съ Новгородцами [1]."

Во всѣхъ почти указанныхъ предпріятіяхъ Гедыминовичей Кейстутъ является участникомъ и пособникомъ братьевъ; но до насъ дошло одно указаніе и о самостоятельной политической дѣятельности этого князя. Въ 1342 году онъ заключилъ отъ своего имени торговый договоръ съ Англіею, обезпечивавшій свободное право въѣзда Англичанамъ въ его владѣнія [2]).

Такимъ образомъ всѣ перечисленные факты удостовѣряютъ въ томъ, что каждый изъ удѣльныхъ князей Гедыминова рода считалъ себя самостоятель-

[1]) Лѣтописи: Псковская 1-я, стр. 186—190; Псковская 2-я, стр. 12—14; Новгородская 1-я, стр. 83 и 4-я, стр. 55—57; Софійская 1-я стр. 223—224; Никоновская, т. III, стр. 176—178; Воскресенская, I, стр. 207—208; Супрасльская, стр. 62—64; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 165—167; Хроника Виганда изъ Марбурга (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 501—502).

[2]) Czacki—O Litewskich i Polskich prawach, т. I, стр. 60. Извѣстіе объ этомъ договорѣ почерпнуто Чацкимъ изъ „Acta Britanniae Rymeri

нымъ государемъ и что никто изъ нихъ не пользовался значеніемъ главы рода и титуломъ великаго князя; положеніе это не могло долго продолжаться, не угрожая безопасности какъ всего Литовскаго государства вообще, такъ и каждаго удѣла въ отдѣльности. Опасность дѣйствительно вскорѣ явилась со стороны крестоносцевъ: пользуясь разчлененіемъ Литвы и неопредѣленнымъ положеніемъ въ ней верховной власти, нѣмецкіе рыцари собирались съ силами, разсчитывая нанести рѣшительный ударъ Литовскому государству. Для того, чтобы обезопасить свои границы со стороны другихъ сосѣдей, они поспѣшили съ ними примириться. Въ 1343 году заключили договоръ съ Казиміромъ Польскимъ, который, въ свою очередь, устрѣмивъ все вниманіе на борьбу съ Литвою за Волынь и Галицкую Русь, уступилъ крестоносцамъ всѣ спорныя земли: Кульмскую, Михайловскую, часть Куявіи и отказался въ пользу Ордена за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ всѣхъ правъ на польское Поморье. Еще раньше, въ 1341 году, рыцари покончили споръ съ Датскимъ королемъ Вальдемаромъ за Эстонію: они пріобрѣли покупкою эту область вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ крестоносцы стали готовиться къ рѣшительной войнѣ съ Литвою: они возобновили на Литовской границѣ разрушенный Гедыминомъ замокъ Бейербургъ, построили двѣ другія, болѣе сильныя крѣпости: Юрбургъ и Маріенбургъ [2]) и приступили къ устройству вдоль Литовской границы трехъ военныхъ дорогъ, укрѣпленныхъ рвами, палисадами и башнями [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ магистръ отправилъ пословъ въ Германію приглашать въ походъ военныхъ гостей и вербовать отряды солдатъ [4]). Призывъ этотъ не остался безъ послѣдствій и, уже въ 1344 году, явился въ Пруссію первый отрядъ охотниковъ подъ начальствомъ Вильгельма, графа Голландіи, и, вмѣстѣ съ крестоносцами, опустошилъ пограничную полосу Литвы [5]). Въ слѣдующемъ году крестоносцы ожидали гораздо большаго прилива военныхъ гостей.

Очевидно Литовскимъ князьямъ необходимо было принять съ своей стороны рѣшительныя мѣры защиты; мѣры эти нуждались въ общемъ руководствѣ и единствѣ дѣйствія, немыслимыхъ при раздробленіи великаго княжества на мелкіе самостоятельные удѣлы; необходимо было возстановить власть великаго князя и подчинить его главенству всѣхъ членовъ Гедыминова рода.

---

[1]) Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 9 и 21.

[2]) Annalista Thorunensis. (Script. rer. Prussic., т. III, стр. 72); Wigand von Marburg (ibid., т. II, стр. 501). Hermann de Wartberge, (ibid., т. II стр, 70).

[3]) Wigand von Marburg, стр. 497.

[4]) Тамже: „Magister proposuit mittere legatos in Allemaniam et vocare soldatos, principes etc. contra Lituanos et Rutenos in eorum devastacionem."

[5]) Тамже стр. 500—501.

Необходимость эту сознали и рѣшились осуществить, по взаимному между собою соглашенію, два самые даровитые и могущественные изъ Гедыминовичей: Ольгердъ и Кейстутъ. Эти два брата выдавались среди многочисленной своей семьи политическимъ развитіемъ и военными дарованіями и, притомъ, соединены были, по свидѣтельству современниковъ, тѣсною дружбою [1]). По личному характеру, по политическимъ стремленіямъ и симпатіямъ, они тѣмъ не менѣе представляли совершенно противуположные типы. Впрочемъ эта противуположность не только не мѣшала имъ состоять въ неразрывномъ единеніи, но напротивъ того, благодаря ихъ высокому политическому такту, они, какъ-бы дополняли взаимно другъ друга, представляя въ совокупности всѣ качества, необходимыя для управленія Литовскимъ государствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ смерти Гедымина.

Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣніемъ сохранять въ непроницаемой тайнѣ свои политическіе и военные планы. Сѣверныя русскія лѣтописи, нерасположенныя вообще къ Ольгерду вслѣдствіе его столкновеній съ сѣверовосточною Русью, даютъ ему эпитеты: „зловѣрный, безбожный, льстивый,“ но, тѣмъ не менѣе, представляютъ слѣдующую характеристику этого князя: „сей-же Ольгердъ премудръ бѣ зело, и многими языки глаголаше, и превзыде саномъ и властью паче всѣхъ; и воздержаніе имяше веліе, отъ всѣхъ суетныхъ отвращашеся, потѣхи, игранія и протчихъ таковыхъ не внимаше, но прилежаше о державѣ своей всегда день и нощь; и піянства отвращашеся: вина, и пива, и меда, и всякаго питія піянственнаго не піяше, отнюдь-бо ненавидяще піянствя, и велико воздержаніе имяше во всемъ; и отъ сего великъ разумъ и смыслъ пріобрѣте, и крѣпку думу стяжа, и таковымъ коварствомъ многи земли и страны повоева, и грады и княженія поималъ за себя, и удержа власть велію, и умножись княженіе его паче всѣхъ, яже отецъ его, ниже дѣдъ его таковъ бысть. Бѣ бо обычай Ольгерда таковъ, никто-же не вѣдаше его, куды смысляше ратью ити, или на что збираетъ воинства много, понеже и сами тіи воинственніи чинове и рать

---

[1]) „Ольгердъ и Кейстутій были въ великой любви, и милости, и ласце.“ Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 27.—„Братья Ольгердъ и Кейстутъ превосходили другихъ воспитаніемъ, нравомъ, статностью, прирожденнымъ рыцарскимъ мужествомъ и многими другими знатными качествами, и потому они, болѣе другихъ братьевъ, любили другъ друга.“ Stryjkowski, т. II, стр. 2. „Herzog Algart und Herzog Kinstut von Iugend haben sie begunst zu leben fruntlich.“ —Посланіе Витовта къ магистру Ордена (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 712).

вся, невѣдяще куды идяше: ни свои, ни чужіи, ни гости пришельцы; въ таинствѣ все творяше любомудро, да неизыдетъ вѣсть въ землю, на нюже хощетъ ити ратью; и таковою хитростію искрадываша многи земли, поималъ многи грады и страны поплѣнилъ; не столько силою, елико мудростью воеваше. И бысть отъ него страхъ на всѣхъ, и превзыде княженіемъ и богатствомъ [1])."

По отношенію къ національностямъ, входившимъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, все вниманіе и всѣ симпатіи Ольгерда сосредоточивались на интересахъ русскаго населенія. По вѣрѣ, по бытовымъ привычкамъ, по семейнымъ связямъ и по воззрѣніямъ Ольгердъ всецѣло принадлежалъ этой народности и служилъ ея представителемъ.

Еще въ ранней молодости, за 27 лѣтъ до своего вокняженія въ Вильнѣ, Ольгердъ женился на Витебской княжнѣ и переселился въ этотъ городъ; два года спустя, онъ, послѣ смерти тестя, уже княжилъ въ Витебскѣ; такимъ образомъ большая часть жизни Ольгерда протекла на Руси, среди русскаго населенія и подъ вліяніемъ русской культуры; вліяніе это закрѣплено было составомъ Ольгердова семейства: послѣ смерти первой жены, Маріи Ярославовны Витебской, онъ женился вторично, въ 1350 году, на русской же княжнѣ —Уліянѣ, дочери князя Александра Михайловича Тверскаго [2]).—По свидѣтельству современниковъ, изъ двѣнадцати сыновей Ольгерда десять были крещены по обряду православной церкви и пять изъ нихъ упоминаются еще при

---

1) Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 174 и т. IV, стр. 20—21. Также лѣтописи: Софійская 1-я, стр. 236; Новгородская 4-я, стр. 72; Супрасльская, стр. 95; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 190.

Въ сочиненіи Нарбутта помѣщено извлеченіе изъ рукописи, заключающей записки современника крестоносца, бывшаго при Ольгердѣ въ Вильнѣ, въ составѣ одного изъ посольствъ Ордена. Ольгердъ описанъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Князь имѣетъ величественный видъ; лице его румяно, продолговато, носъ выдающійся, глаза голубые, очень выразительные, брови густыя, свѣтлыя, волосы и борода свѣтлорусые съ просѣдью, лобъ высокій, чело лысое; онъ росту выше-средняго, ни толстъ, ни худощавъ, говоритъ голосомъ громкимъ, внятнымъ и пріятнымъ; онъ ѣздитъ прекрасно верхомъ, но ходитъ прихрамывая на правую ногу, потому обыкновенно опирается на трость или на отрока; по нѣмецки понимаетъ отлично и можетъ свободно объясняться, однако-же всегда говоритъ съ нами черезъ переводчиковъ.

....Въ случаѣ, если великій князь не отправляется съ войскомъ, которое обыкновенно предпринимаетъ походы въ началѣ каждой весны, то онъ проводитъ лѣто въ замкѣ, называемомъ Мѣдники, лежащемъ на востокъ отъ Вильна."—Narbutt—Dzieje narodu Litewskiego, т. IV, стр. 236—237. Нарбуттъ, цитируя приведенное извлеченіе изъ записокъ крестоносца XIV столѣтія, не сообщаетъ никакихъ подробностей о составѣ и происхожденіи рукописи, которою онъ пользовался, и потому степень достовѣрности записокъ не можетъ быть провѣрена.

2) Воскресенская лѣтоп., т. VII, стр. 215.

жизни отца съ христіанскими именами. Двѣ дочери Ольгерда, свѣдѣнія о которыхъ остались въ лѣтописяхъ, носили также христіанскія имена, и отданы были въ замужество за русскихъ князей [1]). Жены и дѣти Ольгерда исповѣдывали православіе гласно и свободно: въ виленскомъ дворцѣ находилась придворная церковь, въ которой молилась семья великаго князя; при дворѣ его жили православные священники, изъ которыхъ источники упоминаютъ: духовника княгини Маріи—Нестора и духовника княгини Ульяны, Кіевопечерскаго архимандрита—Давида. Обѣ жены Ольгерда извѣстны были благочестіемъ и храмостроительствомъ: Марія Витебская построила церковь въ Витебскомъ замкѣ, и другую въ городѣ; ей же преданіе приписываетъ построеніе Пятницкой церкви въ Вильнѣ [2]). По словамъ того-же преданія, другая жена Ольгерда—Ульяна Тверская основала каменную церковь св. Николая въ Вильнѣ на мѣстѣ ветхой деревянной и способствовала сооруженію церкви Свято-Троицкой [3]); о благочестіи этой княгини свидѣтельствуетъ дошедшая до насъ запись ея въ пользу Успенской церкви въ Озерищахъ, обезпечивающая доходы этой церкви уступкою въ пользу нея дани изъ трехъ волостей [4]).

О крещеніи въ православіе самого Ольгерда источники передаютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. По извѣстіямъ лѣтописей: Быховца и Густинской, онъ крестился еще до вступленія въ бракъ съ Маріею Ярославною, т. е. въ 1318 г. [5]); свѣдѣніе это подверждаютъ болѣе или менѣе отчетливо и другіе русскіе и литовскіе источники: такъ, Никоновская лѣтопись, разсказывая о приглашеніи Ольгерда Псковичами на княженіе въ 1342 году, передаетъ его отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „уже крещенъ есмь, и христіанинъ есмь, второе креститися не хощу [6]).“ Стрыйковскій сообщаетъ, что онъ лично видѣлъ портретъ Ольгерда въ замковой Витебской церкви, построенной его женою [7]); конечно фактъ этотъ наводитъ на мысль, что Ольгердъ еще въ Витебскѣ былъ христіаниномъ. Неизданный лѣтописецъ, цитируемый Карамзинымъ, передаетъ иначе извѣстіе о крещеніи Ольгерда; по его словамъ великій князь былъ крещенъ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ схиму непосредственно передъ смертью, побуждае-

---

[1]) „Оженися князь Борисъ (Константиновичъ Суздальскій) зъ Ольгердовною Огрифиною“. Супрасльская лѣт., стр. 75; Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 175,—„1371 обручи за князя Володиміра (Андреевича) у Ольгирда дщерь Олену.“ Тамже, стр. 182. Супрасльская лѣтоп., стр 85; Воскресенская лѣт., т. VIII, стр. 18, 19.

[2]) Stryjkowski, т. II, стр. 58. Васильевскій.—Очеркъ исторіи города Вильна, стр. 87.

[3]) Васильевскій—ibid. стр. 85 и 95.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, стр. 21.

[5]) Лѣтоп. Быховца, стр. 20; лѣт. Густинская, стр. 349.

[6]) Никоновская лѣтоп., стр. III, стр. 178.

[7]) Stryjkowski, т II, стр. 58.

мый ревностью къ христіанству своей жены и ея духовника Давида [1]). Иностранные источники ничего не знаютъ о крещеніи Ольгерда и даже два изъ нихъ утверждаютъ, что тѣло его было сожжено по языческому обряду [2]); последнія свидѣтельства, какъ болѣе отдаленныя по мѣсту и времени своего составленія, заслуживаютъ менѣе довѣрія, чѣмъ свѣдѣнія литовскихъ и русскихъ лѣтописей; разногласіе-же послѣднихъ и невѣденіе иноземцевъ весьма естественно объясняются политическимъ тактомъ, сдержаннымъ и скрытнымъ характеромъ Ольгерда, который, исповѣдывая христіанство, старался придать этому факту частный, не гласный характеръ въ виду сильной еще тогда въ Литвѣ языческой партіи. Такое, весьма вѣроятное, объясненіе предлагаетъ Кояловичъ относительно разсматриваемаго вопроса [3]).

Въ политической дѣятельности Ольгерда постоянно преобладаетъ преданность русскимъ интересамъ; предоставивъ Кейстуту защиту Литовскихъ границъ отъ крестоносцевъ, и оказывая ему помощь только въ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ, Ольгердъ постоянно занятъ отношеніями къ Руси и усиліями, направленными къ тому, чтобы собрать подъ своею властью возможно большее количество русскихъ земель и прочно утвердить на Руси авторитетъ великихъ князей Литовскихъ: онъ стремится оказывать вліяніе на Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ, вступаетъ въ продолжительную борьбу съ великими князьями Московскими, поддерживаетъ въ борьбѣ съ ними князей Тверскихъ, расширяетъ территорію Литовско-русскихъ земель пріобрѣтеніемъ Брянска, Новгорода-Сѣверскаго, Кіева, Подолія; изъ за владѣнія этими областями онъ ведетъ опасную борьбу съ Ордою, и изъ за удержанія Волыни—многолѣтній споръ съ Польшею. Такимъ образомъ, вслѣдствіе продолжительныхъ и постоянныхъ усилій, Ольгердъ почти удвоилъ количество русскихъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ, и доставилъ русскому народному началу и вмѣстѣ съ тѣмъ русской культурѣ преобладающее положеніе въ литовско-русскомъ государствѣ.

По отношенію къ внутреннему строю великаго княжества, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о происхожденіи и распредѣленіи верховной власти, Ольгердъ является проводникомъ политическихъ понятій, выработанныхъ русскимъ средневѣковымъ обществомъ. Политическія начала, которыми руководились потомки Владиміра Св. при распредѣленіи между собою верховной власти,

---

[1]) Карамзинъ (изд. 1834 г.), т. V, примѣч. 44. Лѣтописецъ при этомъ прибавляетъ: „и положиша тѣло его въ церкви Пресв. Богородицы въ Вильнѣ, юже самъ созда."

[2]) Hermann de Wartberge, Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic, т. II, стр. 313). Длугошъ, lib. X, стр. 114.

[3]) Kojałowicz—Historia Lituana, т. I, стр. 297. „Olgerdus vero, quamquam etnico ritu publice operaretur, tamen, quod nuper in gratiam Ulianae, conjugis, Vitebsciorum ducis (filiae), Christianis sacris se initiari permisisset, Russorum ritum non aversabatur, quibus etiam templa duo Vitebsci excitaverat."

Ольгердъ стремится всецѣло примѣнить къ роду Гедымина; въ силу этихъ началъ право княженія признавалось только исключительно за членами одного княжескаго рода, но всѣ члены этого рода имѣли право на княженіе, на долю въ Русской землѣ—всѣ они княжили въ своихъ удѣлахъ какъ самостоятельные владѣтели, но признавали надъ собою главенство великаго князя, подчиняясь ему какъ старшему члену рода, на основаніи нравственнаго семейнаго принципа; понятіями этими Ольгердъ руководился по отношенію къ своей семьѣ: по мѣрѣ того какъ въ распоряженіе его поступаютъ Русскія области, онъ распредѣляетъ ихъ между братьями, сыновьями и племянниками; Полоцкъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Кіевъ онъ раздаетъ сыновьямъ: Андрею, Дмитрію-Корибуту, другому Дмитрію Трубчевскому и Владиміру; смѣщеннаго изъ Вильна брата Явнутія онъ немедленно надѣляетъ новымъ княженіемъ—Заславлемъ Литовскимъ; Подольскую землю даетъ въ удѣлъ четыремъ племянникамъ—Коріятовичамъ, Волынь предоставляетъ брату Любарту и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ольгердъ не допускаетъ мысли о возможности вокняженія гдѣ бы то ни было лица, не принадлежавшаго къ княжескому роду; онъ отрицаетъ народный выборъ какъ источникъ власти и въ этомъ отношеніи совершенно расходится съ понятіями, развившимися среди Литовскаго племени, къ которому потому и не лежитъ его сердце. Разъ, въ началѣ своего княженія, Ольгердъ рѣзко столкнулся съ воззрѣніями Литовцевъ на верховную власть и при этомъ онъ пожертвовалъ политическими интересами своего государства въ пользу тѣхъ государственныхъ понятій, которыя были имъ усвоены изъ русской жизни; фактъ этотъ носитъ на себѣ характеръ вполнѣ принципіальнаго недоразумѣнія, такъ какъ онъ произошелъ въ территоріи, не принадлежавшей великому княжеству Литовскому и потому не задѣвалъ интересовъ великаго князя. Указанное дѣло возникло въ первый годъ княженія Ольгерда по поводу вмѣшательства его въ ливонскіе дѣла. Въ 1343 году, во время передачи Ордену Эстоніи датскими властями, Эсты, давно тяготившіеся иноземнымъ господствомъ, воспользовались неопредѣленнымъ положеніемъ страны во время перехода изъ однихъ рукъ въ другія и произвели страшное возстаніе, которое вскорѣ охватило всю Эстландію и островъ Эзель; возстаніе это распространилось и въ Летыголѣ, гдѣ Ливы и Латыши возстали также противъ дворянъ и духовенства; въ теченіи нѣсколькихъ дней перебито было до 18,000 духовныхъ, дворянъ и колонистовъ нѣмецкихъ и датскихъ; немногіе только успѣли бѣжать подъ защиту укрѣпленій и датскаго гарнизона въ городъ Ревель. Очистивъ страну отъ иноземцевъ, инсургенты выбрали изъ среды своей князей. Одинъ такой князь выбранъ былъ на Эзелѣ и принялся строить укрѣпленія для защиты своего острова; другой во главѣ большого ополченія осадилъ Ревель; третій принялъ начальство надъ возставшими Латышами. Съ большимъ трудомъ, благодаря помощи, полученной отъ прусскихъ крестоносцевъ, ливонскій магистръ Бурхардъ фонъ Дрейлевенъ успѣлъ усмирить возстаніе въ Эстландіи и покорить прилегающіе къ ней острова; между тѣмъ, въ 1345 году, въ Ливонію вступило сильное литовское войско подъ начальствомъ Ольгерда.

Литовцы взяли сильную пограничную крѣпость Тервете, сожгли Митаву, Неймюль и предмѣстья Риги, и, страшно опустошая страну, направились къ сѣверу отъ этого города въ округъ Сегевольдъ. Здѣсь въ лагерь Ольгерда явился князь, избранный Латышами, и заявилъ, что онъ готовъ оказать Литовцамъ дѣятельную помощь для покоренія всей страны.—„Что же вы сдѣлаете съ магистромъ?“ спросилъ Ольгердъ.—„Мы рѣшились на всегда изгнать его и всѣхъ нѣмцевъ“, отвѣтилъ латышъ. —„Не тебѣ, холопъ, княжить въ этой странѣ!“ вскричалъ Ольгердъ; онъ приказалъ схватить довѣрчиваго латыша и отрубить ему голову передъ стѣнами замка Сегевольда; затѣмъ, собравъ богатую добычу, возвратился домой, предоставивъ Латышей на произволъ судьбы [1]). Такимъ образомъ, въ виду факта, немыслимаго по понятіямъ Ольгерда—вокняженія холопа, который стремился смѣстить государя, законнаго по мнѣнію Ольгерда, хотя и враждебнаго ему, великій князь Литовскій оттолкнулъ отъ себя народную силу, готовую подчиниться его руководству и признать надъ собою его верховную власть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать значительную поддержку въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ Литовскаго государства.

Намъ извѣстенъ другой случай столкновенія Ольгерда съ литовскимъ народнымъ началомъ, по случаю убіенія въ Вильнѣ францисканскихъ монаховъ; Ольгердъ отнесся къ Литовцамъ и въ этомъ случаѣ съ нерасположеніемъ и строгостью, доходившею до жестокости; такое недружелюбное настроеніе Ольгерда по отношенію къ литовской народности должно было вызвать въ ней сильную реакцію, или, по меньшей мѣрѣ, затруднить возможность свободно располагать литовскими силами для внѣшней борьбы; тѣмъ не менѣе реакція въ княженіе Ольгерда не вспыхнула и мы не находимъ даже слѣда раздора между двумя народностями, населявшими великое княжество, благодаря тому обстоятельству, что Литовцы имѣли своего представителя и непосредственнаго правителя въ лицѣ Кейстута, поддерживавшаго въ Литовскихъ земляхъ авторитетъ великаго князя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдерживавшаго недружелюбное его настроеніе по отношенію къ Литовцамъ.

На сколько Ольгердъ чуждъ былъ коренной Литвѣ и Жмуди, на столько Кейстутъ связанъ былъ неразрывно съ этими странами и всецѣло преданъ ихъ интересамъ. Всю жизнь провелъ онъ на рубежѣ Литовскихъ земель, отражая

---

[1]) „Inde transivit ad districtum Segewold, ubi occurit regi Littoviae quidam Livo de senioribus, dicens, se a neophitis et communi populo regem constitutum; si suo consilio uti vellet, totam terram subjugaret. Interrogavit autem rex: quid faciendum esset cum magistro Livoniae? Respondit, quod eum cum omnibus Allemanis expellere vellent. Dixit autem rex:“ Rustice, tu non eris hic rex! „Et jussit eum in campo ante castrum Segewolde decollari.“ Hermann de Wartberge, Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 70—72). Также Wigand von Marburg (ibid стр. 505). Voigt—Geschichte Preussens, т. V, стр. 19—29.

съ неисчерпаемою энергіею въ теченіи полустолѣтія постоянно возраставшій напоръ нѣмцевъ на его родину. Въ Кейстутѣ крестоносцы встрѣтили непреодолимую преграду для своихъ завоевательныхъ стремленій, и въ борьбѣ съ нимъ истратили силы и потеряли время самаго большого развитія могущества Ордена [1]).

Неудивительно потому что въ Литвѣ и Жмуди Кейстутъ, какъ непреклонный борецъ за независимость страны, пользовался безграничнымъ авторитетомъ и популярностью. Притомъ съ населеніемъ этихъ странъ онъ связанъ былъ и нравственными, и семейными узами. Жена Кейстута, Бирута, имя которой сохранилось въ народной памяти и перешло въ народныя пѣсни и легенды, была дочь знатнаго Жмудина Видимунта; она, по словамъ народнаго преданія, до замужества занимала въ Полонгѣ должность вайделотки (жрицы) у неугасаемаго огня, горѣвшаго въ честь литовскихъ боговъ [2]). Самъ Кейстутъ до конца жизни оставался вѣренъ вѣрѣ отцевъ; онъ былъ послѣдній литовскій князь, похороны котораго совершены были по языческому обряду. Когда, подъ конецъ жизни, у него возникла распря съ племянникомъ Ягайломъ, то Жмудины приняли его сторону вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что онъ не измѣнитъ народному культу [3]). Нѣсколько разъ христіанскіе владѣтели пытались обратить Кейстута въ христіанство, предлагая ему весьма выгодныя политическія условія; два раза Кейстутъ вступалъ въ переговоры по этому поводу; но оба раза онъ очевидно придавалъ этимъ переговорамъ только значеніе дипломатической стратагемы, серьезно не помышляя о крещеніи. Первый разъ въ переговоры такого рода Кейстутъ вступилъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ. Въ 1349 году послѣдній съ сильнымъ войскомъ занялъ

---

[1]) Между тѣмъ какъ русскія лѣтописи сосредоточиваютъ все вниманіе на Ольгердѣ и едва вскользь упоминаютъ имя Кейстута, нѣмецкіе лѣтописцы знали его гораздо больше чѣмъ Ольгерда; хроники ихъ переполнены свѣдѣніями о Кейстутѣ, о походахъ котораго онѣ сообщаютъ мельчайшія подробности: разсказываютъ его личныя отношенія къ должностнымъ лицамъ Ордена, цитируютъ его разговоры и т. п.—Въ сочиненіи Kotzebue—(„Altere Geschichte Preussens", т. II, стр 197) приведено описаніе наружности Кейстута, заимствованное изъ современнаго нѣмецкаго источника, не названнаго впрочемъ авторомъ. „Keystut war lang, hager, feurige Augen glühten im blassen Gesichte, wenig Haar bedeckten sein Haupt, ein grauer Bart die Brust. Karg waren seine Lippen, aber jedes Wort reich an Nachdruck. Wenn er drohte, schwollen im die Adern vor der Stirn. Seine ganze Gestalt war Furcht einflössend.

[2]) Лѣтоп. Быховца, стр. 17—18; Stryjkowski, т. II, стр. 44; Kraszewski —Litwa, т. II, стр. 282—283.

[3]) Жмудины отвѣтили посламъ Ягайла: „Si Iagel velit ritum originis retinere, in omnibus velint ei obedire; sin vero Christianus fieri, velint Kynstut in regem suum sublimari."—Et Samaitae simul transeunt cum Kynstut in numero 9000 virorum. Wigand von Marburg. (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 619).

Волынь и угрожалъ Берестейскому удѣлу Кейстута; между ними начались переговоры, при чемъ Кейстутъ принужденъ былъ подать надежду на возможность своего обращенія въ христіанство. Объ этомъ обстоятельствѣ Казимиръ поспѣшилъ извѣстить папу Климента VI. Папа немедленно изготовилъ три буллы: на имя Казимира, Кейстута и Гнезненскаго архіепископа; онъ благодарилъ польскаго короля за его миссіонерскую дѣятельность, поздравлялъ Кейстута съ намѣреніемъ вступить въ лоно христіанской церкви, обѣщалъ возвести его въ королевское достоинство немедленно послѣ принятія крещенія и предписывалъ архіепископу отправить миссіонеровъ и священниковъ въ Литву [1]). Такимъ образомъ война склонялась къ мирному рѣшенію съ выгодою какъ для пропаганды христіанства такъ и для Польши, ибо Казимиръ разсчитывалъ, что Кейстутъ, получивъ королевскій вѣнецъ, отложится отъ Ольгерда и, такимъ образомъ, раздѣлитъ и ослабитъ Литовское государство. Между тѣмъ, пока велась переписка съ папою, польскій король, не ожидая окончательнаго исхода дѣла, распустилъ войско и возвратился домой. Этого обстоятельства собственно и выжидалъ Кейстутъ; онъ тотчасъ прекратилъ переговоры и, въ союзѣ съ Любартомъ, вытѣснилъ польскіе гарнизоны изъ замковъ Волынской, Холмской и Белзской земель, ворвался въ землю Львовскую и опустошилъ польскія пограничныя области: Сендомирскую, Радомскую и Луковскую [2]); конечно о крещеніи Кейстута теперь не было и рѣчи и даже, когда во время этой войны онъ попалъ въ плѣнъ къ полякамъ и принужденъ былъ подтвердить присягою условія предложеннаго ему перемирія, то эту присягу онъ произнесъ, въ присутствіи польскаго и венгерскаго королей, по языческому обряду на трепещущемъ трупѣ убитаго быка [3]).

Девять лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ вновь извѣстіе о переговорахъ, имѣвшихъ цѣлью обращеніе въ христіанство Кейстута. Въ 1355 году папа Иннокентій VI возобновилъ дѣло о крещеніи Литвы: онъ отправилъ посланія: къ Венгерскому королю Людовику, къ герцогамъ: Владиславу Опольскому и Земовиту Мазовецкому, приглашая ихъ принять участіе и посредничество въ дѣлѣ обращенія Литовцевъ и извѣщая ихъ, что онъ вошелъ уже по этому дѣлу въ непосредственныя сношенія съ Ольгердомъ и его братьями [4]). Въ теченіи трехъ послѣдовавшихъ за этимъ лѣтъ намъ не извѣстенъ дальнѣйшій ходъ этихъ переговоровъ, но въ 1358 году источники опять сообщаютъ о нихъ свѣдѣнія; въ этомъ году какой то рыцарь Пляуенъ, котораго крестоносцы упрекали въ отступничествѣ отъ своего ордена, явился при дворѣ императора Кар-

---

[1]) Theiner. Monumenta Poloniae, т. I, стр. 525—526.

[2]) Длугошъ, т. I, стр. 1090. Янъ изъ Чарнкова—Chronicon Polonorum (изд. Бѣлевскаго въ Monumenta Poloniae historica, т. II, стр. 630).

[3]) Длугошъ, т. I, стр. 1093. Лѣтопись Генриха Трухсеса фонъ Диссенговенъ (Script. rer. Prussic,, т. III, стр. 420).

[4]) Theiner. Monumenta Poloniae, т. I, стр. 561.

ла IV въ качествѣ литовскаго агента; онъ увѣралъ императора въ готовности литовскихъ князей принять крещеніе при его посредничествѣ; извѣстія эти подтверждены были Кейстутомъ, явившимся лично къ императорскому двору въ Нюрнбергъ. Императоръ, „чрезмѣрно довѣрчивый" по замѣчанію орденскаго лѣтописца, нарядилъ немедленно въ Литву торжественное посольство подъ начальствомъ Эрнеста, архіепископа Пражскаго; посольство побывало въ Литвѣ и возратилось съ извѣстіемъ, что въ слѣдующемъ году литовскіе князья явятся въ Вроцлавъ для принятія крещенія. Въ опредѣленный срокъ императоръ ожидалъ ихъ въ указанномъ городѣ, но князья не пріѣхали; они прислали императору посланіе, въ которомъ излагали условія своего обращенія въ христіанство; они требовали, чтобы императоръ приказалъ предварительно Ордену возвратить Литвѣ всѣ области, лежавшія между Мазовіею, устьемъ Прегеля, моремъ и Двиною, т. е. желали возврата почти всѣхъ земель, входившихъ въ составъ владѣній крестоносцевъ: восточной Пруссіи, Курляндіи и значительной части Лифляндіи. Сверхъ того они требовали, чтобы Орденъ переселенъ былъ въ степи, отдѣлявшія Русь отъ Золотой Орды, для того, чтобы онъ могъ дѣйствительно защищать христіанъ отъ невѣрныхъ, и чтобы крестоносцы предварительно признали право владѣнія литовскихъ князей во всѣхъ русскихъ областяхъ. Конечно, требованія эти были неосуществимы. Императоръ заявилъ литовскому посольству, что онъ не въ правѣ отнимать у Ордена земли, доставшіяся ему по праву завоеванія; тогда Литовцы объявили отъ имени своего великаго князя, "что христіане очевидно заботятся не объ ихъ вѣрѣ, какъ притворно заявляютъ, а о корысти, и что потому Литовцы предпочитаютъ оставаться въ язычествѣ." На томъ прекратились переговоры и императоръ поспѣшно оставилъ Вроцлавъ. „Литовскіе князья еще разъ обманули императора и Орденъ, замѣчаетъ нѣмецкій историкъ, для того, чтобы выиграть время, необходимое имъ для отдыха [1]."

Послѣдняя попытка, направленная къ обращенію Кейстута и его братіи, предпринята была папою Григорьемъ XI въ 1373 году; но посланіе его къ литовскимъ князьямъ оставлено было, по видимому, послѣдними безъ отвѣта [2].

Оставаясь вѣрнымъ языческому культу, Кейстутъ, тѣмъ не менѣе, находясь въ постоянномъ столкновеніи съ западнымъ міромъ, усвоилъ себѣ многія бытовыя привычки, пріемы и воззрѣнія изъ понятій западнаго рыцарства. Крестоносцы, съ которыми Кейстутъ находился постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ, признаютъ въ немъ качества образцоваго христіанскаго рыцаря; одна изъ древнѣйшихъ хроникъ Ордена сообщаетъ слѣдующую характеристи-

---

1) Hermann de Wartberge. Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 79—80). Heinrich Truchses von Dissenhoven (ibid., т. III, стр. 420). Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 127—129.

2) Daniłowicz. Skarbiec etc., т. I, стр. 218.

ку этого князя [1]): „Кейстутъ былъ мужъ воинственный и правдивый. Когда онъ задумывалъ набѣгъ на Пруссію, то всегда извѣщалъ объ этомъ предварительно маршала Ордена и навѣрно потомъ являлся. Если онъ заключалъ миръ съ магистромъ, то соблюдалъ его крѣпко. Если онъ считалъ кого-либо изъ братіи нашей человѣкомъ храбрымъ и мужественнымъ, то оказывалъ ему много любви и чести.“ Такія-же качества признавали за Кейстутомъ и Поляки. Длугошъ, вообще нерасположенный въ пользу Гедыминовичей, характеризуетъ его однако слѣдующими словами: „Кейстутъ, хотя язычникъ, былъ мужъ доблестный; среди всѣхъ сыновей Гедымина онъ отличался благоразуміемъ и находчивостью, и, что болѣе всего дѣлаетъ ему чести, онъ былъ образованъ, человѣколюбивъ и правдивъ въ словахъ“ [2]). Представляя рѣдкое исключеніе среди грубыхъ средневѣковыхъ нравовъ, этотъ рыцарь язычникъ превосходилъ многихъ современныхъ ему рыцарей христіанъ гуманностью, человѣколюбіемъ, мягкосердіемъ, отвращеніемъ къ жестокимъ поступкамъ. Въ подтвержденіе этихъ качествъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, сообщенные нѣмецкими хрониками; такъ онъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы спасти отъ смерти приговореннаго Литовцами къ сожженію на кострѣ, взятаго ими въ плѣнъ Іоганна Сурбаха, коммендаnта замка Экерсбурга, прославившагося жестокимъ обращеніемъ съ Литовцами [3]). Потомъ, проѣзжая по полю сраженія, онъ заявляетъ крайнее негодованіе при видѣ труповъ, изуродованныхъ побѣдителями. Не смотря на гордое сознаніе своего достоинства, Кейстутъ снисходитъ до униженной просьбы по отношенію къ маршалу Ордена, желая спасти отъ смерти литовскій гарнизонъ, осажденный въ замкѣ Готтесвердеръ, который крестоносцы успѣли подажечь [4]). Нѣмецкіе рыцари среди борьбы съ Кейстутомъ какъ-бы вступаютъ съ нимъ въ соревнованіе относительно превосходства рыцарской доблести и нерѣдко оказываются побѣжденными въ этомъ состязаніи: вообще между обѣими сторонами существуютъ отношенія, исполненныя самой изысканной рыцарской куртуазіи: вотъ нѣсколько тому примѣровъ: Въ 1352 году одинъ изъ Смоленскихъ князей осадилъ нѣмецкій замокъ Лабіау; приступъ былъ отбитъ и крестоносцы, оттиснувъ Смолнянъ къ рѣкѣ, заставили

[1]) Die ältere Hochmeisterchronik (Script. rer. Prussic., т. III, стр. 593—594). „Derselbe Kynstutte war gar eyn streithaftig man und worhaftig. Wen her wolde reisen zcu Prewssen ins Land, das entpot her czuvor dem Marschalke, und quam ouch gewisse. Ouch so her mit dem Meister eynen Frede machte, den hilt her gar veste. Welchen Bruder des Ordens her ouch irkante kune und manhaftig, den libete her und irczeigete em vil Ere.“

[2]) Длугошъ, книга X, стр. 66. „Princeps Kieystuth, praeter fidem, egregius... inter omnes Gedimini ducis filios magis prudens magisque industrius, et, quod illum plurimum honestabat, civilis, humanus et verax in sermone.“

[3]) Wigand von Marburg (Script. rer. Prussic., т II, стр. 596).

[4]) Тамже, стр. 562. „Rex cum magna turba venit, cupiens a Marschalko precibus obtinere, ut saltim caperet populum, tantis flammis circumdatum.“

ихъ переправляться вплавь: самъ князь, попавъ на глубокое мѣсто рѣки, сталъ потопать; тогда коммендантъ замка, Геннингъ фонъ Шиндекопфъ, бросился ему на помощь; онъ выхватилъ князя изъ пучины, счастливо вытащилъ на берегъ, и, не задерживая въ плѣну, отпустилъ домой: все это сдѣлано было въ видѣ любезности для Кейстута, которому Смоленскій князь приходился племянникомъ [1]). Въ 1362 году, во время осады Ковна крестоносцами, Кейстутъ явился на выручку крѣпости, но не былъ въ состояніи оказать ей существенной помощи. Онъ потребовалъ свиданія у магистра, и сталъ намекать ему, что нападеніе на Ковно было предпринято не по рыцарски, безъ извѣщенія Кейстута; тогда магистръ предложилъ свободный путь въ крѣпость князю, въ случаѣ если онъ пожелаетъ лично принять начальство надъ гарнизономъ [2]).

Въ 1366 году между Кейстутомъ и маршаломъ Ордена условлено было свиданіе въ городѣ Инстербургѣ; Кейстутъ отправился на это свиданіе и вошелъ уже въ предѣлы Пруссіи. Между тѣмъ крестоносцы помѣстили сильный отрядъ войска въ замкѣ Тамовѣ, лежавшемъ между Инстербургомъ и Литовскою границею, что, вѣроятно, составляло нарушеніе условій, гарантировавшихъ безопасность свиданія. Въ станъ Кейстута, находившійся уже вблизи Инстербурга, внезапно вбѣжалъ зубръ, раненный стрѣлою; тогда князь, обладавшій опытностью и чуткостью партизана, сказалъ окружавшимъ его: „въ той сторонѣ, откуда прибѣжалъ зубръ, находятся навѣрно вооруженные люди; немедленно весь отрядъ Кейстута сѣлъ на коней и поскакалъ къ Тамову, здѣсь онъ захватилъ въ расплохъ засаду крестоносцевъ; рыцари, обѣдавшіе въ замкѣ, едва успѣли поднять цѣпной мостъ, но солдаты, находившіеся внѣ укрѣпленій, были перебиты Литовцами и всѣ лошади отряда захвачены. Изъ Тамова Кейстутъ направился прямо на свиданіе въ Инстербургъ, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча; вдругъ одинъ изъ командоровъ замѣтилъ, что князь и его свита сидятъ на лошадяхъ, принадлежавшихъ его собственному

---

1) Тамже, стр. 518. „volens regi Kynstuten complacere, eo, quod fuit filius fratris sui "

2) Вотъ текстъ этихъ характеристическихъ переговоровъ, записанный въ лѣтописи Виганда (стр. 534—536): Kynstud dixit magistro: Si ego essem in domo, nunquam eam obtineres cum omnibus tuis.

Cui magister respondit: Quare equitasti de domo, cum nos videres.

Et respondit: Quia mei non habebant caput; ideo mansi apud eos.

Et ait magister: Si tibi opus fuerit, accipe de tuis quotquot vis et ascende liber domum. Speramus enim in Domino, quod non poteritis eam protegere nec retinere.

Et Kynstud ait: Quomodo potero ascendere, cum campus sit circumseptus et circumfossatus.

Cui magister: Promitte mihi, quod velis mecum bellare, volo planare et septa deponere.

Nec respondit ad haec rex, et magister: si non habet rex amplius verba nobiscum loqui, transeat ad custodiam suorum.

отряду, и вскричалъ въ изумленіи: „этого я никогда не ожидалъ!“ На это Кейстутъ отвѣтилъ съ ироніею: „что дѣлать, таковы теперь стали времена и нравы“ [1]).

Подъ 1377 годомъ Вигандъ изъ Марбурга разсказываетъ съ замѣтнымъ смущеніемъ исторію похода крестоносцевъ на Литву—онъ невольно долженъ признать, что во время этого похода крестоносцы нарушали по отношенію къ Кейстуту правила рыцарской чести, между тѣмъ какъ литовскій князь велъ себя въ этомъ отношеніи безукоризненно. Въ этомъ году, крестоносцы, пользуясь большимъ приливомъ въ Пруссію военныхъ гостей, собрали сильный отрядъ конницы и предприняли набѣгъ далеко въ глубь Литвы. Въ четыре дня они быстрыми переходами миновали Троки и приблизились къ Вильно. Между тѣмъ Кейстутъ выступилъ изъ Трокъ и сталъ угрожать въ тылу ихъ войска. Находясь въ такомъ положеніи, обѣ стороны желали покончить дѣло миромъ; съ этою цѣлью и состоялось свиданіе Кейстута съ маршаломъ Ордена; они заключили перемиріе и Кейстутъ угощалъ радушно въ своей палаткѣ маршала и знакомыхъ рыцарей; между тѣмъ передовой отрядъ крестоносцевъ достигъ Вильны и овладѣлъ предмѣстіями этого города. „Поступокъ этотъ показался язычникамъ безчестнымъ“ сознается при этомъ лѣтописецъ Ордена. Маршалъ поспѣшилъ извиниться невѣдѣніемъ и возобновилъ перемиріе, Кейстутъ-же въ знакъ дружбы снабдилъ крестоносцевъ хлѣбомъ и медомъ; но на слѣдующій день добрыя отношенія опять были нарушены; крестоносцы, не смотря на принятое обязательство, сожгли и разграбили одно изъ Виленскихъ предмѣстій. Это сильно опечалило маршала, знавшаго, что Литовцы отомстятъ за вѣроломство; дѣйствительно Кейстутъ прекратилъ подвозъ провіанта, а Витовтъ уничтожилъ всѣ припасы на обратномъ пути нѣмцевъ, такъ что, томясь голодомъ, остатки ихъ рати едва доплелись до своихъ границъ [2]).

Бывали впрочемъ и такіе случаи, когда крестоносцы не уступали Кейстуту въ сознаніи рыцарскаго долга. Такъ, въ 1380 году, когда Ягайло заключилъ тайный договоръ съ Орденомъ, имѣвшій цѣлью лишить удѣла и власти престарѣлаго Кейстута, то Остеродскій командоръ, Августинъ фонъ Либенштейнъ, счелъ долгомъ предупредить его о состоявшемся заговорѣ [3]).

Вотъ черты, которыми современные источники рисуютъ характеры Ольгерда и Кейстута; очевидно это были типы совершенно противуположные и потому именно замѣчательно пополнявшіе другъ друга во всѣхъ отношеніяхъ; не удивительно, если при тѣсной дружбѣ и солидарности ихъ между собою, они могли успѣшно и всесторонне продолжать дѣло государственнаго роста и устройства великаго княжества Литовскаго, начатое мощною рукою Гедымина.

---

[1]) Тамже, стр. 557.

[2]) Тамже, стр. 589—590.

[3]) Лѣтоп. Быховца, стр. 23. Рукописный варіантъ той же лѣтописи, по списку Познанской библіотеки. Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 31.

Первый существенный политическій шагъ, сдѣланный по соглашенію обоихъ братьевъ, состоялъ въ возстановленіи великокняжеской власти и въ подчиненіи ей разрозненныхъ литовско-русскихъ удѣловъ. Фактъ этотъ случился въ началѣ 1345 года.

Для осуществленія своей цѣли братья рѣшились овладѣть отцевскою столицею и тянувшимъ къ ней удѣломъ Явнутія, составлявшимъ при Гедыминѣ непосредственное владѣніе великаго князя. Поводы нападенія на Явнутія одна лѣтопись поясняетъ слѣдующими словами: „Евнутій не бяшеть храбръ, а держитъ стольный градъ Вильно“. Другая лѣтопись еще явственнѣе обозначаетъ цѣль, къ которой стремились Ольгердъ и Кейстутъ; по ея словамъ они желали, чтобы „братіи всей послушну быти князя великого Ольгирда“ [1]). Обстоятельства сами указали безотложное время переворота. Въ началѣ 1345 года въ Пруссію явилось необыкновенно многочисленное стеченіе военныхъ гостей: два короля—Іоаннъ Чешскій и Людовикъ Венгерскій, герцоги—Бургундскій и Бурбонъ, графы Голландіи, Нюрнберга и Шварцбурга, Моравскій герцогъ Карлъ Люксембургскій (будущій императоръ Карлъ IV) прибыли съ сильными военными отрядами на помощь крестоносцамъ [2]); очевидно предполагавшаяся весною кампанія должна была принять весьма грозные размѣры и Литовскіе князья принуждены были поспѣшить съ подготовкою необходимыхъ мѣръ для защиты. Притомъ въ это именно время, по свѣдѣніямъ Литовской лѣтописи, скончалась вдова Гедымина, княгиня Евна; жившая въ Вильнѣ при Явнутіѣ и, вѣроятно, охранявшая его отъ другихъ братьевъ своимъ авторитетомъ [3]). Ольгердъ и Кейстутъ рѣшились приступить къ выполненію своего замысла; они условились дѣйствовать совмѣстно въ одинъ, впередъ обозначенный, день; но Ольгердъ, по свойственной ему осторожности, не явился къ условленному сроку [4]) и предоставилъ веденіе дѣла Кейстуту; онъ придвинулся только изъ Витебска въ Крево и здѣсь выжидалъ извѣстій объ исходѣ предпріятія. Между тѣмъ Кейстутъ въ условленный день двинулся изъ Трокъ и въ одинъ переходъ достигъ Вильна; на разсвѣтѣ въ зимнюю морозную ночь онъ занялъ столицу и овладѣлъ безъ сопротивленія двумя, охранявшими ее, замками. Явнутій полураздѣтый, безъ обуви выбѣжалъ изъ города и укрылся въ Турьихъ горахъ, окружающихъ Вильно; здѣсь онъ отморозилъ ноги, былъ задержанъ и обратно отведенъ въ городъ; Кейстутъ заключилъ его подъ стражу и отправилъ гонца въ Крево звать Ольгерда на великое княженіе; между тѣмъ народонаселеніе Вильна и Виленскаго удѣла подчинилось добровольно Кейстуту; пригороды и замки от-

---

[1]) Густинская лѣтопись, стр. 350. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 29.

[2]) Wigand von Marburg (Script. rer. prussic., т. II, стр. 504—505). Die ältere Chonik vom Oliwa (ibid. т. I, стр. 721—722).

[3]) Лѣтоп. Быховца, стр. 18.

[4]) „Cum Olgerdus seu sponte tergiversaretur, seu Vitebsco tam cito adesse ad condictum diem non posset.“ Kojałowicz, т. I, стр. 282.

ворили ему ворота охотно [1]). Послѣ прибытія Ольгерда въ Вильно, онъ былъ возведенъ Кейстутомъ на великокняжескій столъ и братья заключили между собою договоръ, который лѣтописи передаютъ только въ общихъ чертахъ; главныя условія его состояли въ слѣдующемъ: всѣ братья должны повиноваться Ольгерду, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ; Ольгердъ и Кейстутъ обязаны сохранять между собою тѣсный союзъ и дружбу; въ случаѣ пріобрѣтенія общими силами новыхъ земель или городовъ, они обязаны дѣлить ихъ поровну; наконецъ, Явнутію, въ вознагражденіе за Вильно, назначается въ удѣлъ Заславль Литовскій—одинъ изъ бывшихъ Полоцкихъ пригородовъ [2]).

Установленный вслѣдствіе этого договора распорядокъ великаго княжества Литовскаго не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія; только два Гедыминовича: Явнутій и Наримунтъ оказались имъ недовольны, но они не нашли опоры для протеста внутри Литовскаго государства и потому попытались искать ее внѣ его предѣловъ. Явнутій, не ожидая окончанія переговоровъ Кейстута съ Ольгердомъ, успѣлъ ускользнуть изъ подъ стражи, „переверже́ся черезъ стѣну" и убѣжалъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Москву; здѣсь онъ былъ крещенъ въ православіе великимъ княземъ Симеономъ, подъ именемъ Іоанна, но помощи для возстановленія своихъ правъ не получилъ; онъ долженъ былъ примириться съ братьями и уже два года спустя покойно жилъ въ своемъ Заславльскомъ удѣлѣ [3]). Также не удачна была попытка Наримунта, искавшаго напрасно помощи въ Ордѣ; примирившись съ братьями, онъ сражался подъ ихъ знаменами съ крестоносцами и въ 1348 году палъ въ несчастной для Литовцевъ битвѣ на берегахъ рѣки Стравы [4]).

---

[1]) „Und die Landlute all hilden sich an in (Kinstut), und alle ander Huzer gaben sich im". Посланіе В. К. Витовта къ магистру Ордена (Scrip. rer. Prussic., т. II, стр. 712).

[2]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 28—29. Лѣтописи: Быховца, стр. 18; Густинская, стр. 350; Длугошъ, кн. X, стр. 60—61; Stryjkowski, т. II, стр. 2—3; Kojałowicz. т. I, стр. 282. Посланіе Витовта къ магистру Ордена (Scrip. rer. Prussic., т. II, стр. 712). Договоръ, заключенный между Кейстутомъ и Ольгердомъ, всѣ упомянутые источники передаютъ согласно. Вотъ самый полный варіантъ, заимствованный изъ лѣтописи Даниловича: „А докончаютъ межи себе: князь Кестутій великій и великій князь Ольгирдъ: што братіи всей послушну быти князя великого Ольгирда, или которыи то волости соби роздѣлили. А то соби докончають, што придобудуть: градъ-ли или волости, да то дѣлити на полы, а быти имъ до живота въ любви, во великой милости; а правду межи себе на томъ дали: не мыслити лихомъ никомуже на никогоже: Також быти и до живота своего въ той правдѣ".

[3]) Лѣтописи: Новгородская 1-ая, стр. 83; Новгородская 4-ая, стр. 57; Супрасльская, стр. 65; Никоновская, т. III, стр. 182; Воскресенская, стр. 209; Софійская 1-ая, стр. 224; изданная Даниловичемъ, стр. 168.

[4]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 168; Никоновская, т. III, стр. 190.

Народонаселеніе великаго княжества Литовскаго не имѣло повода поддерживать реакцію князей, недовольныхъ установившимся порядкомъ вещей. При совмѣстномъ господствѣ Ольгерда и Кейстута [1]), оба народные элемента, входившие въ составъ великаго княжества,—Русскій и Литовскій, находили для себя удовлетвореніе и каждый изъ нихъ имѣлъ представителя въ одномъ изъ братьевъ, пользовавшихся верховною властью въ государствѣ. Поэтому Ольгердъ и Кейстутъ, не опасаясь внутреннихъ раздоровъ, могли свободно приступить къ устройству внѣшнихъ отношеній великаго княжества.

Непосредственно послѣ возстановленія великокняжеской власти Ольгердъ и Кейстутъ приняли мѣры для отраженія грозившаго Литвѣ крестоваго похода Крестоносцы и ихъ военные гости вступили въ началѣ 1345 года на литовскую территорію и осадили одну изъ пограничныхъ крѣпостей. Между тѣмъ литовскіе князья, собравъ всѣ свои силы, вышли имъ на встрѣчу; рядомъ ложныхъ маневровъ и подсылкою обманчивыхъ извѣстій они успѣли убѣдить магистра въ томъ, что они намѣрены ворваться въ Прусскую область Самбію. На военномъ совѣтѣ крестоносцевъ рѣшено было оставить осаду крѣпости и отправиться въ Самбію на встрѣчу Литовцамъ. Но пока исполнялось это передвиженіе, литовскіе князья перемѣнили направленіе своего похода, быстро двинулись въ Ливонію и страшно опустошили эту область; магистръ попытался было разорить въ отмщеніе сосѣдній съ Самбіею литовскій округъ, но и здѣсь онъ испыталъ неудачу; движеніе его было предугадано, жители укрылись въ лѣса и крестоносцы въ теченіи десяти дней напрасно бродили по пустынной мѣстности, не встрѣтивъ ни одного язычника; наступившая затѣмъ оттепель принудила ихъ возвратиться въ Пруссію. Такимъ образомъ грозный крестовый походъ кончился полною неудачею; участвовавшіе въ походѣ: короли Чешскій и Венгерскій, другіе знатные гости, равно какъ и начальствовавшія лица Ордена обвинили магистра въ легкомысліи и даже заподозрили его въ измѣнѣ; ему поставлены были въ вину какъ неудача похода, такъ и бѣдствія, постигшія Ливонію. Вслѣдствіе этого, магистръ Людольфъ Кёнигъ, не смотря на многолѣтнія заслуги былъ отстраненъ отъ должности, признанъ умопомѣшаннымъ и заключенъ въ замокъ Энгельсбергъ, гдѣ вскорѣ и скончался; на его

---

[1]) Современные нѣмецкіе источники по большей части даютъ безразлично обоимъ братьямъ титулъ царя (rex): желая-же опредѣлить ихъ взаимныя отношенія, утверждаютъ, что Ольгердъ былъ собственно правителемъ государства, а Кейстутъ главнымъ начальникомъ военныхъ силъ: „Rex Litwinorum per ducem exercitus sui, fratrem suum, Kynst t dictum.... intravit territorium Wilowense.“ Die ältere Chronik von Oliva (Scrip. rer. Prussic., т. I, стр 723—724). „Processerunt usque ad castrum principale Drakyn Kynstuti, principis Litwanorum, fratris regis, qui est dux exercitus paganorum.“ Изъ отчета магистра о походѣ на Литву въ 1375 г. (ibid., т. II, стр. 574). „Venerunt ad obsidionem castri Trackin, principis militiae Litwinorum.“ Другой отчетъ о томъ-же походѣ (ibid т. II, стр. 587).

мѣсто избранъ былъ новый магистръ Генрихъ Дусемеръ [1]). Людольфъ Кёнигъ принесенъ былъ въ жертву тому чувству досады, которую испытывали крестоносцы вслѣдствіе безплоднаго исхода предпріятія, подготовлявшагося въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и долженствовавшаго нанести рѣшительный ударъ литовской самостоятельности; настоящая причина неудачи заключалась конечно не въ ошибкахъ магистра, а въ той силѣ, которую пріобрѣло вновь Литовское государство вслѣдствіе переворота, совершеннаго Ольгердомъ и Кейстутомъ. Новый магистръ понималъ хорошо значеніе этого переворота и потому онъ перемѣнилъ методъ веденія войны съ Литвою. Потерявъ надежду на быстрый исходъ борьбы, крестоносцы отказываются теперь отъ рѣшительныхъ многолюдныхъ походовъ, но за то разсчитываютъ на возможность, посредствомъ безпрестанной, мелочной, партизанской войны, исчерпать постепенно силы великаго княжества и овладѣть его территоріею враздробь и исподволь; вслѣдстіе такого плана дѣйствій, Генрихъ Дусемеръ и его наслѣдники возводятъ густой рядъ крѣпостей вдоль литовской границы, стараясь выдвинуть каждое новое укрѣпленіе по возможности дальше на литовскую территорію [2]); затѣмъ, опираясь на эти крѣпости, они предпринимаютъ изъ нихъ безпрестанные набѣги на близлежащіе литовскіе округи и волости, стараются опустошить ихъ совершенно, истребить села, стада и жатвы, овладѣть движимымъ имуществомъ, угнать въ плѣнъ или предать мечу народонаселеніе, расчитывая овладѣть потомъ безъ сопротивленія краемъ, обращеннымъ въ пустыню.

Набѣги съ такимъ характеромъ предпринимаются безпрерывно: принимая въ разсчетъ только болѣе крупные, тѣ, подробности которыхъ записаны въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ до 70 походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе 30 со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени 1345—1377 годъ; если въ теченіи этого времени встрѣчаются рѣдкіе годы отдыха, когда лѣтописи умалчиваютъ о походахъ крестоносцевъ на Литву, за то въ другіе годы свѣдѣнія о нихъ бываютъ особенно многочисленны. Такъ подъ 1362, 1367, 1375 и 1377 годами лѣтописцы помѣчаютъ отъ 4 до 8 по-

---

1) Wigand von Marburg (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 504—507). Die ältere Chronik von Oliva (ibid, I, стр. 721—722). Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 26—35.

2) Лѣтописцы Ордена записываютъ тщательно извѣстія о вновь сооружаемыхъ крестоносцами крѣпостяхъ; они упоминаютъ о возобновленіи или постройкѣ слѣдующихъ крѣпостей въ промежутокъ времени съ 1345—1377 годъ: Бейербургъ, Маріенбургъ, Готтесвердеръ, Нейгаузъ, Винденбургъ, Гробинъ, Дурбенъ, Динабургъ, Іоганнисбургъ, Люннебургъ, Растенбургъ, Винтербургъ, Рунгенбрустъ, Вартенбергъ.—Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic. II, стр. 76, 92, 94). Wigand von Marburg (ibid. стр. 508, 524, 525) 545, 561). Annalista Thoruniensis и Johann Posilge (ibid., т. III, 87 и 88). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., т. III, стр. 595). Narbutt, т. V, стр. 168.

ходовъ въ годъ. Обыкновенно главныя силы Ордена подъ начальствомъ магистра, маршала или генеральнаго командора Ордена предпринимали не менѣе двухъ походовъ въ каждую зиму [1]); но если въ Пруссію являлись особенно почетные гости, то въ честь ихъ назначался еще одинъ, прибавочный походъ [2]). Кромѣ этихъ главныхъ походовъ, командоры пограничныхъ прусскихъ и ливонскихъ округовъ, коменданты порубежныхъ крѣпостей, фохты нѣмецкихъ городовъ—при первомъ удобномъ случаѣ, врывались съ небольшими отрядами въ Литву и опустошали по возможности большій участокъ территоріи. Сверхъ того, помимо регулярныхъ силъ Ордена, по инициативѣ болѣе предпріимчивыхъ рыцарей, сбирались толпы охотниковъ и болѣе или менѣе крупными отрядами отправлялись на разбой за литовскую границу; отряды эти, не стѣсняясь ни общими планами дѣйствій, начертанными начальниками Ордена, ни перемиріями, которыя Орденъ заключалъ по временамъ съ Литвою, причиняли безпощадныя разоренія, насилія и грабежи. Рыцари называли эти отряды „воровскими" или „разбойничьими" (latrunculi, latrones) и Орденъ не принималъ на себя отвѣтственности за ихъ дѣйствія; хотя не препятствовалъ организаціи отрядовъ въ своихъ владѣніяхъ и при случаѣ оказывалъ имъ дѣятельную помощь [3]).

Предпринимались-ли набѣги (reysa) крестоносцевъ главными силами Ордена, отвѣтственными его начальниками, или воровскими отрядами охотниковъ, они всегда носили одинъ и тотже характеръ: вообще набѣги эти были непродолжительны; никогда крестоносцы не оставались долѣе 10 дней на литовской территоріи, иногда проводили на ней только одну ночь. Лѣтописцы Ордена сообщаютъ малѣйшія подробности объ этихъ „рейзахъ", опредѣляютъ точно количество дней и ночей, проведенныхъ крестоносцами на литовской

---

[1]) Вслѣдъ за извѣстіемъ объ избраніи магистра Генриха Дусемера, Вигандъ говоритъ: „Nec plures consueverunt in hyemes servare reysas, quam 2", —Script. rer. Prussic. т. II, стр. 507.

[2]) „1265. Eo tempore dux de Monte (Wilhelm I von Berg) erat cum multis in terra, ad cujus nutum fuit reysa". Wigand von Marburg (Script. rer. Prus. т. II, стр. 556).—„1378. Dux Albertus de Lotringen venit in Prussiam cum 70 galeis, ad cujus honorem reysa ordinatur". (ibid., стр. 588) Такіе же походы упоминаются въ честь другихъ знатныхъ гостей: ландграфа Оттона Гессенскаго, Рупрехта герцога Баварскаго, Адольфа архіепископа Кельнскаго, Леопольда герцога Австрійскаго, графовъ: Варвика, Уффорда и т. п —Wigand von Marburg (Script. rer Prus., т. II, стр. 510, 514, 525, 540 549, 568, 571). Hermann de Wartberge (ibid., 99—101). Johann Posilge (ibid т. III, стр. 99) и т. д.

[3]) „Anno 1376 fratres in Livonia pedestres more latrunculorum congregationem de 600 fecerunt contra infideles, quorum signifer et caput fuit frater Theodoricus de Holteye, commendator in Dobelleen". (Hermann de Wartberge, стр. 110).—„1364. Frater Hinricus (von Schönningen) convocavit a longe, quos voluit, intrans deserta more latronum". (Wigand von Marburg, стр. 548). Въ

землѣ и помѣчаютъ мѣстности, въ которыхъ они останавливались для ночлега (sovalk)—затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ перечень опустошенныхъ волостей и разоренныхъ селъ и дворовъ [1]). Рейзы предпринимались по преимуществу отрядами конницы, но иногда, для того, чтобы удобнѣе скрыть свой набѣгъ, рыцари отправлялись пѣшкомъ, садились въ лодки и судна и, подымаясь вверхъ по теченію Нѣмана и его притоковъ, внезапно появлялись среди Литовской области, не ожидавшей ихъ прихода [2]). Вообще, главное условіе успѣха рейзы состояло въ томъ, чтобы застать Литовцевъ неожиданно, врасплохъ; описывая каждый походъ, лѣтописцы Ордена помѣчаютъ это обстоятельство [3]). Если рыцари успѣвали явиться въ извѣстную мѣстность неожиданно, и заставали народонаселеніе на мѣстахъ жительства, то они раздѣляли свое войско на нѣсколько отрядовъ, для того, чтобы охватить одновременно возможно большее количество населенныхъ мѣстностей, подробно исчисленныхъ въ топографическихъ замѣткахъ (Wegeberichte), составленныхъ по распоряженію магистровъ Ордена [4]). Затѣмъ, всѣ захваченныя села, дворы, гумна и постройки предавались пламени, жителей частью истребляли мечемъ, частью угоняли въ плѣнъ. При этомъ на главную причину, по словамъ крестоносцевъ, войны съ Литвою, на обращеніе язычниковъ въ христіанство на дѣлѣ рыцари не обращали вовсе вниманія. Среди многочисленныхъ перечней перебитыхъ и угнанныхъ въ плѣнъ Литовцевъ, лѣтописи совсѣмъ умалчиваютъ объ ихъ крещеніи. Разъ только Вигандъ изъ Марбурга, описывая осаду крѣпости Велоны въ 1348 г., разсказываетъ, что жители, сдавшіеся на капитуляцію крестоносцамъ, были ими крещены, но при этомъ онъ заявляетъ сомнѣніе въ пользѣ этой мѣры [5]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ крестоносцы предпочитали стремиться къ истребленію язычества, путемъ истребленія и угона въ рабство язычниковъ. Кромѣ народонаселенія рыцари угоняли также въ Пруссію многочисленныя стада воловъ и лошадей, и высоко цѣнили этого рода добычу; лѣтописи обыкновенно заключаютъ повѣствованіе о рейзѣ перечнемъ угнанныхъ рабовъ, лошадей и быковъ [6]).

1367 году Ливонскій магистръ особымъ договоромъ, называемымъ „pax latrunculorum“ обязался въ теченіи извѣстнаго времени не допускать охотниковъ врываться въ литовскіе предѣлы.—Daniłowicz, Skarbiec etc. т. I, стр, 212.

[1]) Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 99, 101, 102, 103, 104. Wigand. (ibid. стр. 569) и т. п.

[2]) Wigand von Marburg (ibid. стр. 556).

[3]) „Intrarunt terram inavisatam“. „Pagani fuerunt inavisati“. „Invenerunt Letwinos non munitos“, и т. п.

[4]) См. Die Litauische Wegeberichte—Script. rer. Prussic., т. II, стр. 652—714.

[5]) „Quo peracto accepit viros, mulieres et infantes, quos divisit in terram suam, faciens eos baptizare in numero 1500; nec invenitur, an in fide permanebant“? Wigand. стр. 514.

[6]) Изъ числа многихъ описаній походовъ на Литву, которыми загромож-

Если народонаселеніе литовское было предупреждено о набѣгѣ крестоносцевъ, то жители селъ укрывались съ семьями и имуществомъ въ лѣсныя пущи и болота; крестоносцы въ такомъ случаѣ жгли пустыя села, затѣмъ старались окружить часть лѣса и, поступая по правиламъ охоты на дикихъ звѣрей, постепенно сдвигали кругъ къ серединѣ, убивая всѣхъ, попавшихъ въ него Литовцевъ; иногда они не встрѣчали никого внутри облавы, иногда же они отыскивали такимъ образомъ народонаселеніе, спасавшееся изъ нѣсколькихъ селъ и истребляли бѣглецевъ поголовно безъ различія пола и возраста; бывали и такіе случаи, когда часть крестоносцевъ, участвовавшихъ въ облавѣ, въ свою очередь попадала въ засаду и погибала отъ меча Литовцевъ [1]).

Для того, чтобы имѣть свободный просторъ для набѣговъ, крестоносцы старались не дозволять Литовцамъ укрѣпить границу ихъ владѣній; они упорно осаждали и старались разрушать всѣ укрѣпленія и замки, воздвигае-

---

дены всѣ лѣтописи Ордена, приведемъ на удачу нѣсколько примѣровъ, характеризирующихъ военные пріемы крестоносцевъ:

„1367. Frater Henningus, Ordinis marschalcus, castra metatus est in superioribus partibus Letwinorum, quas cum inveniret non munitas, exercitum suum divisit in tres turmas; percussit in dies in ore gladii omnes, vastavitque flammis et cede regiones (слѣдуетъ перечень волостей); captivos 800 secum ducens, equirriam etiam regis de 50 equabus ad terram Prussiae perduxit". Herm. de Wartberge, стр. 88.

— „1369. Advocatus de Grebyn fuit... in Letowia, ubi quasdam villas et annonam earum cremavit, multis occisis". Ibid. 94.

— „1370. Commendator de Goldingen.... intravit terram Litwinorum, quam vastavit.... pernoctando, educens 320 capita utriusque sexus, praeter multos, quos occidit, item 430 capita boum et equorum, venit incolumis cum suis... Item marschalcus misit expeditos in terram Drogotzen, in qua 4 noctes fuerunt, vastando, cedendo, captivos educendo: 106 viros, 61 equos cum 9 sexagenis boum et vaccarum. Item commendator de Ragniten... percussit duo rura cepitque 20 equos et 9 boves, quos abduxit". ibid, стр. 96—97.

— „1372. Frater Wigandus cum 100 electis intrat deserta rapiendi gratia et molestandi paganos.... transeunt Mimilam; intrantes 4 villas non avisatas et in primo somno; quiquid occurebat gladio perdiderunt: viros cum mulieribus et pueris; comburunt totum, captivos cum grandi rapina deportant". Wigand von Marburg—стр. 572.

— „1376. Sante der Meister den Komptur von der Balge mit 600 wapenern ins Land zu Rewzen; her quam ungewarnet dar.... her vorbrante das Lant und furte von dannen gefangen 200 Mensche und hette ir wol mehr gefangen, szunder der Sznee war so tieff, dar her sy nicht von dannen bringen mochte. Dorumme irslugen sy ir vil. Ouch furten sy von dannen tauwsent houpt rind vihes und 200 Pferde". Die ältere Hochmeisterchronik. (Script. rer. Prussic. III, стр. 598), и т. д.

[1]) Hermann de Wartberge, стр. 96, 102, 108—109. Wigand von Marburg, стр. 542—543, 557, 559—560.

мые Литовцами на порубежной чертѣ [1]). Главныя усилія обѣихъ сторонъ сосредоточивались въ этомъ отношеніи на весьма важной стратегической мѣстности, именно на городѣ Ковнѣ. Городъ этотъ, построенный на устьѣ Виліи въ Нѣманъ, господствуетъ надъ нижнимъ теченіемъ обѣихъ названныхъ рѣкъ; со стороны прусской границы онъ прикрывалъ Троки, Вилькомиръ и Вильно и болѣе заселенные округи тянувшіе къ этимъ городамъ; притомъ, находясь на вершинѣ угла, который образовывала прусская граница, врѣзывавшаяся клиномъ въ глубь литовскихъ земель, онъ служилъ для Литовцевъ центральнымъ стратегическимъ пунктомъ, гдѣ они сосредоточивали свои военныя силы, которыя могли съ равнымъ удобствомъ, смотря по надобности, выдвигать и къ сѣверозападу для охраны Жмуди и къ югозападу для прикрытія собственной Литвы и порубежной съ нею Черной Руси. Это значеніе Ковна понимали Литовскіе князья и потому озаботились сильно укрѣпить этотъ городъ; они окружили его каменною стѣною и построили замокъ, вооруженный крѣпкими каменными башнями Крестоносцы много разъ покушались овладѣть этимъ городомъ, пока, наконецъ, въ 1362 году магистръ Винрихъ фонъ Книпроде рѣшился разрушить его во чтобы ни стало; собравъ всѣ силы Ордена, призвавъ на помощь Ливонскихъ рыцарей и многочисленныхъ иностранныхъ гостей, онъ два мѣсяца осаждалъ Ковно по всѣмъ правиламъ военнаго искуства того времени; крестоносцы окружили замокъ рвомъ и палисадомъ, разрушили ограду стѣнобитными машинами, нѣсколько разъ ходили на приступъ, пока, наконецъ, успѣли овладѣть развалинами замка. Гарнизонъ литовскій, защищавшійся съ замѣчательною стойкостью, почти весь погибъ во время осады; находясь въ послѣдней крайности, начальникъ крѣпости Войдатъ Кейстутовичъ приказалъ разрушить подкопами остатки башенъ и стѣнъ, зажегъ деревянныя постройки и съ послѣдними защитниками Ковна попытался пробиться сквозь лагерь крестоносцевъ; при этомъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ съ остатками гарнизона, состоявшими только изъ 36 человѣкъ [2]). Впрочемъ побѣда эта не принесла Ордену существенной пользы: уже въ слѣдующемъ году Литовцы построили, не смотря на сопротивленіе рыцарей, рядомъ съ бывшею крѣпостью, другую—новое Ковно; крестоносцы разрушили и это укрѣпленіе, но оно опять было возобновлено и въ 1376 году оно считалось уже столь сильною крѣпостью, что магистръ не осмѣлился предпринять его осаду [3]).

---

[1]) Кромѣ многократныхъ нападеній на Ковно и Велону, лѣтописцы Ордена сообщаютъ разновременно свѣдѣнія объ осадѣ Литовскихъ крѣпостей: Пистены, Райграда, Вилькомира, Штребена и нѣсколькихъ другихъ, именъ которыхъ они не называютъ. Hermann de Wartberge (Script rer. Prussic. т II, стр. 84, 89); Wigand von Marburg (ibid., стр. 540, 560, 564); Johann Posilge (ibid., т. Ш, стр. 86, 88).

[2]) Hermann de Wartberge (Script. res. Prussic., т. II. стр. 81—82). Wigand von Marburg (ibid., стр. 531—536). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. т. Ш, стр. 81).

[3]) Wigand von Marburg, стр. 545—547, 559—560, 579.

Въ борьбѣ съ крестоносцами Литовцы заимствовали у нихъ способъ веденія войны: за разореніе литовской территоріи и разрушеніе литовскихъ крѣпостей они отплачивали разореніемъ прусскихъ областей и разрушеніемъ орденскихъ замковъ. Литовскіе набѣги были относительно рѣже: одинъ, не болѣе двухъ въ годъ. Въ продолженіи времени съ 1345 по 1377 годъ лѣтописи насчитываютъ только 31 походъ Литовцевъ на Пруссію и 11 походовъ на Ливонію; за то литовскіе набѣги предпринимались обыкновенно съ гораздо болѣе значительными силами, чѣмъ набѣги крестоносцевъ и охватывали гораздо большія пространства территоріи. Разница въ численности нападавшихъ отрядовъ зависѣла нестолько отъ превосходства силъ литовскихъ, сколько отъ степени относительнаго благоустройства обѣихъ странъ. Крестоносцы за литовскимъ рубежемъ попадали въ страну жидко населенную и много разъ ими же опустошенную; иногда нѣсколько дней приходилось имъ идти по лѣсной пущѣ (desertum), въ непроницаемыхъ дебряхъ которой укрывалось отъ нихъ населеніе; жители, убѣгая изъ рѣдкихъ селъ, прятали съѣстные припасы и угоняли скотъ въ лѣсныя убѣжища; отряды крестоносцевъ не могли кормиться на мѣстѣ и должны были возить за собою обозы съ припасами. Нерѣдко литовцамъ удавалось уничтожать склады провіанта, устраиваемыя рыцарями въ опредѣленныхъ стоянкахъ и назначенные для продовольствія арміи во время обратнаго движенія; въ такихъ случаяхъ крестоносцы нерѣдко погибали съ голоду въ литовскихъ лѣсахъ. Между тѣмъ обозы сильно замедляли походы, условіемъ удачи которыхъ была быстрота движенія—для обоза приходилось каждый разъ вновь прокладывать дорогу въ пущѣ, которую каждый разъ, вслѣдъ за проходомъ непріятельскаго войска, Литовцы портили, заваливали бревнами, нарѣзывали рвами и т. д. Вслѣдствіе указанныхъ условій крестоносцы предпочитали дѣйствовать небольшими отрядами и врывались въ Литву на короткое время, не требовавшее значительныхъ запасовъ провіанта. Напротивъ того, Литовцы, пройдя за прусскій рубежъ, попадали въ страну густо населенную; въ прусскихъ мызахъ, деревняхъ и городахъ многочисленная армія могла легко найти пропитаніе; притомъ передвиженіе было значительно облегчено хорошимъ состояніемъ путей сообщенія. Лѣтописи Ордена, воздавая похвалы своимъ магистрамъ, обыкновенно упоминаютъ заслуги, оказанныя ими для края въ этомъ отношеніи, и перечисляютъ устроенныя ими дороги и построенные мосты. Находя, такимъ образомъ, въ Пруссіи удобныя условія для передвиженія и прокормленія болѣе численныхъ отрядовъ войска, Литовцы были притомъ поставлены въ необходимость удерживаться отъ вторженій въ Пруссію мелкими отрядами. Вслѣдствіе правильнаго военнаго устройства, строгой дисциплины и регулярнаго распредѣленія военныхъ средствъ, крестоносцы были въ состояніи въ непродолжительное время сосредоточить значительныя силы для отраженія набѣга; и потому Литовцы подвергались значительной опасности въ случаѣ, если предпринимали нападеніе съ незначительными силами.

Ворвавшись въ прусскую территорію, Литовцы поступали точно также

какъ крестоносцы въ Литвѣ; они выжигали села и предмѣстья городовъ, разрушали церкви и монастыри, уводили въ плѣнъ народонаселеніе, угоняли стада воловъ и лошадей [1]) и т. п. Въ случаѣ, если походъ былъ удаченъ, они на границѣ, до выхода изъ прусской области, сожигали въ качествѣ благодарственной жертвы богамъ нѣкоторую часть добычи и одного изъ плѣнныхъ рыцарей [2]). Если во время похода Литовцы располагали болѣе значительными силами, то они овладѣвали замками крестоносцевъ, сжигали ихъ и опрокидывали стѣны и башни [3]); они успѣли перенять у крестоносцевъ всѣ пріемы осаднаго искуства того времени и примѣняли ихъ весьма успѣшно; такъ, во время борьбы за обладаніе Ковномъ, когда магистръ Винрихъ фонъ Книпроде построилъ на развалинахъ Новаго Ковна крѣпость Готтесвердеръ, которую крестоносцы особенно тщательно укрѣпили и снабдили многочисленнымъ гарнизономъ и обильнымъ провіантомъ, то Литовцы ее немедленно осадили, заметали ровъ, построили 18 стѣнобитныхъ машинъ и подвижныхъ башень и въ теченіи пяти недѣль повели столь успѣшно осадныя работы, что гарнизонъ принужденъ былъ сдать крѣпость, которая и была разрушена до основанія [4]).

Такую картину мелкой, безпрерывной, партизанской войны представляетъ борьба крестоносцевъ съ Литвою въ теченіи тридцатилѣтняго княженія Ольгерда; безчисленный рядъ набѣговъ и стычекъ, болѣе или менѣе опустошительныхъ, и кровопролитныхъ, не приводитъ ни къ какому окончательному результату и не даетъ возможности предвидѣть исхода борьбы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противники рѣшаются сразиться съ силами относительно болѣе многочисленными; такъ, два пораженія, нанесенныя крестоносцами Литовцамъ: въ 1348 году на берегахъ рѣки Стравы и въ 1370 у Рудавы, которымъ лѣтописцы Ордена придаютъ значеніе рѣшительныхъ битвъ, были только болѣе крупныя стычки, не оказавшія ни малѣйшаго вліянія на по-

---

[1]) Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic. II, стр. 80, 104, 108, 110); Wigand von Marburg (ibid. стр. 520, 522, 549). Annales Thorunienses (ibid. т. III, стр. 100).

[2]) Въ 1365 г Литовцы послѣ удачнаго похода въ Пруссію „festini redeunt ad regem prope Ragnitam, leti sacrificantes diis sanguinem tauri et quendam, vocabulo Hensel Neuwenstein, in ignem proiciunt et sacrificant". (Wigand von Marburg, стр. 549).

[3]) Лѣтописцы Ордена упоминаютъ разновременно о разрушеніи Литовцами многихъ крѣпостей; они называютъ изъ числа ихъ слѣдующія: Мезотенъ, Шальвита, Каустрита, Шплиттернъ, Іоганнисбергъ, Экерсбергъ, Анненбургъ.—Hermann de Wartberge, (Scr. rer. Pruss., т. II, стр. 77, 85); Wigand von Marbug (ibid., стр 529, 548, 549, 555); Johann Posilge (ibid., т. III, стр. 83—84).

[4]) Hermann de Wartberge, стр. 94. Wigand von Marburg, стр. 561. Johann Posilge; Annalista Thoruniensis, стр. 88. Die ältere Hochmeisterchronik, стр. 595.

слѣдовавшій ходъ войны. Первая изъ нихъ, въ которой палъ Наримунтъ Гедыминовичъ, прославлена была орденскими анналистами какъ рѣшительная побѣда, стоившая будто Литовцамъ около 20,000 людей; между тѣмъ изъ словъ современнаго документа мы знаемъ, что въ битвѣ принималъ участіе незначительный только отрядъ крестоносцевъ, въ 800 человѣкъ, и что послѣ этой, будто рѣшительной, побѣды, рыцари не предприняли сколько нибудь важнаго военнаго движенія и нисколько не раздвинули предѣловъ принадлежавшей имъ области [1]).

Другая битва—у Рудавы—произошла вслѣдствіе удачной попытки крестоносцевъ отразить одинъ изъ литовскихъ набѣговъ; она кончилась стычкою передовыхъ отрядовъ обѣихъ армій, послѣ которой Литовцы, потерявшіе около 1000 человѣкъ въ битвѣ, отступили въ безпорядкѣ къ своей границѣ, крестоносцы-же, понесшіе также чувствительныя потери (въ битвѣ палъ маршалъ Ордена, Геннингъ фонъ Шиндекопфъ и три командора), должны были воздержаться отъ преслѣдованія отступавшихъ [2]).

Наконецъ, единственный болѣе важный походъ, предпринятый крестоносцами въ глубь Литвы въ 1365 году, не привелъ къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ и имѣлъ значеніе обыкновенной „рейзы", предпринятой лишь въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ этомъ году крестоносцы рѣшились отступить отъ обыкновенной своей тактики, благодаря представившейся имъ, по видимому, возможности найти поддержку внутри самой Литвы: они нашли

---

[1]) Потери Литовцевъ въ этой битвѣ лѣтописцы Ордена исчисляютъ различно: Annales expeditiales Prussici опредѣляютъ ее въ 6000 человѣкъ. (Script. rer. Prussic., т II, стр. 12). Hermann de Wartberge—въ 10,000., (ibid., т. II, стр. 76). Вигандъ—въ 18,000 (ibid., стр 512) и т. д. Современный отчетъ объ этой битвѣ, извлеченный изъ Кенигсбергскаго архива, говоритъ: „Jedoch nicht vergessende, dass in Namen des Herr 1,000 geschlagen und 20,000 verjaget sein sie ihnen mit wenigen, nähmlich 800 oder dabei" (ibid., т. II, стр. 511).—Вѣроятно крестоносцы, желая изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на западѣ неудачею, которую они потерпѣли въ 1345 г., умышленно придавали этой битвѣ преувеличенное значеніе; иноземные лѣтописцы, писавшіе на основаніи слуховъ, исходившихъ отъ крестоносцевъ, придаютъ ей небывалые размѣры. Такъ современникъ событія, Іоаннъ Витодуранъ, писавшій свою лѣтопись въ Цюрихѣ, разсказываетъ, будто въ битвѣ на р. Стравѣ погибло 40,000 Литовцевъ; (ibid., т. II, стр. 741). Длугошъ исчисляетъ потерю Литовцевъ въ 22,000 (стр. 1079); наконецъ русскія лѣтописи, вовсе почти не обращавшія вниманія на борьбу Литвы съ крестоносцами, внесли слѣдующее извѣстіе объ этой битвѣ: „Бой былъ Нѣмцемъ съ Литвою на Стравѣ рѣцѣ и побиша Литвы 40,000". (Лѣтописи: Новгородская 4-ая, стр. 56; Супрасльская, стр. 66; Никоновская, т. III, стр. 186; изданная Даниловичемъ, стр. 169).

[2]) Hermann de Wartberge (Scr. rer. Pruss, т. II, стр 96). Wigand von Marburg (ibid., стр. 566—567); Johann Posilge. Detmar и Annalista Thoruniensis (ibid., т. III, стр. 89). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., стр. 595).

союзника въ средѣ литовской княжеской семьи. Одинъ изъ сыновей Кейстута—Бутавъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ побужденій, вошелъ въ сношенія съ крестоносцами и заявилъ готовность принять крещеніе и вступить въ союзъ съ Орденомъ; узнавъ объ этихъ переговорахъ, комендантъ Виленскаго замка, бояринъ Дирсуне, отличавшійся непримиримою враждою къ нѣмцамъ [1]) и преданностью Кейстуту, арестовалъ Бутава и заточилъ его въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, впредь до дальнѣйшаго распоряженія Кейстута; но, до пріѣзда послѣдняго, другой бояринъ, Сурвиллъ, служившій посредникомъ въ сношеніяхъ Бутава съ крестоносцами, напалъ на крѣпостцу, хитростью овладѣлъ ею и освободилъ плѣннаго князя; опи немедленно бѣжали за прусскую границу въ сопровожденіи только пятнадцати слугъ. Комендантъ крѣпости Инстербурга принялъ бѣглецовъ съ большими почестями и проводилъ ихъ къ магистру; затѣмъ въ Кенигсбергѣ, въ присутствіи знатныхъ иноземныхъ гостей, съ большимъ торжествомъ совершенъ былъ обрядъ крещенія надъ Бутавомъ, принявшимъ имя Генриха, и надъ его товарищами; вслѣдъ за тѣмъ, разсчитывая, вѣроятно, на поддержку со стороны партіи, преданной перебѣжавшему князю, магистръ объявилъ большой походъ на Литву и распорядился снабдить армію мѣсячнымъ запасомъ провіанта. [2]) Руководимое Бутавомъ войско крестоносцевъ вступило въ Жмудь и

---

[1]) „Quidam, dictus Dirsune, maximus persecutor Christianorum". Annalista Thoruniensis (Scr. rer. Prussic., т. III, стр. 95).

[2]) Hermann de Wartberge (Scr., rer. Prus., т. II, стр. 85). Wigand von Marburg (ibid., стр. 550—553). Annalista Thoruniensis, Johann Posilge и Detmar (ibid. т. III, стр. 84). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., стр. 595).

Вообще дѣло Бутава представляетъ фактъ не единичный въ своемъ родѣ. Въ лѣтописяхъ встрѣчаются неоднократно свѣдѣнія о перебѣжчикахъ какъ отъ Литовцевъ къ крестоносцамъ, такъ и обратно; упомянутый въ разсказѣ о Бутавѣ—Сурвиллъ (въ крещеніи Θома) остался въ Пруссіи и служилъ долгое время крестоносцамъ въ качествѣ проводника, переводчика, и дипломатическаго агента; такія-же услуги Ордену оказывалъ перебѣжавшій въ Пруссію другой Сурвиллъ—Гансъ (Scr., rer. Prussic., т. II, стр. 550, примѣч. 760). Подъ 1361 годомъ въ хроникѣ Вартберга помѣщенъ разсказъ о знатномъ Литовцѣ, называемомъ Жива, служившемъ крестоносцамъ въ качествѣ проводника: Capta fuit tota familia Zywes Litwini. Idem ergo Zywa moestus, sequens suam familiam sponte, factus est ductor optimus Christianorum in Livonia". (Scr. rer. Prussic,, т. II, стр. 81).—Такіе невольные слуги Ордена конечно при первой возможности бѣжали обратно въ Литву и, становясь въ ряды соотечественниковъ, служили имъ проводниками въ Пруссію и Ливонію (Wigand von Marburg, стр. 541, 570). Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, когда сами рыцари, вѣроятно не ужившись съ дисциплиною Ордена, бѣжали въ Литву и принимали язычество: „1374 duo fratres de Livonia: Joannes Lanzeberg ac Fridericus de Misseu, strenui viri, cum quodam ductore, nomine Billene,... profugerunt ad Letwinos, apostatae facti". (Hermann de Wartberge, стр. 105) „1376 Quidam frater Ordinis—Johannes Vlowere profugit ad dictum Novum castrum, ut apostata" ibid., стр. 111) и т. д.

опустошило земли по теченію рѣкъ Невяжи и Святой, и, миновавъ Вилькомиръ, подступило къ Вильну; начальникъ города, вызванный магистромъ для переговоровъ, отказался сдать крѣпость; между тѣмъ не только никто изъ Литовцевъ не принималъ стороны Бутава, но изъ его малочисленной свиты четыре человѣка ушло къ Литовцамъ; магистръ убѣдился въ несостоятельности надеждъ, возлагавшихся имъ на литовскаго князя и быстро отступилъ въ свои предѣлы, пробывъ только 13 дней на литовской территоріи. Вслѣдъ за тѣмъ Бутавъ оставилъ владѣнія Ордена и поступилъ на службу къ германскому императору, пожаловавшему ему въ ленъ земли съ титуломъ герцога; съ этимъ титуломъ лѣтописи упоминаютъ о немъ до 1377 года.

Указанныя подробности борьбы крестоносцевъ съ Литвою во второй половинѣ XIV столѣтія доказываютъ въ общей сложности, что силы обѣихъ боровшихся сторонъ находились въ данное время въ равновѣсіи; какъ ни интензивны были усилія Ордена, они не достигали предположенной цѣли и только исчерпывали постепенно силы самаго Ордена; ни многочисленные военные гости, ни настойчивое стремленіе нѣмецкаго населенія Пруссіи раздвинуть свою территорію по направленію къ востоку, ни руководство самыхъ энергическихъ и даровитыхъ магистровъ: Генриха фонъ Дусемеръ и Винриха фонъ Книпроде, не могли осилить стойкаго сопротивленія литовцевъ и порубежная черта орденскихъ владѣній не подвигалась ни на шагъ къ востоку отъ Нѣмана. Всю тяжесть этой борьбы вынесло на своихъ плечахъ исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества: Жмуди и коренной Литвы; руководителемъ этого населенія и героемъ борьбы съ крестоносцами въ теченіе почти полустолѣтія былъ Кейстутъ; съ удивительною энергіею и постоянствомъ онъ защищаетъ каждую мѣстность угрожаемой территоріи, отражаетъ на всѣхъ пунктахъ нѣмецкія „рейзы", отплачиваетъ за нихъ набѣгами на Пруссію и Ловонію, защищаетъ свои крѣпости и ведетъ приступы на нѣмецкіе замки; онъ постоянно подвергается личной опасности и умѣетъ съ удивительною находчивостью увернуться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; два раза онъ попадаетъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оба раза бѣжитъ съ рѣшимостью, изумлявшею рыцарей до того, что они считали его побѣги чудесными [1]).

---

[1]) Въ 1361 году Кейстутъ попалъ въ засаду и взятъ былъ въ плѣнъ крестоносцами. Онъ содержался въ Маріенбургской крѣпости; съ помощью приставленнаго къ нему слуги, крещеннаго Литовца, Альфа, онъ вышелъ изъ крѣпости въ одеждѣ рыцаря и, укрываясь въ лѣсахъ и болотахъ, переправляясь вплавь черезъ рѣки, успѣлъ бѣжать въ Мазовію. О бѣгствѣ его одна лѣтопись говоритъ, что онъ „mirabiliter evanuit"; другая: „es war Wunder, dass er weg komen mochte, als waren ihm alle Pforte vorsatzt".—Въ слѣдующемъ году Кейстутъ опять попалъ въ плѣнъ во время стычки, но, пользуясь смятеніемъ битвы, исчезъ до ея окончанія изъ лагеря крестоносцевъ. Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic, т. II, стр. 80—

Между тѣмъ какъ нѣмецкія лѣтописи переполнены свѣдѣніями о похожденіяхъ—Кейстута, Ольгердъ упоминается въ нихъ рѣдко. Только въ болѣе рѣшительныхъ случаяхъ онъ являлся на помощь брату во главѣ ополченій русскихъ земель [1]). Крестоносцы, съ своей стороны, зная внутреннее распредѣленіе силъ великаго княжества Литовскаго, направляли свои силы исключительно противъ земель, населенныхъ Литовскимъ племенемъ и избѣгали столкновеній съ русскими областями великаго княжества. За исключеніемъ пограничныхъ мелкихъ стычекъ Литовскихъ рыцарей съ Полочанами и нѣсколькихъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ, набѣговъ крестоносцевъ на принадлежавшій Кейстуту Гродненскій удѣлъ, мы не встрѣчаемъ свѣдѣній о непріязненныхъ дѣйствіяхъ крестоносцевъ по отношенію къ литовской Руси [2]). Между тѣмъ, какъ арміи Ордена подвигаются иногда на значительное разстояніе вглубь литовскихъ земель, опустошаютъ окрестности Вильна, Трокъ и т. п., отряды ихъ никогда не появляются въ Черной Руси, отдѣлявшейся только узкою полосою Гродненскаго удѣла отъ земель Ордена.

Такимъ образомъ силы литовской Руси оставались свободными и Ольгердъ могъ ими воспользоваться для того, чтобы раздвинуть предѣлы своего княженія присоединеніемъ къ нему тѣхъ русскихъ земель, которыя не примкнули еще къ одному изъ вновь сложившихся центровъ группировки русскихъ земель, и чтобы упрочить свое вліяніе на уже сложившіяся, но болѣе слабыя группы русскихъ владѣній, лежавшія вдоль восточной границы великаго княжества. По отношенію къ Руси усилія Ольгерда сосредоточиваются на четырехъ важнѣйшихъ интересахъ: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддержи-

---

81). Wigand von Marburg (ibid., стр. 527—530). Annalista Thoruniensis, Detmar и Johann Posilge (ibid., т. III, стр. 80—81). Продолжатель Дюсбурга (ibid., стр. 479). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., стр. 593—594).

[1]) Такъ въ разсказѣ о битвѣ на рѣкѣ Стравѣ, лѣтописи, упоминая о присуствіи Ольгерда, прибавляютъ извѣстіе, что въ помощь Литовцамъ пришли ополченія изъ Владиміра, Берестія, Витебска, Смоленска и Полоцка (Hermann de Wartberge, стр. 75; Wigand von Marburg, стр. 511). Описывая пораженіе Литовцевъ у Рудавы, Іоаннъ Посильге говоритъ: (стр. 90) „do war Kynstod flochtig mit den sinen, und koning Algart mit den Russen bederbten ihre Sporne gar wohl in der Flucht“.

[2]) О стычкахъ между Ливонскими рыцарями и Полочанами упоминаетъ Hermann de Wartberge подъ 1366, 1373, 1374 и 1375 годами (Script. rer. Prussic., т. II. стр. 86, 104, 105 и 108). Вигандъ изъ Марбурга подъ 1364 годомъ упоминаетъ о безуспѣшномъ походѣ магистра на Гродно, а подъ 1373, 1375 и 1377 годами разсказываетъ о набѣгахъ на тянувшія къ Гродну земли: Бѣльскую и Каменецкую, предпринятыхъ командоромъ пограничнаго прусскаго округа Балги, Теодорикомъ фонъ Эльнеръ (ibid., стр. 573, 579, 582 и 584).

вастъ Тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями Московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольскую землю и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ Монголами; 4) наконецъ, онъ поддерживаетъ продолжительную борьбу Любарта съ Польшей за наслѣдіе Галицко-Володимірскихъ князей.

Выше были указаны отношенія Ольгерда ко Пскову, возникшія еще въ то время, когда онъ княжилъ въ Витебскѣ. Вліяніе, пріобрѣтенное Ольгердомъ на Псковскія дѣла вслѣдствіе вокняженія во Псковѣ его сына Андрея, было непродолжительно. Въ 1348 году Псковичи, недовольные отсутствіемъ своего князя, управлявшаго Псковомъ черезъ намѣстниковъ, отказали ему въ повиновеніи и возобновили союзъ съ Новгородомъ. Событія эти раздражили Ольгерда: онъ поставлялъ на видъ Псковичамъ помощь, оказанную имъ противъ нѣмцевъ и упрекалъ ихъ въ неблагодарности: „Много моихъ людей погибло и коней въ вашей волости“ сказалъ онъ Псковичамъ, и приказалъ задержать всѣхъ купцевъ Псковскихъ, торговавшихъ въ Литвѣ; тоже сдѣлано было и въ Полоцкѣ по распоряженію Андрея; имущество этихъ гостей псковскихъ было конфисковано и самихъ ихъ отпустили только послѣ уплаты большого выкупа; затѣмъ, въ 1350 году Андрей изъ „Полоцкой украины“ напалъ „безъ вести“ на Псковскую область, и „повоевалъ“ пограничную Вороначскую волость; непріязненныя отношенія Литвы ко Пскову затянулись на продолжительное время, на сколько можно предполагать по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, умалчивающимъ большую часть подробностей возникшей борьбы. Въ 1354 и 1355 годахъ Псковичи ходили съ княземъ Остафіемъ воевать Полоцкую землю. Въ 1357 году послѣдовало, какъ кажется, примиреніе и во Псковѣ принятъ былъ на княженіе нѣкто—князь Василій Будволна, вѣроятно въ качествѣ Андреева намѣстника, но годъ спустя Псковичи опять ходили войною на Полоцкъ съ княземъ Остафіемъ [1]). Очевидно во Псковѣ боролись двѣ партіи: новгородская и литовская, поочередно осиливавшія другъ друга. Положеніе это продолжалось въ теченіе всего княженія Ольгерда и только въ самый годъ его смерти (1377) Андрей Полоцкій успѣлъ восторжествовать надъ противниками: „князь Андрей Ольгердовичъ прибѣже во Псковъ и посадиша его Псковичи на княженіе“ [2]); изъ иностраннаго источника мы знаемъ, что призваніе это случилось при посредствѣ ливонскаго магистра, желавшаго отклонить Андрея отъ признанія власти Ягайла и, вслѣдствіе этого, помогавшаго ему усилиться въ Псковѣ [3]).

---

[1]) Лѣтопись Псковская 1-ая, стр. 190—191 и Псковская 2-ая, стр. 14.
[2]) Лѣт. Псковская 1-ая, стр. 193.
[3]) Wigand von Marburg (Script. rer. Prussic. т. III, стр. 173).

Подобныя-же отношенія существовали между Литвою и Новгородомъ, гдѣ еще при Гедыминѣ образовалась партія, старавшаяся посредствомъ сближенія съ Литвою противудѣйствовать возраставшему вліянію на Новгородъ великихъ князей московскихъ; но въ 1339 году вліяніе послѣднихъ получило рѣшительный перевѣсъ: Новгородцы должны были заключить договоръ съ великимъ княземъ Симеономъ, которому обязались дать 1,000 рублей съ Новоторжской области и „черный боръ на всей землѣ Новгородской" [1]). Въ 1346 году Новгородскій владыка Василій ѣздилъ въ Москву „звать князя великаго". Симеонъ Ивановичъ принялъ приглашеніе, пріѣхалъ въ Новгородъ, „сѣде на столѣ своемъ" и, послѣ трехнедѣльнаго посѣщенія уѣхалъ домой, оставивъ въ Новгородѣ намѣстниковъ [2]). Вліяніе Литвы было такимъ образомъ совершенно устранено; вѣроятно литовская партія подверглась при этомъ случаѣ оскорбленіямъ и упрекамъ, знаемъ по крайней мѣрѣ, что оскорбительные отзывы послужили Ольгерду поводомъ къ открытію непріязненныхъ дѣйстій противъ великаго Новгорода. Вслѣдъ за выѣздомъ Симеона, въ Новгородскую область, вступилъ Ольгердъ съ братіею; онъ сталъ на устьѣ Пшаги въ Шелонь и объявилъ войну великому Новгороду: „Хочу съ вами битися, говорилъ онъ въ посланіи, да, аще ми Богъ, поможетъ, хочу боронитись; лаялъ ми посадникъ вашъ Остафій Дворянинцовъ; назвалъ мя псомъ." Литовцы опустошили новгородскія земли по Шелони и Лугѣ [3]), взяли окупъ съ Порхова и съ Опоки; Новгородцы вышли было ратью на Лугу, но возвратились въ городъ безъ боя; собралось вѣче, на которомъ посадника Дворянинцева обвинили въ томъ, что онъ накликалъ войну съ Литвою, и на вѣчѣже убили: Литовская партія взяла верхъ и вошла въ сношенія съ Ольгердомъ, который немедленно удалился изъ литовской территоріи [4]). Въ слѣдующемъ году Новгородцы заключили миръ съ Ольгердомъ, условія котораго не дошли до насъ [5]). Такимъ образомъ до нѣкоторой степени возстановлено было вліяніе Литвы на новгородскія дѣла; хотя оно уступало въ силѣ и авторитетѣ вліянію московскому, но, во всякомъ случаѣ, составляло нѣкоторый противувѣсъ послѣднему; при каждомъ изъ послѣдующихъ болѣе рѣзкихъ столковеній съ Москвою, недовольные искали точки опоры въ Литвѣ и при ея помощи старались противудѣйствовать постепенно усиливавшемуся вліянію великихъ князей Московскихъ.

---

1) Лѣт. Никоновская, т. III, стр. 173.

2) Лѣт. Новгородская 1-ая, стр 83.

3) „И взяша на щитъ Шелону до Голинъ (у устья Шелони въ Ильмень) и Лугу до Сабля". Лѣтопись Новгородская 4-я, стр. 58.

4) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр. 183; Новгородская 1-я, стр. 85; Новг. 3-я, стр. 223, Новг. 4-я, стр. 57; Воскресенская, т. VII, стр. 210; Супрасльская, стр. 65—66; Софійская 1-я, стр. 225; изд. Даниловичемъ, стр. 169.

5) Лѣтоп. Новгородская 4-я, стр. 58.

Гораздо съ большимъ успѣхомъ Ольгердъ установилъ свое вліяніе въ Смоленскѣ. Княжество это, выдѣлившееся въ концѣ XII столѣтія въ качествѣ независимаго великаго княженія, находилось подъ управленіемъ рода Ростислава Мстиславича; сравнительно съ другими русскими княжествами и землями, обособившимися послѣ паденія авторитета великихъ князей Кіевскихъ, Смоленскъ находился въ весьма невыгодныхъ географическихъ условіяхъ. Великое княженіе Смоленское, незначительное, сравнительно, по пространству своей территоріи, окружено было со всѣхъ сторонъ землями, вошедшими въ составъ княжествъ или гораздо болѣе обширныхъ и могущественныхъ, или, по меньшей мѣрѣ, не уступавшихъ ему въ силѣ; вокругъ Смоленскаго княжества простирались владѣнія Ростово-Суздальскія, Черниговскія, Полоцкія и Новгородскія. Смоленскія границы нигдѣ не примыкали къ территоріи инородческой, посредствомъ завоеванія или колонизаціи которой, княжество это могло-бы раздвинуть свои предѣлы и увеличить свои средства. Многочисленные удѣлы, возникавшіе вслѣдствіе умноженія княжеской семьи, должны были раздроблять все болѣе и болѣе необширную территорію Смоленскаго княжества и такимъ образомъ ослабляли и безъ того незначительныя его силы. Потому въ XIII и XIV столѣтіяхъ, когда княжества: Владимірское и потомъ Московское—съ одной стороны и Литовско-Полоцкое—съ другой, усилившись до значительныхъ размѣровъ, устремились къ собиранію русскихъ земель, Смоленское княжество не обладало достаточными средствами для того, чтобы противудѣйствовать давленію, направленному на него съ двухъ сторонъ; слабое среди двухъ сильныхъ соперниковъ, оно старается спасти свою самостоятельность, прибѣгая поочередно къ союзу и помощи одного изъ двухъ сосѣдей, но за помощь эту оно должно становиться въ положеніе все болѣе и болѣе зависимое по отношенію къ покровительствующему въ данное время сосѣду. Очевидно затруднительная, но неизбѣжная для Смоленска, диллема должна была привести это княженіе къ подчиненію великимъ князьямъ Московскимъ или Литовскимъ. Оба названныя правительства понимали неизбѣжность этого исхода и старались каждый склонить его въ свою пользу. Ольгердъ, по отношенію къ Смоленску, постоянно стремится занять положеніе покровителя и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ смоленскихъ князей поддержки во всѣхъ столкновеніяхъ съ великимъ княжествомъ Московскимъ и такимъ образомъ низводитъ ихъ на степень зависимыхъ отъ Литвы, сподручныхъ князей. Еще въ 1341 году Ольгердъ предпринималъ походъ съ цѣлью возвратить въ пользу смоленскаго князя Ивана Александровича Можайскъ, отторгнутый отъ Смоленской области еще Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ. Въ свою очередь, въ 1348 году смоленская рать ходила помогать Литовцамъ противъ крестоносцевъ и принимала участіе въ битвѣ на р. Стравѣ. Въ 1352 году Ольгердъ опять оказалъ Смоленску важную услугу: великій князь Симеонъ Ивановичъ „собравше силу многу, поиде ратью къ Смоленску"; но на границѣ смоленскихъ владѣній, у Вышгорода на Протвѣ, его встрѣтило литовское посольство; содержаніе перего-

воровъ не сохранилось въ лѣтописяхъ, которыя передаютъ только общій ихъ результатъ: Симеонъ Ивановичъ, „не оставя слова Ольгердова, миръ взя и отпусти послы съ миромъ"; затѣмъ уже онъ подтвердилъ условія договора со Смольнянами, которыхъ посольство встрѣтило его на берегахъ Угры [1]). Изъ разсказа этого ясно, что Ольгердъ, охраняя Смоленскіе интересы, относился къ Смоленскому княжеству какъ къ области, находившейся отъ него въ зависимости: мирный договоръ заключили съ великимъ княземъ Московскимъ послы литовскіе, смоленскому-же посольству пришлось принять его условія и, вѣроятно, установить только окончательное рѣшеніе по частнымъ вопросамъ Такими отношеніями не могъ не тяготиться князь смоленскій, Иванъ Александровичъ, и потому въ 1355 году у него вышли недоразумѣнія съ Ольгердомъ; послѣдній, подъ предлогомъ защиты смоленскихъ владѣній со стороны Москвы, занялъ литовскимъ гарнизономъ городъ Ржеву, лежавшій на границѣ смоленскихъ владѣній съ московскими и тверскими, очевидно съ цѣлью затруднить непосредственныя сношенія смоленскаго князя съ Москвою и Тверью. Вѣроятно Иванъ Александровичъ протестовалъ противъ этого факта, потому что въ томъ-же году осенью Ольгердъ „воевалъ Смоленскъ" и взялъ въ плѣнъ его племянника, князя Василія [2]). Въ 1357 году „рать тверская и можайская" изгнала изъ Ржевы литовскій гарнизонъ [3]); вѣроятно это случилось по просьбѣ и съ участіемъ Смольнянъ, которые въ слѣдующемъ году отправились сами въ походъ противъ Литвы съ цѣлью возвратить къ своему княженію городъ Бѣльчу, отторгнутый уже Литовцами. Но въ слѣдующемъ году Смольняне поплатились за эти непріязненныя дѣйствія: Ольгердъ вступилъ въ предѣлы Смоленскаго княжества, взялъ городъ Мстиславль и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ; въ тоже время Андрей Ольгердовичъ Полоцкій осадилъ Ржеву, овладѣлъ этимъ городомъ и посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ [4]). Городъ этотъ былъ тщательно укрѣпленъ и въ 1359 году самъ Ольгердъ пріѣжалъ „Ржевы смотрѣти". Изъ Ржевы Андрей Полоцкій сталъ тѣснить Смольнянъ съ сѣверовостока и отнимать сосѣдніе со Ржевою пригороды [5]), между тѣмъ какъ Ольгердъ, успѣвшій уже овладѣть Брянскомъ и Сѣверщиною, угрожалъ Смоленской области вдоль всей южной и западной ея границы. Неудивительно потому, что наслѣдникъ Ивана Александровича, Святославъ Ивановичъ (1358—1386) становит-

---

1) Лѣтописи: Новгородская 4-я, стр. 60; Воскресенская, т. VII, стр. 216; Никоновская, т. III, стр. 195; Супрасльская, стр. 72; изданная Даниловичемъ. стр. 172.

2) Лѣтопись Никоновская, т. III. стр. 207.

3) Тамже, стр. 211.

4) Тамже, стр. 213.

5) „1367 князь Андрей Ольгердовичъ Полоцкій воевалъ Хорвачъ да Родню. Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 19; Воскресенская, т. VIII, стр. 15.

ся въ положеніе совершенно зависимое отъ великаго князя Литовскаго. Въ 1368, 1370 и 1372 годахъ онъ принужденъ „со всею силою Смоленскою“ сопровождать Ольгерда во время его походовъ на Москву [1]) и посылать смоленскую рать, въ случаѣ надобности, въ помощь Литвѣ противъ крестоносцевъ. Малѣйшее уклоненіе смоленскаго князя отъ этой зависимости ведетъ къ тяжелымъ репрессаліямъ со стороны Ольгерда. Такъ, когда въ 1374 году одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Иванъ Васпліевичъ, присоединился къ походу великаго князя Московскаго на Тверь, то Ольгердъ немедленно вступилъ въ смоленскую территорію „глаголя: почто есте ходили воевати князя Михайла“?—онъ сильно опустошилъ Смоленскую область, разорялъ пригороды и увелъ въ полонъ многихъ жителей [2]). Попытки Москвичей противудѣйствовать литовскому вліянію на Смоленскъ имѣли мало успѣха; въ 1368 году они „повоевали“ часть Смоленской области, а въ 1375, рать, посланная Дмитріемъ Ивановичемъ, осаждала Ржеву, сожгла посадъ, но не могла взять города [3]). Такимъ образомъ Смоленскъ остался въ полной зависимости отъ великаго князя Литовскаго и ясно было, что приближалось время паденія самобытности этого русскаго удѣла и присоединенія его къ Литовскому государству.

Такая участь постигла между тѣмъ другой значительный русскій удѣлъ, примыкавшій къ Смоленскому—именно княженіе Брянское. Брянскъ, самый значительный городъ въ землѣ Вятичей, вмѣстѣ съ этою землею въ концѣ XI столѣтія вошелъ въ составъ Черниговскаго княженія; въ половинѣ XIII столѣтія, вслѣдствіе дробленія сѣверскихъ удѣловъ, монгольскаго разоренія и неудачной борьбы черниговскихъ и сѣверскихъ князей за Кіевъ и Галичъ, значеніе южныхъ и восточныхъ удѣловъ Черниговскаго княженія падаетъ; старые города: Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій отодвигаются на второй планъ, между тѣмъ усиливаются и пріобрѣтаютъ значеніе первенствующихъ городовъ бывшіе пригороды: Муромъ и затѣмъ Рязань, выдѣлившіеся изъ Черниговскаго княженія становятся центрами вновь возникшихъ, самостоятельныхъ и сильныхъ княжествъ; въ оставшейся затѣмъ области Черниговскаго княженія первенствующее значеніе получаетъ самый сѣверный изъ пригородовъ—Брянскъ, къ которому тянетъ вся Сѣверская земля, подобно тому, какъ раньше Вятичская земля тянула къ Чернигову. Княжившій въ Брянскѣ въ третьей четверти XIII столѣтія, князь Романъ Михайловичъ признавался главою въ родѣ Святославичей; князь этотъ успѣшно отражалъ нападенія Мендовга и его преемниковъ на свою область, пытался овладѣть Смо-

[1]) Лѣтоп. Никоновская, т. IV, стр. 20; Воскресенская, т. VIII, стр. 17. Daniłowicz—Skarbiec etc.; т. I, стр. 218. Карамзинъ—изд. 1834 г., т. V, стр. 29 и примѣчаніе 26.

[2]) Никоновская лѣтопись, т. IV, стр. 42 и 46.

[3]) Тамже, стр. 24 и 47.

ленскимъ княжествомъ, состоялъ въ тѣсномъ союзѣ и родствѣ съ могущественными въ то время Романовичами Галицко-Волынскими и въ Ордѣ признавался въ качествѣ представителя земель Сѣверскихъ. Со времени Романа Михайловича значеніе, пріобрѣтенное Брянскомъ, обращаетъ на это княженіе вниманіе лѣтописцевъ, которые потому и заносятъ въ лѣтописи болѣе важныя событія, касающіяся судьбы Брянскаго княжества, умалчивая почти совершенно о судьбѣ другихъ городовъ и удѣловъ Черниговскаго и Сѣверскаго княженій. Судя впрочемъ по немногочисленнымъ фактамъ, сообщеннымъ лѣтописцами, можно полагать, что возвышеніе Брянска было только внѣшнее, случайное и не опиралось на внутреннюю земскую силу; въ Брянскѣ продолжалось то внутреннее неустройство и не установленность общественныхъ отношеній, которыя были причиною ослабленія многихъ другихъ русскихъ земель; постоянно встрѣчаемъ извѣстія о внутренней борьбѣ между соискателями княжескаго стола, прибѣгающими по временамъ къ помощи хановъ для поддержанія своихъ правъ—съ одной стороны, и о борьбѣ между князьями и общиною—съ другой. Такъ въ 1310 году за Брянское княженіе спорили Святославъ Глѣбовичъ съ племянникомъ Василіемъ; община поддерживала Святослава, Василій-же опирался на помощь татаръ; когда послѣдній съ татарскою ратью подошелъ къ городу, то Святославъ вышелъ храбро на встрѣчу врагамъ, полагаясь па сочувствіе гражданъ: „Брянцы мя не пустятъ, говорилъ онъ, хотятъ за меня главы своп сложити.“ Но во время битвы Брянцы „крамольницы суще“ выдали князя; они побросали оружіе и стяги и бѣжали въ городъ, князь былъ убитъ въ битвѣ [1]). Въ 1339—1341 годахъ между княземъ Глѣбомъ Святославичемъ и брянскою общиною происходила упорная борьба, въ теченіе которой и убитъ былъ на вѣчѣ князь Глѣбъ [2]). Затѣмъ произошли въ Брянскѣ смуты, подробности которыхъ не сохранились отчетливо въ лѣтописяхъ; но изъ неяснаго лѣтописнаго разсказа видно, что смутами этими успѣлъ воспользоваться Ольгердъ для того чтобы подчинить себѣ Брянскъ и тянувшую къ нему территорію. Подъ 1355 годомъ лѣтопись говоритъ, что Ольгердъ „воевалъ Брянскъ“ и, затѣмъ, сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „Того-же лѣта князь Василей пріиде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и сяде на княженіи въ Брянскѣ, и мало время пребывъ, тамо и преставился. И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей и замятня велія и опустѣніе града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь Литовскій“ [3]). Этотъ неясный, лишенный подробностей разсказъ

---

[1]) Никоновская лѣтопись, т. Ш, стр. 106.

[2]) „1339 злые крамольники сошедшеся вѣчемъ Брянцы, убиша своего князя Глѣба Святославича“. Никоновская лѣт. т. Ш, стр. 172.—„1341 убіенъ бысть князь Глѣбъ Святославичъ Брянскій отъ своихъ Брянцевъ клятыхъ, декабря 6, въ Николинъ день“. Лѣтописи: Новгородская 4-я, стр. 55 и Тверская стр. 422.

[3]) Никоновская лѣтоп., т. Ш, стр. 207.

составляетъ единственное лѣтописное свидѣтельство о присоединеніи Брянскаго удѣла къ великому княжеству Литовскому; по послѣдовавшимъ фактамъ можно заключить, что вслѣдъ за Брянскомъ Ольгерду подчинились и многочисленные удѣлы, на которые распадалось Черниговско-Сѣверское княженіе; вѣроятно, послѣ паденія Брянска многіе удѣльные князья Сѣверщины добровольно признали надъ собою власть Ольгерда и потому въ послѣдующее время многіе представители княжескаго черниговскаго рода: князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д. продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей Литовскихъ. Тѣ-же области, которыя поступили въ непосредственное владѣніе Ольгерда, онъ раздѣлилъ на три удѣла, которые распредѣлилъ между членами своего семейства: Дмитрію Ольгердовичу старшему достался Черниговъ и Трубчевскъ; другой Дмитрій—Корибутъ Ольгердовичъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскій; наконецъ племяникъ Ольгерда—Патрикій Наримунтовичъ упоминается въ качествѣ князя Стародуба Сѣверскаго [1]).

Въ стремленіи къ объединенію русскихъ земель подъ своею властью, Ольгердъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ шелъ на встрѣчу такимъ-же стремленіямъ великихъ князей Московскихъ; столкновеніе между двумя великими княжествами было потому неизбѣжно, хотя обѣ стороны и не были долго расположены къ враждебнымъ другъ къ другу отношеніямъ и старались, не вступая въ открытую борьбу, ограничиться усиліями къ утвержденію своего авторитета въ спорныхъ русскихъ областяхъ. Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія обоихъ государствъ во все время княженій Симеона и Ивана Ивановичей; не смотря на многочисленные случаи, подававшіе,

---

[1]) Дмитрій Ольгердовичъ старшій, во время похода на Сѣверщину Дмитрія Ивановича Донскаго въ 1379 году, сдалъ ему Трубчевскъ, и переѣхалъ въ Моску (Воскресенская лѣтоп., т. VIII, стр. 34). Дмитрій Корибутъ владѣлъ Брянскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ до 1393 года, въ которомъ былъ лишенъ удѣла Витовтомъ; русскія извѣстія называютъ его „Дмитрій князь Брянскій"; на семи, дошедшихъ до насъ, документахъ онъ подписался: „Coributh dux Nowogrodensis". Въ инвентарѣ королевскаго архива Кромера онъ названъ: „Demetrius Coribut dux Lithuaniae". (Daniłowicz—Skarbiec etc., т. I, стр. 218, 265, 266, 271. Карамзинъ изд. 1834 г., т. V, стр. 30 и примѣч. 26).

Въ помянникѣ Антоніевскаго Любечскаго монастыря сохранилось слѣдующее упоминаніе о первыхъ князьяхъ Гедыминова рода, бывшихъ въ Сѣверщинѣ:

„№ 40. Князя Патрикія Давидовича (Наримунтъ носилъ въ крещеніи два имени: Глѣбъ и Давидъ) Стародубскаго, пріимшаго ангельскій образъ, и княгиню его Елену, и сына ихъ кн. Іоанна".

„№ 48. Вел. князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, вел. кн. Скиргайла".

„№ 53 Дмитрія Ольгердовича, и княгиню его Анну, и сыновъ ихъ: кн. Михаила, ик. Іоанна". (Милорадовичъ—Любечъ, стр. 37—38).

поводъ къ открытой борьбѣ съ Литвою, великіе князья Московскіе уклонялись отъ нея: ни соперничество по поводу отношеній къ Пскову и Новгороду, ни походъ Ольгерда на Можайскъ, ни заступничество его за Смоленскаго князя, ни бѣгство Явнутія въ Москву, ни даже занятіе Брянска—не послужили причиною къ разрыву дружелюбныхъ, по видимому, отношеній между Москвою и Литвою; точно также не повело къ разрыву и новое обстоятельство, болѣе серьезное, возникшее въ 1349 году: Ольгердъ отправилъ посольство въ Орду, къ хану Чанибеку, съ намѣреніемъ заключить съ нимъ союзъ; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ великому князю Симеону, договоръ этотъ долженъ былъ клониться ко вреду великаго княжества Московскаго; чтобы противудѣйствовать литовскимъ посламъ, Симеонъ Ивановичъ отправилъ въ Орду свое посольство: боярина Өедора Глѣбовича съ товарищи; вліяніе московскихъ пословъ осилило въ Ордѣ предложенія Литовцевъ; послы представили хану, что Ольгердъ неоднократно ходилъ войною на его „улусы“ и поплѣнилъ ихъ, что нынѣ хочетъ поплѣнить ханскій-же улусъ—великое княжество Московское, а потомъ, укрѣпившись, станетъ „противенъ хану.“ Чанибекъ убѣдился этими доводами „и разгнѣвася яростью зело яко огнь“; онъ арестовалъ литовскихъ пословъ: Коріата Гедыминовича, Симеона князя Свислоцкаго, какого то князя Михаила и боярина Айкшу и выдалъ ихъ великому князю Симеону [1]). Неудачный исходъ посольства въ Орду заставилъ Ольгерда возобновить дружелюбныя сношенія съ Москвою. Въ 1350 году Ольгердъ „присла въ Москву къ великому князю Симеону послы своя со многими дары, и съ честью великою, и съ челобитіемъ, прося мира и живота братіи своей.“ Предложеніе было принято Симеономъ Ивановичемъ и плѣнные литовскіе князья получили свободу; притомъ „великій князь возъемъ на многа лѣта миръ,“ который былъ скрѣпленъ двойнымъ брачнымъ союзомъ: племянница Симеона Ивановича, дочь князя Константина Ростовскаго, отдана была въ замужество за Любарта Гедыминовича, Ольгердъ-же женился на своячицѣ великаго князя—княжнѣ Ульянѣ Александровнѣ Тверской [2]). Съ этого времени между обоими государствами установились мир-

---

[1]) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр 187; Воскресенская, стр. 215; Супрасльская, стр. 70; изд. Даниловичемъ. стр. 171. Относительно пословъ литовскихъ, Стадницкій (Synowie Gedymina, т. I, примѣч. 104) полагаетъ, что Коріатъ и Михаилъ—два имени одного и того-же лица. Хотя по другимъ источникамъ дѣйствительно извѣстно, что Коріатъ въ крещеніи носилъ имя Михаила, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ лѣтописи ясно указываютъ двухъ князей: „ князя Михаила да Коріата“ (Супрасльская), „Коріята да Михаила“ (Воскресенская). Изъ числа современныхъ литовскихъ князей имя Михаила носили: одинъ изъ сыновей Явнутія и старшій сынъ Андрея Ольгердовича Полоцкаго.

[2]) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр. 191—192; Воскресенская, т. VII, стр. 215; Софійская 1-ая стр. 226—227; Супрасльская, стр. 71; изд. Даниловичемъ, стр. 172.

ныя отношенія, которыя были нарушены только восемнадцать лѣтъ спустя, въ княженіе Дмитрія Ивановича, вслѣдствіе столкновенія его съ Ольгердомъ по поводу усобицъ, возникшихъ въ Тверскомъ княжествѣ.

Въ Твери еще въ 1357 году заспорили: Кашинскій князь Василій Михайловичъ съ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ; первому изъ нихъ покровительствовалъ великій князь Московскій, второй искалъ помощи у шурина Ольгерда. Опираясь на выхлопотанный Семеономъ Ивановичемъ, ханскій ярлыкъ, Василій лишилъ было Всеволода волости, но въ 1360 году „Литва приходиша ратью на тверскія волости" и Василій долженъ былъ возвратить удѣлъ племяннику [1]). Въ 1366 году распря въ Твери вспыхнула съ новою силою: тотъ-же Василій Михайловичъ началъ споръ съ братомъ Всеволода—Михаиломъ Александровичемъ, княземъ Микулинскимъ, какъ за великое княженіе Тверское, такъ и за Городецкій удѣлъ, отказанный Михаилу по завѣщанію одного изъ родственниковъ. Въ 1367 году Василій съ московскою помощью разорялъ и полонилъ волости противника и осаждалъ Тверь; Михаилъ между тѣмъ, съ помощью Ольгерда, пошелъ ратью на Кашинъ [2]). Затѣмъ князья заключили перемиріе и въ началѣ слѣдующаго года рѣшили покончить споръ судомъ. На судъ они вызваны были „любовно" въ Москву Дмитріемъ Ивановичемъ и митрополитомъ Алексѣемъ. Но на третій день послѣ пріѣзда Михаилъ Александровичъ и сопровождавшіе его бояре были арестованы и заточены. Дмитрій Ивановичъ заставилъ тверскаго князя отказаться отъ Городца, и, взявъ съ него крестное цѣлованіе, отпустилъ домой, только благодаря пріѣзду въ Москву Ордынскихъ царевичей. Вслѣдъ за тѣмъ умеръ Василій Михайловичъ и великое княженіе Тверское досталось безспорно на долю Михаила; опасаясь усиленія обиженнаго имъ князя, Дмитрій послалъ сильную рать противъ Твери и Михаилъ Александровичъ долженъ былъ отправиться въ Литву просить помощи [3]). Въ ноябрѣ 1368 года Ольгердъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы великаго княжества Московскаго, съ нимъ, кромѣ Кейстута и другихъ князей Литовскихъ, былъ Михаилъ Тверской и рать Смоленская; Литовцы и ихъ союзники стали опустошать пограничныя волости, подвигаясь въ глубь страны. Нападеніе это было подготовлено, по обычаю Ольгерда, совершенно тайно и застало Москвичей въ расплохъ; Дмитрій Ивановичъ поспѣшилъ разослать гонцевъ по областямъ созывать рать, но въ Москву успѣли собраться ополченія только ближайшихъ къ ней волостей: Московское, Коломенское и Дмитровское; ополченія эти и отправлены были, въ качествѣ сторожеваго полка, съ цѣлью задержать движеніе Ольгерда, пока

[1]) Лѣтоп. Никоновская, т III, стр. 211, 218.

[2]) Тамже, т. IV, стр. 15—17.

[3]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 19—20; Воскресенская, т. VIII, стр. 15.

успѣетъ прійти рать изъ болѣе отдаленныхъ областей. Но мѣра эта была принята слишкомъ поздно; Ольгердъ разбилъ въ отдѣльныхъ стычкахъ попадавшіеся ему на встрѣчу отряды; въ нихъ пали удѣльные князья: Семенъ-Крапива Стародубскій и Константинъ Оболенскій; затѣмъ, на берегахъ рѣки Тростни, пораженъ былъ на голову и сторожевой полкъ; начальствовавшіе имъ воеводы: Дмитрій Мининъ и Акинѳъ Шуба погибли въ битвѣ. Узнавъ отъ плѣнныхъ о томъ, что великій князь находится въ Москвѣ и еще поджидаетъ войска, Ольгердъ быстро направился къ столицѣ. Дмитрій Ивановичъ сжегъ посадъ и затворился въ Кремлѣ; Ольгердъ простоялъ трое сутокъ у стѣнъ Кремля и, не попытавшись взять его, отступилъ; на обратномъ пути литовское войско страшно разорило Московскую область; Ольгердъ „остатокъ посада (Московскаго) пожже, и монастыри, и церкви, и волости, и села попали, а христіаны изсѣче, а иныхъ въ полонъ поведе, иже не успѣли разбѣжатися, имѣніе же ихъ пограби, и скотину всю съ собою отгнаша... Сеже первое зло отъ Литвы створися окаянно и всегубительно“. Послѣдствіемъ этого похода было временное отстраненіе вліянія Дмитрія Ивановича на Тверскія дѣла: онъ возвратилъ Михаилу Городецъ и отказался отъ заступничества за его племянника, князя Еремѣя Константиновича [1]). Конечно, временная неудача не могла измѣнить основнаго направленія политики великаго князя Московскаго; собравшись съ силами, онъ возобновилъ въ 1370 году военныя дѣйствія противъ Твери; „сложивъ цѣлованіе великому князю Михаилу Александровичу“, Дмитрій сталъ опустошать Тверскую область, взялъ и разорилъ города: Микулинъ и Зубцовъ и увелъ большой полонъ въ Москву. На выручку Твери вторично пришелъ Ольгердъ. Вмѣстѣ съ Кейстутомъ, Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ онъ безъуспѣшно осаждалъ въ теченіи трехъ дней Волокъ Ламскій, затѣмъ союзники направились къ Москвѣ; поплѣнивъ окрестности, 6 декабря они обложили самый городъ; но на этотъ разъ Дмитрій Ивановичъ былъ лучше приготовленъ къ защитѣ; между тѣмъ какъ онъ въ теченіи восьми дней отсиживался въ Кремлѣ, сильная рать Московская и Рязанская собиралась у Перемышля; узнавъ объ этомъ, Ольгердъ поспѣшилъ заключить перемиріе срокомъ на полъ года и отступилъ въ свои владѣнія [2]). Тверское дѣло осталось нерѣшеннымъ и Михаилъ Алексадровичъ долженъ былъ изыскивать новыя средства для продолженія борьбы; еще до истеченія срока перемирія заключеннаго Ольгердомъ, онъ отправился въ Орду и выхлопоталъ для себя ярлыкъ на Владимірское княженіе; такимъ образомъ онъ возобновлялъ старый

---

[1]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 20—22; Воскресенская, т. VIII, стр. 15—16, Тверская, стр. 428—429; изд. Даниловичемъ, стр. 179—181.

[2]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 25—28; Тверская, стр. 429—430; Воскресенская, т. VIII, стр. 17; изд. Даниловичемъ, стр. 182.

споръ Твери съ Москвою за первенство въ восточной Руси; но теперь силы соперниковъ были слишкомъ неравномѣрны для того, чтобы борьба за Владимірское княженіе могла имѣть серьезное значеніе; возобновленіе этого вопроса могло только ухудшить и безъ того стесненное положеніе Тверскаго княжества. Узнавъ о случившемся, Дмитрій Ивановичъ отправился въ свою очередь въ Орду; располагая значительными денежными средствами, онъ задобрилъ подарками хана, его женъ и совѣтниковъ, и успѣлъ получить для себя новый ярлыкъ на Владимірское княженіе; тверскому князю оставалось для предстоящей борьбы обратиться опять за помощью въ Литву. Дѣйствительно въ 1372 году рать литовская, подъ начальствомъ: Кейстута, Витовта, Андрея Полоцкаго и другихъ литовскихъ князей, явилась на помощь Михаилу. Союзники разорили Переяславль и Кашинъ и взяли окупъ съ этихъ городовъ; Кашинскій князь, союзникъ Дмитрія, долженъ былъ цѣловать крестъ Михаилу; затѣмъ послѣдній овладѣлъ городами: Мологою, Угличемъ, Бѣжецкимъ Верхомъ, Дмитровскомъ, Кистмою и Торжкомъ, въ борьбѣ за который онъ нанесъ чувствительное пораженіе Новгородцамъ. Но эти успѣхи Тверскаго князя были не продолжительны; Дмитрій Ивановичъ, покончивъ войну съ Рязанью, двинулся на Тверь; на встрѣчу ему пошелъ: Михаилъ Александровичъ съ Тверичами и Ольгердъ съ Литвою, Смольнянами и Брянцами. Союзники встрѣтили Московскую рать у Любутска и, послѣ неудачной для Литовцевъ стычки передовыхъ отрядовъ, оба войска простояли нѣсколько дней другъ противъ друга, раздѣленные глубокимъ оврагомъ; не рѣшаясь вступить въ битву, Ольгердъ и Дмитрій начали переговоры и заключили перемиріе [1]), въ силу условій котораго Михаилъ Александровичъ доженъ былъ возвратить великому князю Московскому всѣ города, занятые въ его отчинѣ и отозвать изъ нихъ своихъ намѣстниковъ; въ случаѣ, еслибы онъ во время перемирія возобновилъ войну, то Ольгердъ не долженъ за него вступаться; наконецъ всѣ жалобы на Тверскаго князя должны быть рѣшены судомъ ханскимъ [2]). Такимъ образомъ вліяніе Литвы на рѣшеніе участи Тверскаго княжества оказалось несостоятельнымъ; энергичное сопротивленіе Михаила Александровича и помощь, оказанная ему Ольгердомъ, отодвинули, можетъ быть, только на столѣтіе паденіе самостоятельности Твери, но спасти ея не могли. Послѣдняя попытка Михаила Александровича возобновить споръ съ Москвою въ 1374—1375 годахъ, кончилась полнымъ его пораженіемъ и поставила Тверское княжество въ совершенную

---

[1]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 28—36; Воскресенская, т. VIII, стр. 18—20; Новгородская, 4-ая стр. 66—69; Тверская, стр. 430—434; Супрасльская, стр. 84—89; изд. Даниловичемъ, стр. 182—187, Софійская 1-ая, стр. 231—233.

[2]) Древняя Русская Вивліоѳика, т. I, стр. 88 (1788). Daniłowicz-Skarbiec etc., т. I, стр. 218.

зависимость отъ великаго князя Московскаго. Въ это время, поддавшись совѣтамъ бояръ, перебѣжавшихъ изъ Москвы въ Тверь, князь Михаилъ выхлопоталъ вновь въ Ордѣ ярлыкъ на Владимірское княженіе и, заручившись обѣщаніемъ помощи изъ Литвы, объявилъ войну Дмитрію Ивановичу; послѣдній собралъ всѣ силы своего княжества, призвалъ всѣхъ сподручныхъ князей и новгородское ополченіе и занялъ всю Тверскую область; всѣ пригороды были взяты Москвичами, волости разорены и Михаилъ Александровичъ осажденъ въ Твери. Пять недѣль храбро защищалъ онъ свой стольный городъ, но не дождался ни откуда помощи; отрядъ литовскій приблизился было къ Твери, но, убоявшись численности враговъ, поспѣшно возвратился домой. Михаилъ принужденъ былъ просить мира, который и состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: Михаилъ Александровичъ призналъ себя „младшимъ братомъ" великаго князя Московскаго, то есть сталъ къ нему въ то положеніе, въ какомъ находились удѣльные князья къ великому князю; онъ обязался „сложити цѣлованіе съ Ольгердомъ" и вообще съ Литовскими князьями, въ случаѣ же нападенія съ ихъ стороны, онъ долженъ искать защиты у Дмитрія Ивановича; въ случаѣ войны послѣдняго съ Литвою, Тверской князь долженъ ему помогать; онъ принялъ обязательство не посягать на Торжокъ и вообще на земли Великаго Новгорода, не искать Владимірскаго княженія и не принимать его отъ хана и, вообще, по отношенію къ Ордѣ поддерживать образъ дѣйствій великаго князя Московскаго. Сверхъ того Кашинскій удѣлъ признанъ былъ независимымъ отъ Твери[1]).

Такимъ образомъ въ княженіе Ольгерда соперничество Литвы съ Москвою въ ихъ взаимномъ стремленіи къ подчиненію себѣ русскихъ земель, лежавшихъ вдоль восточной границы великаго княжества Литовскаго, въ Новгородѣ и Псковѣ склонялось болѣе въ пользу великихъ князей Московскихъ, въ Твери завершилось полнымъ торжествомъ Москвы, въ Смоленскѣ, напротивъ того, утвердилось преобладающимъ образомъ вліяніе литовское и, наконецъ, Брянскъ и Сѣверщина совершенно подчинились власти Ольгерда и были присоединены къ его владѣніямъ.

Гораздо болѣе обширны и легки были пріобрѣтенія Ольгерда въ южнорусскихъ областяхъ. Земли Кіевская и Подольская находились тогда еще въ зависимости, по крайней мѣрѣ номинальной, отъ хановъ Золотой Орды, но въ половинѣ XIV столѣтія Ордынское царство не имѣло уже достаточныхъ силъ для того, чтобы охранять свои владѣнія, лежавшія далеко на западѣ; въ это время въ Золотой Ордѣ замѣтны признаки крайняго внутренняго ослабленія и разложенія этого государства на составныя части. Многочисленные соискатели ханскаго престола производятъ въ Ордѣ безпрестанныя смуты; такъ, въ теченіи только пяти лѣтъ (1357—1362) шесть хановъ: Чани-

---

[1]) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, т. I, № 28. Древняя русская Вивліоѳика, т. I, стр 78. Daniłowicz, Skarbiec etc. т. I, стр. 217—218.

бекъ, Бердибекъ, Кулпа, Неврусъ, Ходырь и Темиръ-Ходжа, быстро и насильственно смѣняютъ другъ друга; иногда появляется нѣсколько хановъ за разъ, и они ведутъ между собою упорную борьбу за власть; такъ, въ 1362 году Орда распалась между двумя ханами соперниками: Абдулломъ и Мюридомъ. Личное честолюбіе претендентовъ на ханскую власть находитъ точку опоры во внутреннемъ складѣ Орды; полукочевые и кочевые народы, по большей части тюркскаго племени, покоренные нѣкогда Чингисханомъ и его наслѣдниками, частью обложенные данью, частью-же привлеченные къ участію въ походахъ Монголовъ, стремятся освободиться отъ ихъ владычества; господствовавшая надъ ними Монгольская орда, въ свою очередь, разлагается на составныя части: отдѣльныя поколѣнія, и начальствовавшіе надъ ними роды вступаютъ въ соперничество и тянутъ врозь, представители этихъ родовъ, помимо многочисленныхъ потомковъ Чингисхана, посягаютъ на первенство въ Ордѣ и на ханскую власть. Вассальные владѣтели областей и управлявшіе ими темники стремятся къ самостоятельности и къ образованію независимыхъ мелкихъ ханствъ изъ клочковъ Золотоордынскаго царства. По мѣрѣ ослабленія центральной власти, въ половинѣ XIV столѣтія, появляются независимые татарскіе или туземные князья въ различныхъ улусахъ: на берегахъ Арала и Яика, въ Камской Болгаріи, въ землѣ Мордовской и т. п. Тоже явленіе должно было случиться и въ самыхъ отдаленныхъ западныхъ улусахъ: въ земляхъ: Подольской и Кіевской.

Кіевское княжество послѣ Батыева нашествія находилось на той степени зависимости отъ Орды, на которой стояли и другія подчиненныя Монголамъ русскія княжества. Вслѣдствіе скудости лѣтописныхъ извѣстій о Кіевѣ съ половины XIII по половину XIV столѣтія, не возможно указать подробностей быта Кіевской земли въ этотъ промежутокъ времени; извѣстно только, что Кіевъ остался подъ управленіемъ русскихъ князей, получавшихъ ярлыки изъ Орды на это княженіе; изъ нѣсколькихъ указаній знаемъ, что такіе ярлыки получали по временамъ и Святославичи Черниговскіе и Всеволодовичи Владиміро-Залѣсскіе [1]). Выше уже было указано, что въ 1331 году Кіевомъ управлялъ князь Ѳедоръ, находившійся въ зависимости отъ татарскаго баскака, но мы не имѣемъ указанія, къ какой вѣтви княжескаго рода онъ принадлежалъ.

Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ Ордѣ находилась земля Подольская, которая и въ до-монгольское время занимала исключительное положе-

---

[1]) Густинская Лѣтопись (стр. 340—342), сообщая болѣе другихъ подробности о судьбѣ Кіева послѣ Батыева нашествія, говоритъ, что Батый въ 1243 году, утверждая Ярослава Всеволодовича великимъ княземъ Владимірскимъ, поставилъ его вмѣстѣ и княземъ Кіевскимъ. Подъ 1245 г. таже лѣтопись называетъ Михаила Всеволодовича княземъ Черниговскимъ и Кіевскимъ. Подъ 1252 г. она разсказываетъ что Сартакъ далъ княженіе „Русское и Московское“ Александру Ярославовичу и т. д.

ніе среди другихъ русскихъ областей. Территорія эта—заселенная племенами Угличей и Тиверцевъ въ достовѣрно извѣстное исторически время не входила въ составъ земель, принадлежавшихъ великимъ князьямъ Кіевскимъ [1]): ни въ разсказѣ лѣтописи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Владиміра святого, ни въ позднѣйшемъ разсказѣ объ удѣльномъ времени до половины XII столѣтія, мы не встрѣчаемъ упоминаній о поднѣстрянской области, которая очевидно находилась внѣ владѣній, распавшихся на удѣлы между потомками Владиміра св. Только съ половины XII столѣтія, послѣ того какъ усилились Галицкіе князья, часть Поднѣстровія вошла въ составъ ихъ владѣній, подъ именемъ *Понизія*, въ противуположность нагорной Галицкой странѣ. Впрочемъ Галичу принадлежала только незначительная часть позднѣйшаго Подолія: изъ разсказа о походѣ Ивана Берладника въ 1159 году, мы знаемъ, что пограничнымъ Галицкимъ городомъ въ Понизіи была Ушица, кромѣ нея лѣтопись упоминаетъ еще въ Понизіи города: Микулинъ на Серетѣ, Бакоту, Калюсъ и Кучельминъ на Днѣстрѣ и Каменецъ [2]). Изъ указаній этихъ видно, что незначительная полоса у Днѣстра, между его притоками: Серетомъ и Ушицею [3]) составляла юговосточную Галицкую украину. Притомъ замѣтно, что область примкнувшая позже другихъ къ галицкимъ владѣніямъ, не успѣла сплотиться съ ними и представляла удобную почву для попытокъ къ обособленію: въ 1159 году Иванъ Берладникъ пытался овладѣть ею и встрѣченъ былъ сочувствіемъ жителей: „смерды скачутъ черезъ заборола къ Иванови“, говоритъ лѣтопись при описаніи осады Ушицы. Въ 1226 году Мстиславъ Удалой, уступивъ Галичъ Андрею венгерскому, отторгнулъ отъ него Понизье и образовалъ изъ него отдѣльный для себя удѣлъ. Въ 1240 году, Бакоту, важнѣйшій городъ Понизья, занялъ бояринъ Доброславъ, вокняжился въ ней и „все Понизье

---

[1]) Общепринятое мнѣніе о подчиненіи Угличей и Тиверцевъ съ IX вѣка великимъ князьямъ Кіевскимъ, опирается на весьма шаткомъ основаніи. Кромѣ извѣстія о походѣ Свѣнельда на Углицкій Пересечинъ, записаннаго только въ весьма позднемъ лѣтописномъ сводѣ (Лѣт. Никоновская, т. I, стр. 41) и не свидѣтельствующаго объ окончательномъ присоединеніи Угличей и Тиверцевъ къ Кіевскому государству, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи только два намека объ этихъ племенахъ. Подъ 885 г. сказано: „Олегъ со Уличи и Тиверцы имѣше рать“ но не указанъ исходъ этой рати; а подъ 907 годомъ, при описаніи похода Олега на Царьградъ, перечень сопровождавшихъ его народовъ заключается словами: „и Тиверцы, иже суть толковини“. Покойный В. И. Григоровичъ объяснилъ слово „толковинъ“ значеніемъ: помощникъ, союзникъ; такимъ образомъ послѣдній лѣтописный текстъ свидѣтельствуетъ скорѣе о самостоятельности, чѣмъ о подчиненіи Тиверцевъ Олегу.

[2]) Ипатская лѣтопись, стр. 226, 341, 468, 480, 506, 527.

[3]) Рѣка Ушица въ лѣтописи ясно указана какъ граница Галицкаго княжества. Въ 1229 г. Даніилъ „собравъ землю Галичскую... собра отъ Боброкы, даже и до рѣкы Ушицѣ и Прута“. Тамже, стр. 506.

прія“ [1]). Изъ фактовъ этихъ явствуетъ, что власть Галицкихъ князей была непрочна и въ той небольшой полосѣ Понизья, которая имъ принадлежала; но гораздо большая часть Поднѣстровія: отъ устья Ушицы въ Днѣстръ, до устья Днѣстра въ море, не принадлежала ни Галицкимъ, ни какимъ бы то ни было другимъ удѣльнымъ князьямъ. Вѣроятно основаніе обширнаго княженія въ этой степной полосѣ, сопредѣльной съ кочевниками, имѣлъ въ виду Мстиславъ Удалой, обособляя Понизье и Поросье въ отдѣльный удѣлъ; но послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ его кончина (1228) положила предѣлъ существованію отдѣльнаго Понизоваго удѣла. Даніилъ Романовичъ обратилъ въ свою очередь вниманіе на значеніе Понизья: онъ изгналъ изъ него Доброслава, выдержалъ за его обладаніе борьбу съ Ростиславомъ Михайловичемъ и съ Болоховскими князьями и ѣздилъ нарочито „до Бакоты и Калюся, хотя уставити землю“ [2]); но установленію этому помѣшало Монгольское нашествіе. По отношенію къ Монголамъ и Галицкое, и свободное Понизье заняли то исключительное положеніе, въ которое стали многія другія, сопредѣльныя съ нимъ земли, лежавшія вдоль восточной границы Галицко-Володимірскихъ владѣній, желавшія избавиться при помощи Орды отъ господства Галицкихъ князей. Жители земли Болоховской, города, лежавшіе по Тетереву, волости городовъ: Взвягля, Городка и Сѣмоця, Бѣлобережцы и Чернятинцы—подчинились добровольно Монголамъ и стали въ прямую отъ нихъ зависимость, уклоняясь отъ подчиненія Галицкимъ князьямъ; лѣтопись называетъ эти области: „городы, сидящіе за Татары“ или „люди Татарскіе“ и прибавляетъ, что Даніилъ Романовичъ, желая подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ „воздвигнуть рать противу Татарамъ“. Въ числѣ земель, ставшихъ въ такое положеніе къ Ордѣ, лѣтопись ясно указываетъ и Побожье, т. е. свободную часть Понизья, лежавшую въ бассейнѣ южнаго Буга [3]). Но и та часть Понизья, которая раньше принадлежала Галицкимъ князьямъ, теперь отложилась отъ нихъ и подчинилась Татарамъ. Когда въ Галицкомъ

---

[1]) Лѣтопись Ипатская, стр. 341, 501, 525.

[2]) Тамже, стр. 526, 527.

[3]) „1241 Данилъ попленилъ землю Болоховскую и пожегъ, оставили бо ихъ Татарове, да имъ орютъ пшеницю и проса; Данилъ-же на нѣ большую вражду держа, яко отъ Татаръ большую надежду имѣаху“. „1257. Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ.... взя Межибожье, потомъ же воевахуть людье Данилови-же и Василькови Болоховъ, а Львови *Побожье* и люди Татарскыя. Веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць, и на вси городы и взя Городокъ, и Сѣмоць, и всѣ городы, сѣдящия за Татары: Городескъ и по Тетереви до Жидачева. Възъвигляне же солъгаша Шварномъ; поемше тивуна, не вдаша ему тивунити; Шварно же приде, поимавъ городы вся, и по немь придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинцы, и вси Болоховци къ Данилу“. (Ипат. лѣтоп., стр. 526—527, 555). Подробности отношеній Галича къ указаннымъ мѣстностямъ см. въ сочин. Н. Дашкевича „Болоховская земля“. Труды 3-го археологич. съѣзда, т, II, стр. 69—139.

Понизьи появились Монголы, нѣкто Милѣй „приложися къ нимъ" и подчинилъ Ордѣ главный городъ этой области—Бакоту; онъ признанъ былъ Монголами правителемъ страны на правахъ равныхъ съ ордынскими баскаками. Въ 1255 году Левъ Даниловичъ ходилъ на него войною и захватилъ Милѣя въ плѣнъ; Даніилъ отпустилъ его затѣмъ на волю, взявъ обѣщаніе въ признаніи своей власти; но, при первомъ появленіи Монголовъ, Милѣй „створи лесть и предасть паки Татарамъ Бакоту" [1]). Такимъ образомъ власть хановъ утвердилась въ Понизьи, образовавшемъ обширный улусъ, извѣстный съ XIV столѣтія подъ новымъ именемъ *Подолія* [2]). Завладѣвъ страною, Монголы обложили жителей данью, сборомъ которой, за отсутствіемъ князей, завѣдывали представители волостей—атаманы; послѣдніе отдавали дань пріѣзжавшимъ за сборомъ баскакамъ [3]). Притомъ ордынскія власти потребовали вѣроятно разрушенія укрѣпленій въ понизовскихъ городахъ, ибо лѣтопись упоминая о странѣ въ XIV столѣтіи, говоритъ: „и тогды въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованный" [4]); но старыя городскія и сельскія поселенія оставались на мѣстѣ; по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ которыя упоминаются въ лѣтописи въ до-монгольское время: Каменецъ, Калюсъ, Микулинъ, Ушица, Бакота, встрѣчаются и во время литовскаго господства въ краѣ; въ послѣднемъ изъ нихъ, по сохранившемуся въ лѣтописи свѣдѣнію, уцѣлѣлъ даже древній монастырь [5]). Верховная власть надъ страною находилась въ рукахъ ордынскимъ темниковъ, кочевья которыхъ расположились, вѣроятно, въ степной Полосѣ Подо-

---

[1]) „Въ таже лѣта, пріѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ, и приложися Милѣй къ нимъ, Данилови же... посла сына Лва на Бакоту, посла Левъ дворьского передъ собою; изъѣхавше, яша Милѣя баскака, и приведе Левъ Милѣя отцю си, и бысть паки Бакота королева отца его; потому же, сдумавъ со сыномъ, и отпусти и, а поручникъ бысть Левъ, яко вѣрну ему быти; и паки, пріѣхавшимъ Татаромъ, и створи льсть и предасть ю паки Татаромъ, Бакоту. (Ипатская лѣт., стр. 549—550).

[2]) Названіе *Подоліе* замѣнило однозначущее старинное имя *Понизье* во время татарскаго господства въ этой странѣ. Лѣтописи, сохранившія разсказъ о походѣ Ольгерда, называютъ уже завоеванную имъ область Подоліемъ. Названіе это встрѣчается и въ древнѣйшемъ документѣ, дошедшемъ до насъ изъ временъ Литовскаго господства: въ грамотѣ, данной Александромъ Коріятовичемъ Смотричскому Доминиканскому монастырю въ 1375 году, сказано: „Мы, князъ Александръ Коріятовичъ, князь и господаръ *Подольской земли*". (Акты Западной Россіи, т. I, стр. 21).

[3]) „А отъ нихъ (хановъ) положены были на Подоли атаманы, которые вси доходы заведали, а къ нимъ приѣзджали баскаки татарскіе, и въ тыхъ атамановъ беручи дани, къ Ордѣ воживали. (Лѣтоп Быховца стр. 19; лѣтоп., изд. Даниловичемъ, стр. 49—50).

[4]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 50.

[5]) Лѣтоп. Быховца, стр. 19; изд. Даниловичемъ, стр. 50.

лія, къ югу отъ рѣкъ: Ягорлыка, Синюхи и Тясьмина [1]). Изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ свѣдѣній можно заключать, что та часть Орды, которая кочевала въ Южномъ Подоліи, оставалась въ ней безсмѣнно и не мѣняла своихъ кочевій съ другими ордынскими колѣнами; власть темниковъ, начальствовавшихъ въ этой Ордѣ, была наслѣдственна, по крайней мѣрѣ литовскія лѣтописи называютъ татарскихъ владѣтелей Подолія, современныхъ Ольгерду, „отчичами и дѣдичами Подольской земли" [2]). По видимому отношенія Орды къ славянскимъ жителямъ Подолія сложились въ неособенно тягостныя для послѣднихъ формы и даже татары подверглись значительному бытовому и культурному вліянію со стороны подвластнаго имъ населенія. Стрыйковскій, путешествовавшій 200 лѣтъ спустя по берегамъ Дуная, встрѣтилъ на Добруджѣ и около Силистріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ, татары эти указывали какъ на причину своихъ бытовыхъ особенностей, на то обстоятельство, что предки ихъ жили нѣкогда долго въ Подоліи, откуда изгнаны были на Добруджу Литовцами [3]). Одного изъ хановъ, побѣжденныхъ ольгердомъ, называли Дмитрій, что даетъ поводъ предполагать, что онъ принялъ крещеніе [4]).

Вѣроятно въ половинѣ XIV столѣтія Подольская Орда, вслѣдствіе общаго ослабленія Золотоордынскаго царства, отложилась отъ него; по крайней мѣрѣ немногочисленныя, дошедшія до насъ, лѣтописныя указанія говорятъ о татарскихъ начальникахъ Подолія какъ о независимыхъ владѣтеляхъ; изгнаніе ихъ Ольгердомъ не повлекло за собою, по крайней мѣрѣ въ первое время, столкновенія Литвы съ Золотою Ордою и передается лѣтописцами какъ событіе, имѣвшее только мѣстное значеніе. Задолго еще до завоенанія Подолія Ольгердъ находился въ сношеніяхъ съ татарскими князьями, управлявшими этою страною; между тѣмъ какъ попытка его вступить въ союзъ съ Золотою Ордою, окончилась въ 1349 году, какъ выше было указано, совершенною неудачею, мы встрѣчаемъ свидѣтельства о томъ, что въ тоже время, среди борьбы съ Польшею за Волынь, онъ пользовался помощью Татаръ. Эти татарскіе союзники Ольгерда, дѣйствовавшіе на перекоръ политикѣ хана Золотой Орды, могли быть только владѣтели, ближайшаго къ Польшѣ, вѣроятно уже тогда самостоятельнаго, Подольскаго улуса; предположеніе это тѣмъ болѣе правдоподобно, что для подольскихъ Татаръ война Ли-

---

[1]) Только южнѣе этой границы большинство рѣкъ, урочищъ и древнихъ поселеній носитъ татарскія названія, встрѣчающіяся только въ видѣ исключенія къ сѣверу отъ этой полосы.

[2]) Лѣтоп. Быховца, стр. 19; лѣтоп. изд. Данил., стр. 50.

[3]) Stryjkowski, т. II, стр. 7.

[4]) Трудно полагать, чтобы имя это явилось вслѣдствіе ошибки или извращенія при перепискѣ лѣтописи; оно повторено въ тождественной формѣ *Дмитрей* и въ лѣтописяхъ, изданныхъ Нарбуттомъ и Даниловичемъ, и въ

твы съ Польшею за Галицкое наслѣдіе не была безразлична: если Ольгердъ въ этой борьбѣ отстаивалъ права Любарта на Волынь и Галичъ, то подольскіе татарскіе владѣтели были не менѣе заинтересованы, такъ какъ польскій король заявлялъ претензіи и на Подольскую землю, какъ на бывшій Галицкій удѣлъ; естественно потому они должны были вступить въ союзъ съ Ольгердомъ и помогать ему въ войнѣ съ Поляками. Дѣйствительно подъ 1351 годомъ находимъ извѣстіе о томъ, что Ольгердъ заключилъ союзъ съ Татарами, предалъ въ ихъ власть Подоліе, которое польскій король считалъ своимъ владѣніемъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ опустошать занятыя уже Казимиромъ Галицко-русскія земли: Львовскую, Белзскую и Холмскую [1]). Въ слѣдующемъ году Татары опять, вслѣдствіе приглашенія Ольгерда, опустошили Люблинскую землю [2]). Въ 1356 году Казимиръ долженъ былъ отправить посольство къ татарскимъ владѣтелямъ и задобрять ихъ подарками, чтобы отвлечь отъ союза съ Литвою; въ письмѣ къ магистру крестоносцевъ онъ утверждаетъ, что на предложенія его склонились семь татарскихъ князей и обѣщали ему помощь противъ Литвы [3]). Это непостоянство Татаръ подало вѣроятно Ольгерду поводъ къ войнѣ, результатомъ которой было присоединеніе Подолія къ великому княжеству Литовскому. Весьма мало подробностей этой борьбы сохранилось въ источникахъ: мы знаемъ только, что въ 1362 году Ольгердъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ тремя татарскими князьями: Кутлубугою, Хаджибеемъ и Дмитреемъ на берегахъ рѣки Синія Воды. Остатки разбитой имъ Орды удалились частью въ Крымъ, частью на Добруджу и Подоліе перешло подъ власть Литовцевъ [4]). Страна эта обнимала въ то время обширное пространство, въ составъ котораго входили, если оставить въ сторонѣ указанія не ясныя и сбивчивыя, слѣдующія земли: вся

рукописныхъ варіантахъ ихъ: Познанскомъ и Порѣчскомъ и у Стрыйковскаго, пользовавшагося еще въ XV столѣтіи списками тѣхъ же рукописей, и, наконецъ, въ Густинской лѣтописи.

[1]) Въ буллѣ папы Климента XI (отъ 14 марта 1351 г.) сказано: "rex infidelium Ruthenorum terras, in quibus possunt coustitui septem episcopatus cum suo metropolitano, suae potestati subjecit, et Tatari, facta confederatione cum Lithuanis, dictas terras continue invadunt". (Theineri—Monumenta Polon. т. I, стр. 531).—Кромеръ (De origine et rebus gestis Polonorum, стр. 209) говоритъ: „Tatari quoque per idem tempus, ab Olgerdo evocati, Russiam inferiorem, quae Podolia dicitur, quae et ipsa in Casimiri regis ditione jam erat, depopulati sunt.—Подробности о походѣ 1351 г. у Длугоша (стр. 1092).

[2]) Rocznik Miechowski (въ Monumenta Polon. historica—Bielowski т I, стр. 885). Длугошъ, стр. 1096.

[3]) Daniłowicz. Skarbiec etc. т. I, стр 196—197. Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 120—121.

[4]) Лѣтописи: Быховца, стр. 19; изданная Даниловичемъ, стр. 49; Никоновская, т. IV, стр. 5; Густинская; стр. 350. Stryjkowski, т. II, стр.6—7. *Синія воды*—нынѣ Синюха, притокъ Буга, составляющій теперь границу губерній: Кіевской и Херсонской. Имя татарскаго князя *Хаджибей* указываетъ

лѣвая половина бассейна Днѣстра, отъ устья въ него рѣки Серета до моря; весь бассейнъ южнаго Буга и нижняя часть водоема Днѣпра на правомъ берегу этой рѣки, отъ устья въ него рѣки Роси до моря [1]).

Вслѣдъ за покореніемъ Подолія Кіевское княжество должно было, въ свою очередь, признать надъ собою власть великаго княжества Литовскаго, котораго владѣнія окружали теперь Кіевщину со всѣхъ сторонъ. Занятіе Кіева, судя по единственному дошедшему до насъ, краткому, лѣтописному свидѣтельству, произошло безъ борьбы: Ольгердъ смѣстилъ княжившаго здѣсь

можетъ быть, на подвластную ему мѣстность въ Подоліи: на мѣстѣ нынѣшней Одессы существовала до конца XVIII столѣтія укрѣпленная татарская гавань—Хаджибей;—изъ нея еще въ 1415 году Ягайло снабжалъ хлѣбомъ Константинополь, осажденный Турками (Cromer. op. cit стр. 279). Въ 1382 г. *Кутлубуга* былъ „начальникомъ Крымской области" какъ видно изъ ярлыка Тохтамыша (Зап. Одесск. Общ. исторіи и древн., т. I, стр. 339). Относительно времени похода Ольгерда на Подоліе, мы послѣдовали указаніямъ лѣтописей Густинской и Никоновской, какъ единственно возможнымъ. Лѣтопись изд. Даниловичемъ не помѣтила года этого событія; лѣтопись Быховца относитъ его къ 1351 году, но хронологія всей лѣтописи совершенно произвольна и случайна, въ данномъ случаѣ противурѣчитъ выше приведеннымъ свидѣтельствамъ другихъ источниковъ. Наконецъ, Стрыйковскій относитъ битву на Синихъ водахъ къ 1331 году, между тѣмъ какъ самъ-же, разсказывая событія предшествовавшія этой битвѣ и послужившія поводомъ къ ней, помѣчаетъ ихъ 1357—1361 годами.

[1]) До конца XVI столѣтія подъ именемъ Подолія разумѣли всю указанную территорію. По свидѣтельству Гильбера де Ляннуа, въ началѣ XV столѣтія Каменецкій староста Гедыголдъ управлялъ всею областью вдоль Днѣстра до моря и строилъ крѣпость на Днѣстровскомъ лиманѣ, противъ Аккермана (Voyages de Guilbert de Lannoy—изд. Лелевеля въ „Materjały do dziejów Polski", стр. 414). Въ ярлыкѣ, которымъ Хаджи-Гирей уступалъ Витовду свои гипотетическія права на Русскія земли, Подоліе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: „Подольскую тму со всими выходы, и съ даньми, и зъ землями, и зъ водами: Каменецкую тму, Браславскую тму, Сокалскую тму, Звенигородъ, Черкассы, Хаджибеевъ Маякъ" (Акты Западной Россіи, т. II, стр. 4.—Никоновская лѣтопись (т. IV, стр. 5), упоминая о битвѣ на Синихъ водахъ, говоритъ, что вслѣдствіе побѣды Ольгердъ завладѣлъ „Бѣлобережьемъ"; имя это изстари носило Днѣпровское порѣчіе отъ пороговъ до устья, по цвѣту извѣстковыхъ, обнаженныхъ породъ почвы, среди которыхъ пролегаетъ русло рѣки. Наконецъ, польскіе писатели XVI столѣтія: Стрыйковскій (т. II, стр. 7 и 104), Бѣльскій (стр 387), Кромеръ (op. cit., стр. 348), Гвагнини (Descriptio Sarmatiae Europeae), упоминая о Подоліи, относятъ къ нему города: Каменецъ, Червоногродъ, Бакоту, Смотричъ, Скалу, Межибожъ, Браславъ, Винницу, Бѣлую церковь, Звенигородъ, Тарговицу, Черкассы, Очаковъ.—Кромеръ въ „Descriptio Poloniae" (въ Respublica Polon.—изд. Эльзевировъ 1627 г., стр. 40—41 и 47—48) опредѣляетъ слѣдующими словами территорію Подолія: „Nester fluvius Moldaviam et finitimam ei Podoliam dividit, idem, nisi fallor, limes est ejus ipsius Podoliae cum Bialogrodensi Turcarum ora; ut Nieper et Ponti Euxini sinus cum Tartaris Oczakowiensibus; aut certe cum utris-

сподручника Орды, князя Федора, и отдалъ Кіевъ въ управленіе сыну своему Владиміру [1]). Обширную Подольскую область онъ предоставилъ въ удѣлъ четыремъ племянникамъ сыновьямъ Коріята; объ этихъ новыхъ правителяхъ Подолія лѣтописи говорятъ, что они „вошли въ пріязнь со атаманы“ и немедленно занялись вооруженіемъ страны для защиты ея отъ Татаръ и постройкою съ этою цѣлью укрѣпленій, которыми они снабдили важнѣйшія поселенія: Смотричъ, Бакоту и Каменецъ [2]).

Такимъ образомъ Подоліе и Кіевская область вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго, Ханы Золотой Орды, занятые внутренними смутами, не противудѣйствовали фактически этому событію, но, тѣмъ не менѣе, продолжали причислять отпавшія земли къ числу своихъ улусовъ и, при первой возможности, готовы были возобновить за нихъ споръ съ Литвою. Одну изъ такихъ попытокъ отразилъ еще Ольгердъ въ 1373 году [3]), но окончательно споръ рѣшенъ былъ въ пользу Литвы только Витовтомъ въ началѣ XV столѣтія.

Гораздо болѣе упорную и продолжительную борьбу пришлось выдержать великому княжеству Литовскому за обладаніе Волынью; здѣсь Литва встрѣтила сильнаго противника въ лицѣ польскаго короля Казимира III, стремившагося подчинить себѣ всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда къ великому княженію Галицкому, на основаніи династическихъ счетовъ, по которымъ на Галицкое наслѣдіе заявили права князья Мазовецкіе, переуступившіе ихъ своему сюзерену, польскому королю. Первый періодъ борьбы съ Польшею, какъ выше было указано, кончился перемиріемъ, заключеннымъ на два года, по всему вѣроятію въ 1347 году, между Ольгердомъ и всѣми Литовскими князьями съ одной стороны, королемъ Казимиромъ и Мазовецкими князьями: Земовитомъ и Казимиромъ—съ другой. Условія этого перемирія указываютъ, что въ спорѣ за Галицкое наслѣдство въ этотъ первый періодъ борьбы, преобладаніе было на сторонѣ Литвы: въ силу этихъ условій за Казимиромъ признано было безспорное владѣніе только Львовскою землею; земли-же: Владимірская, Луцкая, Белзская, Холмская и Берестейская остались во владѣніи литовскихъ князей, которые, впрочемъ, обязались не строить въ нихъ новыхъ замковъ и крѣпостей; Кременецъ съ округомъ оставленъ былъ до истеченія срока перемирія во владѣніи Юрія Наримунтовича, кото-

---

que incertus is est, ut diximus, propter vastitatem et solitudinem“. „Orientale latus ejusdem (Rubrae) Russiae, ac tótius Poloniae claudit Podolia, ab aquilone et euro Albae Russiae, a cetero ortu vastis campis Tartaricis atque Turcicis a meridie vero Moldaviae confinens; totaque una satrapia censetur, qnam Podolicam vocant“.

[1]) Густинская лѣтопись, стр. 350

[2]) Лѣтопись Быховца, стр. 19; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 50.

[3]) Никоновская лѣтопись, т. IV, стр. 40: „Ходиша Литва ратью на Татарове, на Темиреза, и бысть межи ими бой велій“.

рый долженъ былъ держать се, въ качествѣ спорной области, „отъ князей литовскихъ и отъ короля“. Изъ дальнѣйшихъ статей перемирія явствуетъ, что обѣ спорившія стороны, помимо взаимнаго антагонизма между собою, опасались еще вмѣшательства въ споръ двухъ другихъ соискателей, предъявлявшихъ права на Галицкое наслѣдіе; соискатели эти были: съ одной стороны король Венгерскій, вспомнившій о томъ, что полтора столѣтія назадъ два венгерскіе королевича, Коломанъ и Андрей, княжили нѣкоторое время въ Галичѣ; съ другой—ханы Золотой Орды, причислявшіе Галичъ къ числу зависимыхъ отъ нихъ земель; опасаясь взаимно соглашенія по Галицкимъ дѣламъ: поляковъ съ венграми и литовцевъ съ татарами, въ условія перемирія договаривавшіяся стороны включили слѣдующую, странную по видимому, статью: Литовцамъ предоставлено право помогать хану и его темникамъ, въ случаѣ войны ихъ съ Польшею, за исключеніемъ только тѣхъ походовъ татарскихъ, которые будутъ направлены на „Русь, што короля слушаетъ,“ и обратно, король можетъ помогать венграмъ въ случаѣ войны ихъ съ Литвою, за исключеніемъ также того случая, когда венгерскій король „поидетъ на Русь, што Литвы слушаетъ“ [1]).

По истеченіи срока перемирія, въ 1349 году, Казимиръ возобновилъ войну съ Литвою; этотъ второй періодъ борьбы продолжался до 1356 года, шестилѣтняя война, веденная обоими государствами весьма упорно, не дала рѣшительныхъ результатовъ въ пользу ни того ни другого. Вначалѣ значительныя силы, подготовленныя Казимиромъ, и быстрота его движеній доставили ему рѣшительный успѣхъ; онъ занялъ не только княжества Холмское и Белзское, но и всю Волынь съ городами: Владиміромъ и Луцкомъ и даже Берестье, принадлежавшее Литвѣ еще при Гедыминѣ. Сопротивленіе полякамъ оказалъ только одинъ городъ Холмъ, другіе-же города, какъ можно полагать на основаніи приведенныхъ выше условій перемирія, вѣроятно не были укрѣплены и потому заняты были Казимиромъ безъ боя. Овладѣвъ Волынью, польскій король предложилъ Любарту ограничиться только однимъ Луцкимъ княженіемъ, въ качествѣ лена польской короны, во всѣхъ-же остальныхъ волынскихъ городахъ, онъ поставилъ своихъ старостъ и намѣстниковъ и привелъ къ присягѣ на вѣрность себѣ русскихъ князей, владѣвшихъ мелкими удѣлами, зависѣвшими отъ Любарта [2]). Но литовскіе князья, захваченные въ первое время въ расплохъ, не отказались отъ борьбы вслѣдствіе первоначальной неудачи. Въ 1350 году, воспользовавшись внутренними смутами, возникшими въ Польшѣ вслѣдствіе борьбы короля съ духовенствомъ, Любартъ и Кейстутъ изгнали польскіе гарнизоны изъ Волыни и ея аннексовъ, разрушили замки, къ постройкѣ которыхъ приступилъ Казимиръ и, не

---

[1]) Акты Западной Россіи, т. I, стр. 1—2.

[2]) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 170; Хроника Яна изъ Чарнкова (изд. Бѣлевскаго), стр. 629. Длугошъ, стр. 1087—1088.

ограничившись этимъ, перешли къ наступательному образу дѣйствій и опустошили землю Львовскую и нѣсколько коренныхъ польскихъ областей: Сендомирскую, Радомскую и Луковскую [1]). Казимиръ, утративъ всѣ пріобрѣтенія, долженъ былъ съизнова начинать завоеваніе Волыни; онъ позаботился заручиться для этой цѣли постороннею помощью: въ маѣ 1351 года булла папы Климента VI предписала польскимъ епископамъ провозгласить крестовый походъ противъ Литвы; затѣмъ другою буллою папа назначилъ Казимиру въ пособіе для войны съ язычниками десятую часть церковныхъ доходовъ [2]). Въ то же время Казимиръ заключилъ договоръ съ Людовикомъ королемъ венгерскимъ относительно Галицкаго наслѣдства; въ силу этого договора венгерскій король отказался отъ своихъ притязаній на русскія земли въ пользу Казимира, съ тѣмъ однако условіемъ, что онъ сохранялъ право себѣ и своимъ наслѣдникамъ выкупить эти земли отъ наслѣдниковъ Казимира за 100,000 золотыхъ; въ случаѣ-же, еслибы Казимиръ умеръ, не оставивъ сыновей, то Людовикъ венгерскій долженъ былъ получить въ наслѣдство оба королевства: Польское и Русское [3]). Обезпечивъ такимъ образомъ за собою, въ томъ или другомъ случаѣ Галицкое наслѣдство, венгерскій король долженъ былъ оказать Казимиру дѣятельную помощь для того, чтобы исторгнуть это наслѣдіе изъ подъ власти литовцевъ, и принялъ участіе въ его походѣ на Волынь. Съ своей стороны Ольгердъ вступилъ въ союзъ съ татарскими владѣтелями Подолія. Такимъ образомъ война приняла болѣе значительные размѣры и затянулась еще на пять лѣтъ. Вначалѣ успѣхъ былъ опять на сторонѣ польскаго короля: венгерцы поразили татаръ, и, соединившись съ поляками, заняли Волынь; Кейстутъ взятъ былъ въ плѣнъ союзниками, изъ котораго впрочемъ вскорѣ убѣжалъ; Любартъ, осажденный въ Луцкѣ, съ трудомъ спасся отъ такой же участи. Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ: венгерское войско возвратилось домой, на выручку же братьямъ явился Ольгердъ. Литовцы подъ предводительствомъ Ольгерда, Кейстута и Любарта и съ помощью татаръ предприняли рядъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу и Мазовію, вытѣснили опять польскіе гарнизоны изъ Волыни и въ свою очередь попытались овладѣть Галицкою землею: въ 1354 году Любарту удалось взять городъ Галичъ, но онъ не могъ удержать его, и потому разрушилъ замокъ, ограбилъ купцевъ и отступилъ на Волынь [4]). Съ 1356 по 1366 годъ прекращаются свѣдѣнія о военныхъ походахъ какъ

---

[1]) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 630. Длугошъ, стр 1090, 1092.

[2]) Daniłowicz—Skarbiec etc., т. 1, стр. 192. Theineri—Monumenta Polon., т. I, стр. 531, 533.

[3]) Stadnicki—Synowie Gedymina, т. II, стр. 231—232. Текстъ договора напечатанъ здѣсь по рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ.

[4]) Длугошъ, стр. 1093—1097. Cromer., op. c., стр. 209.

съ той, такъ и съ другой стороны, вѣроятно между Ольгердомъ и Казимиромъ заключено было новое перемиріе, свѣдѣнія о которомъ не сохранились въ источникахъ; о существованіи замиренія Литвы съ Польшею въ то время свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ, отдѣльный договоръ, заключенный Кейстутомъ, отъ имени Ольгерда и другихъ князей литовскихъ, съ Мазовіею, опредѣляющій точно границы этой страны съ Гродненскимъ удѣломъ [1]. Изъ послѣдующихъ фактовъ явствуетъ, что въ этотъ промежутокъ времени владѣнія обоихъ государствъ оставались въ томъ же видѣ, въ какомъ были передъ войною: Любартъ владѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ и Холмомъ; Юрій Наримунтовичъ—Белзомъ и Кейстутъ—Берестьемъ.

Въ 1366 году Казимиръ предпринялъ третью войну съ цѣлью покоренія Волыни. Послѣ вторженія въ Белзскую землю, Юрій Наримунтовичъ, не имѣвшій достаточныхъ силъ для защиты этой области, принесъ Казимиру присягу на вѣрность и получилъ отъ него въ ленъ Белзъ и Холмъ. Затѣмъ польское войско заняло Владиміръ, Луцкъ и Олеско [2]. Ольгердъ принужденъ былъ согласиться на миръ, который заключенъ былъ на слѣдующихъ условіяхъ: земли Белзская и Холмская остались во владѣніи Юрія Наримунтовича, въ качествѣ пожизненнаго леннаго владѣнія, зависѣвшаго отъ Польши, Владиміръ и Кременецъ получилъ также въ качествѣ польскаго лена, отличавшійся своею преданностью Казимиру, князь Александръ Коріатовичъ; во всѣ замки названныхъ земель, помимо ленныхъ владѣльцевъ, король поставилъ свои гарнизоны и назначилъ польскихъ старостъ; Любартъ остался во владѣніи своего наслѣдственнаго Луцкаго удѣла, къ которому присоединены были нѣкоторые округи, тянувшіе прежде къ Владиміру; наконецъ, польскій король отказался отъ всякихъ притязаній на Берестейскую землю и призналъ ее неотъемлемою собственностью Кейстута [3]. Статьи этого договора представляли только полумѣры, не рѣшавшія окончательно спорнаго дѣла, война вспыхнула потому вслѣдъ почти за его заключеніемъ: уже въ 1368 году Кейстутъ опустошалъ Мазовію и сжегъ городъ Пултовскъ [4]), а въ 1370 году Любартъ, Кейстутъ и Юрій Наримунтовичъ, воспользовавшись временемъ междуцарствія послѣ смерти Казиміра, осадили Владиміръ; владѣлецъ этого княжества—Александръ Коріатовичъ, находился тогда въ Краковѣ, польскій же староста, Петръ Турскій, сдалъ замокъ безъ боя литовскимъ князьямъ, которые немедленно срыли до основанія каменныя укрѣпленія, воздвигнутыя по приказанію Казимира; война продолжалась затѣмъ несколь-

---

1) Daniłowicz. Skarbiec etc., т. I, стр. 198. Inventarium privilegiorum, litterarum, diplomatum, guaecunque in archivo regni in arce Cracoviensi continentur, confectum anno 1682. Парижъ 1852, стр. 343.

2) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 631. Длугошъ, стр. 1149—1151.

3) Naruczewicz, т. IX, стр. 245—247; договоръ извлеченъ авторомъ изъ королевскаго архива.

4) Длугошъ, стр. 1154.

ко лѣтъ въ видѣ опустошительныхъ набѣговъ Литовцевъ на земли: Люблинскую, Сендомирскую и Краковскую [1]. Наконецъ, въ послѣдній годъ княженія Ольгерда окончень былъ этотъ многолѣтній споръ за обладаніе Волынью. Въ 1377 году наслѣдникъ Казимира, король Людовикъ, предпринялъ походъ на Волынь съ многочисленнымъ польскимъ, и венгерскимъ войскомъ. Польское ополченіе взяло Холмъ и, соединившись съ венграми, осадило Белзъ. Во время этой осады затянувшейся на довольно продолжительное время, при посредствѣ Кейстута заключенъ былъ договоръ между Ольгердомъ и Людовикомъ, опредѣлившій то распредѣленіе Галицкаго наслѣдія между его соискателями, которое удержалось въ послѣдующее время въ качествѣ окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. Удѣлы: Берестейскій, Владимірскій и Луцкій признаны были принадлежащими Литвѣ, земли же: Холмская и Белзская отошли къ Польшѣ: Белзкимъ удѣломъ долженъ былъ владѣть пожизненно на ленномъ правѣ Юрій Наримунтовичъ [2]. Дѣйствительно только въ 1388 году, послѣ его смерти, Белзское княжество отдано было въ ленъ князьямъ Мазовецкимъ, которые и владѣли имъ до 1462 года.

Договоръ этотъ, утвердившій Волынь за великимъ княжествомъ Литовскимъ, было послѣднимъ дѣломъ Ольгерда на пути объединенія западно-русскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ фактомъ его княженія. Въ томъ же году (1377) скончался этотъ великій князь Литовскій, широко раздвинувшій предѣлы своего государства: отъ Балтійскаго до Чернаго моря—въ одну сторону; отъ Угры, Оки, и истоковъ Сейма до западнаго Буга—съ другой. На этомъ обширномъ пространствѣ, среди многочисленныхъ земель, заселенныхъ разными вѣтвями русскаго народа, едва сталъ замѣтенъ небольшой уголъ государства, занятый населеніемъ, принадлежащимъ къ Литовскому племени, составившій нѣкогда то первоначальное ядро, около котораго собрались постепенно всѣ южныя и западныя русскія земли. Русская народность преобладала со времени княженія Ольгерда и въ численномъ, и въ территоріальномъ отношеніяхъ и по своей культурной выработкѣ должна была безспорно занять господствующее мѣсто въ государствѣ, которое продолжало называться великимъ княжествомъ Литовскимъ, но на дѣлѣ стало съ конца XIV столѣтія во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княжествомъ Западно-Русскимъ.

---

[1]) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 643—644 и 674—675. Длугошъ, книга X, стр. 2—4 и 32—33.

[2]) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 678—679. Длугошъ, книга X, стр. 35—36.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О ГОРОДАХЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о городахъ Юго-западнаго края.

Города въ Южной Руси возникали въ силу трехъ различныхъ историческихъ причинъ и потомъ, въ теченіи своего существованія, имѣли троякое значеніе: 1) Городъ представлялъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу, община городская управлялась особенными законами; жители города пользовались особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края—они составляли отдѣльное сословіе.—2) Городъ былъ центромъ торговой и промышленной дѣятельности и жители его отличались отъ другихъ сословій не только правами, но и качествомъ занятій и сферою примѣненія труда. 3) Города представляли мѣстности укрѣпленныя—замки и составляли центръ военной организаціи края.—Всѣ три указанныя причины совмѣщались часто въ одномъ городскомъ поселеніи, но часто также одна изъ указанныхъ причинъ, дѣйствуя порознь, могла вызывать переименованіе извѣстнаго поселенія въ городъ или основаніе новаго поселенія съ причисленіемъ его къ разряду поселеній городскихъ.—По большей части городъ возникалъ въ силу дѣйствія одной причины, а потомъ, по возникновеніи его, раньше или позже присоединялись и два другихъ отличительныхъ признака городской жизни; но послѣднее могло и не случиться: такъ напримѣръ поселеніе могло быть признано торговымъ центромъ—въ немъ назначались ярмарки, ремесленники получали право на устройство цеха, но тѣмъ не менѣе жители не пользовались ни городскимъ самоуправленіемъ, ни сословными правами мѣщанскими и продолжали считаться подданными частнаго владѣльца или королевскаго старосты, а также поселеніе не было обнесено укрѣпленіями, не заключало замка, (въ смыслѣ крѣпости) и не составляло центра военнаго управленія.—Вслѣдствіе такой тройственности значенія городскихъ поселеній, мы остановимся порознь на каждомъ изъ упомянутыхъ признаковъ городской жизни.

Какъ отдѣльныя юридическія единицы города въ Южной Руси существовали еще въ до-историческое время. Вѣчевыя сходки въ опредѣленныхъ мѣстахъ собирались раньше чѣмъ установилась власть первыхъ князей, раньше слѣдовательно чѣмъ водворена была въ краѣ правильная военная организація. Первые города, упоминаемые лѣтописцами, при исчисленіи ополченій, принимавшихъ участіе въ походахъ князей на Царьградъ, являются въ смыслѣ представителей земель, изъ которыхъ вызваны были эти ополченія; города эти были центрами, въ которыхъ сходились представители земель для обсужденія общественныхъ дѣлъ и подъ названіемъ каждаго города подразумѣвались не только жители, населявшие непосредственно извѣстное поселеніе, но также жители всѣхъ мѣстностей, составлявшихъ вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ одно общее вѣче. Вѣчевые центры возникали по мѣрѣ разселенія Славянскихъ племенъ; каждое племя имѣло свой городъ вѣчевой—если оно было многочисленно, то имѣло частные центры сходокъ, подчиненные главному вѣчу всего племени—такимъ образомъ возникали пригороды рядомъ съ городами и зависимость первыхъ отъ вторыхъ ясно опредѣляется лѣтописцемъ.—При возвышеніи власти князей города кромѣ значенія вѣчеваго центра получаютъ еще другое значеніе, они дѣлаются мѣстомъ пребыванія князей—княжескими столами, и въ мѣстѣ съ тѣмъ центрами военной организаціи края. Князья находятъ по большей части удобнымъ основывать столы именно въ центрахъ вѣчевыхъ сходокъ, такъ какъ это размѣщеніе облегчало отношенія ихъ къ общинамъ; но княжескіе столы не всегда съ ними совпадаютъ. Съ одной стороны нѣкоторые вѣчевые центры не становятся стольными городами (напримѣръ Любечъ, Червень, Дѣдославъ), съ другой стороны князья, вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, возводятъ новыя укрѣпленія, при которыхъ селятся новые города (напримѣръ Бѣлгородъ, Новгородсѣверскій, Владиміръ Волынскій, позже Львовъ, Холмъ и т. п.) и послѣдніе, при дробленіи княжествъ на удѣлы, дѣлаются въ свою очередь стольными градами. Тѣмъ не менѣе, не смотря на возникновеніе новыхъ городскихъ поселеній, вызванныхъ новыми историческими условіями народной жизни, прежнее понятіе о цѣльности земель и о прежнихъ вѣчевыхъ центрахъ сохраняется въ полной силѣ Новыя городскія поселенія становятся по большей части пригородами болѣе древнихъ городовъ и сами князья подчиняются общему складу народной жизни: вѣчевые центры они считаютъ столами старѣйшими, пригороды, старые или вновь образовавшіеся,—столами младшими и князей, сидящихъ на послѣднихъ,—князьями сподручными тому князю, который занимаетъ главный столъ.

Такимъ образомъ удѣльная княжеская система при своемъ дробленіи не нарушаетъ племеннаго распредѣленія народа и, напротивъ того, старается къ нему примѣниться.

Послѣ занятія края Литовскими князьями значеніе городовъ, какъ центровъ общинной жизни, значительно видоизмѣняется и ослабѣваетъ. Весь строй государственнаго устройства, образовавшійся въ Литвѣ, основанъ исклю-

чителвно на военномъ началѣ. Тѣснимые преобладающими силами крестоносцевъ, Литовскіе князья ищутъ спасенія въ увеличеніи своихъ ратныхъ силъ и для усиленія ихъ они бросаются на ослабѣвшую отъ удѣльнаго дробленія и татарскаго нашествія Русь, и, покоривъ ее, стараются дать ей такое устройство, которое представляло-бы болѣе всего возможности вызвать изъ пріобрѣтенныхъ земель значительныя военныя силы: для этого литовскіе князья не только пользуются туземнымъ служилымъ, боярскимъ сословіемъ, но стараются его умножить по мѣрѣ возможности. Съ этою цѣлью они раздаютъ служилымъ людямъ, во владѣніе отдѣльные участки земли, съ обязанностью, привязанною къ пожалованной землѣ, доставлять князю по его требованію опредѣленное количество вооруженныхъ людей и признавать надъ собою его верховную власть. Такимъ образомъ въ Литвѣ образуется самостоятельный феодальный строй жизни. Мало по малу прежнее дѣленіе края на земли и земель на волости (околицы) замѣняется новымъ дѣленіемъ на княжества или повѣты, группирующіеся около княжескихъ или господарскихъ замковъ; но прежній общинный порядокъ не сразу уступаетъ новому. Служилые люди выдѣляются изъ общины, примыкаютъ къ новому строю жизни и стараются ему подчинить неслужилое сословіе, поставивъ его отъ себя въ зависимость экономическую и требуя, во имя общественныхъ, государственныхъ цѣлей, чтобы оно несло, тѣмъ или инымъ путемъ, свою долю тягостей военнаго устройства, „земской обороны".—Неслужилыя сословія, уступая постепенно этимъ требованіямъ, стараются вмѣстѣ съ тѣмъ отстоять прежнія общинныя понятія въ другой сферѣ общественной жизни—они желаютъ удержать общинный самосудъ и самоуправленіе. Но точное разграниченіе этихъ двухъ сторонъ жизни было невозможно, особенно при отсутствіи всякаго формулированнаго законодательства и при господствѣ, взамѣнъ его, обычая. Являлось множество спорныхъ вопросовъ, которые могла рѣшить только постоянная житейская борьба, завязавшаяся между двумя общественными порядками: могъ ли князь раздавать землю, находившуюся въ чертѣ общинныхъ владѣній, служилымъ людямъ и слѣдовало-ли послѣднимъ, на основаніи княжеской жалованной грамоты, считать себя выдѣленными изъ общины? Принадлежала-ли князю или его намѣстнику, или старостѣ власть административная и полицейская въ рейонѣ управляемаго имъ замка, или должна-ли была извѣстная доля этой власти остаться по старому въ рукахъ общины? Принадлежалъ-ли судъ гражданскій и уголовный общинѣ всецѣло или долженъ-ли перейти, какъ атрибутъ княжеской власти, къ князю или его намѣстнику? Староста-ли княжескій или община должна была завѣдывать какъ денежными сборами съ неслужилыхъ людей, такъ и военными и земскими повинностями, падавшими на ихъ долю?—Какъ эти такъ и многіе другіе вопросы, болѣе или менѣе важные, служили поводомъ постоянныхъ недоразумѣній между двумя различными порядками—военнымъ и общиннымъ, стоявшими рядомъ на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій: густоты народонаселенія, степени отдаленности отъ прави-

тельственныхъ центровъ, стратегическаго значенія извѣстныхъ мѣстностей, численности служилаго сословія и продолжительности и интензивности Литовскаго вліянія, вопросы эти рѣшались различно. Первая попытка со стороны князя привести въ извѣстный порядокъ судебное и административное состояніе края—судебникъ Казимира 1468 года, опредѣляя степень отвѣтственности за нѣкоторыя преступленія и нѣкоторыя земскія повинности, умалчиваетъ о томъ, кто долженъ приводить въ исполненіе и принять къ руководству изданныя правила [1]).—Отдѣльныя грамоты, раскрывающія хотя отчасти взаимныя отношенія жителей литовско-русскихъ земель, указываютъ на то, что отношенія между общиною и военнымъ сословіемъ стояли въ различныхъ мѣстностяхъ въ самомъ разнообразномъ другъ къ другу отношеніи и находились въ борьбѣ, веденной обѣими сторонами съ неравномѣрнымъ успѣхомъ въ различныхъ мѣстностяхъ, но съ постояннымъ однако преобладаніемъ военнаго сословія.

Недостатокъ источниковъ не дозволяетъ изслѣдовать какъ постепенный ходъ борьбы, такъ и ея подробности. Лѣтописи южно-русскія прекращаются съ началомъ XIV столѣтія, т. е. въ самый моментъ появленія Литовскихъ князей, грамоты-же и другія актовыя свидѣтельства представляютъ матеріалъ, хотя отчасти поясняющій внутренній бытъ края, только съ конца XV столѣтія. Такимъ образомъ около 200 лѣтъ не имѣемъ подлинныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ мы могли-бы уяснить себѣ первоначальное столкновеніе и постепенное насажденіе литовскаго феодальнаго порядка на общинной почвѣ Южной Руси.—Первые документы, встрѣчающіеся намъ въ XV вѣкѣ —это грамоты князей, жалующія городамъ Магдебурское право, то есть такіе документы, которые свидѣтельствуютъ объ совершившемся уже разложеніи общиннаго порядка; однако по нимъ мы можемъ до извѣстной степени возстановить положеніе городскихъ общинъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, во время непосредственно предшествующее водворенію Магдебурскаго права и найти хотя скудныя указанія на предшествующій періодъ времени.

Въ борьбѣ общиннаго порядка съ военно-феодальнымъ строемъ Литовскаго государства основной вопросъ состоялъ во взглядѣ на поземельную собственность. Общины считали, на основаніи незапамятнаго обычая, всю территорію, тянувшую къ данному вѣчевому центру, неотъемлемою собственностью общины, готовы были нести въ пользу государственной власти извѣстныя повинности: деньгами, услугами, или продуктами, но источникомъ этихъ повинностей считали необходимость вознаградить князя за трудъ охранять ихъ отъ непріятелей оружіемъ, а не обязательство, принятое вслѣдствіе владѣнія землею, искони имъ принадлежавшею. Князья, напротивъ того, смотрѣли на землю, какъ на собственность, принадлежавшую имъ въ силу ихъ

---

[1]) Акты западной Россіи т. I, стр. 80.

верховной власти, и полагали, что отдѣльныя лица или общины могутъ владѣть землею только въ силу княжескаго разрѣшенія, жалуемаго отдѣльными грамотами, взамѣнъ за обязательство исполнять военныя повинности. Какимъ образвмъ примѣнили въ началѣ князья свой взглядъ къ практикѣ и какимъ образомъ провели его, за отсутствіемъ источниковъ, рѣшить не можемъ. Но въ то время когда начинаются актовыя свѣденія, мы видимъ, что вопросъ этотъ далеко еще не былъ окончательно рѣшенъ. Между тѣмъ какъ на Волыни и въ Полѣсіи окончательно взялъ верхъ феодальный порядокъ, въ степной Украинѣ общины владѣютъ еще почти всецѣло землями и власть, признавая за ними право землевладѣнія, пользуется со стороны общинъ военными услугами и повинностями, и едва только начинаетъ розрывать общинную поземельную собственность раздачею ее по частямъ въ личную собственность служилымъ людямъ. Если пересмотримъ по актамъ положеніе вопроса о поземельной собственности въ Южной Руси и о зависимомъ отъ нея отношеніи другъ къ другу сословій въ теченіе времени съ конца XV по начало XVII столѣтій, то найдемъ его состояніе въ слѣдующемъ положеніи: на югѣ города признаются собственниками огромныхъ территорій „якъ здавна бывало“; служилаго сословія (земянъ или бояръ) или вовсе нѣтъ, или оно встрѣчается рѣдко и положеніемъ своимъ и повинностями не отличается отъ общинниковъ.—Такъ напримѣръ въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ III „мѣщанамъ и людямъ“ города Чигрина 1589 года, сказано,—что границы, земель, жалуемыхъ королемъ этому городу, простираются: „отъ Тясьмина, выше Чигрина въ четырехъ миляхъ, черезъ поле въ рѣку Днѣпръ, Днѣпромъ въ низъ до рѣки Сулы, оттуда по рѣку Бугъ, а отъ Буга по границу Корсунскую“. Всѣ эти земли, обнимавшія пространство по крайней мѣрѣ двухъ нынѣшнихъ уѣздовъ, король признаетъ собственностью города Чигрина „зо всими землями, грунты, полями, лѣсы, боры, гаи, рѣками, озеры, изъ ставищи, пасѣками, рыбными, бобровыми и инными всякими пожитками“; за то Чигринскіе мѣщане „будутъ повинни противъ непріятелю кождому нашему коронному при старосте, войте своемъ тамочнемъ, або наместнику его, конно, збройно завжды ставати и зверхности его, яко подъ часъ покою, такъ и войны, не выламыватися“. Грамота, обезпечивая за королемъ право требовать, по мѣрѣ надобности, общинное ополченіе и подчиняя его королевскому старостѣ, въ качествѣ войта, не упоминаетъ о другихъ сословіяхъ на территоріи, признанной за городомъ, кромѣ „мѣщанъ и людей мѣста оного“ [1]). Рядомъ съ землями Чигринскими, лежали столь-же обширныя земли города Черкасъ. Изъ описанія Черкасскаго замка 1552 года мы знаемъ, что территорія этого города тянулась внизъ по Днѣпру далеко на югъ; она обнимала низовья всѣхъ южныхъ притоковъ Днѣпра: Сулы Псла,

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи, часть V, томъ I, № XXIV стр. 85 и № XXXII стр. 126.

Ворсклы, Орели, Самары, Тясьмина, верховья обоихъ Ингуловъ и берега Днѣпра до пороговъ; на Черкасской землѣ упоминаются села и селища: Домонтовъ, Кременчугъ, Мошны, Лебединъ, Глинско, Михлеево, Личпицы, Горловцы, Радивоновское и т. д. Немногіе только изъ этихъ селъ и селищъ были отчуждены въ 1552 году въ пользу дворянъ, другія поступили во владѣніе кіевскихъ монастырей, но огромное большинство громадной черкасской территоріи находилось въ пользованіи мѣщанъ и составляло городскіе „уходы" т. е. мѣста куда горожане ходили на промыслы. По словамъ документа на всемъ пространствѣ этихъ земель „Черкашене, мѣщане и бояре на поли пашуть, где хто хочеть" [1]). Далѣе за Черкасскими землями лежали земли, простиравшіяся до рѣкъ Синицы и Угорскаго Тыкича, признанныя въ 1584 г. грамотою короля Стефана собственностью города Корсуня, съ тѣмъ исключительно обязательствомъ, чтобы мѣщане „были обязаны къ военной службѣ подъ начальствомъ старосты корсунскаго, противъ всякаго короннаго непріятеля" [2]). На западѣ земли Корсунскія и Чигиринскія раздѣлены были другъ отъ друга землями, составлявшими территорію города Звенигородки, [3]) а къ сѣверу отъ нихъ лежали обширныя территоріи, составившія въ послѣдствіи староства: Богуславское и Бѣлоцерковское. Люстрація 1615 года, описывавшая Богуславъ, нашла, „что мѣщане не плотятъ податей и исполняютъ только военную службу—владѣльческихъ селъ въ староствѣ вовсе нѣтъ, а только мѣщанскіе хутора, которые никакихъ повинностей въ пользу замка не несутъ". Также люстрація находитъ въ Бѣлой церкви два сословія: мѣщанское и козацкое: „мѣщане не даютъ податей—только отправляютъ военную службу при старостѣ или его намѣстникѣ конно и оружно—казаки-же не хотятъ пребывать въ послушаніи у старосты" [4]).—Всѣ упомянутые акты указываютъ намъ довольно обширную мѣстность, въ которой поземельная собственность еще ненарушимо принадлежитъ общинѣ и сословныя отличія еще не разрываютъ ея цѣльности—городъ удерживаетъ исконное значеніе главы земли, центра общинной жизни. За тѣмъ слѣдуетъ полоса земли, въ которой оба начала: общинное и военно-феодальное находятся въ равновѣсіи: понятіе о землѣ и ея территоріяльныхъ границахъ не изгладилось—межи общинныхъ земель еще извѣстны, но уже внутри ихъ многія пустовщины розданы людямъ служилымъ, боярамъ, и отошли въ ихъ личную собственность; впрочемъ рознь сословная еще не пустила глубокихъ корней; съ одной стороны боярское сословіе признаетъ себя членами общинной единицы: оно раздѣляетъ военныя повинности и торговыя занятія наравнѣ съ горожанами и совмѣстно съ ними вступаетъ въ столкновенія съ старостинскою властію; съ другой стороны

---

[1]) Ibid. № CCXVI, стр. 552. Также описаніе Черкасскаго замка въ рукоп. Литовской метрики.—

[2]) Ibid. № CCXIII, стр. 541.

[3]) Ibid. № CCXVII, стр. 561.

[4]) Starożytna Polska—Baliński i Lipiński, т. II, стр. 519. и 491.

общинникамъ, не смотря на отчужденіе участковъ общинной земли, принадлежитъ по закону право пользоваться въ ея предѣлахъ, даже на земляхъ, отошедшихъ въ личное владѣніе земянъ, общими угодьями: лѣсомъ, пастбищами, рыбною и звѣриною ловлею и пасѣками.

Такъ къ сѣверу отъ земель Корсунскихъ и Черкасскихъ лежала территорія города Канева, она простиралась далеко по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и официальные документы второй половины XVI в. (1552—1576) опредѣляютъ ее въ слѣдующемъ размѣрѣ: „земли города Канева, въ поляхъ около города простирающіяся, составляли дѣдичную собственность мѣщанъ и находились въ ихъ пользованіи безъ всякой платы въ пользу замка, грунта эти широко простирались во всѣ стороны: доходили до рѣки Удая, на которой находилась городская пустовщизна... и до рѣки Сулы, на которой лежало урочище городское, называемое Войтовщина... съ одной стороны до Бѣлой-Церкви, съ другой до Кіева по Тавань и ажъ по Пуволъ“. Вообще, по словамъ грамоты короля Стефана 1581 года, земли эти простирались „ab antiquo, на пять миль около мѣста“ [1]). Хотя въ вышеуказанное время въ чертѣ этихъ земель находились уже владѣнія „княжскія, панскія, шляхетскія и боярскія“, но повинности мѣщанъ ничѣмъ еще не отличались отъ служебныхъ повинностей другихъ сословій. Мѣщане каневскіе, по словамъ описи замка Каневскаго, составленной въ 1552 году, какъ люди вольные, владѣющіе наслѣдственно своими землями, никакихъ рабочихъ повинностей не несли, но, наравнѣ съ шляхтою, земянами и боярами повѣта Кіевскаго, службу военную подъ командою старосты Каневскаго отбывали, три дня въ году сопровождали его на охотѣ, квартиры и подводы гонцамъ и посламъ королевскимъ давали, а также доставляли доходъ старостѣ: съ каждаго дома *колядъі* грошей шесть, *сторожовщины* два гроша и возъ сѣна: „дань эту давали не только съ земель мѣщанскихъ, но также изъ дѣдицтвъ земскихъ и боярскихъ, наравнѣ съ мѣщанами“ [2]). Двѣ грамоты короля Стефана: 1576 и 1581 г. предоставляютъ мѣщанамъ по прежнему право пользоваться общими угодіями даже въ земляхъ, лично присвоенныхъ лицамъ земянскаго сословія. Въ первой изъ нихъ король, обращаясь къ урядникамъ, панамъ и земянамъ Каневскаго повѣта, запрещаетъ имъ притѣснять мѣщанъ каневскихъ и разрѣшаетъ послѣднимъ пользоваться „вольностями, какія они здавна имѣли: не только на своихъ и королевскихъ земляхъ, но и на земляхъ княжскихъ, панскихъ и шляхетскихъ вольные входы имѣть, въ лѣсахъ—звѣрей всякихъ, въ рѣкахъ—рыбу волокомъ и кудою ловить“. Въ другой грамотѣ 1581 года, король предписываетъ Каневскому старостѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не препятствовалъ каневскимъ мѣщанамъ въ разстояніи 5 миль отъ города ловить, по ихъ усмотрѣнію, рыбу и звѣрей и ставить пасѣки [3]). Въ подобномъ положеніи,

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи ч. V, томъ I, № XXI стр. 66, 70 и 71.
[2]) Ibid. № XXI стр. 66.
[3]) Ibid. XXI, стр. 70—71

хотя уже съ болѣе выдѣлившимся сословіемъ бояръ, представляется намъ городъ Брацлавль, лежавшій на западной границѣ степной Украины, въ описи Брацлавскаго замка, составленной въ 1545 году: „мѣщане владѣли обширными пасѣками, изъ которыхъ каждая была больше трехъ селъ, заключая въ себѣ милю, болѣе или менѣе, земли. Въ пасѣкахъ этихъ они пользовались на дѣдичномъ правѣ пахатными землями, прудами, пчелами, звѣриными и рыбными ловлями, садами, огородами и другими пожитками, а обширныхъ пасѣкъ такихъ къ городу принадлежало 27. Кромѣ этихъ пасѣкъ, изъ которыхъ королю, ни замку дани никакой не давали, мѣщане пользовались также общими городскими землями и грунтами“. Впрочемъ отношеніе мѣщанъ къ замку, права и повинности ихъ, ничѣмъ не различались отъ положенія земянъ и бояръ: какъ тѣ такъ и другіе должны были въ равной мѣрѣ заботиться о поддержаніи укрѣпленій замка и объ устройствѣ мостовъ въ городѣ, какъ тѣ такъ и другіе во время, предшествовавшее описи, отбывали военную службу: бояре являлись со всѣми людьми своими, а мѣщане съ каждой пасѣки доставляли двухъ вооруженныхъ всадниковъ. Но уже съ 1507 года бояре стали выдѣляться въ видѣ отдѣльнаго сословія: мы встрѣчаемъ указанія, что въ этомъ году они заключили сдѣлку съ мѣщанами, въ силу которой добровольно отказались отъ продажи питей какъ въ городѣ такъ и въ селахъ, полученныхъ ими отъ замка, съ тѣмъ, что мѣщане примутъ на себя обязательство платить 50 копъ грошей подымщины, слѣдовавшей отъ бояръ въ пользу старосты; когда-же староста не согласился утвердить эту сдѣлку, то земяне, совмѣстно съ мѣщанами, потребовали отъ короля назначенія коммиссіи для обсужденія спорнаго дѣла. Вслѣдъ за тѣмъ бояре „для лучшаго порядка“ пожелали имѣть отдѣльнаго отъ мѣщанъ войта и съ тѣхъ поръ прекратилась по словамъ акта, общая ихъ военная служба [1]).

Подвигаясь далѣе къ сѣверо-западу отъ Украины, встрѣчаемъ сословную разрозненность все болѣе и болѣе развитою. Земянское сословіе въ западной Подоліи, на Волыни и въ сѣверной Кіевщинѣ было насаждено гораздо раньше, оно представляло болѣе густую массу и сложилось настолько прочно, что могло порвать всѣ связи съ неслужилыми сословіями. Чѣмъ далѣе станемъ подвигаться въ указанномъ направленіи, тѣмъ встрѣтимъ болѣе развитую боярщину, тѣмъ болѣе каждый городъ обособленъ отъ окружающей его земли, тѣмъ болѣе община заключена исключительно въ городскія стѣны и прежнее понятіе о цѣльности территоріяльной собственности превращается въ болѣе или менѣе обширныя претензіи мѣщанъ на право пользоваться сервитутами въ извѣстной мѣстности. Такъ въ Кіевѣ единственный слѣдъ общиннаго землевладѣнія остался въ правѣ мѣщанъ, признанномъ королевскими грамотами 1571 и 1615 годовъ, рубить дрова въ окрестности, сперва на разстояніи 5 миль отъ города, а потомъ только отъ устья Ирпени до рѣки Кривца и

---

[1]) Ibid. № CCXII, стр. 530—533.

въ правѣ рыбной ловли въ Днѣпрѣ и его заливахъ на томъ-же пространствѣ [1]. Но уже уставная грамота великаго князя Александра 1495 года лишила ихъ права пользоваться какъ сѣнокосами такъ и прудами въ бывшей чертѣ общинныхъ земель, а многочисленныя жалованныя грамоты распредѣляли уже съ конца XV вѣка села и пустовщины Кіевскаго повѣта между панами и боярами литовскими [2]. Впрочемъ порядокъ этотъ установился, вѣроятно, не безъ упорной борьбы и преданія объ обширности городской территоріи и о старомъ правѣ, въ силу котораго многіе сельскіе округи тянули къ городу, съ удивительною живучестью сохранялись въ средѣ Кіевскаго мѣщанскаго населенія. Совершенно неожиданно воспоминанія эти всплыли изъ многовѣковаго забвенія уже въ половинѣ XVII столѣтія. Въ годъ присоединенія Кіева къ Россіи (1654) кіевскіе мѣщане отправили посольство къ царю съ челобитною объ утвержденіи и возстановленіи старыхъ правъ города. Между прочими статьями мы встрѣчаемъ просьбу о возвратѣ городу старой городской территоріи, на которой помѣщалось въ то время мѣстечко Дымерь и села: Демидово, Козаревичи, Глѣбовка, Яспогородка, Холмъ, Туровча, Мокрецъ, Петровцы, Преорка, Мостыща, Креничи, Крыковщина и за Днѣпромъ— Вигуровщина и Рожевка, а также водоемы двухъ рѣчекъ: Котора и Сырца. Территорія эта, по словамъ просителей, принадлежала „предкамъ нашимъ, мѣщанамъ Кіевскимъ и дана имъ была отъ великихъ князей Россійскихъ, тому лѣтъ съ 200, а королевскихъ привилей на тѣ мѣста имъ не бывало, а шляхта поотымывали, маетности себѣ подѣлали, мѣстечки, села поосаживали" [3]. Въ Житомирскомъ и Овруцкомъ повѣтахъ раздача земель служилымъ людямъ началась еще при великомъ князѣ Свидригайлѣ; вслѣдствіе ранняго водворенія боярскаго сословія, уже въ началѣ XVI вѣка земяне отняли у общинниковъ Житомирской земли послѣдніе ихъ грунты и пасѣки, даже такія, которыя не были пожалованы боярамъ княжескими грамотами и ограничили мѣщанъ исключительно чертою земель городскихъ [4]. Въ Летичевскомъ повѣтѣ пустовщины, розданныя боярамъ, раздѣлили общинныя земли на нѣсколько черезполосныхъ участковъ; особенная коммиссія, назначенная королемъ въ 1548, признала за мѣщанами право на лѣса и хутора, отдѣленные отъ города боярскими землями; по впослѣдствіи лѣсами этими завладѣли старосты и упорное сопротивленіе мѣщанъ противъ ихъ отчужденія и дало поводъ къ многолѣтнему процессу, затянувшемуся до самаго конца XVIII столѣтія. Въ продолженіе всего этого времени мѣщане указывали на исконное право общиннаго землевладѣнія въ территоріи по рѣкамъ: Згарѣ и Згаркѣ и доказывали безправное возникновеніе боярскихъ и шляхетскихъ селъ на

---

[1] Сборникъ Муханова изд. 2-ое, стр. 386 и 448.

[2] Акты западной Россіи т. I № № 120, 129, 151, 158, 171, 178; Акты южной и западной Россіи т. I, № 72.

[3] Акты южной и западной Россіи, т. X, стр. 626.

[4] Starożytna Polska т. I. стр. 529.

общинной землѣ [1]). Такая-же тяжба за право пользованія лѣсами существовала между мѣщанами Каменецкими и земянами, владѣвшими всѣми селами, окружавшими этотъ городъ, и была рѣшена въ 1513 году королевскими коммиссарами въ пользу первыхъ на основаніи присяги мѣщанъ въ томъ, что они имѣли искони свободный входъ въ спорные лѣса [2]).

На Волыни развитіе боярскаго сословія и разложеніе общины было еще полнѣе и началось гораздо раньше: въ Луцкой землѣ уже въ 1432 году отличаются сословія—съ одной стороны: „duces, boiari, milites et nobiles", съ другой „homines seu kmethones" [3]). Въ Кременецкой землѣ въ началѣ XV столѣтія великій князь Свидригайло отчуждалъ отъ общины въ пользу бояръ цѣлыя волости: такъ въ 1408 году онъ пожаловалъ своему кухмистру Мыщицу „село Борщанку а борокъ и селище Кандитовъ, а лѣсъ Дѣдовъ, со всѣмъ, что къ тымъ селомъ изъ вѣка и зъ давна слушало и тягло, со всѣми уходы и приходы, зъ приселки и зъ селищи". Въ 1438 году грамотою, жалующею кременецкое войтовство „Нѣмчину Юрку" великій князь признаетъ за нимъ право пользоваться не только общими угодьями въ чертѣ городскихъ земель, но и отчуждаетъ въ его пользу село Подлесцы „со всѣми входы, и приходы, что къ тымъ Подлесцамъ прислухаетъ" и село Денятинъ „со всѣми пожитки" и т. д. [4]). Вообще уже въ началѣ XVI вѣка всѣ общины Волынскія стѣснены въ предѣлахъ стѣнъ городскихъ и представляютъ изрѣдка или слабые слѣды прежней общности съ окружающею ихъ землею, или только далекое о ней воспоминаніе. Такъ еще княземъ Свидригайломъ была отмежевана незначительная только часть общинной земли и признана исключительно собственностью города Кременца; такъ мѣщане города Луцка пользовались, въ силу грамоты того-же великаго князя, правомъ рубить дрова и пасти скотъ въ дубровахъ и лѣсахъ княжскихъ, панскихъ и земянскихъ, прилегавшихъ къ городу; мѣщане города Владиміра пользовались такимъ-же правомъ въ разстояніи двухъ миль отъ города, на основаніи грамоты В. К. Александра; Сигизмундъ Августъ призналъ за ними право рыбной ловли въ рѣкѣ Лугѣ, но сократилъ право пользованія лѣсомъ и пастбищами до разстоянія одной мили отъ города; въ той-же грамотѣ король, подтверждая городу право на нѣкоторыя сѣнокосныя дачи, признаетъ, что всѣ другіе „грунты, поля, дубровы и сѣнокосы забраны панами Владимірскими" [5]).

Если обратимъ вниманіе на качество государственныхъ повинностей, возложенныхъ на мѣщанъ въ разсматриваемое время, то замѣтимъ одно общее явленіе: чѣмъ сильнѣе въ данной мѣстности сохранилось общинное начало,

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи ч. V, т. I, № № XIII, стр. 51, CCXIV, стр. 546 и CCXXIII, стр. 580.

[2]) Ibid. № CXX, стр. 295.

[3]) Ibid. № I, стр. 1.

[4]) Ibid. № II, стр. 4; также грамоты великихъ князей Литовскихъ стр. 5.

[5]) Ibid. № № II, стр. 4; V, стр. 20; VI, с. 29 и XXXVIII, стр. 144—145.

тѣмъ болѣе жители ея несутъ военныхъ повинностей и, наоборотъ—чѣмъ болѣе община стѣснена и подавлена военнымъ сословіемъ, тѣмъ менѣе она сама несетъ военныхъ повинностей и замѣняетъ послѣднія денежными взносами въ пользу князя или замковаго уряда. Вообще если разсмотримъ по актовымъ указаніямъ государственныя повинности, возлагавшіяся на жителей края, то находимъ перечисленными слѣдующіе главные ихъ виды: 1) обязательство доставлять по востребованію князя или его намѣстника или старосты ополченіе для похода противъ непріятелей. 2) Обязательство защищать городскія укрѣпленія вообще и замокъ въ особенности отъ непріятельскихъ нападеній и содержать постоянную стражу въ этихъ укрѣпленіяхъ. 3) Возводить или содержать въ исправности городскія и замковыя укрѣпленія и снабжать замокъ оружіемъ и боевыми припасами. 4) Содержать „полевую сторожу“ на границахъ земель своихъ, т. е. посылать караулы для наблюденія за безопасностью границъ отъ непріятелей, особенно отъ Татаръ. 5) Доставлять подводы во время военнаго похода для перевоза припасовъ и багажей. 6) Доставлять подводы для перевоза великокняжескихъ пословъ, гонцовъ, и урядниковъ, или для иностранныхъ пословъ, слѣдующихъ къ великому князю, сопровождать ихъ въ качествѣ конвоя и давать имъ квартиру и содержаніе во время пребыванія въ данномъ городѣ или землѣ. Наконецъ 7) платить деньгами или натурою извѣстную подать князю и извѣстный „доходъ“ старостѣ, какъ военному начальнику края. Изъ всѣхъ упомянутыхъ повинностей, за исключеніемъ послѣдней, только обязательство содержать и возводить новыя городскія укрѣпленія постоянно, въ теченіи всего разсматриваемаго времени, относится къ обязанностямъ городскихъ обывателей и простирается на нихъ даже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, между тѣмъ какъ другія повинности мало по малу, по мѣрѣ развитія военнаго сословія, переходятъ исключительно къ послѣднему, а въ отношеніи къ горожанамъ замѣняются податью подъ различными наименованіями. Замѣнъ этотъ происходилъ медленно, путемъ естественнымъ: съ одной стороны для князей удобно было имѣть отдѣльное военное сословіе, обязанное лично, поземельнымъ леннымъ владѣніемъ къ точному исправленію военной повинности; сословіе такое могло пріобрѣсти болѣе военной опытности и сноровки, занимаясь спеціально военнымъ дѣломъ; двинуть его въ походъ можно было удобнѣе въ каждую данную минуту, оно естественно стояло въ зависимости отъ княжескаго намѣстника, который въ качествѣ военнаго предводителя и въ мирное время представлялъ для служилаго сословія естественную, ближайшую административную власть края; между тѣмъ разсчитывать на удобоподвижность общинныхъ ополченій и на военное ихъ искусство было гораздо труднѣе. Община привыкла смотрѣть на военное дѣло какъ на защиту исключительно своей земли; двинуть ея ополченіе за предѣлы этой земли безъ яснаго сознанія мѣстнаго интереса было трудно. Вообще общинное ополченіе не могло представлять гибкости и подвижности, не могло поддаваться въ такой степени централизаціи силъ и управленія, какая нужна была для военнаго дѣла.

Князья потому вездѣ, гдѣ было возможно, предпочли созидать отдѣльное военно-служилое сословіе.—Съ другой стороны, по мѣрѣ развитія послѣдняго и захвата имъ селъ и пахатныхъ земель, оставшіеся на лицо члены общины, стѣсненные въ городахъ, занялись исключительно промышленною и торговою дѣятельностью, они тяготились военными повинностями и охотно готовы были отъ нихъ откупаться извѣстнымъ денежнымъ взносомъ.—Повѣрить сказанное мы можемъ актовыми свидѣтельствами, если примемъ во вниманіе то разнообразное отношеніе въ различныхъ мѣстностяхъ между началами военнымъ и общиннымъ, которое было указано выше. Въ Украинѣ, гдѣ боярское сословіе было слабо или вовсе не существовало, обязанности членовъ общинъ отправляться въ военные походы, защищать замки, отправлять „полевую сторожу" и т. д. возлагаются на нихъ до конца XVI и даже до первой четверти XVII столѣтія. Такъ королевская грамота 1589 года обязываетъ мѣщанъ Чигиринскихъ составлять ополченія для военныхъ походовъ подъ начальствомъ старосты. Къ тому-же обязываютъ грамоты и люстраціи: мѣщанъ Каневскихъ—въ 1552, Богуславскихъ—въ 1620, Корсунскихъ—въ 1584 и 1616. Въ 1571 г. мѣщане Бѣлоцерковскіе обязаны еще отбывать полевую сторожу, въ 1620 г. Богуславскіе мѣщане должны были провожать королевскихъ гонцевъ и т. д. [1]). Чѣмъ далѣе будемъ подвигаться къ сѣверо-западу отъ Украины, тѣмъ менѣе размѣръ военныхъ повинностей, возложенныхъ на городскихъ обывателей, тѣмъ ранѣе послѣдніе отъ нихъ освобождаются. Такъ въ Кіевѣ, по смыслу грамоты 1544 года, ополченіе городское должно было являться подъ начальствомъ намѣстника, только въ случаѣ необходимости быстрой погони за Татарами, мѣщане отправляли еще польную сторожу и стерегли замокъ, но отъ содержанія и провода гонцовъ и пословъ были освобождены [2]). Въ Брацлавлѣ, по словамъ описи замка 1545 г., мѣщане уже перестали отправляться въ военные походы и даже защита замка лежала исключительно на обязанности замковаго уряда [3]). Въ Летичевѣ, Смотричѣ, Каменцѣ и другихъ Подольскихъ городахъ о военной повинности горожанъ вовсе не упоминается, за то они обязаны вносить довольно значительныя подати, назначенныя на содержаніе городскихъ укрѣпленій, на доходъ старосты и въ пользу королевской казны. Если одинъ разъ въ теченіи XVIII вѣка и упоминается въ Каменцѣ городская милиція [4]), то существованіе ея не должно

---

[1]) Ibid. №№ XXIV, XXI, CCXIII, Акты Южной Россіи т. I № 160 Starożytna Polska т. II, стр. 520. Позже первой четверти XVII в. не упоминаются ополченія украинскихъ городовъ, потому что они вошли въ составъ козацкихъ полковъ—другой, тождественной съ ними, формы общиннаго ополченія. Города Украинскіе, сдѣлавшись центрами козацкихъ полковъ и сотень, возвратились къ прежнему земскому своему значенію.

[2]) Сборникъ Муханова № 91.

[3]) Архивъ Юго-западной Россіи, ч. V, т. I, № CCXII стр. 529.

[4]) Ibid. № LXV, стр. 200.

относить къ установленному издавна обычаю; милиція эта была единовременною, экстренною мѣрою, вызванною распоряженіемъ Подольскаго сеймика, въ виду приближавшагося къ воеводству козацкаго возстанія.—Въ Волынскихъ городахъ обязанности военной службы мѣщанъ прекращаются также весьма рано: Луцкъ еще при великомъ князѣ Казимирѣ былъ освобожденъ отъ доставки подводъ въ военное время, а въ грамотѣ 1497 года послѣдній разъ упоминается объ обязанности мѣщанъ защищать замокъ и являться на войну, и то лишь въ крайнемъ случаѣ. Мѣщане Владимірскіе издавна завели обычай давать намѣстнику „челомъбитіе", откупаясь отъ походовъ; наконецъ, въ 1509 году они освобождаются отъ нихъ королевскою грамотою, которая предписываетъ имъ взамѣнъ того „платы местскіе платити и подводы давати по давнему".—Замокъ они должны защищать только въ такомъ случаѣ, если намѣстникъ съ гарнизономъ отправится изъ города въ походъ [1]).—Совершенно равномѣрно съ освобожденіемъ городовъ отъ военныхъ повинностей, возрастаетъ обложеніе ихъ „мѣстскими платами". Тамъ, гдѣ городскіе обыватели несутъ военныя повинности, грамоты ясно заявляютъ, что они „платовъ" въ пользу замка не несутъ и никакой дани съ земли не даютъ, или, если и упоминаютъ дань, въ качествѣ дохода старосты, то она является въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Такъ, между тѣмъ какъ въ Чигиринѣ, Корсунѣ, Звенигородкѣ грамоты вовсе не упоминаютъ о дани, а въ Каневѣ въ 1552 году мѣщане давали только старостѣ 8 грошей изъ дома коляды и сторожевщины и по одному возу сѣна, въ Брацлавлѣ они давали наравнѣ съ крестьянами подымщину, отъ которой еще въ 1507 году увольнены были земяне, также осепъ и другія повинности натурою. а въ 1552 количество денежной дани было еще болѣе усилено. Въ Кіевѣ въ 1544 мѣщане давали „платъ зъ корчемъ и контрибуцію на замокъ". Въ Луцкѣ и Владимірѣ въ 1532 году на мѣщанъ возложена была обязанность платить помѣрное „потому якъ въ иншихъ местахъ и въ Берестіи померное есть" и мостовое и подати эти разрѣшено было употреблять на покупку оружія и боевыхъ припасовъ для замка. Наконецъ въ подольскихъ городахъ, въ которыхъ вовсе не упоминается о военной повинности мѣщанъ, перечисляются многочисленные денежные и натуральные взносы. Такъ, по словамъ ревизіи 1564 года, мѣщане Смотрича обязаны были платить значительный чиншъ отъ домовъ и земель, находившихся въ ихъ пользованіи, т. е. поземельное и подымное, подать за право куренія вина и пива, т. е. „варове и слодове" давали осепъ, т. е. дань зерномъ натурою, капщизну т. е. подать за право продажи питей и т. д. [2]). На сколько усиленіе платы было въ связи съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ военной повинности явствуетъ уже изъ самаго распредѣленія обѣихъ обязанностей, но иногда въ самихъ грамотахъ замѣнъ этотъ указы-

---

[1]) ibid. №, №: IV, V и VI.
[2]) ibid. №№ XXI, CCXII, VI, III и сборникъ Му..нова № 91.

вается положительно. Выше приведены были примѣры замѣна военной повинности „платами“ въ Брацлавлѣ и Владимірѣ, кромѣ того если сличимъ двѣ люстраціи города Корсуня, произведенныя въ 1616 и 1622 годахъ, то можемъ убѣдиться въ этомъ нагляднѣе: первая изъ нихъ нашла въ Корсунѣ 200 мѣщанскихъ домовъ, „которые ни чинша не платятъ, ни повинностей никакихъ не отбываютъ—только одну военную службу“. Слѣдующая затѣмъ, 6 лѣтъ спустя, люстрація не упоминаетъ вовсе о военной повинности, но за то утверждаетъ, что мѣщане должны платить чиншъ и давать осепъ [1]).

Въ Ковлѣ мѣщане, христіане и Евреи, были освобождены отъ военной повинности, и взамѣнъ ея вносили извѣстное количество дани, подъ различными наименованіями. Въ 1547 году королева Бона уничтожила эти дани и замѣнила ихъ правильною податью—по одному червонцу съ каждаго дома—а впослѣдствіи Ковельскіе старосты превратили одно изъ селъ, принадлежавшихъ старостѣ въ такъ называемую „Выбранецкую слободу“ и распредѣлили расходы на содержаніе милиціи между замкомъ, городомъ Ковлемъ, мѣстечками: Миляновичами и Выжвою и жителями окрестныхъ селъ [2]).

Постепенный переходъ мѣщанъ отъ военной повинности къ „платѣ“ деньгами или натурою вызвалъ въ различныхъ городахъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по установившимся обычаямъ, самые многоразличные виды даней, извѣстные подъ многими наименованіями и неравномѣрно восполнявшіе отмѣненную повинность; желая привести ихъ къ одному знаменателю и установить правильный доходъ, государственная власть должна была, наконецъ, формулировать качество и размѣръ городскихъ повинностей. Такую формулировку мы встрѣчаемъ дѣйствительно въ уставѣ Сигизмунда-Августа 1557 года. Король, освобождая окончательно всѣ города отъ остальныхъ, лежавшихъ еще на нихъ, повинностей, т. е. отъ „стаціи“ перевозки писемъ и обязанности доставлять подводы, опредѣляетъ точно количество податей, возлагаемыхъ на мѣщанъ и распредѣленіе послѣднихъ ставитъ въ зависимость отъ количества земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи: какъ пахатныхъ, такъ и усадебныхъ; сверхъ того уставъ облагаетъ налогами два важнѣйшіе промысла: продажу напитковъ и торговлю мясомъ и устанавливаетъ подушную подать отъ „коморниковъ“ (бобылей), живущихъ въ городахъ, и подымную подать отъ городскихъ домовъ [3]).—Уставъ этотъ изданъ вообще для всѣхъ городовъ великаго княжества Литовскаго и хотя de jure только относится къ тѣмъ городамъ, въ которыхъ мѣщане отбывали еще военную повинность, но во

---

[1]) Ibid № CCXIII, стр. 542.

[2]) Выбранецкими слободами назывались села, освобожденныя отъ всякихъ повинностей и податей, взамѣнъ которыхъ, жители отбывали военную службу подъ начальствомъ старосты или частнаго владѣльца. Ibid №№: XII и XLVI.

[3]) Акты западной Россіи, т. II, стр. 74—75, 92 и 95; Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. V, т. I, стр. 66—67, 83, 125, 533, 539, 550 и 559.

всякомъ случаѣ онъ представляетъ доказательство, что замѣнъ послѣдней денежными взносами уже произошелъ, за незначительными исключеніями повсемѣстно въ земляхъ Великаго княжества.

По мѣрѣ того, какъ общинное начало все болѣе и болѣе стѣсненное военнымъ сословіемъ, уступало послѣднему общинную территорію, и, отклоняя отъ себя военную повинность, становилось мѣщанскимъ (т. е. исключительно торговымъ и ремесленнымъ) сословіемъ, по мѣрѣ того видоизмѣнялись и внутреннее самоуправленіе и самосудъ общины. При преобладаніи взгляда на край, какъ на источникъ военныхъ силъ государства, князья литовскіе смотрѣли на земли и города Великаго княжества какъ на военныя поселенія, жители ихъ въ мирное время представлялись какъ-бы ополченіемъ, временно отдыхающимъ послѣ военнаго похода; вслѣдствіе такого взгляда, власти, начальствовавшія ополченіями въ военное время, оставались начальниками округовъ, повѣтовъ или княжествъ, изъ которыхъ являлись эти ополченія на войну подъ ихъ начальство. Удѣльный князь или великокняжескій воевода, намѣстникъ, староста, въ силу своего значенія въ качествѣ начальника войска, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и въ мирное время верховную судебную и административную власть въ подвѣдомственномъ ему округѣ или области. Эти начальники наблюдали за порядкомъ и благочиніемъ въ повѣтахъ и городахъ и судили преступленія и тяжбы, возникавшія между земянами. Служилое сословіе, обязанное, въ силу пожалованныхъ ему князьями земель, не только къ военной службѣ, но и къ повиновенію верховной власти князя—естественно подчинялось лицу, представлявшему эту власть въ данной мѣстности. Только въ XVI столѣтіи, при редакціи Литовскаго статута, первый разъ управленія судебное и военное были если не раздѣлены совершенно, то, по крайней мѣрѣ, приведены закономъ въ болѣе правильное другъ къ другу отношеніе. Судъ получилъ устройство коллегіальное, съ допущеніемъ въ составъ его лицъ, выборныхъ отъ земянъ, старосты-же болѣе важныхъ замковъ (гродовъ) удержали только значеніе предсѣдателей организованныхъ по новому закону судовъ. Но устройство это было формулировано уже въ то время, когда съ одной стороны правительство, подготовляя унію Литвы съ Польшею, старалось расширить права земянъ и, по мѣрѣ возможности, уравнять ихъ съ правами польской шляхты, съ другой стороны сами земяне, прочно осѣвшись въ земляхъ, чувствовали свою силу, и стремились занять независимое положеніе, подобное тому, которое было выработано въ Польшѣ шляхетскимъ сословіемъ; до времени-же изданія Литовскаго статута власть административная и судебная надъ служилымъ сословіемъ была исключительно въ рукахъ князя или его намѣстника—старосты.—Въ другія отношенія къ послѣднему должны были стать общины: самосудъ и внутреннее самоуправленіе составляли искони отличительную принадлежность общинной жизни—все значеніе послѣдней сосредоточивалось въ этомъ правѣ. Къ несчастію отстоять его было невозможно: съ одной стороны общины Южной Руси не развили своего быта до стройной, цѣльной системы, не формулировали его въ видѣ отчетливыхъ законоположе-

ній или хартій, подобно общинамъ западно-европейскимъ. Онѣ сходились на вѣча, обсуждали дѣла, руководясь исключительно обычаемъ и личнымъ чувствомъ справедливости присутствовавшихъ членовъ, но никогда не позаботились ни закрѣпить эти обычаи въ видѣ устава и доставить имъ такимъ образомъ возможность правильнаго законодательнаго развитія, ни обезпечить за собою право общиннаго самоуправленія и самосуда, подобно Новгороду, договорными, жалованными, судными или подтвердительными грамотами, которыя онѣ могли бы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получить отъ верховной княжеской власти. Съ другой стороны общины рано отказываются отъ военныхъ повинностей и стараются ихъ отклонить отъ себя, замѣняя постепенно натуральными повинностями въ пользу замка или старосты или уплатою податей въ пользу государства; онѣ даже слагаютъ съ себя, при первой возможности, обязанность защищать укрѣпленія собственныхъ городовъ и хлопочутъ у князей объ увольненіи отъ нея, какъ объ особенной льготѣ; такимъ образомъ городскія общины сами себя добровольно обезоруживаютъ и, въ виду непосредственныхъ выгодъ, истекавшихъ изъ освобожденія отъ повинности, тягостной для нихъ въ повседневной жизни, жертвуютъ возможностью отстоять существеннымъ образомъ права, составлявшія всю сущность общинной жизни, обрекаютъ себя добровольно на роль пассивнаго сопротивленія въ борьбѣ за эти права. Дѣйствительно борьба военнаго и общиннаго порядковъ въ Южной Руси представляетъ картину исключительно пассивнаго сопротивленія со стороны втораго, и постепеннаго, активнаго натиска со стороны перваго изъ нихъ. Такъ военное сословіе успѣваетъ, пользуясь необходимостію, ощущаемою въ немъ княжескою властью, сначала оттянуть отъ общинъ ихъ сельскія территоріи, потомъ совершенно выдѣлиться изъ общины, выработать для себя сословныя права, оградить ихъ законодательнымъ путемъ въ Литовскомъ статутѣ и, пользуясь своею многочисленностью и значеніемъ въ государствѣ, а также обстоятельствами, въ которыхъ находилось правительство, ограничить послѣднее, и, наконецъ, сравниться въ правахъ съ чрезмѣрно развившимся польскимъ шляхетскимъ сословіемъ.—Въ тоже время общины уступаютъ шагъ за шагомъ передъ натискомъ земянъ, и ограничиваются въ борьбѣ безплодными протестами и жалобами, ссылками на обычаи „якъ здавна бывало“ и усиліями успокоиться на томъ, что послѣ каждой уступки имъ остаются еще клочки прежняго порядка, на которыхъ они пытаются устоять. Но въ борьбѣ онѣ не въ состояніи ни ясно формулировать своихъ требованій, ни указать на письменный документъ обезпечивающій ихъ, ни поддержать свой протестъ вооруженною силою и основаннымъ на ней значеніемъ въ государствѣ. Такимъ образомъ если остатки общинъ и сохранились въ городскихъ поселеніяхъ, получившихъ въ послѣдствіи самоуправленіе, хотя и видоизмѣненное магдебургскимъ правомъ, то онѣ были этимъ обязаны не силѣ, настойчивости и успѣшному ходу собственнаго протеста, а только тому обстоятельству, что правительство нашло болѣе выгоднымъ для себя: какъ сохранить торговые и ремесленные центры, дававшіе возможность

усиливать средства государственной казны, оказавшіяся весьма скудными вслѣдствіе односторонней военной организаціи края, такъ и удержать отъ окончательнаго паденія сословіе, необходимое для поддержки и постройки крѣпостей, доставлявшее для этой цѣли значительныя денежныя и натуральныя повинности.

Потерявъ сельскіе округи, перешедшіе почти безъ сопротивленія во владѣніе служилаго сословія, стѣсненныя въ городскихъ стѣнахъ и отказавшись даже въ ихъ предѣлахъ отъ права носить оружіе, общины сохранили до извѣстной степени самосудъ и самоуправленіе только подъ прикрытіемъ грамотъ, пожалованныхъ имъ на Магдебургское право: но это самоуправленіе носило слѣды искуственнаго происхожденія, той внѣшней мѣры, которою оно было гарантировано. Прежняя вѣчевая равноправность членовъ общины, прежнее значеніе вѣчевой сходки — замѣняются выборными, по большей части подъ контролемъ постороннихъ властей, урядниками, судъ ихъ подчиняется, какъ высшей инстанціи, смотря по обстоятельствамъ, суду короля, старосты и даже частнаго владѣльца и его эконома; полицейское управленіе и наблюденіе надъ сборомъ податей по большей части совершенно, иногда только въ извѣстной долѣ, переходятъ также въ руки старосты или частнаго владѣльца.—Но и такое условное сохраненіе городского самоуправленія было по большей части добровольною уступкою, сдѣланною городскимъ общинамъ правительствомъ; изъ текста самихъ грамотъ мы видимъ, что онѣ до значительной степени возстановляютъ потерянныя уже права горожанъ, и что положеніе послѣднихъ во время, непосредственно предшествовавшее пожалованію грамоты каждому отдѣльному городу, было сравнительно гораздо болѣе стѣснено, чѣмъ послѣ того, когда магдебургское право вошло въ дѣйствіе.—Потеря первоначальнаго общиннаго самоуправленія произошла двоякимъ путемъ: 1) Назначеніемъ князьями отдѣльныхъ городскихъ, наслѣдственныхъ войтовъ и уступкою въ ихъ пользу, особенными грамотами, суда надъ членами городской общины; 2) фактическимъ расширеніемъ старостинской власти.— Разсматривая первое изъ этихъ явленій, мы должны строго различать жалованныя грамоты на должность войта, съ предоставленіемъ ему власти судить горожанъ по Нѣмецкому праву, отъ грамотъ, жалующихъ прямо городамъ это право.—Между тѣмъ, какъ вторыя, предоставляя городамъ право выбирать урядниковъ и подчиняться ихъ суду, гарантировали до извѣстной степени городское самоуправленіе, первыя переуступали только княжеское право уголовнаго суда въ общинахъ не подлежавшихъ еще суду старосты, извѣстному лицу изъ служилаго сословія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагая на него обязанность военной службы, выдѣляли въ его пользу значительную долю какъ городскихъ земель, такъ и городскихъ доходовъ. Образецъ такой грамоты мы встрѣчаемъ въ грамотѣ, выданной Великимъ княземъ Свидригайломъ Нѣмчину Юрку изъ Буска на должность наслѣдственнаго войта въ городѣ Кременцѣ.—Она пожалована Юрку вслѣдствіе его личной просьбы, безъ вѣдома и согласія мѣщанъ и возлагаетъ на него двѣ различныя обязанности. Съ одной стороны войтъ (въ значеніи

нѣмецкаго voigt'а) обязанъ исправлять уголовный судъ надъ мѣщанами, туземными и колонистами, которые выдѣляются изъ вѣдомства другихъ властей и за то ему назначается въ вознагражденіе $^1/_6$ податей, получаемыхъ княземъ отъ городскихъ земель, $^1/_3$ судебныхъ пошлинъ, сборы съ „ятокъ резничихъ, пекарскихъ и свецъкихъ“ и доходъ, получаемый съ нѣкоторыхъ городскихъ мельницъ. Съ другой стороны, таже грамота жалуетъ войту „ку его войтовству“ нѣсколько селъ, тянувшихъ еще къ городу, а также право на пользованіе городскими угодьями, съ обязательствомъ отправлять съ этихъ имѣній военную службу [1]). Такимъ образомъ должность городского войта совмѣщала въ себѣ два различныя значенія: въ силу одного изъ нихъ войтъ пріобрѣталъ поземельную собственность и становился въ ряды служилаго сословія—земянъ, положеніе выгодное и само по себѣ при постепенномъ развитіи военнаго сословія, и потому еще, что съ отправленіемъ его были соединены важнѣйшія доходныя статьи; въ силу другого значенія войтъ былъ какъ-бы представителемъ мѣщанскаго сословія и его судьею въ дѣлахъ уголовныхъ, „великихъ и малыхъ“; но это второе значеніе, встрѣчая пассивный отпоръ со стороны мѣщанъ, требовало постояннаго присутствія войта въ городѣ, что не всегда могло быть совмѣстно съ его обязанностями какъ члена военнаго сословія; притомъ, при постепенномъ паденіи въ государствѣ значенія горожанъ, оно какъ-бы нѣсколько роняло войта въ ряду земянъ; наконецъ, при послѣдовавшемъ пожалованіи городамъ магдебургскаго права, судебная власть войта перешла къ выборнымъ магистратскимъ чиновникамъ. Такимъ образомъ войты, назначенные князьями, весьма скоро начинаютъ обращать вниманіе исключительно на заботы объ удержаніи земель, доходовъ и военной повинности, сопряженныхъ съ должностью войта и уклоняются отъ судебныхъ обязанностей, приуроченныхъ къ ней. Войтовства становятся новымъ видомъ земянскихъ бенефицій и въ этомъ качествѣ переходятъ по наслѣдству, продаются, закладываются и обмѣниваются на земскія имѣнія ихъ владѣльцами. Такъ королева Бона купила Луцкое войтовство у „дочекъ войта Луцкаго Яна“ и потомъ промѣняла часть доходовъ, принадлежавшихъ войтовству, Луцкому старостѣ, князю Сангушку-Кошырскому, за нѣсколько селъ, приписанныхъ къ Луцкому замку. Исчисляя доходы и дома, принадлежавшіе войтовству и переуступаемые старостѣ, королева ясно высказываетъ въ мѣновой записи, что войтовство уже совершенно почти утратило свое судебное значеніе. Она ставитъ на видъ новому владѣльцу, что, не смотря на титулъ войта, онъ не будетъ имѣть права ни назначать ляндвойта, ни судить мѣщанъ, что эти функціи перешли уже къ горожанамъ въ силу пожалованнаго городу магдебургскаго права, и что въ этомъ отношеніи войту осталась только одна лишь формальная привилегія—утверждать выбраннаго мѣщанами ляндвойта [2]). Дру-

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, № II, стр. 3.
[2]) Ibid. № X стр. 45.

гую часть войтовскихъ доходовъ и принадлежавшее ему „Караимовское поле„ королева продала 4 года спустя земянину Ивану Яцковичу Борзобогатому; исчисляя обстоятельно въ продажной записи отчуждаемые доходы и земли, о судебной власти королева упоминаетъ только вскользь, поставляя притомъ на видъ, что войтъ долженъ соображаться съ правами, данными „и месту тамошнему Луцкому“ [1]).—Въ XVII вѣкѣ отъ шляхетскихъ войтовствъ остался только титулъ; значеніе судебной должности совершенно утратилось и войтовства, подобно староствамъ и другимъ бенефиціямъ, раздаются королями шляхтичамъ въ награду за заслуги. Такъ король Іоаннъ III жалуетъ полковнику Булыгѣ вакантное Овруцкое войтовство, гарантируя за нимъ доходы и земли, приписанные къ этой должности, но не опредѣляя вовсе сущности, вскользь упомянутой, судебной дѣятельности. Послѣ смерти Булыги король пожаловалъ то-же войтовство шляхтичу Мнисевскому, который переуступилъ его овруцкому хорунжему, Трипольскому; въ переуступочной записи Мнисевскій вовсе даже и не упоминаетъ о судебныхъ обязанностяхъ, а только обстоятельно исчисляетъ доходы передаваемой бенефиціи.—Изъ позднѣйшихъ актовъ мы узнаемъ, что единственный слѣдъ прежняго значенія должности наслѣдственнаго Овруцкаго войта, остался въ правѣ, подтверждать выбраннаго мѣщанами ляндвойта, при чемъ послѣдніе выбирали одного только кандидата, такъ, что войтъ не могъ отказывать въ утвержденіи или вліять на выборъ избраніемъ одного изъ нѣсколькихъ предложенныхъ кандидатовъ, и ограничивался чисто формальнымъ признаніемъ состоявшагося уже выбора [2]).—Такимъ образомъ попытка передать городскія общины въ судебномъ отношеніи въ вѣденіе войтовъ не состоялась: она привела или къ тому, что войты, отказавшись отъ судебной власти, удержали только, какъ въ указанныхъ случаяхъ, въ качествѣ личной собственности, городскія земли и угодія, передавъ самое право суда своимъ намѣстникамъ—ляндвойтамъ, которые потомъ, при водвореніи магдебургскаго права, стали избирательными урядниками; или-же сами города скупили у войтовъ ихъ должности и обратили ихъ изъ наслѣдственныхъ въ избирательныя, или, наконецъ, короли пожаловали прямо городамъ грамотами, водворившими магдебургское городское устройство, право избирать войта изъ своей среды и обязались не выдавать шляхтичамъ привилегій на войтовство извѣстнаго города, а выданныя уже кассировать, примѣръ послѣдняго изъ указанныхъ случаевъ мы встрѣчаемъ въ грамотѣ, пожалованной королемъ Августомъ II городу Каменцу [3]).

Если учрежденіе войтовъ, мѣра, пытавшаяся примирить общинное начало съ военнымъ, осталась почти безъ вліянія на судъ и самоуправленіе городскихъ общинъ, тѣмъ тяжелѣе въ этомъ отношеніи было столкновеніе

---

[1]) Ibid. № XIV, стр. 52.

[2]) Ibid. №№: XLIX стр. 168; LXXXV, стр. 230; CXCVII, стр. 492 и CXCIX, стр. 495.

[3]) Ibid. № CXIX, стр. 294.

послѣднихъ съ властью старостъ, какъ представителей начала имъ противуположнаго. Уже по существу своему власть эта не могла ужиться съ городскимъ самоуправленіемъ: постоянно являлись спорные предметы, на завѣдываніе которыми равно заявляли притязанія какъ старосты такъ и городскія общины, желая отнести ихъ—каждый къ кругу своей дѣятельности. При неустановленности и сбивчивости обычнаго права, количество спорныхъ предметовъ ежедневно возрастало, а при преобладающей силѣ представителей военнаго начала, конечно споръ долженъ былъ привести къ окончательному поглощенію городскихъ общинъ и къ низведенію ихъ на ту степень подчиненности, на которой уже находились сельскія общины. Пересмотримъ по актамъ отношенія старостъ къ городамъ въ то время, когда водвореніе магдебургскаго права остановило дальнѣйшее развитіе старостинской власти и отчасти заставило ее отступиться отъ многаго, уже захваченнаго ею: намѣстникъ княжескій или староста въ качествѣ военнаго начальника округа и предводителя служилыхъ людей, былъ *судьею земянъ*, и подвластныхъ имъ крестьянъ; между тѣмъ земяне выдѣлились совершенно изъ общины, какъ отдѣльное сословіе, хотя продолжали жить не только на земляхъ ближайшихъ къ городу и чрезполосныхъ съ городскими дачами, но и внутри самихъ городовъ [1]). Очевидно, что при столкновеніяхъ ихъ съ городскими обывателями, земяне не желали подлежать рѣшенію сходки послѣднихъ и давали возможность старостѣ призывать ихъ къ собственному суду. Изъ грамоты, данной Сигизмундомъ I городу Владиміру 1509 года, видно, что старосты не отказывались отъ суда въ смѣшанныхъ тяжбахъ между земянами и горожанами даже въ тѣхъ городахъ, которые уже получили магдебургское право, и что безпрекословно судили такія тяжбы во всѣхъ остальныхъ городахъ [2]). Такимъ образомъ суду общины городской подлежали только тяжбы, возникавшія исключительно между ея членами. Но и въ этомъ отношеніи судебная власть переходила мало по малу въ руки намѣстника—послѣдній, въ качествѣ военнаго начальника, соединялъ въ своихъ рукахъ высшую полицейскую власть въ области; при неточномъ же разграниченіи юридическихъ понятій, наблюденіе за порядкомъ было неразрывно связано съ правомъ карать его нарушителей, а проступки противъ благоустройства смѣшивались вообще съ уголовными преступленіями. Такимъ образомъ при постепенно возрастающемъ значеніи старосты, мѣщане въ большей части случаевъ сдѣлались ему подсудными по уголовнымъ дѣламъ „великимъ и малымъ". Такъ изъ грамоты,

---

[1]) Ibid. № XX, стр. 63.

[2]) Ibid. № VI, стр. 30. „Тежъ повѣдали намъ, штожъ коли земянинъ або служебникъ намѣстника володимерскаго, зваснившися на котораго мѣщанина, заруки имъ заручаютъ, тые заруки зъ нихъ намѣстникъ себе беретъ, силымоцы въ правѣ городскомъ судитъ. А того нигде по мѣстамъ нашимъ нетъ; и, где права майтборскіе суть, врадники наши силы-моцы не судятъ и тыхъ зарукъ не берутъ".

пожалованной въ 1494 году Кіеву Великимъ княземъ Александромъ, узнаемъ, что мѣстные воеводы присвоили себѣ всю полицейскую и значительную долю судебной власти въ городѣ, и что великій князь долженъ былъ отмѣнить многіе, установленные ими, обычаи: воеводы назначали изъ числа слугъ своихъ особыхъ полицейскихъ чиновниковъ, носившихъ названіе осмниковъ, которые не только наблюдали за благочиніемъ, но и захватили значительную долю судебной власти. Вотъ права и обязанности осмниковъ по словамъ вышеприведенной грамоты: „Передъ тымъ... коли котораго купца христіанина, або мѣщанина, або козака застанетъ осмъникъ непочестныи рѣчи дѣлаючи зъ бѣлыми головами, тогды.... воевода таковыхъ, чимъ хотѣлъ, тымъ каралъ". Далѣе осмникъ долженъ былъ осматривать всѣ съѣстные продукты, привозимые въ городъ на продажу, и отбирать съ нихъ десятину въ пользу воеводы; къ вѣдомству его судебной власти относились: разбирательство тяжбъ возникавшихъ и обидъ нанесенныхъ кѣмъ либо на берегу рѣки или въ разстояніи отъ берега „какъ-бы палицею докинути", также тяжбы за покражу бѣлья и за побои между женщинами. Осмники притомъ собирали въ городѣ подати и городскіе доходы, наблюдали за безопасностью города и подвергали въ пользу воеводы штрафу мѣщанъ „которые часу лѣтняго въ домѣхъ своихъ огонь держали, и въ ночи зъ огнемъ на мѣстѣ въ домѣхъ спживали и т. п. [1]).

Кромѣ значенія начальника полицейской власти, воевода, староста или намѣстникъ исполнялъ еще двѣ обязанности, дозволявшія ему стѣснять на каждомъ шагу городское самоуправленіе и захватывать право суда надъ мѣщанами: онъ былъ комендантомъ городской крѣпости и сборщикомъ государственныхъ податей.—Значеніе намѣстника какъ коменданта крѣпости давало ему перевѣсъ надъ городскою общиною еще гораздо болѣе ощутительный, чѣмъ значеніе судьи служилаго сословія и начальника мѣстной полиціи. При военномъ устройствѣ края великіе князья Литовскіе признавали за городомъ прежде всего значеніе крѣпости и потому старались по мѣрѣ возможности болѣе усиливать городскія укрѣпленія или возводить новыя, возложивъ обязанность поддерживать и строить фортификаціи на жителей города. Гораздо позже въ глазахъ правительства города пріобрѣли значеніе торговыхъ центровъ и выгодныхъ платильщиковъ податей; первоначально же крѣпостныя постройки почти исключительно поглощали его вниманіе. Многія населенныя мѣстности были признаны городами только въ силу того, что лежали въ такихъ стратегическихъ пунктахъ, гдѣ выгодно было имѣть крѣпость, на томъ же основаніи правительство дѣлало распоряженія объ основаніи новыхъ городовъ; не рѣдко также частныя лица получали разрѣшеніе переименовать свои села въ города или основывать новыя городскія поселенія, если только они обязывались выстроить замокъ.—Но для того, чтобы устроить и поддер-

---

[1]) Акты западной Россіи т. I, №№: 120 и 170. Грамоты великихъ князей Литовскихъ, стр. 50. Сборникъ Муханова. стр. 147—148.

жать многочисленныя крѣпости требовались значительныя денежныя средства, которыхъ не имѣло ни правительство, ни частныя лица и потому оставалось возложить эту обязанность на народонаселеніе самихъ городовъ. Если дѣло касалось стараго города, то обязанность падала на его общину, если учреждался новый городъ, то правительство и частные владѣльцы старались разными льготами привлечь народонаселеніе и водворить его при новомъ замкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ чѣмъ зажиточнѣе было народонаселеніе, тѣмъ успѣшнѣе могло оно исполнять возложенную на него обязанность, тѣмъ болѣе обильная и многосторонняя помощь пріобрѣталась для замка; потому какъ правительство, такъ и частныя лица стараются надѣлить горожанъ торговыми льготами, поставивъ однако послѣднія въ зависимость отъ выгодъ замка и отъ повинностей, отбываемыхъ въ его пользу.—Такимъ образомъ если съ одной стороны является побужденіе поддержать городское сословіе, не дать ему подчиниться служилымъ людямъ подобно сельскимъ жителямъ и расширить его благосостояніе, то съ другой стороны ясно желаніе держать города въ полной зависимости отъ замка и обратить въ пользу послѣдняго средства, пріобрѣтенныя дѣятельностью мѣщанъ. Впослѣдствіи, когда оказалось невозможнымъ совмѣстное достиженіе обѣихъ цѣлей, правительство жалуетъ городамъ магдебургское право, гарантируетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ ихъ самостоятельность, но тѣмъ не менѣе опредѣляетъ значительную долю городскихъ доходовъ и повинностей въ пользу крѣпостей и ихъ вооруженія и не находитъ возможности точно разграничить городское самоуправленіе и власть старосты, какъ начальника крѣпости [1]). Если города, даже тогда, когда уже магдебургское право защищало отчасти ихъ самостоятельность, не могли вполнѣ избавиться отъ вліянія старостъ, то это было тѣмъ труднѣе до полученія грамотъ на это право.—Въ городахъ вновь возникавшихъ и особенно во владѣльческихъ, такъ какъ основаніе крѣпости выставлялось побудительною причиною, вызывавшею существованіе города, и всѣ льготы, жалуемыя жителямъ, истекали изъ этой причины, то очевидно преобладаніе замковаго сторосты или владѣльца становилось съ самаго начала неотразимымъ и горожане должны были подчиняться ему безпрекословно во всѣхъ отношеніяхъ; но и въ древнихъ городахъ, имѣвшихъ преданія общинной жизни, власть начальника замка быстро стремилась къ уничтоженію не только общиннаго самоуправленія, но и личной свободы горожанъ. Размѣръ повинностей послѣднихъ по отношенію къ постройкѣ, поддержкѣ и вооруженію крѣпости опредѣлялся обычаемъ и необходимостью; старосты, на сторонѣ которыхъ была власть и сила, расширяли все болѣе и болѣе „замковыя повинности“,—и стремились

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи, часть V, т. I, №№ XLI, стр. 154; CX, стр. 272; CXXI, стр. 300; CXXVI, стр. 314; CLII, стр. 396; CLV, стр. 406; CLVI, стр. 410 и CLXVI, стр. 432.—Всѣ эти документы свидѣтельствуютъ о постоянныхъ столкновеніяхъ магистратовъ города Каменца и Львова съ начальниками мѣстной крѣпости до самаго конца XVIII столѣтія.

включить въ ихъ число не только обязанности, прямо относившіяся къ поддержкѣ городскихъ фортификацій и вооруженія, но и многія такія услуги, которыя только при самомъ широкомъ толкованіи могли имѣть связь съ защитою городскихъ укрѣпленій, но которыя тѣмъ не менѣе ложились тяжело на горожанъ и все болѣе и болѣе лишали ихъ самостоятельности.

Вотъ нѣсколько актовыхъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе указаннаго вліянія замковъ и ихъ начальниковъ на складъ городской жизни. Взглядъ правительства на городъ, преимущественно какъ на укрѣпленное мѣсто встрѣчается почти во всѣхъ грамотахъ, выданныхъ или на право основанія новаго города или на расширеніе льготъ стараго. Такъ Сигизмундъ I подарилъ городъ Кременецъ Виленскому епископу подъ условіемъ что онъ „замокъ и мѣсто Кременецъ осадитъ, укрѣпитъ и большую осаду людей при немъ заложитъ“ а послѣ смерти епископа „такъ какъ замокъ и мѣсто недостаточно были основаны и укрѣплены для того, чтобы могли успѣшно выдержать непріятельскія нападенія.... королева-же Бона приняла на себя стараніе о его оборонѣ и укрѣпленіи“ то король въ 1556 году подарилъ ей городъ Кременецъ. На тѣхъ-же условіяхъ королева получила имѣніе Ровъ, построила въ немъ замокъ и, созвавъ жителей основала городъ Баръ [1]).—Въ 1579 году король Стефанъ разрѣшаетъ Замойскому основать на рѣкѣ Морафѣ городъ Шаргородъ, подъ условіемъ построить въ немъ замокъ и, для привлеченія народонаселенія, освобождаетъ жителей, которые въ немъ поселятся, отъ всякихъ податей на 20 лѣтъ [2]).—Въ 1574 году король Генрихъ разрѣшаетъ Кіевскому земянину, Яцку Бутовичу, въ имѣніи его Брусиловѣ „замокъ своимъ коштомъ и накладомъ заложити и сбудовати и мѣсто осадити на шляхахъ татарскихъ, ку пожитку своему и иншимъ многимъ именамъ и селамъ господарскимъ, и тежъ иншимъ панамъ шляхетнымъ и вшему инному краю, ку великому а спокойному убеспеченю отъ непріятеля—поганства Татаръ“. Для поощренія же жителей будущаго города къ исправному содержанію крѣпости, король разрѣшаетъ имъ торговать горячими напитками и устанавливаетъ въ городѣ двѣ ярмарки [3]). Въ 1584 году король Стефанъ разрѣшаетъ шляхтичу Герберту основать городъ Фельштынъ на томъ основаніи, что онъ уже выстроилъ въ названномъ имѣніи деревянный замокъ, и для того, чтобы привлечь горожанъ, король жалуетъ будущему городу Магдебургское право и освобождаетъ его отъ податей на 4 года [4]).—Сигизмундъ III жалуетъ многимъ городамъ Магдебургское право, торговыя преимущества и льготы отъ уплаты податей, а также разрѣшаетъ многимъ владѣльцамъ основывать новые города съ цѣлью вызвать постройку новыхъ укрѣпленій и замковъ. Грамоты, выдан-

---

[1]) Ibid. № IX стр. 40 и 42. Starożytna Polska т. II, стр 1035.
[2]) Starożytna Polska, т. II, стр. 1053.
[3]) Ibid. № XXII, стр. 78.
[4]) Starożytna Polska т. II стр. 961.

ныя этимъ королемъ городамъ: Чигрину, Горохову, Уланову, Сальницѣ, Вербовцу, Барку, Крылову, Лысянкѣ, Копайгроду и другимъ указываютъ на постоянную заботу правительства объ умноженіи количества крѣпостей и о привлеченіи въ города свободнаго промышленнаго народонаселенія, которое могло-бы нести повинности, необходимыя для вооруженія и содержанія этихъ крѣпостей.—Такъ напримѣръ въ грамотѣ, выданной Лысянкѣ, сказано: „Мы разрѣшили на грунтѣ нашемъ украинномъ, названномъ Лысянка... место осадить людьми добрыми и честными. А, дабы усилить ихъ защиту и безопасность, необходимыя въ странѣ Украинной, лежащей по сосѣдству съ непріятелями креста святаго и на самомъ пути ихъ, желая также усилить ихъ рвеніе, мы жалуемъ имъ Магдебурское право... за то они должны будутъ палисадъ устраивать и окружать себя стѣнами и башнями... а каждый изъ мѣщанъ обязанъ запастись рушницею доброю, двумя фунтами пороху и копою пуль; каждый-же, не запасшійся или не желающій имѣть у себя вышеозначенныхъ предметовъ, необходимыхъ для постоянной защиты города, будетъ подлежать наказанію, назначенному замковымъ нашимъ урядомъ" [1]).—Въ грамотѣ, выданной городу Горохову сказано: „для лучшаго порядка въ городѣ Гороховѣ, а именно для защиты и укрѣпленія его... мы жалуемъ этому городу Магдебурское право... всѣ вообще мѣщане будутъ обязаны: кругомъ города валъ въ порядкѣ высыпать, высоко его воздвигнуть и дерномъ покрыть: потомъ палисадъ и башни укрѣпить; также огнестрѣльное оружіе—большаго и малаго калибра, порохъ, пули и все прочее, для защиты необходимое, на свои средства и издержки, сообразно съ нашими указаніями, пріобрѣсти; также плотину у города подчинять и содержать, по прежнему обычаю [2]). Во всѣхъ грамотахъ, выданныхъ городамъ, на Магдебургское право, тщательно оговорена обязанность ихъ не уклоняться отъ подчинки укрѣпленій, а, при перечисленіи городскихъ доходовъ, выдѣляются извѣстныя статьи спеціально на содержаніе крѣпости; къ такимъ доходамъ относились: *помѣрное* и *мостовое*, т. е. пошлина, сбираемая за каждую мѣру, проданнаго на городскомъ рынкѣ хлѣба и пошлина, сбираемая за переѣздъ черезъ городскіе мосты и вообще за въѣздъ въ городъ и за право прогона чрезъ городъ скота—эти два рода пошлинъ въ Владимірѣ назначались спеціально „на дела (пушки), ручницы, пороха, салетру и на жалованіе пушкарямъ", въ Ковлѣ на содержаніе палисада и т. д [3]).—Далѣе *Сошь*, т. е. подать отъ каждаго застроеннаго двора, она употреблялась на подчинку укрѣпленій подъ надзо-

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. V, т. I, № XXXV, стр. 136—137.

[2]) Ibid. № XXV, стр. 92—94, также грамоты, данныя другимъ городамъ, въ которыхъ высказаны причины основанія городовъ, подобныя приведеннымъ: См. тамъ-же XXIV, стр. 85; XXXII, стр. 127; CXV, стр. 282; Starożytna Polska, т. II, стр. 962, 974, 1012—1013, 1014, 1017, 1043, 1045. 1049 и т. д.

[3]) Ibid. №№ VI, стр. 31, XXIX, стр. 110—111.—Starożytna Polska, т. II, стр. 1034.

ромъ старосты [1]). Впослѣдствіи „на оборону города" отнесены были пошлины сбираемыя со всѣхъ важнѣйшихъ статей городскаго производства: съ заводовъ и складовъ шерстяныхъ издѣлій, съ выдѣлки воску, съ мяснаго промыслу, съ куренія вина и пива, пошлины съ купеческихъ лавокъ и лабазовъ, съ привозимой въ городъ соли и воску (т. е. *восковое* и *соляничое*) и т. п.— Наконецъ въ городахъ болѣе значительныхъ доходъ, получаемый городомъ отъ крестьянъ, поселенныхъ на городской землѣ, также назначался на содержаніе городскихъ укрѣпленій [2]).—Сверхъ перечисленныхъ денежныхъ взносовъ мѣщане должны были нести и натуральныя повинности для поддержанія городскихъ укрѣпленій. Они обязаны были строить мосты и плотины, городить палисадъ, возводить башни, крѣпостныя ворота и городскія стѣны, устраивать въ нихъ амбразуры, поддерживать крѣпостные рвы и валы, передѣлывать существовавшія раньше укрѣпленія по плану, начертанному старостою или владѣльцемъ замка, надзирать надъ работниками, нанятыми для построекъ и т. п. [3]).—Надзоръ за правильностью взноса всѣхъ вышеозначенныхъ даней и за точнымъ исполненіемъ натуральныхъ повинностей лежалъ на владѣльцѣ замка или на старостѣ и такимъ образомъ расширялъ его власть надъ горожанами; притомъ послѣдніе, кромѣ повинностей, уплачиваемыхъ ими собственно въ пользу замка, должны были давать содержаніе и его начальнику—старостѣ. Содержаніе это въ началѣ незначительное и имѣвшее значеніе добровольнаго подарка (коляды), со временемъ возросло подъ постояннымъ натискомъ старостинской власти до довольно тягостныхъ размѣровъ.—Подъ предлогомъ личнаго своего содержанія, старосты обложили мѣщанъ самыми многоразличными сборами, смотря потому на сколько въ каждомъ городѣ успѣли они водворить обычай извѣстной дани или обратить въ личную пользу доходъ, сбираемый ими первоначально въ пользу государства. Такъ въ актахъ мы встрѣчаемъ слѣды, что въ разныхъ городахъ и въ различное время мѣщане платили въ пользу старосты: *капщину*, т. е. пошлину за право продажи напитковъ, сверхъ которой старосты вымогали еще десятину отъ солода за право выдѣлки тѣхъ же напитковъ; особенную подать съ огородовъ, гуменъ и дворовъ, извѣстную подъ названіемъ *верховщины;* особенную сумму денегъ, подъ названіемъ жалованія, количество которой до того постепенно возвысилось, что, по словамъ жалобы Львовскихъ мѣщанъ, оно равнялось почти суммѣ всѣхъ платовъ, даваемыхъ въ пользу замка; далѣе старосты установили

---

[1]) Ibid. № VII, стр 35.

[2]) Ibid. №№ XXXVIII, стр. 145, XL стр. 152 и LXXXIII, стр. 228. Акты Южной и Зап. Россіи, т. II, № 115. Starożytna Polska, т. II, стр. 519, 540, 1034, Акты Запад. Россіи т. I № 120.

[3]) Ibid. №№ V, стр. 29; VI, стр. 32; XXV, стр. 94; XXXV, стр. 136. XLI, стр. 154; LV стр. 178—179; CXV, стр. 283 и CCXII, стр. 531. Также Акты Юж. и Зап. Россіи. т. I № 160; Акты Зап. Россіи т. I № 120 и Starożytna Polska, т. II, стр. 519 и 540.

особый налогъ, подъ названіемъ *квитовое*, который сбирали съ иногороднихъ купцовъ, привозившихъ товары для продажи въ городъ. Сверхъ того они получали доходъ съ городскихъ мельницъ и *мыто* т. е. десятину съ продаваемыхъ въ городѣ товаровъ и т. п. [1]).—Кромѣ этихъ денежныхъ поборовъ, старосты требовали также отъ мѣщанъ въ свою пользу, подъ видомъ замковой послуги, натуральныхъ повинностей, размѣръ которыхъ они усиливали постепенно до того, что, наконецъ, въ число ихъ включили и полевыя работы и такимъ образомъ поставили мѣщанъ въ положеніе близкое къ положенію крестьянъ, населявшихъ земянскія села. Въ этомъ отношеніи частные владѣльцы, устроившіе въ своихъ имѣніяхъ замки и поселившіе вокругъ нихъ города, опередили старостъ королевскихъ городовъ и подали имъ заманчивый примѣръ. Такъ старосты требовали отъ мѣщанъ: чтобы они приставляли стражу къ старостинской казнѣ и къ тюрьмѣ, въ которой содержались преступники, подлежавшіе старостинскому суду; чтобы являлись на облаву и помогали старостѣ во время охоты и чтобы давали кормъ его сокольничимъ; чтобы доставляли въ домахъ своихъ квартиры старостинскимъ слугамъ [2]).—Далѣе ремесленники должны были, каждый по своему промыслу, доставлять въ замокъ извѣстное количество даровой работы, какъ въ пользу старосты, такъ и его слугъ и челяди: мясники и мельники давали въ замокъ съѣстные припасы натурою; сапожники доставляли обувь старостинскимъ слугамъ; портные, кузнецы, цырульники, золотыхъ дѣлъ мастера, лучники и оружейники кушнеры и т. д. должны были даромъ производить всѣ работы по заказу старосты и жертвовать замку, въ видѣ ежегоднаго подарка, извѣстное количество луковъ, топоровъ, сапогъ и т. п. [3]).

Наконецъ, не ограничиваясь всѣми вышеупомянутыми повинностями, старосты стали требовать отъ мѣщанъ въ свою пользу и полевыхъ работъ, не уступая въ этомъ отношеніи частнымъ владѣльцамъ городовъ, съ тою только разницею, что въ королевскихъ городахъ барщина была въ большей части случаевъ отмѣнена впослѣдствіи, между тѣмъ какъ во владѣльческихъ городахъ она продолжалась до конца XVIII столѣтія. Такъ въ Кіевѣ мѣщане обязаны были въ пользу замка косить и возить сѣно а также топить замковую баню. Въ Житомирѣ староста принуждалъ ихъ къ различнымъ работамъ и натуральнымъ повинностямъ, а когда они выхлопотали у короля охранный листъ, то староста Загоровскій разорвалъ послѣдній и не отступилъ отъ своихъ требованій; мѣщане, кромѣ платимыхъ старостѣ: чинша, осепа и коляды, должны были убирать сѣно и являться на толоки. Въ Овру-

[1]) Ibid. №№ V, стр. 22; VI, стр. 32; XLI, стр. 155; CCXII, стр. 531—533. Акты Южной и Зап. Россіи т. II № 115. Акты Зап. Россіи т. II № 115. Акты Зап. Россіи т. I № 120.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 120; также № V, стр. 21.

[3]) Архивъ Юго-Запад. Россіи ч. V, т. I, №№ XVIII, стр. 59; XXIX, стр. 110; XXXVIII, стр. 144; VI, стр. 33. Starożytna Polska, т. II, стр. 540; Сборникъ Муханова, стр. 147; Акты Западной Россіи, т. I, № 170.

чѣ мѣщане также убирали замковое сѣно и хлѣбъ во время жатвы. Въ Межировѣ и Гороховѣ они пахали землю въ пользу замка, убирали хлѣбъ, сѣно и т. д.—Въ Гайсынѣ барщина, отбываемая мѣщанами въ пользу замка, составляла еще болѣе тягостную повинность и не была отмѣнена до конца XVIII столѣтія и т. п. [1]).

Такимъ образомъ отношеніе старостъ къ жителямъ городовъ, должно было раньше или позже поставить послѣднихъ въ полную отъ нихъ зависимость. Въ качествѣ сборщиковъ государственныхъ податей и начальниковъ, наблюдавшихъ за правильнымъ исполненіемъ повинностей въ пользу замка, старосты имѣли полную возможность вліять на городское самоуправленіе и мало—по малу завладѣть имъ. Полицейское значеніе ихъ власти давало имъ возможность усиливать это вліяніе и расширять кругъ своей судебной власти въ ущербъ самосуду общины; наконецъ взиманіе натуральныхъ повинностей въ пользу замка вело къ закрѣпощенію горожанъ, къ лишенію ихъ личной свободы, словомъ—къ совершенному уничтоженію городскаго сословія и вмѣстѣ съ нимъ послѣднихъ слѣдовъ общинной жизни въ Южной Руси. Грамоты, пожалованныя различнымъ городамъ на Магдебургское право, возстановлявшія до извѣстной степени самостоятельность городовъ и предоставлявшія имъ, въ видѣ особенной, вновь даруемой милости, нѣкоторую долю утраченныхъ правъ, указываютъ ясно ту степень зависимости, въ которую стали городскія общины къ старостинской власти до того времени, пока правительство сочло удобнымъ охранить ихъ отъ дальнѣйшаго разложенія. Такъ мы находимъ, что судебная власть почти всецѣло перешла уже къ старостамъ. Почти каждая грамота, надѣляющая городъ Магдебургскимъ правомъ, начинается заявленіемъ великаго князя или короля о томъ, что онъ освобождаетъ городъ отъ суда: воеводъ, кастеляновъ, старостъ и другихъ земскихъ чиновниковъ „въ справахъ такъ великихъ, якъ и поточныхъ". Такъ, въ грамотѣ, данной Луцку въ 1552 году Сигизмундомъ-Августомъ сказано: „а староста Луцкій теперишній и наслѣдники его, Луцкіе старосты, которые впредъ отъ насъ Луцкъ держать будутъ... не должны будутъ ни сами, ни посредствомъ урядниковъ своихъ судить Луцкихъ мѣщанъ". Въ листѣ, данномъ Сигизмундомъ первымъ на имя Владимірскаго старосты, король заявляетъ, что къ нему поступила жалоба отъ Владимірскихъ мѣщанъ на старостъ о томъ, что послѣдніе, не смотря на существованіе въ городѣ Магдебургскаго права, „мещанъ сами судите и вины на нихъ берете и слугамъ ихъ судить приказываете". Король Стефанъ предписываетъ въ 1576 г. Хмѣльницкому старостѣ, чтобы онъ не вмѣшивался въ городской судъ и не требовалъ мѣщанъ къ отвѣту передъ замковымъ урядомъ. Въ грамотѣ, пожалованной тѣмъже королемъ городу Пинску въ 1581 году, сказано: „Выймаючи того места обывателей.... въ вѣчные часы отъ зверхностей.... врядниковъ и наместни-

[1]) Акты Запад. Россіи, т. I, № 120. Starożytna Polska, т. I стр. 529—530, 540, 1041. Арх. Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I № XXV стр. 96 и CCXI, стр. 528.

ковъ всякихъ, такъ, ижъ передъ ними, або передъ которымъ колвекъ зъ нихъ зособно, о речи такъ великіе, яко и малые и о выступъ якій—колвекъ стояти албо отповедати и для нестанья а приказанья которого-колвекъ правного жадныхъ винъ платити не будутъ повинны" [1]). и т. п.—Въ присвоенномъ старостами правѣ суда надъ мѣщанами очевидно раньше другихъ захвачено было право суда уголовнаго, старосты упорнѣе его отстаивали, и общественное мнѣніе вѣроятно поддерживало ихъ сильнѣе въ этомъ отношеніи, потому что короли находятъ необходимымъ, при освобожденіи мѣщанъ отъ старостинскаго суда, поименовать отдѣльно четыре важнѣйшія уголовныя преступленія: „квалты, рану шляхетскую, всильство, а похвальную пожогу" передавая магистратамъ право судить ихъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ во Владимірѣ, исключаютъ перечисленныя преступленія изъ числа дѣлъ подсудныхъ магистрату и оставляютъ по прежнему въ вѣдомствѣ старостинскаго суда [2]). Впрочемъ старосты до того упрочили свое право на судебную власть въ городахъ, что короли, жалуя магдебургское право, не рѣшаются ее совершенно отстранить, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе важныхъ и многолюдныхъ городовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ право суда старосты было оставлено въ дѣлахъ смѣшанныхъ между мѣщанами съ одной стороны и земянами и ихъ слугами—съ другой [3]); или, еще чаще, судъ старостинскій былъ признанъ высшею инстанціею, въ которой должны были рѣшаться дѣла, по апеляціи отъ магистрата или перерѣшаться по личному усмотрѣнію старосты. Такой порядокъ судопроизводства, подчиняющій городской самосудъ, пожалованный магдебургскимъ правомъ, прежнему произволу старосты мы встрѣчаемъ даже въ значительныхъ городахъ: Кременцѣ, Ковлѣ, Овручѣ, Житомирѣ, Пинскѣ и т. д., не говоря уже о томъ, что онъ составлялъ постоянное явленіе во всѣхъ городахъ менѣе значительныхъ, а тѣмъ болѣе въ городахъ владѣльческихъ, надѣленныхъ магдебургскимъ правомъ, при чемъ конечно высшую инстанцію суда составлялъ самъ владѣлецъ, или, въ его отсутствіи, управляющій (губернаторъ или экономъ).—Даже въ южной Украинѣ, гдѣ до XVII вѣка общинное начало сохраняется въ большей силѣ, мы видимъ попытки со стороны старостинской власти захватить судъ въ свои руки; намѣстники королевскіе съ этою цѣлью стараются получить отъ королей грамоты, въ силу которыхъ должность старосты соединялась бы навсегда съ должностью войта и давала бы имъ возможность вліять, въ качествѣ предсѣдателя, на ходъ общиннаго суда [4]); только развитіе козачества помѣшало въ этой полосѣ осуществить то поглощеніе административною властью общинныхъ правъ, которое произошло на пространствѣ остальной территоріи Южно-Русскаго края.

---

[1]) Ibid. №№ V, стр. 22; VI, стр. 32; Starożytna Polska, т. II, стр. 1020.—Акты Западной Россіи, т. III, № 125.

[2]) Ibid. № VI, стр. 33.

[3]) Ibid. № XVII, стр. 59 и № XXXV, стр. 137.

[4]) Ibid. № XXIV, стр. 85.

Переходъ къ старостамъ судебной власти въ городахъ, далъ имъ возможность ускорить стремленіе къ закрѣпощенію обывателей, развивавшееся уже путемъ расширенія натуральныхъ повинностей въ пользу замка. Старосты, пользуясь присвоеннымъ себѣ правомъ суда, вводятъ юридическіе обычаи, нарушавшіе личныя права горожанъ: такъ старосты отказываютъ мѣщанамъ въ правѣ совершать духовныя завѣщанія и, послѣ смерти горожанина, отбираютъ его имущество на замокъ, даже въ такомъ случаѣ, если покойный оставилъ прямыхъ наслѣдниковъ: жену и дѣтей. Только болѣе значительные города, какъ напримѣръ Кіевъ и Владиміръ успѣвали выхлопотать у великихъ князей особенныя грамоты, запрещавшія замковому уряду отбирать „отъумерлыя речи“ и признававшія за горожанами право отказывать имущество по завѣщанію. Въ грамотѣ, пожалованной Сигизмундомъ I городу Владиміру, великій князь предписываетъ мѣстнымъ старостамъ: „и который мѣщанинъ замреть, вы тыхъ спадковъ мимо жену, дѣти и близкихъ, къ своимъ рукамъ брати не маете“ [1].—Далѣе замковый урядъ установилъ новый сборъ: „свадебную куницу“ и такимъ образомъ поставилъ мѣщанъ въ необходимость испрашивать у себя право на вступленіе въ бракъ [2]).

Чрезмѣрное расширеніе старостинской власти и стѣсненіе ею городскаго самоуправленія должны были отозваться не выгодно и на матерьяльномъ благосостояніи городовъ.—Не смотря на всѣ старанія верховной власти, клонившіяся къ поддержанію въ городахъ торговой и ремесленной дѣятельности, послѣдняя быстро падаетъ; благосостояніе мѣщанъ, подверженныхъ въ неопредѣленной степени поборамъ замка, постоянно уменьшается; энергія труда, котораго производительность не гарантирована закономъ—ослабѣваетъ, мѣщане бѣднѣютъ, переходятъ постепенно къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ или расходятся; вслѣдствіе того количество податей, платимыхъ въ пользу казны, уменьшается. Обстоятельства эти и заставляютъ правительство гарантировать города отъ произвола старостъ, на сколько это возможно было при общемъ строѣ государства. Но единственная прочная гарантія—возстановленіе прежней общинной самостоятельности—была невозможна—для этого недоставало съ одной стороны выработанной юридической нормы, на которую правительство могло бы указать какъ на образецъ устройства, съ другой стороны возстановленіе общины въ прежнемъ видѣ повлекло-бы къ умаленію и ограниченію военнаго сословія, которымъ дорожило само правительство и которое умѣло уже пріобрѣсти столько силы, что отнять у него разъ имъ присвоенныя права и владѣнія было немыслимо. Потому правительство и рѣшилось примѣнить къ Южно-Русскимъ городамъ другую мѣру. Пользуясь примѣромъ Польши, въ которой, вслѣдствіе колонизаціи многочисленныхъ нѣмецкихъ выходцевъ и болѣе близкихъ сношеній съ Германіею, многія

---

1) Ibid. № VI, стр. 32; также акты Западной Россіи, т. I, стр. 145.
2) Ibid. № XXXVIII, стр. 144; также акты Зап. Россіи стр. 145.

области и почти всѣ города управлялись нѣмецкимъ правомъ, великіе Литовскіе князья стали выдавать Литовскимъ и Южно-Русскимъ городамъ грамоты, жалующія имъ самосудъ и отчасти самоуправленіе по Нѣмецкому или Магдебургскому праву.—Если обратить вниманіе на время выдачи этихъ грамотъ, то замѣтимъ, что чѣмъ раньше и полнѣе городъ утратилъ прежнія общинныя черты быта, чѣмъ болѣе прочно развилось въ немъ преобладаніе военнаго сословія и произволъ старосты, тѣмъ скорѣе князья принуждены были спасти городскую общину отъ окончательнаго исчезновенія грамотою, жалующею Магдебургское право. Такимъ образомъ города, лежавшіе болѣе къ сѣверозападу или составлявшіе центры, въ которыхъ сосредоточивалась администрація края, гдѣ, слѣдовательно, власть княжескихъ намѣстниковъ была сильнѣе и давленіе ея на городскія общины рѣшительнѣе—получаютъ Магдебургское право раньше; напротивъ того города, удаленные отъ административныхъ центровъ, или лежавшіе далѣе къ юго-востоку, гдѣ общинная жизнь края сохранилась полнѣе,—гораздо позже. Такъ раньше другихъ, еще во второй половинѣ XIV вѣка, получили Магдебургское право города Червоной Руси, перешедшей въ это время во власть Польши, и, слѣдовательно, потерявшей раньше другихъ частей Руси отличительныя черты древне русскаго быта. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, столица его, Вильно, получаетъ Магдебургское право раньше другихъ городовъ—въ 1387 году—Въ южной Руси, города Подольской земли, составлявшей предметъ спора между Литвою и Польшею и уже въ половинѣ XV столѣтія оттянутой послѣднею, первые получили Магдебургское право. Каменцу оно было дано еще князьями Коріятовичами въ концѣ XIV столѣтія, вслѣдъ за тѣмъ въ XV в. оно было пожаловано почти всѣмъ второстепеннымъ подольскимъ городамъ, такъ въ одномъ 1448 году мы встрѣчаемъ 3, дошедшія до насъ, грамоты на Магдебургское право, данныя городамъ: Смотричу, Хмѣльнику и Червоногроду, въ 1458 такую же грамоту получаетъ городъ Зиньковъ и т. д. съ начала XVI вѣка Магдебургское право уже существовало во всѣхъ древнихъ Подольскихъ городахъ и короли жалуютъ его только вновь основываемымъ городамъ. Вслѣдъ за Подоліемъ Магдебургское право распространяется на Волыни. Значительные города, служившіе центромъ административной власти и здѣсь получаютъ Магдебургское право раньше,—именно въ XV столѣтіи; второстепенные города позже,—въ XVI; такъ Луцку оно пожаловано въ 1432 году, Кременцу въ 1431, Владиміру въ концѣ XV столѣтія; затѣмъ въ XVI столѣтіи получаютъ его: Ковель 1518 г. Торчинъ—1540, Олыка—1564, Ляховцы 1583 и т. д., за тѣмъ въ XVII столѣтіи короли жалуютъ Магдебургское право только тѣмъ городамъ, которые вновь возникаютъ, подобно Горохову, Тыхомлю, Константинову и т. п.—Въ бывшемъ Кіевскомъ княжествѣ только два важнѣйшіе города: Кіевъ—резиденція великокняжескаго воеводы и Житоміръ—важнѣйшій замокъ и центръ административный, получаютъ Магдебургское право около половины XV столѣтія, второстепенные-же города остаются на русскомъ правѣ до конца XVI столѣтія, только послѣ Люблинской уніи, когда король

Стефанъ Баторій вознамѣрился нанести рѣшительный ударъ общинному порядку посредствомъ извѣстной реформы украиннаго козачества, королевскія грамоты начинаютъ жаловать Магдебургское право украинныдъ городамъ Кіевщины и Брацлавщины [1]. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, относящихся къ этимъ областямъ, древнѣйшая, пожалованная городу Корсуню, дана въ 1584 году, за тѣмъ слѣдуютъ грамоты на Магдебургское право, данныя городамъ: Чигрину—1592 г., Каневу—около 1600, Крылову—1616, Лысянкѣ—1622, Винницѣ—около 1630 и т. д.

Такимъ образомъ время пожалованія Магдебургскаго права совпадало съ временемъ упадка общиннаго строя жизни въ каждой области. Раздача городамъ этого права имѣла цѣлью предотвратить окончательное подавленіе городскаго сословія военнымъ и предупредить исчезновеніе и закрѣпощеніе перваго вслѣдствіе давленія старостинской власти—представительницы втораго изъ этихъ сословій. Но цѣль эта не могла быть вполнѣ достигнута Магдебургскимъ правомъ, явившимся на дѣлѣ съ характеромъ мало существенной полумѣры; оно замедлило только паденіе городовъ, и предотвратило полное ихъ исчезновеніе, но не могло сообщить имъ жизненности и основъ для прочнаго существованія и развитія. Ни городское самоуправленіе, ни развитіе торговой и промышленной дѣятельности не нашли въ Магдебургскомъ правѣ незыблемой гарантіи. Города южной Руси, охраненные имъ отъ быстраго разложенія, продолжали чахнуть, одолѣваемые медленнымъ хроническимъ недугомъ, и не только не выработали въ себѣ силы и политическаго значенія, но все болѣе и болѣе отступали въ государственной жизни на задній планъ, падали въ отношеніи матерьяльнаго благосостоянія, подвергались запустѣнію и уступали встрѣчавшейся въ промышленномъ отношеніи конкурренціи. Причины упадка городовъ, не смотря на огражденіе ихъ Магдебургскимъ правомъ, заключались какъ въ томъ обстоятельствѣ, что право это было пожаловано городамъ съ болѣе или менѣе значительными ограниченіями, сохранившими даже въ болѣе значительныхъ городахъ въ довольно сильной степени вліяніе замка на городскую общину и оставившими старостамъ и частнымъ владѣльцамъ полное преобладаніе въ городахъ второстепенныхъ, такъ еще болѣе въ томъ условіи, что пожалованное право, выработанное на чужой почвѣ, при другихъ условіяхъ быта и въ довольно отдаленное время, не могло быть усвоено жителями южно-русскихъ городовъ, съ юридическими понятіями и историческими преданіями которыхъ оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось въ противуположномъ направленіи.—Великіе князья Литовскіе, а потомъ короли Польскіе не могли дать городамъ такой гарантіи

---

[1] Въ Брацлавщинѣ только одинъ городъ Брацлавль, мѣсто, гдѣ сосредоточивалась вся военная администрація края и гдѣ былъ значительный замокъ,—резиденція намѣстника, получилъ нѣсколько раньше Магдебургское право—именно въ 1564 году.

самоуправленія, которая-бы совершенно устраняла старостинскую власть, а тѣмъ болѣе вліяніе частныхъ владѣльцевъ на подвластные имъ города. Они въ началѣ не находили возможнымъ нарушать военную организацію края изъ за защиты городовъ, а впослѣдствіи шляхетское сословіе пріобрѣло такую силу и до такой степени ограничило власть самихъ королей, что принятіе любой мѣры, клонящейся къ ущербу дворянскихъ привилегій было для послѣднихъ немыслимо.—Такимъ образомъ великіе князья и короли, жалуя Магдебургское право, не старались въ самихъ грамотахъ устранять совершенно старостинскую власть, а пытались только ограничить предѣлы ея и, по мѣрѣ возможности, примирить ее съ городскимъ самоуправленіемъ; но поставленныя ими границы оказывались на практикѣ шаткими, не точными, давали широкій просторъ взаимнымъ недоразумѣніямъ и притязаніямъ и почти всегда позволяли старостѣ, хотя съ извѣстными затрудненіями, захватить полное преобладаніе надъ городскою общиною. Если сравнимъ многочисленныя грамоты, пожалованныя разнымъ городамъ на Магдебургское право, то первое, что насъ поражаетъ въ нихъ, это ихъ неоднородность, почти въ каждой изъ нихъ, помимо разрѣшенія, жалуемаго городу—управляться и судиться по Магдебургскому праву, короли, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, подробно исчисляютъ какъ случаи зависимости отъ старосты, такъ и стараются разграничить доходы городоваго магистрата и городской общественной казны отъ доходовъ, получаемыхъ съ города старостою, а также отъ государственныхъ податей. Какъ тѣ такъ и другія границы почти въ каждомъ отдѣльномъ городѣ не совпадаютъ другъ съ другомъ.—Такимъ образомъ съ разу устраняется какъ возможность полной городской самостоятельности, такъ и однородной нормы для городскаго развитія; каждый городъ находится какъ-бы замкнутымъ въ отдѣльной, къ нему исключительно относящейся привилегіи, и не находитъ общей почвы, на которой могъ-бы, сообща съ другими общинами, составить одно тѣло и вступить въ борьбу за свои права, съ преобладающимъ шляхетскимъ сословіемъ.—Между тѣмъ на пространствѣ всего южнорусскаго края ни одинъ городъ не пользуется достаточною автономіею для того, чтобы принять на себя иниціативу развитія городскихъ свободъ, или, по крайней мѣрѣ для того, чтобы онъ могъ служить образцомъ и примѣромъ для другихъ городовъ.—Каменецъ, пользовавшійся болѣе чѣмъ другіе города широкою привилегіею и раньше другихъ получившій Магдебургское право, далеко не обладалъ полною независимостью какъ въ судебномъ такъ и въ административномъ отношеніи. Замковой старостинскій урядъ и бургграбій (комендантъ крѣпости и начальникъ гарнизона) удерживаютъ значительную долю прежняго значенія княжескихъ намѣстниковъ. Такъ староста продолжаетъ судить тяжбы, возникавшія между горожанами и шляхтичами, а также тяжбы, между магистратомъ и мѣщанами, если послѣдніе обращались къ его суду; притомъ онъ пользуется значительными сборами съ городскихъ промысловъ: онъ получаетъ $^2/_3$ дохода съ мельницъ, пошлину отъ продажи напитковъ, дань въ натурѣ отъ цеховыхъ ремесленниковъ и т. д. Рѣшеніемъ

королевскихъ коммиссаровъ за нимъ признано право повѣрять городскіе доходы и правильное ихъ употребленіе, вслѣдствіе чего магистратъ обязанъ представлять старостѣ годичные отчеты, а, въ случаѣ непредставленія, онъ долженъ отвѣчать передъ гродскимъ судомъ, предсѣдателемъ котораго былъ тотъ-же староста [1]). Старостинскій урядъ устанавливаетъ таксу, по которой товары должны быть продаваемы въ городѣ; старосты, пользуясь сбивчивостью распредѣленія податей и повинностей, расширяютъ количество, сбираемыхъ въ ихъ пользу, даней, установляютъ новые источники замковаго дохода, такъ называемые „выдеркафы", отдаютъ на откупъ евреямъ сборъ старостинскихъ доходовъ, поощряютъ захватъ арендаторами или обложеніе ими данью всѣхъ городскихъ промысловъ [2]) и т. п.—Съ другой стороны Каменецкій бурграбій удерживаетъ въ своихъ рукахъ полицейскую власть въ городѣ и судъ за проступки противъ благочинія; онъ, по своему усмотрѣнію, запрещаетъ городскія гулянія и увеселенія, не дозволяетъ мѣщанамъ выѣзжать изъ города безъ выданнаго имъ паспорта, заключаетъ самопроизвольно въ тюрьму не только мѣщанъ, но и членовъ магистрата: войта, президента, бурмистровъ; требуетъ, чтобы мѣщане караулили отсылаемыхъ имъ подъ арестъ преступниковъ, въ случаѣ-же неисполненія требованія, помѣщаетъ послѣднихъ въ домѣ войта. Мѣщане должны доставлять гарнизону на свой счетъ топливо, освѣщеніе, говядину и возить въ замокъ воду, они обязаны строить, подчинять и сохранять городскія укрѣпленія, гауптвахты и т. п. Сверхъ того солдаты, составлявшіе гарнизонъ, захватываютъ въ свою пользу городскія земли, заставляютъ мѣщанъ принимать при разсчетахъ фальшивую монету, сбираютъ самопроизвольно десятину съ привозимыхъ въ городъ припасовъ, занимаются торговлею и ремеслами, не оплачивая повинностей городскихъ и цеховыхъ, и такимъ образомъ ставятъ мѣщанъ въ невозможность конкурировать съ ними и т. д. [3]).—Сверхъ зависимости отъ старосты и бурграбія, городъ подлежалъ еще распоряженіямъ сеймиковъ шляхты Подольскаго воеводства, облагавшихъ произвольно городъ налогами подъ предлогомъ удовлетворенія потребностямъ защиты воеводства, подати эти, взымаемыя единовременно подъ названіями: чопового, шеляжнаго, поголовнаго и т. п. были иногда страшно обременительны для города. Такъ напримѣръ въ 1702 году мѣщане рѣшились на отчаянную мѣру: они постановили не вносить требуемыхъ съ нихъ сеймикомъ налоговъ и отказаться отъ производства всѣхъ промысловъ и торговли, въ случаѣ, если сборщики сеймика опечатаютъ ихъ лавки и заводы [4]).

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи ч. V, т. I, №№: LVI стр. 181; LXXXIII, стр. 228, LXXXVI, стр. 232; CLVIII, стр. 417.

[2]) Ibid. №№: XCVI, стр 249; CXXI, стр. 323; CXXII, стр. 325; CXXXIV стр. 329.

[3]) Ibid. №№: CX, стр. 272; CLII, стр. 396; CLV, стр. 406; CLVI, стр. 410; CLX, стр. 421 и CLXVI, стр. 432.

[4]) Ibid. №№: LXVII, стр. 205; CLV, стр. 406; CXCV, стр. 488.

Если въ городѣ, надѣленномъ Магдебургскимъ правомъ въ размѣрѣ гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ всѣ остальные, въ городѣ, который сеймовою конституціею былъ уравненъ „во всѣхъ правахъ, свободахъ и привилегіяхъ" со Львовомъ, считавшимся въ свою очередь важнѣйшимъ изъ Русскихъ городовъ, принадлежавшихъ речи посполитой и равноправнымъ съ Краковомъ и Вильною—если въ Каменцѣ Магдебургское право столь недѣйствительно охраняло городскую общину отъ подчиненія старостинской власти и шляхетскому сословію, то подчиненіе это должно было быть гораздо сильнѣе во всѣхъ другихъ, менѣе значительныхъ городахъ. Дѣйствительно, пересматривая акты относящіеся къ этимъ послѣднимъ, мы убѣждаемся, что фраза, которою начинается почти каждая жалованная грамота на Магдебургское право: „даемъ городу право нѣмецкое, и освобождаемъ его отъ всякаго суда, власти и обычая польскаго, литовскаго и русскаго, и намѣстникамъ, урядникамъ и судьямъ нашимъ запрещаемъ навсегда въ это право вступаться и мѣщанъ къ своему суду призывать"—оставалась только фразою на бумагѣ, примѣнявшеюся далеко не въ полномъ размѣрѣ на дѣлѣ. Такъ во Владимірѣ староста удержалъ право верховнаго суда по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ; въ Луцкѣ, Кременцѣ, Ковлѣ, Овручѣ, Выжвѣ и т. д. старостѣ предоставлено было право вліять на городскіе выборы, утверждать кандидатовъ, предложенныхъ мѣщанами на должности бурмистровъ, ляндвойтовъ и лавниковъ. Далѣе старосты, а въ ихъ отсутствіи ихъ намѣстники и старостинскіе экономы, были признаны высшею судебною инстанціею, къ которой можно было аппелировать отъ рѣшенія магистрата во всѣхъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ, „великихъ и поточныхъ". Въ городахъ этихъ староста могъ кассировать своею властью приговоръ, постановленный магистратомъ, или возвратить его, по своему усмотрѣнію, для перерѣшенія, могъ предписать магистрату заняться тѣмъ или другимъ дѣломъ, освободить безъ отношенія къ магистрату преступниковъ, заключенныхъ послѣднимъ въ тюрьму и т. п.

Количество даней, платимыхъ мѣщанами этихъ городовъ въ пользу старосты и замка, было тоже гораздо значительнѣе налоговъ, возложенныхъ на каменецкихъ мѣщанъ. Въ второстепенныхъ городахъ всѣ статьи городскаго производства: винокурни, мельницы, заводы, лавки, шинки, лабазы и т. д. были обложены данью въ пользу старосты, сверхъ того мѣщане платили замку чиншъ, т. е. ренту съ занимаемыхъ ими домовъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ въ Гайсынѣ, Овручѣ и т. д.) отбывали барщину въ пользу замка, не смотря на грамоты, которыми пожаловано имъ было Магдебургское право [1]).

Положеніе городовъ владѣльческихъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ было еще болѣе стѣснено доминіяльною властью частнаго лица. Такъ

[1]) Ibid. №№: XVI, стр. 57; XXIX, стр. 109; LI, стр. 170; LXXXIX, стр. 240; XCIII, стр. 245; XCVII, стр. 252; CXXXVII стр. 353; CXCIV, стр. 484; CXCVI, стр. 490; CXCVIII, стр. 494; CC, стр. 497 и CCXI, стр. 527.

какъ грамоты жаловались этимъ городамъ по большей части самимъ-же владѣльцемъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ королемъ и то по просьбѣ владѣльца и въ размѣрѣ имъ предложенномъ, то послѣдній всегда старался включить въ грамоту ограниченія, которыя-бы позволили ему сохранить полную власть надъ городскою общиною, и предоставить ей только ту необходимую мѣру самостоятельности, которая по усмотрѣнію владѣльца была полезна для поощренія торговли и ремесленной дѣятельности и усиленія такимъ образомъ его доходовъ сборомъ съ этихъ промысловъ. Судебная власть въ владѣльческихъ городахъ, хотя и вручалась магистрату, но тѣмъ не менѣе находилась въ полной зависимости и подъ ближайшимъ контролемъ владѣльца; къ его суду, по аппеляціи, поступали дѣла, обсужденныя уже магистратомъ; притомъ владѣлецъ вліялъ на выборъ членовъ городского управленія; онъ утверждалъ въ должности кандидатовъ, избранныхъ магистратомъ, но имѣлъ право и вовсе ихъ не утвердить и назначить другихъ лицъ по своему усмотрѣнію; въ нѣкоторыхъ городахъ сами выборы городскіе не могли происходить иначе, какъ послѣ предварительнаго разрѣшенія владѣльца. Послѣдній имѣлъ право строгаго контроля надъ дѣйствіями магистрата и, въ иныхъ случаяхъ, для исполненія этой обязанности назначалъ особаго экономическаго урядника, носившаго титулъ владѣльческаго старосты. Наблюденіе надъ благочиніемъ въ городѣ и полицейская власть всецѣло принадлежали владѣльцу и городскіе урядники играли въ этомъ отношеніи исключительно пассивную роль исполнителей инструкцій, данныхъ владѣльцемъ, который за уклоненіе отъ нихъ могъ арестовать и держать въ тюрьмѣ войта и бурмистровъ. Въ инструкціяхъ своихъ владѣльцы до малѣйшихъ подробностей ограничивали и регулировали не только общественный городской порядокъ, но и частную жизнь мѣщанъ: они запрещали послѣднимъ, подъ опасеніемъ конфискаціи имущества, проживать внѣ города, заставляли ихъ въ указанные сроки строить, принадлежавшіе самимъ-же мѣщанамъ, дома и другія постройки, мостить улицы, подчинять мосты и плотины, возводить и укрѣплять городскія фортификаціи. Инструкціями владѣльцевъ опредѣлялась величина мѣръ и вѣсовъ и изъ замка выдавались образцы ихъ, отмѣченные клеймами владѣльца, за исключеніемъ которыхъ всѣ другія мѣры и вѣсы изгонялись изъ обращенія. Владѣлецъ устанавливалъ таксу на продаваемые въ городѣ продукты,—онъ предписывалъ въ какіе праздники мѣщане должны были воздерживаться отъ работъ, въ какіе дни они должны ходить въ баню и т. п. Поборы, взымаемые съ мѣщанъ частными владѣльцами превышали еще количествомъ и разнообразіемъ тѣ налоги, которые старосты брали съ подвѣдомственныхъ имъ королевскихъ городовъ. Владѣльцы получали съ мѣщанъ денежные чинши и подати подъ всевозможными наименованіями, часть судебныхъ пошлинъ, взымаемыхъ магистратомъ, и штрафы, имъ налагаемые, дань натурою отъ всѣхъ ремесленниковъ, десятину съ солода, меду, скота, лошадей, пошлину съ права продажи напитковъ, которую нерѣдко владѣльцы удерживали совершенно въ своихъ рукахъ, въ качествѣ доминіальнаго монополя; сверхъ того они взыскивали

съ мѣщанъ барщину для исполненія полевыхъ работъ, подводы для перевозки своихъ продуктовъ въ отдаленные города и т. п. Урядники городскіе должны были, вступая въ должность, давать присягу владѣльцу или довѣренному отъ него лицу въ томъ, что они не утаятъ городскихъ доходовъ и вѣрно отдадутъ въ экономію, слѣдующую владѣльцу изъ нихъ долю, и, по истеченіи каждаго года, должны были представлять ему подробный отчетъ о городскихъ доходахъ и ихъ употребленіи [1]).

Такимъ образомъ въ владѣльческихъ и второстепенныхъ королевскихъ городахъ Магдебургское право въ ничтожной только степени гарантировало самостоятельность городской общины, и освобождало ее далеко не совершенно отъ посторонняго вліянія даже въ городахъ первоклассныхъ.—Магистраты не были самостоятельны въ судебномъ отношеніи и находились почти вполнѣ въ подчиненномъ положеніи въ отношеніи административномъ. Если стѣсненіе городской самостоятельности сохраненіемъ значительной доли старостинской власти, служило внѣшнею преградою для развитія городовъ, то не менѣе значительное препятствіе это развитіе встрѣчало и въ внутреннемъ быту городовъ вслѣдствіе не возможности со стороны мѣщанъ усвоить себѣ юридическія понятія и пріемы, выработанные Магдебургскимъ правомъ, совершенно чуждые духу и понятіямъ Южно-Русскаго народа, и во многихъ случаяхъ противурѣчившіе общимъ Русскимъ преданіямъ обычнаго права. Послѣднія, не смотря на преобладаніе старостъ, владѣльцевъ и шляхты, не смотря потомъ на грамоты, обязывавшія судиться по Магдебургскому праву, оставались въ полной силѣ въ убѣжденіи какъ горожанъ, такъ и крестьянъ южнорускихъ и составляли единственную понятную для нихъ юридическую норму. Не смотря на всевозможныя стѣсненія, стремленіе къ удержанію древнихъ общинныхъ формъ быта проявляется въ городахъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ равно какъ и во всѣхъ другихъ туземныхъ сословіяхъ Южно-Русскаго края: у крестьянъ, казаковъ, околичной шляхты. Въ городахъ стремленіе это, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени, проявляется или въ полномъ отреченіи ихъ отъ Магдебургскаго права или въ такомъ его примѣненіи къ практикѣ, при которомъ древніе, народные, общинные обычаи имѣли бы возможность замѣнить собою постановленія Саксонскаго закона. Первый исходъ— т. е. отреченіе отъ Магдебургскаго права—имѣлъ мѣсто въ городахъ украинныхъ, гдѣ города, при первой возможности, слились съ козачествомъ, оставивъ въ сторонѣ всякую сословную особенность. Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общинное начало было болѣе подавлено, народонаселеніе городовъ, удерживая Магдебургское право, смотритъ на послѣднее не какъ на сводъ обяза-

[1]) Ibid. №№ XXV, стр. 90; LV, стр. 177, LXIII, стр. 197, CII, стр. 258; CXI, стр. 273; CXXV, стр. 282, CXIV, стр. 305, CXXVIII, стр. 317; CL, стр. 388; CLXIII, стр 426; CLXXVIII, стр. 451; CLXXX, стр. 456; CLXXXV, стр. 426: CCXV, стр. 547 и CLXII стр. 424.

тельныхъ для себя законовъ, а только какъ на хартію, гарантировавшую ему ту долю самостоятельности, при которой возможно было до извѣстной степени примѣненіе собственныхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Магдебургское право—въ значеніи кодекса законоположеній—остается въ городахъ мертвою буквою—изъ постановленій его заимствуется только организація городскихъ властей и коллегій, но и эта организація въ такой степени не точно и не ясно усвоивается мѣщанами, что мы не находимъ двухъ городовъ на пространствѣ Южной Руси, которыхъ устройство, основанное на Магдебургскомъ правѣ, было-бы сходно въ подробностяхъ другъ съ другомъ или отвѣчало-бы нормѣ установленной нѣмецкимъ закономъ. Еще болѣе сбивчивыя понятія существовали въ отношеніи предметовъ вѣдомства каждой изъ городскихъ коллегій. По смыслу Магдебургскаго права городомъ должны были управлять двѣ коллегіи, составлявшіяся изъ выборныхъ урядниковъ: 1) Рада, предсѣдателемъ которой былъ бурмистръ, завѣдывала судомъ по гражданскимъ искамъ, городскою полиціею, городскими имуществами и надзоромъ за производствомъ торговли. 2) Лавничій судъ, состоявшій изъ 12 присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ войта, судилъ уголовныя преступленія. На дѣлѣ въ Южно-Русскихъ городахъ ни число выборныхъ членовъ, ни разграниченіе вѣдомствъ обѣихъ коллегій не соблюдалось. Количество лавниковъ (присяжныхъ) и райцевъ въ разныхъ городахъ и даже въ разное время въ одномъ и томъ-же городѣ— бывало различно. Войтъ предсѣдательствуетъ въ обѣихъ коллегіяхъ; иногда онѣ обѣ сливаются въ одну. Бурмистры выбираются по нѣсколько на разъ и отправляютъ должность лавниковъ, иногда райцевъ; обѣ коллегіи завѣдываютъ одними и тѣми-же дѣлами безразлично. Наконецъ образуется третья коллегія—совѣтъ 40 (въ иныхъ городахъ 30) мужей, который, представляя интересы общины, „поспольства", состоитъ изъ выборныхъ отъ цеховъ, пополняется по своему усмотрѣнію, занимается контролемъ магистрата въ отношеніи управленія городскими финансами и городскимъ благоустройствомъ и наконецъ совершенно перетягиваетъ къ себѣ распоряженіе городскимъ хозяйствомъ, отъ котораго впрочемъ не желаютъ отказаться ни лавники, ни райцы, ни бурмистры, ни войтъ. Всѣ эти урядники и коллегіи препираются другъ съ другомъ взаимно и не могутъ основать своихъ притязаній на власть на какомъ-бы то ни было положительномъ законѣ. Магдебургское право, на основаніи котораго повидимому всѣ они желаютъ дѣйствовать, извѣстно имъ только по имени, дошедшемъ до нихъ изъ жалованной королевской грамоты. Самъ сводъ какъ Саксонскихъ законовъ вообще (Speculum Saxonicum), такъ и городскаго Магдебургскаго уложенія въ частности (Weichbild) были мало извѣстны и даже иногда не доходили до южно-русскихъ горожанъ. То, на что они по временамъ ссылаются подъ именемъ „Saxon" это, хранившіяся въ нѣкоторыхъ магистратахъ, польскія редакціи Магдебургскаго права, которыя часто представляли юридическіе трактаты и разсужденія, составленныя Краковскими и Львовскими юристами XV и XVI столѣтій, чѣмъ сборники статей обязательнаго законоположенія. Послѣднія до того завалены

въ этихъ сочиненіяхъ комментаріями и глоссами историческаго, богословскаго и философскаго содержанія, что становится невозможнымъ отдѣлить положительный законъ отъ толкованій составителя трактата. Впрочемъ мѣщане не изучали и этихъ редакцій Магдебургскаго права и члены магистрата, только въ весьма важныхъ случаяхъ (почти исключительно въ нѣкоторыхъ приговорахъ смертной казни) старались цитировать статью изъ Саксона или Магдебургскаго права, на которой они основывали свое рѣшеніе; но и эти цитаты дѣлались часто только для формы, на обумъ; такъ для примѣра сравнимъ 3 приговора, постановленные ковельскимъ магистратомъ на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи времени по одному и тому-же дѣлу: именно приговоры, по дѣламъ о дѣтоубійствѣ 1704, 1713 и 1718 годовъ. За одно и тоже преступленіе магистратъ, состоявшій почти изъ однихъ и тѣхъ-же членовъ, 2 раза приговариваетъ обвиненныхъ къ зарытію живыми въ землю, а третій разъ только къ выставкѣ у позорнаго столба и къ изгнанію изъ города. Притомъ во всѣхъ трехъ приговорахъ приводится въ основаніе одна и таже статья Магдебургскаго права (съ варіянтами въ цитатахъ) и всѣ три раза приведенныя въ приговорахъ ссылки не сходятся ни другъ съ другомъ, ни съ порядкомъ статей Магдебургскаго права: такъ разъ ссылка указываетъ на страницу 227, другой разъ на 69, третій на 67, параграфъ 80 [1]).

Уже такое отношеніе магистратовъ къ дѣйствовавшему въ городахъ, въ силу королевскихъ грамотъ, законодательству ясно указываетъ, что это чуждое законодательство не привилось къ быту и къ юридическимъ понятіямъ южно-русскихъ мѣщанъ. Изученіе статей Магдебургскаго права было, по общественному мнѣнію мѣщанъ, лишнее. По всѣмъ встрѣчавшимся имъ вопросамъ они находили отвѣтъ въ обычномъ мѣстномъ правѣ, которое сохранилось по преданію или истекало изъ внутреннихъ понятій о справедливости судящихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, между тѣмъ какъ постановленія „Саксона" по большей части не совпадали съ чувствомъ справедливости и практическими соображеніями, основанными на преданіяхъ, завѣщанныхъ минувшею общинною жизнью края. Преданія эти и невозможность согласить ихъ съ постановленіями новаго городскаго порядка и были поводомъ выше указанной невозможности установить правильное городское управленіе. По Магдебургскому праву управленіе это должно было сосредоточиваться въ выборныхъ коллегіяхъ, между тѣмъ какъ по смыслу общиннаго устройства, народное мнѣніе признавало право верховной власти только за сходкою всѣхъ членовъ общины. Выборные магистратскіе чиновники и сами недовѣряли существу ввѣренной имъ власти и чувствовали, что общественное мнѣніе довѣряетъ ему еще менѣе. Вслѣдствіе такого отношенія безпрестанно встрѣчаются такія явленія: что выборные магистратскіе чиновники, или упорно отказываются отъ исполненія возлагаемой на нихъ должности, или, принявъ ее, не могутъ дать себѣ

---

1) Ibid. №№ LXXIII, стр. 212, CIII, стр. 260 и CXII, стр. 274.

отчета объ ея существѣ и предѣлахъ, захватываютъ управленіе дѣлами, ихъ должностямъ не подвѣдомственными, превышаютъ свою власть на каждомъ шагу и никогда не соединяютъ съ исполненіемъ ея понятія о долгѣ совѣсти. Наконецъ, во всѣхъ болѣе рѣшительныхъ случаяхъ, они какъ-бы сознаютъ некомпетентность своей власти и созываютъ для рѣшенія дѣла громаду, т. е. по старинному обычаю, сходку всѣхъ членовъ общины.

Стараніе уклониться отъ выбора въ магистратскую должность встрѣчается какъ одно изъ явленій весьма обыкновенныхъ. Такъ въ 1698 году, въ Ковлѣ магистратъ приговариваетъ къ лишенію чести мѣщанина Павла Долинскаго, за то, что онъ бѣжалъ изъ города, уклоняясь отъ исполненія возложенныхъ на него по выбору должностей: лавника и шафаря. Въ г. Выжвѣ въ 1720 году весь магистратъ жалуется на ландвойта Зданя, о томъ, что онъ уклоняется отъ исполненія своей должности подъ предлогомъ личнаго занятія по ремеслу и является въ магистратъ только въ пьяномъ видѣ, при чемъ оскорбляетъ и бьетъ бурмистровъ. Въ Олыкѣ въ 1780 году мѣщане не желаютъ даже собираться для производства выборовъ, не смотря на усиленныя приглашенія войта, а потомъ, когда выборы наконецъ состоялись, выбранныя въ разныя должности лица отказываются отъ ихъ исполненія подъ разными предлогами: райца Заблоцкій отказывается отъ должности шафаря, поставляя на видъ свои преклонныя лѣта и упрекая притомъ согражданъ въ томъ, что они навязали ему должность руководясь чувствомъ зависти и желая разорить скопленное имъ имущество; мѣщанинъ Кулишикъ отклоняетъ отъ себя подъ предлогомъ болѣзни должность сборщика, и изъ рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ войтомъ, можно усмотрѣть что сборщики вообще не исполняли возложенной на нихъ обязанности. Четыре года спустя, въ томъ-же городѣ сходка 30 мужей должна была постановить значительный штрафъ на тѣхъ гражданъ, которые уклонялись отъ присутствія на городскихъ выборахъ, и опять тотъ-же Кулишикъ отказался отъ должности сборщика, предложивъ вмѣсто занятія ея дать выкупъ въ пользу церкви [1]), и т. д.

Еще чаще, чѣмъ отклоненіе отъ себя должности, встрѣчается фактъ превышенія власти выборными магистратскими урядниками; это превышеніе ими власти зависитъ отъ полнаго непониманія предѣловъ и аттрибутовъ ея, или отъ глубокой увѣренности въ томъ, что ни общественное мнѣніе ни контролирующія урядниковъ сходки 40 мужей не въ силахъ основать свое неодобреніе на чуждомъ для нихъ и совершенно неизвѣстномъ законоположеніи. Довольно пересмотрѣть жалобы и нареканія каменецкаго поспольства на дѣйствія членовъ своего магистрата, чтобы убѣдиться въ существованіи того хаоса безурядицы и безправности, который прикрывался названіемъ Магдебургскаго права. Войтъ, райцы, бурмистры и т. д. по мѣрѣ возможности

---

[1]) Ibid. №№: LII, стр. 171; CXVI, стр. 285; CLXXI, стр. 440, CLXXV, стр. 447; CLXXVI, стр. 448 и CLXXXIX, стр. 469.

захватываютъ городскіе доходы и распоряжаются ими самопроизвольно или обращаютъ ихъ въ свою пользу; райцы расширяютъ предѣлы полицейской, принадлежавшей имъ, власти до полнаго произвола надъ личностью и имуществомъ мѣщанъ съ одной стороны и до захвата судебной власти съ другой; растрата общественныхъ суммъ и отсутствіе отчетности встрѣчаются на каждомъ шагу. Контролирующая магистратъ коллегія 40 мужей взываетъ о справедливости, но возгласы ея, не основанные на положительномъ законѣ и не поддержанные сознательнымъ общественнымъ мнѣніемъ, остаются по большей части безъ послѣдствій. Иногда городское управленіе при взаимныхъ пререканіяхъ доходитъ до такой степени запутанности, что короли находятся въ необходимости поручать приведеніе въ порядокъ городскихъ дѣлъ особымъ коммиссіямъ; но дѣйствія коммиссій тянутся цѣлые годы и обыкновенно не приходятъ ни къ какому окончательному результату. За то болѣе безпокойные или болѣе другихъ виновные въ безпорядкахъ члены магистрата успѣваютъ найти поддержку со стороны коммиссаровъ и не рѣдко угрожаютъ своимъ согражданамъ тѣмъ, что подчинятъ городъ шляхетскому суду. Въ другихъ городахъ, стоявшихъ еще на низшей степени развитія чѣмъ Каменецъ, неопредѣленность въ отношеніяхъ властей между собою, небрежность въ исполненіи должностей и злоупотребленія урядниковъ, встрѣчаются не менѣе часто. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ бурмистровъ города Ковля, Теодоровичъ, захватываетъ (1720—1725) городскую землю, обращаетъ ее въ свою личную собственность и возвращаетъ городу только вслѣдствіе рѣшенія замковаго уряда. Въ томъ-же городѣ ляндвойтъ Семеновичъ (1698) распоряжается самопроизвольно городскими доходами и расходами, помимо бурмистровъ, 30 мужей и выбраныхъ послѣдними шафарей, къ вѣдомству которыхъ собственно и относились сборъ, управленіе и контроль надъ расходомъ городской казны, притомъ онъ присвоиваетъ себѣ право суда, помимо войта и лавниковъ, и взыскиваетъ въ свою пользу судебныя пошлины и штрафы. Въ Олыкѣ шафари городскіе въ теченіи 15 лѣтъ (1767 -1782) не даютъ никому отчета въ употребленіи городскихъ доходовъ и т. п. [1]).

Отсутствіе признанія и поддержки со стороны общественнаго мнѣнія сознавали достаточно сами члены магистрата—во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ, при желаніи ввести новую мѣру въ управленіи, при установленіи новой подати, при несогласіяхъ, возникавшихъ въ средѣ самаго магистрата и т. п. члены его, желая упрочить предлагаемую мѣру или вызвать рѣшительное осужденіе извѣстнаго поступка, прибѣгаютъ къ совѣту 40 мужей, какъ къ представителю общины, несмотря на постоянную борьбу магистрата съ этою коллегіею, или, еще чаще, созываютъ погодовную сходку всѣхъ мѣщанъ

---

[1]) Ibid. №№: LIV, стр. 174; CLXXII, стр. 459; CXXIV стр. 305; CXLVI, стр. 374; CLVII, стр. 412; CLXVIII, стр, 435; CLXXXI, стр. 457 и CLXXXII, стр. 459.

и представляютъ на ея обсужденіе всякое дѣло, серьезнымъ исходомъ котораго дорожилъ какъ самъ магистратъ, такъ и вообще все народонаселеніе города. Такъ, въ 1633 году, Владимірскій магистратъ, желая установить постоянную складчину, которая давала-бы средства для составленія собственно городской казны, (помимо остальныхъ, якобы городскихъ, доходовъ, которые магистратъ обязанъ былъ подъ наблюденіемъ старосты расходовать на содержаніе крѣпости) созываетъ сходку всѣхъ жителей города и представляетъ свой проектъ на ея усмотрѣніе. Сходка разрѣшаетъ введеніе новой подати и въ протоколѣ своего засѣданія указываетъ на то, что она признаетъ себя верховною и вполнѣ самостоятельною властью. Протоколъ этотъ начинается словами: „Мы, бурмистръ и райцы, ляндвойтъ, присяжные лавники, цехмистры, ключники и вся цеховая братія, вмѣстѣ со всѣми мѣщанами,—*рѣчь посполитая Владимірская*“ [1]).

Въ Каменцѣ (1634) ормянскій магистратъ, желая усилить значеніе войта, постановляетъ, что онъ будетъ избираться не магистратомъ, а сходкою 40 мужей и 50 мѣщанъ домовладѣльцевъ. Въ Ковлѣ (1677) старостинскій урядъ обязываетъ бурмистровъ и шафарей давать отчетъ въ управленіи городскими финансами передъ ляндвойтомъ и всѣмъ поспольствомъ.—Въ Выжвѣ (1720) магистратъ собираетъ общую сходку и передъ ея лицемъ приноситъ жалобу на злоупотребленія и обиды, причиняемыя бурмистрамъ ляндвойтомъ Зданемъ. Въ Олыкѣ (1781) магистратъ представляетъ на судъ совѣта 30 мужей поступки мѣщанина Яблонскаго, обижавшаго магистратъ и желавшаго осрамить и принести вредъ всему городу и т. д. [2]). Наконецъ въ Каменцѣ магистратъ, утомленный безпрерывною безъурядицею и отсутствіемъ положительнаго закона, созываетъ въ 1785 году коллегію 40 мужей и предлагаетъ ей установить, вмѣстѣ съ обѣими коллегіями магистрата, правила, на основаніи которыхъ могло-бы установиться городское управленіе. Вотъ, что сказано въ заявленіи магистрата относительно запутанности законоположеній, относившихся къ городу: „Городъ нашъ управляется различными законами: относительно суда онъ пользуется правомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Саксонскаго и Магдебургскаго, но, въ случаѣ недостатка въ этомъ правѣ, прибѣгаетъ къ законодательствамъ: церковному и коронному; относительно управленія своего и благоустройства, онъ руководится различными конституціями, привилегіями и постановленіями бывшихъ королевскихъ коммиссій, а также примѣрами учрежденій, заимствованными отъ другихъ городовъ“. Потому магистратъ и предлагаетъ составить сообща всѣмъ коллегіямъ новыя точныя постановленія, и важнѣйшія изъ нихъ, для всеобщаго свѣденія и руководства, читать публично на ратушѣ разъ въ годъ, передъ выборами [3]).

---

[1]) Ibid. № XXXVIII, стр 147.
[2]) Ibid. №№: XXXIX, стр. 150, XLV, стр. 163; CXVI, стр. 285; CLXXIX, стр. 453.
[3]) Ibid. № CXCI, стр. 471.

Отчужденіе мѣщанъ отъ Магдебургскаго права и существованіе понятій юридическихъ, заимствованныхъ изъ общиннаго быта, проявлялось не только въ неумѣніи устроить коллегіяльное, выборное городское управленіе и въ наклонности считать гораздо болѣе авторитетнымъ управленіе посредствомъ общихъ сходокъ.—Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общинное начало болѣе сохранилось, если городъ и получалъ Магдебургское право, то въ общественномъ мнѣніи жителей, оно не было достояніемъ одного города, а составляло гарантію самоуправленія цѣлой околицы или округа, тянувшаго къ городу какъ къ общинному центру.—Магистраты судили уголовныя и гражданскія дѣла крестьянъ цѣлой околицы, и принимали въ свои книги документы, являемые послѣдними. Если даже въ чертѣ земель, тянувшихъ къ извѣстному городу, возникалъ другой, новый городъ, то послѣдній становился къ первому въ отношенія древняго пригорода къ главному городу. Мѣщане ходили на сходки и участвовали въ выборахъ главнаго города, и считали свой магистратъ, если они и были надѣлены Магдебургскимъ правомъ, подвѣдомственнымъ магистрату старшаго города. Магдебургское право, принималось тутъ только какъ символъ мѣстной автономіи, дозволявшій прочнѣе утвердить подъ его покровомъ общинное устройство.—Явленія эти мы встрѣчаемъ почти повсемѣстно въ украинныхъ городахъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ. Такъ въ Каневскомъ магистратѣ судятся крестьяне всего сосѣдняго округа и книги Каневскаго Магистрата до самаго конца XVIII в. изобилуютъ актами, явленными въ нихъ крестьянами [1].—Въ Винницкомъ, Летичевскомъ и друг. магистратахъ судятся дѣла и являются акты крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ. Городъ Соколь удержалъ право, даже признанное за нимъ шляхтичами сосѣдями, судить уголовныя преступленія крестьянъ своего округа, помимо владѣльческаго суда помѣщиковъ [2]. На землѣ, составлявшей территорію города Черкассъ, возникли со временемъ два новые города: Бѣлозоръ и Ломоватое, но города эти управлялись Черкасскимъ магистратомъ, мѣщане изъ нихъ являлись на сходки въ Черкассы и участвовали тамъ въ выборахъ до самаго конца XVIII вѣка [3]. На территоріи Брацлавля населенъ былъ новый городъ Мацоха; на территоріи Чигрина, Звенигородки и Бѣлой Церкви возникли новые города: Медведовка, Калиноболота и Таборовъ, но города эти управлялись магистратами старѣйшихъ городовъ или, если получали грамоту на отдѣльное существованіе, то считали себя зависимыми въ территоріяльномъ и административномъ отношеніяхъ отъ первыхъ [4].

---

[1]) Напримѣръ книга Каневская магистратская 1774—1786 года, въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, № 3,535.

[2]) Архивъ Юго-Запад. Россіи ч. V, т. I. № LXI, стр. 195.

[3]) Ibid. № CCX, стр. 525.

[4]) Ibid. №№ CCXII, стр. 534; CCXVI, стр. 551—555; CCXVII, стр. 558 и CCXVIII, стр. 565.

Если пересмотримъ приговоры, постановленные разными магистратами по уголовнымъ дѣламъ, то убѣдимся еще болѣе въ томъ, что духъ Магдебургскаго права былъ чуждъ народонаселенію Южно-Русскихъ городовъ. Такъ однимъ изъ отличительныхъ характеровъ Магдебургскаго права состоялъ въ томъ, что оно весьма щедро надѣлило магистраты правомъ карать смертью даже за маловажныя преступленія (малозначительныя кражи, блудную жизнь и т. п.).— Но магистраты южно-русскихъ городовъ пользовались этимъ правомъ весьма умѣренно и общественное мнѣніе очевидно не было согласно съ строгимъ духомъ нѣмецкаго законодательства. Въ одномъ только Каменцѣ магистратъ содержалъ палача, въ другихъ городахъ не только его не было, но часто приходилось отказаться отъ исполненія смертнаго приговора за невозможностью найти его исполнителя. Такъ, уже въ началѣ XVIII вѣка, встрѣчаемъ двѣ росписки, данныя Каменецкому магистрату депутатами магистратовъ Чорткова и Баворова, пріѣзжавшими въ Каменецъ съ цѣлью занять палача для исполненія своихъ приговоровъ и получившими его не иначе, какъ съ оставленіемъ въ городѣ, въ видѣ залога, нѣкоторыхъ членовъ депутаціи [1].—Въ Кременцѣ въ 1710 году смертный приговоръ, постановленный магистратомъ, не былъ исполненъ за недостаткомъ палача какъ въ самомъ городѣ, такъ и во всѣхъ городахъ Волыни и даже въ сосѣднихъ городахъ ближайшихъ воеводствъ [2].— Въ такихъ даже случаяхъ, гдѣ смертный приговоръ могъ быть исполненъ, при малѣйшемъ заявленіи общественнаго мнѣнія въ пользу отмѣненія его, магистраты весьма легко отказывались отъ исполненія казни и совершенно освобождали преступника или замѣняли казнь его болѣе легкимъ наказаніемъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ духовенство, иногда почетные граждане города, принимали на себя иниціативу заявленія магистрату общественнаго мнѣнія. Такъ въ Каменцѣ, въ 1748 году, казнь двухъ преступниковъ была отмѣнена вслѣдствіе протеста уніятскаго епископа о томъ, что магистратъ назначилъ время для исполненія ея—въ праздникъ Св. Іоанна Богослова.—Въ Ковлѣ въ 1697 году магистратъ замѣнилъ наказаніе преступницы, приговоренной къ смертной казни, штрафомъ въ пользу церквей, вслѣдствіе заявленія магистрату просьбы о помилованіи „отъ велебнаго отца Луки Куреневича, пресвитера соборной церкви". Въ томъ-же городѣ, въ 1704 г. отмѣненъ былъ смертный приговоръ „ad instantiam почтенныхъ особъ, а именно: ксендза Тржесніовскаго, настоятеля приходского Ковельского костела, а также велебныхъ отцевъ настоятелей: церкви Благовѣщенской, и церкви соборной—отца Луки, и отца Василія; также пана Зелинскаго и многихъ, собравшихся въ ратушѣ кюдей, достойныхъ уваженія" [3]).

---

[1]) Ibid. №№ LXX, стр, 209 и LXXXIV стр. 229.
[2]) Ibid. № XC , стр. 240.
[3]) Ibid. №№ L, стр. 169; LXXIII, стр. 212; CXL, стр. 358.

Въ значительномъ большинствѣ другихъ приговоровъ, постановленныхъ магистратами, замѣчается тоже отчужденіе отъ магдебургскаго права и таже наклонность руководствоваться, взамѣнъ его постановленій, воззрѣніями права обычнаго. Такъ, назначеніе магистратомъ опекуна для сиротъ и опредѣленіе его обязанностей, производится по воззрѣніямъ обычнаго права, причемъ магистратъ не обращаетъ ровно никакого вниманія на постановленія права Магдебургскаго [1]. Магистраты входятъ въ разсмотрѣніе дѣлъ и столкновеній, возникавшихъ изъ чисто мѣстныхъ отношеній, на которые напрасно было-бы искать отвѣта въ Магдебургскомъ правѣ; такъ они обсуждаютъ: дѣла о разводѣ супруговъ на основаніи обычая разлуки; несогласія между товарищами „нарубоцкихъ брацтвъ", возникавшія вслѣдствіе нарушенія братскихъ обычаевъ; тяжбы по обвиненію въ бесчестіи за убьеніе членомъ цеха собаки; жалобы на членовъ магистрата, о томъ, что они роняютъ значеніе своей должности, не отращивая усовъ во время ея исполненія; обвиненія мѣщанъ въ наклонности къ изяществу костюма и къ щегольству и т. п. [2]).

Такимъ образомъ Магдебургское право, не доставляя достаточной внѣшней гарантіи для самостоятельности городовъ, не давало и внутреннихъ прочныхъ основъ для ея развитія. Мѣщане Южно-Русскихъ городовъ не сроднились съ нимъ, не примѣнили его къ житейскимъ отношеніямъ и постоянно относились къ этому праву, какъ къ своду законовъ для нихъ чуждыхъ и неумѣстныхъ; они смотрѣли на Саксонскій кодексъ какъ на нѣчто внѣшнее, доставшееся имъ въ силу случайнаго стеченія обстоятельствъ, какъ на гарантію единственную для нихъ возможную, но тѣмъ не менѣе весьма недостаточную и несообразную съ ихъ обычаями и понятіями. Конечно при такомъ отношеніи право это не могло служить исходною точкою для развитія городской самостоятельности, слѣдовательно и не могло достигнуть той цѣли, для которой было назначено правительствомъ—т. е. развитія торговой на сознаніи прочности установленнаго порядка и силы мѣщанскаго сословія. Потому и не удивительно, что, не смотря на всевозможныя заботы правительства объ усиленіи торговли и промышленной дѣятельности, послѣдняя не могла развиться въ Южно-русскихъ городахъ при существованіи выше-указаннаго преобладанія шляхетскаго сословія и при той огромной массѣ повинностей и платежей, которые взыскивали съ мѣщанъ старосты и владѣльцы городовъ, и которые въ самомъ корнѣ уничтожали всякую возможность дальнѣйшаго промышленнаго развитія.

Между тѣмъ правительство, не находя возможности доставить городамъ твердую опору въ установленіи прочной городской автономіи, старалось поддержать ихъ благосостояніе безчисленными частными торговыми льготами и

---

[1]) Ibid. № CLIX, стр. 419. Starożytna Polska, т. II, стр. 975.

[2]) Ibib. №№: LXXVIII, стр. 220; XCI, стр. 241; XCIII, стр. 245; XCIV, стр. 246; XCVII, стр. 251; CLXXXIII, стр. 460.

привилегіями, щедро раздаваемыми каждому городу порознь. Но эта искуственная поддержка еще менѣе достигала цѣли, чѣмъ неудачная попытка установить городскую самостоятельность посредствомъ жалованныхъ грамотъ на Магдебургское право. Отдѣльныя привилегіи, розданныя различнымъ городамъ носили постоянно характеръ привилегій монопольныхъ, и потому или взаимно другъ друга уничтожали, или, направленныя къ развитію торговли и промышленности въ извѣстномъ городѣ, не достигали цѣли, устраняя возможность всякой конкуренціи и истребляя всѣ зачатки промышленной дѣятельности въ мѣстности, окружавшей привилигированный городъ.—Пересматривая эти многочисленныя привилегіи, мы можемъ ихъ отнести къ тремъ различнымъ групамъ: 1) Привилегіи на особенныя льготы и преимущества при производствѣ торговли. 2) Привилегіи, устанавливающія торговые рынки и 3) привилегіи на право устройства ремесленныхъ корпорацій.

Изъ числа торговыхъ льготъ, предоставляемыхъ правительствомъ важнѣйшія были: 1) освобожденіе отъ платы „мыта“ т. е. пошлины за право провоза товара. 2) Предоставленіе права свободной торговли горячими напитками и 3) устройство *складовъ*, т. е. обязательная продажа въ городѣ товаровъ, привозимыхъ изъ за границы.—„Мыто“ составляло одну изъ важнѣйшихъ статей государственнаго дохода; внутреннія таможни: „мытницы“ или „мытныя коморы“ были разсѣяны на пространствѣ всего великаго княжества Литовскаго, а потомъ всей речипосполитой, вдоль всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ путей; онѣ обыкновенно отдавались за значительныя суммы на откупъ; иногда мыто сбиралось прямо въ казну особыми къ тому приставленными чиновниками. Всѣ купцы, провозившіе товары, должны были въ первой, случившейся имъ на пути, мытной коморѣ объявить, подъ опасеніемъ конфискаціи, количество, стоимость и мѣсто назначенія товара и уплатить за право провоза причитавшуюся пошлину; выданная квитанція обеспечивала для нихъ свободный проѣздъ по королевскимъ землямъ, городамъ и староствамъ до объявленнаго мѣста назначенія; впрочемъ уплаченное мыто въ государственную казну не освобождало еще вполнѣ отъ пошлинъ провозимый товаръ. По дорогѣ въ каждомъ городѣ приходилось еще уплачивать за проѣздъ черезъ оный „мостовое“, а въ случаѣ, если городъ выхлопоталъ себѣ на то привилегію, и особенное мыто въ пользу городской казны. Сверхъ того, владѣлецъ каждаго села, лежавшаго на торговой дорогѣ, бралъ еще мыто и мостовое въ свою пользу. Такимъ образомъ стоимость товаровъ страшно возрастала; товары громоздскіе, мало цѣнные или привозимые изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей не могли выдерживать путевыхъ расходовъ и переставали составлять предметъ торговли; остальные товары сильно дорожали; вслѣдствіе того запросъ на нихъ уменьшался, и торговые обороты ослабѣвали—мыто скудѣло отъ собственной тяжести и доходъ казны уменьшался. Чтобы поддержать послѣдній правительство стало допускать извѣстныя ограниченія собственной системы сбора этой пошлины, но ограниченія эти не касались общихъ основаній, на которыхъ существовалъ сборъ мыта, а являлись въ видѣ исключеній въ пользу отдѣльныхъ городовъ.

Желая поддержать торговлю, правительство избрало вдоль главныхъ торговыхъ путей [1]) нѣсколько болѣе важныхъ городовъ и дало ихъ жителямъ грамоты на право безпошлинной торговли; руководящій при этомъ разсчетъ состоялъ въ томъ предположеніи, что жители привилигированныхъ городовъ найдутъ для себя выгоднымъ привезти иноземный товаръ, а потомъ, при дальнѣйшей развозкѣ его во второстепенные торговые центры, мыто будетъ съ него получено. Притомъ и главнымъ городамъ привилегіи на освобожденіе отъ мыта давались весьма рѣдко полныя и безусловныя; въ большей части случаевъ льготы были частныя: онѣ относились или къ извѣстному только роду товаровъ, или давались на извѣстное, опредѣленное время, или отдѣльнымъ только городскимъ корпораціямъ, или, наконецъ, освобождали отъ уплаты мыта на извѣстномъ только пространствѣ: въ предѣлахъ одного воеводства, по одному только направленію и т. п. Въ тѣхъ даже рѣдкихъ случаяхъ, когда городъ освобождался, по словамъ грамоты, безусловно отъ мыта, льгота не продолжалась долго на дѣлѣ; какъ откупщики казенныхъ таможень, такъ и частные владѣльцы находили возможность весьма скоро нарушить ее и предать забвенію и городу приходилось отъ времени до времени хлопотать о возобновленіи грамотъ, не отмѣненныхъ законнымъ путемъ. Такимъ образомъ льготы, даваемыя важнѣйшимъ городамъ на право безпошлиннаго провоза товаровъ, съ одной стороны должны были вознаграждаться сборомъ мыта съ городовъ второстепенныхъ, которые, не будучи въ состояніи соперничать съ городами надѣленными привилегіями, должны были все болѣе и болѣе падать въ торговомъ отношеніи; съ другой стороны даже для болѣе важныхъ городовъ онѣ имѣли значеніе только временной поддержки, роздыха, дозволявшаго скопить незначительный запасъ, но не дававшаго возможности установить правильныя торговыя операціи.—Если пересмотримъ грамоты, жалующія нѣкоторымъ городамъ право на безпошлинную торговлю, то убѣдимся, что всѣ онѣ носятъ вышеуказанный характеръ: такъ Кіевскіе купцы были освобождены отъ уплаты мыта еще великимъ княземъ Александромъ, но въ теченіи столѣтія наслѣдники его должны были 3 раза возобновлять льготу—въ 1506, 1545 и 1606 годахъ, а въ 1615 новая грамота должна была ее возобновить и расширить въ отношеніи къ цеховымъ ремесленникамъ [2]). Луцкіе мѣщане

---

[1]) Вся иностранная торговля направлялась черезъ Южно-Русскій край отъ запада къ востоку; товары, привозимые въ Польшу изъ Германіи, главнымъ образомъ черезъ Торнъ и Вроцлавъ и изъ Венгріи черезъ Краковъ, направлялись черезъ Львовъ и Люблинъ въ Русь, далѣе они шли черезъ Волынь въ Кіевъ, гдѣ встрѣчались съ товарами, привозимыми изъ Москвы черезъ Сѣверщину и изъ Крыма по Днѣпру. Торговля съ Турціею и Валахіею сосредоточивалась въ Каменцѣ и Могилевѣ и оттуда направлялась также на Волынь, гдѣ и встрѣчалась съ главною линіею торговыхъ дорогъ.

[2]) Акты Западной Россіи т. I, № 3; Акты Юж. и Зап. Россіи т I, № 113; Сборникъ Муханова стр. 169; Арх. Юго-Зап. Россіи ч. V, т. I, № XXXI, стр. 123.

были освобождены въ 1498 году отъ уплаты мыта только въ извѣстныхъ таможняхъ, а въ 1552—на всемъ пространствѣ великаго княжества Литовскаго, „подобно мѣщанамъ виленскимъ и кіевскимъ“ за исключеніемъ однако мыта отъ соли и воска.—Владимірскіе мѣщане освобождены были въ 1509 году отъ уплаты мыта только въ повѣтахъ Владимірскомъ и Луцкомъ, и то за исключеніемъ города Луцка. Жители Острожца освобождены были отъ уплаты мыта, только въ такихъ городахъ „панскихъ и князьскихъ, гдѣбы новыи мыта были встановлены“. Мѣщне Канева и Черкассъ были увольнены въ 1558 г. отъ уплаты мыта исключительно отъ съѣстныхъ товаровъ и т. д. Еще чаще встрѣчается освобожденіе города отъ мыта на срокъ; такую льготу получаетъ напримѣръ Бѣлая Церковь въ 1571 г. на 10 лѣтъ, Крыловъ въ 1616—на 30, Винница въ 1558 г. и т. д. [1]).

Другая важная льгота, которою правительство старалось поддержать въ городахъ развитіе торговли, состояла въ привилегіяхъ, жалуемыхъ городамъ, каждому порознь, на право производства и торговли горячими напитками и другими товарами, представлявшими предметъ всеобщаго потребленія. Сообразно со взглядомъ, установившимся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, владѣлецъ земли имѣлъ право на исключительное право торговли, въ принадлежавшей ему заселенной мѣстности, продажа всякаго товара другими лицами могла производиться только съ его разрѣшенія и вѣдома или въ силу данной имъ привилегіи На этомъ основаніи какъ короли, такъ и частные владѣльцы, раздавали жителямъ, принадлежавшихъ имъ городовъ, съ цѣлью развить въ нихъ промышленную дѣятельность, привилегіи на продажу различныхъ товаровъ, которые и перечисляли въ своихъ грамотахъ, обозначая тутъ-же и количество пошлинъ, которыми облагали право торговли ими въ свою пользу. Между исчисляемыми товарами первое мѣсто занимаютъ горячіе напитки. „Свободно держать корчмы и въ нихъ горѣлки, меды и вина продавать“ разрѣшается съ большими или меньшими ограниченіями или льготами всѣмъ городамъ, даже тѣмъ, которые были лишены самостоятельности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и не были надѣлены Магдебургскимъ правомъ [2]). Иногда въ грамотѣ присовокуплялось условіе, въ силу котораго никто, за исключеніемъ мѣщанъ, не имѣлъ права открывать корчемъ на извѣстномъ разстояніи отъ города или брать на откупъ продажу питей въ самомъ городѣ. Иногда не только продажа но и производство напитковъ предоставлено было, въ качествѣ монополя, мѣщанамъ. Въ городахъ владѣльческихъ помѣщики иногда оставляли за собою право разрѣшать лично каждому мѣщанину право продажи

---

[1]) Акты Юж. Рос., т. I, № 160; т. II, №№: 131, 132, 133; Арх. Юго-Зап. Россіи ч. V, т. I, №№: V, стр. 19 и 22; VI, стр. 33, VIII, стр. 37; XXXII, стр. 127.

[2]) Ibid. №№: XXII, стр. 79; XXIII, стр. 81; XXVI, стр. 97; XXVIII, стр. 106; XXXII, стр. 128 и т. д.

питей [1]).—Во всякомъ случаѣ, какъ-бы широка или ограничена ни была эта льгота, ее всегда сопровождало обязательство вносить въ казну государственную или владѣльческую значительныя пошлины [2]), которыя, усиливаясь постепенно, стремились на дѣлѣ гораздо болѣе къ обогащенію казны, чѣмъ къ развитію богатства и благосостоянія мѣщанъ. Впрочемъ, не смотря на высокія пошлины, эта страсль торговли доставляла вѣроятно торгующимъ нѣкоторыя выгоды, такъ какъ она удерживалась въ городахъ болѣе постоянно чѣмъ другія отрасли и никогда не была оставляема мѣщанами по причинѣ ея непроизводительности.—Кромѣ горячихъ напитковъ, торговля всѣми другими болѣе употребительными товарами, составляла также предметъ монополя со стороны правительства и владѣльцевъ и изъятія изъ него предоставлялись городамъ въ видѣ особенныхъ льготъ.—Такъ напримѣръ въ Ковлѣ королевская грамота розрѣшаетъ мѣщанамъ покупать въ ближайшей около города мѣстности скотъ, воскъ, медъ и хмѣль; въ Луцкѣ мѣщане получаютъ льготу на извѣстный срокъ продавать „на ратушѣ“ смолу, деготь и сѣно и обращать пошлину съ продажи этихъ предметовъ въ городскую казну. Богуславскимъ мѣщанамъ разрѣшено было продавать: сукна, хлѣбъ, мясо и рыбу и пошлину съ продажи этихъ товаровъ обращать на городскую „армату“.—Въ Хмѣльникѣ мѣщане получили право торговать мясомъ, хлѣбомъ, свѣчами, саломъ и дегтемъ и т. п. [3]). Всѣ эти льготы, нося на себѣ характеръ исключительности и монополя, стремились къ развитію торговли въ извѣстныхъ привилигированныхъ пунктахъ, стѣсняли и затрудняли общее движеніе торговли въ цѣлой странѣ, а налоги, обременявшіе продажу каждаго продукта въ отдѣльности, уничтожали и то мѣстное сосредоточеніе торговой дѣятельности въ привилигированныхъ городахъ, на которое, по видимому, разсчитывало и правительство, и частные владѣльцы.

Третій, наконецъ, родъ торговыхъ льготъ, стремившійся къ развитію торговли въ извѣстныхъ городахъ, и еще болѣе чѣмъ два предъидущіе носившій характеръ исключительности, состоялъ въ правѣ, жалуемомъ нѣкоторымъ городамъ, на устройство складовъ извѣстныхъ товаровъ.—Такое право получилъ Луцкъ въ 1558 году, и, по словамъ грамоты, оно состояло въ томъ, что пріѣзжіе купцы не имѣли права продавать товара въ городѣ въ раздробъ, а обязаны были сбывать его оптомъ луцкимъ мѣщанамъ, которые одни имѣли право продавать его непосредственнымъ потребителямъ. Въ Луцкѣ также устроенъ былъ складъ соли, т. е. право мѣлочной продажи принадлежало исключительно луцкимъ мѣщанамъ, платившимъ за эту льготу особенныя

---

[1]) Ibid. №№: V, стр. 22; XXI, стр. 74. Сборникъ Муханова, стр. 442. Starożytna Polska, т. II, стр: 1042, 1043, 1351. и т. д.

[2]) Солодовая, варовая, котловая за право производства; чоповая и капщизна за право продажи напитковъ.

[3]) Ibid. №№: XXIX, стр. 109; XXXIII стр. 133. Starożytna Polska, т. II, стр. 519, 897, 1023 и т. д.

подати—*сольницу* и *побарышное*. На такомъ-же основаніи устроены были склады соли въ Кременцѣ, Новомъ Константиновѣ, Шаргородѣ и т. д.; склады вина въ Каменцѣ, Могилевѣ и Чечельникѣ; склады дубленой кожи, вяленой рыбы, воска и т. п. въ другихъ городахъ. Право складовъ распространялось иногда до того, что превращалось въ цѣлый рядъ принудительныхъ мѣръ, крайне стѣснительныхъ для внѣшней торговли. Такъ грамота 1558 г. предписываетъ всѣмъ купцамъ, слѣдующимъ изъ Валахіи съ транспортами восточныхъ товаровъ, непремѣнно останавливаться и продавать ихъ въ Шаргородѣ въ теченіи 2 дней, съ правомъ слѣдовать въ дальнѣйшій путь не ранѣе 3-го дня; сеймовое постановленіе 1635 года предписываетъ всѣмъ купцамъ, торгующимъ волоскимъ виномъ, провозить его непремѣнно черезъ Чечельникъ, подъ опасеніемъ конфискаціи всего товара и уплаты штрафа въ случаѣ избранія ими другой торговой дороги и т. д. [1]).

Всѣ перечисленныя мѣры, употребленныя правительствомъ для поощренія и развитія торговли, вслѣдствіе характера исключительнаго и монопольнаго, а также вслѣдствіе значительныхъ налоговъ, сопровождавшихъ каждую льготу, клонились такимъ образомъ, противъ его желанія, къ подавленію торговой дѣятельности. Система сбора мыта и вызванныя ею внутреннія таможни, а также исключительное право торговли различными товарами, жалуемое неравномѣрно и съ мелочными ограниченіями различнымъ городамъ, не дозволяли развиться до сколько нибудь серьезныхъ размѣровъ внутренней торговлѣ, внѣшняя-же была сверхъ того подавлена системою складовъ и указаніемъ обязательныхъ путей провоза и мѣстъ сбыта. Такимъ образомъ городское сословіе, потерявшее право самостоятельнаго существованія и самоуправленія, въ юридическомъ отношеніи, не могло пріобрѣсти силы и путемъ экономическимъ. Съ половины XVII столѣтія торговая дѣятельность до того ослабѣваетъ во всѣхъ Южно-русскихъ городахъ, что и само правительство сознаетъ невозможность оживить ее, убѣдившись, что всѣ мѣры, принятыя имъ до того времени, не только не усилили промышленной дѣятельности, но, напротивъ того, дали результаты совершенно противуположные. Потому съ конца царствованія Сигизмунда III правительство оставляетъ всякое попеченіе о городахъ и предаетъ ихъ участь на волю судьбы. Короли ограничиваются изрѣдка подтвержденіемъ прежнихъ грамотъ, но новыхъ или вовсе не издаютъ или ограничиваютъ объемъ жалуемыхъ городамъ правъ болѣе скромными предѣлами. Практика указала, что только двѣ льготы, жалуемыя правительствомъ, находили примѣненіе на дѣлѣ и то въ размѣрѣ, ограниченномъ запросомъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни, и что онѣ только могли поддерживать сколько нибудь торговую дѣятельность: одна изъ этихъ льготъ—право свободной продажи горячихъ напитковъ, была уже выше указана; другая

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи ч. V, т. I, № V, стр. 24—26; Starożytna Polska, т. II, стр. 897, 1025, 1053—1054, 1057, 1352 и т. д.

состояла въ привилегіяхъ, жалуемыхъ городамъ на „ярмарки и торги“ [1]); При общемъ упадкѣ торговли въ государствѣ, ярмарки имѣли значеніе рынка для весьма ограниченной мѣстности и никогда не достигали сколько нибудь значительныхъ размѣровъ. На нихъ продавались почти исключительно предметы сельско-хозяйственной промышленности: хлѣбъ, овощи, лошади, скотъ, воскъ, медъ, ткани домашняго производства и т. п.—Предметы, сколько нибудь выходившіе изъ этаго круга, шляхтичи привозили для своего употребленія или изъ городовъ, пользовавшихся правомъ склада, или прямо изъ заграницы, такъ какъ товары, купленные шляхтичемъ для собственнаго употребленія, не подлежали ни при переѣздѣ границы, ни на внутреннихъ таможняхъ уплатѣ пошлины; въ случаѣ сомнѣнія, слуга, провожавшій шляхетскій транспортъ, долженъ былъ въ ближайшемъ гродѣ на дорогѣ присягнуть, что проводимый имъ товаръ купленъ его паномъ для собственнаго его употребленія, и свидѣтельство, выданное ему гродомъ о принесеніи присяги, освобождало транспортъ отъ требованій всякихъ пошлинъ. Конечно, что при такихъ условіяхъ трудно и предполагать, чтобы купцы были въ состояніи доставлять товары на ярмарки, оплачивая по дорогѣ обременительныя пошлины и чтобы они могли разсчитывать на сбытъ товара.—Дѣйствительно по актамъ видно, что на ярмарки являлись почти исключительно жители ближайшей мѣстности, для того, чтобы обмѣняться продуктами сельского хозяйства.—При этомъ староста или владѣлецъ города, въ которомъ происходили ярмарки, получалъ подать съ каждаго привезеннаго товара—торговое и процентъ съ каждаго товара проданнаго—ваговое, померное и т. д. Получая такимъ образомъ довольно значительный доходъ съ ярмарокъ, этаго единственнаго вида торговой дѣятельности, возможнаго при всеобщемъ упадкѣ промышленности и вызываемаго необходимостью обмѣна сырыхъ произведеній, владѣльцы королевскихъ староствъ и частныхъ селъ стараются, на перерывъ другъ передъ другомъ, выхлопотать у королей грамоты на переименованіе селъ въ города и мѣстечка, и о разрѣшеніи собирать въ нихъ ярмарки. Послѣднія мало по малу начинаютъ составлять почти единственный признакъ, отличающій городское поселеніе отъ сельского и сосредоточиваютъ въ себѣ все понятіе о городѣ. Съ половины XVII столѣтія почти всѣ грамоты, устанавливающія новые города, ограничиваются только тѣмъ, что жалуютъ имъ право собирать ярмарки, въ нѣкоторыхъ также случаяхъ открывать шинки, и не упоминаютъ вовсе объ особенныхъ правахъ жителей, о городскомъ самоуправленіи, даже о другихъ торговыхъ льготахъ. Такъ въ числѣ 19 граморъ, помѣщенныхъ въ томѣ о городахъ, изданномъ Кіевскою археографическою коммиссіею, учреждающихъ новые города въ теченіе

---

[1]) *Торгомъ* въ тѣсномъ смыслѣ, принятомъ въ грамотахъ, называлось право привозить для продажи на городскомъ базарѣ изъ сосѣднихъ деревень продукты сельско-хозяйственной промышленности, дни, назначенные для торговъ, обыкновенно разъ въ недѣлю, были всегда точно опредѣлены грамотами.

времени съ конца XVII по конецъ XVIII столѣтія, только 3 надѣляютъ города Магдебургскимъ правомъ, которое еще въ первой четверти XVII в. считалось неотемлемою принадлежностью всякого города, остальныя 16 жалуютъ только право на учрежденіе ярмарокъ, присовокупляя иногда и право торговли горячими напитками, и въ силу этихъ двухъ льготъ причисляютъ данныя имѣнія къ числу городскихъ поселеній [1]).

Такимъ образомъ понятіе о городѣ въ Южной Руси, исходя изъ древнеславянскаго понятія общиннаго центра, попеременно, съ теченіемъ времени, переходитъ въ понятіе крѣпости и мѣста пребыванія старосты, далѣе является понятіемъ о торговой общинѣ, надѣленной особыми правами и торговыми льготами и, наконецъ, значеніе города ограничивается понятіемъ рынка для сельскихъ произведеній.

Подобно тому какъ вышеприведенными мѣрами правительство и частные владѣльцы старались, хотя безъуспѣшно, развить въ своихъ городахъ торговлю, они принимали мѣры и для усиленія ремесленной промышленности такимъ же искусственнымъ и исключительнымъ путемъ. Затрудняя вышеисчисленными мѣрами привозъ въ города и сырыхъ продуктовъ изъ сколько нибудь отдаленныхъ мѣстностей и обработанныхъ иноземныхъ и иногородныхъ произведеній, правительство старалось поднять ремесленную производительность, закрѣпляя ее, въ качествѣ монополя, за немногими лицами; мѣра, служившая для этого, состояла въ утвержденіи и учрежденіи цеховыхъ братствъ въ Южно-Русскихъ городахъ. Уже съ начала XVI вѣка встрѣчаемъ королевскія грамоты, учреждающія цеховыя братства по примѣру польскихъ городовъ, куда онѣ были занесены нѣмецкими колонистами. Такъ въ грамотѣ, данной Кременцу въ 1536 году, сказано: „портные, кушнѣры, сапожники, рѣзники, хлѣбники, кожевельники и другіе ремесленники будутъ имѣть свои отдѣльныя товарищества или цехи, по обычаю другихъ городовъ нашихъ, особенно-же Кракова и Варшавы“ [2]).—Учрежденные такимъ образомъ цехи составляли для себя уставы, которые представляли потомъ на утвержденіе магистрата; при составленіи уставовъ главное вниманіе было обращено на то, чтобы гарантировать братчиковъ цеха отъ всякой возможной конкуренціи какъ со стороны постороннихъ ремесленниковъ и торговцевъ, такъ и со стороны мастеровъ другихъ цеховъ, а равно и о томъ, чтобы предъотвратить соперничество мастеровъ одного цеха по отношенію другъ къ другу; усовершенствованіе ремеслъ и стараніе о развитіи техническихъ пріемовъ было совершенно оставлено въ сторонѣ цеховыми уставами, полное же устраненіе всякаго соперничества исключало и всякое въ этомъ отношеніи побужденіе. На какой низкой степени

---

[1]) Архивъ Юго-западной Россіи ч. V, т. I, №№ XLVII, LVII, LVIII, LX, CXII, CXV, CXXXVIII, CXLI, CXLIX, CLIII, CLIV, CLXI, CLXIII, CLXIV, CLXV, CLXVII, CXC, CXCII и CCVII.

[2]) Ibid. №№: IX, стр. 41; XVII, стр. 58.

совершенства находились издѣлія цеховыхъ мастеровъ, видно уже изъ того обстоятельства, что они не находятъ возможнымъ выдержать конкуренцію со стороны ремесленниковъ не принадлежавшихъ къ цехамъ, постороннихъ самоучекъ, (такъ называемыхъ партачевъ т. е. ремесленниковъ, стоявшихъ a parte отъ цеха) и должны безпрестанно прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы удалить ихъ изъ городовъ или ближайшихъ отъ города мѣстностей, или, по крайней мѣрѣ, запретить имъ работу или обложить ее тяжелыми пошлинами и штрафами. Такъ въ Каменцѣ цехъ имѣлъ право конфисковать всякое издѣліе посторонняго ремесленника, если-же во время ярмарки и дозволялось продавать ихъ въ городѣ, то не иначе, какъ съ разрѣшенія цеха и по внесеніи въ цеховую кассу извѣстной пошлины; каждый цеховой мастеръ, удѣляющій часть своей работы не цеховому ремесленнику или потворствующій его пребыванію въ городѣ, подвергался сильному штрафу. Посторонніе ремесленники подлежали притомъ суду цеховаго братства и потому не могли надѣяться на пощаду, въ случаѣ нарушенія ими привилегій цеха [1]). Оградившись такимъ образомъ отъ посторонняго соперничества, цехи старались точно разграничить области своихъ спеціальностей и даже въ одномъ и томъ-же ремеслѣ отдѣльныя отрасли распредѣлить между отдѣльными мастерами. Такъ въ уставѣ цеха портныхъ въ Каменцѣ постановлено было, чтобы мастера, шьющіе гусарскіе костюмы, не осмѣливались поставлять женскую одежду и обратно, притомъ особые мастера имѣли право подшивать шляпы, „кавалерскія и капланскія" и т. д.—Металическія издѣлія были распредѣлены между 8 различными цехами: мастера одного дѣлали исключительно оловянные сосуды, другого—котлы, третьяго—жестянныя издѣлія, четвертаго—издѣлія изъ желтой мѣди и т. п. [2]).—Устранивъ такимъ образомъ до возможныхъ предѣловъ соревнованіе, цеховые уставы позаботились о томъ, чтобы затруднить, по мѣрѣ возможности, доступъ въ цеховое братство и такимъ образомъ поставить потребителей въ необходимость прибѣгать къ немногочисленнымъ мастерамъ, независимо отъ качества ихъ издѣлій. Такъ мастеръ не имѣлъ права брать одновременно въ науку болѣе одного мальчика и двухъ подмастерьевъ. Но и эти немногочисленные ученики не легко могли достигнуть званія мастера. Чтобы поступить въ число учениковъ мальчикъ долженъ былъ представить свидѣтельство о томъ, что онъ принадлежитъ къ мѣщанскому сословію, ибо въ противномъ случаѣ магистратъ могъ его во всякое время изгнать изъ цеха, а также свидѣтельство о происхожденіи отъ законнаго брака; далѣе мальчикъ долженъ былъ состоять въ наукѣ, смотря по ремеслу, отъ 3 до 7 лѣтъ; по истеченіи этого срока онъ долженъ былъ служить нѣсколько недѣль у мастера и потомъ, въ качествѣ подмастерья (товарища) отправлялся на нѣсколько

---

[1]) Ibid. №№: CXV, стр. 248. CXXV, стр. 309—311, пункты: 8, 9, 11 и 13 и № CXXIX, стр. 320.

[2]) Ibid. №№: CXV, стр. 247 и CXXV, стр. 311, пункты 13 и 14.

лѣтъ странствовать, т. е. работать въ другихъ городахъ; затѣмъ, возвратившись, онъ представлялъ въ цехъ свидѣтельства иногородныхъ цеховъ и, для полученія званія мастера, долженъ былъ сдѣлать пробную работу („штука, misterium“) подъ надзоромъ мастеровъ; если пробная работа была одобрена цехомъ, то представившій ее обязанъ былъ еще уплатить въ цеховую кассу „вступное“, т. е. пошлину за пріемъ, иногда довольно значительную (въ цехѣ портныхъ въ Каменцѣ 120 злотыхъ) и дать пиръ братчикамъ (collatio) стоимостью не свыше 50 злотыхъ. Только послѣ исполненія всѣхъ указанныхъ условій, ремесленникъ становился мастеромъ, имѣлъ право выставить вывѣску и участвовать въ цеховыхъ привилегіяхъ [1]).

Такимъ образомъ и внутри цеха устранялось соперничество, такъ какъ количество мастеровъ въ каждомъ цехѣ было весьма ограничено и нерѣдко, за малочисленностью ихъ, приходилось нѣсколькимъ цехамъ смыкаться временно въ одно братство [2]). Такъ полное устраненіе соперничества и исключительность права на ремесленный трудъ, далеко не способствовали развитію послѣдняго. Мѣщане, не принятые въ цехи, и крестьяне, не имѣвшіе права поступать въ оные, должны были поневолѣ оставлять ремесла и обращать свой трудъ къ другимъ занятіямъ. Многіе изъ не цеховыхъ ремесленниковъ старались водвориться въ маленькихъ городахъ и въ селахъ, но они уносили съ собою то понятіе о цеховой исключительности, жертвою которой были сами, и немедленно заботились о томъ, чтобы выхлопотать у владѣльцевъ мѣстечекъ, куда они переходили на жительство, право на цеховое устройство, подобное тому, какое первоначально было пожаловано королевскими грамотами болѣе значительнымъ городамъ, и такимъ образомъ они, въ свою очередь, заслоняли дорогу къ ремесленному труду дальнѣйшимъ соискателямъ. Особенно часто встрѣчаемъ привилегіи, жалующія цеховое устройство ремесленникамъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ XVIII столѣтіи. Очевидно владѣльцы, замѣтивъ разложеніе цеховъ въ большихъ городахъ, пытаются воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того чтобы перетянуть ремесленную дѣятельность въ свои имѣнія и усилить такимъ образомъ ихъ доходность. Такъ мы встрѣчаемъ грамоты владѣльцевъ, устанавливающія ремесленные цехи портныхъ, сапожниковъ, кушнеровъ, и т. п. въ Бердичевѣ (1732), Чудновѣ (1749 и 1782),

---

[1]) Ibid. №№: CXV, стр. 248; CXXV, стр. 307—310, пункты 1 и 10 и C, ст. 256.

[2]) Такъ, напримѣръ, около 1700 года, въ Каменцѣ кузнецы, слесари и мечники сомкнулись въ одно брятство, а въ 1703 году должны были къ своему цеху причислить временно шорниковъ и сѣдельщиковъ, такъ какъ послѣдніе два цеха не были въ состояніи существовать отдѣльно; мастеровъ въ обоихъ упомянутыхъ цехахъ, соединившихся еще раньше въ одинъ, оказалось въ 1703 году итого 2 человѣка. См. книгу Каменецъ-Подольскаго магистрата № 4437, листъ 394.

Веледникахъ (1783), Ивницѣ (1790), Чернобылѣ (1742), Балтѣ (1777) и т. п. [1]).—Понятіе объ исключительности и монополѣ, сопровождавшемъ право на ремесленный трудъ, сдѣлалось до того общимъ, что даже отдѣльные ремесленники, жившіе въ селахъ, считали себя въ правѣ не дозволять постороннимъ лицамъ заниматься ремесломъ на мѣстѣ своего жительства безъ своего разрѣшенія и безъ уплаты пошлины въ свою пользу [2]). Съ другой стороны, зависѣвшее отъ монополя несовершенство ремесленныхъ издѣлій, заставляло потребителей (эти послѣдніе состояли почти исключительно изъ шляхтичей, такъ какъ крестьяне потребляли только произведенія, выработываемыя въ кругу домашняго хозяйства) прибѣгать прямо къ ремесленникамъ и фабрикамъ иностраннымъ, обращаясь къ туземнымъ ремесленникамъ исключительно съ заказами черной работы.

Такимъ образомъ подобно торговлѣ и ремесленная дѣятельность находилась въ речипосполитой въ состояніи полнаго упадка, не смотря на покровительство, которымъ она пользовалась со стороны правительства, и главнымъ образомъ, именно вслѣдствіе тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыми проявлялось это покровительство.—Но и тотъ ограниченный кругъ торговыхъ и ремесленныхъ занятій, который, при строѣ речипосполитой, былъ доступенъ жителямъ городовъ, долженъ былъ ускользнуть изъ рукъ ихъ при соперничествѣ съ первою встрѣтившеюся группою людей, поставленныхъ въ болѣе выгодное юридическое и общественное положеніе и успѣвшихъ пріобрѣсти болѣе значительную степень экономическаго развитія. Соперничество такого рода встрѣтили мѣщане польскихъ и въ особенности южно-русскихъ городовъ въ еврейскомъ народонаселеніи. Замѣчательно то явленіе, что Евреи не только не пользовались покровительствомъ со стороны правительства и владѣльцевъ городовъ, но, напротивъ того, всегда исключались изъ пользованія льготами, предоставляемыми мѣщанамъ христіанамъ, а иногда даже подвергались особеннымъ стѣснительнымъ мѣрамъ со стороны властей. Первая весьма рѣшительная мѣра, принята была правительствомъ противъ евреевъ въ 1495 году великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, который приказалъ „жидову за земли нашое вънѣ выбити“ и конфисковалъ недвижимое имѣніе, принадлежавшее евреямъ. Правда въ 1503 году Александръ вновь разрѣшилъ евреямъ возвратиться въ предѣлы великаго княжества литовскаго [3]), но стѣснительныя для нихъ мѣры повторялись и при его наслѣдникахъ; такъ королевскою грамотою 1619 года, запрещено имъ было пріобрѣтать осѣдлость или заниматься торговлею въ Кіевѣ, подъ опасеніемъ конфискаціи какъ домовъ, ими купленныхъ, такъ и привезеннаго для продажи товара, далѣе, тою-же грамотою, имъ вос-

[1]) Архивъ Юго-Запад. Россіи ч. V, т. 1, №№: CXXIX, стр. 320; CXXXVI, стр. 351; CXLII, стр. 361; CLXX, стр. 438; CLXXXVI, стр. 463; CLXXXVII, стр. 464; CCIII, стр. 501.

[2]) Ibid. №№: LXXVI, стр. 215 и LXXVII, стр. 218.

[3]) Бершадскій—Литовскіе евреи. 250—259.

прещалось останавливаться въ городѣ долѣе одного дня и внѣ особеннаго указаннаго для нихъ подворія. Въ Каменцѣ и его окрестности на разстояніи 3 миль Евреямъ также воспрещено было селиться или вести какую бы то ни было торговлю и запрещеніе это возобновлялось королями и сеймами 6 разъ разновременно, сопровождаясь конфискаціею домовъ и имущества, насильнымъ изгнаніемъ изъ города въ 24 часа и разрушеніемъ синагоги. Въ Кременцѣ евреи лишены были права заниматься производствомъ вина, пива, меду и т. д., равно какъ и торговать этими напитками. Въ Ковлѣ они имѣли право селиться только на одной, отведенной для нихъ, улицѣ, и за то обязаны были, наравнѣ съ Дубномъ и большею частью другихъ волынскихъ городовъ, уплачивать ²/₃ денежныхъ налоговъ, взимаемыхъ со всего города и притомъ нести наравнѣ съ христіанами всѣ замковыя натуральныя повинности. Помимо этихъ мѣстныхъ стѣсненій, отъ времени до времени, сеймовыя постановленія старались провести общія мѣры, стѣснительныя для Евреевъ: сеймы постановляли то взимать съ нихъ подать въ двойномъ количествѣ противъ той, которую платили христіанскія податныя сословія, то облагали ихъ единовременными подушными налогами, то, подъ угрозою смертной казни, воспрещали Евреямъ торговать лошадьми, то требовали, чтобы они сдавали въ монетный дворъ по низкой цѣнѣ принадлежавшее имъ серебро, то заставляли ихъ испрашивать или покупать у католическихъ епископовъ право на постройку синагогъ, то запрещали, подъ опасеніемъ штрафа, держать прислугу изъ христіанъ, продавать съѣстные припасы, ходить вмѣстѣ съ христіанами въ баню и т. п. [1]).

Не смотря однако на всѣ исчисленныя постановленія, Евреи оказались въ гораздо болѣе выгодномъ экономическомъ положеніи, чѣмъ покровительствуемые правительствомъ городскіе обыватели христіане; они успѣли завладѣть всѣми почти промыслами и торговыми предпріятіями, оттѣснили послѣднихъ на задній планъ и заставили ихъ по большей части обратиться къ земледѣльческимъ занятіямъ, оставивъ всякую попытку соперничать съ еврейскимъ народонаселеніемъ въ торговой и промышленной дѣятельности. Всѣ города Южно-Русскіе безпрестанно жалуются, наперерывъ одинъ передъ другимъ, на то, что Евреи, не взирая на постановленія стѣснявшія и ограничивавшія ихъ, захватываютъ всю торговлю и промыслы въ свои руки и вытѣсняютъ совершенно христіанъ изъ рынковъ. Такъ въ 1647 году львовскіе мѣщане жаловались на сеймѣ, черезъ посредство епископа, что Евреи захватили всю городскую торговлю, и поставили мѣщанъ въ невозможность не только обезпечивать собственное благосостояніе, но и уплачивать государственныя и городскія повинности.—О томъ-же безпрестанно приносятъ жалобы жители Каменца, Кіева, Ковля, Винницы, Кременца, Хмѣльника, Дубна и т. д. [2])

---

[1]) Сборникъ Муханова стр. 192. Starożytna Polska, т. II, стр. 897, 944—945; Starożytności Polckie т. II, стр. 781; Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. V, т. I, №№: XV, стр. 56; LXIII, стр. 197; XCII, стр. 242; CII, стр. 259.

[2]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. V, т. I, №№: XXXIV, стр. 134; XLI,

Это экономическое преобладаніе Евреевъ, не смотря на исключеніе ихъ изъ пользованія льготами, пожалованными правительствомъ христіанскимъ обывателямъ городовъ, и на стѣсненіе ихъ особыми сеймовыми постановленіями, объясняется слѣдующими причинами: 1). Евреи въ польскихъ и южно-русскихъ городахъ обладаютъ гораздо болѣе значительною степенью экономическаго развитія, чѣмъ туземные мѣщане; они прочно сознаютъ пользу солидарности въ дѣйствіяхъ и пользу ассоціаціи въ промышленныхъ предпріятіяхъ; они знаютъ все непреодолимое значеніе капитала и успѣваютъ всегда составить его путемъ ассоціаціи и кредита; 2). Евреи имѣютъ полную свободу и возможность удержать и организовать отдѣльное свое самоуправленіе и сплотить еще болѣе на его основаніи ту солидарность, которая и безъ того сильно была у нихъ развита вслѣдствіе единства происхожденія и вѣры [1]; 3). Наконецъ, Евреи отстраненные закономъ отъ гражданскихъ правъ, сознаютъ себя постоянно племенемъ пришлымъ, чуждымъ мѣстному народонаселенію и его интересамъ; они не считаютъ себя обязанными къ соблюденію въ отношеніи къ туземцамъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя они соблюдаютъ въ сношеніяхъ между собою; они чувствуютъ себя будто пришельцами въ непріятельской землѣ, но какъ слабѣйшіе, избѣгаютъ открытой борьбы, и, пользуясь единственнымъ оружіемъ, въ которомъ они сознаютъ свое превосходство—экономическимъ своимъ развитіемъ, они изучаютъ всѣ слабыя стороны развитія и общественнаго строя туземцевъ, эксплуатируютъ ихъ въ свою пользу и, такимъ образомъ, подавляютъ на его собственной территоріи гораздо болѣе многочисленное и болѣе полноправное туземное населеніе.

Исключенное повсемѣстно изъ участія въ городскомъ самоуправленіи по Магдебургскому праву, евреи находятся непосредственно подъ властью воеводы, но воевода обыкновенно бывалъ въ отсутствіи и потому власть его перешла къ особому чиновнику—его намѣстнику (подвоеводію). Послѣдній смотрѣлъ на свою должность какъ на обильный источникъ доходовъ и ограничивался судомъ надъ Евреями въ дѣлахъ уголовныхъ и надзоромъ надъ употребляемыми ими въ торговлѣ мѣрами и вѣсами, внутреннее же устройство еврейскихъ общинъ, раскладка и сборъ податей, судъ по гражданскимъ дѣламъ—были предоставлены имъ самимъ [2]. Такимъ образомъ Евреи успѣли организовать самостоятельное свое управленіе, избѣгнуть тѣхъ поборовъ, стѣсненій и разрозненности, которые были слѣдствіемъ неравномѣрно распредѣленнаго и сильно ограниченнаго устройства городовъ по Магдебургскому праву; напротивъ того, они сплотились, составили вполнѣ солидарную, признанную закономъ корпорацію, съ котораго не была въ состояніи бороться ни одна, взятая порознь, городская община. Устройство, выработанное Евреями состояло

стр. 156; CXXI, стр. 323. Starożytna Polska т. II, стр. 1023, 1369. Сборникъ Муханова стр. 192.

[1]) Бершадскій—Литовскіе евреи стр. 422—424.

[2]) Starożytności Polskie т. II, стр. 257.

въ слѣдующемъ: каждый городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдѣльный *кагалъ;* онъ подлежалъ суду и управленію коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ „старшіе жидовскіе, кагальные, судіи, школьники“ подъ предсѣдательствомъ рабина, послѣдняго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая конечно за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ Евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли *прикагалки,* зависѣвшіе отъ главнаго кагала; наконецъ Евреи, разсѣянные по селамъ, были также приписаны въ число членовъ ближайшихъ кагаловъ. Кагальные судьи судили и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіемъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія; въ актахъ мы не встрѣчаемъ случая, чтобы Евреи аппелировали отъ кагальнаго суда къ суду подвоеводы. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п. депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагальные города, составляли, такъ называемые „жидовскіе сеймики“ издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ Евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лице—генеральнаго жидовскаго писаря воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронным подскарбіемъ [1]). Короли и сеймы, находя эти учрежденія выгодными въ финансовомъ отношеніи, подтверждали грамотами и постановленіями кагальное устройство и даже старались о поддержаніи и возстановленіи ихъ въ случаѣ, если устройство это временно было нарушено внѣшними событіями: войнами, бѣгствомъ Евреевъ во время козацкихъ возстаній и т. п. [2]). Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ внутреннее самоуправленіе и судъ по собственнымъ обычаямъ, находя въ такомъ устройствѣ полную гарантію солидарности и кредита, опираясь на превосходство экономическаго развитія и капитала, Евреи смѣло выдерживали борьбу съ городскими общинами и подавили окончательно послѣднія; они пользовались безурядицею и неопредѣленностью положенія городовъ, упадкомъ ихъ благосостоянія, преобладаніемъ шляхетскаго сословія и старостинской власти и всѣ эти обстоятельства обращали въ свою пользу. Входя въ денежныя сдѣлки со старостами, они селились въ городахъ, изъ которыхъ были исключены сеймовыми конституціями, торговали товарами, недозволенными имъ по закону, брали на откупъ отъ старостъ и даже отъ магистратовъ сборъ городскихъ доходовъ и подъ его видомъ облагали поборами промыслы горожанъ; въ качествѣ откупщиковъ королевскаго мыта захватили въ свои руки надзоръ за внутреннею и заграничною торговлею всего края;

---

[1]) Въ актахъ исчислены слѣдующіе кагалы въ Волынскомъ воеводствѣ, посылавшіе депутатовъ на сеймики и поочередно, служившіе мѣстомъ ихъ съѣзда: Луцкій, Владимірскій, Кременецкій, Олыцкій, Полонскій, Гороховскій, Острожскій, Ковельскій, Клеванскій и Дубенскій.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, №№: LXVIII, стр. 206; LXXIX, стр. 221; CI, стр. 257; CXIII, стр. 276; XCVIII, стр. 252.

селились въ городахъ на земляхъ, принадлежавшихъ замку или духовенству, и, не неся городскихъ повинностей, подавляли своимъ соперничествомъ промыслы мѣщанъ, обложенные замковыми поборами; въ случаѣ юридическихъ исковъ со стороны мѣщанъ, затягивали дѣло на цѣлые десятки лѣтъ, или входили въ сношенія съ мѣстными властями, которыя отказывались приводить въ исполненіе декреты королевскаго суда, употребляли въ торговлѣ фальшивые мѣры и вѣсы и т. п. [1]).

Соперничество Евреевъ довершило такимъ образомъ тотъ упадокъ городовъ, который былъ естественнымъ послѣдствіемъ паденія общиннаго городскаго начала и преобладанія въ краѣ дворянскаго сословія; упадка, который не могъ быть предотвращенъ правительствомъ ни введеніемъ Магдебургскаго права, ни исключительными мѣрами, покровительствовавшими торговлѣ и ремесламъ. Въ послѣдніе годы существованія речипосполитой упадокъ городовъ дошелъ до крайнихъ возможныхъ предѣловъ; городское сословіе, за исключеніемъ немногихъ центровъ, или исчезло совершенно, перемѣстившись въ другія сословія, или обратилось исключительно къ земледѣльческимъ занятіямъ, составляя сословіе, только условіями найма земли отличавшееся отъ крѣпостныхъ крестьянъ. Евреи наполнили собою тотъ огромный промежутокъ, который отдѣлялъ въ речипосполитой полновластную шляхту отъ безправныхъ хлоповъ и, такимъ образомъ, исчезла всякая возможность разсчитывать въ будущемъ на образованіе средняго сословія, которое было бы въ состояніи положить съ одной стороны преграду шляхетскому господству, съ другой оказать помощь крестьянамъ для выхода изъ ихъ тяжелаго положенія. Отсутствіе средняго сословія было однимъ изъ болѣе выдающихся знаменій неизбѣжнаго паденія речипосполитой; въ послѣднія минуты ея существованія небольшая только группа политическихъ дѣятелей поняла его значеніе и, при составленіи конституціи 1789—1792 года, употребила всевозможныя усилія для того, чтобы возстановить политическое значеніе городскаго сословія. Результатомъ этихъ усилій былъ законъ „о вольныхъ королевскихъ городахъ въ речипосполитой", изданный 18 Апрѣля 1791 года. Законъ этотъ призналъ всѣхъ мѣщанъ въ королевскихъ городахъ „людьми вольными" и всю территорію, находившуюся въ чертѣ каждаго города—потомственною собственностью мѣщанъ. Не только тѣ города, которые сохранили свое самоуправленіе и жалованныя грамоты, были признаны „вольными городами"; наравнѣ съ ними законъ долженъ былъ распространиться и на тѣ города, которые когда либо пользовались городскимъ правомъ, хотя-бы и утратили фактически это право, а также на всѣ города могущіе возникнуть вновь.

По тексту закона въ число мѣщанъ могли поступать всѣ люди свободные; города должны были управляться выборными чиновниками; они получили

---

[1]) Ibid. №№ XXX, стр. 117; XLI, стр. 156; LXII, стр. 196; CXVII, стр. 286; CXXXI, стр. 323; CCXXVIII, стр. 588 и т. д.

право посылать депутатовъ на сеймъ съ правомъ голоса въ сеймовыхъ коммиссіяхъ. Мѣщанамъ предоставлено было право пріобрѣтать поземельную собственность, поступать на государственную службу военную и судебную и занимать высшія духовныя должности. Всѣ лица, выбранныя депутатами въ сеймъ, или пріобрѣвшія поземельную собственность, въ такомъ размѣрѣ, что вносили въ казну поземельной подати не менѣе 200 злотыхъ, а также лица дослужившіяся чина капитана въ арміи или регента въ судѣ—возводились въ дворянское сословіе—сверхъ того каждый сеймъ долженъ быть возводить въ дворяне 30 лицъ изъ почетныхъ мѣщанъ, при этомъ занятіе торговлею и ремеслами не лишало, какъ при прежнемъ порядкѣ, дворянскихъ правъ. Наконецъ самосудъ городскихъ сословій былъ вполнѣ обезпеченъ новымъ закономъ [1]). Подъ непосредственнымъ впечатленіемъ этого закона города какъ-бы пробудились на время изъ оцѣпененія, тяготѣвшаго надъ ними въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій—мѣщане какъ-будто сознали возможность своего участія въ политической жизни края; уцѣлѣвшіе еще магистраты спѣшили преобразоваться, поселенія, утратившія уже давно всякіе признаки городской самостоятельности, бросились отыскивать въ коронной метрикѣ старыя грамоты и, на ихъ основаніи, хлопотали о принятіи ихъ въ число городовъ; въ староствахъ мѣщане заговорили о возвратѣ отнятыхъ у нихъ земель и угодій, объ освобожденіи отъ барщины; въ областные центры съѣзжались выборные отъ городовъ, избирали депутатовъ для посылки на сеймъ, снабжали ихъ инструкціями, въ которыхъ старались высказать нужды и потребности своего сословія [2]) и т. п.

Вскорѣ однако событія доказали, что это увлеченіе было только слѣдствіемъ миража. Въ исторіи цѣлаго народа скачки не возможны; такъ законъ „о вольныхъ королевскихъ городахъ", который могъ-бы оказать благотворное вліяніе еслибы не опоздалъ на два столѣтія, подъ конецъ XVIII вѣка могъ имѣть для речипосполитой значеніе только предсмертной и то весьма неполной исповѣди въ историческихъ ея грѣхахъ. Ни масса шляхты не была расположена къ добровольнымъ уступкамъ захваченной ею власти и значенія въ пользу какого-бы то ни было другаго сословія, такъ что составители закона успѣли провести его на сеймѣ не только помимо желанія, но и безъ вѣдома большинства своего сословія, ни ничтожные остатки городского сословія не имѣли малѣйшей доли той силы и значенія, которыя были-бы необходимы для защиты разъ полученнаго права. Законъ 18 Апрѣля 1791 года обреченъ былъ на ефемерное существованіе впредь до появленія первой шляхетской реакціи. Реакція-же не заставила ждать себя долго. Не прошло и года со времени изданія закона, какъ поднялась враждебная ему шляхетская „Тарговицкая" конфедерація; послѣдняя, опираясь на сочувствіе огромнаго большинства своего

---

[1]) Ibid № CCIV, стр. 504—511.

[2]) Ibid. №№: CCV, стр. 512; CCVI, стр. 513; CCVIII, стр. 517; CCIX, стр. 521; CCX, стр. 525; CCXI, стр. 527; CCXII, стр. 529; CCXIII, стр. 538; CCXIV, стр. 546; CCXVI, стр. 549; CCXVII, стр. 558; CCXVIII, стр. 565.

сословія, вскорѣ восторжествовала. Новый городской законъ былъ уничтоженъ постановленіемъ генеральной конфедераціи 29 октября 1792 года и вслѣдъ затѣмъ королевскій ассесорскій судъ возстановилъ прежнія права старостъ и владѣльцевъ [1]). Впрочемъ Южно-Русскіе города не дождались провозглашенія этого послѣдняго шляхетскаго торжества; раньше, чѣмъ оно имъ было объявлено, они управлялись уже Русскимъ городскимъ уложеніемъ—они въ это время вошли въ составъ Россіи, разставшись на всегда съ шляхетскою речью посполитою. Нѣсколько столѣтій назадъ они оставили русскій міръ полные силы, правившіе сами собою и тянувшими къ нимъ землями, богатые гражданскими правами, равноправностью и благосостояніемъ жителей; теперь они возвращались истощенные, съ полукрѣпостнымъ населеніемъ, оторванные отъ земли и переполненные иноплеменнымъ и эксплуатирующимъ ихъ жизнь еврейскимъ народонаселеніемъ.

---

1) Ibid. №№ CCXIX, стр. 569 и CCXX, стр. 572.

КІЕВСКІЕ ВОЙТЫ ХОДЫКИ,

эпизодъ изъ исторіи городскаго самоуправленія
въ Кіевѣ
въ XVI—XVII ст.

КІЕВСКІЕ ВОЙТЫ ХОДЫКИ,

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ

въ XVI—XVII ст.

Въ исходѣ XV вѣка городъ Кіевъ получилъ отъ великаго князя литовскаго Александра Казимировича уставную грамоту, дававшую мѣщанамъ полный самосудъ и самоуправленіе по магдебургскому праву, а также предоставлявшую кіевской общинѣ многія льготы и привиллегіи, которыя поощряли развитіе городской торговли и промышленности. Благосостояніе города, и до того значительное, вслѣдствіе выгоднаго въ торговомъ отношеніи его географическаго положенія, должно было значительно возвыситься; благодаря самостоятельности городской общины, ея самоуправленію и полученнымъ льготамъ, мѣщане должны были получить значительный просторъ дѣйствія, обезпеченность труда и легкость сбыта его продуктовъ; можно было ожидать развитія города во всѣхъ отношеніяхъ и полнаго процвѣтанія городской общины. Ожиданія эти однако не вполнѣ оправдались. Правда, торговля оживилась, капиталы умножились, многіе мѣщанскіе роды разбогатѣли, стали пріобрѣтать поземельныя владѣнія и переходить въ сословія: земянское, а послѣ 1569 года въ шляхетское; но богатство и значеніе были достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Новыя льготы не отозвались плодотворно на поднятіи уровня благосостоянія всей массы городскаго населенія; образовалась городская аристократія, кружокъ, тѣсно связанный интересомъ и заботившійся лишь о расширеніи своего богатства и вліянія; кружокъ этотъ не только не обращалъ вниманія на нужды болѣе бѣдныхъ согражданъ, но, напротивъ, употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы, захвативъ въ свои руки городскія должности и опираясь на авторитетъ городскаго уряда, эксплуатировать остальное народонаселеніе. Причина этого ненормальнаго явленія въ жизни кіевской городской общины лежала не исключительно въ эго-

---

Статья эта была напечатана въ „Кіевской старинѣ" 1882 г.—февраль.

истическихъ инстинктахъ и побужденіяхъ къ захвату лицъ, успѣвшихъ выдвинуться въ передовые ряды; стремленія къ наживѣ находили богатую почву въ самомъ устройствѣ городскаго самоуправленія. Магдебургское право, по статьямъ котораго должно было управляться и судиться кіевское мѣщанство, представляло кодексъ, сложившійся въ другое время, среди другаго племени и при другихъ историческихъ условіяхъ; его юридическія понятія, формы городскаго суда и самоуправленія могли быть вполнѣ примѣнимы къ быту саксонскихъ городовъ X—XI столѣтій, гдѣ сложилось и магдебургское право, какъ результатъ понятій и нуждъ своего времени и своей страны, но право это не имѣло ничего общаго съ русскими городами вообще, развивавшимися на другихъ началахъ, стремившимися къ порядку вѣчевому, а не коллегіальному, и слѣдовавшими въ обычномъ правѣ другимъ юридическимъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Не вытекая изъ мѣстныхъ потребностей, не выработавшись на мѣстной почвѣ, магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русскихъ городовъ и, притомъ, весьма часто противурѣчившую ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ; право это оставалось для нихъ чуждымъ кодексомъ, истиною чисто формальною,—мертвою, хотя обязательною буквою, не согласною съ тѣми понятіями о юридической правдѣ, какія сложились въ мѣстныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Случилось то, что бываетъ обыкновенно въ странахъ, управляемыхъ по законоположеніямъ заимствованнымъ, не выросшимъ на данной почвѣ; формальная истина противуполагалась правдѣ по народному понимачію и, никѣмъ не считаясь дѣйствительно правдивою, послужила лишь оружіемъ въ рукахъ дѣльцовъ, пожелавшихъ воспользоваться ею для личныхъ выгодъ, во вредъ массѣ, которой навязана была эта чуждая ей юридическая норма, уснащенная безконечнымъ количествомъ статей и параграфовъ, мало понятныхъ и еще менѣе симпатичныхъ.

Для того, чтобы воспользоваться такого рода положеніемъ юридическихъ отношеній, конечно, каждое лицо, желавшее поживиться и стать въ ряды городской аристократіи, должно было представлять извѣстный, мало привлекательный нравственный образъ; для этого необходимо было отречься отъ народныхъ воззрѣній и народной морали,—отказаться отъ правилъ совѣсти, принести все нравственное свое достоинство въ жертву личному интересу и стремленію къ наживѣ, искать точки опоры внѣ своей общины, постоянно враждебно настроенной къ кружку своихъ заправителей, въ силахъ внѣшнихъ, чуждыхъ или враждебныхъ ей, и только при такихъ условіяхъ можно было, пользуясь то буквою писаннаго закона, то внѣшними связями, то солидарностью между собою членовъ небольшаго кружка знатныхъ сотоварищей, производить всевозможныя дѣйствія, правда, весьма выгодныя для усиленія богатства и значенія дѣльцевъ, но далеко не отвѣчавшія ни законамъ, даже азбучной, справедливости, ни интересамъ всей городской общины.

Понятно, что стать въ ряды на такихъ началахъ зарождавшейся городской аристократіи труднѣе было туземнымъ, старожилымъ кіевскимъ мѣща-

намъ, которыхъ родственныя связи, пріобрѣтенныя отъ своей среды понятія и привычка къ уваженію общественнаго мнѣнія согражданъ, значительно сдерживали; препятствій этихъ не существовало для инородцевъ и для лицъ, примкнувшихъ къ мѣщанству изъ другихъ сословій края; тѣ и другіе поступали въ составъ городской общины исключительно съ цѣлью захватить должности, скопить состояніе и потомъ бросить вскормившій ихъ городъ для того, чтобы продолжать карьеру на болѣе выгодномъ поприщѣ. Дѣйствительно, пересматривая дошедшія до насъ документы XVI столѣтія, мы среди городской знати встрѣчаемъ множество именъ иноземныхъ: литовцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, крещенныхъ татаръ, а также лицъ, приписавшихся къ городу изъ сословій земянскаго и боярскаго. Коренные кіевскіе мѣщане, составлявшіе значительное большинство кіевскаго населенія, находятся въ постоянной борьбѣ съ кружкомъ пришельцевъ, но кіевляне дѣйствуютъ гораздо менѣе солидарно и болѣе застѣнчиво; они менѣе способны на интригу, менѣе нахальны и потому имъ рѣдко удается выдвинуть своего кандидата въ войты или райцы. Между тѣмъ пришельцы исключительно лишь заняты тѣмъ, чтобы держать городское управленіе въ своихъ рукахъ; для этого они пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: роднятся съ болѣе богатыми кіевлянами и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ свою партію, другихъ склоняютъ обѣщаніями доли въ своихъ выгодахъ, на иныхъ вліяютъ связями съ воеводою и застращиваютъ авторитетомъ королевской власти съ которою они будто находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ противники, наконецъ, стараются поселить раздоръ и личныя ссоры среди старожиловъ и такимъ образомъ ослабить ихъ силы.

Какъ эпизодъ, характеризующій всѣ вышенамѣченныя явленія въ жизни кіевской городской общины XVI—XVII столѣтій, мы представляемъ разсказъ, извлеченный изъ документовъ, хранящихся частью въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, частью въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Это разсказъ о судьбѣ знатной мѣщанской семьи, составившей въ Кіевѣ колосальное для того времени состояніе и выдвинувшей изъ среды своей трехъ кіевскихъ войтовъ. Семья эта, по мѣрѣ того, какъ перемѣнялось ея положеніе въ обществѣ, носила разныя фамильныя названія, въ городѣ-же, въ періодъ своего преобладанія, носила прозвище: *Ходыки*.

Въ началѣ XVI столѣтія среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызъ [1]) находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестности Мозыря и приписанныхъ имъ

---

[1]) Слово „Кобызъ" или „Кобузъ" по татарски означаетъ музыкальный инструментъ, заимствованный у нихъ впослѣдствіи козаками подъ именемъ *кобзы*.

къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣвъ небольшую боярскую землю: „третину земли Боковскіе, фольварокъ Пашковщину и Чортковщину, а въ ннхъ 4 волокъ поля". Земля эта возлагала на владѣльцевъ обязанность военной службы и не подлежала дѣлежу между сонаслѣдниками; поэтому, когда представителями семьи въ началѣ XVI вѣка оказались два родные брата, Федоръ и Иванъ, то староста мозырскій отдалъ землю во владѣніе старшему брату Федору, младшій-же, Иванъ, получилъ только половину движимаго наслѣдства и долженъ былъ искать занятія на сторонѣ, почему отправился въ Кіевъ. Незнаемъ, какимъ промысломъ онъ занялся здѣсь, но въ теченіи 30 лѣтъ онъ разбогатѣлъ, купилъ домъ на Борпчевомъ Току и оставилъ сыну обезпеченное состояніе. Сынъ этотъ Устимъ, принявшій новую фамилію „Фицъ", занималъ уже одну изъ важныхъ магистратскихъ должностей—райцы и держалъ отъ города въ арендѣ „мѣстскіе корчмы", т. е. городскіе шинки. Въ 1578 году Устинъ Фицъ-Кобызевичъ умеръ безпотомно.

Между тѣмъ какъ Иванъ и Устинъ Кобызевичи богатѣли въ Кіевѣ, представитель другой вѣтви ихъ рода, Федоръ, оставался на родинѣ, въ мозырскомъ повѣтѣ. Обстоятельства его были далеко не блестящи; судьба надѣлила его весьма многочисленною семьею; у него было 10 душъ дѣтей: 8 сыновей и двѣ дочери, и его небольшая боярская вотчина оказалась недостаточною для содержанія семейства. Федоръ Кобызевичъ долженъ былъ искать новыхъ средствъ для усиленія своихъ доходовъ. Возложивъ обязанность военной службы и завѣдываніе боярскимъ помѣстьемъ на старшихъ сыновей, онъ перебрался съ младшими дѣтьми въ Мозырь. Здѣсь онъ пріобрѣлъ дворъ съ маленькимъ участкомъ „поля на косогорѣ" и лавку въ городскомъ рынкѣ и занялся торговлею. Въ 1569 году умеръ Федоръ Кобызевичъ, и многочисленная его семья приступила къ дѣлежу наслѣдства; но братья и сестры не могли уладить дѣла миролюбиво и потому обратились къ мозырскому старостѣ, пану Федьку Балакиру, съ просьбою распредѣлить между ними отцевское имущество. По рѣшенію старосты, послѣдовавшему 8-го февраля 1569 г., состоялся дѣлежъ на слѣдующихъ основаніяхъ: боярская поземельная вотчина досталась старшему изъ братьевъ Кузьмѣ, находившемуся въ то время въ походѣ, лавка и дворъ въ Мозырѣ отданы другому брату Лазарю, приписавшемуся уже давно къ мозырскимъ мѣщанамъ и завѣдывавшему торговлею еще при жизни отца; Лазарь уплатилъ при этомъ въ пользу братьевъ и сестеръ излишекъ стоимости доставшейся ему собственности; затѣмъ въ пользу незамужней сестры Авдотіи, выдѣлено было, въ качествѣ приданнаго 39 копъ грошей литовскихъ [1]), остальными-же деньгами и движимымъ имуществомъ должны были подѣлиться поровну 6 остальныхъ братьевъ, 1 сестра

---

[1]) Копа равняется $7^1/_2$ руб.

замужняя и мать ихъ, вдова Федора Кобызевича, Зоня. Изъ движимаго имущества староста выдѣлилъ одинъ полный мужескій костюмъ и полный наборъ оружія и приказалъ эти вещи оставить „при дому для господарской службы". Когда сонаслѣдники приступили къ дѣлежу остальной движимости, то оказалось, что на долю каждаго пришлось лишь слѣдующее: по 1 копѣ и $6^1/_2$ грошей денегъ, по одной серебряной ложкѣ, по двѣ оловянныя тарелки („цѣні: одна миса и 1 талеръ"), по одному мѣдному котлу, по саблѣ, сѣдлу и сагайдаку; сверхъ того каждый изъ сонаслѣдниковъ получилъ по одному коню, волу, коровѣ и свиньѣ и по 2 овцы.

Получивъ скудныя доли своего наслѣдства, молодые Кобызевичи должны были немедленно подумать объ устройствѣ своей будущей судьбы. Трое изъ нихъ: Василій, Федоръ и Іовъ рѣшились отправиться искать счастья въ Кіевѣ, гдѣ на первое время разсчитывали найти поддержку въ лицѣ своего двоюроднаго брата, тогда уже магистратскаго райцы—Устина Фица-Кобызевича. Планъ этотъ предложилъ братьямъ старшій изъ выселявшихся Василій. Это былъ человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ энергіи, предпріимчивости и находчивости: онъ рѣшился во чтобы то ни стало сдѣлать карьеру и добиться значенія и богатства. Для достиженія своей цѣли Василій Кобызевичъ намѣренъ былъ не разбирать средствъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, не стѣсняясь ни моралью, ни совѣстью; онъ чувствовалъ, что при такихъ нравственныхъ данныхъ онъ найдетъ въ Кіевѣ широкое поприще для дѣятельности и съ полною увѣренностью устремился на это поприще. Оставляя родной городъ, онъ хотѣлъ скопить возможно большую сумму въ запасъ для начала будущихъ оборотовъ; всѣ три брата продали съ этою цѣлью доставшуюся на ихъ долю движимость, но вырученная сумма оказалась слишкомъ ничтожною и потому Василій принялъ мѣры для ея увеличенія. Заручившись согласіемъ матери, онъ отправился въ домъ, принадлежавшій отсутствующему брату Кузьмѣ, взломалъ двери его „свѣтлицы" и присвоилъ себѣ все его имущество: деньги, одежду, оружіе, скотъ и т. д. Между прочими вещами Кузьма, перечисляя впослѣдствіи въ жалобѣ убытки, указываетъ на то, что у него были взяты даже два десятка стрѣлъ, которыя „коштовали копу и четыре гроши литовскіе". Продавъ все захваченное, Василій немедленно вмѣстѣ съ братьями „подъ присудъ замку Кіевскаго зъѣхалъ", отмалчивался потомъ на всѣ жалобы брата, до смерти послѣдняго, и не являлся въ судъ мозырскаго староства, не смотря на многократные вызовы.

Въ Кіевѣ братья Кобызевичи были радушно приняты родственникомъ. Богатый, пріобрѣвшій значеніе и вліяніе, но бездѣтный Устинъ Фицъ радъ былъ на старости лѣтъ обществу лицъ, связанныхъ съ нимъ кровными узами; онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить братьямъ выгодныя занятія и долю въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но медленное, постепенное приращеніе благосостоянія было не по нраву Василію Кобызевичу, мечтавшему о быстрой и блестящей карьерѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, промышляя то службою у богатыхъ купцовъ, то мелочною торговлею, то отдачею въ ростъ

небольшихъ своихъ денегъ, Василій Кобызевичъ выжидалъ случая, который позволилъ бы ему повести дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Случай такой доставило ему общественное бѣдствіе. Съ 1569 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Литвѣ и южной Руси свирѣпствовалъ голодъ; въ 1571 году урожай былъ обильный, но вдругъ лѣтомъ случился во время цвѣтенія хлѣба трехдневный морозъ, уничтожившій всѣ надежды на новый сборъ; осенью хлѣба вовсе не было. По свидѣтельству лѣтописей, въ Полѣсьи, на Волыни, въ Подоліи и Литвѣ люди умирали и вообще сильно страдали отъ голода; въ началѣ слѣдующаго года отъ истощенія, гнилой и нездоровой пищи появилось во многихъ мѣстностяхъ „моровое повѣтріе" (чума). Зараза коснулась и Кіева, хотя не въ особенно сильныхъ размѣрахъ. Въ числѣ жертвъ, пострадавшихъ отъ моровой язвы, было богатое семейство купцовъ Митковичей. Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ и уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями; имъ принадлежало нѣсколько „крамныхъ коморъ" (т. е. лавокъ) въ рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовалась эмблема ихъ торговли—два „локтя", лежавшіе крестообразно, и двѣ буквы: Ѳ. М. въ воспоминаніе предка Ѳедора Митковича, положившаго основаніе торговой фирмѣ. Въ 1572 году надъ этою семьею разразилась бѣда: въ теченіи нѣсколькихъ дней чума, посѣтившая ихъ домъ, унесла отца Митка (Дмитрія) Богдановича, мать Татьяну Кругликовну, четырехъ дочерей и сына, а также многихъ слугъ и челядниковъ; изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ только: молодая дѣвушка Прося (Евфросинія) и малолѣтній братъ ея Федоръ Митковичъ. Прежде чѣмъ прошла паника, поразившая городъ при появленіи чумы, прежде чѣмъ магистратъ успѣлъ принять мѣры для охраненія имущества Митковичей и назначить опеку надъ оставшимися дѣтьми, Василій Кобызевичъ уже воспользовался положеніемъ ихъ семьи. Онъ предложилъ Просѣ свои услуги для того, чтобы временно завѣдывать торговыми дѣлами, не побоялся посѣщать домъ, пораженный чумою, отъ котораго бѣжали друзья и родственники Митковичей, и постепенно сблизился и подружился съ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца со времени катастрофы, постигшей Митковичей, какъ сосѣди узнали, что наслѣдница ихъ обвѣнчалась съ новымъ своимъ прикащикомъ. Василій Кобызевичъ, немедленно послѣ брака, обратился въ магистратъ съ просьбою поручить ему и его женѣ, какъ ближайшимъ родственникамъ, опеку надъ малолѣтнимъ Федоромъ и его имуществомъ; магистрату ничего не оставалось, какъ принять это предложеніе, и такимъ образомъ Василій сталъ представителемъ одной изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ Кіевѣ. Изъ распоряженія магистрата по этому поводу мы узнаемъ, что братья Кобызевичи носили уже тогда новую фамилію, данную имъ въ родѣ клички въ Кіевѣ, именно фамилію „Ходыкъ", и магистратъ выдаетъ распоряженіе о врученіи опеки „славетному Василію Кобызевичу Ходыкѣ". Въ послѣдствіи всѣ три брата подписываются исключительно

этою послѣднею фамиліею, вѣроятно желая предать забвенію свое первоначальное, не знатное происхожденіе.

Въ теченіи одинадцати лѣтъ Василій Ходыка управлялъ безконтрольно добромъ Митковичей [1]) и, помимо половины имущества, принадлежавшей по наслѣдству его женѣ, скопилъ изъ торговыхъ оборотовъ значительныя суммы. Сверъ того, онъ пріобрѣлъ значеніе и огромное вліяніе въ городѣ: онъ породнился или вошелъ въ сдѣлки со всѣми болѣе вліятельными членами магистрата и заручился такими связями, при которыхъ всякое затѣянное имъ дѣло рѣшалось по его волѣ, было-ли оно спорно или даже явно беззаконно. Вліяніе свое Ходыка направилъ къ тому, чтобы вывести въ люди своихъ родственниковъ, но еще болѣе къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами увеличивать собственное состояніе. Теперь онъ намѣчаетъ новую цѣль для своихъ стяжаній: свое вліяніе и средства онъ стремится употребить на пріобрѣтеніе поземельной собственности, которая дала бы ему возможность занять видное мѣсто въ рядахъ „шляхты", кіевской земли, получившей послѣ люблинскаго сейма 1569 года громадное политическое значеніе и привилегированное положеніе въ краѣ.

Въ 1583 году Василій Ходыка засѣдалъ уже въ магистратѣ въ каче-

---

[1]) Въ 1582 году Федоръ Митковичъ достигъ совершеннолѣтія и потребовалъ у Ходыки возврата своего имущества и отчета за время опеки: но Василій Ходыка отказалъ въ томъ и другомъ, и магистратъ, состоявшій изъ друзей, родственниковъ и союзниковъ Ходыки, до того вяло относился къ жалобамъ Митковича, усложнялъ формальности и путался въ казуистическихъ отвѣтахъ Ходыки, что, годъ спустя, Митковичъ предпочелъ покончить дѣло съ зятемъ миромъ и принять всѣ предложенныя имъ условія. Сдѣлка состоялась на слѣдующихъ условіяхъ: Ходыка выдѣлилъ Митковичу по своему усмотрѣнію половину отцевскаго имущества, Митковичъ-же выдалъ ему квитанцію, въ которой признаалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и принималъ обязательство, подъ опасеніемъ штрафа въ 1500 копъ грошей, никогда не заявлять претензіи и не требовать отчета за время опеки. Перечень предметовъ, составившихъ долю Митковича, сохранился и мы приведемъ изъ него извлеченіе для характеристики обстановки, въ которой жили зажиточные кіевскіе мѣщане XVI столѣтія. Федоръ Митковичъ получилъ во владѣніе въ 1583 году: „два дома: одинъ въ рынку и одинъ на Болоню (Оболони), двѣ крамныя коморы въ рынку, готовыхъ денегъ 544 копы грошей литовскихъ, векселей разныхъ лицъ на 98 копъ грошей, серебра: кубковъ позлотистыхъ 4, кубковъ срибныхъ 5, ложекъ позлотистыхъ 12, поясъ кованный серебряный 1; одежды: шубъ 5 (2 соболія, 2 лисія, одна бѣличья), суконъ и жупановъ 7, всѣ съ позлотистыми пуговицами, ковры восточные 2,—посуды: цыни (оловяной): мисъ и полумисковъ 10, талеровъ (т. е. тарѣлокъ) 36, конвей 3, фляшъ 2,—мѣди: котелъ медосытный великій 1, котловъ побѣляныхъ 7, медница 1, панвей медяныхъ 6,—оружіе: конь, сѣдло, панцеръ, 2 сагайдаки, лукъ, стрѣлы" и т. д. (слѣдуетъ перечень разныхъ мелочей), наконецъ товаровъ въ складѣ на 300 копъ грошей литовскихъ.

ствѣ „райцы“. Большая часть членовъ верховной городской коллегіи была съ нимъ связана родствомъ или общностью интересовъ: братъ его Федоръ женатъ былъ на внукѣ войта, Василія Черевчея, рядомъ съ нимъ сидѣли: райцы—Мартынъ Жолнеръ, женатый на сестрѣ Ходыки, Федорѣ, Гаврило Рай и Федоръ Левоновичъ, породнившіеся тоже съ Ходыкою, хотя степеней ихъ родства документы не указываютъ; остальные члены магистрата или находились въ кумовствѣ съ нимъ, или, подобно бурмистру Стефану Крывковичу, состояли его должниками. Не удивительно, что члены магистрата по тѣмъ или инымъ причинамъ поддерживали постоянно во всѣхъ дѣлахъ Ходыку и составляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ его предпріятій. Вслѣдствіе того, что польскій строй общества, введенный de jure послѣ люблинской уніи, не успѣлъ еще прочно установиться и только постепенно вытѣснялъ понятія, привычки и обычаи, сложившіяся въ литовское время, въ юридическихъ отношеніяхъ царствовалъ въ краѣ значительный безпорядокъ; разныя судебныя учрежденія не установили еще точныхъ границъ своего вѣдомства и каждое считало себя компетентнымъ въ дѣлахъ, выходившихъ по смыслу новоустановленнаго закона за районъ его подсудности; такимъ хаотическимъ положеніемъ дѣлъ и пользовались ловкіе люди для того, чтобы получать выгодныя для себя судебныя рѣшенія, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они пользовались протекціею или вліяніемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не были подсудны данному учрежденію. Положеніемъ этимъ воспользовался и Василій Ходыка для пріобрѣтенія поземельной собственности. Мы увидимъ, что большинство дѣлъ, касавшихся захвата имъ помѣстій у разныхъ лицъ, онъ умѣлъ направить въ судъ магистратскій, въ благопріятномъ рѣшеніи котораго онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Но прежде, чѣмъ Ходыка выступилъ на это поприще, онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право владѣть земскою собственностію, а это право, по литовскому статуту, признавалось исключительно за лицами дворянскаго происхожденія Не оставляя занятія торговлею и должности райцы магистрата, онъ началъ собирать документы о своемъ будто-бы дворянскомъ происхожденіи. Такъ, въ 1586 году, онъ невѣдомыми путями владѣлъ уже свидѣтельствомъ, выданнымъ будто еще въ 1568 году литовскимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ (умершимъ въ 1569 г.), въ томъ, что „земянинъ господарскій повѣту овруцкого, Василей Ходычичъ-Кобызевичъ, отбылъ службу военную въ два коня“ [1]), и кіевскій магистратъ посвидѣтельствовалъ достовѣрность этого документа. Три года спустя, въ 1589 г., у него является уже другой, гораздо болѣе важный документъ,—онъ предъявляетъ королевскую привилегію, которая гласила, что, по представленію гетмана Яна Замой-

[1]) Изъ предыдущей біографіи Ходыки мы знаемъ, что въ 1568 году онъ былъ бояриномъ, не земяниномъ, жилъ въ Мозырѣ, не въ овруцкомъ повѣтѣ, и не носилъ вовсе еще фамиліи Ходыки.

скаго, сеймъ призналъ „кіевскихъ жителей": Василія, Федора и Іова Ходыкъ-Кобызевичей потомственными дворянами за услуги, оказанныя ими при покойномъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ во время московской войны, въ которой они принимали будто участіе на свой счетъ. Хотя братья Ходыки въ продолженіе московской кампаніи (1579—1581 г.) не отлучались изъ города и занимались торговлею, хотя документъ, заявленный Ходыкою былъ весьма сомнительнаго достоинства, магистратъ призналъ его безъ всякаго колебанія дѣйствительнымъ.

Запасаясь постепенно документами, которые должны были со временемъ открыть ему доступъ въ шляхетство, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Криничи, „въ четырехъ миляхъ отъ замку кіевскаго", и съ того времени сталъ именоваться Ходыкою-Криницкимъ, а впослѣдствіи сынъ его подписывался просто Федоромъ Криницкимъ, положивъ такимъ образомъ начало новому дворянскому роду. Подробности о пріобрѣтеніи Ходыкою Криничъ не сохранились въ документахъ, но о способѣ пріобрѣтенія слѣдующаго помѣстія—Юревичъ мы имѣемъ весьма характеристическія данныя. Село Юревичи издавна принадлежало въ качествѣ „выслуги" старому роду земянъ кіевскихъ —Суринамъ. Въ 1579 году два брата Сурины: Гордей и Потей продали это имѣніе кіевскому мѣщанину Ваську Крывковичу, который и владѣлъ имъ спокойно до 1593 года; но въ этомъ году Василій Ходыка рѣшился овладѣть имъ тѣмъ или другимъ способомъ. Затѣявъ ссору съ Крывковичемъ, поводъ которой намъ неизвѣстенъ, Ходыка съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Крывковича въ Юревичахъ, овладѣлъ имъ и посадилъ самого Крывковича въ тюрьму, находившуюся при квартирѣ кіевскаго подвоеводія, Яна Аксака. Всѣ протесты Крывковича оставались тщетными, такъ какъ Аксакъ, подкупленный Ходыкою, не внималъ его жалобамъ, кіевскій-же воевода, князь Константинъ Острожскій, проживалъ на Волыни: только послѣ 14 недѣль заточенія Крывковичъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы и немедленно принесъ жалобу на насиліе, причиненное ему Ходыкою; но предсѣдательствовавшій въ судѣ, тотъ-же Аксакъ, опираясь на свидѣтельскія показанія членовъ кіевскаго магистрата, нашелъ что жалоба Крывковича о нападеніи на его домъ и самовольное лишеніе свободы, совершенная ложь, и приговорилъ Крывковича за клевету къ уплатѣ штрафа въ 20 копъ грошей литовскихъ въ пользу Ходыки. Крывковичъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ трибуналъ, куда между прочимъ представилъ свидѣтельство отъ кн. Константина Острожскаго о томъ, что Аксакъ поступалъ въ его дѣлѣ пристрастно. Но у Ходыки, какъ оказалось, была рука и въ трибуналѣ, дѣло по апелляціи затянулось на десятки лѣтъ. Ходыка скоплялъ между тѣмъ приговоры къ штрафамъ въ свою пользу, высчитывалъ отъ нихъ проценты и насчитывалъ судебныя издержки, пока наконецъ утомленный и разорившійся Крывковичъ не согласился покончить дѣла миромъ. Въ 1607 году онъ призналъ за собою обязательство уплатить въ пользу Ходыки 120 копъ грошей литов-

скихъ и выдалъ на эту сумму закладную запись на село Юревичи; три года спустя кончился срокъ закладной записи, Крывковичъ оказался несостоятельнымъ плательщикомъ и Юревичи, по приговору кіевскаго земскаго суда, были признаны потомственною собственностью Ходыки. Пока продолжалось дѣло съ Крывковичемъ, Ходыка купилъ еще одно имѣніе, село Шульжинцы, въ двухъ миляхъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ, и оттягалъ часть земель, принадлежавшихъ кіевскому кириловскому монастырю, сопредѣльныхъ съ его владѣніями.

Всѣ эти пріобрѣтенія составляли впрочемъ лишь мелочи въ сравненіи съ крупнымъ дѣломъ, которое намѣтилъ Василій Ходыка, засѣдая въ качествѣ райцы въ магистратѣ, и которое рѣшился преслѣдовать съ свойственною ему настойчивостью; оно должно было, правда не безъ большихъ усилій и препятствій, доставить ему въ собственность столь обширныя владѣнія, какими могли располагать лишь потомки удѣльныхъ князей. Дѣло это заключалось въ пріобрѣтеніи имѣній Басанскаго и Быковскаго и требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кіевскаго княженія Менгли-Гиреемъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, селъ не было вовсе. Оставшуюся впустѣ землю долго никто не хотѣлъ брать ни за службу, ни въ выслугу. Наконецъ въ 1503 г. великій князь Александръ грамотою, данною на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, пожаловалъ всю сѣверную половину переяславскаго повѣта, лежавшую по Трубежу и Супою, въ качествѣ выслуги, дворянину своему Дашку Ивановичу, котораго сынъ, извѣстный своими подвигами черкаскій и каневскій староста Остафій Дашковичъ, прочною организаціею формировавшагося тогда казачества создалъ надежный оплотъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и далъ быстрый ходъ новой колонизаціи южныхъ частей Кіевщины, а вмѣстѣ и собственныхъ переяславскихъ „выслугъ", въ которыхъ „на грунтахъ басанскомъ и быковскомъ" вскорѣ явилось 2 мѣстечка: Басань и Быковъ и 9 селъ [1]). Обширныя имѣнія эти, по смерти Остафія Дашковича, перешли къ старшей племянницѣ его по сестрѣ, Духнѣ, вышедшей замужъ за земянина Стефана Дублянскаго въ 1530 г., сынъ котораго Григорій, по причинѣ большихъ долговъ, продалъ, въ 1578 году, эти вотчины разбогатѣвшему кіевскому мѣщанину (изъ крещеныхъ татаръ) Андрею Кошколдовичу, зятю кіевскаго войта Василія Черевчея. Когда между тестемъ и зятемъ послѣ

---

[1]) Старая Басань, Марковь, Юрковь, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинь, Карпиловка и Воронковъ.

этой покупки возникъ споръ и Черевчей потребовалъ отъ Кошколдовича возврата какихъ-то векселей, выданныхъ 11 лѣтъ назадъ еще Григоріемъ Дублянскимъ на имя кіевскаго войта Семена Мелешкевича, пріобрѣтенныхъ впослѣдствіи Черевчеемъ и заставившихъ главнымъ образомъ Дублянскаго продать свои имѣнія, то, по позву Черевчея противъ Кошколдовича, кіевскій магистратъ снарядилъ для разбора дѣла коммисію, которая состояла изъ райцевъ: Гаврила Рая, Василія *Ходыки* и Леона Федоровича. Райцы потребовали отъ Кошколдовича документы, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ Басанью и Быковымъ, и когда документы были представлены, они не отдали ихъ Кошколдовичу, требуя, чтобы онъ прежде удовлетворилъ претензію Черевчея, а на протесты Кошколдовича отвѣчали побоями во время самаго засѣданія и заключеніемъ его въ тюрьму, въ которой продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя, по жалобѣ Кошколдовича къ кіевскому воеводѣ князю Константину Острожскому, назначенная, по ходатайству сего послѣдняго, отъ короля особая коммисія, разсмотрѣвъ дѣйствія магистрата, приговорила райцевъ къ уплатѣ 4,000 золотыхъ штрафа за обиды, нанесенныя Кошколдовичу, и воевода приступилъ было уже ко взысканію этой суммы изъ имущества виновныхъ, но, неожиданно, потерпѣвшій заявилъ, что онъ вслѣдствіе посредничества „зацныхъ пановъ и добродѣевъ" отказывается отъ полученія присужденной ему суммы. Оказалось, что въ промежуткѣ Василій Ходыка далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: съ одной стороны онъ припряталъ документы, отнятые у Кошколдовича въ магистратѣ, и пріобрѣлъ у Черевчея право на векселя, составлявшіе главную причину спора, съ другой —успѣлъ сблизиться съ Кошколдовичемъ и женить на его единственной дочери и наслѣдницѣ, Богданѣ, своего брата Федора. Затѣмъ попеременно, то оказывая на него вліяніе, какъ на близкаго родственника, то угрожая нескончаемымъ процессомъ, вслѣдствіе захваченныхъ документовъ и векселей, онъ довелъ Кошколдовича постепенно къ заключенію сдѣлки, въ силу которой послѣдній за возвратъ векселей и обязательство, данное Ходыкою не подымать процесса, а также оказывать постоянную помощь своему брату Федору, переуступалъ ему всѣ свои права на имѣнія басанское и быковское и оставлялъ за собою лишь право владѣнія ими до смерти. Въ 1592 году Кошколдовичъ умеръ и Василій Ходыка предъявилъ свои права на пріобрѣтенныя имѣнія. Вдова Кошколдовича, Палагея Черевчіевна, и дочь его, Богдана Ходыкова, признали подлинность предъявленной имъ уступочной записи. Такимъ образомъ Василій Ходыка-Кривицкій сталъ самымъ богатымъ шляхтичемъ-землевладѣльцемъ кіевскаго воеводства. Теперь онъ переуступилъ свое мѣсто въ магистратѣ и свои торговыя дѣла брату своему Федору, самъ-же, проживая по большей части въ Басани и Переяславлѣ, занялся устройствомъ и округленіемъ своего имущества. Съ этою цѣлью прежде всего онъ перезывалъ въ свои села крестьянъ изъ разныхъ полѣсскихъ имѣній и велъ по этому поводу нескончаемыя тяжбы съ ихъ бывшими владѣльцами: Лозками, Тышами, Ратомскими и т. д. Замѣтивъ, что остерское староство врѣзывается кли-

номъ въ его владѣнія, онъ съ вооруженнымъ отрядомъ, занялъ мѣстечко Дѣвицу, избилъ, ограбилъ и прогналъ старостинскихъ слугъ и урядниковъ, и присоединилъ мѣстечко къ своимъ владѣніямъ, не смотря на продолжительную тяжбу съ остерскими старостами. Получая изъ своихъ помѣстій значительные доходы, онъ сталъ сосѣдямъ шляхтичамъ занимать крупныя суммы подъ залогъ имѣній и, при неустойкѣ плательщиковъ, отбиралъ ихъ имѣнія въ свое владѣніе, за суммы, далеко не отвѣчавшія ихъ стоимости; такъ онъ пріобрѣлъ: села Варевичи и Рыжки отъ Харленскихъ, Бугаевку и Давидковичи отъ Солтановъ и т. п. Въ самомъ городѣ Кіевѣ, сверхъ трехъ домовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ Митковичей и отъ двоюроднаго его брата Устина Фица, Василій Ходыка-Кришицкій выстроилъ большой домъ на улицѣ, соединявшей рынокъ съ Днѣпромъ, и другой въ оградѣ замка; сверхъ того онъ пріобрѣлъ въ разныхъ частяхъ города 10 дворовъ, на которыхъ настроилъ „халупъ для куничниковъ" (т. е. наемныхъ помѣщеній), 6 сѣножатей. на „кіевскомъ Болонью", нѣсколько садовъ на Кудрявцѣ и т. д.

Впрочемъ всѣмъ этимъ добромъ Василій Ходыка не сразу могъ владѣть совершенно спокойно; темные пути, которыми онъ пріобрѣлъ басанское и быковское имѣнія, возбудили сомнѣніе въ законности этого владѣнія и раздражили инстинкты стяжанія нѣсколькихъ предпріимчивыхъ соперниковъ, отъ притязаній которыхъ Ходыка отдѣлался лишь съ крайними усиліями, благодаря своей неистощимой настойчивости и изворотливости. Первымъ такимъ соискателемъ явился королевскій секретарь, Захарій Еловицкій. Въ 1596 году онъ выпросилъ у короля жалованную грамоту на Басань и Быковъ, какъ на помѣстья, составлявшія выслугу Дашковичей и послѣ прекращенія ихъ рода не подлежавшія отчужденію безъ королевскаго разрѣшенія; но Ходыка не допустилъ Еловицкаго къ владѣнію имѣніемъ и въ теченіи возникшаго процесса успѣлъ столь прочно обставить свои права на спорныя имѣнія, что самъ король въ 1605 году кассировалъ свою жалованную грамоту и взамѣнъ ея выдалъ Еловицкому другую на имѣнія въ остерскомъ повѣтѣ.

Пока Василій Ходыка велъ процессъ съ Еловицкимъ, права на Басань и Быковъ предъявилъ новый, совершенно неожиданный соискатель, опиравшійся на права почти фантастическія, но тѣмъ не менѣе, причинившій Ходыкѣ гораздо больше хлопотъ и безпокойства. Новый этотъ соперникъ, называвшій себя княземъ Юріемъ Семеновичемъ со Сквира Рожиновскимъ-Половцемъ, выдвинутъ былъ кіевскимъ подвоеводіемъ, Яномъ Аксакомъ, мирволившимъ нѣкогда Ходыкѣ, но теперь съ завистью смотрѣвшимъ на его неимовѣрный успѣхъ.

Янъ Аксакъ, кіевскій подвоеводій, впослѣдствіи судья земскій кіевскій, представлялъ типъ весьма близкій къ Василію Ходыкѣ. Происходя изъ захудавшаго земянскаго рода, владѣвшаго лишь небольшимъ сельцемъ Путиловщиною въ овруцкомъ повѣтѣ, онъ упорно, не разбирая средствъ, всю жизнь скоплялъ имущество и оставилъ дѣтямъ въ собственность 4 мѣстечка съ замками и 15 селъ въ воеводствахъ кіевскомъ и волынскомъ. Карьерою своею

Аксакъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ юридическимъ познаніямъ и способностямъ. О немъ установилось мнѣніе, какъ о самомъ опытномъ знатокѣ судопроизводства по литовскому статуту, и современники высказываютъ наивно въ похвалу Яну Аксаку то, что онъ умѣлъ всякій приговоръ такъ обставить, что его не рѣшался кассировать ни трибуналъ, ни королевскій задворный судъ, хотя-бы онъ явственно противорѣчилъ справедливости. Исполняя обязанности кіевскаго подвоеводія и судьи, Аксакъ, опираясь на свою репутацію первокласснаго юриста, всегда готовъ былъ, конечно за соотвѣтственное вознагражденіе, покривить душею, оправдать виновнаго и обвинить праваго, примѣръ чему былъ выше представленъ въ дѣлѣ Ходыки съ Крывковичемъ; но, не ограничиваясь посулами, Аксакъ сталъ самъ высматривать сомнительныя дѣла и подставлять лицъ для вчиненія исковъ, если при этомъ онъ ожидалъ сколько нибудь крупной для себя прибыли. Зная отлично пріемы и юридическія данныя своего бывшаго кліента, Василія Ходыки, Аксакъ рѣшился вступиться въ дѣло покупки имъ Басанскаго и Быковскаго имѣній, въ полной увѣренности, что такъ или иначе онъ изъ этого дѣла извлечетъ для себя барышъ. Обдумавъ обстоятельства дѣла, онъ выдвинулъ подставное лицо, именовавшее себя княземъ Юріемъ Половцемъ-Рожиновскимъ.

Въ кіевскомъ княженіи съ весьма давняго времени существовалъ родъ князей Половцевъ со Сквира Рожиновскихъ. По фамильному преданію этого рода, онъ происходилъ отъ половецкаго хана Тугорхана (тестя Святополка II Изяславича), сынъ котораго Карыманъ переселился въ русскую землю, принялъ крещеніе подъ именемъ Льва и получилъ обширный удѣлъ въ кіевскомъ княжествѣ, будто еще отъ Владиміра Мономаха. Трудно рѣшить, на сколько было достовѣрно это фамильное преданіе князей со Сквира Половцевъ-Рожыновскихъ; несомнѣнно однако то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ родъ владѣлъ обширными землями въ кіевскомъ княжествѣ, на которыя получилъ подтвердительныя грамоты отъ князей: Владиміра Ольгердовича и Олелька Владиміровича. Земли эти лежали частью около самаго Кіева, частью-же распредѣлялись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Одна, бо́льшая, половина земель ихъ находилась между рѣками: Стугною, Тетеревомъ и Росью, вдоль по басейнамъ рѣкъ: верхняго Ирпеня, Раставицы и Каменки, и центромъ этой части, а равно резиденціею князей Половцевъ былъ ими-же основанный замокъ Сквиръ (нынѣ городъ Сквира). Другая также обширная половина ихъ владѣній находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтахъ остерскомъ и переяславскомъ, между рѣками: нижнимъ теченіемъ Десны,척овью, Остромъ и Удаемъ; центромъ этой половины владѣній былъ замокъ Рожыновъ, лежавшій въ остерскомъ повѣтѣ. Къ этой половинѣ владѣній князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ принадлежали города: Нѣжинъ, Басань и Быковъ съ окружавшими ихъ грунтами и селами. Татарское разореніе, постигшее Кіевщину въ концѣ XV столѣтія, легло всею своею тяжестью на имѣнія князей Половцевъ: замки ихъ были разграблены и разрушены, села разорены, народонаселеніе угнано въ полонъ или бѣжало; словомъ, по

выраженію грамоты великокняжеской: „помѣстія ихъ вельми спустошали отъ недруговъ нашихъ“. Два послѣдніе представители рода, князья: Михайло Юрьевичъ и сынъ его, Яцко Михайловичъ напрасно пытались, „не литуючи здоровья и мастностей“, отражать нападенія хищниковъ; они были почти совершенно разорены и числились лишь de jure владѣльцами обширныхъ земель, не приносившихъ имъ теперь никакой дѣйствительной пользы. Въ 1536 году умеръ князь Яцко Михайловичъ, поручая опеку надъ своими дѣтьми и имуществомъ своимъ пріятелямъ земянамъ кіевскимъ: Ивану Немиричу и Юрію Скобейку. Въ дошедшемъ до насъ его духовномъ завѣщаніи онъ проситъ опекуновъ заложить немногія, остававшіяся въ окрестности Кіева свои помѣстья, а деньги употребить на выкупъ сына Демьяна, попавшагося въ татарскую неволю, и на обезпеченіе другаго малолѣтняго сына Семена, въ заключеніе-же, какъ-бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода, онъ отказываетъ, въ случаѣ бездѣтной кончины своихъ дѣтей, все остававшееся имущество Ивану Немиричу. Не знаемъ, возвратился-ли князь Демьянъ Половецъ изъ плѣна, но во всякомъ случаѣ какъ онъ, такъ и братъ его, Семенъ, скончались безпотомно, потому что 30 лѣтъ спустя послѣ смерти князя Яцка, сынъ Ивана Немирича—Іосифъ, предъявилъ великому князю Сигизмунду Августу завѣщаніе Яцка съ просьбою передать ему права на всѣ владѣнія вымершаго рода князей Половцевъ. Такъ какъ заявленіе Немирича послѣдовало до люблинской уніи, когда дѣйствовало еще литовское право по отношенію къ землевладѣнію, то требованіе его не было удовлетворено; имѣнія вотчинныя и выслуженныя, въ случаѣ прекращенія рода владѣльцевъ, должны были поступить въ государственную собственность; на этомъ основаніи имѣнія князей Половцевъ-Рожыновскихъ были частью приписаны къ господарскимъ староствамъ, частью розданы, въ качествѣ службъ, новымъ лицамъ, въ томъ числѣ незначительная доля и Іосифу Немиричу.

Всю эту давно уже минувшую и забытую исторію вспомнилъ, около 1600 года, Янъ Аксакъ и рѣшился сдѣлать изъ нея оружіе противъ Ходыки. Онъ ознакомился съ документами и генеалогіею послѣднихъ представителей рода князей Половцевъ и рѣшился воскресить его. Замокъ Рожыновъ и окружавшее его мѣстечко были приписаны еще въ 1568 году къ Остерскому староству; въ числѣ другихъ жителей мѣстечка было нѣсколько боярскихъ семействъ, несшихъ службу въ пользу остерскаго замка и, по мѣсту жительства, называвшихся боярами Рожыновскими. Одинъ изъ этихъ бояръ: Юрій Семеновичъ Рожыновскій въ 1592 году оказался причастнымъ къ козацкому возстанію Косинскаго и за эту вину остерскій староста, Ратомскій, конфисковалъ его боярскую отчизну. Возвратившись въ Остеръ, Юрій Рожыновскій долженъ былъ въ качествѣ „рукодайнаго слуги“ поступить въ услуженіе къ старостѣ. Конечно положеніе его было далеко не блестящее; между тѣмъ случайное созвучіе его фамиліи и отчества обратили вниманіе Аксака, по совѣту котораго, вѣроятно въ отсутствіи Ратомскаго, Юрій Рожыновскій взломалъ двери въ комору, гдѣ хранился архивъ старостинскій,

и похитилъ всѣ хранившіеся въ немъ документы, относившіеся къ роду князей Половцевъ-Рожыновскихъ и къ ихъ имѣніямъ, и сбѣжалъ съ ними въ Кіевъ. Здѣсь онъ передалъ документы Аксаку и, выдавая себя за сына князя Семена Яцковича Половца-Рожыновскаго, поручилъ Аксаку хлопотать о возстановленіи своихъ правъ на наслѣдственныя имѣнія своихъ предковъ. Въ 1602 году Аксакъ и Рожыновскій заключили формальный договоръ, по которому Аксакъ обязывался на свой счетъ „доходить" имѣній, растраченныхъ опекунами мнимаго отца Рожыновскаго, послѣдній-же, не имѣя возможности „ложить великихъ коштовъ и накладовъ, для своего убожества", уступаетъ Аксаку половину „дойденнаго" имущества. Вооружившись этою сдѣлкою, Аксакъ велъ одновременно искъ и противъ остерскаго старосты Ратомскаго, и противъ Василія Ходыки, требуя возвращенія своему кліенту наслѣдства князей Половцевъ-Рожыновскихъ; онъ предъявлялъ въ поддержаніе иска грамоты князей Владиміра Ольгердовича, Олелька Владиміровича, завѣщаніе князя Яцка Михайловича Половца и документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что кліентъ его есть дѣйствительно Юрій Семеновичъ Рожыновскій.

Какъ ни было сомнительно родство послѣдняго съ князьями Половцами, дѣло въ рукахъ столь опытнаго дѣльца, какъ Аксакъ, становилось грознымъ для его противниковъ. Дѣйствительно, пользуясь тѣмъ, что староста Ратомскій, принявшій горячее участіе въ дѣлѣ перваго лже-Димитрія, находился въ отсутствіи изъ староства, Аксакъ успѣлъ выиграть дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и въ 1606 году вступилъ во владѣніе замкомъ Рожыновымъ и окружавшими его селами и засчиталъ эти имѣнія въ свою долю, въ пользу-же мнимаго князя Половца обязался возвратить имѣнія быковское и басанское. Онъ повелъ дѣло съ Ходыкою такъ, что, не вникая въ правильность покупки имъ имѣній у Кошколдовича и не оспаривая правъ прежнихъ владѣльцевъ, доказывалъ, что самъ Остафій Дашкевичъ владѣлъ этими имѣніями неправильно и что отецъ его получилъ жалованную на нихъ грамоту только потому, что великій князь Александръ не зналъ, что пустынныя въ то время земли принадлежали по праву князьямъ Половцамъ-Рожыновскимъ, предкамъ его кліента. Встрѣтивъ сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ Аксака, Ходыка употребилъ всѣ силы для защиты; онъ и доказывалъ несостоятельность генеалогіи Рожыновскаго, и выхлопоталъ изъ литовской метрики копіи документовъ Дашкевичей, и наконецъ, несмотря на всевозможные приговоры, не допускалъ противника къ фактическому владѣнію имѣніями, причемъ онъ находилъ опору въ протекціи кіевскаго воеводы, князя Константина Острожскаго, не любившаго Аксака и считавшаго его злостнымъ казуистомъ и лихоимцемъ. Сообразивъ положеніе дѣла, не нуждаясь притомъ болѣе въ своемъ кліентѣ, такъ какъ остерскія волости уже находились въ его рукахъ, Аксакъ, желая отдѣлаться вмѣстѣ и отъ Ходыки, и отъ Рожыновскаго, присовѣтовалъ послѣднему, вмѣсто продолжительнаго и безплоднаго процесса, удовлетвориться небольшимъ, но дѣйствительнымъ вознагражденіемъ. Слѣдуя его совѣту, мнимый князь Половецъ-Рожыновскій

уступилъ въ началѣ 1605 года за нѣсколько сотъ копъ грошей свои притязанія на Басань и Быковъ переяславскому старостѣ, князю Янушу Константиновичу Острожскому, сыну кіевскаго воеводы. Такимъ образомъ Ходыка лишился важнѣйшей своей опоры и пріобрѣлъ могущественнаго противника. Немедленно, въ 1605 году, князь Янушъ Острожскій занялъ съ помощью вооруженнаго отряда Басань и Быковъ и на жалобу Василія Ходыки отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ. По совѣту Аксака, вмѣсто того, чтобы доказывать свои права на спорныя имѣнія, князь Острожскій напалъ на самую слабую сторону Ходыки: онъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ шляхетскаго званія, за что тотъ по закону долженъ былъ подлежать конфискаціи имущества; притомъ кн. Острожскій утверждалъ, что если-бы Ходыка даже и могъ доказать дворянское происхожденіе, то онъ потерялъ дворянскія права, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ, живя въ городѣ, занимался торговлею и отдавалъ деньги въ ростъ. Ходыка долженъ былъ предъявить документы, доказывавшіе его дворянство; онъ и представилъ вышеупомянутыя свидѣтельства: гетмана Ходкевича 1568 года и короля Стефана 1589 г., но, въ виду столь сильныхъ противниковъ, какъ князь Острожскій и Аксакъ, онъ не осмѣлился показать сомнительныхъ, вѣроятно, подлинниковъ, а представилъ лишь копіи, посвидѣтельствованныя кіевскимъ магистратомъ, утверждая, что подлинныя грамоты сгорѣли въ 1600 году во время пожара, истребившаго въ замкѣ домъ Ходыки, въ которомъ хранились будто всѣ его документы. Къ копіямъ этимъ Ходыка присоединилъ свидѣтельство, выданное ему кіевскимъ войтомъ Яцкомъ Балыкою и всѣмъ магистратомъ, въ томъ, что, хотя онъ и велъ нѣкоторое время торговлю, но не занимался ею лично, а поручалъ ея веденіе факторамъ, со времени-же полученія грамоты о дворянствѣ въ 1589 году и вовсе ее оставилъ.

Среди юридическихъ препирательствъ процесъ затягивался все дальше и дальше, а между тѣмъ переяславскія помѣстья находились во владѣніи князя Острожскаго. Для Ходыки важнѣе всего было получить возможность завѣдыванія ими, и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, въ 1607 году онъ предложилъ князю Острожскому кончить дѣло миромъ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: Ходыка продалъ князю Янушу свои права на басанское и быковское имѣнія, получилъ въ задатокъ 3,000 золотыхъ, а остальную сумму долженъ былъ получить при окончательномъ совершеніи крѣпостнаго акта; между тѣмъ, впредь до его совершенія, князь Острожскій возвратилъ ему имѣнія для приведенія въ порядокъ движимаго имущества. Получивъ обратно помѣстья, Василій Ходыка сталъ оттягивать подъ разными предлогами совершеніе продажной записи, пока въ 1608 году не умеръ кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій. По смерти отца Янушъ Константиновичъ былъ постоянно занятъ то раздѣломъ волынскихъ имѣній съ братомъ, то сенаторскими обязанностями въ качествѣ краковскаго кастелляна; онъ проживалъ постоянно то въ столицѣ, то въ Острогѣ и сталъ мало заботиться о переяславскихъ помѣстьяхъ. Ходыка воспользовался этимъ

положеніемъ, не совершилъ вовсе продажной записи и даже отказался возвратить задатокъ. Послѣдніе 8 лѣтъ жизни Василій Ходыка прожилъ относительно спокойно: онъ повыдавалъ многочисленныхъ своихъ дочерей замужъ, частью за богатыхъ мѣщанъ, частью за дворянъ кіевскаго воеводства, и заботился главнымъ образомъ о выплатѣ имъ приданнаго; всю-же поземельную собственность, умирая въ 1616 году, отказалъ единственному сыну Федору Васильевичу, который подписывался уже Крыницкимъ, а не Ходыкою. Федоръ этотъ, отличавшійся безпокойнымъ нравомъ и склонностью къ самоуправству, встрѣчается въ многочисленныхъ тяжебныхъ дѣлахъ до 1640 года. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, по большей части захваченными насильно. Впрочемъ это большое состояніе, пріобрѣтенное не трудомъ, а темными средствами, оказалось непрочнымъ; козацкая гроза, поднявшаяся въ 1648 году, захватила всю территорію, на которой помѣщались маетности пановъ Крыницкихъ и уничтожила безслѣдно ихъ благосостояніе; Быковъ и Басань вошли, въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ, въ составъ переяславскаго козачьяго полка, а внуки Василія Ходыки-Крыницкаго должны были искать убѣжища на Волыни и проживать тамъ на весьма скудныя средства.

О братьяхъ Василія Ходыки и потомствѣ ихъ до насъ, къ сожалѣнію, дошло гораздо менѣе документовъ, чѣмъ объ основателѣ знатности ихъ рода. Постараемся извлечь, на сколько дозволяютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, данныя о судьбѣ другихъ представителей рода Ходыкъ, оставшихся въ средѣ кіевскаго мѣщанства. Когда Василій Ходыка пріобрѣлъ переяславскія помѣстья, онъ передалъ свою городскую торговлю брату Федору, успѣвшему еще раньше подъ его покровительствомъ скопить довольно значительное состояніе. Федоръ Ходыка, уступавшій брату въ способностяхъ, не отличался отъ него ни нравственными качествами, ни пріемами въ достиженіи практическихъ цѣлей. Занимая должность кіевскаго райцы, онъ постепенно расширялъ свои связи и вліяніе въ кружкѣ городской аристократіи и въ началѣ XVII столѣтія сталъ добиваться избранія въ войты. Впрочемъ достичь этого избранія было не легко: войтомъ кіевскимъ съ 1592 года былъ представитель партіи старожилыхъ мѣщанъ, Яцко Балыка, котораго, при нормальномъ теченіи дѣлъ въ теченіи 18 лѣтъ не могли сдвинуть съ мѣста приверженцы Ходыки. Но съ конца XVI столѣтія борьба мѣщанскихъ кіевскихъ партій осложнилась весьма важнымъ вопросомъ, имѣвшимъ широкое значеніе для жизни всего края,—это былъ вопросъ о введеніи церковной уніи, горячо покровительствуемой польскимъ правительствомъ. Лишь только унія была провозглашена на брестскомъ соборѣ, она немедленно отразилась на жизни Кіева; этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ важнѣйшіе храмы и святыни православныя и бывшій мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, необходимо было уніятамъ завоевать для упроченія своего дѣла; не удивительно поэтому, что усилія іерарховъ, подписавшихъ унію, и поддерживавшаго ихъ правительства въ самомъ-же началѣ устремились къ тому, что

бы овладѣть кіевскими церквями и духовными учрежденіями. Уже съ 1597 года встрѣчаемъ распоряженія: объ отнятіи кіево-печерской архимандріи у ревностнаго поборника православія, архимандрита Никифора Тура, о передачѣ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній въ распоряженіе принявшаго унію митрополита Михаила Рогозы и его преемника Ипатія Потея, о передачѣ уніятамъ кіевскихъ церквей и монастырей и т. д. Но распоряженія эти долго оставались безъ послѣдствій: кіевское какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство не признало уніи и не хотѣло подчиниться власти уніятскихъ митрополитовъ; попытки овладѣть церквями были отражены при помощи кіевскаго населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство; правительству необходимо было прежде опереться на какую-нибудь вліятельную партію въ городѣ и попытаться провести съ ея помощью задуманное дѣло Оно и обратилось къ кружку городской аристократіи, состоявшему по преимуществу изъ лицъ пришлыхъ, не связанныхъ ни происхожденіемъ, ни солидарностью убѣжденій съ массою жителей и готовому служить всякому направленію изъ-за удовлетворенія личнаго корыстолюбія и честолюбія. Главнымъ представителемъ этого кружка въ данное время былъ райца Федоръ Ходыка, давно уже ожидавшій удобнаго случая для того, чтобы съ помощью правительства усилить свое вліяніе въ городѣ; онъ сразу заявилъ себя горячимъ поборникомъ уніи и вѣрнымъ слугою правительства и не пепереставалъ подстрекать какъ уніятскаго митрополита, такъ и польскаго воеводу къ примѣненію строгихъ мѣръ для проведенія насильно задуманной религіозной перемѣны.

Между тѣмъ заботы правительства о введеніи уніи, равно какъ и начавшіяся смуты крестьянскія и козацкія, дѣлали положеніе края все болѣе и болѣе тревожнымъ. Среди неудовольствія народонаселенія, крутыя дѣйствія польскаго правительства и покровительствуемыхъ имъ партій вызывали все болѣе и болѣе рѣзкія вспышки въ народныхъ массахъ. Собиралась медленно гроза, которая должна была разразиться черезъ сорокъ лѣтъ страшною катастрофою; но для людей такого закала, какъ Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди безпринципные, стремящіеся къ удовлетворенію исключительно личнаго интереса, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всю дѣятельность на сегодняшнемъ днѣ, о будущемъ они не думаютъ; чѣмъ болѣе общее положеніе общества смутно и тревожно, тѣмъ съ большимъ удобствомъ они бросаются на поживу. Среди накопившагося раздраженія и въ городѣ, и въ кіевской области, въ 1609 году назначенъ былъ кіевскимъ воеводою человѣкъ рѣшительный и крутой по характеру, но весьма распорядительный, энергичный и пользовавшійся репутацією опытнаго администратора и искуснаго полководца. То былъ Станиславъ Жолкевскій. Федоръ Ходыка умѣлъ снискать его милость, выставляя своихъ противниковъ—войта Балыку и поддерживавшую его городскую партію людьми злонамѣренными, склонными къ смутамъ и бунту, ищущими популярности и потому мирволящими незаконнымъ инстинктамъ городской черни. Между про-

чимъ было два дѣла, въ которыхъ войтъ и магистратъ пассивнымъ поведеніемъ навлекли на себя неодобреніе властей: одно изъ нихъ состояло въ бездѣйствіи городского уряда въ вопросѣ о передачѣ православныхъ церквей уніатамъ, и даже въ косвенной поддержкѣ православнаго духовенства, другое—въ томъ, что магистратъ уклонялся отъ расходовъ на возобновленіе укрѣпленій кіевскаго замка. Въ виду смутнаго положенія края, на сеймѣ 1607 г. постановлено было вновь отстроить и укрѣпить въ Кіевѣ замокъ и воеводѣ поручено было возложить расходы на жителей воеводства, главнымъ-же образомъ на богатую городскую общину; но ни народонаселеніе, ни магистратъ не желали расходовать своей казны на постройку укрѣпленій, возведеніе которыхъ конечно они не считали для себя особенно желательнымъ. Оба дѣла сразу поставили магистратъ въ холодныя отношенія къ воеводѣ и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ точками сближенія между нимъ и Федоромъ Ходыкою и его партіею.

Между тѣмъ надѣясь на поддержку новаго воеводы, уніятское духовенство рѣшилось дѣйствовать смѣлѣе. Уже нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Кіевѣ уполномоченный оффиціалъ уніятскаго митрополита Потея, нѣкто Антоній Грековичъ. Въ 1605 году, Грековичъ, бывшій тогда еще діакономъ, подлежалъ духовному суду за какой-то скандалъ, „ексцессъ“, совершенный въ стѣнахъ монастыря. Вѣроятно онъ и поплатился-бы за свой проступокъ, если бы Потей, въ виду его преданности уніи, не защитилъ его своимъ покровительствомъ. Вскорѣ милость къ нему Потея усилилась до того, что, быстро повышая въ должностяхъ своего любимца, онъ, наконецъ, сдѣлалъ его своимъ оффиціаломъ и поручилъ ему важное дѣло—отнять у православныхъ въ Кіевѣ церкви и монастыри. Въ первое время порученіе это оказалось весьма труднымъ; Грековичъ успѣлъ завладѣть, и то не безъ большихъ препятствій, однимъ только Выдубицкимъ монастыремъ и, постоянно встрѣчая отказъ духовенства и ропотъ жителей, не зналъ, что дальше предпринять. Но послѣ назначенія воеводою Жолкевскаго, онъ заручился поддержкою свѣтскаго уряда и рѣшился поступать энергичнѣе. Въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, въ 1610 году, когда всѣ приходскіе священники города собрались для совершенія соборомъ церковной службы въ храмѣ святой Софіи, туда явился съ конвоемъ Грековичъ; онъ предъявилъ грамоту Потея, назначавшую его митрополичьимъ намѣстникомъ и, когда духовные не согласились признать его, онъ выгналъ ихъ изъ церкви, принялъ храмъ въ свое вѣденіе и опечаталъ его. Дѣйствія эти возбудили въ народѣ страшное негодованіе: находившіеся въ церкви: войтъ Яцко Балыка, бурмистры Матвѣй Мачоха и Денисъ Мартыновичъ, а также другіе члены магистрата, протестовали противъ поступка Грековича, объявили, что городъ не признаетъ его духовной власти, и съ угрозами удалились изъ церкви. Въ тотъ-же день вечеромъ толпа народа собралась у Выдубицкаго монастыря и изъ среды ея одинъ изъ казаковъ выстрѣлилъ изъ мушкета въ Грековича; послѣдній едва успѣлъ спастись, выбѣжавъ изъ монастырской ограды и

укрывшись на берегу Днѣпра. Духовенство, магистратъ, православные дворяне кіевскаго воеводства и находившіеся въ Кіевѣ козаки подали жалобы на Грековича въ гродскій судъ о насиліи и буйствѣ въ церкви; съ своей стороны Потей жаловался на духовенство и на членовъ магистрата за самоуправство, и послѣднихъ упрекалъ въ томъ, что они состоятъ въ сношеніяхъ съ козаками и подстрекаютъ ихъ къ бунту; въ доказательство Потей предъявилъ письмо, полученное кіевскимъ подвоеводіемъ отъ козацкаго гетмана, Григорія Тискиневича, въ которомъ послѣдній угрожалъ „оного ростригу (Грековича), еслибы умыслу свого отмѣнити не мѣлъ, гдѣжъ колвекъ сдыбавши, якъ пса убити". Начался продолжительный процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ, но до конца его не дожилъ кіевскій войтъ Яцко Балыка. Въ 1613 году должность войта была уже вакантною и за нее вступили въ борьбу двѣ сильныя партіи: большинство мѣщанъ выбрало одного изъ сыновей послѣдняго войта—Дениса Балыку [1]), но воевода настоялъ на утвержденіи не его, а кандидата меньшинства—Федора Ходыки. Впрочемъ положеніе новаго войта въ магистратѣ было не особенно удобно; большинство райцевъ и бурмистровъ принадлежали къ числу его противниковъ и городское населеніе вообще относилось къ нему враждебно. Немедленно послѣ своего назначенія, Ходыка поднялъ вопросъ о постройкѣ замка на городской счетъ, но представители цеховъ и городскихъ корпорацій отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ; въ то же время выдвинуто было другое, совершенно противуположное предложеніе, и магистратъ, согласившись съ нимъ показалъ, что идетъ не по одной съ войтомъ дорогѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Грековичемъ софійскаго храма православные лишены были соборной церкви; желая восполнить этотъ недостатокъ, магистратъ рѣшилъ возобновить древнюю каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, развалины которой находились на рынкѣ (на Подолѣ). Церковь эта построена была еще при кіевскихъ князьяхъ, но въ 1482 году ее сожгли татаре. Магистратъ, цехи, богатые граждане и „поспольство" приняли участіе въ сборѣ денежныхъ средствъ и усердно принялись за дѣло подъ руководствомъ архитектора, италіянца Севастіяна Брачи, жившаго уже давно въ Кіевѣ [2]), „а дозорцею той работы былъ панъ Созонъ Балыка, упрошоный отъ всего мѣста". Отстройка началась 13 мая, а 1 октября была уже окончена. Войтъ совершенно устранился отъ этого общаго городскаго дѣла и не переставалъ хлопотать о постройкѣ замка, но только послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря безпрестаннымъ настояніямъ воеводы, успѣлъ наконецъ начать ее. Въ 1616 году подъ его руководствомъ принялись планировать гору Уздыхаль-

---

[1]) Яцко Балыка оставилъ 4 сыновей: Александра, Созона, Дениса и Богдана; послѣдній составилъ весьма интересныя записки о своемъ участіи въ московскомъ походѣ 1612 года.

[2]) Дочь Севастіяна Брачи была замужемъ за Богданомъ Балыкою.

ницу, господствовавшую надъ замкомъ [1]), но вскорѣ работа эта была прекращена и Ходыка долженъ былъ отказаться на время отъ должности войта. Въ 1618 году Жолкевскій получилъ должность канцлера и мѣсто его на кіевскомъ воеводствѣ занялъ человѣкъ болѣе мягкій и терпимый—Ѳома Замойскій; притомъ въ томъ-же году Кіевъ, благодаря политическому такту Петра Сагайдачнаго, подчинился вліянію козацкаго гетмана; одновременно съ этими событіями въ городѣ произведены были новые выборы и должность войта занялъ, въ качествѣ представителя народной партіи, Семенъ Мелешкевичъ.

Пока живъ былъ Сагайдачный и пока надъ православною и народною партіею въ Кіевѣ простиралось его покровительство, мы не находимъ въ документахъ упоминаній о Федорѣ Ходыкѣ. Но послѣ смерти козацкаго гетмана, когда польское правительство нашло возможнымъ возвратиться къ продолженію въ Кіевѣ насильственныхъ мѣръ противъ православія, онъ опять является на сцену въ прежней роли пособника и рачителя правительственныхъ заботъ о расширеніи уніи. Уже въ концѣ 1621 года Ходыка вновь занимаетъ должность войта и начинаетъ исправленіе своего уряда жалобою королю на кіевскихъ мѣщанъ въ томъ, что они уклоняются отъ обязанности „прикладатися до муниціи замка“, очевидно, онъ продолжаетъ прежнюю тактику, подымая старый вопросъ о возведеніи и содержаніи кіевскихъ укрѣпленій на счетъ города; точно также отнесся онъ и къ другому щекотливому вопросу—о передачѣ уніатамъ кіевскихъ православныхъ церквей. Исполнить это намѣреніе теперь было значительно труднѣе, чѣмъ во время занятія софійскаго собора Грековичемъ. Теперь, благодаря дѣятельности Сагайдачнаго, возстановлена была церковная православная іерархія; притомъ православіе пріобрѣло многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ въ усилив-

---

[1]) Замокъ находился на горѣ *Киселевкѣ*, которая господствовала надъ Подоломъ со стороны нынѣшняго флоровскаго монастыря, а гора *Уздыхальница*—лежащая противъ *Киселевки*, находится нынѣ по правую сторону андреевскаго спуска. Въ ту пору она была значительно выше, а понижена частью тогда-же, частью въ позднѣйшее время, особливо въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ генералъ-губернаторство Бибикова Свѣдѣнія о постройкѣ Успенской церкви и о планировкѣ Уздыхальницы заимствованы изъ неизданной кіевской лѣтописи Ильи Кощаковскаго. Вотъ что говоритъ лѣтопись о послѣднемъ сооруженіи: „Року 1616 при воеводѣ кіевскомъ Станиславѣ Жолковскомъ, старанемъ и коштомъ пановъ мещанъ кіевскихъ: пана войта на тотъ часъ Федора Ходыки и бурмистра Матвея Мачохи и всего поспольства мѣста Кіева, копали гору Уздыхальницу, которая стоитъ предъ замкомъ кіевскимъ; а выкопали полшеста сажня у звышъ, а нашли тамъ печерку трохъ саженей у гору, и вширь сажень; тамъ нашли горщикъ порожній и написано на стѣнѣ имя: Павелъ; знать, же то колись былъ пустелникъ“.

шемся козачествѣ. Опасность рѣзкихъ мѣръ испыталъ на себѣ самъ Грековичъ. Въ 1618 году онъ предъявилъ королевскую грамоту, выданную еще въ 1612 г., о подчиненіи михайловскаго златоверхаго монастыря уніятскому митрополиту, и собирался овладѣть имъ насильно, но 15-го февраля на Звѣринцѣ былъ задержанъ квартировавшими тамъ козаками и „противъ Выдубицкаго монастыря подъ ледъ посаженъ воды пити„ [1]).

Наученный опытомъ Грековича, Ходыка медлилъ исполненіемъ передачи церквей уніятамъ, выжидая удобныхъ для того обстоятельствъ; наконецъ таковыя по его мнѣнію представились въ 1624 году. Въ концѣ предъидущаго года погибъ въ Витебскѣ подъ ударами выведенныхъ имъ изъ терпѣнія мѣщанъ, гонитель православія Іосафатъ Кунцевичъ; смерть его вызвала въ польско-католическомъ обществѣ страшное раздраженіе и побудила правительство къ крайне репресивнымъ мѣрамъ противъ православія. Желая воспользоваться удобною минутою и оказать правительству услугу, соотвѣтственную его настроенію, Федоръ Ходыка рѣшился покончить дѣло передачи церквей въ Кіевѣ. Въ сопровожденіи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ своей партіи и священника Трехсвятительской церкви, Ивана Юзефовича, перешедшаго въ унію, онъ отправился опечатывать православныя церкви. Но оказалось что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ страхъ передъ правительственною реакціею, грозно и жестоко покаравшею Витебскъ, былъ слабѣе преданности своей церкви и своей народности. Ходыку окружила толпа мѣщанъ и квартировавшихъ въ городѣ козаковъ; среди нареканій и попрековъ войтъ и его товарищи были схвачены: священнику Юзефовичу отрубили голову, войтъ же Федоръ Ходыка раздѣлилъ участь Грековича,—его также бросили въ Днѣпръ „воды пити“.

Послѣ трагической смерти Федора Ходыки осталось три сына его: Іосифъ, Иванъ и Андрей. Свѣдѣнія о нихъ въ архивныхъ источникахъ весьма скудны и разрознены, но, хотя до нѣкоторой степени, даютъ характеристику ихъ дѣятельности: всѣ три брата продолжаютъ играть въ городѣ видную роль и слѣдуютъ направленію отца, они постоянно находятся въ рядахъ той, слабой числомъ, но сильной поддержкою польскаго правительства городской аристократической партіи, которая стремилась къ проведенію антинаціональныхъ цѣлей среди кіевскаго городскаго населенія. Братья Ходыки являются не только, подобно отцу, поборниками уніи, они, по примѣру большинства дворянъ кіевской земли, стараются примкнуть къ господствовавшей народности, усваивая себѣ ея національныя характеристическія черты. Всѣ дошедшіе до насъ акты, составленные Ходыками, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ ихъ съ магистратомъ, писаны по польски, а не по русски, всѣ подписи ихъ, въ качествѣ райцевъ и свидѣтелей также на поль-

---

[1]) Также изъ лѣтописи Ильи Кощаковскаго.

скомъ языкѣ. Данныя, собранныя нами о судьбѣ ихъ, заключаются въ слѣдующихъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1631 году всѣ три брата занимали должности райцевъ въ магистратѣ, что видно изъ процесса, который они вели съ своимъ двоюроднымъ братомъ Федоромъ Васильевичемъ Крыницкимъ, пограбившимъ у нихъ лошадей и возы съ товарами въ своемъ имѣніи Басани, а также изъ подписей ихъ на купчихъ крѣпостяхъ, совершенныхъ въ этомъ году.

Въ 1637 году Іосифъ Ходыка занималъ уже должность кіевскаго войта, а братъ его Андрей—должность райцы; имя Ивана не упоминается среди членовъ магистрата. Вскорѣ потомъ умеръ Іосифъ Ходыка и на его мѣсто избранъ войтомъ Самуилъ Мехидовичъ, но въ 1644 г, и этотъ войтъ скончался и король Владиславъ IV грамотою, данною 18-го мая, утвердилъ кіевскимъ войтомъ Андрея Ходыку. Выбирая его изъ четырехъ кандидатовъ, предложенныхъ магистратомъ, король слѣдующимъ образомъ мотивируетъ оказанное имъ предпочтеніе: „потвержаемъ Андрея Ходыку, сына славетнаго негды Федора Ходыки, войта кіевскаго, добре намъ и мѣсту заслуженнаго мужа, который, противъ бунтовъ козацкихъ крѣпко стоячи при достоинствѣ нашемъ господарскомъ, горломъ запечатовалъ, а брата родного зошлого негды Іосифа Ходыки, войта также кіевскаго, добре урядъ справуючаго“. Притомъ король указываетъ на опытность Андрея Ходыки, которую онъ пріобрѣлъ, „засѣдаючи зъ молодыхъ лѣтъ своихъ на вряде помененного мѣста Кіева“. Въ дальнѣйшемъ текстѣ грамоты король поручаетъ новому войту: „бунтовникамъ и шкодливымъ замшкомъ въ мѣстѣ нашомъ Кіевѣ вчасно забѣгати, и выкротныхъ и непослушныхъ въ войтовскомъ присуду водлѣ права карати“. Инструкцію эту усердно исполнялъ Андрей Ходыка до 1648 года, пока не вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Не сообразивъ послѣдствій и не предугадавъ его размѣровъ, Ходыка продолжалъ усиленно преслѣдовать въ городѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи козакамъ и принималъ строгія мѣры противъ мѣщанъ „зуфалыхъ“ (непокорныхъ). Между тѣмъ событія слѣдовали съ поразительною быстротою и вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что на этотъ разъ козацкое движеніе восторжествуетъ; кіевское населеніе стало заявлять все болѣе и болѣе свое сочувствіе движенію и козаки приближались къ городу. Положеніе войта и его партіи сдѣлалось весьма труднымъ. Нѣкоторые члены магистрата, жаловался впослѣдствіи Андрей Ходыка, составили заговоръ противъ войта и рѣшились не только лишить его уряда, но даже отнять имущество и самую жизнь. Долгое время войтъ принужденъ былъ скрываться и, наконецъ, въ началѣ 1649 года, онъ подписалъ отреченіе отъ должности и письменно призналъ незаконными всѣ свои дѣйствія въ теченіе четырехлѣтняго управленія городомъ. Мѣсто войта занялъ представитель народной партіи—Богданъ Сомковичъ.

Въ 1651 году, послѣ берестецкой битвы и занятія Кіева Радзивилломъ, появляется еще разъ Андрей Ходыка и спѣшитъ возбудить искъ противъ лицъ, заставившихъ его отречься отъ должности; но съ удаленіемъ польскаго войска, онъ исчезаетъ на всегда изъ города. Имущество, скопленное мѣщанскою вѣтвью рода Ходыкъ, разсѣялось также безслѣдно, какъ и имѣнія, захваченныя ихъ родственниками Крыницкими. Ходыки должны были оставить Кіевъ вмѣстѣ съ тѣмъ иноземнымъ правительствомъ, въ угоду которому они попирали интересы своихъ согражданъ. Дальнѣйшая судьба ихъ рода намъ неизвѣстна, но въ рядахъ кіевскаго мѣщанства послѣ 1651 года имени Ходыкъ болѣе не встрѣчается.

КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ.

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ[1])

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

При изученіи исторіи Кіева и всей юго-западной Руси мы находимъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ значительный пробѣлъ. Съ того времени, какъ кончились свѣдѣнія южныхъ лѣтописей въ исходѣ XIII столѣтія и до появленія новаго цикла лѣтописныхъ и архивныхъ извѣстій во второй половинѣ XVI вѣка, исторію южной Руси мы привыкли или обходить молчаніемъ, или, что гораздо хуже для исторической истины, очерчивать судьбы ея нѣсколькими штрихами, состоящими изъ общихъ мѣстъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческую характеристику, основанную будто бы на фактическихъ данныхъ.

Одно изъ такихъ общихъ мѣстъ, установившихся съ конца XVI столѣтія и, вслѣдствіе частаго повторенія, сдѣлавшихся общепринятымъ историческимъ убѣжденіемъ, составляетъ то мнѣніе, будто послѣ Батыева нашествія Кіевъ былъ превращенъ въ развалины, кіевская область совершенно опустѣла и перестала принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Опираясь на это общее положеніе и желая объяснить себѣ происхожденіе населенія, существовавшаго въ краѣ, по свидѣтельству историческихъ источниковъ конца XVI столѣтія, многіе историки пытались объяснить дѣло гипотезами болѣе или менѣе тенденціозными, не лишенными смѣлости, но къ несчастію не основанными ни на какихъ фактическихъ данныхъ. Такъ съ одной стороны Погодинъ предположилъ, что населеніе южной Руси будто поголовно убѣжало отъ татарскаго нашествія на сѣ-

---

1) Статья эта была напечатана въ „Кіевской Старинѣ„ 1882 г.— Январь.

веръ, (замѣтимъ, гораздо болѣе юга пострадавшій отъ монголовъ) и мѣсто его заняло новое племя, спустившееся съ Карпатъ на днѣпровскія равнины, причемъ переселеніе цѣлыхъ народныхъ массъ произошло будто ни для кого незамѣтно и не оставило никакого слѣда въ бытописаніи. Съ другой стороны пробѣломъ историческихъ свѣдѣній воспользовались польскіе писатели: Грабовскій, Шайноха и другіе и, настаивая на мысли мнимаго запустѣнія края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при томъ пояснить, почему эти выходцы, пришедшіе будто-бы съ береговъ Вислы, представляютъ въ XVI вѣкѣ сплошную массу съ характеромъ русской, а не польской народности. Туманъ историческій, сгущаясь все болѣе и болѣе отъ частаго повторенія вымысловъ и фантастическихъ прикрасъ, сталъ сбивать съ пути и такихъ писателей, которые должны были-бы отличать въ данномъ случаѣ тенденціозность польскихъ писателей и нѣсколько болѣе критически относиться къ прошлому своей родины. Въ этомъ отношеніи, полагаю, достаточно указать, какъ на образецъ увлеченія чуждою исторической истины теоріею, на введеніе въ „исторію возсоединенной Руси“ г. Кулиша.

Между тѣмъ, вглядѣвшись безъ предъубѣжденія въ тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о судьбѣ южной Руси съ XIII по XVI столѣтіе, мы не можемъ не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея въ это время есть не болѣе какъ историческій миражъ. Батыево разореніе есть послѣднее постигшее Кіевъ бѣдствіе, записанное древними русскими лѣтописями; затѣмъ послѣ долгаго перерыва, въ XVI столѣтіи, путешественники, посѣщавшіе Кіевъ или писавшіе о немъ: Герберштейнъ, Гваньини, Ляссота, Гейденштейнъ и пр., описываютъ развалины, загромоздившія нагорную часть Кіева, и сожалѣютъ объ упадкѣ величія этого, нѣкогда знаменитаго, города. Уже съ исхода XVI вѣка мы замѣчаемъ у лѣтописцевъ стремленіе связать и сопоставить оба факта, какъ причину и послѣдствіе. Стремленіе это выражается у составителей лѣтописныхъ сводовъ дополненіями и приставками совершенно произвольныхъ подробностей къ исторіи Батыева погрома. Въ древнѣйшемъ извѣстіи о взятіи Кіева Батыемъ, записанномъ въ ипатской лѣтописи указано только разрушеніе Десятинной церкви, своды которой обрушились подъ тяжестью столпившагося на нихъ народа; затѣмъ о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь что изъ Кіева Батый прошелъ по Волыни, разрушилъ нѣсколько городовъ, другіе миновалъ или не успѣлъ взять и, по совѣту плѣннаго боярина Дмитрія, не останавливаясь на пути, поспѣшилъ ворваться въ Венгрію, чтобы захватить эту страну въ расплохъ, а въ обратномъ пути его указываются грабежи, причиненные татарами въ сѣверной части волынскаго Полѣсья [1]). Несомнѣнно, страна, лежавшая на западъ отъ Днѣпра, пострадала отъ орды

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 522—523, 528.

въ весьма слабой степени, сравнительно, напримѣръ, съ разореніемъ земель ростовской или рязанской; между тѣмъ никому изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и историковъ не приходитъ въ голову утверждать, что земли эти запустѣли вслѣдствіе Батыева погрома; происходитъ-же это лишь потому, что о послѣдующей судьбѣ тѣхъ земель позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ и историки находили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сказаній въ дошедшихъ до нихъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ свѣдѣній такихъ о кіевской землѣ не имѣли и позднѣйшее запустѣніе города пытались объяснить послѣднимъ, извѣстнымъ имъ, бѣдственнымъ событіемъ. Такъ въ лаврентіевскомъ лѣтописномъ спискѣ, дошедшемъ до насъ въ редакціи конца XIV столѣтія, въ той части его, которая составлена уже не въ кіевской землѣ, а въ ростовской, вмѣсто обстоятельнаго и исполненнаго подробностей разсказа ипатской лѣтописи, помѣщена краткая только замѣтка, но къ ней прибавлено нѣсколько фразъ объ ограбленіи церквей и поголовномъ истребленіи жителей Кіева [1]). Составитель густинскаго списка, не смотря на то, что пользовался при составленіи своего свода ипатскимъ спискомъ, не ограничился его извѣстіями, но прибавилъ къ нимъ нѣсколько фразъ о разореніи города: „татаре изсѣкше людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ въ плѣнъ повѣдоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ запалиша“ [2]). Воскресенскій сводъ дополняетъ эту картину разорѣнія еще болѣе печальными подробностями; по его словамъ: „иные (жители) бѣжаша въ дальные страны, иные-же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ и въ горахъ и въ лѣсѣхъ“ [3]). Наконецъ Кіевскій Синопсисъ, сводя разсѣянные въ лѣтописяхъ легендарные наросты, изображаетъ слѣдующую картину: „татаре всея Россіи стольный и во всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша, церкви божественныя разориша, городъ и мѣсто огнемъ сожегоша, людей иныхъ посѣкоша, а иныхъ плѣниша и все государство кіевское ни во что обратиша“ [4]). Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о разореніи окончательномъ кіево-печерскаго монастыря и храма. Такимъ образомъ, посредствомъ постоянныхъ наростовъ и украшеній, къ концу XVII столѣтія составилась полная картина разоренія Кіева и запустѣнія кіевской области, освобождавшая писателей отъ дальнѣйшаго разсказа о ея судьбѣ, что было-бы для нихъ весьма затруднительно за отсутствіемъ источниковъ. Успокоившись на томъ, что объ исторіи пустыни писать нечего, лѣтописцы и историки свободно переходили изъ Кіева къ исторіи великаго княженія владимірскаго и московскаго и продолжали разсказъ, пользуясь источниками лѣтописными, уцѣлѣвшими въ сѣверо-восточной Руси. По разъ проложенному пути пошли дальнѣйшіе историки и установилось мнѣніе, что въ

---

²) Лаврентьевская лѣтопись стр. 447.
²) Полное собр. русскихъ лѣтоп. II, стр. 339.
³) Тамже VII, стр. 153.
⁴) Кіевскій Синопсисъ, изд. 1823, стр. 87.

теченіи трехъ столѣтій о южной Руси, запустѣвшей и какъ бы изчезнувшей, слѣдуетъ умалчивать, такъ какъ полагать должно, что все это время она не могла оправиться отъ погрома.

Къ счастію, однако, составители лѣтописныхъ сводовъ были слишкомъ добродушны и владѣли слишкомъ слабыми критическими пріемами для того, дчтобы тенденціозно провести придуманную гипотезу. Пользуясь краткими, доходившими до нихъ замѣтками о кіевской землѣ, они добросовѣстно вносили ихъ въ свои своды, не замѣчая противурѣчія, въ которомъ замѣтки эти находились съ сказаніемъ о Батыевомъ разореніи. Постараемся свести хотя нѣкоторыя изъ этихъ замѣтковъ съ половины XIII по конецъ XIV столѣтія, чтобы убѣдиться, насколько картина запустѣнія Кіева и его области не подтверждается даже тѣми источниками, которые подали поводъ къ ея возникновенію.

Исторія всей второй половины XIII столѣтія пространно описана въ концѣ ипатской лѣтописи: мы не только не усматриваемъ въ разсказѣ этой лѣтописи признаковъ запустѣнія юго-западной Руси, но, напротивъ того, можемъ прослѣдить постепенный ростъ могущества галицко-волынскаго княжества подъ управленіемъ Даніила Романовича и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Но сверхъ исторіи этого княжества, ипатская лѣтопись сообщаетъ въ данное время весьма интересныя извѣстія о земляхъ: подольской, болоховской, потетеревской, звягельской (двѣ послѣднія входили въ составъ кіевской области) и т. д., добровольно подчинившихся моноголамъ и состоявшихъ въ зависимости отъ хановъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Собственно о кіевской области лѣтопись говоритъ мало, такъ какъ область эта не входитъ въ районъ, избранный лѣтописцемъ, но по нѣсколькимъ намекамъ видно, что Кіевъ не былъ превращенъ въ пустыню. Подъ 1250 г. разсказано пребываніе Даніила Романовича на пути въ орду въ Выдубецкомъ монастырѣ, а подъ 1257-мъ упоминается о намѣреніи Даніила завоевать съ помощью литовцевъ Звягель и Кіевъ [1]). Изъ помѣтокъ, занесенныхъ въ Густинскій сводъ, мы видимъ, что съ 1243—1249 г. Кіевъ находился подъ властью Ярослава Всеволодовича на основаніи ярлыка, полученнаго имъ отъ хана; затѣмъ на томъже основаніи владѣли Кіевомъ: Александръ Ярославичъ (1249—1263) и Ярославъ Ярославичъ (1263—1271). Въ XIV столѣтіи таже лѣтопись называетъ кіевскихъ князей: Ѳеодора (1331—1362), Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргайла Ольгердовича (1392—1396) и Іоанна Борисовича (1396—1399) [2]).

Относительно состоянія города и украшавшихъ его церквей въ данное время мы находимъ весьма точныя свѣдѣнія. Кіево-печерскій монастырь и церковь его продолжали существовать въ XIII и XIV столѣтіяхъ: такъ подъ

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 535 и 555.
[2]) Полное собраніе русск. лѣтописей II, стр. 340—352.

1274 годомъ густинская и воскресенская лѣтописи занесли фактъ посвященія архимандрита кіево-печерскаго Серапіона въ епископы во Владиміръ. Подъ 1289 годомъ, при описаніи похоронъ волынскаго князя Владиміра Васильковича, упоминается другой архимандритъ кіево-печерскій—Агапитъ. Третій архимандритъ того-же монастыря, Давидъ, извѣстенъ какъ духовникъ второй жены Ольгерда [1]). Въ концѣ XIV столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о погребеніи въ кіево-печерскомъ монастырѣ многихъ знатныхъ лицъ: нареченнаго митрополита Діонисія (1385 г.), князя Іоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владиміра Ольгердовича. Въ 1399 году кіево-печерскій монастырь, откупаясь отъ орды Темиръ-Кутлука, напавшей на Кіевъ, далъ татарамъ „окупу 30 рублевъ“ [2]). Такія-же данныя можно привести и о сохранности кіево-софійскаго храма: въ 1280 году въ соборѣ кіевскомъ погребенъ былъ митрополитъ Кириллъ, скончавшійся въ Переяславѣ суздальскомъ. Въ 1288—1289 годахъ митрополитъ Максимъ рукополагалъ „въ святѣй Софіи въ Кіевѣ“ Іакова въ епископы владимірскіе и Тарасія—въ ростовскіе. Замѣтимъ притомъ, что послѣдній изъ нихъ до рукоположенія своего былъ игуменомъ въ кіевскомъ богословскомъ монастырѣ [3]). Съ 1375 по 1380 г. и потомъ съ 1382 по 1390 г. въ Кіевѣ, на митрополичьемъ дворѣ, у св. Софіи, жилъ непризнанный въ Москвѣ Дмитріемъ Ивановичемъ митрополитъ Кипріянъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ никоновская лѣтопись описываетъ его второй пріѣздъ въ Кіевъ: „пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И пріятъ былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша его далече отъ града со кресты и князи, и боляре, и вельможи, и народы мнози съ радостью..... и пребываше Кипріянъ митрополитъ въ кіевскихъ странахъ..... и вси послушаху и чествоваху его“ [4]). Въ 1396 году, за нѣсколько дней до своей кончины, кіевскій князь Скиргайло пировалъ на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софьи“, у намѣстника Ѳомы [5]). Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы устранить положеніе о совершенномъ запустѣніи края и города.

Но если мы обратимъ вниманіе на степень развитія политическаго могущества и значенія Кіева въ XIII столѣтіи, то мы должны признать несомнѣнный политическій упадокъ кіевской области. Упадокъ этотъ былъ результатомъ событій, предшествовавшихъ монгольскому нашествію; причины его за-

---

[1]) Тамже II, стр. 345, VII, стр. 172; Ипат. лѣт. стр. 604. Карамзинъ (изд. 1834) т. V, примѣч. 44.

[2]) Лѣтоп изд. Даниловичемъ, стр. 47—48, лѣт. Быховца 34—35, Густинская 352, Воскресенская 49—73, Никоновская IV, 147 282. Хроника Мартына Бѣльскаго (изд. 1597) стр. 283.

[3]) Никоновская лѣтопись, III, стр. 70, 86, 87.

[4]) Никоновская лѣтопись, IV, 48, 139—140.

[5]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ стр. 47, Густинская, стр. 352.

ключались въ той продолжительной борьбѣ, которую вели упорно въ теченіи XII столѣтія разныя вѣтви русскаго княжескаго рода за обладаніе кіевскимъ столомъ, съ которымъ связано было представленіе о старшинствѣ и гегемоніи на Руси. Ни одна изъ княжескихъ вѣтвей не успѣла упрочиться въ кіевской области, постоянныя-же ихъ распри не дозволили самой землѣ выработать сколько нибудь правильный общественный строй. Убѣдившись въ невозможности прочно овладѣть Кіевомъ и основать на этомъ владѣніи свое главенство, князья вступаютъ на новый политическій путь: они стремятся унизить Кіевъ и перенести понятіе о старшинствѣ въ русской землѣ въ другіе, новые центры. Мало по малу около новыхъ средоточій государственной силы и дѣятельности группируются разрозненныя земли, нѣкогда подвластныя великимъ князьямъ кіевскимъ. Между ними первое мѣсто по могуществу занимаютъ: Владиміръ на Клязьмѣ и прикарпатскій Галичъ; затѣмъ на второмъ планѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Рязань. Каждый изъ этихъ гороровъ притягиваетъ къ себѣ болѣе или менѣе обширную территорію, къ Кіеву-же тянетъ только его коренная незначительная область—„Русская земля“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это древнее достояніе первыхъ кіевскихъ князей заключалось въ тѣсныхъ границахъ, опредѣлявшихся теченіемъ рѣкъ Случи, Припяти, Днѣпра и Роси. Между тѣмъ какъ съузилась территорія области и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падало ея политическое значеніе, князья старались ускорить это паденіе, нанося древнему политическому центру Руси все болѣе и болѣе тяжелые удары. Въ раздраженіи борьбы они не щадятъ ни спорной области, ни ея стольнаго города. Среди княжескихъ междоусобій Кіевъ подвергся два раза разоренію гораздо болѣе тяжелому, по словамъ современныхъ лѣтописей, чѣмъ позднѣйшее разореніе Батыево. Такъ въ 1169 году Мстиславъ Андреевичъ, во главѣ многочисленной рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ и его союзниками, овладѣлъ Кіевомъ и предалъ его разграбленію; три дня суздальцы и черниговцы грабили и жгли церкви и дома и хватали жителей въ полонъ Въ 1203 году князь Рюрикъ Ростиславичъ, оспаривавшій кіевскую область у Романа галицкаго, раздраженный предпочтеніемъ, оказаннымъ кіевлянами его сопернику, овладѣлъ Кіевомъ съ помощью половцевъ и отдаль городъ и церкви на разграбленіе, а жителей въ полонъ своимъ союзникамъ [1]). Конечно, послѣ этихъ ударовъ, должно было оскудѣть богатство Кіева и быстро понизилось его политическое значеніе.

Въ этомъ состояніи политическаго безсилія кіевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столѣтія Она не только потеряла значеніе первенствующаго, старшаго княженія, но, среди раздробившихся русскихъ областей, занимала мѣсто второстепенное, незамѣтное. Но въ XIV сто-

---

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 372—373; Лаврентьевская лѣтопись стр. 397—398.

лѣтіи въ судьбѣ Руси случился новый исторический поворотъ, начертавшій и для Кіева новую политическую роль на новомъ поприщѣ. Въ это время разъединенныя, ослабѣвшія русскія земли начинаютъ вновь объединяться въ болѣе крупные и прочно связанные политическіе организмы. Стремленіе это происходитъ одновременно на двухъ закраинахъ русскаго міра: между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политикѣ владимірскихъ и московскихъ великихъ князей, возникаетъ новое, сильное русское государство, юго-западныя русскія земли находятъ точку опоры въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1362 году, вслѣдствіе побѣды, одержанной Ольгердомъ Гедиминовичемъ надъ тремя татарскими темниками, Кіевъ вмѣстѣ съ подольскою землею переходитъ, безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія, подъ власть великихъ князей литовскихъ, успѣвшихъ уже до того времени объединить подъ своею державою княжества: полоцкое, туровское, брянское, черниговско-сѣверское и волынское, и вскорѣ послѣ занятія Кіева овладѣвшихъ Смоленскомъ. Такимъ образомъ многочисленныя русскія земли оказались вновь соединенными въ предѣлахъ быстро развившагося русско-литовскаго государства. Государство это состояло изъ двухъ элементовъ, разнородныхъ въ этнографеческомъ, религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Инородческое племя, положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось, послѣ объединенія западно русскихъ земель этою династіею, слабѣйшимъ и въ количественномъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе 1/10 доли всей территоріи великаго княжества литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностью, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческою государственною традиціею. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ литовскаго государства, русскія земли, составлявшія болѣе 9/10 всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнью и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно—литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацію и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно въ XIV столѣтіи, подъ руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества литовскаго слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни. Литовскіе князья не только не стѣсняютъ этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ,

понятія, традиціи и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра Святаго; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и оффиціальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ; еще при Гедиминѣ въ новооснованной имъ столицѣ—Вильнѣ возникаютъ православныя церкви. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство и онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при почннѣ литовской народности, пріобщала послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры. Къ несчастію, этотъ естественный ходъ развитія слагавшагося западно-русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе внѣшней политической комбинаціи. Сынъ и наслѣдникъ Ольгерда, великій князь Ягайло, вступивъ въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, Ядвигою, сталъ королемъ польскимъ. Новое государство отвлекло его вниманіе отъ Литвы и вскорѣ этотъ слабохарактерный потомокъ Гедимина подчинился всецѣло вліянію окружившей его новой среды. Находясь подъ ея давленіемъ, онъ видоизмѣнилъ свои отношенія къ литовскимъ своимъ подданнымъ и намѣтилъ по отношенію къ нимъ то направленіе внутренней политики котораго впослѣдствіи держались всѣ его потомки. Направленіе это состояло въ стремленіи передѣлать государственный строй и убѣжденія жителей великаго княжества литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считаетъ своею задачею водвореніе въ Литвѣ католичества, польскаго общественнаго порядка, основаннаго на сословной дворянской исключительности, польскихъ юридическихъ установленій, и, наконецъ, пріобщенія къ польской народности жителей великаго княжества литовскаго. Конечно задача эта была невозможна и неисполнима, но подъ вліяніемъ грубаго фанатизма Ягайло рѣшился связать съ ея выполненіемъ призваніе своей династіи; всѣ усилія его потомковъ не могли конечно сдѣлать невозможнаго—измѣнить національныя черты многочисленной и культурной народной группы, но они затормозили ея естественное развитіе, извратили нормальный ростъ и заставили истратить на самозащиту во внутренней борьбѣ всѣ лучшія силы народнаго духа. Первыя усилія Ягайло обратилъ на области, населенныя литовскимъ племенемъ и составлявшія его вотчинное непосредственное владѣніе; не ожидая постепеннаго перехода ихъ въ христіанство при мирномъ вліяніи православія, онъ поспѣшилъ крестить литовскихъ язычниковъ по обряду римскому и назначилъ католическую іерархію въ литовскія епархіи; затѣмъ привилегіями 1401 и 1413 годовъ онъ объявилъ, что земли эти онъ присоединяетъ навсегда къ польской коронѣ и дворянамъ литовскихъ областей жалуетъ права дворянъ польскихъ подъ условіемъ, что пожалованіе его будетъ относиться лишь къ лицамъ, принявшимъ католичество.

въ пользу дворянъ католиковъ онъ отказывался отъ своего верховнаго права на находившуюся въ ихъ пользованіи поземельную собственность и снималъ съ нихъ всѣ феодальныя обязательства, вытекавшія изъ литовскаго строя, оговариваясь формально, что льготы эти не будутъ относиться къ послѣдователямъ восточнаго обряда [1]). Затѣмъ, переходя къ русскимъ областямъ великаго княжества литовскаго, онъ потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ и коронѣ польской послѣ кончины великаго князя Витовта, котораго онъ вынужденъ былъ признать правителемъ Литвы, и сталъ дѣлить русскія области на католическія епархіи и назначать въ нихъ католическихъ епископовъ, въ надеждѣ, что жители, привлекаемые льготами и сословнымъ интересомъ, вскорѣ обратятся къ римской церкви.

Руси литовской такимъ образомъ стала угрожать опасность со стороны собственнаго правительства, попавшаго теперь подъ вліяніе чуждаго народнаго начала и рѣшившагося проводить свои воззрѣнія безъ всякаго вниманія на національныя, историческія и бытовыя особенности народонаселенія. Русскія области, сознавая наступавшую опасность, стараются отстоять свои національныя начала, отклоняя по возможности стремленія правительства къ объединенію ихъ съ Польшею и отстаивая свои бытовыя особенности. Во главѣ русской реакціи становятся обрусѣвшіе князья Гедиминова рода и, опираясь на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность литовско-русскаго государства и отклоняютъ введеніе польскаго общественнаго строя. Между тѣмъ какъ усилія Ягайла и его наслѣдниковъ опираются на Вильно, весьма рано сдѣлавшееся средоточіемъ административно-полонизаторской дѣятельности правительства, русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ и находитъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія кіевской области прочную поддержку своимъ стремленіямъ. Представители русской партіи особенно дорожать кіевскимъ удѣломъ, и кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности. Значеніе это въ борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ она занимаетъ въ исходѣ XIV столѣтія и удерживаетъ за собою до окончательнаго рѣшенія въ южной Руси спорнаго вопроса въ пользу русской народности въ половинѣ XVII ст. Главная задача борьбы остается постоянно неизмѣнною, но мѣняются ея средства и составъ общественныхъ элементовъ, выступавшихъ на защиту своей народности, сообразно съ понятіями и условіями времени. Борьбу начинаютъ обрусѣвшіе князья литовско русскаго происхожденія, продолжаютъ ее представители церкви и завершаютъ народныя массы, сгруппировавшіяся подъ знаменемъ козачества. Во всѣхъ трехъ фазисахъ борьбы Кіевъ и его область составляютъ надежную точку опоры для поборниковъ русскаго народнаго начала.

Мы попытаемся, насколько позволяютъ скудные источники, сгруппировать факты, относящіеся къ первому періоду этого народнаго призванія на

---

[1]) Volumina legum I, стр. 27, 29.

шего города, такъ какъ два другіе момента борьбы гораздо болѣе изслѣдованы и для уясненія ихъ существуетъ значительное количество цѣльныхъ и давно приведенныхъ въ извѣстность источниковъ.

Первымъ кіевскимъ удѣльнымъ княземъ послѣ присоединенія его къ великому княжеству литовскому былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Владиміръ. Князь этотъ былъ родоначальникомъ извѣстнаго своею преданностью русской народности и православію рода Олельковичей. О тридцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ самаго Владиміра до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, что впрочемъ естественно, такъ какъ болѣе продолжительная, первая половина его княженія относится къ тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великихъ князей литовскихъ. Владиміръ Ольгердовичъ не принималъ участія въ распряхъ, волновавшихъ Гедиминовичей въ другихъ областяхъ великаго княжества, и очевидно преданъ былъ исключительно интересамъ своей земли. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что онъ заботился весьма ревностно о судьбѣ православной церкви; кромѣ дарственныхъ и подтвердительныхъ грамотъ въ пользу разныхъ церквей, находившихся въ предѣлахъ кіевской области, онъ извѣстенъ вмѣшательствомъ въ дѣло объ устройствѣ русской митрополіи. Желая возстановить митрополичью кафедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ митрополита Кипріяна, не признаннаго Дмитріемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, и такимъ образомъ первый споспѣшествовалъ реальному возстановленію кіевской митрополіи; во время смутнаго періода, случившагося послѣ смерти московскаго митрополита Алексія, когда за русскую митрополію спорило нѣсколько лицъ, рукоположенныхъ патріархомъ, кіевскій князь постоянно признавалъ митрополичій санъ за Кипріяномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и устранилъ одного изъ претендентовъ—Діонисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался [1]).

Послѣ возведенія на польскій престолъ Ягайла, послѣдній, желая примѣнить къ Руси задуманные имъ планы, обращаетъ особенное вниманіе на Кіевъ и старается заручиться согласіемъ брата, княжившаго здѣсь; въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389) онъ три раза присылалъ кіевскому князю для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности „regi, reginae et regno Poloniae“ [2]). Но очевидно подписи этихъ грамотъ мало обезпечивали вѣрность кіевской земли, потому, что уже три года спустя правитель Литвы—Витовтъ пошелъ войною на кіевскаго князя, выставляя какъ причину похода то обстоятельство, что Владиміръ, „бывши въ Кіевѣ, не всхоте покоры учинити и челомъ ударити“. Въ 1392 году Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды: Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный копыльскій удѣлъ, передавъ кіев-

[1]) Никоновская лѣтопись IV, стр. 48, 139—140, 147—148
[2]) Stadnicki—Bracia Władysława Jagiełły, стр. 115.

ское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу [1]). Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы; онъ отправился искать помощи въ другомъ центрѣ русскаго міра—у Василія Дмитріевича московскаго. Но современныя политическія отношенія не позволяли послѣднему принять подъ свою защиту кіевскаго князя и Владиміръ долженъ былъ смириться; онъ дожилъ вѣкъ въ Копылѣ и только останки его возвратились въ городъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ при жизни,—онъ былъ похороненъ въ кіево-печерской лаврѣ [2]). Впрочемъ эта первая попытка искать поддержки для кіевской Руси въ Руси московской глубоко запала въ память Ягайла и его потомковъ и сдѣлала въ глазахъ ихъ подозрительнымъ родъ Владиміра Ольгердовича: шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда его внуки Симеонъ и Михаилъ Олельковичи обратились къ великому князю Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними кіевской земли на правахъ вотчины, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ. Онъ заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ“ [3]).

Преемникомъ Владиміра Ольгердовича на кіевскомъ столѣ былъ родной братъ Ягайла—Скиргайло Ольгердовичъ, въ крещеніи по православному обряду носившій имя Іоанна. Князь этотъ связанъ былъ съ Ягайломъ тѣснѣйшею личною дружбою и оказалъ ему много услугъ на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ; владѣя обширнымъ удѣломъ въ Кривичской землѣ: Полоцкомъ, Минскомъ и т. д., Скиргайло былъ по убѣжденіямъ, привычкамъ и симпатіямъ всецѣло преданъ русскому народонаселенію, которое и признавало его своимъ представителемъ. О преданности ему русскихъ жителей великаго княжества свидѣтельствуютъ всѣ источники: Длугошъ говоритъ, что „русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу“, Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ „болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели объ распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ“. Польскіе и нѣмецкіе источники упоминаютъ имя его съ эпитетомъ „Schismaticus“, между тѣмъ какъ русская лѣтопись называетъ его „чюдный, добрый князь Скиргайло“ [4]).

Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло, предвидя сопротивленіе своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ и разсчитывая какъ на личную преданность себѣ Скиргайла, такъ и на популярность его на Руси, рѣшился употребить его орудіемъ своей политики и въ 1388 году, не безъ долгаго колебанія, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ

---

[1]) Лѣтопись Быховца, стр. 34.

[2]) Максимовичъ—Собраніе сочиненій II, стр. 227.

[3]) Лѣтопись Быховца, стр. 61.

[4]) Длугошъ—Книга X, годъ 1388—; Stryjkowski (изд. 1846), II, 83 98. Narbut. Dzeje narodu Litewskiego V, прилож. 5.

Событія не позволяютъ намъ судить, насколько Скиргайло оправдалъ-бы разсчетъ короля; во всякомъ случаѣ, въ теченіи четырехлѣтняго управленія его литовскимъ княжествомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ русской народности и популярность его на Руси нисколько не уменьшается. Вскорѣ впрочемъ свой постъ намѣстника Скиргайло долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику. Двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское. Витовтъ имѣлъ въ виду совершенно самостоятельный образъ дѣйствія, не согласный ни съ видами короля Ягайла, ни съ направленіемъ, представителей русской партіи. Если съ одной стороны онъ стремился къ обособленію великаго княжества литовскаго отъ Польши и снисканію ему полной политической самостоятельности, то съ другой онъ считалъ необходимымъ прекращеніе раздробленія государства на удѣлы и замѣну ихъ управленіемъ старостъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ великимъ княземъ и зависимыхъ отъ него непосредственно. Послѣднее направленіе нарушало сложившіяся на Руси привычки и тѣ стремленія отдѣльныхъ русскихъ земель въ областной автономіи, которыя находили для себя удовлетвореніе въ удѣльной обособленности. Послѣ долгихъ усилій Витовтъ, опираясь на сочувствіе коренныхъ литовскихъ земель, на помощь ордена крестоносцевъ, для которыхъ выгодно было разъединеніе Литвы и Польши, и болѣе всего на личныя выдающіяся дарованія, успѣлъ одолѣть Скиргайла, дѣйствія котораго были въ значительной степени парализированы подозрительностью короля, изъявшаго изъ-подъ его управленія многія области и города и отдавшаго ихъ въ управленіе польскимъ воеводамъ. Но Витовтъ сознавалъ, что онъ можетъ утвердиться на великомъ княженіи литовскомъ лишь въ томъ случаѣ, если уступками успѣетъ снискать симпатію или по меньшей мѣрѣ нейтралитетъ русской части населенія; потому, побѣдивъ Скиргайла, онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по условіямъ котораго, въ вознагражденіе за уступку великаго княженія, онъ передалъ ему въ удѣлъ кіевскую область, въ обладаніи которою русская партія видала достаточную гарантію для своихъ интересовъ. Дѣйствительно около Скиргайла въ Кіевѣ стала сосредоточиваться вся западная Русь; области и города присылали ему грамоты съ изъявленіемъ преданности и вѣрности. Кіевъ сдѣлался центромъ Руси, съ которымъ великій князь литовскій долженъ былъ считаться и принимать во вниманіе его интересы при установленіи общаго направленія своей политики. Впрочемъ княженіе Скиргайла въ Кіевѣ продолжалось не долго; въ 1396 г. онъ послѣ пира у митрополичьяго намѣстника отправился на охоту за Днѣпръ, заболѣлъ, вѣроятно отъ простуды, и скончался па канунѣ Рождества Христова. Молва приписывала его смерть отравѣ. Съ болъшимъ торжествомъ и горемъ похоронили его кіевляне въ кіево-печерской лаврѣ, у гроба преподобнаго Ѳеодосія [1]).

---

[1]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ стр. 47.

Послѣ смерти Скиргайла Витовтъ не дозволилъ никому изъ русско-литовскихъ князей утвердиться въ кіевскомъ удѣлѣ и рѣшился управлять имъ непосредственно черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кіевскимъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Витовта, Іоаннъ Альгимунтовичъ князь Гольшанскій [1]. Объ управленіи первыхъ кіевскихъ воеводъ и объ отношеніяхъ, въ какихъ они стали къ мѣстному населенію, не сохранилось извѣстій. Очевидно, что подъ зоркимъ надзоромъ Витовта и его намѣстниковъ, кіевская область теряетъ на время значеніе средоточія русской партіи и, замѣстившій Скиргайла, представитель этой партіи, младшій изъ Ольгердовичей, Свидригайло, долженъ былъ передвинуть ея центръ въ другія русскія области, которыми онъ владѣлъ поочередно. Сопротивленіе Руси Витовту, во главѣ котораго стоялъ Свидригайло, попеременно опирается на земли Сѣверскую, Волынскую и наконецъ сосредоточивается въ вотчинныхъ удѣлахъ Свидригайла: Витебскѣ и Полоцкѣ. Историческіе источники молчатъ о Кіевѣ до самой кончины Витовта, случившейся въ 1430 году, послѣ которой, вмѣстѣ съ преобладаніемъ русской партіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ, возвращается и политическая роль старѣйшаго изъ русскихъ городовъ.

Послѣдніе годы Витовтъ провелъ въ упорной борьбѣ и съ престарѣлымъ польскимъ королемъ Ягайломъ за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго независимаго королевства, и съ представителемъ русскаго начала, Свидригайломъ, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ государствѣ русскому удѣльному строю. Лишь только скончался Витовтъ, Ягайло передалъ должность намѣстника въ великомъ княжествѣ литовскомъ Свидригайлу, разсчитывая, что постоянный антагонистъ Витовта не пойдетъ по пути своего предшественника и будетъ служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Ягайла для утвержденія въ Литвѣ его политическихъ стремленій. Одновременно съ назначеніемъ Свидригайла поляки заняли землю подольскую и потребовали уступки Волыни; но оказалось, что, ведя многолѣтній споръ съ Витовтомъ, Свидригайло не имѣлъ въ виду потери самостоятельности своего отечества и уступокъ въ пользу Польши. Онъ еще рѣзче, чѣмъ его предшественникъ, сталъ стремиться къ разрыву съ Польшею: посылалъ посольства и вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами отъ имени великаго княжества литовскаго, заключалъ договоры отъ своего имени, исключая отъ участія въ нихъ Ягайла, и рѣшительно воспротивился уступкѣ областей требуемыхъ поляками. Когда пришло въ Вильно извѣстіе, о томъ, что поляки измѣною овладѣли Каменцемъ и заняли Подольскую землю, Свидригайло пришелъ въ неописанную ярость, арестовалъ короля Ягайла, находившагося тогда въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ его совѣтниками, и отпустилъ ихъ только тогда, когда сдѣланы были распоряженія о возвратѣ Подоліи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отпра-

---

[1] Тамже 47—48; Густинская лѣтопись 352.

вился на Волынь защищать ее отъ посягательствъ поляковъ и, послѣ продолжительной кампаніи, заставилъ короля снять осаду Луцка и отступить въ Польшу. Въ походѣ этомъ приняли участіе многіе князья, сановники и контингенты русскихъ земель. Въ числѣ нихъ мы встрѣчаемъ и кіевскаго воеводу Юршу, который затворился въ луцкомъ замкѣ и стойкостью защиты болѣе всего повліялъ на удачный исходъ кампаніи [1]).

Поведеніе Свидригайла конечно раздражило въ высокой степени польскихъ совѣтниковъ Ягайла; не будучи въ состояніи смѣнить его при томъ сочувствіи, какимъ пользовался литовскій князь въ западной Руси, они постарались отдѣлаться отъ него путемъ заговора. Въ 1432 году отправлено было въ Литву посольство для заключенія договора съ Свидригайломъ, но, въ сущности, оно имѣло другія, тайныя инструкціи. Польскіе послы вступили въ переговоры съ дворянами литовскими, принявшими католичество и получившими за то многія льготы отъ короля польскаго. Во главѣ организованнаго ими заговора стали: родственникъ жены короля, князь Семенъ Гольшанскій и братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, внушавшій довѣріе полякамъ какъ ревностный католикъ. Заговорщики напали неожиданно въ городѣ Ошмянѣ на Свидригайла, полонили его семью и дворъ и провозгласили отъ имени Ягайла великимъ княземъ Сигизмунда Кейстутовича. Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ великое княжество литовское распадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла. Оба великіе князья вступаютъ въ упорную борьбу; но Свидригайло, располагавшій безъ сравненія большими силами, лишенъ былъ и политическаго такта и военныхъ способностей, въ слѣдствіе этого онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира былъ разбитъ на голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ; русскія области и города: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались побѣдителю и литовско-польская католическая партія, казалось, окончательно восторжествовала. Въ эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партіи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волынью остался вѣрнымъ до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успѣшно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго [2]). Это неопредѣленное положеніе прекратилось въ 1440 году смертью Сигизмунда Кейстутовича, погибшаго вслѣдствіе заговора, составленнаго волынскими

---

[1]) Хроника Мартына Бѣльскаго (изд. 1597), стр. 338. Stryjkowski II, стр. 182.

[2]) Stadnicki—Bracia Władysława Jagiełły, стр. 360—362;

князьями Чарторыйскими, кіевляниномъ Скобейкомъ и нѣкоторыми изъ литовскихъ вельможъ. Послѣ смерти Сигизмунда призванъ былъ на великокняжескій престолъ малолѣтній Казимиръ Ягайловичъ. Управлявшій отъ имени послѣдняго, виленскій воевода Янъ Гаштолдъ счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской партіи въ великомъ княжествѣ. Среди уступокъ этихъ на первомъ планѣ положено было возстановить кіевскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполнѣ преданнаго русской народности. Въ 1440 году кіевское княженіе получилъ въ удѣлъ Олелько (Александръ), сынъ смѣщеннаго нѣкогда Витовтомъ Владяміра Ольгердовича. Князь этотъ, остававшійся понынѣ на незначительномъ копыльскомъ удѣлѣ, былъ тѣмъ не менѣе самымъ виднымъ представителемъ русской партіи какъ по происхожденію, такъ и по личному вліянію. Женатъ онъ былъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича и, происходя изъ одной изъ старшихъ линій Ольгердовичей, могъ оспаривать по династическимъ счетамъ права на великокняжескій столъ у потомковъ Ягайла. Дѣйствительно, послѣ смерти Витовта многіе русскіе князья предлагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Этотъ несостоявшійся выборъ навлекъ на Олелька Владиміровича сильное гоненіе: послѣ вилькомирской битвы Сигизмундъ Кейстутовичъ, зорко слѣдившій за всѣми русскими князьями, приказалъ схватить его и заточилъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и двумя сыновьями, гдѣ онъ и томился въ заключеніи въ теченіи пяти лѣтъ, до смерти Сигизмунда; освободившись изъ плѣна, онъ вслѣдъ за тѣмъ получилъ свой вотчинный кіевскій удѣлъ [1]). По свидѣтельству современниковъ, князь этотъ отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во время княженія въ Кіевѣ онъ оказалъ огромную услугу русской церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи. Въ 1441 году, митрополитъ Исидоръ, возвращаясь изъ флорентскаго собора, заѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью провозгласить здѣсь унію; но кіевляне, увидѣвъ его „въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его“ [2]). Какъ извѣстно, такая-же участь постигла Исидора и въ Москвѣ, и Казимиръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ князя Олелька, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими епархіями, находившимися въ предѣлахъ великаго княжества литовскаго. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ единственной грамоты его, дошедшей до насъ; въ ней онъ обезпечиваетъ неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій [3]).

---

[1]) Акты Зап. Рос. т. I, стр. 41; Stryjkowski II, стр. 177; Лѣтопись Быховца, стр. 56.

[2]) Густинская лѣтопись, стр. 355.

[3]) Stadnicki Bracia Władysława Jagiełły, стр. 140.

Въ 1455 г. скончался Олелько Владимiровичъ, „князь и наслѣдственный панъ кiевской земли", прнявши предъ смертью монашество, какъ гласила надгробная надпись на памятникѣ, воздвигнутомъ надъ его гробомъ въ кiево-печерской лаврѣ [1]). Но этой именно наслѣдственности въ кiевской области за родомъ Олелька не желали признать потомки Ягайла. Когда два сына Олелька: Симеонъ и Михаилъ, обратились къ великому князю съ заявленiемъ желанiя раздѣлить между собою кiевскую вотчину, то Казимиръ Ягайловичъ воспротивился этому; онъ не призналъ Кiева вотчиною Олельковичей и далъ его лишь въ пожизненный ленъ старшему изъ братьевъ, Симеону, предоставляя Михаилу на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ.

Симеонъ Олельковичъ отличался, подобно предкамъ своимъ, преданностью православiю и русской народности; притомъ, обладая военными дарованiями и храбростью, онъ оказалъ важныя услуги кiевскому княжеству, отражая съ большимъ успѣхомъ нападенiя крымской орды, наносившей въ XV столѣтiи самые тяжелые удары кiевской области и разорившей въ нѣсколько прiемовъ стольный ея городъ. Во внутреннихъ отношенiяхъ великаго княжества литовскаго Симеонъ Олельковичъ занимаетъ то положенiе, которое возлагали на него и семейныя его традицiи, и занимаемый имъ постъ кiевскаго удѣльнаго князя,—онъ является постояннымъ поборникомъ и представителемъ русскихъ народныхъ интересовъ. Современникъ его, великiй князь Казимиръ Ягайловичъ, отличался совершенною безхарактерностью: вступивъ на польскiй престолъ, онъ находился постоянно подъ влiянiемъ двухъ противуположныхъ теченiй и поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало: въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранитъ неприкосновенно территорiю великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ унiи съ Польшею; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противуположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратить Подолiе, захваченное поляками; полякамъ клялся присоединить къ коронѣ Волынь и Подляхiю. Конечно, ни того ни другого обѣщанiя онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя претензiи, пререканiя и раздраженiе обѣихъ сторонъ, усиливалъ напряженное состоянiе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружiю для возстановленiя своихъ правъ. Такъ какъ Казимиръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положенiе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное; русскiе князья и вельможи опасались постоянно, чтобы ихъ великiй князь не сдѣлалъ подъ влiянiемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности русскихъ областей. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенiя, они рѣшились настоять на томъ, чтобы Казимиръ или безотлучно жилъ

---

[1]) Лѣтоп. Быховца, стр. 61; Stryjkowski, II, стр. 248. Максимовичъ— Собранiе сочиненiй, II, стр. 229.

въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казимиру посольства изъ Литвы (1456—1461 г). и оба раза, заявляя указанное требованіе, предлагаютъ въ качествѣ намѣстника кіевскаго князя Симеона Олельковича; оба раза Казимиръ отклонилъ предложеніе [1]), но значеніе Олельковича смутило его; онъ постановилъ принять мѣры для того, чтобы унизить этотъ родъ, стоявшій уже въ лицѣ трехъ поколѣній во главѣ русскаго движенія, и съ этою цѣлью рѣшился отнять у него главную его опору—кіевское княженіе, для чего выжидалъ лишь удобнаго случая.

Между тѣмъ Симеонъ Олельковичъ, охраняя свою область отъ татаръ, заботился не менѣе о народной святынѣ, какъ и о безопасности страны. Еще съ 1416 года кіево-печерская лавра лежала въ развалинахъ: въ этомъ году Эдигей съ крымскими татарами взялъ и разрушилъ Кіевъ; въ числѣ другихъ зданій, татары пожгли и печерскій монастырь и ограбили и разорили въ немъ Успенскую церковь; храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе. Симеонъ Олельковичъ, сознавая значеніе этой древнѣйшей кіевской святыни для всего русскаго міра, озаботился ея возстановленіемъ; онъ обновилъ Успенскую церковь „едва не отъ основанія воздвигни“, „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ, и сребромъ, и сосуды церковными“. Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя кіевской области. Въ 1370 году, кончена была постройка Успенской церкви, а въ 1371 г. подъ сводами ея почилъ „умершій по христіански Симеонъ Александровичъ Олельковичъ, наслѣдственный панъ земли кіевской“, какъ значилось на надгробной надписи, вырѣзанной на его гробницѣ [2]).

Смертію Симеона воспользовался Казимиръ Ягайловичъ для того, чтобы устранить Олельковичей изъ Кіева: онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василію, но рѣшилъ, что впредь Кіевъ будетъ состоять подъ управленіемъ воеводъ, назначаемыхъ великимъ княземъ; въ качествѣ перваго воеводы и посланъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштолдъ, сынъ бывшаго опекуна Казимира. Извѣстіе о новомъ распорядкѣ ихъ земли привело кіевлянъ въ крайнее смущеніе; они не впустили въ городъ новаго воеводу, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ“. Затѣмъ кіевляне отправили посольство къ королю, прося назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всѣ умереть, или искать другого государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король, находившійся тогда въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ пановъ литовской католической партіи, остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштольдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ

---

[1]) Длугошъ (изданіе Лейпцигское 1712 г.) Lib. XIII, стр. 191 и 265.

[2]) Густинская лѣтопись, стр. 358. Максимовичъ. Собр. сочин. II, стр. 220. Кіевскій Синопсисъ (изд. 1823), стр. 139—140.

былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Кіевляне, „принуждены бывша" оружіемъ королевскаго войска, должны были подчиниться присланному воеводѣ [1].

Впрочемъ удаленіемъ Олельковичей изъ Кіева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партія, ни устранено значеніе Кіева, какъ главной поддержки этой партіи. Еще два раза городъ этотъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ послѣднихъ попытокъ русскихъ князей къ возстановленію нравъ народнаго начала, все болѣе и болѣе отстраняемаго польско-литовскимъ правительствомъ.

Первая попытка относится къ 1482 году и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея является князь Михаилъ Олельковичъ. Во время смерти брата Симеона, князь этотъ находился въ великомъ Новгородѣ, въ качествѣ намѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партіею Борецкихъ, для противудѣйствія политикѣ Іоанна III. Узнавъ о смерти брата, онъ поспѣшилъ разстаться съ Новгородомъ и отправился въ Кіевъ; но прибылъ сюда слишкомъ поздно: Гаштольдъ владѣлъ уже кіевскимъ замкомъ и управлялъ областью. Скрѣпя сердце, князь Михаилъ направился въ свой копыльскій удѣлъ, но сознаніе обиды, нанесенной его роду, глубоко запало въ его сердце; между тѣмъ все теченіе дѣлъ въ великомъ княжествѣ возбуждало общее недовольство русскихъ князей, результатомъ котораго былъ обширный заговоръ, составленный въ ихъ средѣ. Руководителями заговора источники называютъ двухъ внуковъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго, князей: Ѳедора Ивановича Бѣльскаго и Михаила Олельковича копыльскаго, а также родственника королевскаго по матери, одного изъ князей Гольшанскихъ. Цѣль заговора не вполнѣ согласно обозначена въ источникахъ: русская лѣтопись утверждаетъ, что князья имѣли намѣреніе отторгнуть отъ Литвы значительную часть русскихъ земель, прилегавшихъ къ восточной границѣ великаго княжества, и подчинить ихъ великому князю московскому; другіе источники приписываютъ заговорщикамъ намѣреніе посягнуть на жизнь Казимира; третіе предполагаютъ, что по видимому составляетъ самую правдоподобную догадку, что князья имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ велико-княжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича. Въ 1481 году заговоръ предположено было привести въ исполненіе: князь Ѳедоръ Бѣльскій, празднуя свою свадьбу, пригласилъ на празднество Казимира; здѣсь, во время пира, заговорщики должны были овладѣть его особою. Случайно, за нѣсколько дней до осуществленія, заговоръ былъ открытъ, слуги Бѣльскаго арестованы и подъ пыткою дали показанія, компромитировавшія князей. Узнавъ объ арестѣ своихъ слугъ, князь Федоръ Бѣльскій вскочилъ ночью съ постели, и, полуодѣтый бросился на коня и ускакалъ за московскій рубежъ.

---

[1]) Густинская лѣтоп., стр. 358. Stryjkowski II, 272.—Длугошъ. Lib XIII, стр. 462.

Менѣе счастливы были другіе заговорщики: князья Гольшанскій и Михаилъ Олельковичъ были арестованы и заключены въ темницу въ кіевскомъ замкѣ; надъ ними произведенъ судъ, вѣроятно въ глубокой тайнѣ, потому что ни одного документа, относящагося къ процессу, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, которая и приведена была въ исполненіе. Въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, 30 августа 1482 года, кіевляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода, котораго нѣкогда они призывали, какъ своего отчича, на княжескій столъ своей земли [1]).

Послѣдняя попытка реакціи русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія вспыхнула въ 1508 году подъ руководствомъ князя Михаила Львовича Глинскаго. Этотъ князь происходилъ изъ знатнаго татарскаго рода, переселившагося въ Русь и принявшаго крещеніе еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Имѣнія, пожалованныя князьямъ Глинскимъ и выслуженныя ими въ теченіи цѣлаго столѣтія у господарей литовскихъ, были весьма обширны и богаты; большая часть ихъ расположена была въ княжествѣ кіевскомъ и въ земляхъ, тянувшихъ въ кіевссой области, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сверхъ того многія волости Глинскихъ лежали въ бассейнѣ Припяти и далѣе за Припятью въ Бѣлой и Черной Руси. Въ XV столѣтіи родъ Глинскихъ распадался уже на нѣсколько вѣтвей и многіе его представители занимали важныя областныя должности намѣстниковъ или старостъ, по большей части въ земляхъ кіевской и сѣверской. Такъ документы того времени упоминаютъ князей Глинскихъ: Богдана Федоровича, намѣстника путивльскаго, Ивана Борисовича, намѣстника черниговскаго, Григорія Борисовича, намѣстника овручскаго, Михаила Ивановича и его 5 братьевъ, господарскихъ дворянъ въ волковыскомъ повѣтѣ и т. д. [2]). Но, среди всѣхъ вѣтвей княжескаго рода Глинскихъ, знатностью и богатствомъ наиболѣе отличались три брата Львовичи: Василій, Иванъ и Михайло; послѣднему и суждено было занять видную роль въ исторіи своей родины. По способностямъ и образованію, князь Михаилъ превосходилъ далеко современное ему общество: всю молодость онъ провелъ за границею, вначалѣ занимаясь науками, потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей. Поочередно онъ перебывалъ въ Саксоніи, при дворѣ германскаго императора Максимиліана, въ Испаніи и Италіи. За границею онъ пріобрѣлъ репутацію даровитаго военнаго человѣка, участвуя въ кампаніяхъ: итальянской, на службѣ у императора, и фрисландской, на

---

[1]) Лѣтопись Софійская 2-я Полн. собр. рус. лѣт. VI, стр. 233. Супрасльская лѣтоп. стр. 138.—Stadnicki—Bracia Władysława Jagiełły стр. 193—195. У него-же цитата изъ Вандаліи Кранца—стр. 194. Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 163. Daniłowicz Skarbiec II, стр. 326 и 328.—

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос. т. I, стр. 151, 153, 163, 164, 178, 364.

службѣ у саксонскаго курфирста Альбрехта. На родину князь Михаилъ возвратился уже человѣкомъ не молодымъ и сразу занялъ видное положеніе въ средѣ литовско-русскихъ вельможъ; по родственнымъ связямъ, симпатіямъ, вѣрѣ и происхожденію онъ примкнулъ къ русской княжеской группѣ и на услугу русскому дѣлу рѣшился посвятить свои дарованія и вліяніе. Первый разъ мы его встрѣчаемъ во главѣ многочисленной группы русскихъ князей: Олельковичей, Гольшанскихъ, Мстиславскихъ и т. д. Послѣ смерти Казимира Ягайловича, при выборѣ его преемника, русскіе князья, желая предъупредить сліяніе вновь въ одномъ лицѣ управленія польскою короною и великимъ княжествомъ литовскимъ и зная, что въ Польшѣ будетъ избранъ Іоаннъ Альбрехтъ Казимировичъ, поспѣшили возвести на великокняжескій столъ его младшаго брата, Александра [1]), и такимъ образомъ добились обособленія Литвы отъ Польши. Этотъ искусный политическій шагъ, равно какъ и способности и образованіе Глинскаго сразу сблизили его съ новоизбраннымъ великимъ княземъ. Александръ пожаловалъ князя Михаила въ званіе дворнаго маршала и сталъ постоянно пользоваться во всѣхъ дѣлахъ его совѣтомъ и слѣдовать его взглядамъ. Вліяніе свое Глинскій направилъ къ укрѣпленію русской партіи и членамъ ея сталъ доставлять значеніе, должности, помѣстья и вліяніе. Литовская католическая партія, привыкшая при Казимирѣ искать опоры и находить ее въ Польшѣ, смотрѣла съ неудовольствіемъ на то, какъ русскіе мало по малу оттискали ее изъ литовской ряды, овладѣвали должностями и землями въ великомъ княжествѣ; сторонники ея пытались протестовать противъ новаго теченія, требуя несмѣняемости административныхъ чиновниковъ, но протестъ ихъ оказался безплоднымъ; тогда они обратили все свое раздраженіе на Глинскаго и стали его заподозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Они упрекали его то въ желаніи постепенно захватить власть въ великомъ княжествѣ и потомъ, усилившись, присвоить себѣ великокняжескій столъ, то указывали на его связи въ кіевской землѣ, на преданность ему жителей этой области и утверждали, что онъ стремится къ возстановленію въ свою пользу самостоятельнаго кіевскаго княжества, независимаго отъ Литвы, то наконецъ подозрѣвали, что Глинскій имѣетъ намѣреніе передать всю литовскую Русь во власть великаго князя московскаго. Но, пока живъ былъ Александръ, ропотъ противъ Глинскаго раздавался лишь сдержанно или, въ случаѣ болѣе рѣзкихъ обвиненій, подвергалъ обвинителей немилости великаго князя. Такъ, когда въ 1506 году, послѣ смерти кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, должность эта, передана была, по совѣту Михаила Глинскаго, его брату князю Ивану Львовичу, то самый упорный изъ противниковъ Михаила, троцкій воевода Янъ Заберезинскій, обвинилъ его въ явной подготовкѣ къ обособленію русскихъ земель. Основать впрочемъ своего пред-

---

[1]) Кроника Мартына Бѣльскаго 497. Stryjkowski II, стр. 293. Moraczewski Dzieje rzeczypospolitej Polskiej IV, стр. 3—4.

положенія на точныхъ доказательствахъ обвинитель не могъ и самъ былъ лишенъ троцкаго воеводства, которое передано было одному изъ друзей Глинскаго [1]). Но въ 1507 году обстоятельства внезапно и круто измѣнились; великій князь Александръ тяжело заболѣлъ и Глинскій, возвратившись изъ похода, въ которомъ одержалъ блистательную побѣду надъ татарами, засталъ его при смерти. Немедленно послѣ кончины Александра на престолъ литовскій вступилъ его младшій братъ Сигизмундъ, воспитаный и проведшій всю молодость въ Польшѣ; онъ конечно сблизился съ партіею враждебною Глинскому и сталъ дѣйствовать въ направленіи противуположномъ своему предшественнику: русскіе люди должны были уступить мѣста и вліяніе литовцамъ-католикамъ, и, въ случаѣ ихъ жалобъ, имъ отвѣчали подозрѣніями въ измѣнѣ и въ неблагонадежности. Такъ съ 1507 году князь Иванъ Глинскій былъ лишенъ безъ вины кіевскаго воеводства въ пользу литвина Юрія Монтовтовича и на жалобу князя Михаила Заберезинскій отвѣтилъ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ. Глинскій потребовалъ суда, но никакими средствами не могъ его добиться у великаго князя, знавшаго, что Заберезинскій не имѣетъ доказательствъ въ подтвержденіе своего обвиненія. Тогда только Глинскій созналъ, что путемъ законнымъ русскіе не успѣютъ добиться не только причитающейся имъ доли вліянія въ великомъ княжествѣ, но и обыкновенной справедливости суда, и рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія области. Весною 1508 года онъ поднялся съ братьями и небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ въ окрестности Гродна, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы; въ тоже время онъ отправилъ брата Василія съ такими-же предложеніями въ Кіевъ. Жители кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельнаго русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земяне являлись въ его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ несчастью, обаяніе это продолжалось не долго; другія русскія земли отнеслись далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ попыткѣ возстановить народное дѣло. Въ сѣверозападной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе, или враждебное настроеніе: въ земляхъ этихъ преобладало сословіе земянъ (т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военною службою),

[1]) Кроника Бѣльскаго l. c. Daniłowicz. Skarbiec II, стр. 270. Соловьевъ. Исторія Россіи т. V, стр. 304—305.

которое давно уже свыклось съ мыслью о всевозможныхъ сословныхъ благахъ, которыя низольются на него при рвзвитіи въ Литвѣ польскаго права. Земяне сѣверозападнаго края не были воодушевлены, подобно кіевскимъ, національнымъ стремленіемъ и предпочли сословныя выгоды отъ ожидавшейся уніи съ Польшею возстановленію народной политической самобытности; они остались глухи къ призыву Глинкаго или отнеслись къ нему враждебно, а между тѣмъ, по тогдашней организаціи государства, они составляли главную военную силу края. Князья, сочувствовавшіе Глинскому и нѣкогда поддерживавшіе его стремленія, оказались изолированными, многіе скрылись, другіе рѣзко повернули на сторону правительства; только немногіе второстепенные князья: Друцкіе и Лигвеновичи-Мстиславскіе, имѣли достаточно мужества, чтобы стать на сторону предпріятія, успѣхъ котораго становился весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ московская помощь медлила приходомъ, а съ другой стороны приближался Сигизмундъ съ сильною польскою арміею. Глинскій послѣ нѣсколькихъ безъуспѣшныхъ переходовъ, увидѣлъ, что дѣло его проиграно; вмѣстѣ съ братьями и болѣе скомпрометированными сторонниками, онъ отступилъ въ предѣлы великаго княжества московскаго [1]).

Такъ кончилась послѣдняя попытка княжеской Руси, предпринятая въ защиту своего народнаго дѣла. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ группъ и оказалась для своего времени немощною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, веденный подъ стягомъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ, скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху.

Обратимъ вниманіе на составъ и отношенія разныхъ общественныхъ группъ въ кіевской области въ разсматриваемое нами время, укажемъ на херактеръ и условія самой территоріи и мы найдемъ въ этихъ данныхъ объясненіе дальнѣйшаго политическаго значенія Кіева и его области.

Послѣ присоединенія къ Литтѣ кіевскаго княжества, предѣлы его нѣсколько видоизмѣнились и раздвинулись, частью вслѣдстіе присоединенія къ Кіевщьнѣ порубежныхъ округовъ сосѣднихъ княжествъ, частью вслѣдствіе колонизаціи южныхъ степей, двигавшейся медленно, но упорно внизъ по

[1]) Кроника Мартына Бѣльскаго стр. 501—502, 508—512, 523—524. Герберштейнъ—Записки о Московіи стр. 23, 161—165. Stryjkowski II, стр. 321—322, 331—337, 342—351; Moraczewski Dzieje rzeczp. Pol. IV, стр. 4—14, 17—23. Соловьевъ. Исторія Россіи V, стр. 308—314.

Днѣпру. Съ конца XIV до половины XVI столѣтія границы кіевскаго княжества могутъ быть приблизительно очерчены въ трехъ направленіяхъ. На западѣ оно отдѣлялось отъ земли брацлавской, т. е. отъ той части Подолія, которая осталась подъ властью великихъ князей литовскихъ, „Чернымъ Шляхомъ". Такъ назывался путь, пролегавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ юго-западную Русь татаре, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ. Отъ „Чернаго шляха" граница переходила на русло рѣки Случи въ окрестности города Любара и совпадала съ ея теченіемъ вплоть до ея впаденія въ Припять, отдѣляя кіевскую землю отъ волынской. Далѣе отъ устья Случи сѣверная граница кіевскаго княжества на нѣкоторомъ пространствѣ шла по теченію Припяти и затѣмъ переходила на сѣверный берегъ этой рѣки, захватывая здѣсь обширный мозырскій повѣтъ, и опять возвращалась къ Припяти не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Отъ устья Припяти Днѣпръ составлялъ восточную границу Кіевщины на небольшомъ только пространствѣ: она переходила на лѣвую его сторону и охватывала въ низовьяхъ Десны и вдоль по теченію ея притока Остра—повѣтъ остерскій [1]. —Съ южной стороны границы кіевской области постоянно колебались и потому не могутъ быть установлены даже приблизительно. Когда въ началѣ XV столѣтія Витовтъ осилилъ на время татаръ, предѣлы Кіевщины быстро раздвинулись и достигли береговъ Чернаго моря. Витовтъ немедлено оградилъ эти новыя южныя границы рядомъ крѣпостей и поселеній: вдоль по Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ: Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможню на островѣ Тавани. Затѣмъ на берегу моря была построена крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджи-бей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы). При устьѣ Днѣстра, противъ генуезской крѣпости Монкастро (Аккермана), воздвигнутъ былъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру построена крѣпость Тягинь (Бендеры). Сверхъ того въ степи упоминаются крѣпости и замки: Караулъ, Гербедеевъ, Уискъ, слѣдовъ и мѣстоположенія которыхъ невозможно опредѣлить.—Но эти широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, исчезли чрезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды. Основатель ея могущества, ханъ Менгли-Гирей, воспользовавшись вялостью и нерядѣніемъ Казиміра Ягайловича, разрушилъ дѣло Витовта; онъ овладѣлъ возникшими крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю кіевскую область, на сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря онъ расположилъ кочевья подвластной ему ногайской орды. Между этими кочевьями и заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустын-

---

[1]) Рукописи: Кіевскаго центральнаго архива: книга земская Кіевская № 137, листъ 409: разграниченіе воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго. Литовская метрика—Книга переписей № 6 описаніе господарскихъ замковъ.

ное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизантская война между удальцами татарскими и русскими и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южнорусская колонизація изъ кіевской области.

Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена. Подъ властью кіевскаго удѣльнаго князя, кромѣ стольнаго города его земли, находились многочисленные кіевскіе пригороды: Овручъ, Житомиръ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь [1]. Большинство названныхъ пригородовъ возникли еще до XIII столѣтія и вмѣстѣ съ Кіевомъ достались Литвѣ, другіе, какъ Мозырь, Остеръ и Переяславль присоединены были къ кіевскому княженію отъ сопредѣльныхъ русскихъ княжествъ уже послѣ литовскаго завоеванія; нѣкоторые, какъ Черкасы и Чернобыль, возникли по иниціативѣ литовскихъ князей.—Пригороды эти, въ разсматриваемый періодъ времени, носятъ названіе „замковъ господарскихъ" и получаютъ важное административное значеніе; удѣльный кіевскій князь назначалъ въ нихъ правителей, носившихъ названіе намѣстниковъ, державцевъ или старостъ. Намѣстникъ княжескій управлялъ не только городомъ, въ которомъ находился господарскій замокъ, но и обширнымъ территоріальнымъ округомъ, который тянулъ къ замку. Округи, на которые распадалось кіевское княженіе, носили названіе „повѣтовъ" [2]. Всѣ жители повѣта, къ какой-бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику въ военномъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ, несли по его распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани. Удѣльный князь оставлялъ за собою верховную власть, выражавшуюся въ подчиненіи ему намѣстниковъ, въ правѣ верховнаго предводительства на войнѣ контингентами всѣхъ повѣтовъ, въ правѣ аппеляціи къ нему отъ суда намѣстниковъ и, наконецъ, въ исключительномъ правѣ раздачи въ пользованіе поземельной собственности. Когда кіевское княжество было переименовано въ воеводство и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство кіевской земли. Великій князь вошелъ во всѣ

---

[1]) Свѣдѣнія о управленіи и внутреннемъ бытѣ Кіевской земли заимствованы преимущественно изъ описанія господарскихъ замковъ: Кіевскаго, Мозырскаго, Чернобыльскаго, Остерскаго, Овруцкаго, Житомирскаго, Черкасскаго и Каневскаго, 1552 года. Рукоп. Литовской метрики—книга переписей № 6.

[2]) Терминъ, „повѣтъ" возникъ вѣроятно отъ того, что намѣстникъ созывая жителей своего округа „на военную потребу", призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ" ихъ или „давалъ имъ вѣсти", какъ тогда выражались офиціально. Для разсылкч „вѣстей" староста располагалъ особыми „замковыми слугами" или такъ называемыми „путными боярами", которые по его приказанію „ѣздили въ путь" развозить „вѣсти".

права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки кіевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области исчезла и каждый повѣтъ сталъ независимою отъ Кіева единицею областнаго управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, административнымъ чиновникомъ, и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что, по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“. —Такимъ образомъ при замѣнѣ князей воеводами кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей, но понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства. Еще Витовтъ, упраздняя кіевское княженіе, выдалъ его жителямъ „право добровольное христіанское“, т. е. уставную грамоту, обезпечивавшую ихъ права и опредѣлявшую отношеніе къ нимъ великокняжеской власти. Права эти и отношенія были одинаковы для всѣхъ повѣтовъ кіевскаго княжества и въ числѣ ихъ было обязательство со стороны великаго князя—раздавать намѣстничества въ кіевскихъ пригородахъ и поземельную собственность въ предѣлахъ кіевскаго княжества исключительно только уроженцамъ этой области [1]). Уставная грамота Витовта подтверждалась потомъ много разъ его наслѣдниками: Казиміромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и послужила основаніемъ, объединявшимъ жителей кіевской земли, послѣ того, какъ разрушена была внѣшняя связь отдѣльныхъ ея частей.

Изъ текста этой грамоты, данной всей землѣ кіевской, равно какъ изъ грамотъ болѣе частныхъ Витовта и его преемниковъ, опредѣляются и взаимныя отношенія жителей страны между собою, и распредѣленіе ихъ на общественныя группы.—Послѣ установленія новаго литовскаго распорядка въ кіевской землѣ общественный строй ея значительно измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при удѣльныхъ русскихъ князьяхъ: основнымъ принципомъ новаго порядка вещей служило то положеніе, что вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣнія, подъ условіемъ исполненія извѣстной государственной службы.

---

[1]) „А волости кіевскія—Кіяномъ держати, а иному никому. А городки кіевскіе, въ нашой воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити“. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи II, стр. 33.

Такъ какъ государство прежде всего заботилось о томъ, чтобы обезпечить и организовать свои военныя силы, то исполненіе военной повинности составляло первое и важнѣйшее условіе землевладѣнія. Земельная собственность была раздѣлена на опредѣленные участки, такъ называемыя „службы“; каждая служба заключала 10 литовскихъ волокъ (199 десятинъ) и то лице, которое получало землю въ пользованіе, обязано было по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой „службы“ одного вооруженнаго воина. Лица, получавшія на такихъ условіяхъ землю, назывались „земянами“ и составляли классъ землевладѣльческій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Земяне могли владѣть землею лично, во все время, пока исполняли возложенную на нихъ повинность, но, если они оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ служба ихъ называлась „выслугою или „отчиною“. Впрочемъ „выслуга“ могла быть передана только прямымъ наслѣдникамъ земянина или же постороннимъ лицамъ по завѣщанію, но отчуждать ее при жизни, мѣнять, дѣлить, отказывать въ пользу церкви и т. п. выслужившій ее земянинъ не могъ безъ разрѣшенія князя.

Уже съ XIV столѣтія слагается такимъ образомъ въ кіевской землѣ классъ землевладѣльцевъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ количество раздаваемыхъ князьями выслугъ все болѣе и болѣе умножается и образуется многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, (такъ какъ, по уставной грамотѣ Витовта, князья обязаны были службы и выслуги въ кіевской землѣ раздавать исключительно уроженцамъ этой земли), и землевладѣніемъ, и мѣстомъ постояннаго жительства. Классъ этотъ впрочемъ былъ неравномѣрно распредѣленъ на территоріи кіевскаго княжества: въ сѣверной, лѣсной его полосѣ земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано; всѣ болѣе древніе и богатые роды земянскіе помѣщались въ этой территоріи; жалованныя грамоты на свои земли они выслужили „на великихъ князьяхъ“: Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ, или получили ихъ отъ кіевскихъ князей Олельковичей. Такъ въ повѣтахъ: мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго мы встрѣчаемъ въ теченіи многихъ поколѣній представителей всѣхъ знатныхъ и богатыхъ земянскихъ родовъ кіевской земли [1]). Совершенно другое отношеніе встрѣчаемъ въ южныхъ, черноземныхъ

---

[1]) Вотъ перечень болѣе выдающихся земянскихъ родовъ въ Кіевщинѣ: въ мозырскомъ повѣтѣ: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Леньковичи, Служки; въ чернобыльскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Волковичи, Лемеши; въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д.

и степныхъ повѣтахъ: въ черкаскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго; здѣсь земяне или вовсе не берутъ службъ и выслугъ, или берутъ ихъ весьма неохотно; только въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ въ каневскомъ повѣтѣ нѣсколько выслугъ земянскихъ, и то онѣ принадлежатъ земянамъ, имѣвшимъ главныя отчины и постоянно жившимъ въ кіевскомъ Полѣсьи, и едва можемъ назвать 2—3 рода земянъ, поселившіеся во всей степной полосѣ княжества [1].—Наконецъ, въ двухъ самыхъ южныхъ повѣтахъ: звенигородскомъ и переяславскомъ земянъ вовсе не было; правда, оба повѣта были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области. Причина неравномѣрнаго распредѣленія земянъ заключалась какъ въ самыхъ условіяхъ землевладѣнія, такъ и въ современномъ экономическомъ положеніи края. Южные повѣты, подверженные постояннымъ татарскимъ набѣгамъ не могли представить удобной почвы для прочнаго установленія хозяйства, а между тѣмъ военная служба съ земли была гораздо тягостнѣе, земяне должны были проводить большую половину времени то въ походахъ, въ погонѣ за татарами, то въ караулахъ или такъ называемой „полевой сторожѣ“ на стоянкахъ, устроенныхъ украинными старостами въ степи, для предъупрежденія набѣговъ.

Съ другой стороны степныя черноземныя пространства, представлявшія одну изъ лучшихъ мѣстностей для земледѣлія, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ не обѣщали богатаго дохода; хлѣбъ не составлялъ предмета вывозной торговли и хлѣбопашествомъ занимались только въ размѣрахъ необходимыхъ для собственнаго прокормленія; напротивъ, хозяйство въ лѣсныхъ округахъ изобиловало всѣми продуктами вывозной торговли. Пересматривая дошедшія до насъ описи имѣній, составленныя даже въ XVI столѣтіи, мы видимъ, что главными статьями поземельоаго дохода признавались „борти“ и вообще продукты пчеловодства, „бобровыя гоны“ и вообще мѣха, затѣмъ рыбная ловля и продукты лѣснаго хозяйства. Не удивительно потому, что земяне позаботились главнымъ образомъ занять земли въ Полѣсьи, относительно безопасныя отъ татарскихъ набѣговъ и дававшія болѣе цѣнные въ то время предметы для сбыта.

Кромѣ сословія земянъ въ кіевской землѣ находимъ еще другое сословіе, обязанное также нести военную службу. Сословіе это носило названіе „бояръ“ и составляло какъ-бы переходъ отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому; бояре по всему вѣроятію были потомки бывшихъ княжескихъ

---

[1] Въ описаніи господарскихъ замковъ 1552 года въ каневскомъ повѣтѣ названо только нѣсколько земянскихъ отчинъ, принадлежавшихъ: Дашковичамъ, Служкамъ, Балакирамъ, Ельцамъ, князьямъ: Капустамъ, Глинскимъ и Корецкимъ; въ черкасскомъ-же повѣтѣ были только два земянскіе роды: Морозовичи и князья Домонты-Черкашенины.

дружинниковъ. Въ концѣ удѣльнаго періода на Руси дружинники стремятся поселиться въ местахъ своего пребыванія и не переходить вслѣдъ за каждымъ княземъ изъ области въ область; они предпочитаютъ, оставаясь въ данномъ княжествѣ, поступать на службу къ тому князю, который овладѣетъ областью. Такимъ образомъ дружина привязывается къ землѣ, а не къ лицу, т. е. становится „земскою". Въ литовское время за земскими дружинниками сохраняется названіе „бояръ"; они приписаны къ господарскимъ замкамъ, въ районѣ которыхъ владѣютъ поземельною собственностью, по большей части весьма не значительною, и обязаны нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости и отбывать разнаго рода повинности, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Они отличались отъ земянъ тѣмъ, что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію. Съ конца XV вѣка, когда окончательно утвердилось земянское сословіе, оно мало по малу не только превзошло бояръ знатностью и богатствомъ, но и подчинило ихъ себѣ въ значительной степени; подчиненіе это выразилось въ томъ, что въ случаѣ, если земельные участки, принадлежавшіе боярамъ, находились въ селахъ розданныхъ земянамъ, то князья и ихъ намѣстники уступали въ пользу послѣднихъ свою военную, а въ послѣдствіи и судебную власть надъ боярами, или, какъ тогда выражались, бояре обязаны были „служити и послушными быти" земянину, а въ случаѣ неповиновенія, должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество.

Вся остальная масса сельскихъ жителей составляла категорію крестьянъ или „людей", какъ ихъ тогда называли, и если они жили на земляхъ „замковыхъ", т. е. государственныхъ, то назывались „людьми служилыми", а если земли, обработываемыя ими, розданы были земянамъ, то они и сами опредѣлялись терминомъ „люди панскіе и земянскіе". Какъ тѣ, такъ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто; поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ; многіе изъ нихъ при томъ владѣли собственною землею, составляя категорію такъ называемыхъ „данниковъ", и обязаны были давать государству съ земли своей дань, въ качествѣ подати. Дань эту, взимавшуюся по большей части натурою, правительство уступало въ пользу земянъ, обязанныхъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ количествомъ дохода отъ данниковъ, усиливать контингенты, доставляемые ими на войну. Во всякомъ случаѣ большинство крестьянъ сидѣло не на своей землѣ и пользовалось лишь свободою перехода. Эта свобода въ Кіевщинѣ была весьма заманчива; между тѣмъ, какъ въ населенной части княженія умножалось народонаселеніе и постепенно тяжелѣе становились условія пользованія землею, въ южной полосѣ много было незанятой земли и она, за рѣдкими исключеніями, не была даже de jure роздана въ

частное владѣніе; крестьянину слѣдовало только подняться съ мѣста, перейти за Рось и поселиться на пустоши, чтобы пользоваться землею безусловно и безконтрольно и развести богатое хозяйство. Современные документы свидѣтельствуютъ, что такіе переселенцы дѣйствительно пользовались своимъ положеніемъ: „пашутъ гдѣ хотятъ и сколько хотятъ", говоритъ описаніе одного замка; „уставичне въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытятъ тамъ собе медъ яко дома", свидѣтельствуетъ другой такой-же документъ.—Благоденствіе это впрочемъ доставалось не безъ риска: крестьяне, разводившіе въ степи хозяйство, находились подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и, очевидно, должны были думать о защитѣ и организовать ее, если хотѣли обезпечить свой трудъ и свое пребываніе въ степи. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управленія—въ старостахъ украинныхъ замковъ какъ Кіевщины, такъ и сопредѣльной съ нею Брацлавщины. Старосты хмѣльницкіе, брацлавскіе, винницкіе и особенно каневскіе и черкаскіе берутъ на себя иниціативу въ дѣлѣ организаціи крѣпкой военной силы изъ народонаселенія, поставленнаго, изъ-за экономическихъ своихъ выгодъ, въ необходимость самозащиты. Старосты эти относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защитить свои повѣты, охранить свои замки и возстановить русскую колонизацію въ подведомственныхъ имъ округахъ. При полномъ почти отсутствіи земянъ въ этихъ округахъ, малочисленные бояре и мѣщане рѣдкихъ городовъ конечно не могли составить сколько нибудь значительнаго военнаго ополченія; недостатокъ этотъ пополняли стремившіеся въ плодоносныя степи „люди". Уже съ конца XV столѣтія въ источникахъ появляется упоминаніе объ образованіи изъ этихъ „людей" новаго сословія въ южныхъ степяхъ Кіевщины;—появляется новый терминъ, заимствованный у татаръ—„козаки" [1]). Подъ нимъ не разумѣются ни мѣщане, ни бояре; это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Встрѣчаются козаки въ городахъ въ услуженіи у бояръ и мѣщанъ, упоминаются и такіе, которые имѣли уже свои дома; одни изъ нихъ ходятъ на низъ Днѣпра на звѣриный и рыбный промыселъ и ведутъ торговлю продуктами этихъ промысловъ, другіе занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ пасѣки, третіе промышляютъ угономъ лошадей и захватомъ добычи у татаръ. Старосты не только не противудѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но, напротивъ, поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами всѣ козацкія промыслы и занятія. Такъ, жившіе въ Черкасахъ козаки не несутъ никакихъ повинностей, а только за право пользованія рыбною и звѣриною ловлею или другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ обширнаго староства (въ низъ по Днѣпру до пороговъ, а также по Орели, Самарѣ, Вореклѣ, Тясьмину и обоихъ Ингу-

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи т. I, стр. 194.

лахъ) платятъ „колядки“ по 6 грошей въ годъ и косятъ 2 дня въ годъ сѣно—„толокою, за стравою и за медомъ“ старосты.—Въ Каневѣ старосты признавали собственностью козаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ и т. п. При такихъ отношеніяхъ болѣе энергическіе и предпріимчивые сельскіе люди изъ сѣверной Кіевщины стремились постоянно въ степь и въ каневскомъ и черкасскомъ староствахъ быстро формировались свободныя, воинственныя, козацкія „околицы“, доставлявшія вооруженныя „роты“ для походовъ на татаръ. Съ начала XVI столѣтія предпріимчивые старосты украинскіе: Остафій Дашковичъ, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Лянцкоронскій, кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, находятъ возможнымъ, опираясь на козацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ. Въ степной Кіевщинѣ, подъ охраною сформировавшихся козацкихъ ополченій, колонизація становится смѣлѣе; новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья не ограничиваются уже староствами каневскимъ и черкаскимъ, а занимаютъ новыя мѣста; съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества и пріобщается къ козачеству, съ другой народонаселеніе двигается въ опустѣлый въ XV столѣтіи повѣтъ звенигородскій и образуетъ поселенія въ никому не подведомственныхъ и никѣмъ неуправляемыхъ пустыряхъ между Тясьминомъ, Синюхою и Росью; заселяются обширныя пространства, такъ называемые „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII назначаетъ коммиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства [1).—Такимъ образомъ съ конца XV столѣтія въ Кіевщинѣ зарождается новое военное и землевладѣльческое сословіе, сформировавшееся на основаніяхъ равноправности между его членами и внесшее въ свой бытъ старые принципы вѣчеваго строя. Сословію этому предназначено было въ скоромъ времени вступиться за національныя права Кіевской Руси, упорно за нихъ бороться и выиграть дѣло, проигранное раньше превилигированными сословіями страны.

Кромѣ перечисленныхъ сословій: землянъ, бояръ, крестьянъ и, выдѣлявшихся изъ среды послѣднихъ, козаковъ, въ Кіевщинѣ было еще сословіе мѣщанское. Какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ кіевской земли, жители ихъ составляли особенныя городскія общины, отличавшіяся правами, повинностями и устройствомъ своимъ отъ другихъ жителей края. Но не вездѣ община городская пользовалась въ равной степени независимостью и обязанности, лежавшія на ней, не вездѣ были одинаковы; въ большинствѣ пригородовъ община городская была въ полной зависимости отъ

---

1) Awulsa Humania—Документъ изданный отдѣльною брошюрою въ Венеціи 1862 г. Эдмундомъ Солецкимъ (Ал. Даровскимъ).—

старостъ, находилась подъ ихъ „присудомъ" и обложена была довольно тяжелыми повинностями: на мѣщанъ возлагалась обязанность нести военную службу какъ полевую, такъ и гарнизонную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обложены были многочисленными податями и данями въ пользу правительства и намѣстниковъ.—Другое положеніе было мѣщанской общины въ самомъ городѣ Кіевѣ: еще великій князь Витовтъ обезпечилъ ея права особою грамотою, которая, къ несчастью, не дошла до насъ и вѣроятно погибла во время разоренія кіевскаго замка Менгли—Гиреемъ. Въ 1494 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого разоренія, ее возобновилъ великій князь Александръ Казимировичъ, а въ 1499 онъ пожаловалъ городу Кіеву новую грамоту [2]), обезпечивавшую самоуправленіе жителей по магдебургскому праву, которымъ разрѣшалось имъ пользоваться въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ исключеній, наравнѣ съ жителями стольнаго города Вильна. Въ силу этой грамоты, кіевскіе мѣщане становились независимыми и неподсудными мѣстному воеводѣ; городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборнаго-же войта; городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренною и точно опредѣленною въ грамотѣ податью въ пользу государства и воеводы; сверхъ того кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ земляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на общину состояли въ томъ, что мѣщане должны были по призыву воеводы ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ и „отправовати оборону и сторожу" въ кіевскомъ замкѣ.

Подъ охраною названныхъ привилегій городская община быстро развилась, пріобрѣла значительныя богатства и силу. Съ незапамятныхъ временъ, благодаря своему удобному географическому положенію, Кіевъ служилъ центромъ обширной торговли: складочнымъ мѣстомъ продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны, и предметовъ привоза торговли цареградской и восточной съ другой [2]). Это значеніе торговаго центра Кіевъ удерживаетъ въ описываемое время. Въ Кіевъ направлялись многочисленные караваны сухимъ путемъ и водою изъ крымской орды и изъ Царьграда; первые переправлялись черезъ Днѣпръ у Тавани, слѣдовали по большей части

---

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Западной Россіи I, стр. 144 и 194.—

[2]) Не говоря о многочисленныхъ указаніяхъ на обширную торговлю Кіева съ Царьградомъ и дальнимъ востокомъ въ удѣльное время, укажемъ только на свидѣтельства о районѣ кіевской торговли, въ гораздо болѣе древнее время, доставляемыя намъ монетными кладами, находимыми въ Кіевѣ и его области. Въ этомъ отношеніи довольно указать на большой кладъ римскихъ монетъ времени Антониновъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чернобылѣ, на такой-же кладъ монетъ, чеканенныхъ въ Антіохіи, III—IV ст., открытый въ 1875 году въ самомъ Кіевѣ, и на нѣсколько кіевскихъ кладовъ съ монетами Саманидскими IX—X столѣтій.

сухимъ путемъ вдоль Днѣпра до Черкасъ или Канева, здѣсь перегружались на „комяги“ и достигали такимъ образомъ Кіева. Царьградскіе товары отправлялись изъ Хаджибея, а послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1490 году, изъ генуезскаго Монкастра (Аккермана) и, слѣдуя по степи черезъ мосты, построенные на Бугѣ Витовтомъ, доставлялись въ Кіевъ. Благодаря указаніямъ современныхъ актовъ, мы можемъ указать хотя нѣкоторые товары, привозимые этими караванами; это были: шелковыя и парчевыя восточныя ткани, „камка александрійская на золоте“, восточные ковры, шелкъ, восточныя издѣлія изъ кожи: „сафьянъ, тижмы и тебенки“ и восточныя пряности: перецъ, „дзиндзиверъ“ шафранъ и т. п. Тѣми-же путями изъ Кіева отправлялись караваны на востокъ; они везли мѣха бобровъ, лисицъ, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ и т. п., готовыя шубы, „шлыки“ и колпаки; затѣмъ издѣлія кіевскихъ оружейныхъ мастеровъ: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла и т. п. Сверхъ того черезъ Кіевъ проходили караваны съ „коштовными“ товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ и обратно. Въ предѣлахъ кіевской земли купеческіе караваны пользовались покровительствомъ и охраною властей: старосты: остерскіе, черкаскіе и каневскіе и воеводы кіевскіе снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ, оберегавшимъ купцевъ отъ нападеній татаръ въ степи, и получали за то отъ каравана опредѣленные обычаемъ и грамотами подарки. Кромѣ этой обширной внѣшней торговли, склады которой находились въ Кіевѣ, въ силу особой на то привилегіи, пожалованной городу в. к. Александромъ, Кіевъ представлялъ богатый рынокъ и для внутренней торговли: здѣсь находились склады соли, привозимой изъ береговъ Чернаго моря и расходившейся потомъ по всему великому княжеству литовскому, рыбы, доставлявшейся съ „низу“ и „съ верху“ Днѣпра, воску, меду, хлѣба и т. [1]) п. Торговая дѣятельность Кіева привлекла въ этотъ городъ многочисленныхъ иноземцевъ; уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ повѣтахъ; сверхъ того въ XV-же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуезцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе.

Торговля не составляла впрочемъ единственнаго занятія кіевскихъ горожанъ; разнообразныя ремесла развиты были среди городского населенія. Въ XV уже столѣтіи документы указываютъ на многочисленные цехи, состоявшіе подъ присудомъ кіевскаго магистрата, въ числѣ ихъ поименованы слѣдующіе: „кравцы, кушнеры, шевцы, чоботари, постригачи, золотари, лучники, стрѣльники, сѣдельники, ковали, конвисары, винники, хлѣбницы, перекупники, рыболовы, плотники, цырульники“ [2]). Между ними особенно славились золотари, металическія издѣлія которыхъ находили обширный сбытъ во всей Руси

---

[1]) Описанія господарскихъ замковъ 1552. Рукоп. Литов. метрики.
[2]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи т. I, стр. 144, 194, 355.

и Литвѣ, и стрѣльники, стрѣлы которыхъ, кованныя изъ желѣза и обдѣланныя въ древка съ орлиными перьями, составляли одинъ изъ предметовъ сбыта въ Крымъ; Махалонъ Литвинъ сохранилъ извѣстіе, что за 10 такихъ стрѣлъ татаре давали обыкновенно въ обмѣнъ возъ соли.

Вслѣдствіе богатой торговли и производительности рано чувствуется потребность въ постоянныхъ знакахъ цѣнности. Уже съ XIV столѣтія въ Кіевѣ находился монетный дворъ; до насъ дошли монеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казиміра; деньги эти чеканились, какъ кажется, по образцу генуэзскихъ монетъ города Кафы и очевидно возникли изъ-за потребности облегчить торговыя сношенія съ Крымомъ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ-же тамги и надписи татарскія [1]).

Самостоятельность, обезпеченность и богатство кіевской городской общины доставляютъ ей первенствующее значеніе въ землѣ. Кіевскіе воеводы относятся съ уваженіемъ къ ея правамъ и привилегіямъ и, въ случаѣ попытки нарушить ихъ, получаютъ строгіе выговоры и напоминанія отъ великихъ князей; земяне кіевской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, роднятся съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и „службы“ и становятся въ ряды земянъ; встрѣчаются такіе роды, какъ Крикуновичи, Криницкіе, Шавулы, Мелешкевичи, которые появляются поочередно то въ качествѣ земянъ, то въ рядахъ кіевскаго мѣщанства. Въ началѣ XVI столѣтія, когда польскія понятія объ исключительности дворянскаго сословія проникаютъ въ среду русскихъ земянъ и когда появляется у нихъ желаніе установить внѣшніе признаки своего родоваго достоинства, земяне кіевской земли находятся въ весьма затруднительномъ положеніи: они не владѣютъ потомственными гербами, подобно польскому дворянству, и употребляютъ лишь печати съ начальными буквами своихъ именъ и прозвищъ; оказывается зато, что единственное сословіе края (кромѣ княжескихъ родовъ), владѣвшее выработанными геральдическими знаками, было кіевское мѣщанство; ихъ фамильныя клейма и печати и послужили матеріаломъ для установленія дворянской туземной геральдики въ южной Руси послѣ люблинской уніи 1569 года.

Вообще, обозрѣвая сословія, на которыя распадалось народонаселеніе кіевской области въ данную эпоху, мы не можемъ не замѣтить общей черты въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: сословія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, сливаются и смѣшиваются между собою на всѣхъ пунктахъ; понятія о потомственности и незыблемой наслѣдственности правъ и сословныхъ пре-

---

[1]) Труды Кіевскаго Археологическаго съѣзда т. II, стр. 151—157. Bartoszewicz. Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami, стр. 19—23.—

имуществъ не существуетъ; старыя вѣчевыя преданія о равноправности всѣхъ жителей земли продолжаютъ господствовать среди всѣхъ слоевъ населенія и довольно свободно укладываются въ литовскій распорядокъ, который открываетъ самый широкій просторъ для личныхъ дарованій и личныхъ заслугъ. Такъ хотя земяне и представляютъ сословіе землевладѣльческое, стремящееся установить потомственно свои права на землю, но оно далеко еще не упрочилось въ этомъ направленіи: земянинъ, не исполнявшій службы, привязаной къ землѣ, находившейся въ его пользованіи, терялъ эту землю, хотя бы она и составляла выслугу его предковъ; онъ обязанъ былъ переуступить ее другому лицу, способному исполнять службу; пріобрѣтателемъ являлось нерѣдко лице, принадлежавшее до того времени къ другому сословію [1]) и становилось послѣ пріобрѣтенія въ ряды земянъ. Уступки эти совершались вполнѣ законно съ разрѣшенія князя или его намѣстника. Земянинъ, оставившій свою землю и службу, свободно переходилъ въ сословіе мѣщанское или боярское, или отправлялся искать счастья въ козачествѣ. Мѣщане точно также, по смыслу княжескихъ грамотъ, могли во всякое время оставить свою общину, переселиться въ другой городъ или перейти въ другое сословіе. Мы уже указали на то, что переходъ въ козачество крестьянъ былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, но такой переходъ былъ не единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ крестьянскаго сословія: въ грамотѣ, данной великимъ княземъ Александромъ на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, послѣднему предписано, чтобы онъ не воспрещалъ магистрату зачислять въ мѣщане всѣхъ тѣхъ людей „митрополичихъ, воеводиныхъ, панскихъ и земянскихъ“, которые, проживая въ Кіевѣ и въ селахъ кіевскаго повѣта, занимаются торговлею или ремесломъ [2]). Такимъ образомъ кіевская городская община, притягивая въ свой составъ и знатныхъ земянъ, и промышленниковъ изъ крестьянскаго сословія, являлась центромъ, въ которомъ сливались всѣ сословныя категоріи кіевской земли и фактически устанавливалась между ними земская равноправность.

Постараемся теперь собрать разрозненныя черты для того, чтобы составить себѣ понятіе о физіономіи самого города въ описываемое время.

Въ разные періоды своего историческаго существованія центръ города Кіева передвигался въ различныя мѣстности, сообразно съ историческими условіями его быта. Въ древнѣйшее время извѣстнаго намъ существованія города, еще вѣроятно въ до-княжескую эпоху, центръ городской жизни помѣ-

---

[1]) Такъ напримѣръ бояринъ Зубрикъ пріобрѣтаетъ у Путивльскаго князя земли въ черкаскомъ повѣтѣ и становится черкаскимъ земяниномъ; такъ кіевскій мѣщанинъ Ходыка-Кришпцкій пріобрѣтаетъ громадную поземельную собственность въ переяславскомъ повѣтѣ и занимаетъ самое видное мѣсто среди его земянъ; такъ „козакъ звенигородецъ“ Дмитрій Базановскій, владѣетъ селами въ грунтѣ звенигородскомъ и т. д.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи I стр. 355.

щался правдоподобно на нынѣшней Оболони и на окаймляющихъ ее взгорьяхъ; въ этой по крайней мѣрѣ мѣстности найдены понынѣ древнѣйшіе монетные клады и языческія кладбища. Послѣ того, какъ Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго государства, князья устроили крѣпость на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ. Княжескій дворецъ, лучшія церкви и частныя дома расположены были на такъ называемой „Горѣ", у подошвы которой разстилался торговый городъ „Подолье". Великій князь Ярославъ раздвинулъ предѣлы верхняго города, включивъ въ его составъ загородное поле; онъ „осыпа" этотъ „великій Кіевъ—великимъ валомъ" и устроилъ въѣзжія Золотыя Ворота. Послѣ Ярослава нагорная часть Кіева не расширялась дальше намѣченныхъ имъ предѣловъ и вѣроятно оскудѣла средп княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, не разъ обрушивавшихся на старый княжескій стольный городъ. Литовскіе князья, овладѣвъ Кіевомъ, устроили центръ своего управленія на новомъ мѣстѣ; они выбрали для своего жительства одну изъ горъ, стоящихъ отдѣльно отъ всего нагорнаго кряжа, и потому болѣе безопасную отъ нападеній; гора эта, названная впослѣдствіи Киселевкою, по имени послѣдняго польскаго воеводы, обитавшаго на ней, Адама Киселя, находилась между старымъ нагорнымъ городомъ и торговымъ Подоломъ. Здѣсь былъ построенъ „литовскій замокъ", въ которомъ жили Олельковичи и гдѣ, въ 1374 году, кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ принималъ венеціанскаго посла, Амвросія Кантарини. Изъ словъ послѣдняго мы знаемъ, что замокъ этотъ былъ срубленъ изъ дерева и что внутри его ограды находился домъ воеводы, но подробнаго описанія его мы не имѣемъ. Замокъ этотъ въ 1482 году былъ взятъ Менгли-Гиреемъ и совершенно разрушенъ, а жившій въ немъ въ то время кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ уведенъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался [1]). Новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго только въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка; для постройки его вызваны были „добродеревцы зъ верху", т. е. жители кіевскаго Полѣсья, слывшіе хорошими плотниками. Замокъ этотъ занималъ всю вершину горы Киселевки, стѣны его были срублены изъ прочнаго дерева и укрѣплены столбами; раздѣлялись онѣ на 133 участка или „городни", каждую городню городили земяне или жители извѣстныхъ волостей, и каждая волость или отдѣльное лице, строившее городню, имѣло право къ внутренней сторонѣ ея примкнуть постройку для храненія своихъ пожитковъ и для собственнаго помѣщенія во время осады. На стѣнахъ выдавались 15 башень—башни были шестиугольныя, каждая въ 3 этажа, и каждый этажъ снабженъ былъ бойницами; въ двухъ башняхъ помѣщались въѣзжія ворота: одни были обращены на сѣверъ, противъ горы Щекавицы, и назывались „Воеводиною брамою", другія на югъ, противъ горы Клинецкой и носили названіе „брамы Драбской". Небольшая

[1]) Никоновская лѣтопись т. VI, стр. 118. Воскресенская лѣт. стр. 215. Собраніе сочиненій Максимовича т. I, стр. 158.

площадка передъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертные приговоры. На одной изъ башень замка помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили. Для наблюденія надъ ними и для ихъ починки назначено было особое жалованье, довольно значительное для того времени (15 копъ грошей и 5 локтей французскаго сукна); жалованье это получалъ обыкновенно одинъ изъ замковыхъ пушкарей (артиллеристовъ), умѣвшій обращаться съ механизмомъ часовъ. На внутренней площади замка тѣснились многочисленныя постройки: здѣсь былъ домъ воеводы, ротмистра, командовавшаго гарнизономъ, 30 домовъ, въ которыхъ помѣщались солдаты; затѣмъ здѣсь-же находился „шпихлеръ", въ которомъ сберегали порохъ, ядра, пули, свинецъ и т. п., и „шопа", въ которой хранилась крѣпостная артиллерія, состоявшая (въ 1545 г.) изъ 17 пушекъ и около 100 гаковницъ. Кромѣ этихъ зданій въ замкѣ находилось 3 православныя церкви, въ томъ числѣ важнѣйшая, по преимуществу, „замковая церковь св. Николая", и одна католическая каплица, имѣвшая вѣроятно значеніе домовой церкви воеводы, если послѣдній былъ католикомъ. Сверхъ того болѣе знатныя лица изъ числа земянъ и мѣщанъ добивались постоянно возможности имѣть свои дома въ замкѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ домъ пана войта, домъ пана Горностая, пана Ходыки и т. п. У подножія замка простирался Подолъ, застроенный неровными и тѣсными улицами, въ которыхъ кипѣла торговая и промышленная жизнь горожанъ. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе, по свидѣтельству Кантарини [1]); принадлежали они мѣщанамъ, земянамъ, духовенству и служилымъ людямъ. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ съ своею церковью и генуезскій торговый дворъ. Старый городъ въ концѣ XV столѣтія пришелъ въ запустѣніе. Два раза въ теченіи этого столѣтія онъ подвергался татарскому разоренію: въ 1416 сподручникъ Тамерлана, Эдигей, овладѣвъ городомъ, ограбилъ его и сжегъ [2]); не успѣлъ еще городъ оправиться подъ управленіемъ Олельковичей, какъ въ 1482 году перекопскій царь Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже". Послѣ этого удара старый городъ не подымался уже изъ развалинъ до половины XVII столѣтія. Еще въ концѣ XVI вѣка кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, вкопалъ около церкви св. Софіи, „на горѣ, межи валы", столбъ и зазывалъ на слободу „на оное мѣсто, здавна пустое, людей вшелякого стану вѣры христіанское" [3]); среди опустѣвшаго, нѣкогда великокняжескаго

---

1) Pan Martin fece mi dare un alloggiamento, assai cattivo, secondo il paese. (Библ. иностр. писат. о Россіи,—изд. Семенова, стр. 135).

2) Лѣтопись издан. Даниловичемъ стр. 240. Густинская лѣт. стр. 354.

3) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей, часть III, стр. 51.

города, по словамъ Герберштейна, Гвагнини и Гейденштейна [1]), виднѣлись лишь „слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей и зданій“. Ляссота, видѣвшій Кіевъ въ 1594 году, нашелъ въ верхнемъ городѣ тоже запустѣніе; среди развалинъ уцѣлѣли лишь церкви св. Софіи и св. Михаила и небольшая церковь на Золотыхъ Воротахъ. Видъ этихъ развалинъ, возбуждая въ путешественникахъ соболѣзнованіе о паденіи нѣкогда великолѣпнаго города, и подалъ поводъ къ утрированнымъ разсказамъ о кіевскомъ разореніи. Такъ Ляссота невольно, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія, рисуетъ слѣдующую картину: „Кіевъ былъ очень укрѣпленъ на обширномъ пространствѣ и украшенъ великолѣпными церквями и зданіями, какъ можно судить объ этомъ по древнимъ развалинамъ, равно и по валу, охватывавшему городъ, и простиравшемуся, какъ говорятъ, на *девять миль (?)* въ окружности“ [2]). Конечно такія преувеличенныя картины, дававшія впослѣдствіи тему для разсказовъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ Батыева погрома, относились только къ нагорной части Кіева и свидѣтельствовали лишь о бѣдствіи, постигшемъ городъ въ 1482 году, и о томъ, что центръ городской жизни и дѣятельности передвинулся теперь въ другую часть города.

Кромѣ указанныхъ нами сторонъ общественной и народной жизни Кіева въ разсматриваемую нами эпоху, мы должны въ заключеніе обратить вниманіе на религіозное значеніе Кіева, которое не только не ослабѣло, но было въ значительной степени возстановлено въ теченіи указаннаго времени.

Въ половинѣ XIII столѣтія религіозное значеніе Кіева нѣсколько поколебалось по причинѣ политическаго его упадка. Митрополиты кіевскіе, вслѣдствіе развитія болѣе могущественной государственной жизни въ сѣверо-восточной Руси, равно какъ и вслѣдствіе возникновенія многихъ новыхъ епископскихъ каѳедръ на сѣверѣ, должны были обратить на этотъ край особенное вниманіе; они значительную часть времени жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ началѣ XIV столѣтія и вовсе туда переселились, изрѣдка только посѣщая свою митрополичью столицу и управляя кіевскою церковью посредствомъ намѣстниковъ. Послѣ присоединенія кіевской области къ Литвѣ, какъ литовскіе великіе князья, такъ и удѣльные князья кіевскіе стремятся къ возстановленію митрополіи на прежнемъ мѣстѣ. Уже Владиміръ Ольгердовичъ успѣлъ на время достигнуть этой цѣли, пригласивъ въ Кіевъ митрополита Кипріяна, непринятаго въ Москвѣ; послѣ его смерти великій князь Витовтъ рѣшился возстановить самобытность кіевской митрополіи и подчинить ей православныя епархіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ; онъ не призналъ жившаго въ Москвѣ митрополита Фотія и, созвавъ въ 1414 году девять пра-

---

[1]) Герберштейнъ. Записки о Московіи—(переводъ Анонимова. Спб. 1866) стр. 158—159 Guagnini Sarmatiae Ewropeae descriptio. Reinold Hejdensztejn. Dzieje Polski (переводъ Глищинскаго Спб. 1857) т. II, стр. 371.

[2]) Tagebuch von Erich Lassota, стр. 203—204.

вославныхъ епископовъ западной Руси на помѣстный соборъ въ Новгородокъ-Литовскій, предложилъ имъ избрать отдѣльнаго кіевскаго митрополита [1]). Выборъ этотъ состоялся и на кіевскую митрополичью каѳедру вступилъ Григорій Цимвлакъ. Впрочемъ возстановленіе митрополіи утвердилось не сразу; въ теченіи пятидесяти лѣтъ послѣ выбора Цимвлака замѣчаемъ колебаніе: кіевская митрополія то объединяется съ московскою, то управляется отдѣльнымъ іерархомъ. Причина этого колебанія заключается въ опасеніи православныхъ жителей западной Руси, чтобы отдѣльные кіевскіе митрополиты, находясь подъ давленіемъ своего правительства, не приняли церковной уніи съ Римомъ и не подчинились папѣ, такъ какъ къ тому именно времени относилась первая попытка уніи, провозглашенная на флорентинскомъ соборѣ; въ силу этого опасенія кіевскіе князья Олельковичи, дорожившіе болѣе всего востановленіемъ кіевской митрополіи, оставляютъ свое стремленіе и заботятся о признаніи власти московскаго митрополита. Не смотря на ихъ сопротивленіе, въ 1458 году рукоположенъ былъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Исидоромъ его ученикъ, болгаринъ Григорій, въ кіевскіе митрополиты и явился въ Литву съ намѣреніемъ, подъ покровительствомъ Казимира Ягайловича, принять въ управленіе митрополію; но нерасположеніе православныхъ жителей в. к. литовскаго къ уніи было столь сильно, что правительство не было въ силахъ установить власть новаго митрополита. Источники не сохранили свѣдѣній о дѣятельности Григорія: правдоподобно онъ проживалъ при княжескомъ дворѣ и не вступалъ въ управленіе митрополіею. Въ Кіевѣ имя этого митрополита умалчивали; такъ напримѣръ, помѣчая фактъ обновленія кіевопечерской лавры въ 1470 году, еще при жизни Григорія, и лѣтопись, и надгробная надпись Симеона Олельковича упоминаютъ, что событіе это случилось „при королѣ Казимирѣ и при архимандритѣ Іоаннѣ“, но имени митрополита не упоминаютъ. Въ 1472 году Григорій умеръ въ Новогродкѣ-Литовскомъ и избранный на его мѣсто въ 1374 году смоленскій епископъ Михаилъ возстановилъ окончательно кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонилъ

---

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Витовтъ мотивировалъ свое предложеніе собору въ грамотѣ, изданной имъ къ православнымъ жителямъ великаго княжества литовскаго: „извѣщаемъ всѣхъ русскихъ, состоящихъ въ послушаніи кіевской митрополіи, что мы издавна усмотрѣли, что митрополія эта управляется не въ должномъ порядкѣ, но съ дня на день все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и скудѣетъ; уже въ наше правленіе нѣкоторые митрополиты управляли ею не такъ, какъ слѣдовало по старинѣ; они собирали церковные доходы и увозили ихъ за границу; ризницы, казну и св. мощи изъ здѣшнихъ церквей они отнимали и увозили въ чужую страну (перечисляются мощи и церковные предметы); да и кто можетъ перечислить, сколь многочисленные сборы золота и серебра они нагромоздили и сколь значительные убытки причинили кіевской церкви.“ Грамота эта напечатана въ сочиненіи Кульчинскаго „Specimen ecclesiae Ruthenicae“ въ приложеніяхъ стр. 49—50. Тѣ-же мотивы приводитъ и густынская лѣтопись (стр. 353).

попытки ввести унію, испросивъ посвященіе у константинопольскаго патріарха. За Михаиломъ слѣдуетъ уже непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ до конца XVI вѣка, управлявшихъ православною западно-русскою церковью и признававшихъ себя въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. [1]). Великіе князья литовскіе: Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ не стѣсняютъ независимости ихъ духовной власти; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ грамотъ подтверждаютъ полную свободу церковнаго управленія, гарантируютъ и точно опредѣляютъ независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіознаго ученія и правильнаго устройства семейныхъ отношеній, а также неприкосновенность поземельной собственности митрополичьей и церковной. Представители православной церкви по собственной инціативѣ безпрепятственно собираютъ помѣстные соборы, производятъ выборы высшихъ духовныхъ сановниковъ и т. д. [2]). Кіевъ становится вновь центромъ религіозной жизни западной полосы Россіи и сообщаетъ церковному устройству свойственныя древней христіанской церкви черты чисто соборнаго управленія: міряне получаютъ право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ; образуются церковныя братства для охраненія чистоты православнаго ученія и наблюденія за нравственною жизнью какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, не исключая епископовъ. Чувствуя себя живыми членами церкви, православные жители западной Руси проникнуты глубокою къ ней любовью и искреннимъ религіознымъ чувствомъ; черты эти явственно видны въ исторіи всѣхъ кіевскихъ церквей и духовныхъ учрежденій. Татарское разорѣніе, два раза въ теченіи XIV столѣтія обратившее въ развалины Кіевъ и большинство кіевскихъ церквей, не уничтожило святыни, находившей прочную поддержку послѣ каждаго удара въ готовности всего народонаселенія нести всевозможныя жертвы въ пользу ея возстановленія. Такъ кіевская печерская обитель, возобновленная Симеономъ Олельковичемъ послѣ погрома 1416 года и вновь разрушенная въ 1482, весьма скоро возстановляется усиліями духовенства и содѣйствіемъ всѣхъ кіевлянъ. Уже въ 1522 году архимандритъ Игнатій получилъ грамоту отъ великаго князя Сигизмунда, въ которой подтверждались древнія права монастырской общины; великій князь освобождаетъ ее вполнѣ отъ всякой зависимости отъ кіевскихъ воеводъ и признаетъ право на управленіе общиною исключительно за архимандритомъ; послѣдняго должны выбирать „старцы, совмѣстно съ князьями, панами и земянами кіевской земли“, великій же князь даетъ обязательство не утверждать другого архимандрита, кромѣ кандидата представленнаго ему избирателями [3]). Обитель кіево-печерская быстро оправляется отъ претерпѣннаго ею разоренія; вслѣдствіе отказовъ, получаемыхъ постоянно путемъ дарствен-

---

[1]) Описаніе Кіевософійскаго Собора и Кіевской іерархіи. Стр. 110—121.
[2]) Тамже—Приложенія №№ 11 и 12.
[3]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи т. II, стр. 140.

ныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, поземельныя владѣнія общины достигаютъ громадныхъ размѣровъ: во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княженія кіево-печерскій монастырь владѣетъ многочисленными землями и угодьями, въ остерскомъ же повѣтѣ большая часть земли составляетъ его собственность. Вскорѣ владѣнія этой обители, пользовавшейся громаднымъ уваженіемъ въ западной Руси, простираются далеко за предѣлы кіевской области, монастырь получаетъ въ даръ земли и имѣнія на сѣверномъ берегу Припяти: въ Бѣлой Руси и Литвѣ, въ повѣтахъ: слуцкомъ, логойскомъ, глускомъ, бобруйскомъ, могилевскомъ и виленскомъ, и становится однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества литовскаго.

Усердіе православныхъ къ благосостоянію церкви не ограничивается кіево-печерскою обителью,—дарственныя записи и отказы имущества распредѣляются и между другими кіевскими церквами и монастырями. Между ними первое мѣсто занимаетъ кіевскій пустынно-николаевскій монастырь. Объ обители этой мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній до начала XV столѣтія и не знаемъ, кѣмъ и когда она была основана; но съ 1411 года, когда мы встрѣчаемъ первое о ней точное извѣстіе, она быстро возрастаетъ и пользуется особенною любовью князей, воеводъ и земянъ кіевской земли. И великіе князья Казимиръ и Александръ, и кіевскіе православные воеводы Юрій Монтовтовичъ и Андрей Немировичъ, и всѣ почти знатные земянскіе роды кіевской земли: князья Глинскіе, Дашковичи, Тышковичи, Полозовичи, Горностаи, Лозки и т. д. наперерывъ отказываютъ въ пользу этого монастыря имѣнія, земли, угодія, села и разнаго рода имущество. Онъ владѣетъ помѣстьями во всѣхъ повѣтахъ кіевскаго княжества и занимаетъ послѣ кіево-печерской обители первое мѣсто какъ по богатству, такъ и по уваженію къ нему кіевлянъ. Религіозное настроеніе жителей кіевской области въ XV столѣтіи выразилось не только въ заботахъ объ устройствѣ церковной іерархіи, о церковностроительствѣ и обезпеченіи церковнаго достоянія; оно глубоко проникло въ убѣжденія, руководило поступками какъ общественной, такъ и повседневной, частной жизни кіевлянъ. Всѣ грамоты, записи, документы носятъ въ слогѣ и выраженіяхъ признаки неподдѣльнаго глубокаго религіознаго чувства. Настроеніе это выразилось въ XV столѣтіи еще тѣмъ важнымъ для характеристики общества признакомъ, что два новыя лица были причтены къ лику святыхъ, вслѣдствіе сложившагося о ихъ дѣятельности народнаго убѣжденія въ современномъ обществѣ.

Первый изъ нихъ принадлежалъ къ знатному княжескому роду—это былъ князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій. Жизнь этого князя протекла среди военныхъ подвиговъ какъ въ отечествѣ, такъ и внѣ его предѣловъ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1486 году, когда великій князь Витовтъ и король Ягайло утвердили въ его владѣніи княжества: острожское, заславское и корецкое на Волыни. Затѣмъ въ первой четверти XV столѣтія князь Ѳедоръ Острожскій появляется въ числѣ сподвижниковъ Сигизмунда Корибутовича, ходившаго по порученію Витовта съ сильнымъ русскимъ опол-

ченіемъ въ Чехію на подмогу гусситамъ. Въ теченіи восьми лѣтъ (1422—1430) онъ принималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ со всѣми силами германской имперіи [1]); но въ 1430 году онъ долженъ былъ возвратиться на родину, вслѣдствіе важныхъ событій, происходившихъ тогда въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ этомъ году скончался Витовтъ и возгорѣлась борьба между Ягайломъ, желавшимъ присоединить къ Польшѣ спорныя русскія области, и Свидригайломъ, отстаивавшимъ достояніе литовскаго княжества. Въ борьбѣ этой князь Θедоръ Острожскій принялъ самое дѣятельное участіе; на долю его пришлось защищать или скорѣе возвратить занятую уже поляками подольскую землю. Не смотря на превосходство польскихъ силъ, благодаря энергіи и дѣятельности князя Θедора, цѣль эта была въ значительной степени достигнута: онъ успѣлъ отстоять все южное Подоліе до Буга и Мурахвы, образовавшее впослѣдствіи такъ называемую Брацлавщину, и даже временно овладѣлъ Каменцемъ. Дальнѣйшимъ его успѣхамъ помѣшала подозрительность Свидригайла, отозвавшаго его изъ Подоліи. Тѣмъ не мѣнѣе, три года спустя, князь Θедоръ является опять въ числѣ многихъ другихъ русскихъ князей на защиту Свидригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Но когда русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе у Вилькомира, престарѣлый князь Θедоръ Острожскій почувствовалъ, что энергія его сокрушена вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ дѣломъ, которому онъ служилъ всю жизнь и которому теперь, какъ казалось, нанесенъ былъ окончательный ударъ. Онъ рѣшился удалиться отъ міра и искать успокоенія въ тиши монастыря. Прибывъ въ Кіевъ въ печерскую обитель, князь Θеодоръ Даниловичъ, „оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себя святое иночество, и такъ подвизавзя крѣпко, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ“. Онъ „сподобился стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ“, гдѣ по нынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи [2]).

Другой святитель, причтенный къ лику святыхъ, былъ кіевскій митрополитъ Макарій. Въ 1495 году избранный въ митрополиты изъ архимандритовъ виленскаго троицкаго монастыря, св. Макарій, получивъ благословеніе констан-

---

[1]) Пребыванію князя Θедора Даниловича въ Чехіи военное искуство въ южной Руси обязано было весьма важнымъ нововведеніемъ: княземъ этимъ усвоенъ былъ изобрѣтенный чешскими таборитами новый военный строй, названный по ихъ имени „таборомъ“. Строй этотъ состоялъ въ томъ, что войско двигалось во время похода какъ бы въ подвижной крѣпости, составленной изъ нѣсколькихъ рядовъ повозокъ: благодаря изобрѣтенію этого строя предводитель таборитовъ, славный Янъ Жижка, одержалъ много блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами. Перенесенный въ южную Русь Θеодоромъ Острожскимъ „таборъ“ былъ впослѣдствіи усвоенъ козаками, которымъ онъ доставилъ не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

[2]) Собраніе сочиненій Максимовича, т. I, стр. 169—170.

тинопольскаго патріарха, отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою каѳедру. Онъ уже достигъ предѣловъ кіевской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву, но на переправѣ черезъ Припять у села Скригалова его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кіевское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ мощи его почиваютъ по нынѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ [1]).

Вотъ тѣ черты быта кіевской области, какія можно было собрать въ весьма скудныхъ историческихъ источникахъ даннаго времени. Конечно по дошедшимъ до насъ источникамъ составить подробной и полной картины не возможно, но историческій матеріалъ, по нашему мнѣнію, достаточенъ для того, чтобы признать, что въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.

---

[1]) Густинская лѣтопись стр. 360. Описаніе Кіевософійскаго собора стр. 113

ОЧЕРКЪ
ОТНОШЕНІЙ
ПОЛЬСКАГО ГОСУДАРСТВА
КЪ ПРАВОСЛАВІЮ
И
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

ОЧЕРКЪ
ОТНОШЕНІЙ
ПОЛЬСКАГО ГОСУДАРСТВА
къ православію
и
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.[1]

Еще въ XIV столѣтіи первыя русскія области, входившія въ составъ великаго княженія Галицкаго, были захвачены Польшею. Если обратимъ вниманіе на религіозныя отношенія, возникшія въ этихъ земляхъ послѣ присоединенія ихъ къ Польскому государству, то замѣтимъ съ первыхъ шаговъ стремленіе польскаго правительства къ распространенію въ этой части Руси католичества и къ подавленію православія оффиціальными мѣропріятіями. Стремленіе это обнаруживается прежде всего въ учрежденіи для Руси католическихъ епископскихъ каѳедръ. Такъ уже Казиміръ III учреждаетъ въ 1362 Львовскую архіепископію, а при наслѣдникѣ его Людовикѣ возникаютъ въ 1375 году четыре католическія епископства: Галицкое, Перемысльское, Луц-

[1]) Статья эта издана была въ 1866 году въ видѣ отдѣльной брошюры Кіевскою Археографическою Коммисіею и, затѣмъ, въ 1867 вышла вторымъ изданіемъ въ Вильнѣ, также отдѣльною брошюрою. Въ настоящемъ изданіи она предлагается въ нѣсколько дополненномъ видѣ; авторъ притомъ выдѣлилъ изъ первоначальнаго изданія только ту часть труда, которая лично ему принадлежала.

кое и Каменецкое;[1]) замѣтимъ, что два послѣднія учреждены были для такихъ русскихъ областей, которыя еще не входили въ составъ польскаго государства, но на которыя оно лишь заявляло претензіи какъ на наслѣдство Галицкихъ князей. Конечно всѣ эти католическія эпархіи оставались на первое время „in partibus infidelium" такъ какъ только немногочисленные польскіе колонисты-дворяне составляли ихъ паству, вся-же масса туземцевъ исповѣдывала православіе. Новымъ епископамъ короли пожаловали щедрою рукою имѣнія, доходы и десятины, каѳедральные-же соборы учредили въ русскихъ церквяхъ, которыя насильно были переданы католикамъ. Такъ въ 1370 г. во Львовѣ конфискована была церковь Воздвиженія Честнаго Креста и передана католическому архіепископу въ качесвѣ каѳедральнаго собора[2]) Такой-же участи подверглись въ Галичѣ православныя церкви: Успенія Пресвятой Богородицы, св. Пантелеймона и св. Анны[3]) Православные Галицкіе епископы должны были удалиться въ подгородное село Крылосъ и въ мѣстной сельской церкви устроить свою каѳедру. Еще безцеремоннѣе поступлено было съ каѳедральнымъ соборомъ во имя Рождества св. Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ. Въ 1412 году король Владиславъ Ягайло, желая заявить передъ лицемъ императорскихъ пословъ свое религіозное рвеніе, приказалъ занять эту церковь вооруженному отряду—затѣмъ взломаны были старыя гробницы русскихъ князей, кости ихъ выброшены и храмъ, вновь освященный по католическому обряду, переданъ во владѣніе Перемышльскаго католическаго епископа; православный владыка долженъ былъ удалиться изъ города и основать свою каѳедру въ подгороднемъ селѣ Вильчѣ. Длугошъ, передающій намъ этотъ фактъ, замѣчаетъ наивно, что русскіе священники и народъ, полагая, что дѣло это (отнятіе церкви), совершено для поруганія и особеннаго оскорбленія ихъ обряда, разразились горькими упреками, возгласами и рыданіями[4])."

Стремленіе къ католическому прозелитизму на Руси со стороны польскаго правительства особенно усилилось въ концѣ XIV столѣтія, когда на польскій престолъ вступилъ Ягайло. Король этотъ слабохарактерный и упрямый, жестокій и недальновидный, со всею ревностью необразованнаго неофита подчинился фанатическому вліянію католическаго духовенства и рѣшился употребить всевозможныя усилія для обращенія въ католичество православныхъ жителей своихъ родовыхъ владѣній въ великомъ княжествѣ литовскомъ, въ составъ котораго входила вся западная половина Руси. Лучшій законодательный памятникъ его прозелитическихъ стремленій представляетъ актъ такъ на-

---

[1]) Lelewel—Histoire de la Lituanie et de la Ruthenie, стр. 141, Зубрицкій—исторія города Львова, стр. 44.

[2]) Зубрицкій I, с. стр. 42.

[3]) Шараневичъ—Старорусскій княжій городъ Галичъ стр. 20—21.

[4]) Длугошъ, книга XI, подъ 1412 годомъ. Перемышлянинъ на 1852 годъ, стр. 53.

зываемой Городельской уніи, выставляемый обыкновенно польскими историческими писателями какъ документъ торжественнаго признанія равенства жителей литовско-русскихъ земель съ поляками и распространенія польской свободы на русскія области. Между тѣмъ, разсматривая этотъ документъ, мы находимъ въ немъ слѣдующія законоположенія: Король и великій князь, желая способствовать распространенію и утвержденію католической религіи въ Литвѣ, постановилъ уравнять нѣкоторыхъ ея жителей въ правахъ и вольностяхъ съ польскимъ дворянствомъ. Привилегія эта должна распространяться только на лицъ, принятыхъ польскими дворянами къ своимъ гербамъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, что лица эти будутъ исповѣдывать христіанскую вѣру по ученію Римской церкви. Пользоваться ею не могутъ „схизматики и другіе невѣрные" (schismatici vel alii infideles). Въ пользу этихъ лицъ великій князь отказывается отъ своего феодальнаго права на территоріальную собственность и признаетъ ихъ имѣнія потомственными ихъ владѣніями. Онъ разрѣшаетъ имъ выдавать замужъ дочерей и сестеръ по своему усмотрѣнію но только за лицъ католическаго обряда. Церкви католическія соборныя и приходскія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ онъ надѣляетъ правами и свободами церквей католическихъ въ Польшѣ; затѣмъ обѣщаетъ, что всѣ должности: воеводъ, кастелляновъ и т. д. онъ будетъ раздавать въ великомъ княжествѣ Литовскомъ исключительно лицамъ католическаго исповѣданія [1]. Такимъ образомъ очевидно, что прославленное польскими историками мнимое уравненіе правъ въ актѣ Городельской уніи, имѣло въ дѣйствительности лишь значеніе снабженія особыми привилегіями незначительнаго кружка лицъ, исповѣдывавшихъ католичество и относилось ко всей массѣ литовско-русскаго населенія только въ качествѣ приманки къ отступничеству.

Трудно угадать предѣлъ до котораго бы дошелъ прозелитизмъ Ягайла въ этомъ направленіи, если-бы онъ не былъ задержанъ серьезными историческими препятствіями; конечно только человѣкъ на столько недальновидный какъ Ягайло могъ предполагать, что многочисленный народъ, опиравшійся на старую самостоятельную культуру, можетъ быть по желанію власти законодательнымъ или административнымъ путемъ переведенъ изъ одной культуры въ другую. Мѣропріятія Ягайлы вызвали лишь крайнюю его непопулярность въ Литовской Руси и послужили точкою опоры для его талантливаго соперника, в. к. Витовта; послѣдній, хорошо понимая автономическіе инстинкты Литвы и Руси и опасенія ихъ, вызванныя фанатическими распоряженіями ополяченнаго короля-прозелита, успѣлъ стать во главѣ Литовскаго государства и принять мѣры, для того, чтобы на долго гарантировать его отъ польскаго вліянія. Въ числѣ этихъ мѣръ одною изъ болѣе важныхъ были гарантіи, данныя в. к. Витовтомъ православной іерархіи и свободѣ православной церкви въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. По иниціянствѣ Витовта въ 1415

[1] Volumina legum. т. I, стр. 29—31.

году собрался въ Новгородкѣ Литовскомъ соборъ православнаго Литовско-русскаго духовенства, на которомъ точно обеспечена была независимость православной литовско-русской церкви и самоуправленіе ея подъ властью Кіевскаго митрополита и подъ верховнымъ главенствомъ Константинопольскаго патріарха. Свобода, неприкосновенность и независимость церкви гарантированы были грамотою Витовта, подтверждавшею всѣ постановленія этого собора [1]).

Такимъ образомъ по отношенію къ западной Руси надолго положена была преграда польскому прозелитизму. Положеніе православія было еще болѣе упрочено въ первые годы княженія Казимира Ягайловича. Этотъ великій князь, желая снискать расположеніе весьма сильнаго въ то время русскаго элемента, между прочими уступками въ его пользу, уничтожилъ въ 1447 году ограниченія правъ православныхъ жителей великаго княжества Литовскаго, вытекавшія изъ Городельскаго постановленія Ягайла. Такимъ образомъ пока в. к. Литовское сохраняло свою самостоятельность, права православной церкви были въ немъ обеспечены, но послѣ Люблинской уніи (1569) вновь открылось широкое поле для польско-католической пропаганды.

Систематическое преслѣдованіе польскимъ правительствомъ православія и православной церкви началось съ послѣднихъ лѣтъ XVI столѣтія,—съ того именно времени, когда, руководимый іезуитами, Сигизмундъ III задумалъ, посредствоаъ церковной уніи, подчинить православную церковь папѣ, и успѣлъ склонить въ пользу своей политики кіевскаоо митрополита Михаила Рогозу и большинство православныхъ епископовъ, находившихся въ предѣлахъ речи посполитой. Но въ началѣ, эта политика не принимала офиціальнаго характера: православный элементъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы можно было его подавить сразу, онъ имѣлъ слишкомъ много защитниковъ, не дозволявшихъ вносить въ законы враждебныя для православной церкви постановленія. Съ одной стороны, многочисленные и могущественные православные дворянскіе роды, своимъ вліяніемъ въ сенатѣ и своимъ голосомъ на сеймѣ, заставляли королей гарантировать, при каждомъ представлявшемся случаѣ, свободу вѣроисповѣданія; съ другой стороны, не подавленное еще и развивавшееся въ то время козачество поддерживало православную церковь силою оружія. Кромѣ того, иногда необходимость вѣротерпимости вытекала изъ политическихъ плановъ, нѣкоторыхъ королей, какъ-напримѣръ, Владислава IV, стремившагося снискать себѣ точку опоры въ угнетаемыхъ слояхъ речи посполитой, для борьбы съ преобладающимъ шляхетствомъ. Наконецъ на кіевскомъ митрополичьемъ столѣ возсѣдали святители, какъ Петръ Могила, блиставшіе среди современнаго общества умомъ, образованіемъ и удивительнымъ политическимъ тактомъ. Они умѣли пользоваться всѣми выше приведенными обстоятельствами, умѣли группировать всѣ благопріятныя для православія силы и составлять изъ нихъ крѣпкій оплотъ противъ правительственнаго натиска

---

[1]) Kulczyński—Speimen ecclesiae Ruthenicae. Romae 1733. Приложенія стр. 46—53.

католицизма. Поэтому и давленіе католическое, въ продолженіе всей первой половины XVII в., имѣетъ болѣе видъ частныхъ насилій и правительственной интриги, чѣмъ гнета, возводимаго въ законную норму.—Давленіе это развивается, со стороны правительства, рядомъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію православныхъ, къ поощренію безнаказанностью наглыхъ обидъ, наносимыхъ ревнителямъ православія, и къ поддержанію ревностной іезуитской пропаганды въ школахъ, въ проповѣдяхъ, въ частныхъ сношеніяхъ. Короли надѣляютъ чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами, всякими бенефиціями, исключительно католиковъ и, особенно, лицъ, переходящихъ изъ православія въ католицизмъ, и, не смотря на всевозможную преданность и заслуги, обходятъ людей православныхъ остававшихся вѣрными своей церкви. Православные дворянскіе роды, въ слѣдствіе этого, бѣднѣютъ или, большею частью, не выдерживаютъ и поддаются заманчивой іезуитской пропагандѣ, подкрѣпленной надеждою на мірскія блага. Такой характеръ борьбы продолжается съ 1596 по 1648 годъ. За все это время мы не находимъ ни одного постановленія, внесеннаго въ польскіе законы въ ущербъ православію, хотя знаемъ, что на дѣлѣ православіе тяжело страдало въ борьбѣ съ уніей.

Но съ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія образъ дѣйствій правительства и общества рѣзко перемѣняется. На престолѣ польскомъ возсѣлъ Янъ-Казиміръ, бывшій іезуитскій монахъ, подчинившійся душею и тѣломъ вліянію своего ордена и, по характеру, склонный къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ. Въ самый день своей коронаціи онъ далъ обѣтъ—не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного старосства некатолику [1]).—Между тѣмъ православное общество было ослаблено окончательно выше указанными мѣрами. Дворяне окатоличились. Козаки, боровшіеся долго за свободу вѣроисповѣданія, разорвали связь съ Польшею и подчинились Россіи. Въ уступленной Польшѣ, по андрусовскому договору, западной половинѣ Южнорусскаго края, въ Литвѣ и Бѣлой Руси, оставались только православные крестьяне, мѣщане и духовенство. Но крестьяне были совершенно порабощены дворянами; мѣщане, хотя и пользовались собственнымъ судомъ и управою, но въ дѣлахъ государственныхъ голоса не имѣли; а о пріемахъ, употребленныхъ польскимъ правительствомъ для устраненія православнаго духовенства, узнаемъ далѣе. Защищать православіе было некому и, съ этого времени, гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе офиціальный характеръ. Въ 1667 году вышло первое сеймовое постановленіе, стѣснительное для православія. Въ силу этого постановленія, уніатское духовенство освобождалось отъ постоя и другихъ военныхъ повинностей [2]), которыя должны были тяготѣть исключительно на православномъ духовенствѣ. Въ то время, мѣра

---

[1]) Морачевскій, польскія древности, I, 193.
[2]) Volumina legum, m. IV, стр. 474, § 58.

эта была не маловажна: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе составлявшей его шляхты, дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина. Цѣлыя сотни доказательствъ на это существуютъ въ актахъ кіевскаго центральнаго Архива. Да и шляхтичи, установившіе приведенный законъ на сеймѣ, понимали прекрасно его значеніе, ибо, вмѣстѣ съ тѣмъ, они постоянно требовали и постановляли, чтобы постой войскъ не распространялся на шляхетскіе дворы и имѣнія, а размѣщался исключительно въ имѣніяхъ и староствахъ королевскихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1668 и 1675 годахъ, вступавшіе на польскій престолъ короли, Михаилъ Вишневецкій и Іоаннъ III Собѣсскій, обязывались къ повторенію присяги, данной Яномъ-Казиміромъ о томъ, что они будутъ предоставлять должности и староства исключительно католикамъ [1]).

На сеймѣ 1676 года былъ постановленъ законъ, которымъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имуществъ (sub poena colli et confiscationis bonorum), воспрещалось, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда, и строго поручалось пограничнымъ старостамъ слѣдить за исполненіемъ этого закона [2]). При разстройствѣ православной іерархій въ предѣлахъ Польши, мѣра эта стремилась къ тому, чтобы православные не могли получать поддержки извнѣ и чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ епископовъ уніатскихъ, такъ-какъ православныхъ епископовъ въ предѣлахъ Польши не было, а общеніе съ пастырями, живущими въ Россіи и Молдавіи, пресѣкалось.—Запретъ этотъ продолжался весьма долго. Мы находимъ подтвержденіе этого закона на сеймахъ 1678 и 1699 годовъ [3]). Въ 1696 году, новый король, Августъ II, бывшій Саксонскій курфирстъ, повторилъ опять присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія изъ должностей лицъ некатолическаго исповѣданія [4]). На первомъ сеймѣ, бывшемъ въ его царствованіе, въ 1699 году, опредѣлено было изданіе новаго закона противъ православныхъ. Закономъ этимъ только уніаты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей; православные же признавались неспособными къ отправленію ихъ Православнымъ, также, наравнѣ съ евреями, запрещалось навсегда жить въ Каменцѣ, богатомъ, торговомъ и пользовавшемся магистратскими учрежденіями городѣ [5]). Въ слѣдствіе сеймоваго распоряженія, православныя церкви въ городѣ были опечатаны и духовенство изгнано изъ него [6]) Далѣе, на сеймѣ 1712 года, изданъ былъ

---

[1]) Морачевскій, польскія древности, I, 193.
[2]) Volumina legum, m. V, стр. 180, § 39.
[3]) Volum legum, V, стр. 306, § 24, и VI m., стр. 35, § 21.
[4]) Морачевскій, польскія древности, I, 193.
[5]) Volum. legum, VI, стр. 35, § 19 и 21.
[6]) Книга гродская каменецкая, записовая и поточная за 1699—1700 г № 3954, л. 21.

законъ, въ силу котораго запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что-либо выгодное для лицъ некатолическаго вѣроисповѣданія [1]). Такимъ образомъ, послѣдніе лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства ничѣмъ необузданной католической шляхты.

Послѣ смерти Августа II, конфедераціею, устроенною во время междуцарствія, въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлены были слѣдующія узаконенія: „церковь католическая не должна терпѣть „рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, другихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, „т. е. православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты „на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ спеціальныя коммиссіи, со„ставленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ „правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно по улицамъ ходить со св. „дарами; крещеніе, бракъ, похороны, они имѣютъ право совершать не иначе, „какъ съ разрѣшенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ „плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны „хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать „при католическихъ крестныхъ ходахъ. Въ селахъ не должны имѣть колоко„ловъ при церквяхъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны при„числяться къ католической церкви и даже православные пасынки отчима „католика должны принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ „должны быть обязательны и для иновѣрцевъ“ [2]). Напрасно, послѣ изданія этого закона, всѣ протестантскія державы, Англія, Пруссія, Данія, Голландія, Швеція и, сильнѣе всѣхъ, Россія, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобы облегчить участь православныхъ и протестантовъ въ Польшѣ. Дипломатическія ноты, самыя рѣшительныя требованія Россіи, безпрестанные протесты иностранныхъ пословъ, все это оставлялось безъ вниманія и королемъ, и сенатомъ, и сеймами, и католическимъ духовенствомъ. Напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавлялась къ законамъ, уже сущеструющимъ, новая какая-нибудь стѣснительная мѣра: такъ, на сеймѣ 1764 года, постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католицизма въ другое вѣроисповѣданіе, и опредѣлено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15 лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода жизни [3]). Въ 1766 году епископъ Краковскій Солтыкъ предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждаго, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и полу-

---

[1]) Морачевскій, полс. древ., I, 193.

[2]) Морачевскій, польс. древности, I, 195,—Въ Volumina legum, постановленія конфедераціи 1732 г. не внесены; однако изъ приведеннаго ниже трактата съ Россіею 1768 г. видно, что постановленія эти имѣли силу закона.

[3]) Volum. legum, VII, стр. 8 и 40.

чило силу закона [1]). Тогда всѣ дворяне некатолики составили союзъ (конфедерацію) и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощію къ Россіи и къ протестантскимъ державамъ.—Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство, и только рѣшительныя угрозы русскаго посланника князя Репнина и страхъ передъ Русскими войсками, заставили одуматься сеймъ, созванный королемъ по настоянію Репнина. На этомъ сеймѣ назначена была коммиссія изъ 70 лицъ, которая заключила съ Репнинымъ трактатъ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ. Трактатомъ этимъ (1768) опредѣлено: католическая религія въ Польшѣ признается господствующею, переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе почитается преступленіемъ; но за то православнымъ предоставляется право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковные, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, отбывать крестные ходы; они освобождались отъ зависимости отъ польскихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ; дѣтямъ, рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ —вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствія при католическихъ крестныхъ ходахъ и, для разбирательства религіозныхъ столкновеній, устроенъ былъ смѣшанный судъ изъ 17 католиковъ и 8 вротестантовъ и православныхъ. Наконецъ, обѣщано было королемъ сохраненіе равноправности при раздачѣ должностей [2]).

Но это облегченіе, доставленное вліяніемъ Россіи православнымъ подданнымъ речи посполитой, было непродолжительно. Фанатическая шляхта озлобилась противъ вышеприведенныхъ пунктовъ тракта; вспыхнула такъ-называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. По окончаніи войны, Россія возвратила отъ речи посполитой Бѣлоруссію; но за то сдѣлала въ новомъ трактатѣ, заключенномъ 1775 года въ Варшавѣ, значительныя уступки общественному мнѣнію Польской шляхты, относительно православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Такъ, въ особомъ прибавленіи, приложенномъ къ трактату, сказано было, что русское правительство соглашается, чтобы впредь православные были исключены изъ сената и министерствъ; что хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ дворянами католическими, однако законъ этотъ не будетъ относиться къ тѣмъ, которые приняли бы впредь православіе. Притомъ, на сеймѣ не должно быть никогда больше трехъ депутатовъ некатоликовъ. Смѣшанный судъ уничтожается и дѣла его переносятся въ королевскій ассесорскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ. Наконецъ, православнымъ церквямъ воспрещается

---

[1]) Морачевскій, польск. древн. I, 196.
[2])Volumina legum VII 256—270.

употребленіе колоколовъ [1]).—При такомъ положеніи законодательства православные подданные Польши дожили до ея паденія.

По мѣрѣ того, какъ польскимъ правительствомъ постепенно тѣснилось православіе посредствомъ цѣлаго ряда вышеприведенныхъ узаконеній, съ другой стороны имъ были приняты дѣятельныя и послѣдовательно обдуманныя мѣры для того, чтобы обезоружить православіе, отнять у него возможность сосредоточиваться и лишить народъ единственнаго сословія, поддерживавшаго его нравственныя силы, и защищавшаго его въ неравной борьбѣ съ врагами. Мѣры эти были направлены на православное духовенство вообще и на высшую церковную іерархію въ особенности.

Послѣ брест-литовской уніи, митрополитъ и большинство православныхъ епископовъ, признавъ ее, стали на сторонѣ религіознаго нововведенія. Правительство рѣшилось утверждать преемниковъ ихъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію, и, такимъ образомъ, намеревалось, раньше или позже, захватить и поставить подъ знамена уніи всю православную, зависѣвшую отъ него, іерархію, полагая, что паства рано или поздо, должна будетъ подчиниться вліянію пастырей. Но обстоятельства помѣшали осуществленію сразу этого плана. Въ 1620 г. козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, пользуясь присутствіемъ въ Кіевѣ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго, упросилъ его посвятить на кіевскую митрополію и на епископскія каѳедры, занимаемыя уніатами, лицъ преданныхъ православію. Король Сигизмундъ III, религіозные планы котораго уничтожались возстановленіемъ православной іерархіи, слишкомъ сильно нуждался въ военной помощи Конашевича и потому не осмѣлился противорѣчить возстановленію православныхъ епископовъ на каѳедры, занятыя уже епископами уніатскими, которыхъ однихъ онъ признавалъ законными. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока послѣдующихъ лѣтъ, польское правительство, въ слѣдствіе безпрестанныхъ козацкихъ возстаній и невозможности овладѣть мнѣніемъ массы южно-русскзго народа, должно было выносить присутствіе православныхъ святителей. Правда, короли не утверждали ихъ въ должностяхъ, подобно уніатскимъ епископамъ, не гарантировали ихъ правъ, ихъ епископскаго суда, ихъ имѣній и доходовъ, и считали существованіе ихъ фактомъ незаконнымъ, непріятною необходимостью, вытекающею изъ невозможности, какъ выражались современники, „успокоенія Руси“; но, тѣмъ не менѣе, бывали минуты, когда, по требованію обстоятельствъ, польское правительство входило въ переговоры съ непризнанными имъ законно владыками. Такъ, на сеймѣ 1632 года, Петръ Могила получилъ изъ рукъ короля дипломъ на свободу вѣроисповѣданія для православныхъ. Такъ, при составленіи договоровъ съ Хмѣльницкимъ, поляки нѣсколько разъ обѣщали признать православныхъ епископовъ. Такъ, въ 1658 году, желая возвратить утраченную Малороссію, послы польскіе обѣщали, при составленіи гадячскихъ

---

[1]) Volum. legum, VIII, стр. 47—49.

статей, не только признать православную іерархію, но даже предоставить въ сенатѣ мѣста кіевскому митрополиту и нѣсколькимъ православнымъ епископамъ. Но, при первой возможности, обѣщанія эти нарушались, короли медлили съ присылкою подтвердительныхъ грамотъ, а епископы, пріѣхавшіе на сеймъ въ силу гадячскихъ статей, не были допущены въ сенатъ и должны были выѣхать изъ Варшавы.

Послѣ окончательнаго отдѣленія Малороссіи отъ Польши и послѣ утвержденія его андрусовскимъ договоромъ, польское правительство начинаетъ смѣлѣе дѣйствовать противъ православія въ оставшейся подъ его властью части Южно-русскаго края какъ въ законодательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ православной іерархіи. Уже въ 1664 году, по приказанію короля Яна-Казиміра, послѣдній православный митрополитъ, проживавшій въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, былъ, безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки, схваченъ и заточенъ въ маріенбургскую крѣпость [1]). Преемники его, конечно, не отваживались болѣе выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Но въ границахъ Рѣчи Посполитой оставалось до 10 православныхъ епархій, епископы которыхъ могли сноситься съ митрополитомъ, управлять своею паствою и удерживать ее отъ перехода въ унію. Для упраздненія этихъ каѳедръ были приняты правительствомъ слѣдующія мѣры: признавая на епископскихъ мѣстахъ уніатовъ законными епископами, правительство польское отчислило въ пользу послѣднихъ всѣ епископскія имѣнія и доходы, оставляя, такимъ образомъ, высшее православное духовенство въ крайней нищетѣ [2]). Оно запретило православнымъ духовнымъ выѣзжать за границу Рѣчи Посполитой и тѣмъ затруднило возможность рукоположенія въ епископы. При упраздненіи православной епископской каѳедры, правительсто подчиняло управленіе православной паствы уніатскому епископу той же епархіи [3]). Въ архимандриты и игумены всѣхъ сколько-нибудь зажиточныхъ монастырей назначаемы были уніаты, иногда даже свѣтскія лица [4]), которыя тотчасъ же захватывали монастырское имущество, разгоняли православныхъ монаховъ и водворяли на ихъ мѣсто уніатовъ. Ставропигіальныя православныя братства, по распоряженію сейма 1676 года, были, не смотря на прежнія привилегіи, лишены непосредственной зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ и подчинены мѣстнымъ владыкамъ-уніатамъ [5]). Наконецъ, правительство приняло мѣры относительно самого выбора православныхъ епископовъ. По обычаю, издавна установившемуся въ Южно-русскомъ краѣ, епископы избирались духовными

---

[1]) Морачевскій, исторія Польши, IX, 113.
[2]) См. Книга гродская кіевская, № 25, листъ 7.
[3]) См. Книга гродская кіевская, № 23, листъ 199 и 312.
[4]) См. Книга гродская кременецкая, № 1609, л. 209.
[5]) Volum. legum, V m., стр. 180, § 39.

и мирянами своей епархіи и, потомъ, утверждались королемъ [1]). Во второй половинѣ XVII вѣка, при упраздненіи епископскаго стола, въ рѣдкой епархіи православные осмѣливались собираться для выборовъ: дворянъ православныхъ было весьма мало, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ихъ вовсе не было, духовенство было разогнано и загнано, крестьяне и мѣщане, подъ сильнымъ гнетомъ шляхтичей и королевскихъ старостъ, не смѣли распоряжаться своимъ голосомъ. Первый попавшійся староста, въ городѣ котораго посполитые люди собрались бы для выборовъ епископа, могъ объявить ихъ собраніе бунтомъ, своевольною купою, и разогнать силою оружія. Король еще рѣже подтверждалъ выборы. Если и бывали случаи подтвержденія, то это было только тогда, когда выбранное лице обязывалось принять, послѣ истеченія извѣстнаго времени, унію. Дѣйствительно, за все это время, всѣ снискавшіе королевское подтвержденіе православные епископы, выждавъ немного, объявляютъ о своемъ присоединеніи къ уніи. Таковы были: Иннокентій Винницкій, епископъ Перемышльскій, выбранный около 1663 года и уже въ 1670 г. правившій, въ качествѣ уніата, имѣніями, отчисленными отъ кіевской православной митрополіи [2]); Кипріанъ Жоховскій, епископъ бѣлорусскій, не только принявшій унію, но и насильно обращавшій въ нее (съ 1690 по 1700 годъ) свою епархію [3]); Іосифъ Шумлянскій, выбранный епископомъ львовскимъ, около 1680 года, и принявшій унію въ 1681 году, за что, потомъ, былъ переименованъ въ уніатскаго львовскаго архіепископа [4]); Афанасій Шумлянскій, епископъ луцкій, и избранный послѣ него, въ 1694 году, Діонисій Жабокрицкій, который, послѣ полученія королевской подтвердительной грамоты, также перешелъ въ унію, въ 1701 году [5]). Послѣ удаленія изъ края епископа Жабокрицкаго, въ 1709 году [6]), до паденія Польши, 1795 г., ни въ одной епархіи Южно-русскаго края не состоялось выбора православнаго епископа. За всѣ эти 80 лѣтъ, православіе, тѣснимое самыми крутыми мѣрами правительства, шляхты и уніатскаго духовенства, лишено было всякой іерархіи, всякаго центра, въ которомъ могли бы сосредоточиваться силы для защиты своей вѣры.—Польское правительство достигло своей цѣли: оно разрушило православную іерархію. Но православное простонародье, лишенное церковной іерархіи, продолжало, по старинному обычаю,

[1]) Какъ образецъ утвердительной королевской грамоты, мы можемъ привести грамоту, выданную королемъ Іоаномъ III епископу Діонисію Жабокрицкому, см. лѣтопись Величка, т. III, стр. 299 по 304.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 43 и 245.

[3]) Лѣт. Величка, т. III, стр. 313—316.

[4]) Лѣт. Величка, т. II, стр. 486—487 и 503.

[5]) Книга гродская луцкая, № 2238, листъ 1120 и гродская владимірская, № 1078, листъ 609.

[6]) Послѣ полтавской побѣды, во время занятія русскими войсками Польши, Жабокрицкій былъ арестованъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ. Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 408.

выбирать приходскихъ священниковъ изъ собственной среды и посылать ихъ, не смотря ни на какія препятствія и угрозы, для рукоположенія, за границу Рѣчи Посполитой,—то въ Кіевъ, то въ Переяславль, то въ Молдавію [1]). Каждый приходъ дружно окружалъ своего приходскаго православнаго священника и велъ отчаянную неравную борьбу съ навязываемымъ администраціею, а иногда и военною силою, уніатскимъ духовенствомъ. Между тѣмъ, и низшее православное духовенство не было забыто польскимъ законодательствомъ. По древнему обычаю, міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника. Въ силу установившагося обычая, выборъ почти всегда падалъ на одного изъ сыновей умершаго священника, такъ-какъ они заблаговременно получали воспитаніе, болѣе соотвѣтственное іерейскому назначенію. Выбранный прихожанами кандидатъ отправлялся къ епископу своей епархіи, принималъ отъ него рукоположеніе и, потомъ, занималъ безпрепятственно приходъ [2]). Но въ 1647 году, сеймъ постановилъ новый законъ, по которому священникъ не могъ занять прихода, не получивъ предварительно согласія отъ шляхтича, которому принадлежитъ село, или отъ старосты, либо державцы, въ королевскихъ имѣніяхъ [3]). Послѣ этого, занятіе прихода было поставлено въ прямую зависимость отъ фанатической католической шляхты, которая, въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, по большей части, только за плату довольно значительную, соглашалась давать православнымъ на занятіе приходовъ свои подтвердительныя грамоты, или, такъ-называемые, *презенты*. Тѣснимое, православное духовенство должно было отправляться искать мѣстъ за Днѣпромъ. Если, воспользовавшись какимъ-нибудь благопріятнымъ случаемъ, прихожане и успѣвали выхлопотать *презенту* для православнаго священника, то встрѣчали затрудненіе въ выборѣ лицъ и весьма часто принуждены были обращаться къ малообразованнымъ и едва грамотнымъ своимъ собратамъ-поселянамъ. Въ такомъ случаѣ, шляхтичи удерживали надъ священникомъ помѣщичье право, гнали его на барщину, въ случаѣ отлучки изъ села, преслѣдовали и наказывали, какъ бѣглаго крестьянина, и т. п. [4]). Оскорбленія, обиды сыпались градомъ на низшее православное духовенство. Гродскія книги, за весь XVIII в., наполнены фактами такого рода [5]). Всѣ эти насилія продолжались до самаго паденія Польши.

---

[1]) См. книги гродскія: кіевскую, № 135, листъ 115; луцкую, № 2238, л. 1116; кременецкую, № 1612, л. 805; также—многочисленные акты, напечатанные въ Арх. юго-запад. Россіи, часть 1, томъ II.

[2]) Мацѣёвскій, Польша и Русь до половины XVII в., томъ II, стр. 170.

[3]) Volum. legum, т. IV, стр. 59, § 54.

[4]) См. книги гродскія—винницкую, № 4599, л. 141 (на оборотѣ) и 382, и кременецкую, № 1835, л. III (на обор.)

[5]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи ч. I, т. 2 и 3 sparsim.

ОЧЕРКЪ

СОСТОЯНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

въ Юго-Западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія.

ОЧЕРКЪ

СОСТОЯНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

въ Юго-западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія [1]).

Успѣхъ церковной уніи, задуманной польскимъ правительствомъ, руководимой езуитами и католическою клерикальною партіею, и провозглашенной на Брестскомъ соборѣ 1596 года, былъ разсчитанъ исключительно съ католической точки зрѣнія. Проводившая унію партія полагала, что достаточно заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей церковной іерархіи православной церкви для того, чтобы религіозное нововведеніе прочно установилось въ русскихъ областяхъ речпосполитой. По привычкѣ къ строгой іерархической централизаціи и къ пассивному повиновенію въ дѣлахъ вѣры низшихъ членовъ іерархіи—высшимъ и мірянъ—духовнымъ властямъ, ультракатолическая партія надѣялась легко сломить православіе при содѣйствіи православныхъ епископовъ и митрополита; вслѣдствіе такого взгляда, всѣ усилія короля, вліятельныхъ дворянъ—ревнителей католицизма, и езуитовъ направлены были исключительно на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей іерархіи православной церкви; какъ только усилія эти привели къ желанной цѣли, какъ только большинство іерарховъ православныхъ, прельстившись обѣщаніями всевозможныхъ благъ или уступая грубому насилію, изъявило согласіе на принятіе церковной уніи—послѣдняя была провозглашена на Брестскомъ соборѣ, при чемъ мнѣнія у низшаго духовенства и у мірянъ не спрашивали и на заявленія съ ихъ стороны не обращали малѣйшаго вниманія. По убѣж-

---

[1]) Статья эта была напечатана въ Архивѣ Юго-западной Россіи, часть I, томъ IV. Кіевъ 1871 г.

денію ревностныхъ католиковъ такое нововведеніе въ дѣлахъ церкви, на которое заявили согласіе митрополитъ и значительное большинство епископовъ, считалось дѣломъ вполнѣ выиграннымъ и рѣшеннымъ. Но въ этомъ взглядѣ и состояла главная ошибка иниціаторовъ уніи; они не обратили вниманія на то обстоятельство, что основная черта устройства православной церкви состояла въ соборномъ ея характерѣ, въ непризнаніи слѣпаго повиновенія іерархамъ въ дѣлахъ вѣры и въ отсутствіи централизаціи въ самой іерархіи. Принятіе уніи митрополитомъ и епископами не составляло еще непремѣннаго условія успѣха этого нововведенія; унія могла быть принята не иначе, какъ послѣ гласнаго обсужденія и съ добровольнаго согласія всѣхъ членовъ православной церкви: духовныхъ и мірянъ—а такого обсужденія иниціаторы уніи избѣгали, прекрасно понимая, что прямымъ путемъ они никогда не успѣютъ убѣдить православныхъ въ пользѣ и душеспасительности соединенія съ Римомъ. Такимъ образомъ непониманіе или отрицаніе соборнаго начала въ церкви и составляло самое выдающееся явленіе новой затѣи, оно и вызывало постоянныя заявленія протеста. Крѣпко утвердившись на этомъ началѣ, православные успѣли выдержать двухвѣковую тяжелую борьбу за свободу своей религіозной совѣсти. Начиная съ князя Константина Острожскаго, поставившаго ясно на Брестскомъ соборѣ требованіе допущенія мірянъ къ участію въ разсужденіяхъ о дѣлахъ вѣры, и оканчивая порабощенными южнорусскими сельскими громадами, не принимавшими до конца XVIII ст., не смотря ни на какія угрозы своихъ помѣщиковъ, приходскихъ священниковъ уніятовъ, на томъ основаніи, что они назначены безъ участія и выбора прихожанъ, всѣ сословія южно-русскаго народа опираются въ борьбѣ за вѣру на принципъ соборнаго устройства церкви и находятъ въ немъ главную поддержку и неистощимую силу. Вслѣдствіе этого водвореніе уніи не было такъ легко, какъ это казалось ревнителямъ католицизма; реакція, нежданно для нихъ, проявилась во всѣхъ сословіяхъ южно-русскаго края и съ ними, то съ каждымъ порознь, то со всѣми вмѣстѣ, приходилось вести упорную и по большей части безуспѣшную борьбу. Первая реакція православныхъ возникла въ томъ сословіи, которое, какъ по юридическому полноправному своему положенію въ государствѣ, такъ и по степени умственнаго развитія, имѣло болѣе всего возможности оказать сопротивленіе путемъ легальнымъ; православное русское дворянство стало вначалѣ ревностно защищать свободу своей совѣсти на сеймикахъ и на сеймахъ, гдѣ протестъ православныхъ дворянъ находилъ поддержку какъ со стороны довольно многочисленныхъ дворянъ протестантовъ, такъ и со стороны многихъ дворянъ католиковъ, свыкшихся въ теченіи недавно минувшаго правленія Сигизмунда Августа съ идеями вѣротерпимости и религіознаго свободомыслія (напр. Левъ Сапѣга). Большинство дворянъ католиковъ не принадлежало еще тогда къ езуитской фанатизированной партіи и считало свободу совѣсти неотъемлемымъ атрибутомъ гражданской шляхетской свободы, во имя которой оно не допускало насилія въ дѣлахъ вѣры даже въ пользу той церкви, къ которой само оно принадлежало. При такомъ настроеніи большинства дворянскаго сословія не

удивительно, что вначалѣ церковная унія не могла найти поддержки на пути законодательныхъ мѣропріятій. Напротивъ того, не смотря на всѣ усилія короля, католическаго духовенства и езуитской партіи, первые сеймы, разсуждавшіе о церковной уніи, издавали постановленія, охранявшія свободу совѣсти и свободу православнаго богослуженія отъ возможныхъ административныхъ насилій: такъ на сеймѣ 1607 года издана была отъ имени короля слѣдующая конституція „о религіи Греческой“: „Въ обезпеченіе Греческой религіи, издавна пользующейся своими правами, мы постановляемъ: что никакихъ должностей и церковныхъ имуществъ не будемъ никому предоставлять на иномъ правѣ какъ только согласно духу ихъ учрежденія и по обычаямъ и правамъ, подтвержденнымъ нашими предшественниками, т. е. исключительно дворянамъ русскаго происхожденія и *чистой* Греческой вѣры, не нарушая ничѣмъ законной свободы ихъ совѣсти, и не препятствуя ни въ чемъ свободѣ богослуженія по давнимъ ихъ обычаямъ.... Братствамъ церковнымъ греческой вѣры мы подтверждаемъ всѣ ихъ права и привилегіи“ [1]). На слѣдующемъ сеймѣ 1609 года конституція эта была вновь подтверждена, при чемъ сеймъ обѣщалъ въ болѣе свободное время подробнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ, а между тѣмъ прибавилъ постановленіе, по которому уніятамъ воспрещалось насильно обращать въ унію духовныхъ и мірянъ православныхъ, подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ штрафа въ 10,000 злотыхъ [2]). Свобода богослуженія православной церкви подтверждалась и на послѣдовавшихъ за тѣмъ сеймахъ: 1618, 1620, 1623, 1627, 1631, 1633, 1635 и 1647 годовъ [3]); но чѣмъ далѣе уходило впередъ время, тѣмъ сеймы неохотнѣе разсуждали объ религіозномъ вопросѣ, отклоняли его подъ предлогомъ недостатка времени, сокращали текстъ первоначальной конституціи и замѣняли его общими фразами „объ успокоеніи греческой религіи“ и объ сохраненіи statu quo отношеній православной церкви къ уніятской. Наконецъ, съ половины XVII столѣтія на сеймахъ перестаютъ совершенно говорить объ охраненіи правъ православной церкви, а во второй половинѣ этого столѣтія начинается рядъ сеймовыхъ постановленій, направленныхъ въ противуположную сторону, т. е. въ пользу скорѣйшаго распространенія уніи и подавленія православія. Эта перемѣна въ характерѣ сеймовыхъ постановленій строго вытекала изъ перемѣны настроенія массы дворянскаго сословія. Чѣмъ далѣе уходило время впередъ, тѣмъ болѣе изчезали въ дворянской средѣ люди, воспитанные въ благодатное время Сигизмунда-Августа; замѣнившія ихъ поколѣнія проходили черезъ горнило езуитскихъ коллегій, изъ которыхъ, вмѣсто науки, выносили привычку къ схоластическому мудрствованію, латинскія реторическія фразы и внутреннюю умственную пустоту; вмѣсто гражданскихъ убѣжденій о свободѣ совѣсти—хотя-бы только дворянскаго

---

[1]) Volumina legum, т. II, стр. 438—439, § 28.
[2]) Тамже, стр. 465, § 14.
[3]) Тамже, томъ III, стр: 158, 184, 217, 263, 320, 345 и томъ IV, стр. 52.

сословія—ожесточенный католическій фанатизмъ и слѣпую вѣру въ благотворность и безупречность дѣйствій воспитавшаго ихъ ордена. Между тѣмъ какъ масса католическаго дворянства все болѣе и болѣе принимаетъ фанатическое настроеніе и теряетъ прежнія привычки гражданской и религіозной терпимости, количество дворянъ православныхъ и протестантовъ быстро уменьшается. Езуиты поняли, что въ государствѣ, сложившемся въ форму шляхетской республики, не возможно не обратить вниманія на дворянское сословіе— потому самые горячіе миссіонеры, самые даровитые проповѣдники, бывшіе въ распоряженіи ордена (Скарга, Ногаюсъ и т. д.) отправляются обращать въ католичество дворянъ православныхъ и протестантовъ; тамъ гдѣ они не находятъ возможности сладить съ людьми взрослыми, они стараются завлечь дѣтей въ свои коллегіи и всевозможными обольщеніями: угодливостью, возбужденіемъ личнаго самолюбія, авторитетомъ науки, наружнымъ смиреніемъ и т. д., воспитываютъ горячихъ адептовъ католицизма. Пересматривая исторію любого, сколько-нибудь знатнаго, западно-русскаго дворянскаго рода, мы замѣтимъ, что въ первой трети XVII столѣтія члены каждаго изъ нихъ обращаются езуитами не въ унію, а прямо въ католицизмъ и становятся ревностными поборниками послѣдняго. Конечно при этомъ успѣхъ езуитской пропаганды находилъ сильную поддержку въ общественномъ мнѣніи всей дворянской среды, ими же подготовленномъ и оказывавшемъ сильное давленіе на разновѣрныхъ членовъ своего сословія. Сильно порѣдѣвшіе ряды православнаго дворянства въ половинѣ XVII столѣтія встрѣчаютъ новый толчекъ, отшатнувшій окончательно это сословіе отъ православія: въ это время достигаетъ полной силы реакція козацкаго сословія. Козаки стоятъ за православную вѣру, но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ и за равноправность сословную и заявляютъ рѣшительный протестъ противъ преобладающаго положенія, занимаемаго въ речипосполитой дворянскимъ сословіемъ. Оба мотива тѣсно связаны другъ съ другомъ и постоянно рядомъ заявляются козаками; когда козацкая реакція восторжествовала при Хмельницкомъ, то, при указанной постановкѣ вопроса, православные дворяне должны были выбрать одно изъ двухъ: или, оставшись вѣрными завѣту предковъ, отрѣчься отъ сословныхъ преимуществъ, или для сохраненія этихъ преимуществъ перейти въ католичество; за малыми исключеніями южно-русскіе дворяне выбрали второй исходъ, предоставивъ религіозную борьбу на долю другихъ сослоій. Но сословія эти не ждали времени полнаго отпаденія дворянства для того, чтобы начать отстаивать свою вѣру. Мѣщане и низшее духовенство съ участіемъ еще дворянъ, сосредоточиваютъ свою реакцію въ церковныхъ братствахъ. Братства основаны были во многихъ западно-русскихъ городахъ еще до возникновенія церковной уніи. Вначалѣ задачу ихъ составляло попеченіе о благочестіи и о сохраненіи во всей чистотѣ христіанской нравственности, сильно пострадавшей отъ захвата дворянами высшихъ церковныхъ должностей. Патріархи константинопольскіе признали за братствами значеніе блюстителей чистоты церковнаго ученія и христіанской нравственности и обеспечили ихъ существованіе ставропигіальными грамотами,

освобождавшими церковныя братства отъ зависимости отъ мѣстныхъ іерарховъ и подчинявшими ихъ прямо и исключительно только власти патріарховъ. Такимъ образомъ церковныя братства пріобрѣли большую свободу дѣйствій и, когда настало время борьбы противъ уніи, они явились самыми дѣятельными и энергическими ея противниками. Между тѣмъ какъ православные дворяне пытались защитить свое дѣло рѣчами на сеймахъ и проведеніемъ охранявшихъ свободу совѣсти и богослуженія конституцій, братства принялись ревностно разъяснять своимъ единовѣрцамъ истинный смыслъ религіознаго нововведенія, укрѣплять въ нихъ привязанность къ вѣрѣ предковъ, противудѣйствовать уніятской и езуитской пропагандѣ особенно въ тѣхъ слояхъ общества, которые по своему положенію стояли ближе къ членамъ братствъ. Противъ езуитскихъ и базиліанскихъ школъ они поставили свои братскія школы; езуитской наукѣ они противупоставили науку и создали цѣлую полемическую литературу, отражавшую успѣшно хитросплетенныя езуитскими казуистами доводы. Наконецъ, на долю церковныхъ братствъ выпала борьба съ мѣстными іерархами, принявшими унію; вооруженныя ставропигіяльными грамотами, обеспечивавшими ихъ самостоятельность, братства превратились въ центры реакціи, недоступные усиліямъ уніятскихъ іерарховъ; отстаивая шагъ за шагомъ въ каждой мѣстности права своей церкви, братства правда должны были нерѣдко уступать силѣ; уніятскіе епископы отнимали у нихъ церкви и монастыри, изгоняли братчиковъ изъ ихъ общественныхъ домовъ, отнимали братскія имущества и т. п., но всѣ эти насилія они могли производить только съ помощью административныхъ властей и военной силы. Въ отношеніи нравственнаго вліянія братства торжествовали и, чѣмъ болѣе уніятская іерархія преслѣдовала ихъ, тѣмъ большимъ сочувствіемъ пользовались они, тѣмъ суетнѣе и ненавистнѣе представлялась унія глазамъ православнаго народа, тѣмъ менѣе она могла разсчитывать на возможность распространиться путемъ убѣжденія. Между тѣмъ какъ мѣщане и духовенство боролись съ уніею сомкнувшись въ братства, въ борьбѣ принимаетъ участіе еще одно сословіе—козаки. Козачество представляетъ для защиты православія ту военную силу, которой лишены были другія сословія, безъ которой чисто нравственная оппозиція братствъ, подвергаясь страшнымъ преслѣдованіямъ и тѣснимая грубою силою, могла исчерпать свои средства и погибнуть въ неравной борьбѣ съ противниками дисциплинированными и вооруженными властью и всѣми отъ нея зависѣвшими принудительными средствами. Козачество со времени самаго появленія уніи становится рѣшительнымъ ея противникомъ и горячимъ заступникомъ за православіе; области населенныя козаками представляютъ постоянное убѣжище для членовъ братствъ: духовныхъ лицъ и простолюдиновъ, тѣснимыхъ уніятами или компрометированныхъ вслѣдствіе дѣятельнаго сопротивленія поборникамъ уніи. Власти и дворяне, прибѣгавшіе къ насильственнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ религіозныхъ, должны были до извѣстной степени сдерживать, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ русскихъ областяхъ, свое рвеніе въ виду угрожавшей имъ постоянно козацкой реакціи. Въ тѣ

историческія минуты, когда козачеству удавалось получать временный успѣхъ, вліяніе его на церковныя отношенія было гораздо дѣйствительнѣе. Такъ въ 1620 году, вслѣдствіе положенія, пріобрѣтеннаго козачествомъ при гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ, уніи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ возстановленіемъ православной іерархіи, упраздненіе которой составляло пока главный результатъ усилій католической партіи. По приглашенію Конашевича Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ рукоположилъ новаго православнаго Митрополита и епископовъ на тѣ каθедры, которыхъ іерархи перешли въ унію; такимъ образомъ православная паства получила вновь пастырей, и значеніе уніятской іерархіи, вмѣстѣ съ малочисленными ея послѣдователями оспаривавшей право на каθедры у православныхъ епископовъ, низведено было до незавиднаго положенія неудавшейся попытки и насильственнаго, безуспѣшнаго, никѣмъ не признаннаго домагательства. Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе усиливалась козацкая реакція, тѣмъ болѣе исчезала возможность установить унію въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ козачество торжествовало; наконецъ, вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій Хмельницкаго, польское правительство принуждено было два раза (въ договорахъ: Зборовскомъ и Гадяцкомъ) торжественно отказаться отъ уніи, по крайней мѣрѣ въ той части южно-русскаго края, которая была населена козаками, и предоставить православію гарантіи неприкосновенности и свободы вѣроисповѣданія и богослуженія на пространствѣ всей речипосполитой. Не ограничиваясь этими уступками, козаки въ обоихъ упомянутыхъ договорахъ принудили правительство признать представителей православной іерархіи равноправными въ политическомъ отношеніи съ іерархами латинской церкви и допустить ихъ въ сенатъ речипосполитой. Но правительство, находясь въ затруднительномъ положеніи, давало согласіе на эти требованія противъ воли и желанія, оно уступало непремѣнному требованію козаковъ только въ виду временной крайности; оно было увѣрено, что даваемыя имъ обѣщанія несбыточны и невозможны. Сильная клерикальная партія и вполнѣ уже въ то время преданное ей шляхетское сословіе готовы были скорѣе погубить то государство, судьбами котораго они овладѣли, чѣмъ сдѣлать малѣйшую уступку въ религіозномъ вопросѣ или хотя на шагъ попятиться въ дѣлѣ католическаго прозелитизма. Потому естественно уступки правительства имѣли значеніе только пустыхъ обѣщаній и договоры, немедленно послѣ ихъ заключенія, нарушались. Ясная невозможность уладить какъ религіозныя такъ и соціяльныя отношенія въ речипосполитой заставила козаковъ искать обеспеченія правъ своихъ за ея предѣлами.

Такимъ образомъ католическій и сословный фанатизмъ польскаго общества способствовалъ политическому объединенію Руси. Только нѣкоторая нерѣшительность, выказанная русскимъ правительствомъ въ половинѣ XVII столѣтія, была причиною, что вопросъ объ этомъ объединеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о существованіи церковной уніи не былъ окончательно рѣшенъ еще въ то время; только благодаря этой нерѣшительности речь посполитая поплатилась въ то время за свой религіозный прозелитизмъ лишь незначитель-

ною относительно частью русской территоріи, входившей въ ея составъ. Пользуясь мягкостью русскаго правительства, чины речипосполитой отдѣлались отъ бѣды уступкою лѣваго берега Днѣпра; но за то послѣ заключенія Андрусовскаго договора польское правительство и общество рѣшились провести настойчиво и неуклонно разъ задуманный планъ въ той части русской территоріи, которая оставалась въ ихъ распоряженіи. Провести-же этотъ планъ было легче теперь, чѣмъ въ концѣ XVI столѣтія. Внутренній составъ общества въ русскихъ областяхъ измѣнился значительно и перемѣна эта произошла не въ пользу православія. Православное дворянство окатоличилось въ первой половинѣ XVII столѣтія до такой степени, что во второй половинѣ этого столѣтія уже немногіе дворянскіе роды исповѣдывали вѣру своихъ предковъ Они составляли ничтожное меньшинство на провинціональныхъ сеймикахъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ въ Черной Руси, въ Подоліи) почти совершенно исчезли. Но не только дворянства не стало въ ряду защитниковъ православія—козачество, оставшееся на правомъ берегу Днѣпра, исчезло также весьма быстро послѣ заключенія Андрусовскаго договора и польское правительство могло, наконецъ, приступить къ водворенію уніи, не опасаясь грозной для него вооруженной реакціи. Дѣйствительно съ Андрусовскаго договора по религіозному вопросу замѣчаемъ крутой поворотъ какъ въ законодательствѣ речипосполитой, такъ и въ дѣйствительной жизни. Оставленная на время и встрѣтившая серіозныя препятствія церковная новизна опять возводится правительствомъ на степень государственной задачи—опять для шляхетскаго общества она представляетъ широкое поприще, на которомъ дворяне стараются, съ полною на этотъ разъ для себя безопасностью, выказать ревность къ религіозному прозелитизму. Между тѣмъ защитниками православія остаются только тѣ сословія, которыя занимали самое невыгодное положеніе въ речипосполитой, были лишены вовсе политическихъ правъ и пользовались гражданскими правами въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Сословія эти были: православное духовенство, мѣщане и крестьяне.

Съ Андрусовскаго договора мы замѣчаемъ рѣзкую перемѣну въ характерѣ польскаго законодательства относительно свободы православнаго вѣроисповѣданія: постановленія сеймовъ, гарантировавшія въ началѣ столѣтія эту свободу, уклонявшіяся отъ рѣшенія вопроса въ его срединѣ, теперь высказываются рѣзко въ пользу уніи и, при каждомъ возможномъ случаѣ, издаютъ постановленія все болѣе и болѣе враждебныя для православія. Первое постановленіе, направленное въ пользу уніи, издано сеймомъ 1667 года, т. е одновременно съ заключеніемъ Андрусовскаго договора; въ силу этого постановленія духовенство „религіи Греческой, пребывающей въ единеніи“ было освобождено на вѣчныя времена отъ всѣхъ военныхъ повинностей: „постоя выдачи провіанта, добавочныхъ квартирныхъ взносовъ, дневокъ, подводъ и всѣхъ вообще военныхъ тягостей и взысканій“ [1]). Право это предоставленное уніятскому духо-

---

[1]) Volumina legum, т. IV, стр. 474. Впослѣдствіи законъ этотъ былъ подтвержденъ сеймомъ 1678 года. Volum. legum, т. V, стр. 306.

венству, составляло въ то время важную льготу; уравнивая съ одной стороны его права съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, оно оставляло православное духовенство на уровнѣ податныхъ сословій: мѣщанъ и крестьянъ; съ другой стороны оно было сопряжено съ важными матеріяльными и нравственными выгодами: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволіе, составлявшей его, шляхты—дѣлали изъ постоя неизбѣжный источникъ разоренія и неисчислимыхъ обидъ для хозяина. Шляхтичи, постановившіе приведенный законъ на сеймѣ, понимали прекрасно его значеніе: при каждомъ удобномъ случаѣ они выгораживали свои имѣнія отъ военной повинности и освобожденіе отъ нея считали одною изъ важнѣйшихъ привилегій своего сословія. За этимъ первымъ шагомъ польскіе сеймы стали издавать другія законоположенія все болѣе и болѣе враждебныя для православія: такъ въ условія, въ соблюденіи которыхъ приносилъ присягу новый король, т. е. въ такъ-называемыя pacta conventa внесена была статья, относившаяся къ православію. По смыслу этой статьи король давалъ обязательство при первой возможности уладить безотлагательно несогласія „возникшія отъ раздвоенія людей Греческой религіи“ и притомъ обѣщалъ „имѣній и духовныхъ должностей греческой церкви не предоставлять лицамъ недостойнымъ (personis incapacibus) и недозволять такимъ лицамъ пользоваться ими по переуступкѣ.“ Въ 1669 году статью эту подтвердилъ присягою вновь избранный король Михаилъ Вишневецкій, а вслѣдъ за тѣмъ, она вносилась и въ „pacta conventa“ его наслѣдниковъ: Іоанна III и Августа II [1]). Не смотря на нѣсколько темную формулировку статьи, не трудно догадаться, что подъ „успокоеніемъ несогласій“ разумѣлось водвореніе уніи, на счетъ православія, а подъ „лицами недостойными“ православное духовенство. Многочисленные факты, собранныя въ актовыхъ свидѣтельствахъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, какъ понимало формулу королевской присяги шляхетское общество и какой образъ дѣйствій въ религіозномъ вопросѣ предписывался королямъ, иногда лично, подобно Августу II, расположеннымъ къ вѣротерпимости и уваженію свободы совѣсти своихъ подданныхъ. Притомъ, въ одно и тоже время съ вышеприведенною статьею, въ законодательство вошло другое законоположеніе, весьма отчетливо опредѣлявшее взглядъ польскихъ дворянъ на „несогласія греческой религіи“: въ 1668 году, конфедерація генеральная, въ вѣдѣніе которой во время междуцарствія переходила законодательная власть, постановила слѣдующій законъ: „Аріяне и отступники отъ католической вѣры, равно какъ и отъ уніи, перешедшіе въ другое вѣроисповѣданіе, не должны пользоваться покровительствомъ сеймовыхъ конституцій, обеспечивающихъ свободу вѣроисповѣданія..... къ аріянамъ должно примѣнять раньше объ нихъ изданные законы, по первому о томъ требованію чьему-бы то ни было; отступниковъ-же вышеупомянутыхъ

[1]) Volumina legum, т. V, стр. 14 и 140 и т. VI. стр. 15.

должно наказывать изгнаніемъ изъ отечества, если вина ихъ будетъ доказана судебнымъ порядкомъ“ [1]).

Еще болѣе рѣзкій характеръ носятъ постановленія сейма 1676 года. На немъ положено было уничтожить силу послѣдняго оплота православія—церковныхъ братствъ. Важнѣйшее преимущество братствъ заключалось въ такъ называемыхъ ставропигіяльныхъ грамотахъ, пожалованныхъ имъ разновременно константинопольскими патріархами. На основаніи этихъ грамотъ братства изъяты были отъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ епископовъ и митрополитовъ и подчинялись прямо духовной власти патріарха. Теперь, когда епископы могли или перейти въ унію, или быть замѣщены уніятами по распоряженію короля, независимость отъ нихъ, обезпечивавшая самостоятельность братствъ въ дѣлахъ вѣры, составляла для послѣднихъ вопросъ жизни или смерти. Сеймъ обратилъ вниманіе на эту гарантію, издавна обезпечивавшую братства, и рѣшился уничтожить ее. Постановленъ былъ законъ, по которому ставропигіяльнымъ братствамъ воспрещалось сноситься съ патріархомъ и предоставлять на его рѣшеніе дѣла, касавшіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣстнымъ епископамъ, а, въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, должны были представлять спорные религіозные вопросы на обсужденіе гражданскихъ судовъ—„дѣло невиданное отъ начала вѣковъ“ по словамъ Виленскаго братства [2]). Сверхъ того сеймъ постановилъ правило, по которому запрещено было православнымъ всѣхъ сословій подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имуществъ (sub poena colli et confiscationis bonorum) отлучаться за границу речипосполитой или пріѣзжать изъ-за границы; сторостамъ и комендантамъ пограничныхъ крѣпостей поручено было слѣдить за исполненіемъ этого закона. Сеймъ мотивировалъ свое постановленіе указаніемъ на то обстоятельство, будто православные „подъ предлогомъ дѣлъ, касающихся религіозныхъ интересовъ греко-русской церкви, выѣзжаютъ за границу къ константинопольскому патріарху, и тамъ они извѣщаютъ враговъ (турокъ) о состояніи дѣлъ въ речипосполитой... ибо патріархъ живетъ подъ властью врага креста Господня.“ Подъ этимъ фантастическимъ предлогомъ скрывалась весьма серьезная цѣль — воспрещеніе выѣзда за границу не только прекращало возможность сообщеній церковныхъ братствъ съ патріархомъ, оно направлено было къ разрушенію православной гіерархіи; имѣя въ виду начать съизнова дѣло установленія церковной уніи, правительство располагало идти прежнимъ путемъ и начать дѣло съ переговоровъ съ представителями высшей духовной гіерархіи православной церкви; разсчитывая на успѣшный ходъ этихъ переговоровъ, сеймъ возпрещеніемъ выѣзда православныхъ за границу и пріѣзда ихъ оттуда обезпечивалъ раз-

---

1) Volumina legum, т. IV, стр. 484.

2) Архивъ Юго-Западной Россіи, часть I, томъ IV № XV, стр. 29. Volumina legum, т. V, стр. 180.

стройство не только православной іерархіи, но и вообще упраздненіе всего клира; если православные епископы еще разъ перейдутъ въ унію, то, при изолированіи православія въ границахъ речипосполитой, невозможно будетъ возстановить отпавшую іерархію подобно тому, какъ это случилось за 50 лѣтъ прежде, при Сагайдачномъ; если-же православная церковь будетъ лишена епископовъ, то некому будетъ рукополагать священниковъ, и останутся на лице исключительно ставленики уніятскихъ епископовъ; такимъ образомъ міряне останутся безъ духовенства и церквей и, волею неволею, перейдутъ въ унію. Что вышеприведенное постановленіе сейма служило введеніемъ къ указанному плану, доказали послѣдовавшія за тѣмъ событія—немедленно послѣ этого сейма правительство вступило въ переговоры съ православными епископами, а чрезъ 3 года былъ уже созванъ по дѣламъ уніи Люблинскій съѣздъ.

Не можемъ опредѣлить съ точностью когда правительство начало переговоры съ православными епископами? но ясно, что попытка эта стояла въ связи съ постановленіемъ сейма; уже въ слѣдующемъ 1677 году она принесла нѣкоторые плоды; среди іерарховъ православныхъ нашлись лица, готовыя, въ виду улучшенія своего личнаго положенія и пріобрѣтенія власти, повторить продѣлку Потея и Терлецкаго. Главнымъ руководителемъ новой комбинаціи является Львовскій православный епископъ—Іосифъ Шумлянскій, около него группируется небольшой кружокъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, готовыхъ раздѣлить съ нимъ и отступничество и вознагражденіе; по сохранившимся документамъ, мы можемъ указать не только личный составъ кружка, но и тѣ награды, которыхъ добивались его члены за согласіе принять унію. Кромѣ Шумлянскаго мы находимъ имена: Иннокентія Винницкаго, нарѣченнаго епископа Перемышльскаго, требовавшаго, чтобы по принатіи уніи, правительство признало его уніятскимъ Перемышльскимъ епископомъ, смѣстивъ съ этой каѳедры уніята, Іоанна Малаховскаго; за тѣмъ изъявилъ согласіе на унію игуменъ Лиснянскаго монастыря, Сильвестръ Тваровскій, требуя впрочемъ за данное согласіе богатой Овруцкой архимандріи. Уневскій архимандритъ Варлаамъ Шептыцкій давалъ также согласіе на унію, подъ условіемъ назначенія его въ коадюторы Холмской епархіи. Наконецъ, нѣкоторыя свѣтскія лица, по большей части мѣщане, члены православныхъ братствъ: Василій Корендовичъ, Жураковскій, Мокрицкій, Кручкевичъ и Тернавскіе обязывались принять унію и располагать другихъ къ ея принятію, подъ условіемъ, что правительство доставитъ имъ на сеймѣ дипломы на дворянство. Уже въ 1677 году Шумлянскій отъ имени всего кружка обратился къ папскому нунцію съ изъявленіемъ готовности принять унію и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ проектъ съ указаніемъ требованій тѣхъ уступокъ и вознагражденій, которыхъ добивались члены кружка за свое участіе въ дѣлѣ возстановленія уніи; упомянувъ домогательства своихъ соучастниковъ, Шумлянскій конечно не забылъ и себя: онъ требовалъ, чтобы въ его распоряженіе отданы были, помимо уніятскаго митрополита, Кипріяна

Жоховскаго, всѣ имѣнія, принадлежавшія Кіевской митрополіи, чтобы, сверхъ того, ему назначены были имѣнія въ качествѣ Львовскаго епископа, чтобы папа опредѣлилъ ему отъ себя особое денежное жалованіе; кромѣ того онъ требовалъ сана Кіево-печерскаго архимандрита, т. е. дохода съ имѣній Кіево-печерской лавры, оставшихся въ предѣлахъ рѣчипосполитой. Относительно пріемовъ распространенія уніи Шумлянскій указывалъ на необходимость дѣйствовать по мѣрѣ возможности осторожно и безъ огласки; между прочимъ онъ совѣтовалъ, чтобы латинскіе духовные не являлись, по крайней мѣрѣ въ первое время, въ православныя церкви, присоединенныя къ уніи, для избѣжанія народнаго волненія, чтобы дисциплина уніятской церкви была усилена подчиненіемъ епископамъ базиліянскихъ монастырей, управлявшихся отдѣльнымъ протоархимандритомъ, и чтобы на первое время не удалять, подъ предлогомъ несоблюденія каноническихъ правилъ, приходскихъ священниковъ, но, мало по малу, замѣщать вакантныя мѣста лицами благонадежными [1]).

Предложеніе и проектъ Шумлянскаго были сообщены королю и послѣдній рѣшился воспользоваться ими для окончательнаго установленія уніи. Не знаемъ, преувеличилъ-ли Шумлянскій понятіе о вліяніи своего кружка, или самъ король придалъ ему чрезмѣрное значеніе? но онъ возъимѣлъ намѣреніе безотлагательно приступить къ дѣлу, устранивъ даже ту долю осторожности въ его веденіи, которую совѣтовалъ самъ Шумлянскій. Осенью 1679 года опубликованъ былъ королевскій универсалъ къ духовенству и мірянамъ какъ православнымъ, такъ и уніятамъ: король требовалъ, чтобы они съѣхались 24 января 1680 года на торжественный съѣздъ въ Люблинъ, для того, чтобы покончить въ публичномъ засѣданіи дѣло о религіозномъ разногласіи. Отдѣльныя приглашенія разосланы были высшимъ духовнымъ сановникамъ и ставропигіяльнымъ братствамъ [2]). Очевидно король полагалъ, что православные достаточно подготовлены Шумлянскимъ и ожидалъ, что на съѣздѣ они безъ противорѣчія пріймутъ унію. Потому какъ король, такъ и оповѣщенные имъ уніяты старались придать съѣзду по возможности болѣе торжественную обстановку. Между тѣмъ факты не оправдали ихъ надежды. Православное духовенство и братства не только не давали согласія на принятіе уніи, но они и не подозрѣвали существованія затѣи Шумлянскаго. Предчувствуя однако нѣчто недоброе, они не явились на съѣздъ. Изъ перечня явившихся лицъ, составленнаго уніятскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, мы узнаемъ, что на съѣздѣ изъ числа православнаго духовенства не

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи ч. I, т. IV, №№: XXII, стр. 39 и XXIV, стр. 43—46. Литовская церковная унія Кояловича, т. II, стр. 422—424 (примѣч. 326).

[2]) Кояловичъ—тамже, примѣчаніе №: 327 и 328, стр. 424—427. Также Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, № XVII, стр. 31.

было ни одного епископа—явился только: намѣстникъ Могилевскаго монастыря—Волчацкій въ сопровожденіи нѣсколькихъ священниковъ и то единственно изъ предосторожности—чтобы, заявивъ свое присутствіе, не подвергнуть православныхъ отвѣтственности за ослушаніе королевскому приказанію [1]). Униятское духовенство, съѣхавшееся въ огромномъ числѣ въ Люблинъ, торжественно открыло съѣздъ, не обращая вниманія на отсутствіе православныхъ, но рвеніе его было остановлено; въ самый день открытія съѣзда получены были письма отъ короля и отъ папскаго нунція, заставившія уніятовъ разъѣхаться по домамъ: король подъ разными предлогами приказывалъ съѣзду перевести въ Варшаву свои засѣданія, а папскій нунцій запрещалъ католикамъ и уніятамъ начинать съ православными публичныя состязанія о вѣрѣ [2]); такая быстрая перемѣна во взглядѣ короля на значеніе съѣзда, происходила отъ того, что онъ понялъ наконецъ ошибку, вытекавшую изъ его поспѣшности и огласки, которую онъ старался было придать дѣлу, разсчитывая на слишкомъ легкій успѣхъ; изъ заблужденія онъ былъ выведенъ фактами, не позволявшими сомнѣваться въ ихъ значеніи: православные не только не явились на съѣздъ, но успѣли представить королю дѣло въ истинномъ его положеніи; послѣднее совершено было депутатами Луцкаго православнаго братства. Повинуясь королевскому предписанію, луцкіе братчики выбрали депутацію изъ своей среды, но они вручили депутатамъ подъ присягою, инструкцію, которая и не допускала мысли о соединеніи съ уніею· Депутаты клялись въ томъ, что они будутъ прилагать всѣ усилія „къ сохраненію цѣлости церкви святой восточной, состоящей въ повиновеніи четырехъ восточныхъ патріарховъ, и что, не соблазняясь ни милостью, ни обѣщаніями, ни подарками, не уступая страху даже смертной казни, они будутъ отстаивать всѣ догматы и обряды, отъ великаго до малаго, ничего не прибавляя и не упуская, въ томъ видѣ, какъ они установлены въ православной церкви и изложены въ инструкціи, составленной братствомъ". Депутатами выбраны были самые знатные члены братства: князь Вацлавъ Четвертинскій, двоюродный братъ православнаго луцкаго епископа, а впослѣдствіи Кіевскаго митрополита, Гедеона Четвертинскаго; брацлавскій подстолій, Даніилъ Братковскій (казненный 22 года спустя за преданность православію) и кіевскій чашникъ, Андрей Гулевичъ. Данная имъ инструкція была подписана 35 православными волынскими дворянами [3]). Подписи эти, равно какъ и составъ депутаціи ручались за то, что она будетъ имѣть доступъ къ королю. Депутаты этимъ и воспользовались: вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Люблинъ на съѣздъ, они отправились въ Варшаву, предъявили королю свою инструкцію и объявили отъ имени братствъ и вообще право-

---

1) Кояловичъ, т. II, стр. 429. Приложеніе № 329.
2) Тамже, приложенія №№: 331—332, стр) 429—431.
3) Арх. юго-зап. Россіи, ч. I, т. IV, № XVIII, стр. 32.

славныхъ міряпъ, что безъ сношенія съ патріархами и безъ ихъ участія, не мыслимы для православныхъ никакія сдѣлки въ дѣлахъ вѣры Между тѣмъ какъ представленія луцкихъ братчиковъ указывали королю неожиданное для него препятствіе, тотъ кружокъ, на который онъ возлагалъ всѣ надежды, не былъ въ состояніи поддержать на съѣздѣ затѣяннаго дѣла. Въ числѣ прибывшихъ на съѣздъ мы не встрѣчаемъ не только имени Шумлянскаго, но также ни одного изъ его соучастниковъ; явиться на съѣздъ они не могли по многимъ причинамъ: Шумлянскій, предлагая нунцію свой проектъ распространенія уніи, не скрывалъ, что дѣло слѣдуетъ вести тайно, такъ, чтобы православные не замѣтили постепеннаго перехода духовенства въ унію; между тѣмъ на съѣздѣ переходъ предполагался гласный и торжественный, что конечно должно было не только подорвать всякій успѣхъ предпріятія, но и указать разъ навсегда православнымъ лица въ ихъ церковной іерархіи, передавшіяся въ унію; такимъ образомъ сразу проливался свѣтъ на ту мутную воду, среди которой и разсчитывалъ дѣйствовать Шумлянскій. Сверхъ того, обнаруживъ свои намѣренія на съѣздѣ, Шумлянскій и Винницкій должны были стать сразу во враждебное отношеніе къ нѣкоторымъ членамъ уніятской іерархіи: требуемыя ими награды могли быть имъ даны только въ ущербъ уніятскимъ: митрополиту Жоховскому и епископу Малаховскому, а послѣдніе не были намѣрены уступить безъ боя своихъ бенефицій и, прослышавъ о проектѣ Шумлянскаго, смотрѣли враждебно и съ безпокойствомъ на его затѣи [1]).

Представленія кружка Шумлянскаго подѣйствовали вѣроятно на папскаго нунція, и на короля, заставили прекратить засѣданія Люблинскаго сейма и отказаться отъ намѣренія проводить дѣло уніи гласно; за то для секретной интриги открывалось широкое поприще и здѣсь Шумлянскій могъ развернуть свои способности. Шумлянскій, долго пребывая въ резиденціи короля—Яворовѣ, успѣлъ убѣдить его въ пригодности своего плана и даже снискать расположеніе и поддержку Собесскаго относительно вопросовъ, по которымъ могли у него произойти недоразумѣнія съ уніятскою іерархіею. Осенью 1680 года Шумлянскій извѣстилъ Жоховскаго о томъ, что теперь онъ готовъ приступить къ уніи, что онъ объ этомъ дѣлѣ велъ продолжительныя бесѣды съ королемъ и снискалъ его полное одобреніе; притомъ онъ намекалъ на то, что король заявлялъ неудовольствіе противъ Жоховскаго „въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мнѣнія послѣдняго могли препятствовать умиротворенію“ [2]) Подготовивъ такимъ образотъ дѣла, Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ Шептыцкій и Сильвестръ Тваровскій съѣхались въ началѣ 1681 года въ Варшавѣ и въ присутствіи нунція приняли унію; здѣсь же они уладили недоразумѣнія съ представителями уніятской іерар-

---

[1]) Ibid. № XX, стр 37.
[2]) Ibid. №№: XX и XXI, стр. 37 и 38.

хіи и заручились окончательно поддержкою правительства. Для того, чтобы споможествовать распространенію уніи, Шумлянскій, совмѣстно съ уніятскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составили новый проектъ, который и представили на усмотрѣніе правительства. Въ этомъ новомъ проектѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „modi concordiae ecclesiarum“ (средства къ примиренію церквей), составители требовали, чтобы правительство не только подтвердило всѣ права и привилегіи, раньше пожалованныя уніятамъ, но чтобы оно уравнило совершенно права уніятскаго духовенства съ католическимъ; они требовали мѣстъ въ сенатѣ и въ трибуналахъ для уніятскихъ епископовъ, участія уніятскаго духовенства въ сеймикахъ, неподсудности уніятовъ по дѣламъ, касающимся вѣры, свѣтскимъ судамъ и т. п. Эта записка, равно какъ и проектъ, составленный раньше Шумлянскимъ, были разсмотрѣны особою, назначенною королемъ для этой цѣли, коммиссіею и выраженныя въ нихъ требованія получили почти полное удовлетвореніе, за исключеніемъ такихъ правъ, раздача которыхъ зависѣла отъ сейма, но о доставленіи которыхъ король обязался хлопотать на ближайшемъ сеймѣ, всѣ остальные пункты обоихъ проектовъ были приняты и утверждены королемъ и сенаторами [1]).

Наконецъ, въ заключеніе, Шумлянскій вручилъ правительству записку, въ которой подробно излагалась вся программа дальнѣйшаго распространенія уніи. Главнымъ условіемъ этой программы Шумлянскій полагалъ тайну: онъ требовалъ, чтобы актъ принятія уніи имъ и его сподвижниками хранился въ архивѣ, и ни въ какомъ случаѣ не подвергался бы публикаціи; необходимость тайны онъ мотивировалъ слѣдующими указаніями: низшее духовенство, православные дворяне и церковныя братства немедленно составятъ между собою союзъ во всѣхъ епархіяхъ для противудѣйствія уніи и будутъ ей сопротивляться до послѣдней крайности; они могутъ искать поддержки и покровительства у иностранныхъ державъ; духовенство будетъ на исповѣди укрѣплять въ вѣрѣ міранъ; въ крайности православные будутъ бѣжать за предѣлы речипосполитой даже въ Турцію „ибо подъ тиранскимъ ярмомъ Турокъ они предпочтутъ поселиться, пользуясь тамъ свободою вѣроисповѣданія“; правительство-же не найдетъ средствъ для распространенія уніи, такъ какъ при возрастающемъ раздраженіи нечего и думать о миролюбивомъ убѣжденіи, а на насиліе теперь трудно было-бы полагаться среди военнаго времени и при общей солидарности всѣхъ православныхъ; такимъ образомъ, по мнѣнію Шумлянскаго, дѣло, при огласкѣ его, могло-бы кончиться только избіеніемъ пастырей уніятовъ. Потому Шумлянскій совѣтовалъ сдѣлку держать въ тайнѣ, а между тѣмъ употреблять другія средства: уравнять во всѣхъ правахъ уніятское духовенство съ католическимъ и подтвердить это уравненіе сеймовою конституціею; назначать частые соборы и съѣзды для уніятскаго духовенства и, какъ будто игнорируя различіе между правосла-

---

[1]) Ibid. №№ XXIII и XXIV, стр. 41 и 43.

віемъ и уніею, присутствіе на съѣздахъ сдѣлать обязательнымъ для православныхъ духовныхъ, подъ страхомъ лишенія должностей за неявку; преслѣдовать духовныя лица, несогласныя принять унію, путемъ административнымъ: лишать ихъ должностей и примѣнять къ нимъ законы, постановленныя о бунтовщикахъ; наконецъ употребить всѣ усилія для того, чтобы обратить въ унію православныхъ дворянъ и болѣе видныя лица изъ числа членовъ православныхъ братствъ [1]).

Программа эта была цѣликомъ принята польскимъ правительствомъ и съ 1681 года въ теченіи 30 лѣтъ противъ православія направляются враждебныя дѣйствія по начертанному въ ней плану. Православіе успѣшно выдержавшее въ теченіи XVII вѣка натискъ, веденный путемъ насилія, теперь подвергается болѣе опасному нападенію. Враги прикрываютъ свои дѣйствія тайною, недомолвками, умышленнымъ непониманіемъ терминовъ, неясностью положенія лицъ и партій, они не требуютъ общаго согласія на унію и тѣмъ не даютъ возможности гласнаго протеста—борьба размельчается на безконечный рядъ отдѣльныхъ случаевъ и отдѣльныхъ административныхъ преслѣдованій и поощреній; но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ никогда не выставляется наружу главная ихъ побудительная причина: согласіе или несогласіе на унію; напротивъ того она тщательно прикрывается посторонними обстоятельствами, личными побужденіями, требованіями каноническаго права и т. п. Принявшіе въ тайнѣ унію православные епископы и духовные—скрываютъ свое отступничество и требуютъ себѣ повиновенія отъ духовенства и паствы во имя сана, которымъ они облечены были по чину православной церкви; не повинующихся имъ судятъ, удаляютъ отъ должностей не за разногласіе по дѣламъ вѣры, а за сопротивленіе властямъ постановленнымъ православною церковью; правительство и дворяне оказываютъ дѣятельную помощь этимъ лже-пастырямъ и объясняютъ свои дѣйствія, въ случаѣ жалобъ обиженныхъ или вмѣшательства русскаго правительства, утверждая, что они не только не преслѣдуютъ православія, но, напротивъ того, прилагаютъ усилія къ водворенію порядка и упроченію церковной власти въ православной церкви по прозьбѣ православныхъ-же пастырей. Лицемѣріе укорѣняется до такой степени, что всѣ власти какъ будто забываютъ отличіе между уніятами и православными и названія: унія, дизунія, схизма совершенно исчезаютъ изъ административнаго лексикона почти до половины XVIII столѣтія. Центральное правительство и второстепенныя власти, трибуналы и гродскіе суды, помѣщики и ихъ управляющіе знаютъ только, что есть пресвитеры и міряне „ritus graeci", но отличій между исповѣдующими эту вѣру не замѣчаютъ. Въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ этому времени, нѣтъ возможности рѣшить когда дѣло идетъ о православномъ, и когда объ уніятскомъ духовенствѣ и только по гоненіямъ и оскорбленіямъ, сыпавшим-

---

[1]) Ibid. № XXV, стр. 47.

ся на однихъ лицъ, и по милостямъ, расточаемымъ въ пользу другихъ, мы можемъ догадываться о безпрестанной, замаскированной работѣ въ пользу уніи.

Опустивъ такимъ образомъ завѣсу на свои дѣйствія, приверженцы уніи принялись безпрепятственно за дѣло, не опасаясь ни серьезной и обширной реакціи со стороны православныхъ, ни заступничества за нихъ Россіи; напротивъ того, послѣднее они умѣли обратить въ свою пользу и употребить какъ орудіе къ уничтоженію православной іерархіи. По Московскому договору, заключенному съ Россіею въ 1686 году, польское правительство обязалось оставить неприкосновенными православныя епископіи: Луцкую, Галицкую, Перемышльскую, Львовскую и Бѣлорусскую. Но въ опредѣленіи этихъ епископскихъ каѳедръ оно ясно руководилось принятымъ имъ планомъ дѣйствій: 4 изъ нихъ находились уже въ рукахъ тайныхъ уніатовъ: Львовскою и, соединенною съ нею, Галицкою управлялъ Іосифъ Шумлянскій, Перемышльская была отдана Иннокентію Винницкому, Луцкая—послѣ избранія князя Гедеона Четвертинскаго въ митрополиты Кіевскіе—досталась брату Іосифа Шумлянскаго—Аѳанасію Оставалась одна отдаленная Бѣлорусская епархія, которой суждено было, правда съ значительными перерывами, просуществовать до самаго паденія речипосполитой, Но епископы Бѣлорусскіе не были въ состояніи руководить дѣлами православной церкви на всемъ пространствѣ Литовско-русскихъ земель, тѣмъ болѣе, что они встрѣтили въ этомъ отношеніи препятствіе со стороны православной Кіевской митрополіи, оспаривавшей у Бѣлорусскихъ епископовъ власть надъ ближайшею даже къ ней територіею, какъ это увидимъ подробнѣе въ разсказѣ о Бѣлорусскомъ епископѣ, князѣ Сильвестрѣ Четвертинскомъ.

Разрушивъ такимъ образомъ православную іерархію, занявъ ея епархіи въ качествѣ православныхъ, тайные уніяты воспользовались и другою статьею Московскаго договора; въ силу этой статьи Кіевъ былъ уступленъ Россіи на вѣчныя времена—слѣдовательно митрополитъ православный долженъ былъ пребывать внѣ границъ речипосполитой и подчинился духовной власти Московскаго патріарха. Обстоятельствомъ этимъ воспользовалась, въ качествѣ мнимыхъ ревнителей старины, уніятская интрига; будто отстаивая зависимость Кіевской церкви отъ патріарха Константинопольскаго, лже-православные епископы потребовали отдѣленія отъ Кіевскаго митрополита и назначенія отдѣльнаго духовнаго архипастыря, но не желая съ другой стороны нарушать права уніятскаго митрополита, претендовавшаго также на титулъ митрополита Кіевскаго, они ограничились назначеніемъ особаго будтобы для православныхъ, „администратора (блюстителя) Кіевской митрополіи“; должность эта поручена была, согласно обѣщанію, данному еще при переходѣ его въ унію, Іосифу Шумлянскому. Уже нѣсколько раньше онъ получилъ отъ короля дипломъ на званіе Кіево-печерскаго архимандрита и введенъ былъ во владѣніе богатыми имѣніями, принадлежавшими Кіевскимъ митрополитамъ и Кіево-печерской лаврѣ, оставшимися въ предѣлахъ речи-

посполитой; онъ пользовался ими до смерти (1708) и передалъ ихъ во владѣніе своимъ наслѣдникамъ по каѳедрѣ—уже явнымъ уніятамъ [1]).

Упрочивъ за собою власть надъ православнымъ духовенствомъ, находившимся въ предѣлахъ речипосполитой, Іосифъ Шумлянскій принялся дѣятельно за водвореніе уніи, согласно начертанному имъ плану. Продолжая съ удивительнымъ безстыдствомъ выдавать себя за православнаго, увѣряя въ этомъ письменно и Константинопольскаго патріарха и русское правитнльство, онъ испрашивалъ ихъ содѣйствія для того, чтобы воспретить Кіевскимъ митрополитамъ вступаться въ управленіе православною церковью въ предѣлахъ речипосполитой, такъ какъ по волѣ польскаго правительства управленіе это поручено ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разорвать всякую связь между подвѣдомственнымъ ему православнымъ духовенствомъ и Кіевскою митрополіею: онъ обратился окружнымъ посланіемъ къ дворянамъ, приглашая ихъ оказать ему содѣйствіе и принудить священниковъ, занимавшихъ приходы въ ихъ селахъ, признать надъ собою власть Шумлянскаго и подчиниться распоряженіямъ назначенныхъ имъ намѣстниковъ [2]); за тѣмъ всѣхъ священниковъ и монаховъ, приверженныхъ къ Кіеву и не желавшихъ подчиниться его власти, онъ предавалъ проклятію, отдавалъ подъ судъ, заключалъ въ темницы, лишалъ приходовъ и конфисковалъ ихъ имущества; намѣстники его разъѣзжали по приходамъ, отбирали отъ священниковъ антиминсы и св. муро, выданные Кіевскими митрополитами и передавали эти предметы Шумлянскому, который публично надъ ними ругался и плевалъ на нихъ; въ замѣнъ-же они выдавали новые, сбирая по этому случаю особую денежную плату [3]).

Слѣдуя такому образу дѣйствій, Шумлянскій пользовался весьма дѣятельною поддержкою правительства, подкрѣплявшаго постоянно его власть административными распоряженіями, а также горячимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ дворянъ. Правительство, какъ будто стараясь только водворить правильный порядокъ въ іерархіи православной церкви, будто не понимая истиннаго значенія дѣятельности Шумлянскаго, стало поддерживать его распоряженія всѣми, зависѣвшими отъ него, мѣрами въ тѣхъ областяхъ, гдѣ большинство народонаселенія принадлежало еще къ православію; и въ тоже время оно принимало рѣшительныя мѣры въ пользу уніи и къ искорененію православія тамъ, гдѣ обстоятельства казались болѣе благопріятствовавшими его цѣлямъ. Такъ король сталъ раздавать церковныя должности и бенефиціи, бывшія въ его распоряженіи, исключительно тѣмъ лицамъ, о сочувствіи которыхъ къ уніи онъ былъ удостовѣренъ Шумлянскимъ; въ актовыхъ сви-

---

[1]) Ibid. №№: XXXVI, стр. 72; XXXVIII, стр. 76; XLIII, стр. 87; CXII, стр. 247; CXXIX, стр. 295.

[2]) Ibid. № XXXVII, стр. 74.

[3]) Описаніе Кіево-софійскаго Собора и Кіевской іерархіи стр. 206 и 212.

дѣтельствахъ можемъ указать рѣзкій примѣръ такого образа дѣйствій: въ 1681 г. богатая Овруцкая архимандрія была отдана королемъ сообщнику Шумлянскаго, Сильвестру Тваровскому, не смотря на то, что братіею и мірянами православными выбранъ былъ въ Овруцкіе архимандриты инокъ преданный православію, Иннокентій Монастырскій; послѣдній рѣшился не допускать Тваровскаго къ занятію должности; но король обратилъ серьезное вниманіе на это дѣло: противъ Монастырскаго, подъ видомъ частныхъ исковъ, возбуждено было юридическое преслѣдованіе, притомъ явились угрозы противъ личной его безопасности; онъ долженъ былъ удалиться въ Кіевъ, послѣ чего король обратился съ грознымъ универсаломъ къ православнымъ дворянамъ воеводствъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго, предписывая имъ не вступаться въ дѣло объ Овруцкой архимандріи и не поддерживать Монастырскаго, угрожая въ противномъ случаѣ объявить не повинующихся его приказанію врагами отечества и взыскать съ каждаго изъ нихъ штрафъ въ 50,000 злотыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король отправилъ письмо къ Кіево-печерскому архимандриту, Иннокентію Гизелю, требуя, чтобы онъ выдалъ церковные сосуды, облаченія, документы и казну, принадлежавшіе Овруцкой архимандріи, и увезенные Монастырскимъ въ Кіевъ, и чтобы подвергнулъ послѣдняго судебной отвѣтственности за незаконное будто присвоеніе себѣ титула Овруцкаго архимандрита. Между тѣмъ, въ ожиданіи исхода дѣла, онъ пополнилъ доходы Тваровскаго привилегіею, дозволявшею ему вести безпошлинную торговлю солью въ предѣлахъ речипосполитой [1]). Въ послѣдствіи, послѣ смерти Тваровскаго, король, по рекомендаціи Шумлянскаго, передалъ Овруцкую архимандрію свѣтскому лицу—Климентію Домарадзкому, не смотря на то, что, по существовавшимъ законамъ, послѣдній не имѣлъ права занимать высшую церковную должность, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ дворянскому сословію; тѣмъ не менѣе Домарадзкій былъ рукоположенъ въ пресвитеры Шумлянскимъ и занялъ архимандрію; о выборѣ его братіею на этотъ разъ не было и рѣчи [2]). Раздавая высшія духовныя должности приверженцамъ уніи, правительство заботилось не менѣе и о томъ, чтобы лица эти были по возможности лучше обезпечены доходами и имѣніями, съ другой-же стороны оно конфисковало при каждомъ удобномъ случаѣ имущество, принадлежавшее православнымъ духовнымъ и монастырямъ. Выше было уже указано на переходъ имѣній Кіевской митрополіи и Кіево-печерской лавры въ руки Шумлянскаго, фактъ этотъ былъ далеко не исключительнымъ явленіемъ; основываясь на томъ-же предлогѣ, т. е. указывая на уступку Кіева Россіи по трактату на вѣчныя времена, правительство, немедленно послѣ заключенія договора, объявило, что оно считаетъ всѣ

---

[1]) Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, №№: XXVI, стр. 50; XXXII, стр. 62; XXXIII, стр. 65; и XXXI, стр. 60.

[2]) Ibid. №№: XLIV, стр. 89 и XLV, стр. 91.

имущества Кіевскихъ монастырей, оставшіяся въ предѣлахъ речипосполитой, вакантными, т. е. оставшимися безъ владѣльца, и стало раздавать ихъ по своему усмотрѣнію различнымъ лицамъ и учрежденіямъ; большинство этихъ имѣній было передано уніятамъ, другія пожалованы были особыми привилегіями дворянамъ; наконецъ, эти послѣдніе захватили многія монастырскія имѣнія безъ всякой грамоты и оставили ихъ безпрепятственно въ своемъ владѣніи, при чемъ дворяне обращали мало вниманія на то, принадлежитъ-ли извѣстное имѣніе одному изъ Кіевскихъ монастырей или такому монастырю, который остался въ границахъ речипосполитой. Такимъ образомъ, отчасти путемъ административныхъ распоряженій, отчасти путемъ захвата, въ руки уніятскаго духовенства и дворянъ католиковъ перешли богатыя помѣстія, принадлежавшія монастырямъ: Кіево-Михайловскому, Кіевскому Пустынно-Николаевскому, Кіевскому Братскому, Межигорскому, Дерманскому, Дубенскому и т. д. [1]).

При этомъ ясенъ былъ разсчетъ правительства: стѣснить православное духовенство въ матерьяльномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ манить его въ унію богатыми бенефиціями, предоставляемыми уніятамъ.

Дѣйствуя административною властью весьма рѣшительно въ отдѣльныхъ случаяхъ, правительство не забывало и общихъ законоположеній, клонившихся къ той-же цѣли. Такъ на сеймѣ 1699 года изданы были два новые законы, носившіе слѣды ясно враждебнаго отношенія къ православію. На сеймѣ этомъ подтверждены были всѣ привилегіи, пожалованныя раньше уніятамъ и, сверхъ того, изданъ новый законъ, которымъ „мѣщане, правдивые уніяты, объявлены исключительно способными къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей“, отъ которыхъ православные навсегда устранялись. На томъ-же сеймѣ чины речипосполитой разсуждали объ устройствѣ Подолія, возвращеннаго отъ Турціи по Карловицкому трактату; при этомъ случаѣ, опредѣляя права жителей этого воеводства, сеймъ постановилъ законъ, по которому православнымъ запрещено было селиться въ Каменцѣ, наравнѣ съ евреями [2]). Приводя въ исполненіе это сеймовое постановленіе, коммиссія, назначенная королемъ для пріема города, опечатала всѣ православныя церкви и одну изъ нихъ: церковь св. Іоанна, передала уніятамъ. При этомъ случаѣ произошло странное столкновеніе коммиссаровъ съ Шумлянскимъ: послѣдній, не дожидая коммиссіи, явился раньше ея членовъ въ Каменецъ въ сопровожденіи надворной своей хоругви, и сталъ принимать православныя церкви въ свое вѣдѣніе, но вслѣдъ за нимъ пріѣхали коммиссары, и, не зная о существованіи его интимной сдѣлки съ правительствомъ,

---

[1]) Ibid. №№: XIX, стр. 34; XXXIV, стр. 67; XXXIX, стр. 78; XL, стр. 80; XLI, стр. 82; LI, стр. 106; LXI, стр. 125; LXIII, стр. 130; CXVI, стр. 350; CLXVIII, стр. 374.

[2]) Volumina legum, т. VI, стр. 35, § 19 и 21.

объявили его дѣйствія противузаконными и заставили его удалиться, угрожая, въ противномъ случаѣ, употребить военную силу;—затѣмъ они рѣшили представить дѣло на обсужденіе сейма и подвергнуть Шумлянскаго отвѣтственности передъ военнымъ судомъ, какъ нарушителя безопасности крѣпости. Конечно послѣ разъясненія дѣла, излишняя ревность коммиссаровъ унялась и церкви были переданы епископу, который подвергался опасности разстрѣлянія, еслибы оказался дѣйствительно православнымъ [1]).

Сколько однако ни были враждебны православію всѣ исчисленныя административныя распоряженія и законодательныя постановленія правительства, они даютъ только слабое понятіе о томъ горестномъ положеніи вравославной церкви, въ которомъ она находилась въ речипосполитой съ послѣдней четверти семнадцатаго столѣтія; самыя чувствительныя и нестерпимыя преслѣдованія православное духовенство и міряне должны были выносить отъ дворянъ, старавшихся повсемѣстно, наперерывъ одинъ передъ другимъ, заявить свой религіозный прозелитизмъ. При томъ государственномъ устройствѣ, которое составляло отличительную черту речипосполитой, при неограниченномъ полновластіи дворянскаго сословія, при отсутствіи исполнительной власти и полицейскихъ учрежденій и при томъ низкомъ уровнѣ просвѣщенія, на которомъ стояла тогда масса дворянскаго сословія, религіозное рвеніе могло выразиться только въ одной изъ тѣхъ формъ фанатическаго самодурства и безобразнаго насилія, среди которыхъ медленно разлагалось шляхетское общество въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій существованія речипосполитой. Тяжело было положеніе православныхъ, когда они сдѣлались мишенью для шляхетскаго своеволія и положеніе ихъ было тѣмъ тяжелѣе, что гнетъ со стороны дворянъ, хотя повсемѣстный, но не вытекалъ изъ строго опредѣленной программы, не былъ однороденъ и не давалъ, такимъ образомъ, возможности ни предъугадать грозившую въ каждомъ отдѣлъномъ слрчаѣ опасность, ни принять извѣстный, опредѣленный образъ дѣйствій для того, чтобы ее миновать или оказать ей противудѣйствіе. Въ каждой данной мѣстности судьба православнаго священника и его прихожанъ зависѣла отъ расположенія духа, каприза или корыстолюбія владѣльца села или мѣстечка; но, умилостививъ послѣдняго, православные далеко еще не были безопасны: дворянинъ сосѣдъ, партія проходившихъ жолнеровъ, настоятель ближайшаго католическаго костела, иногда просто проѣзжій шляхтичъ, вдругъ нежданно воодушевлялись фанатическимъ рвеніемъ и, въ видѣ нечаянной грозы, обрушивались на несчастный приходъ;—факты же, которыми выражалось это рвеніе, не удовлетворяли требованіямъ самой элементарной нравственности. Среди огромнаго количества актовыхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ все вышесказанное, укажемъ нѣкоторые примѣры, для того, чтобы представить наглядную характеристику положенія, въ которомъ находилась православная церковь въ описываемое время.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV, № LIX, стр. 122.

Въ значительной части случаевъ гоненіе, воздвигаемое шляхтичами на православіе, помимо религіознаго фанатизма, находило побужденіе и въ своекорысти; грабежъ церковнаго имущества, захватъ земель церковныхъ или присвоеніе себѣ имущества, принадлежавшаго православному духовенству, составляли не маловажный мотивъ, подвигавшій дворянъ на душеспасительные, по ихъ мнѣнію, подвиги; они не прочь были соединить пріятное съ полезнымъ и, разрушая „схизму", увеличить на ея счетъ свое личное состояніе, прикрывъ грабежъ благочестивымъ предлогомъ. Такъ напримѣръ, дворяне, жившіе ближе къ Кіеву, не удовлетворились доставшеюся имъ, въ силу королевскихъ привилегій, долею имѣній Кіевскихъ монастырей; они, подъ предлогомъ противудѣйствія вліянію Кіевскаго духовенства, врывались въ имѣнія, оставшіяся еще нерозданными или лежавшія за рубежемъ речипосполитой и производили всевозможныя насилія: грабили имущество монастырское, увѣчили и били братію, причетниковъ, монастырскихъ крестьянъ и т. п. Изъ перечня обидъ, причиненныхъ пограничными шляхтичами Кіево-братскому монастырю, мы узнаемъ, что въ теченіе 30 лѣтъ (1727—1757) пограничные шляхтичи врывались болѣе 20 разъ черезъ границу въ имѣнія, принадлежавшія этому монастырю и производили въ нихъ всевозможныя безчинства [1]). Одинъ изъ такихъ набѣговъ подробно описанъ въ жалобѣ игумена Кіевскаго Кирилловскаго монастыря, Евстратія Самборовича. Изъ жалобы этой узнаемъ, что въ 1713 году дворянинъ Александръ Щеневскій, вооруживъ значительный отрядъ людей и пригласивъ сосѣда, Александра Шумлянскаго, также съ вооруженною толпою слугъ и крестьянъ, отправился въ походъ на село Андріевку, принадлежавшее Кирилловскому монастырю; явившись на разсвѣтѣ, союзники вбѣжали въ село и стали рубить и стрѣлять по всѣмъ встрѣчнымъ, нанесли тяжелыя раны монаху Боньkевичу, изрубили монастырскихъ слугъ и крестьянъ и ограбили все движимое имущество монастырское и монастырскихъ подданныхъ [2]).

Если изъ указанныхъ фактовъ явствуетъ, что ни русская граница, ни покровительство русскаго правительства не могли удержать буйныхъ шляхтичей, то послѣдніе конечно еще менѣе стѣснялись въ предѣлахъ речипосполитой; здѣсь грабежи церквей и духовенства и захватъ церковной земли составляютъ самое обыкновенное явленіе; такъ, напримѣръ, жолнеры панцырной хоругви нападаютъ ночью на церковь въ селѣ Хлуплянахъ, выбиваютъ въ ней двери и уносятъ изъ нея не только церковное имущество, но и частное, сложенное въ церкви для большей безопасности прихожанами [3]). Такъ шляхтичи Гуляницкіе и Минцовскіе захватываютъ, безъ всякаго права, имущество отказанное по завѣщанію въ пользу Кременецкаго братства и обра-

---

1) Ibid. № CCIX, стр. 518.
2) Ibid. № CLXIV, стр. 365.
3) Ibid. № XLVIII, стр. 97.

щаютъ его въ свою личную пользу [1]. Болѣе другаго имущества подвергались захвату со стороны шляхтичей церковныя и монастырскія земли: такъ мы встрѣчаемъ жалобу игумена Бѣлостоцкаго монастыря (на Волыни), Θеодосія Подольскаго, на дворянина Шимона Жабокрицлаго о томъ, что онъ объявилъ своею собственностью земли, издавна принадлежавшія монастырю, и, если встрѣчалъ братію или монастырскихъ слугъ на этихъ земляхъ, то стрѣлялъ въ нихъ, рубилъ саблею и наносилъ имъ тяжелые побои; вслѣдъ за тѣмъ онъ захватилъ монастырскую мельницу и объявилъ монахамъ, что, въ случаѣ сопротивленія, онъ будетъ стрѣлять въ нихъ при каждой встрѣчѣ [2]. У другаго Волынскаго монастыря, Перекальскаго, земли были отняты дворянами Чеконскими; когда игуменъ отправился пахать свое поле, то туда-же пріѣхала Чеконская, приказала слугамъ прогнать плугъ монастырскій и сама, выскочивъ изъ коляски, стала бить игумена и вцѣпилась ему въ бороду [3]. Въ Овручѣ Доминиканскіе монахи присвоили себѣ не только пахатныя земли. принадлежавшія православному монастырю, но приказали обнести оградою, присоединяя къ своей усадьбѣ, мѣста, принадлежавшія монастырю, въ самомъ городѣ, и въ томъ числѣ мѣсто, на которомъ была построена православная церковь; захватъ этотъ сопровождался, по обыкновенію, грабежемъ движимаго имущества и личными оскорбленіями [4]. Въ Острогѣ гродскій подстароста, Ледуховскій, отнялъ у православной церкви св. Николая земли, отказанныя въ пользу ея еще въ XIV столѣтіи княземъ Даніиломъ и княгинею Василисою Острожскими и приказалъ вырубить лѣсъ, принадлежавшій этой церкви; когда-же протоіерей Терпиловскій обратился къ нему съ представленіями и указалъ на свои права, то Ледуховскій, не оспаривая послѣднихъ, отвѣтилъ „я воленъ отнять у церкви то, что ей пожаловано моими предшественниками“, и оставилъ земли въ своемъ пользованіи [5]. Въ окрестности Острога владѣлецъ села Загаецъ, дворянинъ Блендовскій, отнялъ земли у Загаецкаго монастыря, отказанныя его основательницею, Регинóю Боготиновною Ярмолинскою; онъ приказалъ разрушить межи и межевые знаки, отдѣлявшіе эти земли отъ его собственныхъ, истребилъ монастырскій лѣсъ, и завладѣлъ рыбными ловлями, угрожая монахамъ побоями въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны [6]. Въ мѣстечкѣ Брагинѣ церковныя земли, отписанныя нѣкогда въ пользу церкви св. Николая князьями Вишневецкими, были захвачены владѣльцемъ сосѣдняго села Глуховичъ, дворяниномъ Шукштою, и когда настоятель, священникъ Іоакимъ Давидовичъ, явился на свое поле, то Шукшта отправилъ туда же, въ сопровожде-

---

1) Ibid. № LXXIII, стр. 158.
2) Ibid. № LXII, стр. 127.
3) Ibid. № LXXXIII, стр. 183.
4) Ibid. № LVIII, стр. 120.
5) Ibid. № CXXXIV, стр. 306.
6) Ibid. № CLVII, стр. 352.

нія толпы слугъ, священника своего села, уніята Бернацкаго; послѣдній напалъ на Давидовича, повалилъ его на землю, истязалъ его всячески, рвалъ у него волосы и бороду и прогналъ съ церковнаго поля [1]). Еще чаще встрѣчаются факты самаго безцеремоннаго грабежа личнаго имущества православныхъ священниковъ: шляхтичи помѣщики отбираютъ хлѣбъ, скотъ, повозки, лошадей, одежду и вообще всякое движимое имущество, то врываясь въ дома священниковъ, то нападая на нихъ при встрѣчѣ на дорогѣ; на всякія-же требованія возврата, они отвѣчаютъ угрозами, оскорбленіями и побоями [2]); по временамъ отрядъ проходящихъ жолнеровъ, соображая, что въ домѣ священника можно найти поживу, немедленно врывается съ обнаженными саблями, грабитъ все, что попадается подъ руку, остальное истребляетъ, домашнимъ наноситъ побои и увѣчья и, совершивъ подвигъ, спокойно отправляется въ дальнѣйшій путь [3]).

Корыстныя цѣли далеко впрочемъ не составляли единственнаго мотива, побуждавшаго шляхту къ преслѣдоварію православнаго духовенства; мы встрѣчаемъ еще въ большемъ количествѣ случаевъ оскорбленія и обиды православнаго духовенства, не сопряженныя съ желаніемъ завладѣть его имуществомъ. Въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ уже чистый фанатизмъ религіозный, выражавшійся въ формахъ, соотвѣтствовавшихъ нравственному и умственному уровню той среды, въ которой онъ проявлялся. По основному началу каждаго аристократическаго общества, члены его признаютъ право обсужденія и свободнаго дѣйствія только за членами своего сословія; всякое несогласіе низшихъ сословій съ мнѣніемъ сословія привилегированнаго есть въ глазахъ послѣдняго противузаконіе, и если аристократическое сословіе не сдерживается другими общественными элементами, то оно готово всѣми мѣрами стремиться къ подавленію несогласія и къ установленію въ каждомъ данномъ вопросѣ своего образа мыслей путемъ насилія. Смѣшивая и отождествляя, умышленно или неумышленно, интересы своего сословія съ интересами всего общества и государства, судьбами котораго ей удалось овладѣть, аристократія готова всегда признать врагами общественнаго спокойствія и порядка тѣ лица, учрежденія или сословія, которыя не повинуются безпрекословно всѣмъ требованіямъ господствующаго класса: она готова преслѣдовать ихъ какъ враговъ отечества, какъ лицъ, не имѣющихъ права пользоваться покровительствомъ закона; если притомъ масса господствующаго сословія усвоила только весьма слабую степень цивилизаціи и развитія, то преслѣдованіе является со всѣми признаками личнаго произвола и непониманія самыхъ простыхъ правилъ уваженія человѣческой личности. На та-

---

1) Ibid. №№: CLXXIX, стр. 397 и CLXXXIV, стр. 407.
2) Ibid. №№: XLVII, стр. 95; LXX, стр. 153; CVII, стр. 232; CXI, стр. 243; CXXII, стр. 275.
3) Ibid. № L, стр. 104.

кой степени развитія находилось именно дворянское сословіе въ речипосполитой въ описываемое время, когда несогласіе по религіозному вопросу побудило его направить преслѣдованіе противъ православнаго населенія края; каждый дворянинъ не допускалъ возможности, чтобы люди недворянскаго происхожденія могли разсуждать о вопросахъ, касавшихся хотя-бы только собственной совѣсти, иначе, чѣмъ разсуждали шляхтичи на сеймахъ и сеймикахъ. Противудѣйствіе уніи, которую одобрило и поддерживало дворянское сословіе, каждый дворянинъ считалъ противузаконіемъ, бунтомъ и считалъ себя въ правѣ распорядиться съ каждымъ православнымъ, какъ съ лицемъ стоящимъ внѣ законовъ. Не удивительно потому, если мы начитываемъ въ актахъ безчисленное количество свидѣтельствъ о самыхъ варварскихъ поступкахъ, не вызванныхъ, повидимому, никакою причиною, жертвами которыхъ были повсемѣстно православные, особенно духовныя лица. Поступки эти, повторяясь на пространствѣ обширной территоріи и въ теченіи весьма продолжительнаго времени, не вытекали изъ строго обдуманнаго плана дѣйствій; они имѣли основаніе гораздо болѣе прочное—во всемъ внутреннемъ складѣ речипосполитой, въ полновластіи дворянства, въ его слабомъ развитіи и въ полномъ на него вліяніи езуитскаго ордена. Факты, вытекавшіе изъ такого положенія дѣла, представляютъ тѣмъ не менѣе самую печальную картину. Каждый православный, особенно духовное лице, былъ ежеминутно въ опасности подвергнуться самымъ безчеловѣчнымъ оскорбленіямъ и обидамъ: встрѣчался-ли шляхтичъ съ священникомъ на рынкѣ въ городѣ, онъ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ или даже вовсе безъ предлога, заводилъ ссору и наносилъ ему публично побои; увидѣлъ-ли помѣщикъ, что священникъ занимается бесѣдою съ крестьянами, онъ бросался на него, опрокидывалъ на землю, билъ каблуками и палкою, рвалъ у него волосы; наткнулся-ли панъ на жену священника, скупавшую провизію на базарѣ, онъ чувствовалъ обязанность отпустить ей, безъ всякаго повода, нѣсколько ударовъ нагайкою; иной разъ шляхтичъ, напившись, бѣгалъ по городу съ обнаженною саблею и для потѣхи пробовалъ силу удара на попавшемся священникѣ. Если обиженные пытались остановить обидчика указаніемъ на свое духовное званіе, то шляхтичъ отвѣчалъ нахально, что только католическіе ксендзы—дворяне и имъ онъ обязанъ оказывать почтеніе—„попы же—мужики“ и потому имъ нечего ссылаться на свой духовный санъ [1]). Въ домѣ у себя священникъ былъ также мало безопасенъ, какъ и внѣ его; подъ пустымъ предлогомъ, чаще безъ всякаго предлога, помѣщикъ или помѣщица врывались въ его домъ, били и истязали какъ самаго священника, такъ и членовъ его семейства, расточали оскорбленія и бранныя слова, нерѣдко

---

[1]) Составилась даже поговорка, приведенная въ одномъ изъ актовъ: „Co xiądz—to szlachcic, co pop—to chłop“. Ibid. №№: LX, стр. 123; LXXXIV, стр. 185; XCIV, стр. 208; CXXXV, стр. 308; CXLVII, стр. 333.

заключали хозяина въ свою дворовую тюрьму и держали въ ней по произволу, или дозволяли, для большаго, по ихъ мнѣнію, посрамленія, совершать всѣ эти безчинства надъ священникомъ еврею-откупщику [1]).

Вотъ для примѣра нѣсколько болѣе подробныхъ разсказовъ: въ селѣ Врублевцахъ, въ окрестности Каменца, помѣщикъ Кобельскій старался всѣми средствами выжить изъ села священника; однажды, напившись, онъ вызвалъ послѣдняго на улицу и, сидя верхомъ, схватилъ его за одежду и потащилъ за село; здѣсь онъ рвалъ ему бороду, пытался отрубить ее саблею, нанесъ нѣсколько ранъ и ударовъ какъ самому священнику, такъ и его женѣ, прибѣжавшей молить о пощадѣ, и отпустилъ только тогда, когда священникъ обѣщалъ ему уплатить 10 талеровъ выкупу; но этимъ дѣло не кончилось; Кобельскій нѣсколько разъ возобновлялъ нападенія и заставилъ священника спачала скрываться у прихожанъ и, наконецъ, совершенно бѣжать изъ села [2]). Въ селѣ Скородномъ, въ Полѣсьи, помѣщикъ Прушинскій долго преслѣдовалъ приходскаго священника своего села—Іосифа Загоровскаго, заставляя его служить въ церкви согласно съ своими указаніями (т. е. вѣроятно по уніятскому ритуалу); встрѣчая упорное сопротивленіе съ его стороны, онъ нѣсколько разъ страшно его истязалъ передъ церковью и, наконецъ, прогналъ изъ села, ограбивъ все имущество. Изгнанный священникъ нашелъ пріютъ въ сосѣднемъ селѣ Медвиднѣ у православнаго дворянина, Федора Павши; но обстоятельство это еще болѣе раздражило Прушинскаго, постоянно враждовавшаго съ Павшею; онъ приказалъ своей дворнѣ поймать священника на дорогѣ и привести въ свой дворъ; здѣсь онъ его посадилъ въ тюрьму, приказавъ надѣть ему на шею „гусакъ" (т. е. толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинъ, съ вырѣзкою для шеи). Узнавъ о случившемся, сынъ священника успѣлъ пробраться въ тюрьму и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ отецъ задыхался; тогда Прушинскій схватилъ сына и избилъ его до такой степени, что его замертво унесли домой, отцу-же, сверхъ „гусака", приказалъ надѣть кандалы и въ такомъ состояніи моридъ его голодомъ и холодомъ двѣ недѣли, пока не принудилъ принести въ церкви присягу въ томъ, что священникъ не удалится болѣе изъ села и во всемъ подчинится требованіямъ помѣщика [3]). Нерѣдко дворяне простирали истязанія до того, что причиняли смерть своимъ жертвамъ; вотъ, для примѣра, подобный случай: по дорогѣ изъ Острога ѣхалъ въ сопровожденіи своей дворни дворянинъ Криштофъ Манецкій; путь его пролегалъ черезъ село Вельбуйное, въ которомъ въ приходской православной церкви случился въ

---

[1]) Ibid. №№: LXIII, стр. 130; CXIII, стр. 250; CXIV, стр. 252; CXLIII, стр. 327; CXLIV, стр. 328; CXLIX, стр. 336; CLXIII, стр. 364; LXXVIII, стр. 167 и CXLI, стр. 322.

[2]) Ibid. № CXVII, стр. 259.

[3]) Ibid. №№: CVII, стр. 232: CXI, стр. 243 и CLXXII, стр. 381.

этотъ день храмовой праздникъ. Увидѣвъ стеченіе народа и узнавъ въ чемъ дѣло, Манецкій возгорѣлся фанатическимъ рвеніемъ; онъ въѣхалъ верхомъ въ толпу, вышедшую изъ церкви, и, замѣтивъ среди народа священника, Стефана Петрыковскаго, направилъ на него коня и, опрокинувъ на землю, сталъ бить плашмя саблею; только окружавшіе прихожане успѣли освободить изъ его рукъ священника и отвести домой; однако Манецкій не ограничился первымъ нападеніемъ, онъ подъѣхалъ къ дому священника и, увидѣвъ, что двери крѣпко заперты извнутри, помѣстился у окна и сталъ стрѣлять въ комнату изъ лука; упражненіе это онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ стрѣлъ не засѣла въ глазу у священника. Пока несчастный мучился въ предсмертныхъ судорогахъ, Манецкій усѣлся писать отъ его имени себѣ-же самому квитанцію, въ которой священникъ будто заявлялъ, что не имѣетъ къ нему никакой претензіи и считаетъ Манецкаго непричастнымъ въ своей кончинѣ. Затѣмъ онъ заявилъ эту квитанцію въ ближайшемъ гродѣ и спокойно отправился въ дальнѣйшій путь [1]).

Среди такихъ отношеній дворянъ къ представителямъ православія, конечно, нельзя было ожидать со стороны первыхъ уваженія и къ православной святынѣ; дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ актахъ многочисленныя свидѣтельства о нападеніяхъ на церкви, о прекращеніи въ нихъ богослуженія вслѣдствіе буйныхъ поступковъ шляхтичей, о разрушеніи православныхъ кладбищъ и т. п. Такъ напримѣръ, въ овручскомъ повѣтѣ вооруженная панская челядь, отправившись на заѣздъ противъ помѣщика сосѣда, овладѣла церковью въ его имѣніи, селѣ Квасовой, расположилась въ ней ночевать, раскладывала костры и разводила огонь въ самомъ зданіи, и, удаляясь на другой день, ограбила его совершенно [2]). Въ селѣ Ласкахъ, въ окрестности Овруча, жолнеры панцырной хоругви ворвались съ оружіемъ въ домъ священника и принялись его истязать; спасаясь отъ нихъ, священникъ искалъ убѣжища въ церкви, но жолнеры послѣдовали за нимъ и у алтаря разрубили ему голову [3]). Далѣе встрѣчаемъ разсказы о томъ, какъ помѣщики врываются верхомъ и съ оружіемъ въ сопровожденіи толпы слугъ въ церкви, прерываютъ богослуженіе, заводятъ ссоры съ священниками, произносятъ ругательства, стрѣляютъ и рубятъ въ церкви священниковъ, причетниковъ и прихожанъ [4]). Владѣльцу одного села, находящагося вблизи Кременца, понадобился строевой матеріалъ; онъ отправилъ работниковъ на православное кладбище, бывшее въ Кременцѣ у Воскресенской церкви, приказавъ имъ разбить надгробныя плиты и кресты и перевезти ихъ въ свое имѣніе. Другому дворянину понадобился садъ въ италіянскомъ вкусѣ,—онъ приказалъ въ

---

[1]) Ibid. №№: LXVIII, стр. 145; CLIV, стр. 348; CLV, стр. 349.
[2]) Ibid. № XXXV, стр. 70.
[3]) Ibid. № XLVI, стр. 92.
[4]) Ibid. №№: CXV, стр. 254 и CLXV, стр. 369.

своемъ имѣніи разрыть могилы на православномъ кладбищѣ, выбросить кости покойниковъ, сравнять мѣстность и засадить ее деревьями по придуманному имъ плану [1]) и т. д.

Въ ряду преслѣдованій, испытанныхъ въ то время православнымъ духовенствомъ отъ шляхтичей, есть еще двѣ характеристическія черты, постоянно встрѣчающіяся и тяжело отзывавшіяся въ повседневномъ быту священниковъ—это изгнаніе ихъ помѣщиками изъ приходовъ и требованіе отбыванія барщины въ пользу помѣщика [2]). Такъ въ окрестности Кременца, владѣльцы села Яськовецъ, дворяне Блендовскіе, потребовали отъ приходскаго священника, Іоанна Гостынскаго, уплаты 25 талеровъ или отбыванія барщины; когда священникъ отклонилъ это требованіе, они изгнали его изъ села и обратили въ свою пользу собранный имъ хлѣбъ, огородныя овощи и все его движимое имущество и нанесли ему тяжелые побои, когда онъ явился просить о возвратѣ пограбленнаго. Сверхъ того, помѣщики чувствовали себя вправѣ, по своему усмотрѣнію, распредѣлять приходы, требовать отъ священниковъ видоизмѣненій и прибавленій въ литургіи, и вообще вмѣшиваться въ богослуженіе и въ дѣла церковнаго благочинія. Такъ мы встрѣчаемъ тяжебное дѣло между благочиннымъ и подвѣдомственнымъ ему приходскимъ священникомъ. въ которомъ шляхтичъ, управлявшій имѣніемъ, вмѣшивается въ дѣла чисто церковнаго свойства, беретъ подъ свое покровительство приходскаго священника, ясно нарушившаго каноническія правила, освобождаетъ его отъ отвѣтственности передъ церковною властью, наноситъ благочинному, настаивавшему на своемъ правѣ, оскорбленія и побои и подвергаетъ его отвѣтственности передъ свѣтскимъ судомъ, возводя на него ложныя обвиненія [3]). Въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ тяжбу между двумя мелкопомѣстными владѣльцами одного села, изъ которой видимъ, что одинъ изъ нихъ, въ досаду противнику, принудилъ приходскаго священника поминать себя на эктеніи [4]). Среди ссоры, возникшей между управлявшимъ Чернобыльскимъ имѣніемъ, двоpяниномъ Польчевскимъ и пріоромъ доминиканскаго Чернобыльскаго монастыря, извѣстнымъ своимъ буйствомъ, патеромъ Варановскимъ, послѣдній отлучилъ Польчевскаго отъ церкви; приводя въ исполненіе это отлученіе, онъ не удовлетворился прекращеніемъ богослуженія въ костелѣ, но приказалъ запереть также всѣ православныя церкви въ Чернобыльскомъ имѣніи и недопустилъ въ теченіи извѣстнаго времени ни звонить въ колокола, ни отправлять въ нихъ богослуженіе. Тотъ же Варановскій принудилъ членовъ православнаго братства присутствовать при похоронахъ, крестныхъ ходахъ, и другихъ торжественныхъ обрядахъ въ като-

---

1) Ibid. №№: CLXI, стр. 360 и CLXXXI, стр. 401.
2) Ibid., кромѣ указанныхъ выше, № CLII, стр. 343.
3) Ibid. №№: XCVI, стр. 212 и XCVII, стр. 213.
4) Ibid. № CLX, стр. 359.

лической церкви [1]). Подобное указанному лишеніе прихожанъ возможности присутствовать при богослуженіи и исполнять религіозные обряды, повторялось весьма часто вслѣдствіе вражды между помѣщиками; такъ управляющій Дымерскимъ староствомъ Смигурскій, вслѣдствіе несогласій съ сосѣднимъ помѣщикомъ Искрицкимъ, запретилъ Дымерскому приходскому священнику: допускать къ исповѣди и св. причастію крестьянъ села Дымидова, принадлежавшаго къ Дымерскому приходу, дозволять имъ ходить въ церковь, а также совершать въ Дымидовѣ какія-бы то ни было требы; такимъ образомъ Дымидовскіе крестьяне лишены были возможности крестить младенцевъ, вступать въ бракъ, напутствовать больныхъ и хоронить умершихъ. Другой помѣщикъ не допускалъ вовсе священника въ свое село и побоями заставилъ его отказаться отъ исполненія требъ въ части своего прихода и т. д. [2])

Подвергаясь безпрестанно указаннымъ обидамъ и оскорбленіямъ, православное духовенство не находило защиты въ судебныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ судьями были тѣже шляхтичи; рѣдкая жалоба доходила въ судъ и то развѣ въ такомъ случаѣ, если самъ священникъ принадлежалъ къ дворянскому сословію или если обида была ему причинена дворяниномъ сосѣдомъ, и помѣщикъ того села, въ которомъ жилъ священникъ находилъ полезнымъ для своихъ интересовъ вчать искъ; но и въ такихъ случаяхъ правосудіе не доставляло истцу никакого удовлетворенія и по большей части навлекало на него лишь новыя гоненія. Такъ гродскій Луцкій судъ разсматривалъ жалобу Острожскаго протоіерея, Андрея Терпиловскаго, на дворянина Збіевскаго, о томъ, что Збіевскій оклеветалъ истца, обвинивъ его въ поджигательствѣ и колдовствѣ, и требовалъ его къ отвѣту въ Львовскій уніатскій консисторскій судъ, котораго власти Терпиловскій не признавалъ надъ собою; разсмотрѣвъ дѣло, судъ нашелъ нужнымъ собрать дополнительныя справки и потому отложилъ его рѣшеніе, а между тѣмъ онъ выдалъ Збіевскому всѣ документы, относившіяся къ дѣлу и не допустилъ протоіерея подать по этому поводу протестъ въ трибуналъ [3]). Далѣе мы находимъ жалобу приходскаго священника Ломиковскаго на дворянина Татомира о томъ, что послѣдній, встрѣтивъ священника на дорогѣ, сталъ поносить его бранными словами за то, что Ломиковскій осмѣлился жаловаться въ судъ на шляхтичей; за тѣмъ Татомиръ бросился на него съ обнаженною саблею и когда случившіеся проѣзжіе люди не допустили его рубить священника, то онъ, удаляясь, заявилъ слѣдующую угрозу: „погоди, попъ, подавать жалобы на шляхту; попытайся обжаловать меня—такъ я твой протестъ на тебѣ же искрошу!“ [4]). Въ Кременецкомъ повѣтѣ одинъ изъ ревнителей уніи, дворя-

---

[1]) Ibid. № XLIX, стр. 100.
[2]) Ibid. №№: CLXXVI, стр. 390; CXCIV, стр. 443; CCVII, стр. 514.
[3]) Ibid. № LXXXVII, стр. 193.
[4]) Ibid. № CXXIII, стр. 276.

нинъ Блендовскій, долгое время наносилъ всевозможныя обиды и оскорбленія православнымъ; онъ отнялъ земли у сосѣдняго Загаецкаго православнаго монастыря, выжилъ священника изъ своего села, и когда въ церковь сталъ являться для отправленія богослуженія и исполненія требъ священникъ изъ сосѣдняго села, Іоаннъ Гостыловскій, то онъ грабежемъ, побоями и угрозами принуждалъ эго служить по уніятскому обряду; наконецъ, онъ подалъ въ судъ жалобу на священника о томъ, что онъ только для виду будто сохраняетъ уніятское богослуженіе, но въ отсутствіи Блендовскаго отправляетъ литургію православную. Когда-же священникъ явился въ судъ для отвѣта по этому дѣлу, то Блендовскій въ самомъ присутствіи суда поносилъ его безнаказно бранными словами и грозилъ ему тѣлеснымъ наказаніемъ въ случаѣ дальнѣйшаго ослушанія [1]).

Между тѣмъ, когда духовенство испытывало повсемѣстно тяжелое гоненіе со стороны шляхтичей, православные дворяне, въ силу давленія общественнаго мнѣнія своей среды, переходили въ католицизмъ и становились ревностными поборниками уніи и противниками православія. Иногда случалось, что среди дворянскаго рода находилась личность болѣе стойкая и самостоятельная, не поддававшаяся общественному мнѣнію, въ такомъ случаѣ ей приходилось выдерживать борьбу не съ духовными и гражданскими властями, а съ сосѣдями и особенно съ родственниками, перешедшими въ католицизмъ. Споры эти возникали обыкновенно изъ одного источника: какой-нибудь предокъ рода считался основателемъ одного изъ сосѣднихъ православныхъ монастырей или мѣстной приходской церкви; вслѣдствіе этого всѣ члены рода, въ качествѣ наслѣдниковъ, считались „колляторами" т. е. ктиторами храма, и, при разногласіи ихъ въ вѣрѣ, родственники католики старались обыкновенно обратить монастырь и церковь въ унію, родственникъ-же православный заявлялъ свои права и отстаивалъ неприкосновенность храма; тогда возникала упорная семейная вражда; драки, нападенія, заѣзды перемежались съ жалобами, исками и аппеляціями и прекращались по большей части только со смертью православнаго члена рода или съ переходомъ имѣнія, въ которомъ находилась спорная церковь, въ руки посторонняго лица. Такъ, напримѣръ, въ Овруцкомъ повѣтѣ жило семейство дворянъ Силичей, состоявшее изъ четырехъ братьевъ и дяди, всѣ они считались ктиторами женскаго православнаго монастыря, основаннаго въ селѣ Сельцѣ ихъ предками. Между тѣмъ дядя и двое изъ племянниковъ перешли въ латинство, два другіе брата оставались православными; со смертью старшаго изъ нихъ—Григорія, на младшаго—Александра, посыпались всевозможныя притѣсненія отъ остальныхъ родственниковъ; дядя и братья, въ сопровожденіи пріятелей и слугъ, производили на его домъ и имѣніе цѣлый рядъ нападеній: они врывались въ монастырь, били и истязали монахинь, сорвали со

---

1) Ibid. №№: CLVII, стр. 352; CLVIII, стр. 354 и CLIX, стр. 357.

стѣны въ церкви портретъ умершаго Григорія Сплича и т. д. [1]). Подобная же семейная ссора записана въ книгахъ Луцкаго грода по поводу несогласій, возникшихъ вслѣдствіе ктиторскаго права на Бѣлостоцкій монастырь. Монастырь этотъ былъ основанъ въ XVII столѣтіи православнымъ епископомъ Перемышльскимъ и Самборскимъ, Симеономъ-Сильвестромъ Гулевичемъ. Двоюродный внукъ его, Іосифъ Гулевичъ, подобно многимъ членамъ своего рода, былъ ревностнымъ защитникомъ православія; между тѣмъ Гулевичи породнились съ Путошинскими—другимъ древнимъ православнымъ родомъ Волынскихъ дворянъ и вслѣдствіе этого часть села Бѣлаго Стока и сосѣднее село Гать перешли въ собственность Путошинскихъ. Двое изъ представителей этого рода—Владиславъ и Богуславъ приняли унію и стали тѣснить Бѣлостоцкій монастырь. Іосифъ Гулевичъ, въ качествѣ ктитора, вступился за братью; Путошинскіе съ толпою слугъ и пріятелей нападали неоднократно на монастырь, разоряли его имущество и истязали монаховъ, монастырскихъ слугъ и крестьянъ; Гулевичъ отражалъ нападенія вмѣстѣ съ игуменомъ, совѣтовалъ послѣднему отражать силу силою, и искалъ удовлетворенія съ Путошинскихъ судебнымъ порядкомъ. Долго длилась вражда, пока не разразилась кровопролитною свалкою у монастырской ограды; вслѣдствіе ся Гулевичу удалось на время упрятать Владислава Путошинскаго въ тюрьму за нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на монастырь. Но эта мѣра не усмирила буйнаго шляхтича: лишь только кончился срокъ ареста, Путошинскій возвратился домой, возобновилъ нападенія и заѣзды, отнялъ монастырскую землю и въ конецъ разорилъ монастырское хозяйство [2]). Продолжая тѣснить Бѣлостоцкую обитель, въ тоже время Владиславъ Путошинскій велъ точно такую-же борьбу съ роднымъ братомъ своимъ Адамомъ за церковь, находившуюся въ принадлежавшемъ имъ собща селѣ Гати: Владиславъ обратилъ эту церковь въ уніятскую, Адамъ-же, остававшійся вѣрнымъ православію, хотя и не нашелъ средствъ воспротивиться этому, но рѣшился не допускать уніятовъ спокойно торжествовать побѣду. Въ храмовой праздникъ онъ взялъ изъ церкви икону св. Дмитрія, и, созвавъ нѣсколько сосѣдей и русскихъ офицеровъ, случайно проходившихъ черезъ село, онъ пригласилъ игумена Бѣлостоцкаго монастыря, Іосифа Балабана, отслужить обѣдню въ своемъ домѣ, при чемъ онъ жаловался на отступничество брата и вызвалъ крупное по этому поводу объясненіе съ нимъ русскихъ офицеровъ [3]).

Указанное положеніе религіознаго вопроса, вытекавшее изъ плана предложеннаго Шумлянскимъ, основаннаго на глубокомъ пониманіи имъ общс-

---

[1]) Ibid. № LIV, стр. 113.

[2]) Ibid. №№: LXIV, стр. 134; LXXIX, стр. 170; LXXX, стр. 172; LXXXI, стр. 176; LXXXII, стр. 180; LXXXV, стр. 189; LXXXVI, стр. 191 и LXXXIX, стр. 199.

[3]) Ibid. № CXX[illegible] стр, 267.

ства, среди котораго приходилось дѣйствовать, оказалось весьма выгоднымъ для уніи. Въ теченіи двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за неудавшимся Люблинскимъ съѣздомъ, унія распространилась болѣе, чѣмъ въ продолженіи почти цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Негласное принятіе уніи епископами, продолжавшими выдавать себя за православныхъ, разрывъ прямыхъ сношеній съ Кіевскою митрополіею, гоненіе, направленное шляхтичами на сельское духовенство, захватъ монастырей или отнятіе у нихъ средствъ къ существованію, раздоръ, поселенный въ дворянскихъ православныхъ семействахъ, отклоненіе отъ братствъ болѣе вліятельныхъ членовъ приманкою награды ихъ дворянскими правами и при всемъ этомъ отсутствіе ясно высказанной программы, неопредѣленность положенія, среди котораго невозможно было точно указать лица, принадлежавшія къ уніи или отвергавшія ее—всѣ эти обстоятельства парализировали реакцію со стороны православныхъ, не дали ей возможности сосредоточиться и проявиться общими мѣрами и низвели ее до размѣровъ частной борьбы въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ. Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій самъ Шумлянскій нашелъ предложенныя имъ мѣры до того успѣшными и плоды, принесенныя ими, до того полными въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ речипосполитой, что рѣшился снять маску; оставляя на долю другихъ продолжать начатое имъ дѣло въ тѣхъ эпархіяхъ, гдѣ православіе держалось болѣе стойко, онъ объявилъ о присоединеніи своемъ къ уніи и перечислилъ въ нее эпархіи, прямо ему подвѣдомственныя: Львовскую, Галицкую и Каменецъ-Подольскую. Въ полной увѣренности, что мѣры, принятыя имъ, окончательно разслабили въ нихъ православное общество и поселили въ немъ индеферентизмъ въ отношеніи къ спорному религіозному вопросу, онъ рѣшился изгнать сразу изъ этихъ эпархій и послѣдніе остатки православія. Этотъ новый поворотъ въ дѣятельности Шумлянскаго начинается въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія. Въ 1697 году онъ первый разъ отважился заявить въ нѣкоторыхъ гродскихъ книгахъ присягу на унію, принесенную имъ еще въ 1681 году, а въ 1700 онъ торжественно и публично возобновилъ ее въ Варшавѣ, произнеся на этотъ разъ клятву не только за себя, но и за подчиненныя ему эпархіи [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Шумлянскій приступилъ къ окончательному изгнанію православія изъ этихъ эпархій. Единственное сопротивленіе въ Львовской эпархіи онъ встрѣтилъ со стороны мѣстнаго братства. Братчики, опираясь на привиллегію ставропигіяльную, заявили, что они не признаютъ ни уніи, ни власти Шумлянскаго и желаютъ оставаться въ послушаніи Константинопольскаго патріарха. Конечно Шумлянскій не обратилъ вниманія на этотъ протестъ и объявилъ, что онъ будетъ служить въ Братской церкви торжественную обѣдню по уніятскому ритуалу въ день св. Петра и Павла.

---

[1]) Кояловичъ. Литовская церковная унія, т. II, стр. 440. Бантышъ-Каменскій. Историческое извѣстіе объ уніи, стр. 136.

Онъ пригласилъ присутствовать при служеніи всѣхъ, находившихся въ Львовѣ, знатныхъ лицъ католическаго обряда какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ томъ числѣ великаго короннаго гетмана Яблоновскаго, его сыновей: воеводу русскаго и хорунжія короннаго и многихъ другихъ. Современникъ и очевидецъ, католическій каноникъ Янъ Юзефовичъ, описываетъ слѣдующими словами этотъ фактъ водворенія уніи въ болѣе всего чтимой народомъ Львовской церкви: „когда Шумлянскій, въ обществѣ многочисленныхъ почетныхъ гостей пришелъ къ церкви, то нашелъ главныя и боковыя двери запертыми на замокъ. Приглашенные гости должны были долгое время ожидать, краснѣя отъ стыда и негодованія, частью на крыльцѣ церкви, частью въ экипажахъ. Епископъ, обиженный столь дерзкимъ сопротивленіемъ мѣщанъ, обратился съ просьбою къ гетману Яблоновскому, чтобы онъ приказалъ солдатамъ взломать двери. Яблоновскій охотно согласился исполнить это предложеніе и солдаты, по его приказанію, проникли въ церковь по крышамъ сосѣднихъ домовъ, вырубили двери топорами, такъ какъ не могли достать ломовъ, и такимъ образомъ открыли путь въ церковь епископу и его гостямъ. Послѣ этого епископъ Шумлянскій совершилъ литургію въ присутствіи народа и всѣхъ приглашенныхъ лицъ и принялъ братскую церковь въ свое управленіе. Въ тотъ-же день онъ устроилъ торжество и роздалъ награды своимъ союзникамъ. Тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ часто выслушивать терпѣливо ругательства не только отъ черни, но и отъ многихъ лицъ духовныхъ“ [1]).

Еще меньше препятствій встрѣтилъ Шумлянскій въ Каменецкой эпархіи благодаря тому, что Подоліе находилось тогда въ ненормальномъ положеніи, такъ какъ край этотъ переходилъ въ то время изъ-подъ власти турокъ къ речипосполитой. Вотъ интересныя данныя о мѣрахъ, употребляемыхъ уніятскимъ духовенствомъ въ такихъ случаяхъ: къ намъ дошли два рапорта уніятскаго оффиціяла Корытынскаго о присоединеніи имъ къ уніи Збаражскаго православнаго монастыря и Збаражскихъ приходскихъ церквей; онъ такъ описываетъ свои дѣйствія: явившись въ Збаражъ въ сопровожденіи надворной хоругви владѣльца мѣстечка—Іосифа Потоцкаго, и пригласивъ для содѣйствія мѣстнаго губернатора (управляющаго) и монаховъ Бернардинскаго монастыря, онъ созвалъ изъ окрестностей и переписалъ всѣхъ приходскихъ священниковъ; заручившись ихъ согласіемъ на принятіе уніи, онъ утвердилъ ихъ на приходахъ; о неявившихся-же онъ говоритъ, что они не могли пріѣхать по причинѣ бѣдности, „другіе-же до сихъ поръ упорно пребываютъ въ схизмѣ и не хотятъ признать надъ собою власти нашего архипастыря, напротивъ того, они возмущаютъ крестьянъ, уговаривая ихъ не принимать уніи и выдавая оную за ересь. Я нашелъ нужнымъ отложить

---

[1]) Юзефовичъ. Исторія города Львова.—Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ №. рукописи 124, стр. 1130—1132.

зборъ этой жатвы Господней до болѣе удобнаго времени". Не осмѣливаясь удаляться въ окрестности, Корытынскій принялся за дѣло тѣмъ ревностнѣе въ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя вполнѣ безопаснымъ подъ прикрытіемъ губернатора и военнаго конвоя; онъ описалъ городскія церкви, ихъ имущество и документы и принялъ ихъ во владѣніе отъ имени уніятскаго епископа. Настоятеля одной церкви онъ нашелъ вполнѣ преданнымъ уніи; у другаго священника, о. Игнатія, оказалась ставленная грамота отъ Луцкаго православнаго епископа, и притомъ у него былъ помощникъ, старый православный священникъ, открытый противникъ уніи, котораго о. Игнатій держалъ при себѣ въ угоду прихожанамъ и дозволялъ ему въ своей церкви отправлять богослуженіе и совершать св. таинства. Корытынскій приказалъ священнику перемѣнить ставленную грамоту, викарія-же потребовалъ къ себѣ для объясненій, „но онъ не только не пожелалъ стать передо мною на лице, но сѣлъ на коня и укрылся въ лѣсу, какъ измѣнникъ". Оффиціялъ запретилъ священнику, подъ опасеніемъ анаѳемы, принимать его впредъ и допускать въ церковь [1]). За тѣмъ Корытынскій приступилъ къ болѣе важному дѣлу—къ принятію въ свое вѣденіе православнаго Збаражскаго монастыря. Нѣсколько раньше его пріѣзда въ монастырѣ произошло смятеніе: игуменъ, Парѳеній Янковскій, по причинѣ не упомянутой въ актѣ, подвергся взысканію со стороны православнаго Луцкаго епископа, Діонисія Жабокрицкаго; послѣдній поручилъ монахамъ Почаевскаго монастыря арестовать Янковскаго и содержать въ своемъ монастырѣ въ тюрьмѣ. Но когда Почаевскіе монахи пріѣхали въ Збаражъ и арестовали игумена, то за него заступился мѣстный губернаторъ и освободилъ его съ помощью жолнеровъ; игуменъ отправился искать покровительства къ владѣльцу мѣстечка, Іосифу Потоцкому, который обѣщалъ защитить его подъ условіемъ, что Янковскій приметъ унію и приведетъ къ ней какъ братію своего монастыря, такъ и его прихожанъ. Корытынскій между тѣмъ медлилъ и поджидалъ исхода этой сдѣлки; наконецъ онъ получилъ извѣстіе, что она состоялась и приступилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ того, что опубликовалъ универсалъ Потоцкаго къ жителямъ Збаража, въ которомъ онъ, въ качествѣ владѣльца имѣнія, предписываетъ имъ принять унію. Вотъ этотъ интересный документъ: „Я, Іосифъ Потоцкій, желаю здравія и всякаго добра всѣмъ громадамъ волости моей Збаражской. Какъ мѣщанамъ, такъ равно жителямъ предмѣстій и селъ, вѣдомо чиню, что, благодаря Господа, вся русская область приняла унію, т. е. единеніе съ святою католическою, римскою церковью, о чемъ отецъ игуменъ уже извѣщалъ васъ; но вы (хотя и не всѣ, какъ мнѣ доносятъ) повиноваться ему не хотите; потому отправляю къ вамъ сей универсалъ мой и предписываю, чтобы вы ни въ чемъ не перечили и повиновались-бы вполнѣ въ дѣлахъ церковныхъ игумену монастыря вашего Збаражскаго;

---

[1]) Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, № LXVII, стр. 140.

всякаго-же упорнаго и неповинующагося отцу игумену приговариваю симъ къ уплатѣ штрафа въ сто гривенъ и сверхъ того къ тяжелому наказанію (тѣлесному?); все это (несогласіе?) пустой-лишь вымыселъ; праздники, посты и обряды останутся у васъ по прежнему и никакой перемѣны ни въ чемъ не будетъ; потому и вторично предписываю вамъ не смущать сомнѣніемъ вашей совѣсти. Въ удостовѣреніе чего и выдаю сей универсалъ мой съ приложеніемъ моей печати и за собственноручною подписью. 1700 года, августа 25. Іосифъ Потоцкій, староста Галицкій".

Вслѣдъ за универсаломъ явился въ Збаражъ игуменъ Янковскій; но, не смотря на обѣщаніе принять унію, данное имъ владѣльцу, возвратившись домой, онъ медлилъ и подъ разными предлогами старался затянуть дѣло; къ нему явились прихожане „твердые схизматики" съ горячими мольбами: „чтобы онъ не приставалъ къ уніи и ихъ не увлекалъ за собою"; они брались выхлопотать ему прощеніе и отъ Жабокрицкаго и отъ владѣльца имѣнія, лишь-бы онъ твердо устоялъ въ православіи. Съ другой стороны игумена окружили уніятскіе священники, шляхтичи и бернардины и требовали отрѣченія; сначала ихъ убѣжденія не имѣли успѣха; тогда официіялъ перемѣнилъ тонъ и осыпалъ его угрозами, мѣстный же губернаторъ, въ качествѣ представителя правъ владѣльца, заявилъ готовность употребить въ дѣло свою власть; игуменъ не устоялъ и согласился на требованія уніятовъ. Его заставили торжественно въ церкви отрѣчься отъ православія и присягнуть на унію, и, вслѣдъ за тѣмъ, оффиціалъ принялъ монастырь въ вѣдѣніе своего епископа, обложилъ членовъ церковнаго братства штрафами за сопротивленіе уніи, и уѣхалъ изъ Збаража, не оставивъ въ городѣ ни одной православной церкви, ни одного православнаго священника. Строго православные жители должны были или остаться безъ богослуженія и церковныхъ требъ, или отправляться въ уніятскія церкви. Оффиціально Збаражская волость была причислена къ числу мѣстностей, добровольно и единогласно принявшихъ унію [1]).

Въ то время, когда унія распространялась всѣми вышеуказанными мѣрами, противудѣйствіе со стороны православныхъ не могло проявиться въ видѣ систематической опозиціи, какъ вслѣдствіе того, что новый планъ дѣйствій уніятовъ и католиковъ скрывался подъ завѣсою тайны и умышленной неясности положенія, такъ и потому, что привилигированное сословіе перешло въ ряды противниковъ и обязанность защиты православія выпала на долю сословій, или вполнѣ безправныхъ, или крайне стѣсненныхъ въ правахъ своихъ тѣмъ порядкомъ общественнаго строя, который водворился въ речипосполитой. Немедленно послѣ 1680 года церковныя братства пытаются стать опять во главѣ оппозиціи, но теперь онѣ не находятъ точки опоры ни въ дворянствѣ, ни въ козачествѣ, какъ это случилось прежде, въ началѣ

---

[1]) Ibid. № LXIX, стр. 148.

XVII столѣтія. На съѣздѣ представителей ставропигіяльныхъ братствъ и православнаго духовенства, состоявшемся въ Августѣ 1680 года въ Новомъ Дворѣ, обсуждались средства для противудѣйствія уніи, но присутствовавшіе не могли остановить вниманія ни на одной мѣрѣ, сколько нибудь дѣйствительной; они повторили обязательство стоять за православіе, но не находили средствъ для того, чтобы обобщить свою борьбу и указать успѣшные для нея пріемы. Постановлено было пользоваться соборами и съѣздами, предполагавшимися по плану Шумлянскаго, и предъявлять на нихъ свои права и обезпечивавшія свободу богослуженія привилегіи, а также стараться при выборѣ депутатовъ на сеймы, включать въ ихъ инструкціи статьи, направленныя къ защитѣ православія; но обѣ эти мѣры оказались неисполнимыми: правительство удержалось отъ созыванія съѣздовъ, количество-же православныхъ дворянъ было до того ничтожно, что голосъ ихъ на сеймикахъ не имѣлъ почти никакого значенія; послѣднее обстоятельство сознавали сами православные на съѣздѣ въ Новомъ Дворѣ; обсуждая возможность дѣйствовать посредствомъ вліянія на инструкціи депутатамъ, они рѣшили, что слѣдуетъ попытаться снискать вліяніе на сеймикахъ посредствомъ подкупа шляхтичей, „не жалѣя на этотъ предметъ издержекъ" [1]). Но и этотъ исходъ оказался не возможнымъ, такъ какъ братства и ихъ члены не располагали достаточными средствами для того, чтобы соблазнить большинство шляхтичей, съѣзжавшихся на сеймики.

Такимъ образомъ сопротивленіе уніи должно было принять исключительно пассивный характеръ, раздробиться на безконечное число единичныхъ случаевъ и уповать исключительно на стойкость и непреклонность духовныхъ лицъ и отдѣльныхъ приходовъ, которые на свой страхъ должны были выдерживать въ каждой мѣстности натискъ ревнителей уніи, опиравшихся на административную поддержку и на буйный нравъ шляхты. Факты такіе мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ актахъ того времени, не смотря на то тяжелое положеніе, въ которомъ находились православные духовные, мѣщане и крестьяне. Такъ мы видимъ, что прихожане продолжаютъ вездѣ, гдѣ представлялась возможность, пользоваться стариннымъ правомъ выбора приходскаго священника и стараются направлять выборъ такъ, чтобы избѣгать лицъ склонныхъ къ уніи. Если крестьянамъ удавалось снискать по какому нибудь поводу согласіе помѣщика, то они немедленно низлагали священника уніята „поганскую виру" отнимали у него церковные ключи, уничтожали уніятскій антиминсъ и вручали приходъ своему избраннику [2]). Иногда крестьянамъ удавалось умилостивить помѣщика подаркомъ, иногда запугать опасностью взрыва своего негодованья, въ другихъ случаяхъ они пользовались его ссорами съ сосѣдями и всегда не упускали малѣйшей возможности обез-

---

[1]) Ibid. № XXVIII, стр. 53.
[2]) Ibid. №№: CIII, стр. 224; CXXV, стр. 281; XCV, стр. 209.

печить свои церковные интересы, отстоять, хотя на время, свою церковь отъ вторженія уніятовъ и католиковъ [1]). Такъ, напримѣръ, послѣ объявленія о присоединеніи Подолія къ уніи—католическіе ксендзы стали разъѣзжать по селамъ и пытались служить католическую мессу въ сельскихъ церквяхъ; но они должны были отказаться отъ своей попытки: крестьяне отнимали и прятали ключи отъ церквей и, въ случаѣ насилія, угрожали убивать ксендзовъ [2]). Въ Овручскомъ Полѣсьи околичные шляхтичи, ревностно стоявшіе за православіе, зорко слѣдили за поведеніемъ духовенства въ своей мѣстности и, при малѣйшей наклонности къ уніи, старались выжить сомнительное лице и замѣнить его болѣе благонадежнымъ [3]). Въ городахъ православные мѣщане старались поддерживать чистоту вѣры въ своихъ согражданахъ, переходившихъ въ унію, и нерѣдко ихъ увѣщанія кончались судебнымъ противъ нихъ искомъ и навлекали на нихъ отвѣтственность [4]).

Но всѣ эти попытки, направленныя къ противодѣйствію, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій; объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила уединенныя усилія къ общей программѣ дѣйствій; между тѣмъ правительство, ограничившее только пятью число православныхъ эпархій, успѣло передать эти эпархіи тайнымъ или явнымъ уніятамъ. Православные сознали необходимость отстоять вакантныя или возвратить потерянныя епископскія каѳедры, и за обладаніе ими вступили еще разъ въ легальную борьбу съ правительствомъ. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка борьба эта происходила за двѣ послѣднія эпархіи, которыя православные надѣялись сохранить—Луцкую и Бѣлорусскую После смерти Аѳанасія Шумлянскаго, выдававшаго себя за православнаго, но въ дѣйствительности принявшаго унію, православное духовенство и дворяне Луцкой эпархіи рѣшились избрать на его мѣсто новаго епископа. Въ 1695 году, съѣхавшись по старинному обычаю, они приступили къ выборамъ; избранъ былъ единогласно Луцкимъ православнымъ епископомъ писарь городскій Луцкій, Дмитрій Жабокрицкій (принявшій при рукоположеніи имя Діонисія), извѣстный еще прежде своею ревностью къ православію, начитанностью и ученностью. Тяжело было положеніе этого новаго епископа: выдерживая упорную борьбу съ уніятами, испытывая безпрестанныя притѣсненія отъ дворянъ, Жабокрицкій не находилъ поддержки въ православной Кіевской іерархіи, усмотрѣвшей несоблюденіе при его выборѣ канонически установленныхъ правилъ и отказавшейся рукополагать его въ епископы на томъ основаніи, что онъ былъ

---

[1]) Ibid. № CLXXX, стр. 339.

[2]) Ibid. № XC, стр. 201.

[3]) Ibid. №№: XLII, стр. 84; CXXXVIII, стр. 316; CLXXXIX, стр. 421; также Архивъ юго-зап. Россіи ч. IV, т. I, стр. 379—381.

[4]) Ibid. № CLXXI, стр. 180.

женатъ на вдовѣ. Семь лѣтъ Жабокрицкій пытался устоять на своемъ посту, не смотря на непреодолимыя препятствія, пока наконецъ энергія его не истощилась и онъ, уступая внушеніямъ короля, принялъ унію. Немедленно послѣ избранія Жабокрицкаго король Іоаннъ III вошелъ съ нимъ въ сношенія, надѣясь склонить его милостью къ содѣйствію видамъ правительства; онъ утвердилъ Діонисія грамотою въ должности Луцкаго епископа и въ частномъ письмѣ поздравилъ его съ принятіемъ новой должности; король выражалъ свою радость по этому поводу и намекалъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что съ перемѣною званія Жабокрицкій будетъ, какъ прежде, ревностно поддерживать виды правительства [1]) Милостивымъ расположеніемъ короля Жабокрицкій рѣшился воспользоваться для того, чтобы возвратить православные церкви и монастыри, отданные уніятамъ. Онъ просилъ у короля диплома на должность Овруцкаго архимандрита, поставляя на видъ, что, занимавшій ее, уніятъ Домарадзкій не дворянинъ по происхожденію и потому, согласно законамъ речипосполитой, онъ не имѣетъ права занимать высшія церковныя должности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ возврата Госскаго монастыря и принадлежавшихъ ему имѣній, захваченныхъ Іосифомъ Шумлянскимъ въ силу выпрошенной имъ королевской грамоты. Дѣла эти были рѣшены вступившимъ на польскій престолъ новымъ королемъ. Августъ II, продолжая въ дѣлѣ уніи политику своего предшественника и разсчитывая задобрить Жабокрицкаго и склонить его милостью къ уніи, удовлетворилъ обѣ его прозьбы; но, впослѣдствіи, Жабокрицкій, рѣшительно отклонивъ предложенія на счетъ уніи, не только не присоединился къ торжественному ея принятію въ 1701 г. Іосифомъ Шумлянскимъ и его сообщниками, но вошелъ въ сношенія съ русскимъ резидентомъ Судейкинымъ и искалъ черезъ него покровительства Россіи для православной церкви; тогда король, уступая давленію общественнаго мнѣнія, и понуждаемый совѣтами сенаторовъ, принялъ жалобы отъ Домарадзкаго и Шумлянскаго и потребовалъ въ задворный судъ Жабокрицкаго къ отвѣту за то, что онъ обманулъ короля и, будто злоупотребивъ его довѣріемъ, выпросилъ грамоты на такіе монастыри, которые раньше уже были пожалованы покойнымъ королемъ другимъ лицамъ. [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ король, понимая шаткое положеніе Жабокрицкаго въ отношеніи къ православной іерархіи, рѣшился убѣдить его въ невозможности оставаться православнымъ епископомъ помимо желанія Кіевскаго духовенства. Побуждаемый этимъ разсчетомъ или, можетъ быть, относясь дѣйствительно равнодушно къ интересамъ католицизма, принятаго только формально имъ самимъ, Августъ II употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы доказать, что препятствія, встрѣченныя Жабокрицкимъ, нисколько отъ него не зависятъ. Такъ

---

[1]) Ibid № LII, стр. 110. Лѣтопись Величка томъ III, стр. 297—306.
[2]) Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, №№: LVII, стр. 118; LXXI, стр. 154; LXXII, стр. 156; LXXVI, стр. 163 и LXXVII, стр. 165.

онъ выдалъ грамоту Жабокрицкому, которою предоставлялъ ему верховное управленіе православными церквями и монастырями, находившимися въ королевскихъ имѣніяхъ, въ воеводствахъ: Кіевскомъ Волынскомъ и Брацлавскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Августъ II дважды сносился съ Петромъ I, (1698 и 1701) прося его исходатайствовать дозволеніе патріарха на посвященіе Жабокрицкаго въ Кіевѣ епископомъ въ луцкую эпархію. [1]) Но представленія короля не имѣли успѣха и остались безъ послѣдствій; раньше еще самъ Жабокрицкій испробовалъ всѣ средства для того, чтобы добиться посвященія. Онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ испрашивалъ его у Кіевскаго митрополита, вслѣдствіе чего по его дѣлу велась оживленная переписка: Кіевское духовенство сознавало всѣ достоинства Жабокрицкаго и сочувствовало его назначенію, но не осмѣливалось утвердить его безъ разрѣшенія Московскаго патріарха—тотъ въ свою очередь, не смотря на грамоту, полученную отъ имени царей (Іоанна и Петра) и на просьбы Кіевскаго митрополита, гетмана Мазепы и самаго Жабокрицкаго, не рѣшался нарушить каноническаго постановленія и предоставилъ дѣло на рѣшеніе Константинопольскаго патріарха; сношенія съ послѣднимъ затянулись и не привели ни къ какому результату, а между тѣмъ Шумлянскій торжествовалъ побѣду, упрекалъ Жабокрицкаго въ самозванствѣ, въ нарушеніи каноническихъ правилъ, подрывалъ его авторитетъ, грозилъ ему анаѳемою и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разрушить православную Луцкую эпархію. Согласно съ его внушеніями дворяне, владѣвшіе имѣніями въ Луцкой эпархіи, запретили приходскимъ священникамъ, жившимъ въ ихъ селахъ, повиноваться нареченному епископу. Жабокрицкій, въ крайности, обратился за посвященіемъ къ Сочавскому епископу въ Молдавію, но оказалось, что послѣдній призналъ надъ собою еще раньше власть Шумлянскаго и потому уклонился отъ предложенія Жабокрицкаго; наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, нарѣченный Луцкій владыка отъискалъ православнаго пастыря, который согласился рукоположить его въ епископы—это былъ Іосифъ Стойка, епископъ Мармарошскій, блюститель митрополіи Бѣлградской, Семиградской и Угорской, но посвященія этого не признали дѣйствительнымъ ни уніяты, ни православные [2]).

Такимъ образомъ Жабокрицкій, не находя поддержки тамъ, гдѣ онъ могъ на нее болѣе всего разсчитывать, потерялъ надежду устоять противъ воздвигнутыхъ отовсюду препятствій и принялъ унію въ 1702 году. Торжество поборниковъ уніи было полное; сломивъ стойкость того лица, на которое возложены были послѣднія надежды православныхъ, они спѣшили воспользоваться побѣдою; паны издали цѣлый рядъ универсаловъ къ священникамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, жившимъ въ ихъ имѣніяхъ, предписывая

---

[1]) Арх. юго-запад. Рос. ч. I, т. IV № LXXV, стр. 161; также Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 136.

[2]) Лѣтопись Величка т. III, глава XXXVII.

имъ повиноваться тому епископу, котораго власть они считали за нѣсколько лѣтъ раньше незаконною и противною канонамъ церкви. Вопросъ о женитьбѣ Жабокрицкаго, столь громко выдвинутый Шумлянскимъ и его соучастниками, теперь стушевался и будто никогда не существовалъ. Наконецъ, король вознаградилъ Жабокрицкаго значительнымъ расширеніемъ его власти: онъ издалъ универсалъ, по которому предоставлялъ въ его вѣденіе всѣ церкви и монастыри, находившіеся въ королевскихъ имѣніяхъ на пространствѣ цѣлой речипосполитой [1]). Въ послѣдствіи, послѣ смерти Шумлянскаго, уніятская іерархія передала въ управленіе Жабокрицкому уніятскія церкви и имѣнія уніятскихъ митрополитовъ, находившіяся въ Кіевскомъ воеводствѣ, гдѣ уніяты не успѣли пока основать отдѣльной эпархіи; власть Жабокрицкаго въ этой области была водворена приказомъ военной власти—универсаломъ гетмана Сѣнявскаго [2]).

Между тѣмъ какъ значеніе Жабокрицкаго возрастало такимъ образомъ въ уніятской церкви, православные, возлагавшіе при выборѣ его въ епископы столько надеждъ на его стойкость и преданность восточной церкви сильно были поражены его переходомъ въ унію; недовольство ихъ готово было проявиться при первой возможности, возможность-же вскорѣ представилась: вслѣдствіе союза Россіи со Польшею, заключеннаго противъ Карла XII, русскія войска заняли въ 1704 году многія области речипосполитой, въ томъ числѣ Волынь и Кіевское воеводство; съ появленіемъ ихъ православные жители этихъ провинцій почувствовали временное облегченіе отъ гоненій со стороны уніятовъ и дворянъ католиковъ, тѣмъ болѣе, что Петръ Великій не скрывалъ негодованія, возбужденнаго въ немъ религіознымъ прозелитизмомъ уніятовъ. Дворяне православные, опираясь на присутствіе союзныхъ войскъ, стали смѣлѣе противудѣйствовать уніятамъ; при этомъ, конечно, явилось желаніе наказать отступниковъ отъ православія и первые удары посыпались на Жабокрицкаго, который былъ вдвойнѣ ненавистенъ православнымъ: какъ представитель уніятской іерархіи въ южной Руси и какъ человѣкъ, злоупотребившій довѣріемъ православныхъ, вручившихъ ему по выбору самый важный постъ для защиты преслѣдуемой церкви. Чувствуя неловкость своего положенія, Жабокрицкій принялъ мѣры для личной безопасности: онъ увезъ церковныя вещи, принадлежавшія Луцкому собору и болѣе цѣнныя вещи изъ собственнаго имущества въ отдаленное село Жеревцы, находившееся въ глуши, въ Овруцкомъ повѣтѣ, самъ-же уѣхалъ за границу, въ Венгрію, намѣреваясь тамъ переждать неблагопріятныя для него обстоятельства. Предосторожности эти однако оказались недѣйствительными; въ 1706 году отрядъ своевольныхъ жолнеровъ, по наущенію и съ помощью право-

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи ч. I, т. IV, №№: XCI, стр. 201; XCII, стр. 205; XCIII, стр. 207; XCVIII, стр. 214; CV, стр. 229 и CVI, стр, 230.

[2]) Ibid №№: CXXIX, стр. 295 и CXXX, стр. 297.

славныхъ дворянъ Немиричей, ворвался въ Жеревцы и ограбилъ имущество, оставленное Жабокрицкимъ, затѣмъ православные дворяне запретили приходскимъ священникамъ своихъ селъ повиноваться его власти [1]) и обратились прямо къ русскимъ начальникамъ съ жалобою на отпавшаго отъ церкви епископа и съ просьбою избавить отъ него епархію. Во главѣ предъявившихъ эту просьбу находились ближайшіе родственники Жабокрицкаго: его пасынокъ—Николай Гулевичъ и племянникъ—Юрій Жабокрицкій; русскія власти, не желая отъ своего имени распоряжаться въ союзномъ государствѣ, отказались отъ прямаго участья въ дѣлѣ, и предложили жалобщикамъ самимъ арестовать епископа. Случай къ этому вскорѣ представился, Діонисій Жабокрицкій не могъ дождаться выхода русскихъ войскъ и въ 1708 году возвратился изъ Венгріи въ свою эпархію; „для приведенія въ порядокъ управленія епископскими имѣніями, а также для рукоположенія новыхъ священниковъ.“ Немедленно послѣ его пріѣзда въ Луцкъ туда-же явились Гулевичъ и Юрій Жабокрицкій съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, они заняли Луцкій замокъ, не имѣвшій въ то время гарнизона, и окружили, находившійся въ немъ епископскій домъ. Они разогнали прислугу и уніятскихъ священниковъ окружавшихъ епископа, арестовали его самого, захватили его переписку и приказали укладывать вещи въ экипажи, объявляя, что они имѣютъ приказъ увезти его изъ Луцка. Обнаживъ сабли, Гулевичъ и Юрій Жабокрицкій приказали Діонисію собираться въ путь. „Одѣвайся предатель, говорили они, не быть тебѣ болѣе владыкою въ Луцкѣ, мы тебя свеземъ туда, куда намъ приказано; тамъ тебя возведутъ въ санъ архіепископа Сибири; мы перевяжемъ твоихъ друзей и сподручниковъ и доставимъ вмѣстѣ съ тобою!“ Потомъ, обратившись къ своимъ слугамъ, они прибавили: „обращайте особенное вниманіе на его предательскую переписку; она обнаружитъ его козни противъ нашего монарха—пусть палачь ее сожжетъ публично.“ Между тѣмъ, пока въ замкѣ распоряжались укладкою въ экипажи вещей епископа, время уходило; прислуга и священники уніятскіе разбѣжались по городу съ крикомъ и воззваніями о помощи; ударили въ набатъ въ колокола; проживавшіе въ Луцкѣ шляхтичи католики, причты уніятскихъ церквей, жолнеры побѣжали къ замку. Немногочисленная свита Гулевича и Юрія Жабокрицкаго оказалась въ свою очередь заключенною въ осадѣ, и предводители должны были вступить въ переговоры съ осаждавшими. Дѣло порѣшили тѣмъ, что первые выѣхали изъ Луцкаго замка, отказавшись арестовать епископа; впрочемъ, удаляясь, они заявили угрозу: „теперь вы намъ помѣшали арестовать владыку, но помните, что вы за это отвѣтите—ваши монастыри, ваши церкви уніятскія—и всѣ вы шляхтичи лично подвергнетесь наказанію за оказанное намъ сопротивленіе.“ Освободившись такимъ образомъ отъ опасности, Жабокрицкій немедленно укрылся въ лагерь гетмана Сѣнявскаго, между

---

[1]) Ibid. №№: CXVI, стр. 255 и CXXXVIII, стр. 316.

тѣмъ его противники заняли епископскія имѣнія, захватили его документы и секвестровали имущество. Напрасно Жабокрицкій искалъ защиты у польскихъ властей и выхлопоталъ себѣ охранные листы отъ короля и отъ Волынскихъ дворянъ, съѣхавшихся на сеймикъ; исполнительная власть была всегда ничтожна въ речипосполитой, а въ то смутное военное время совершенно не существовала; потому противники епископа не только не успокоились вслѣдствіе предъявленія имъ охранныхъ листовъ, но въ началѣ слѣдующаго года они успѣли захватить епископа и передать его въ распоряженіе русскимъ властямъ; онъ былъ немедленно отправленъ въ ссылку, гдѣ вскорѣ и скончался [1]). Послѣ удаленія Жабокрицкаго, православные дворяне Волынскаго и Кіевскаго воеводствъ рѣшились еще разъ возобновить избраніе епископа и хотя на этотъ разъ выборъ ихъ былъ удачнѣе, тѣмъ не менѣе онъ не достигъ главной цѣли—удержать за православными Луцкую епископскую каѳедру. Новоизбранный епископъ былъ Кирилъ Шумлянскій, сынъ бывшаго Луцкаго епископа, тайнаго уніята—Аѳанасія Шумлянскаго и племянникъ Львовскаго уніятскаго епископа Іосифа [2]). Увлеченный семейными преданіями и примѣромъ отца и дяди, Кириллъ Шумлянскій самъ, какъ кажется, принялъ было унію, по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ въ актахъ свидѣтельство о томъ, что въ 1703 году онъ занималъ должность генеральнаго оффиціяла при уніятскомъ Каменецъ-Подольскомъ епископѣ, которымъ былъ въ то время его дядя Іосифъ Шумлянскій [3]). Положеніе, занимаемое какъ имъ лично, такъ и его семействомъ въ іерархіи уніятской церкви, обратило на него вниманіе правительства; получивъ ложное извѣстіе о смерти Жабокрицкаго, король немедленно выдалъ грамоту, предоставлявшую Кириллу Шумлянскому должность нареченнаго Луцкаго епископа и горячо рекомендовавшую его какъ уніятскому митрополиту—Винницкому, такъ и дворянамъ Волынскимъ [4]). Казалось, что правительство не могло найти лица болѣе склоннаго поддерживать его виды относительно уніи, и что съ принятіемъ имъ должности, Луцкая эпархія окончательно утвердится за уніятами. Православные Волынскіе и Кіевскіе дворяне на съѣздѣ въ Луцкѣ 16 іюня 1710 года торжественно выбрали кандидата, предложеннаго королемъ и рекомендованнаго уніятскимъ митрополитомъ, по видимому они отказывались такимъ образомъ отъ дальнѣйшей борьбы и давали косвеннымъ образомъ согласіе на унію [5]). Недоразумѣніе это скоро впрочемъ разъяснилось: немедленно послѣ выбора Кириллъ Шумлянской отправился для рукоположенія не

---

1) Ibid. №№: CXXVII, стр. 285; CXXVIII, стр. 291; CXXXVII, стр. 314 и CXXXIX, стр. 317.

2) Niesiecki. Korona Polska, т. IV, стр. 287.

3) Архивъ юго-западной Россіи ч. I, т. IV № XCIX, стр. 217.

4) Ibid. № CXLII, стр. 325.

5) Архивъ Юго-западной Россіи, часть IV, т. I, стр. 358.

во Львовъ къ Винницкому, а въ Кіевъ—къ православному митрополиту. Мы не имѣемъ свидѣтельствъ, по которымъ можно-бы объяснить эту неожиданную перемѣну въ поведеніи Шумлянскаго; не знаемъ, была-ли она слѣдствіемъ раскаянія, возбужденнаго переговорами съ православными дворянами, съѣхавшимися на выборы въ Луцкъ, или Шумлянскаго устрашилъ примѣръ участи, постигшей Жабокрицкаго, или, можетъ быть, прежде онъ присоединился къ уніи только наружно, пользуясь неясностію отношеній, созданною умышленно его дядею; во всякомъ случаѣ шагъ этотъ былъ съ его стороны рѣшительнымъ объявленіемъ войны уніятамъ. Возвратившись изъ Кіева въ свою эпархію, Шумлянскій принялся за устройство имущества, принадлежавшаго его каѳедрѣ и сталъ отнимать села, принадлежавшія прежде православному духовенству и захваченныя шляхтичами [1],—но дѣятельность его была скоро остановлена. Ни правительство, ни дворяне католики не были намѣрены оставить въ покоѣ новаго епископа; раздраженные неудачею своего разсчета, они рѣшились употребить въ дѣло насиліе Въ октябрѣ 1711 года король издалъ грозный универсалъ къ дворянамъ и духовенству Волынскаго воеводства, въ которомъ онъ, упрекая Шумлянскаго въ государственной измѣнѣ, запрещалъ, подъ опасеніемъ уголовныхъ наказаній, признавать его Луцкимъ епископомъ или повиноваться ему въ дѣлахъ духовныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ сеймикъ Волынскаго воеводства, соглашаясь вполнѣ съ предложеніемъ короля, опредѣлилъ: считать выборъ Кирилла Шумлянскаго не дѣйствительнымъ, отобрать у него актъ его избранія и передать Луцкую эпархію въ управленіе Холмскому уніятскому епископу [2]. За этимъ постановленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ, пущенныхъ въ ходъ озлобленными дворянами; имущество епископа было секвестровано или разграблено, ему самому угрожали арестомъ и ссылкою; не ожидая такого исхода дѣла, Шумлянскій бѣжалъ поспѣшно въ Кіевъ и обратился съ жалобою къ Петру I черезъ посредничество канцлера Головкина. Императоръ протестовалъ противъ его изгнанія въ энергической нотѣ на имя короля, но послѣдній отмолчался и Кириллъ Шумлянскій не появлялся болѣе въ предѣлахъ своей эпархіи; въ замѣнъ за нее онъ получилъ по назначенію Русскаго правительства эпархію Переяславскую, управляя которою, онъ скончался въ 1726, удержавъ впрочемъ до смерти титулъ епископа Луцкаго и Острожскаго, и стараясь, по мѣрѣ возможности, хотя издали, поддерживать и укрѣплять православіе, гонимое въ предѣлахъ речипосполитой [3]. Луцкая эпархія перешла такимъ образомъ во власть уніятовъ, въ которой и оставалась до самаго паденія Польши.

---

[1] Тамже, ч. I, т. IV №№: CXLVI, стр. 332; CXLVIII, стр. 335 и CL, стр. 337.

[2] Ibid. №№: CLI, стр. 340 и CLIII, стр. 344.

[3] Бантышъ-Каменскій, стр. 139; также Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. IV. № CLXXXIII, стр. 405.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ речипосполитой оставалась одна только православная эпархія—Бѣлорусская. Въ то время когда за Луцкую эпархію происходила вышеуказанная борьба, въ Бѣлорусскіе епископы выбранъ былъ человѣкъ предпріимчивый и стойкій—притомъ по происхожденію и общественному своему положенію болѣе другихъ гарантированный отъ невзгодъ, тяготѣвшихъ надъ православнымъ духовенствомъ въ речипосполитой—это былъ князь Сильвестръ Святополкъ-Четвертинскій. Родъ князей Четвертинскихъ былъ древнѣйшій изъ княжескихъ родовъ великаго княжества Литовскаго; онъ, по фамильнымъ преданіямъ, велъ начало своего происхожденія отъ Владиміра Святого. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка это былъ единственный княжескій родъ въ Южной Руси, котораго хотя одна вѣтвь пребывала вѣрною православію. За все время борьбы съ уніею князья Четвертинскіе принимали въ ней дѣятельное участіе: они основывали православные монастыри, поступали членами въ церковныя братства, подписывали протесты противъ насильнаго введенія уніи, ѣздили по этому поводу, въ качествѣ депутатовъ отъ православнаго дворянства, предъявлять протесты королю и т. п. Въ концѣ XVII столѣтія одинъ представитель рода—князь Гедеонъ, выбранъ былъ Луцкимъ епископомъ и впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ. Въ началѣ XVIII столѣтія представителями православной отрасли рода Четвертинскихъ были князья: Гавріилъ и Сильвестръ, послѣдній принялъ монашескій санъ и занималъ должность игумена въ монастырѣ, основанномъ его предками въ мѣстечкѣ Старой Четвертнѣ; еще до своего избранія въ епископы Сильвестръ Четвертинскій долженъ былъ выдержать не одну борьбу съ ревнителями уніи; до насъ дошли актовыя свидѣтельства о тѣхъ усиліяхъ, какія предпринимали оба брата для того, чтобы отстоять православные монастыри—мужескій и женскій, находившіеся въ Старой Четвертнѣ; мѣстечко это съ теченіемъ времени вышло изъ владѣнія князей Четвертинскихъ, оставившихъ за собою только право патроната надъ монастырями (jus collationis). Не смотря на это право, владѣлецъ Четвертни, шляхтичъ Гораинъ, рѣшился перевести оба монастыря въ унію; началъ съ женскаго и успѣлъ въ своемъ предпріятіи; тогда князь Сильвестръ Четвертинскій, основываясь на своемъ правѣ, удалилъ изъ монастыря уніатскія монахини и поселилъ въ немъ православную инокиню—Агаѳію Масальскую, поручивъ ей составить новую общину; узнавъ объ этомъ распоряженіи, Гораинъ ворвался въ монастырь съ толпою слугъ и крестьянъ, и, когда Масальская убѣжала въ мужескій монастырь, онъ послѣдовалъ туда за нею; окруживъ монастырь, онъ приказалъ выломать двери, затѣмъ, избивъ до полусмерти намѣстника, Ѳеодосія Стояновскаго, онъ приказалъ схватить Масальскую и увелъ ее въ свой дворъ; здѣсь жена Гораина приказала ее жестоко высѣчь, и, раздѣвъ до нага, выгнать на дорогу въ поле; князь Сильвестръ Четвертинскій долженъ былъ перевести ее въ другой монастырь, Гораинъ-же, оправдывая свой поступокъ, оклеветалъ его въ преступной связи съ несчастною монахинею. Затѣмъ, пользуясь удаленіемъ Сильвестра Чет-

вертинскаго въ Бѣлоруссію, Гораинъ разогналъ братью изъ мужескаго Четвертинскаго монастыря и поселилъ въ немъ приходскаго уніятскаго священника; напрасно два раза оба князья Четвертинскіе отнимали монастырь и старались возстановить въ немъ общежитіе; пользуясь окончательнымъ отъѣздомъ Сильвестра въ его эпархію, Горaинъ добился осуществленія своего намѣренія [1]).

Такимъ образомъ принявши должность епископа единственной, остававшейся еще православною, эпархіи, князь Сильвестръ-Четвертинскій зналъ по опыту съ какими трудностями предстояло ему бороться, чѣмъ болѣе дорожилъ онъ своимъ постомъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость сосредоточить для борьбы всѣ силы православныхъ и организовать защиту. Очевидно при этомъ роль организатора должна была принадлежать ему, какъ единственному іерарху православной церкви, оставшемуся въ предѣлахъ речипосполитой. Конечно для этого необходимо было, чтобы духовенство и міряне другихъ православныхъ эпархій, остававшихся теперь безъ пастырей, признали надъ собою власть Бѣлорусскаго епископа или, по крайней мѣрѣ, подчинились его руководству. Но послѣднее условіе не было исполнено и препятствія возникли съ той именно стороны, откуда менѣе всего слѣдовало ожидать ихъ. Бѣлорусскій епископъ, желая расширить по мѣрѣ возможности границы своей эпархіи, заявилъ желаніе присоединить къ ней православныя церкви и монастыри бывшей Туровской эпархіи, находившіеся въ обширной территоріи долины Припяти, въ нынѣшней Минской губерніи, но духовенство этой области, отдѣлявшей Бѣлорусскую эпархію отъ упраздненныхъ эпархій южной Руси, не пожелало признать надъ собою его власти; еще въ началѣ XVII столѣтія, послѣ того какъ православное Туровское епископство захвачено было уніятами, православные жители эпархіи управлялись безъ епископа, они признавали надъ собою въ церковныхъ дѣлахъ авторитетъ Слуцкаго апхимандрита, который, въ случаѣ нужды, сносился прямо съ Кіевскимъ митрополитомъ; отношенія эти установились мало по малу въ силу обычая и, наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія, митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій присоединилъ Туровскую эпархію окончательно къ составленной имъ особой митрополичьей эпархіи; но такъ какъ сношенія Кіевскихъ митрополитовъ съ этою частью подвѣдомственной имъ территоріи были сильно затруднены польскими законами, запрещавшими православнымъ переѣзжать границу речипосполитой, то митрополиты обыкновенно выдавали Слуцкимъ архимандритамъ грамоты, которыми поручали имъ, въ качествѣ намѣстниковъ, церковное управленіе въ бывшей Туровской эпархіи [2]). Когда, послѣ

---

[1]) Ibid. №№: LXXXVIII, стр. 196; CI, стр. 221; CXIX, стр. 262; CXXXI, стр. 299.

[2]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора, стр. 247; также Арх. юго-запад. Рос. ч. I, т. IV, №№: I, стр. 1; II, стр. 2; XIII, стр. 25; XVI, стр. 30.

избранія въ Бѣлорусскіе епископы, князь Сильвестръ Четвертинскій явился въ 1707 году для посвященія въ Кіевъ, то митрополитъ включилъ въ обѣтъ, подписанный имъ при совершеніи обряда, обязательство не распространять своей власти за предѣлы Бѣлорусской эпархіи [1]). Но исполненіе этой части обѣта окозалось на дѣлѣ невозможнымъ; отправляясь изъ Кіева въ Могилевъ, Сильвестръ Четвертинскій остановился по дорогѣ въ Слуцкѣ, здѣсь онъ засталъ разногласіе въ средѣ православнаго духовенства; часть духовныхъ лицъ, опасаясь грозы отъ уніатовъ и католиковъ, и не находя возможности опираться на власть Кіевскаго митрополита, сношенія съ которымъ были неудобны и не безопасны, изъявила желаніе признать надъ собою власть Бѣлорусскаго епископа; другіе члены духовенства, и во главѣ ихъ архимандритъ Іоасафъ Лапицкій, сопротивляясь этому желанію, стояли за подчиненіе митрополиту; споръ оживлялся все болѣе и болѣе у увлекъ раздражительнаго по натурѣ епископа, сознававшаго притомъ всю необходимость и пользу для православія, вытекавшую изъ расширенія предѣловъ его епархіи. Вскорѣ препирательство вызвало фактическую борьбу: Бѣлорусскій епископъ сталъ рукополагать священниковъ и раздавать духовныя должности въ Слуцкѣ; архимандритъ, а, вслѣдъ за нимъ, и митрополитъ протестовали въ окружныхъ грамотахъ, объявляли распоряженія Сильвестра не дѣйствительными и предали анаѳемѣ духовныхъ, признавшихъ надъ собою его власть. Четвертинскій отвѣтилъ тѣмъ-же и низложилъ Іоасафа Лапицкаго, назначивъ другое лицо на его мѣсто Слуцкимъ архимандритомъ; ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; взаимныя жалобы, протесты, пререканія, отлученіе подчиненныхъ духовныхъ лицъ отъ церкви и лишеніе ихъ священническаго сана и духовныхъ должностей, посыпались съ обѣихъ сторонъ. Бѣлорусскій епископъ принялся исполнять свои рѣшенія силою, митрополитъ принесъ жалобу русскому посланнику въ Варшавѣ, архимандритъ-же Лапицкій искалъ защиты у владѣльца Слуцка—князя Нейбурскаго и у его управляющихъ-шляхтичей; послѣдніе приняли горячо сторону митрополита съ цѣлью поддержать анархію въ православной іерархіи и ослабить власть единственнаго православнаго епископа въ речипосполитой; они стали также силою изгонять ставленниковъ Сильвестра и поддерживать архимандрита [2]). Споръ затянулся на цѣлыя 20 лѣтъ и повергъ въ смятеніе и безначаліе ту часть Руси, гдѣ православіе было относительно менѣе подавлено; онъ прекратился только тогда, когда обѣ спорившія стороны увидѣли, что припирательство ихъ обратилось въ пользу общихъ враговъ и когда уніяты и католики насильно завладѣли почти всѣми монастырями и церквями въ спорной области.

---

[1]) Ibid. № CXXIV. стр. 279.

[2]) Ibid. №№: CXXXVI, стр. 310; CLXIX, стр. 376; CLXXIII, стр. 384; CLXXIV, стр. 386; CLXXV, стр 388; CLXXXVI, стр. 412 и CLXXXVII, стр. 416.

Между тѣмъ дѣйствительно враги православія настойчиво проводили свое дѣло насильнаго обращенія въ унію; разрушивъ православную іерархію, они отложили въ сторону осторожность, рекомендованную имъ вначалѣ Іосифомъ Шумлянскимъ, и рѣшились употребить въ дѣло силу для того, чтобы рѣшительно покончить спорный религіозный вопросъ. Въ 1720 году уніатскій митрополитъ Левъ Кишка созвалъ соборъ въ Замостьѣ, на которомъ унія провозглашена была торжественно единственною законною церковью греческаго обряда въ речиносполитой; всѣ захваченныя уніятами епископства, объявлены были добровольно принявшими унію и навсегда къ ней присоединенными; далѣе рѣшено было приступить законнымъ порядкомъ къ обращенію въ унію всѣхъ оставшихся еще незанятыми православныхъ церквей и монастырей; постановленія этого собора, утвержденныя папою Бенидиктомъ XIII, и опубликованныя конгрегаціею de propaganda fide, усилили рвеніе шляхетскаго общества въ пользу уніи [1]); то преслѣдованіе православія, которое, не смотря на жестокіе пріемы, носило до того времени характеръ личнаго произвола и проявлялось спорадически, съ большею или меньшею энергіею, смотря по личному характеру того или другого пана, теперь представляетъ общее повсемѣстное явленіе; шляхтичи, католическое духовенство, уніятскіе священники, власти и частные люди спѣшатъ отличиться наперерывъ другъ передъ другомъ; этотъ своеобразный крестовый походъ, совершаемый подъ благословеніемъ папы и подъ знаменемъ уніи былъ весьма удобенъ для шляхтичей, стяжавшихъ себѣ душевное спасеніе путемъ насилія надъ совершенно безоружными, представлявшими одно лишь пассивное сопротивленіе, духовными и крестьянами; до какой степени фанатизмъ разжигалъ страсти, насколько, дѣйствовавшіе во имя его, люди способны были забыть всякія правила религіозной и человѣческой нравственности, о томъ свидѣтельствуютъ цѣлые сотни и тысячи документовъ того времени [2]); укажемъ только, во избѣжаніе повтореній, нѣсколько фактовъ болѣе рельефныхъ; въ въ теченіе одинадцати лѣтъ, съ 1732 до 1743 годъ, по извѣстіямъ, собраннымъ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Голембевскимъ, паны и уніяты „заѣхали" на унію 128 монастырей и церквей православныхъ въ одной только эпархіи Бѣлорусской и смежной съ нею Туровской; „заѣздъ" этотъ состоялъ въ томъ, что нежданно появлялся въ монастырѣ помѣщикъ или духовный католическій или уніятскій въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ слугъ; безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ онъ побоями разгонялъ иноковъ и, „очистивъ" такимъ образомъ монастырь, передавалъ его во владѣніе уніятскаго епископа; тоже происходило и съ сельскими приходскими церквями, только здѣсь помѣщики менѣе стѣснялись, чувствуя себя въ пра-

---

[1]) Описаніе Кіево-софійскаго Собора, стр. 215. Кульчинскій—Specimen ecclesiae Ruthenicae, стр. 137—138.

[2]) См. Архивъ Юго-западной Россіи часть I, томы 2 и 3.

вѣ распоряжаться церковью и приходомъ какъ своею собственностью [1]); тамъ-же, гдѣ встрѣчалось хотя-бы малѣйшее сопротивленіе, ярость шляхтичей не знала предѣловъ; вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ русскій резидентъ Голембевскій въ оффиціальномъ письмѣ къ польскому примасу ихъ образъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ: „забывши страхъ Божій, они врываются верхомъ въ церкви, стрѣляютъ въ алтари и въ иконы, рвутъ ихъ, ломаютъ кресты; на духовныхъ и мірянъ они нападаютъ въ церквяхъ и до смерти убиваютъ ихъ; они выбрасываютъ монаховъ изъ монастырей, а въ дѣвичьихъ монастыряхъ, для посмѣшища, раздѣваютъ монахинъ до-нага и въ такомъ видѣ изгоняютъ ихъ; имущество и доходы монастырскіе отымаютъ; церкви разрушаютъ: бьютъ въ нихъ окна и ломаютъ крыши, остальное-же грозятъ предать пламени; изображенія Спасителя они попираютъ ногами, рѣжутъ и прокалываютъ ножами, бросаютъ и таскаютъ по улицамъ, приговаривая богохульныя рѣчи: „Схизматическій Боже! Неужели ты не постоишь за свою обиду;“ [2]) и т. п.

Вотъ нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ всю истину этой отвратительной картины: въ 1732 году разбиралось дѣло по поводу жалобъ, принесенныхъ жителями мѣстечка Копыля и его окрестностей на католическаго приходскаго Копыльскаго священника, Іоанна Пенскаго; изъ показаній свидѣтелей видно, на сколько ревнители уніи не стѣснялись въ выборѣ средствъ для распространенія ея: Пенскій принуждалъ побоями православныхъ жителей принимать унію, основываясь на томъ положеніи, что предки ихъ были уніяты (доказательство крайне растяжимое, такъ какъ уніяты доказывали, что унія была господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ Литовской Руси со времени Флорентинскаго собора); не повинующихся ему онъ травилъ собаками, приказывалъ отпускать имъ по 150 палочныхъ ударовъ и т. д. Онъ принуждалъ родителей носить дѣтей ко св. крещенію въ костелъ, запрещалъ священникамъ напутствовать умирающихъ и хоронить мертвыхъ, вязалъ ихъ и билъ, въ случаѣ если они отправляли крестные ходы и т. д. Когда умеръ одинъ крестьянинъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему ксендзомъ, то онъ не допустилъ священника въ домъ отпѣвать покойника и заставилъ совершать обрядъ на улицѣ; послѣ смерти другого жителя Копыля, ксендзъ, утверждая что родители покойника были уніяты, и что православный священникъ напутствовалъ его незаконно, приказалъ внести тѣло въ комору и заперъ его подъ замокъ; когда явились православные священники въ сопровожденіи цеховыхъ братчиковъ для совершенія похороннаго обряда, они должны были разломать замокъ; узнавши объ этомъ, Пенскій приказалъ натаскать бревенъ на гору, у подошвы которой проходила единственная улица, по которой должна была проходить похоронная процессія и объявилъ, что

---

1) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. IV № CXCVI, стр. 448
2) Ibid. № CXVIII, стр. 456.

онъ ее раздавитъ, скатывая въ низъ брусья, у которыхъ онъ и помѣстился съ зараженнымъ ружьемъ. Чтобы избѣжать опасности, покойника должны были нести черезъ трясину, проходя по поясъ въ болотѣ [1]). Другой католическій священникъ—Ѳома Еленскій, принялся водворять унію въ Петрыковской волости; руководимый его совѣтами управляющій имѣніемъ, шляхтичъ Гребницкій, сталъ систематически проводить дѣло „добровольнаго" принятія уніи; онъ потребовалъ отъ всѣхъ православныхъ священниковъ предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ они занимали приходы; когдаже священники предъявили ставленныя грамоты, выданныя имъ отъ Слуцкаго архимандрита, то Гребницкій объявилъ ихъ недѣйствительными, поносилъ ругательствами всю православную іерархію и, въ заключеніе, объявилъ, что онъ не признаетъ ее и что впредь священники будутъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ исключительно отъ суда экономіи; на слѣдующій же день онъ потребовалъ въ присутствіе этого суда, составленнаго изъ него самого и ксендза Еленскаго, шестидесятилѣтняго старика, приходскаго священника села Лясковичъ, о. Прохора Забытневича; обвинивъ послѣдняго голословно въ обращеніи въ православіе 20 человѣкъ уніятовъ, не дозволивъ ему ни объясниться, ни привести свидѣтелей, не выслушавъ даже отвѣта, онъ тутже приговорилъ священника къ наказанію, которое должно было состоять въ слѣдующемъ: священникъ долженъ былъ, въ замѣнъ за мнимыхъ уніятовъ, отчислить изъ своего прихода 20 человѣкъ въ унію; притомъ священнику въ теченіи года запрещалось исполнять требы и входить въ церковь; сверхъ того онъ долженъ былъ 6 недѣль сидѣть въ экономической тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными въ ней за разныя преступленія евреями, и въ теченіи этого времени его трижды въ день подъ стражею выводили въ костелъ, гдѣ подвергали бичеванію „дисциплинами". Приговоръ управляющаго былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; когда, на другой день, явилась къ Гребницкому депутація, состоявшая изъ православныхъ священниковъ и почетныхъ мѣщанъ, просить помилованія о. Прохора, то управляющій, прогналъ ее отъ порога съ ругательствами, приказалъ переловить ея членовъ, отвести въ костелъ и подвергнуть тамъ разнымъ унизительнымъ наказаніямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Гребницкій распредѣлилъ жителей управляемаго имъ имѣнія на приходы, при чемъ большее число церквей и селъ отписалъ въ унію и зазвалъ въ нихъ на приходы уніятскихъ священниковъ; когда крестьяне отказались ходить къ новымъ пастырямъ, то послѣдовала всеобщая экзекуція: „слуги и челядинцы изъ экономіи и костела ходили толпою по селамъ; они невинныхъ людей били и истязали безъ милосердія и, наконецъ, всѣхъ поголовно съ женами и дѣтьми погнали въ Петрыковскій замокъ, наставляя ихъ въ вѣрѣ веревками, палками и розгами; они вогнали несчастную толпу въ Петрыковскій костелъ, гдѣ принуждали ихъ богохульствовать и плевать

---

[1]) Ibid. № CXCIII, стр. 427—442.

на ихъ вѣру грекорусскую". Оставшимся еще въ имѣніи православнымъ священникамъ управляющій запретилъ принимать въ церковь крестьянъ изъ отчисленныхъ имъ въ унію селъ, или являться для исполненія требъ въ эти села „подъ опасеніемъ потери здоровья и жизни". Въ села эти наѣхали уніятскіе священники съ командами, данными изъ замка; они гнали насильно крестьянъ въ церкви и заставляли ихъ присягать на унію, въ случаѣ отказа они тутъ-же ихъ истязали собственноручно; одинъ изъ нихъ, Григорій Яроцкій, понуждалъ прихожанъ къ присягѣ ударами толстой восковой свѣчи, которую онъ въ запальчивости схватилъ изъ алтаря. Крестьяне, отказываясь отъ принятія уніи, не смотря на всѣ эти насилія, были лишены церковныхъ требъ, умирали безъ напутствія, оставались не вѣнчанными, хоронили мертвыхъ безъ церковныхъ обрядовъ и т. п. [1]).

Подобныя сцены происходили повсемѣстно въ Литвѣ и Южной Руси съ различными видоизмѣненіями, смотря по личному нраву и изобрѣтательности пана или ксендза [2]). Въ тоже время, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ гоненіе православныхъ достигало до вышеуказанныхъ размѣровъ, широкія льготы и всевозможныя поощренія предоставлены были уніятскому духовенству: военныя власти заботились о томъ, чтобы оградить ихъ отъ насилія со стороны жолнеровъ; король выдавалъ грамоты, обезпечивавшія уніятамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ исключительное право школьнаго преподаванія, устраивалъ и снабжалъ имѣніями уніятскія семинаріи и т. д. [3]) Помѣщики основывали на свой счетъ уніятскія монастыри и церкви, снабжали ихъ землями, угодіями и доходами, иногда въ довольно значительныхъ размѣрахъ; такъ Кіевскій воевода—Салезій Потоцкій, основалъ въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ: Уманщинѣ и Брагиловщинѣ, болѣе ста уніятскихъ церквей, снабдивъ каждую изъ нихъ: усадьбою для священника, пахатною землею въ размѣрѣ 30 дней и сѣнокосами въ размѣрѣ 10 дней, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы церкви эти зависѣли отъ уніятскаго митрополита [4]). Послѣ смерти приходскаго священника владѣльцы выдавали новому священнику презенту (разрѣшеніе занять приходъ въ имѣніи) только въ такомъ случаѣ, если онъ былъ уніятъ, или если изъявлялъ готовность принять унію, и условіе это включали въ презенту [5]). Уніятская іерархія, съ своей стороны, преслѣдуя

---

[1]) Ibid. № CCI, стр. 464—471.

[2]) Ibid. №№: CCIV, стр. 475; CCXV, стр. 589. Историческое извѣстіе объ уніи Бант.-Кам., стр. 150, 168, 200, 206, 215, 216, 231 и т. д.

[3]) Ibid. №№: CXXXIII, стр. 304; CXCIX, стр. 458; CCXXXI, стр. 632.

[4]) Ibid. №№: CCIII, стр. 473; CCXIII, стр. 584; CCXVI, стр. 590; CCXVII, стр. 594; CCXXVI, стр 618 и CCXXXIII, стр. 640.

[5]) Ibid. №№ CXXXII, стр. 303; CCXXIX, стр. 628. Также Архивъ Юго-западной Россіи, ч. I, т. 2, стр. LIX—LXIII.—Право выдавать презенты священникамъ для занятія ими прихода принадлежало помѣщикамъ и старостамъ въ силу сеймовой конституціи 1647 года (Volumina legum, т. IV, стр. 59).

православное духовенство, взводила на отдѣльныя лица вымышленныя обвиненія въ несоблюденіи каноническихъ правилъ, упрекала ихъ въ рукоположеніи духовными лицами, не имѣвшими на то, по ея мнѣнію, надлежащаго права и т. п., и, между тѣмъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, готова была устранить вопросъ о каноническихъ правилахъ, если упрекаемое лице соглашалось принять унію. Одинъ примѣръ такого образа дѣйствій мы видѣли въ дѣлѣ епископа Жабокрицкаго, другой, не мѣнѣе характеристическій, встрѣчаемъ въ дѣлѣ Овруцкаго протоіерея, Симеона Комара; этотъ духовный лишенъ былъ іерейскаго сана Львовскимъ уніятскимъ епископомъ подъ предлогомъ двоеженства, но когда онъ изъявилъ „смиреніе и покаяніе" по словамъ эпископской грамоты, т. е. когда изъявилъ согласіе на принятіе уніи, немедленно двоеженство было предано забвенію, и онъ получилъ разрѣшеніе священнодѣйствовать [1]).

Всѣ исчисленные пріемы, посредствомъ которыхъ польское правительство и общество старались водворить унію въ русскихъ областяхъ речипосполитой въ продолженіи 70 лѣтъ должны были, по видимому, увѣнчаться успѣхомъ и привести къ полному уничтоженію православія въ границахъ Польскаго государства; церковная гіерархія была совершенно упразднена, особенно послѣ того, какъ въ 1772 году послѣдняя православная эпархія—Бѣлорусская, была присоединена къ Россіи; монастыри православные были насильно обращены въ унію; сельское духовенство, вполнѣ зависимое отъ помѣщиковъ, стѣсненное необходимостью выпрашивать или покупать у нихъ презенты, преслѣдуемое съ свирѣпымъ ожесточеніемъ уніятскими и католическими ксендзами, болѣе или менѣе искренно принимало унію, или скиталось въ бездомномъ, бѣдственномъ, сопряженномъ съ безчисленными опасностями и оскорбленіями, положеніи; городскія церковныя братства были или обращены въ унію посредствомъ насилія, подкупа и другихъ внушеній, или разсѣялись и были закрыты, уніятское-же духовенство спѣшило образовать вмѣсто нихъ новыя, уніятскія братства [2]); поддержка православія извнѣ была затруднена вышеприведенными законоположеніями, запрещавшими православнымъ переходить границу речипосполитой и духовныя лица, пытавшіяся, не смотря на строгій запретъ, проникнуть въ речь-посполистую изъ Кіева или Переяславля, подвергались страшнымъ истязаніямъ и оскорбленіямъ не только отъ старостъ и пограничныхъ властей, но еще въ большей степени отъ помѣщиковъ, которые пользовались полною административною властью въ своихъ селахъ на основаніи права доминіяльной полиціи [3]). Наконецъ, законодательство польское, отъ времени до времени прибавляло новыя законо-

---

[1]) Арх. юго-запад. Рос. ч. 1, т. IV № CXXVI, стр. 283.

[2]) Ibid. № CCXXVII, стр. 621.

[3]) Ibid. №№: CCXI, стр. 581; CCXXII, стр. 583; также Архивъ Югозападной Россіи, часть I, томы 2 и 3.

положенія, стѣснявшія православныхъ, къ тѣмъ, которыя существовали уже прежде. Такъ постановленіемъ генеральной конфедераціи 1732 года опредѣлено было: „Права и привилегіи римско-католической и греко-уніятской церкви должны быть сохраняемы свято и ненарушимо; мы съ отвращеніемъ удаляемъ изъ этого правовѣрнаго государства всѣ иноземныя вѣроисповѣданія; однако иновѣрцамъ (т. е. православнымъ и протестантамъ), мы обезпечиваемъ... безопасность лицъ и имуществъ; но они лишаются права быть избранными въ депутаты на сеймы, въ трибуналы и въ спеціяльныя коммиссіи, составленныя по какимъ-бы то ни было дѣламъ; имъ воспрещается собираться на съѣзды, занимать должности въ воеводствахъ, городахъ и земляхъ речипосполитой или входить въ сношенія съ представителями сосѣднихъ государствъ, съ цѣлью снискать ихъ покровительство, подъ опасеніемъ наказаній, опредѣленныхъ за измѣну отечеству“ [1]). Сверхъ этихъ узаконеній, вошедшихъ въ volumina legum, постановленіемъ той-же генеральной конфедераціи указаны были въ административномъ порядкѣ мѣры еще гораздо болѣе стѣснительныя для православія: духовенству запрещено было ходить по улицамъ явно со св. дарами, церковныя требы: крещеніе, бракъ, похороны разрѣшено было совершать не иначе, какъ съ дозволенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны совершенно воспрещались; диссиденты должны были хоронить мертвыхъ ночью; притомъ на нихъ возлагалась обязанность присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны были принадлежать къ католической церкви и даже пасынки отца католика обязаны были принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ дѣлались обязательными для иновѣрцевъ [2]).

Находясь въ столь стѣсненномъ и гонимомъ положеніи, православіе однако не пало, не было искоренено насиліемъ юридическимъ и фактическимъ въ Литовско-русскихъ земляхъ; оно устояло, благодаря сложности трехъ причинъ: стойкости крестьянъ, заступничеству Россіи и внутреннему разложенію шляхетскаго общества, ускорившему паденіе речипосполитой и, такимъ образомъ, нанесшему смертельный ударъ всѣмъ неправдамъ, имъ-же самимъ порожденнымъ.

Но пока въ теченіи XVIII столѣтія шляхетское общество приближалось къ паденію путемъ медленнаго разложенія, всю тяжесть религіозной борьбы

---

[1]) Volumina legum, т. VI, стр. 286.

[2]) Moraczewski—Starożytności Polskie, т. I, стр. 195. Хотя эти административныя распоряженія генеральной конфедеренціи 1732 года и не вошли въ составъ Volumina legum, но, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ постановленіямъ генеральныхъ конфедерацій, онѣ получили силу закона; въ доказательство можно указать то обстоятельство, что, 36 лѣтъ позже, онѣ отмѣнены были законодательнымъ порядкомъ въ силу трактата, заключеннаго съ Россіею въ 1668 году (См. Volum. legum, т. VII, стр. 256—272).

должно было выносить на своихъ плечахъ крестьянское сословіе; ограничиваясь единственнымъ, возможнымъ въ его порабощенномъ состояніи пріемомъ борьбы—пассивнымъ сопротивленіемъ, оно проявило въ ней такую стойкость и непоколебимость, что, не смотря на всѣ усилія противниковъ, оно успѣло отстоять свободу своей религіозной совѣсти и сохранить православіе до того времени, пока перемѣна политическихъ обстоятельствъ не гарантировала вполнѣ дальнѣйшее его существованіе. Ни военныя экзекуціи, ни приказанія и насилія помѣщиковъ, ни команды, сопровождавшія уніятскихъ священниковъ въ ихъ миссіяхъ, ни казни, торжественно устраиваемыя послѣдними для устрашенія строптивыхъ, не могли сломить пассивнаго сопротивленія крестьянъ, не могли заставить ихъ посѣщать уніятскія церкви. Между тѣмъ какъ уніяты хлопотали объ усиленіи числа своихъ приходовъ, и, за малыми исключеніями, успѣли почти на всемъ пространствѣ русскихъ областей речипосполитой принять въ свое вѣдомство православныя церкви и приходы, приписанные къ послѣднимъ, прихожане оставались совершенно чуждыми уніи. Съ половины XVIII столѣтія мы даже замѣчаемъ болѣе систематическое отношеніе крестьянъ къ дѣлу религіозной борьбы; въ селахъ чувствуется потребность группировки и взаимной поддержки въ борьбѣ, и потребность эта удовлетворяется возникновеніемъ повсемѣстно сельскихъ церковныхъ братствъ [1]), въ которыхъ прихожане церквей, причисленныхъ оффиціально къ уніи, находятъ возможность развить общественное мнѣніе въ вопросахъ, касавшихся нравственности и чистоты церковнаго ученія. Конечно пассивное сопротивленіе, не смотря на всю энергію народа, не моглобы продолжаться до безконечности и раньше или позже ослабѣло-бы, уступая повседневному тяжелому гнету, еслибы оно не нашло поддержки извнѣ. Такую нравственную поддержку народъ православный нашелъ въ надеждѣ на сильное заступничество за него Россіи и на отдаленное но вѣрное свое освобожденіе при ея помощи. Русское правительство дѣйствительно съ Петра I и до конца XVIII столѣтія старалось всѣми, зависѣвшими отъ него, средствами облегчить участь своихъ единовѣрцевъ въ речипосполитой; не проходило ни одного почти года, въ теченіи котораго русскіе посланники и резиденты въ Варшавѣ не напоминали-бы польскимъ властямъ о томъ, что образъ дѣйствій, принятый ими по отношенію къ православнымъ жителямъ речипосполитой, не согласенъ съ обѣщаніями польскаго правительства, гарантированными имъ въ трактатахъ съ Россіею и что онъ можетъ нарушить мирныя отношенія между обоими государствами. Цари не рѣдко посылали въ этомъ смыслѣ ноты лично отъ своего имени. Православные жители, не находя нигдѣ болѣе защиты, обращались также безпрестанно къ русскому

---

[1]) Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV №№: CCVIII, стр. 516; CCXIV, стр. 587; CCXXX, стр. 630; CCXXXVI, стр. 645; CCXXXVII, стр. 646; CCXXXVIII, стр. 648; CCXXXIX, стр. 649.

правительству съ просьбами о помощи и заступничествѣ, доставляли подробныя описанія обидъ и насилій, претерпѣваемыхъ ими, и вызывали такимъ образомъ новыя ноты и напоминанія [1]). Въ началѣ польское правительство или отмалчивалось, или отвѣчало уклончиво, ссылаясь на права, которыми пользовалось въ Польшѣ дворянское сословіе и на юридическій порядокъ, установившійся въ речипосполитой, или, наконецъ, назначало для виду коммиссіи, будто для разслѣдованія указанныхъ фактовъ насилія; но коммиссіи эти затягивали дѣло, запутывали его въ нескончаемыя юридическія формальности и обыкновенно оставляли, ничѣмъ не покончивши. Съ половины только XVIII столѣтія такой способъ веденія дѣла сталъ неудобенъ для польскаго правительства; разслабленное состояніе речипосполитой было уже слишкомъ явно, безсиліе ея организма не могло долѣе укрыться и проявлялось въ каждомъ внутреннемъ и внѣшнемъ столкновеніи дряхлой шляхетской республики. Вліяніе сосѣднихъ государствъ, особенно Россіи, на политическую судьбу речипосполитой стало все сильнѣе и сильнѣе обнаруживаться и среди болѣзненнаго броженія ея внутреннихъ силъ, послѣднія сами безпрестанно вызывали и укрѣпляли это вліяніе. По мѣрѣ того какъ Россія пріобрѣтала усиливающійся съ каждымъ годомъ авторитетъ, заступничество ея за православіе должно было также, повидимому, проявляться съ большею силою и сдерживать слишкомъ рѣзкія черты католическаго фанатизма шляхтичей; на дѣлѣ однако предположеніе это не оправдалось: сознавая вполнѣ свое безсиліе, и уступая безмолвно передъ требованіями русскаго правительства въ политической сферѣ дѣятельности, дворяне речипосполитой со страннымъ ослѣпленіемъ упрямо отстаивали свой прежній образъ дѣйствій въ религіозномъ вопросѣ: два раза шляхтичи по желанію русскаго двора приняли въ короли указанныя имъ лица; два раза они отказались фактически отъ той политической привиллегіи, которою болѣе всего дорожили—отъ свободнаго выбора короля; нѣсколько разъ они безмолвно въ мирное время пропускали русскія арміи проходить вдоль и поперегъ черезъ свою территорію, нѣсколько разъ они по указанію русскаго посланника удаляли въ изгнаніе или дозволяли арестовать лицъ довольно популярныхъ и занимавшихъ высокія должности; но при всемъ этомъ, они не хотѣли внимать никакому представленію относительно вѣротерпимости и свободы совѣсти „дизунитовъ и диссидентовъ", будто преслѣдованіе иновѣрцевъ составляло самую драгоцѣнную изъ шляхетскихъ вольностей; очевидно было, что катастрофа, грозившая неминуемымъ паденіемъ речипосполитой, приметъ религіозный вопросъ за исходную точку; такъ дѣйствительно и случилось. Сами патріоты польскіе чувствовали опасность съ этой стороны, но вмѣсто того, чтобы предпослать ей на встрѣчу болѣе человѣчное отношеніе къ спорному дѣлу,

[1]) Ibid. №№: CXCV, стр. 444; CXCVII, стр. 453; CXCVIII, стр. 455; CCXVIII, стр. 596; CCXXXIV, стр. 644. Бантышъ-Каменскій, гл. VI—XII.

они рѣшились замять его, ребячески зажимая собственныя-же уши. Такъ на сеймѣ Варшавскомъ 1766 года, краковскій епископъ Солтыкъ предложилъ постановить конституцію, въ силу которой всякій, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ, былъ объявленъ врагомъ отечества. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона [1]). Но вскорѣ за постановленіемъ этого закона послѣдовало первое вооруженное вмѣшательство Россіи. Екатерина II приняла подъ свое покровительство конфедерацію, составленную дворянами протестантами и потребовала отъ речипосполитой гарантіи вѣротерпимости для ея подданныхъ не католиковъ. Рѣшительныя угрозы русскаго посланника, князя Репнина, и страхъ передъ русскими войсками заставили одуматься сеймъ, созванный королемъ въ 1768 году. Коммиссія, назначенная отъ сейма, заключила съ Репнинымъ трактатъ, въ особомъ прибавленіи къ которому речпосполитая обезпечивала свободу совѣсти православныхъ и протестантовъ; въ прибавленіи этомъ было постановлено: католическая религія въ Польшѣ признавалась господствующею, переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе долженъ былъ наказываться изгнаніемъ изъ государства; за то православнымъ и протестантамъ предоставлялось право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковные, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, отбывать крестные ходы; они освобождались отъ зависимости отъ католическихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ; дѣтямъ, рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствія при католическихъ крестныхъ ходахъ и, для разбирательства религіозныхъ столкновеній устроенъ былъ смѣшанный судъ изъ 17 католиковъ и 8 протестантовъ и православныхъ. Наконецъ, обѣщано было королемъ сохраненіе равноправности при раздачѣ должностей [2]).

Но это облегченіе, доставленное православнымъ вслѣдствіе вліянія Россіи, было непродолжительно. Фанатизированная долгимъ езуитскимъ вліяніемъ шляхта озлобилась противъ вышеприведенныхъ пунктовъ трактата: вспыхнула Барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. Результатомъ войны было присоединеніе къ Россіи Бѣлоруссіи, но за то въ трактатѣ, заключенномъ въ Варшавѣ въ 1775 году, русское правительство сдѣлало значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты въ отношеніи религіознаго вопроса; въ особомъ приложеніи къ этому трактату сказано было, что русское пра-

---

[1]) Volumina legum, т. VII, стр. 258—272; также Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, № CCXXIII, стр. 607.

[2]) Volumina legum, т. VII, стр. 258—272; также Арх. юго-зап. Россіи ч. I, т. IV, № CCXXIII, стр. 607.

вительство соглашается, чтобы православные были впредь исключены изъ состава сената и министерства; что, хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами своего сословія, наравнѣ съ дворянами католиками, однако законъ этотъ не будетъ распространяться на тѣ лица, которыя приняли-бы православіе послѣ заключенія трактата. На сеймѣ не должно быть никогда болѣе трехъ депутатовъ некатоликовъ. Смѣшанный судъ уничтожается и подвѣдомственныя ему дѣла переносятся въ ассесорскій королевскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ, равно какъ и употребленіе колоколовъ при церквяхъ [1]).

Такимъ образомъ православные лишались послѣдней опоры, на которую до того времени могли разсчитывать; положеніе ихъ сдѣлалось тѣмъ труднѣе, что, съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи, послѣдній православный епископъ удалялся изъ границъ речипосполитой; конечно распространеніе шляхтичами уніи и изгнаніе ими послѣднихъ православныхъ духовныхъ должно было теперь продолжаться съ полнымъ успѣхомъ и достичь давно желанной цѣли. Что общество речипосполитой разсчитывало на такой исходъ дѣла, показываетъ судъ, наряженный въ 1789 году по распоряженію сейма надъ единственнымъ высшимъ духовнымъ лицемъ православной церкви — надъ Слуцкимъ архимандритомъ, Викторомъ Садковскимъ, арестованнымъ и преданнымъ суду безъ всякаго повода, вслѣдствіе напрасной паники, распространившейся внезапно среди шляхты. Къ счастію фактъ этотъ былъ послѣднимъ насиліемъ въ религіозномъ отношеніи: два года спустя всѣ почти русскія провинціи речипосполитой присоединены были къ Россіи и народонаселеніе ихъ получило возможность исповѣдывать вѣру, согласную съ требованіемъ ихъ совѣсти. Тогда собственно и обнаружилась вся суетность долговременныхъ усилій польскаго общества, принесшихъ столько бѣдствій и страданій народонаселенію вѣрному православію: лишь только русскія власти водворены были въ краѣ, унія исчезла сама собою, безъ всякихъ распоряженій со стороны правительства; приходскіе священники, причисленные къ уніи по большей части только въ силу страха преслѣдованій и подчинившіеся ей только наружно и противъ воли, поспѣшили отрѣчься отъ нея и объявить себя православными; масса народонаселенія, никогда не принимавшая уніи, даже наружно, вздохнула свободнѣе и отправилась молиться по обычаю предковъ въ церкви, сдѣлавшіяся для нея вновь доступными. Насаждаемая съ такимъ трудомъ, съ попраніемъ всякаго уваженія человѣческаго достоинства, уніятская церковь, осталась въ продолженіи незначительнаго промежутка времени, исповѣданіемъ служилыхъ, обѣднѣвшихъ шляхтичей или старавшихся выдавать себя за шляхтичей, однодворцевъ и мѣщанъ. Никому уже теперь не нужная, никѣмъ не поддерживаемая въ качествѣ политическаго орудія, церковь эта наконецъ оцѣнила сама всю не-

---

[1]) Volumina legum, т. VIII, стр. 47—49.

ловкость своего положенія, все внутреннее ничтожеств[illegible]е: ее постигла обычная судьба тѣхъ ученій, которыя возникаютъ не на [illegible]ваніи самостоятельно выработанныхъ принциповъ и глубоко запавшаго [illegible] душу убѣжденія, а складываются искуственно, эклектическимъ путемъ изъ отрывковъ и клочковъ чужихъ мыслей и убѣжденій. Въ текущемъ уже столѣтіи уніятское духовенство принесло соборную просьбу русскому правительству о разрѣшеніи ему возсоединиться съ православіемъ и получило полное на то разрѣшеніе; такимъ образомъ унія прекратила свое существованіе на пространствѣ всей южной и западной Россіи.

Если обратить вниманіе на состояніе уніятской церкви въ теченіи XVIII столѣтія, то мы замѣтимъ въ ея судьбѣ одно оригинальное явленіе: за весьма незначительными исключеніями, тѣ власти, сословія и лица, которыя заявляли особенную ревность при распространеніи ея, которыя насаждали ее всѣми правдами и неправдами, сами не вѣрили въ ея пользу, въ ея душеспасительное религіозное значеніе. Лишь только успѣлъ Іосифъ Шумлянскій водворить окончательно унію въ трехъ, подвѣдомственныхъ ему, эпархіяхъ, въ нихъ немедленно является новое направленіе въ образѣ дѣйствій польскаго дворянства и католическаго духовенства; становится яснымъ до очевидности, что сословія эти смотрѣли на унію и водворяли ее исключительно какъ временную мѣру, что они предлагали ее только какъ средство болѣе, по ихъ мнѣнію, удобное для распространенія католицизма, который представлялъ самъ по себѣ слишкомъ рѣзкія отличія отъ православія и потому, по мнѣнію его поборниковъ, нужно было устроить средній терминъ, своего рода временное чистилище, и черезъ него провести православныхъ въ латинство; въ качествѣ такой временной мѣры и предложена была унія. Между тѣмъ какъ въ Бѣлой и Югозападной Руси дворяне, ксендзы и правительство осыпаютъ льготами и приманками уніятское духовенство и тѣснятъ православіе, въ тѣхъ областяхъ речипосполитой, гдѣ унія успѣла, благодаря ловкой интригѣ, болѣе прочно утвердиться, почти тѣ-же пріемы употребляются въ то-же самое время, тѣмъ-же обществомъ для того, чтобы вызвать переходъ изъ уніи въ католичество. Въ эпархіяхъ: Львовской, Галицкой, Каменецъ-Подольской, въ западной части Волыни уніятское духовенство испытываетъ тѣ же притѣсненія, какія въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Брестъ-Литовскомъ, Минскомъ и т. д. испытывало духовенство православное. Буйные и ничѣмъ не сдерживаемые шляхтичи не обращаютъ вниманія на то, какое впечатлѣніе произведетъ ихъ отношеніе къ уніи на православныхъ и на самихъ-же уніятовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ унія еще не успѣла установиться. Они ведутъ натискъ горячо, не стѣсняясь въ средствахъ, съ обычнымъ своеволіемъ и грубостью пріемовъ; такъ мы встрѣчаемъ документы, свидѣтельствующіе о заѣздахъ на уніятскія церкви и монастыри, о побояхъ, причиняемыхъ безъ повода уніятскимъ священникамъ, о требованіи съ нихъ барщины, о захватѣ и отчужденіи церковныхъ и монастыр-

скихъ земель [1]разоритель. Высшее уніятское духовенство также мало было обезпечено отъ буйнаго шляхты какъ и низшее: въ 1703 году, т. е. почти непосредственно после того, какъ Шумлянскій провозгласилъ себя уніятомъ, толпа шляхтичей напала на него въ епископскомъ его дворѣ, въ Каменцѣ; они ворвались въ баню, гдѣ тогда находился епископъ, поносили его бранными словами, били окружавшихъ его слугъ и священниковъ, грозили имъ обнаженными саблями и т. д. [2]) Помѣщики вмѣшивались вообще въ церковное уніятское управленіе, разверстывали по своему желанію приходы, налагали на священниковъ запрещенія исполнять требы и входить въ церковь, не допускали строить уніятскія церкви и праздновать въ нихъ храмовые праздники [3]). Впрочемъ вообще въ поступкахъ шляхтичей, направленныхъ противъ уніи, гораздо менѣе проявлялось ненависти и жестокости, чѣмъ въ отношеніи къ православію, но за то постоянно просвѣчивала въ нихъ другая черта—презрѣніе и насмѣшка. Если побои относительно рѣдко достаются на долю уніятскихъ священниковъ, если они никогда не подвергаются слишкомъ жестокимъ истязаніямъ, если имъ не угрожаетъ опасность смерти или полнаго разоренія и скитальческой жизни, то за то шляхтичи не упускаютъ никогда возможности унизить ихъ, поставить въ самое невыгодное, жалкое, по мнѣнію шляхтича, положеніе, дать имъ почувствовать, что хотя ихъ и терпятъ въ речипосполитой, но тѣмъ не менѣе унія составляетъ вѣроисповѣданіе низшаго разбора, что она не болѣе какъ *хлопская* вѣра и что дворянинъ чувствуетъ себя въ правѣ, по своему усмотрѣнію, шутить и насмѣхаться надъ представителями этой вѣры. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ жалобу уніятскаго протоіерея Мартышевича, въ которой ясно обозначается указанная черта отношеній шляхтичей къ уніятскому духовенству: Мартышевичъ собрался изъ Каменца въ сосѣднее село Должекъ съ цѣлью освятить церковь; проходя по улицѣ мимо дома знатнаго шляхтича, скарбника Подольскаго, Іосифа Лянцкоронскаго, онъ былъ задержанъ послѣднимъ и любезно приглашенъ зайти въ домъ. У Лянцкоронскаго протоіерей встрѣтилъ веселое дворянское общество, которому хозяинъ рѣшился доставить развлеченіе на счетъ уніятскаго „попа". Лишь только Мартышевичъ вошелъ, ему поднесли водку;—онъ отказался пить, объясняя, что ему предстоитъ въ тотъ-же день служить обѣдню и что потому онъ не имѣетъ права вкушать чего-бы то ни было; Лянцкоронскій, не слушая его словъ, обнажилъ саблю, и, держа ее на горлѣ у священника, крикнулъ: „пей, такой матери сынъ! а то перерѣжу горло". Затѣмъ онъ приказалъ одному изъ слугъ цѣдить ему насильно въ горло водку и медъ и, въ случаѣ сопротивленія, не щадить пинковъ. Опьянѣвшаго священника Лянцкоронскій приказалъ слугамъ

[1]) Арх. Югозап. Рос. ч. I, т. IV №№: LXXIV стр. 159; CIV, стр. 226; CLXVI, стр. 371; CXC, стр. 423; CXCI, стр. 424' CXCII, стр. 425.
[2]) Ibid. №№: XCIX, стр. 217 и C, стр. 218.
[3]) Ibid №№: CIX, стр. 236 и CX, стр. 238.

своимъ отвести въ шинокъ, напоить вторично и выпустить только тогда, когда онъ будетъ въ совершенно нетрезвомъ видѣ [1]). Другой шляхтичъ допускалъ еврея арендатора наносить публичные побои уніятскому священнику въ церковной оградѣ; иные, пользуясь нерасположеніемъ крестьянъ къ уніи, забавлялись тѣмъ, что отдавали уніятскихъ священниковъ на поруганіе своимъ слугамъ: такъ, напримѣръ, дворянинъ Аксакъ, преслѣдуя уніятскаго священника въ своемъ селѣ, приказывалъ его бить и таскать за волосы крестьянамъ, что они исполняли „изъ врожденной злости и ненависти противъ уніи"; когда священникъ заявилъ о томъ, что онъ не зависитъ отъ помѣщика и подсуденъ только своему епископу, то Аксакъ отвѣтилъ: „я здѣсь епископъ и владыка; какъ совершу надъ тобою освященіе, то съ мѣста не встанешь!" [2]).

При такомъ отношеніи шляхетскаго общества къ уніи и уніятскому духовенству, католическая іерархія могла вполнѣ разсчитывать на его поддержку для обращенія уніятовъ въ католичество и приступила къ этому дѣлу въ половинѣ XVIII столѣтія смѣло и открыто въ тѣхъ областяхъ, гдѣ унія окончательно вытѣснила православіе. Одинъ изъ католическихъ епископовъ Червоной Руси, Перемышльскій епископъ, впослѣдствіи Львовскій архіепископъ—Сѣраковскій, издалъ программу дѣйствій для католическаго духовенства; въ запискѣ этой онъ утверждалъ, что унія, хотя и пользовалась терпимостью въ католической церкви, но она не представляетъ надлежащей полноты и чистоты религіознаго ученія; что уніяты слишкомъ еще тѣсно связаны съ восточною церковью преданіями, обрядами, святынею и народностью, что они, при каждомъ удобномъ случаѣ, могутъ перейти обратно въ православіе и что, вслѣдствіе этихъ соображеній, должно поспѣшить перевести ихъ прямо въ латинство; для того слѣдуетъ пользоваться всевозможными обстоятельствами и не упускать ни одного случая, какъ частнаго, такъ и общаго, не воспользовавшись имъ для проведенія вышеуказанной цѣли. Напрасно уніятское духовенство, встревожившись формулировкою угрожавшаго имъ направленія, составило соборъ и издало за подписью всѣхъ членовъ уніятской іерархіи длинную записку, силившуюся опровергнуть доводы Сѣраковскаго и доказать правовѣрность и самостоятельность уніятской церкви [3]); на отвѣтъ ихъ католики не обратили никакого вниманія: программа, представленная Сѣраковскимъ, была произведеніемъ не одного лица, она послѣдовательно вытекала изъ давно обдуманнаго католиками плана дѣйствій, къ которому клерикальная католическая партія стремилась въ Польшѣ съ конца XVI столѣтія. Въ исполненіи этого плана переходъ православныхъ въ унію предполагался только въ качествѣ перваго дѣйствія религіозно-политической драмы; за нимъ необходимо должно было слѣдовать второе дѣйствіе, которое, какъ предполагали поборники Рима, должно увѣнчать ихъ долгія усилія переходомъ уніятовъ въ латинство.

---

1) Ibid. № CXX, стр. 265.
2) Ibid. №№: CX, стр. 238; CLXXXIX, стр. 421 и CCII, стр. 472.
3) Ibid. № CCV, стр. 478—509.

Дѣйствительно католическое духовенство высшее и низшее, бѣлое и монахи всевозможныхъ орденовъ, принялись за новое дѣло съ горячимъ усердіемъ. Изъ длинной записки, составленной уніятскимъ епископомъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ отъ уніятскихъ благочинныхъ, мы можемъ прослѣдить пріемы, пущенные ими въ ходъ для достиженія своей цѣли [1]): мы узнаемъ изъ этой записки, что въ теченіи только 7-ми лѣтъ (1758—1765) въ трехъ уніятскихъ эпархіяхъ: Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской обращено было въ католичество болѣе 1000 лицъ, которыя уніятское духовенство могло указать по имени и разсказать подробности ихъ обращенія; сколько притомъ дѣтей, рожденныхъ отъ родителей уніятовъ, было крещено католическими ксендзами, сколько лицъ перешло въ католичество безъ огласки, такъ, что подробныя свѣдѣнія о нихъ не могли быть собраны благочинными?—о томъ записка не упоминаетъ. Вообще, по имѣющимся показаніямъ, видно, что переходъ совершался подъ вліяніемъ трехъ главныхъ побудительныхъ причинъ: пропаганды ксендзовъ, вліяній, развивавшихся въ средѣ семейной жизни при смѣшанныхъ бракахъ, и вліянія господъ и помѣщиковъ на своихъ слугъ и крестьянъ.

Пропаганда, веденная католическими монахами и священниками была основана не столько на поученіи, на доказательствахъ о превосходствѣ обрядовъ или ученія католической церкви, сколько на чисто мірскихъ соображеніяхъ: католичество выставлялось вѣроисповѣданіемъ господствующимъ, благороднымъ, панскимъ;—унія ученіемъ невѣжественнымъ, мужицкимъ, презрѣннымъ, свойственнымъ неблагородной русской породѣ людей. „Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана (ксендза) для пана“ поговаривалъ публично одинъ изъ ксендзовъ; въ другомъ мѣстѣ католическіе монахи предприняли цѣлый рядъ проповѣдей, съ тою цѣлью, чтобы доказать, что „латинская вѣра лучше и благопристойнѣе уніи“ [2]). Болѣе усердные ксендзы заходили еще дальше въ благочестивой ревности, утверждая, что унія не болѣе какъ ересь, сравнивали ее съ нехристіанскими вѣроисповѣданіями, обзывали „собачею вѣрою“. „Всякій Русинъ собака; вѣра ихъ—собачая вѣра!“ проповѣдывалъ канонникъ Косовскій передъ русскою уніятскою громадою въ селѣ Ясписках. Въ городѣ Жолкви ксендзъ Квяткевичъ, замѣтивши крестный католичеслій ходъ, направившійся изъ костела въ уніятскую церковь св. Тройцы, остановилъ его, и, обращаясь къ другимъ ксендзамъ, заявилъ публично въ присутствіи многихъ мѣщанъ уніятовъ: „зачѣмъ вы идете къ этимъ негодяямъ, капустнякамъ (sic), схизматамъ; я увѣряю ваши милости, что приличнѣе смотрѣть на собакъ, чѣмъ на эту русскую каналью!“ Въ селѣ Тысьменичанахъ, ксендзъ Томицкій, среди многочисленнаго собранія народа, издѣвался надъ обрядами уніятской церкви, утверждая между прочимъ: „что ваше церковное пѣніе похоже на вой

---

[1]) Ibid. № CCX, стр. 521—580.
[2]) Ibid. стр. 537 и 561.

собакъ!" [1]) Езуиты въ проповѣдяхъ утверждали: „что обряды уніятской церкви достойны посмѣянія, что ея ученіе хуже вѣры Турецкой, Еврейской и Лютеранской, что никто изъ послѣдователей ея не можетъ быть спасенъ, что церкви уніятскія хуже еврейскихъ синагогъ". На храмовой праздникъ въ мѣстечкѣ Ходоровѣ каноникъ Монастырскій пригласилъ въ костелъ уніятскихъ священниковъ для соборнаго служенія, но когда одному изъ нихъ пришлось читать евангеліе и чтецъ сталъ произносить славянскій текстъ, то Монастырскій прервалъ чтеніе хохотомъ и насмѣшками Тотъ-же каноникъ приглашенъ былъ для совершенія брачнаго обряда въ уніятскую церковь, но онъ потребовалъ, чтобы молодые явились вѣнчаться къ нему на домъ, утверждая, что онъ не пойдетъ въ „кучку къ карапмамъ"—Особенно ревностно занявшійся обращеніемъ уніятовъ ксендзъ Цвейнарскій, преслѣдовалъ насмѣшками всѣ обряды и таинства уніятской церкви; онъ между прочимъ публично доказывалъ, что уніятскіе священники „не крестятъ дѣтей, а лишь оскверняютъ" и т. д. [2]). Такіе и тому подобные отзывы объ уніи сдѣлались общимъ ходячимъ мѣстомъ въ средѣ католическихъ ксендзовъ и дворянъ, они повторяются повсемѣстно и составляютъ самое общее явленіе католической пропаганды того времени [3]). Насмѣшки и презрѣніе, которыми надѣляли уніятовъ, особенно сильно развиты были въ школахъ и имѣли рѣшительное вліяніе на учениковъ; мы встрѣчаемъ многочисленныя указанія на то, что мальчики уніяты, подвергаясь постояннымъ насмѣшкамъ со стороны учителей и сотоварищей, не были въ состояніи вынести ихъ и спасались переходомъ въ католичество [4]). Ксендзы, желая тѣмъ-же оружіемъ дѣйствовать и на взрослыхъ, не ограничивались порицаніемъ уніи на словахъ, въ рѣчахъ и проповѣдяхъ; они старались представить наглядныя доказательства зависимости уніятской церкви, ея второстепеннаго положенія и неблагороднаго значенія; такъ, между прочимъ, установился повсемѣстно обычай, въ силу котораго ксендзы запрещали въ уніятскихъ церквяхъ звонить въ колокола въ день св. Пасхи, въ случаѣ, если она приходилась раньше католической и совпадала съ послѣдними недѣлями поста у католиковъ; если уніятскій священникъ не повиновался этому запрету, то ему приходилось испытывать довольно крутыя мѣры преслѣдованія со стороны ксендзовъ. Такъ, напримѣръ, одинъ приходской священникъ, въ наказаніе за то, что приказалъ звонить во-время всенощной на св. Пасху, былъ арестованъ, жившими въ одномъ съ нимъ мѣстечкѣ, Доминиканцами; вмѣсто тюрьмы, его посадили въ склепъ костельный и продержали тамъ всю ночь среди гробовъ и покойниковъ [5]) Если при исполненіи какого-нибудь церковнаго обряда

---

[1]) Ibid. стр.: 524, 525, 557.
[2]) Ibid. стр. 546—547.
[3]) Ibid. стр.: 541, 543, 547, 550, 563, 565, 572.
[4]) Ibid. стр. 531, 538, 549, 561, 563.
[5]) Ibid стр. 567.

сходились вмѣстѣ католическіе и уніятскіе священники, то первые держали себя гордо и неприступно по отношенію ко вторымъ, и старались избѣгать ихъ общества; такъ мы имѣемъ свѣдѣніе о томъ, что нѣсколько уніятскихъ священниковъ было приглашено для участія въ погребальной процессіи въ кармелитскій монастырь; послѣ совершенія обряда католическое духовенство было приглашено на обѣдъ въ монастырскую столовую, уніятскимъ-же священникамъ монахи выслали закуску въ конюшню [1]).

Если презрѣніе, оказываемое католическимъ духовенствомъ уніятской церкви, заставляло многихъ переходить въ латинство, то еще большее количество уніятовъ оставляло свою церковь вслѣдствіе вліянія, развивавшагося въ семейной жизни при смѣшанныхъ бракахъ. Обыкновенно католическая личность, руководимая совѣтами ксендзовъ, старалась повліять на членовъ семьи уніятовъ, нерѣдко съ помощью насилія, для того, чтобы заставить ихъ принять католичество; почти всегда дѣти отъ такихъ браковъ крестились у ксендза и дѣлались католиками; ксендзы потому и старались поощрять смѣшанные браки, нерѣдко принуждали уніятовъ къ ихъ заключенію побоями и насиліями; бывали случаи, что ксендзъ, напоивъ до пьяна жениха, тутъ-же вѣнчалъ его съ католичкою въ пьяномъ видѣ; не ограничиваясь этимъ, католическіе ксендзы часто вѣнчали уніятовъ съ католичками и обратно даже въ такихъ случаяхъ, когда новобрачные не были уже свободны и раньше вступили въ бракъ съ другими лицами, остававшимися еще въ живыхъ. Лишь только образовывалась такая семья, ксендзъ являлся въ нее для исполненія требъ и мало-по-малу обращалъ всю семью въ католичество.

Дворяне-католики, относясь, подобно католическому духовенству, съ полнымъ презрѣніемъ къ уніи, принуждали внушеніями, побоями, притѣсненіями слугъ своихъ и крестьянъ переходить въ католичество, ослушныхъ или медлившихъ они понуждали взысканіями, штрафами и стѣснительными экономическими мѣрами, такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ повсемѣстное явленіе, что помѣщики заставляли крестьянъ уніятовъ отбывать барщину въ праздничные дни; когда-же послѣдніе ссылались на церковныя постановленія, то шляхтичи отвѣчали насмѣшкою: „ваши русскіе праздники обязательны только до полудня, позже этого времени они таютъ какъ иней на солнцѣ".

Всѣ указанные пріемы конечно не составляли и десятой доли того преслѣдованія, которое испытывало православіе, но они были достаточны для того, чтобы повернуть уніятовъ въ католичество. Унія не имѣла подобно православію на своей сторонѣ ни преданія, ни ясно очерченнаго самостоятельнаго ученія—навязанная весьма недавно народу въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ областяхъ речипосполитой, она не успѣла пустить корней; народъ относился къ ней равнодушно, готовъ былъ промѣнять ее съ полнымъ индеферентизмомъ на любое другое христіанское вѣроисповѣданіе и, конечно, не былъ рас-

---

[1]) Ibid. стр. 538.

положенъ нести жертвы въ защиту ея. Вѣроятно унія не выдержала-бы и этого первоначальнаго столкновенія, еслибы время позволило сколько-нибудь продлить его; но времени для этого не достало: въ 1772 году Червоная Русь перешла во владѣніе Австріи и унія нашла пріютъ и спокойствіе подъ сѣнью вѣротерпимой власти Іосифа II.

Вызванная политическою и религіозною интригою, унія лишена была жизненной силы со дня своего рожденія. Какъ политическое орудіе, вложенное въ руки шляхетскаго сословія езуитами, она годна была только для того, чтобы подъ знаменемъ своимъ укрыть насиліе, дѣйствовавшее не въ ея интересахъ и готовое обратиться на свое же орудіе, лишь только минуетъ въ немъ надобность. Ненавистная для православныхъ жителей речипосполитой, какъ знамя кроваваго гнета, презрѣнная для католиковъ какъ подставная полумѣра, какъ уступка „схизмѣ", религіозная унія пережила печально свою историческую судьбу. Тамъ, гдѣ она исчезла, она оставила въ памяти народонаселенія только воспоминаніе о минувшемъ тяжеломъ бѣдствіи, въ тѣхъ-же немногихъ областяхъ, гдѣ она дожила до нашего времени, она продолжаетъ вести борьбу съ католичествомъ за свое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ должна находиться въ полномъ подчиненіи и въ формальномъ, внѣшнемъ согласіи съ поглощающимъ ее противникомъ.

ЛѢТОПИСЬ САТАНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Лѣтопись Сатановскаго монастыря [1].

Въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи, на берегу рѣки Збруча, отдѣляющей русское Подоліе отъ австрійскаго, расположено мѣстечко Сатановъ. Мѣстечко это принадлежитъ вѣроятно къ числу самыхъ древнихъ поселеній Подолія; въ окрестности его находятся понынѣ еще памятники первобытнаго населенія: многочисленные курганы, скальныя пещеры и большой земляной валъ, который тянется параллельно Збручу и потомъ теряется на правой сторонѣ этой рѣки въ Галиціи.

Первое, извѣстное намъ, историческое упоминаніе о Сатановѣ относится къ 1404 году, когда онъ былъ пожалованъ королемъ Ягайломъ польскому шляхтичу Петру Шафранцу. Въ началѣ XVI столѣтія Сатановъ числился уже мѣстечкомъ и принадлежалъ знатному роду польскихъ дворянъ Одровонжей изъ Спрова; въ 1532 г. Сигизмундъ I, по просьбѣ владѣльца, увольнилъ жителей мѣстечка отъ уплаты податей въ теченіи 8 лѣтъ вслѣдствіе того, что оно сильно пострадало отъ татарскаго набѣга. Въ 1641 году владѣтельница Сатанова, Екатерина Сенявская, возвела мѣстечко на степень города, пожаловавъ ему привиллегію на „Магдебургское право“; оговоривъ однако въ привилегіи, что она оставляетъ за собою право назначать войта, а также ограничиваетъ судебную власть общины, требуя, чтобы, по аппелляціи отъ городскихъ коллегій, всѣ дѣла окончательно рѣшались ея намѣстникомъ и затѣмъ утверждались помѣщикомъ. За эту, весьма сомнительную, городскую автономію на мѣщанъ помѣщица возложила обязанность постройки и содержанія городскихъ укрѣпленій и спабженія ихъ артиллеріею и боевыми при-

---

[1]) Замѣтка эта была напечатана въ Кіевской Старинѣ 1882 года—Февраль.

пасами.—Какъ воспоминаніе о бывшемъ магдебургскомъ правѣ до недавняго времени въ магистратѣ мѣстечка хранились два меча—одинъ, служившій для казни преступниковъ христіанъ, другой, такъ называемый „*кошерный*“ для казни евреевъ.

Въ началѣ 1651 года западная полоса Подолія была театромъ упорной борьбы поляковъ съ Хмѣльницкимъ; въ это время Сатановъ былъ разрушенъ „опрышками“, выдававшими себя за козаковъ и жители его выселились добровольно за Днѣпръ. Въ 1676 году Сатановъ былъ окончательно разрушенъ турками во время ихъ борьбы съ поляками за обладаніе Подоліемъ; по свидѣтельству современниковъ въ городѣ погибло въ это время до 4,000 человѣкъ. Только въ началѣ XVIII столѣтія Сатановъ сталъ вновь населяться; въ 1722 году владѣлецъ города, гетманъ коронный Сенявскій, построилъ новыя укрѣпленія, состоявшія изъ каменныхъ стѣнъ и башенъ; городъ сталъ мало по малу возрастать и пріобрѣлъ значеніе довольно важнаго торговаго рынка; въ немъ поселились купцы греческіе, армянскіе и еврейскіе и въ 1744 году новый владѣлецъ, кн. Чарторыйскій, выхлопоталъ привилегію на большую четырехнедѣльную ярмарку. Еврейская мѣстная община славилась богатствомъ и почетомъ среди кагаловъ Подольской земли; когда въ половинѣ XVIII столѣтія возникла въ Подоліи среди еврейскаго населенія мистическая секта Франкистовъ, то въ 1756 году въ Сатановѣ назначенъ былъ съѣздъ еврейскихъ раввиновъ изъ двухъ сосѣднихъ воеводствъ, которому предоставлено было судить сектантовъ и заставить ихъ покаяться.

Вотъ краткій перечень событій, относящихся къ исторической судьбѣ мѣстечка. Но кромѣ того Сатановъ извѣстенъ въ религіозномъ отношеніи древнимъ своимъ монастыремъ. Монастырь этотъ—Святотроицкій находится въ двухъ верстахъ къ югу отъ мѣстечка. Ни время его основанія, ни первоначальная исторія намъ неизвѣстны; мы знаемъ, что онъ существовалъ уже въ 1600 году, затѣмъ въ 1707 г. имъ завладѣли уніаты и только послѣ 1793 года онъ былъ возвращенъ въ православіе.

Одинъ изъ уніатскихъ игуменовъ, управлявшихъ сатановскимъ монастыремъ, Модестъ Сильницкій, въ 1770 году возъимѣлъ мысль вести монастырскую лѣтопись; для этого онъ собралъ всѣ преданія какъ среди братіи, такъ и у окрестныхъ старожиловъ о предшествовавшей судьбѣ монастыря и записалъ ихъ въ книгу въ видѣ введенія; затѣмъ какъ онъ самъ, такъ и его преемники вносили въ эту книгу по годамъ всѣ событія, относившіяся какъ къ жизни монастыря, такъ и къ судьбѣ ближайшей области. Лѣтопись продолжалась до 1793 года, на которомъ и прекращается. Такимъ образомъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ исторіи сатановской обители почти за цѣлое XVIII столѣтіе. Въ настоящее время лѣтопись эта хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2106); это небольшая книга in folio въ 56 листовъ сѣрой бумаги, писанная по польски нѣсколькими почерками конца XVIII вѣка и носящая слѣдующее заглавіе: „Книга исторіи сатановскаго мо-

настыря, ордена св. Василія, русской провинціи—сооружена 5 іюня, 1770 года" [1]).

Между листами лѣтописи въ книгу вставлены циркуляры провинціаловъ базиліанскаго ордена, рукописныя ихъ письма и распоряженія, а также копіи монастырскихъ документовъ; вставки эти составляютъ 17 листовъ, такъ, что только остальные 39 заняты собственно лѣтописью. Мы передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, такъ какъ сообщаемыя ею извѣстія, помимо мѣстнаго интереса, представляютъ бытовыя черты для характеристики отношеній, существовавшихъ въ краѣ въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1770 году монахи помнили, что старая церковь, деревянная, находилась у подножія горы, на которой стоитъ нынѣшняя каменная церковь; она была разрушена только въ 1744 году за ветхостью; на куполѣ ея былъ вырѣзанъ „1600 рокъ". Отъ старой церкви остались лишь прилегавшія къ ней, высѣченныя въ скалѣ пещеры. Во время турецкаго господства въ Подоліи (1672—1699) монастырь не переставалъ существовать и къ этому времени относится первое уцѣлѣвшее въ памяти монаховъ имя игумена—это былъ Исаія Рулыка, скончавшійся въ 1701 году; семьдесятъ лѣтъ спустя монахи указывали еще въ монастырскомъ саду посаженную имъ яблоню. Преемникомъ его былъ Сильвестръ, утонувшій въ рѣкѣ Збручѣ, о чемъ еще въ 1770 году свидѣтельствовала надпись на каменномъ крестѣ, стоявшемъ на его могилѣ на монастырскомъ огородѣ. Послѣ смерти Сильвестра уніаты завладѣли монастыремъ и первымъ уніатскимъ игуменомъ былъ Варѳоломей Холодискій, сынъ приходскаго священника Сатановскаго предмѣстія: „*Святопокровскіе Фольварки*". Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, отецъ Варѳоломея былъ обезглавленъ татарами въ церкви, во время отправленія литургіи; это обстоятельство потрясло сына и заставило его поступить въ монахи. Въ игуменство Холодискаго Сатановскій монастырь посѣтилъ Петръ Великій. Возвращаясь изъ прутскаго похода, онъ гостилъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ Сатановскомъ замкѣ у его владѣльца, великаго короннаго гетмана, Адама Сенявскаго. При посѣщеніи монастыря, царя встрѣтилъ весьма краснорѣчивою рѣчью іеромонахъ Іосифъ Чижевскій. Рѣчь его была прервана довольно страннымъ образомъ; къ оратору подкрался царскій шутъ, и обрѣзалъ ему бороду. Петръ прикрикнулъ на шута и приказалъ вознаградить іеромонаха за обиду. Пострадавшій Чижевскій считался въ то время лучшимъ проповѣдникомъ базиліанскаго ордена; благодаря своему краснорѣчію, онъ имѣлъ большое вліяніе на гетмана Сенявскаго, у котораго выхлопоталъ въ пользу Сатановскаго монастыря дарственную запись на садъ, огородъ, 180 дней поля и 100 дней сѣнокоса (всего до 200 десятинъ), а также на право пользованія владѣльческимъ лѣсомъ.

---

[1]) Xięga historji monasteru Satanowskiego, Z. S. Bazylego w prowincji Ruskiej—roku 1770, die 5 miesiąca Czerwca sporządzona.

Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ, почти безъ всякихъ подробностей, имена четырехъ игуменовъ: Леонтія Ордынскаго родомъ изъ Гусятина, Моисея Стопчанскаго, служившаго долго въ чинѣ поручика въ панцырной хоругви Сенявскаго, на старости лѣтъ постригшагося въ монахи и внесшаго значительный вкладъ въ монастырскую кассу, Добржанскаго, изъ дворянъ теребовельской земли и Діонисія Вишньовскаго. Съ 1732 по 1762 годъ игуменомъ сатановскаго монастыря былъ Варлаамъ Савицкій, человѣкъ весьма дѣятельный и энергическій; на собранныя имъ пожертвованія построена была новая (нынѣ существующая) каменная церковь, оконченная въ 1744 году, затѣмъ выстроено новое каменное двухэтажное зданіе для монастыря, пріобрѣтено много церковной утвари, ризъ и т. д. Послѣ перехода Савицкаго игуменомъ въ первоклассный Уневскій монастырь, въ Сатановѣ былъ игуменомъ (1762—1765) Бонифатій Рыхловскій, но въ 1765 г. Савицкій уступилъ ему свое мѣсто въ Уневѣ, а самъ возвратился въ Сатановъ, гдѣ и скончался въ 1766 году; погребенъ въ церкви у праваго клироса. Преемникомъ его былъ составитель лѣтописи Модестъ Сильницкій (1766—1771), успѣвшій впрочемъ записать за время своего игуменства только два болѣе крупныя событія: пожертвованіе въ пользу монастыря суммы въ 30,000 злотыхъ извѣстнымъ каневскимъ старостою, Николаемъ Потоцкимъ, и извѣстіе о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Подоліи въ 1770 году. Зараза посѣтила и монастырь, въ которомъ жертвами ея пали 6 монаховъ и до 150 монастырскихъ крестьянъ. Послѣ перехода Сильницкаго въ Каменецъ, игуменомъ въ Сатановѣ былъ (1771—1772 г.) Анатолій Водлинскій; онъ очень подробно вносилъ въ лѣтопись описанія церковныхъ церемоній, циркуляры и распоряженія орденскаго базиліанскаго начальства, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, о посѣщеніяхъ монастыря знатными панами, о своихъ спорахъ съ управителями Сатановскаго имѣнія и т. д.; но среди этихъ мелкихъ извѣстій мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго. Преемникъ его, Константинъ Улашевичъ, (1772—1775) почти не оставилъ слѣда въ лѣтописи; послѣ его перехода игуменомъ въ Люблинскій уніатскій монастырь, въ Сатановѣ сталъ игуменомъ Левъ Заславскій (1775—1777). При этомъ игуменѣ въ лѣтописи записанъ очень характерный фактъ: на провинціальномъ съѣздѣ представителей базиліанскаго ордена рѣшено было избрать Сатановскій монастырь мѣстомъ для вѣчнаго заточенія монаховъ, приговоренныхъ судомъ ордена къ погребенію за-живо; игуменъ внесъ въ лѣтопись копію присланной ему по этому поводу провинціаломъ инструкціи. Онъ долженъ былъ приготовить келью опредѣленныхъ размѣровъ въ концѣ монастырскаго корридора: устройство келіи, размѣры окна и желѣзной въ немъ рѣшетки, устройство отхожаго отверстія въ стѣнѣ, составъ постели, одежды, бѣлья и пищи узниковъ опредѣлены въ ней съ кропотливою точностью. Вскорѣ оказалось, что келія была заказана не даромъ: въ 1775 году въ Сатановъ присланъ былъ, убѣжавшій изъ одного изъ уніатскихъ монастырей, іеромонахъ Филимонъ Витошинскій, впослѣдствіи арестованный и, по опредѣленію властей ордена, приговоренный къ пожизненному тюремному за-

ключенію. 12 октября онъ былъ введенъ въ келію и, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній инструкціи, заживо похороненъ. Препровождая его въ келію, совершали погребальное богослуженіе и отпѣвали, какъ покойника; призванные игуменомъ каменьщики задѣлали двери кирпичною кладкою, оставивъ лишь маленькое отверстіе, черезъ которое узникъ долженъ былъ получать пищу и въ опредѣленные сроки исповѣдываться и причащаться. Изъ приложенной къ лѣтописи копіи приговора не видно, за какіе проступки наказанъ былъ Витошинскій; въ приговорѣ указана только его самовольная отлучка изъ монастыря и прибавлена общая фраза о томъ, что вообще поведеніе его неисправимо („super incorrigibilitate vitae"). Послѣ акта погребенія, въ теченіи 18-ти лѣтъ лѣтопись умалчиваетъ о немъ совершенно; такъ какъ не внесено въ нее извѣстія ни о его смерти, ни о помилованіи, то можно предполагать, что онъ дожилъ до 1793 года и, въ такомъ случаѣ, вѣроятно былъ освобожденъ при переходѣ края подъ власть русскаго правительства. Преемникомъ Заславскаго былъ игуменъ Амвросій Гнатовичъ (1777—1785), оставившій самыя подробныя замѣтки въ лѣтописи. Изъ помѣченныхъ имъ фактовъ болѣе интересны слѣдующіе: 1778 года произведенъ первый рекрутскій наборъ въ Галиціи (съ 1772 г. она присоединена была къ Австріи); въ томъ-же году 4 іюня громъ разрушилъ куполъ монастырской церкви; 1779 года сооружена серебряная риза на образъ. Въ 1780 г. отлитъ новый колоколъ 38½ пудъ вѣсомъ; отливалъ его „мастеръ, людвисаръ (литейщикъ) въ Черномъ Островѣ, Василій Островскій". Въ сентябрѣ того-же года саранча налетѣла изъ-за Днѣстра и зарылась въ землю въ Подоліи. Въ октябрѣ появилась въ Волочискахъ чума, завезенная туда изъ Балты. Весною 1781 года саранча развилась, ее стали очень усиленно уничтожать, но новыя массы ея пришли изъ-за Днѣстра и покрыли поля слоемъ „толщиною въ полъ колѣна". Она улетѣла на западъ, но въ августѣ возвратилась и вновь зарылась въ землю. Въ томъ-же году польскій король Станиславъ выѣзжалъ въ Вишневецъ на Волыни на встрѣчу наслѣднику русскаго престола, великому князю Павлу Петровичу, проѣзжавшему въ Вѣну. Въ 1782 г. въ Австріи закрыты были женскіе монастыри. Записано наконецъ, что Іосифъ II посѣтилъ Галицію, проѣхалъ на границу въ Жванецъ и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія Хотина.

Подъ 1782 годомъ помѣщена интересная замѣтка о смерти каневскаго старосты: это тотъ извѣстный Николай Потоцкій, староста каневскій, который такъ прославился неукротимымъ самодурствомъ, жестокостью и развратомъ. Многочисленныя разсказы о подвигахъ „пана каневскаго", какъ называетъ его народъ, остались по нынѣ въ памяти всѣхъ сословій югозападнаго края, особенно въ Каневѣ и его окрестностяхъ. Староста каневскій поочередно то затворялся въ одномъ изъ уніатскихъ монастырей, гдѣ предавался особаго рода богомолію, соединяя аскетизмъ, кощунство и развратъ, то переселялся въ каневскій замокъ, и, окружившись слугами шляхтичами и надворными козаками, проводилъ время въ оргіяхъ, среди которыхъ стрѣлялъ въ цѣль въ людей, топталъ народъ лошадью, душилъ евреевъ, укладывая ихъ въ видѣ сноповъ

па возы и придавливая до смерти „рублемъ“ (шестомъ) и т. д. Одно изъ любимыхъ развлеченій его состояло въ томъ, что онъ приказывалъ похищать дѣвушекъ, вечеромъ вѣнчался на нихъ, а на другой день приказывалъ бросать ихъ въ рѣку, зашивъ въ кожаный мѣшокъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ послужилъ основою для прекрасной народной пѣсни: „Бондаривна“. Въ старости панъ каневскій сталъ помышлять о будущей жизни и щедростью въ пользу монастырей католическихъ и особенно базиліанскихъ старался искупить грѣхи своей жизни. Упомянутая замѣтка характеризуетъ отношеніе къ нему облагодѣтельствованнаго имъ уніатскаго духовенства. Вотъ ея текстъ: „скончался ясневольможный Николай Потоцкій, воеводичь белскій, кавалеръ мальтанскаго ордена, вельможа, отличавшійся неимовѣрною щедростью въ пользу монастырей, особенно нашихъ (т. е. уніатскихъ), находящихся въ Польшѣ. Отъ его щедротъ и нашъ Сатановскій монастырь получилъ значительную поддержку—капиталъ въ 30,000 злотыхъ. Вельможа этотъ, проживъ 76 лѣтъ, переселился въ вѣчность 13 дня апрѣля въ Почаевѣ, гдѣ онъ былъ неимовѣрно щедрымъ ктиторомъ и основателемъ монастыря. Всѣ ордена и монастыри, особенно-же наши, неимовѣрно о немъ сожалѣютъ и за его многочисленныя благодѣянія обязаны вѣчной благодарностью и должны неусыпно молиться о душѣ его. Погребенъ онъ въ Почаевѣ съ должнымъ благолѣпіемъ, при стеченіи многочисленныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, украсившихъ своимъ присутствіемъ погребальную церемонію: луцкаго уніатскаго епископа е. м. Стецкаго, и латинскаго викарнаго епископа Качковскаго. Надгробныя рѣчи говорили священники: Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій генералъ базиліанскаго ордена, нынѣ архимандритъ жидичинскій и Іосафатъ Охоцкій, нареченный архимандритъ овручскій. Въ нашемъ монастырѣ, помимо поминальнаго богослуженія, обязательнаго какъ за ктитора, отправленъ былъ парастасъ и соборное служеніе всею братіею. Колокола неумолкаемо звенѣли въ теченіи цѣлой недѣли“.

После перевода Гнатовича игуменомъ въ Мильчъ, въ Сатановѣ должность игумена занялъ Ипатій Кухальскій (1785—1788). Многочисленныя записи, внесенныя имъ въ лѣтопись, посвящены почти исключительно подробностямъ его спора съ управляющимъ Сатановскимъ имѣніемъ, только подъ 1786 годомъ помѣчена кончина генерала базиліанскаго ордена, Іосифа Моргульца, а подъ 1788 свѣдѣніе о взятіи Хотина русскими и австрійскими войсками. Въ заключеніе Кухальскій помѣстилъ польское двухстишие и латинскій къ нему комментарій слѣдующаго содержанія:

Dzban gdy wypił wieczorem, rano bolał Janek;
Wolałby sto wieczorów niżli jeden ranek.
Mihi hoc applicui—P. Hypatius Kuchalski

(Ваня, выпивъ вечеромъ кувшинъ, утро проболѣлъ!
Предпочелъ-бы онъ сто вечеровъ утру одному.
Это я примѣняю къ себѣ—Ипатій Кухальскій.

Преемникомъ этого веселаго игумена былъ Онуфрій Тучанскій ((1788—1793). При немъ, подъ 1793 годомъ, записано, что 4 апрѣля русскій капитанъ Ильинъ пріѣзжалъ въ монастырь приводить монаховъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II, а 16 Іюля того-же года назаченъ былъ въ Сатановскій монастырь новый игуменъ, Бенидиктъ Орачевскій.

На этомъ извѣстіи и прекращается монастырская лѣтопись.

